РОССІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

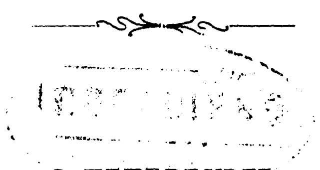
ПО ЗАКАВКАЗЬЮ, ТУРКМЕНІИ, БУХАРѢ, САМАРКАНДСКОЙ, ТАШКЕНТСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТЯМЪ, КАСПІЙСКОМУ МОРЮ И ВОЛГѢ.

Евгенія Маркова.

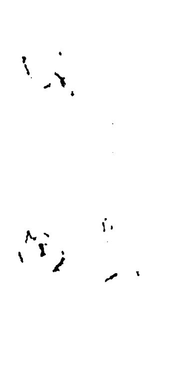
ВЪ 2-ХЪ ТОМАХЪ И 6 ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ I-й.

Ч. I. Побережья Кавказа. Ч. II. Въ Туркменіи.
Ч. III. На Оксусѣ и Яксартѣ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.
1901.



3035

Эта длинная повѣсть моихъ странствованій по новымъ и дальнимъ путямъ посвящается другу моему брату Николаю Львовичу Маркову, строителю многихъ новыхъ путей, доброе содѣйствіе котораго не мало помогло мнѣ одолѣть и этотъ нелегкій путь въ глубины Азіи...

Евгеній Марковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

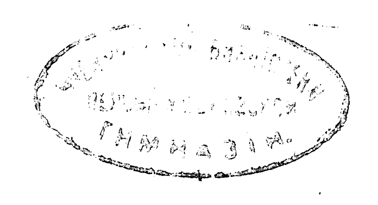
Томъ I.

Часть I. Побережья Кавказа.

Часть II. Въ Туркменіи.

СТРАН.

Часть III. На Оксусѣ и Яксартѣ.



НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ДЛЯ ВСТУПЛЕНІЯ.

Неотвратимыя событія исторіи роковымъ образомъ издавна направляютъ силы многомильоннаго народа русскаго на востокъ, въ безпредѣльныя равнины Азіи. Россія съ каждымъ годомъ растетъ въ эту сторону словно противъ воли своей, подчиняя себѣ по очереди одинъ азіатскій народъ за другимъ, присоединяя къ своему могучему тѣлу одну восточную страну вслѣдъ за другою. Казанское, Астраханское, Касимовское, Крымское, Сибирское царства былыхъ нашихъ владыкъ татаръ воплотились уже настолько прочно въ русскій государственный организмъ, что сдѣлались теперь чистокровною Русью. Многочисленныя орды калмыковъ, башкиръ и киргизовъ разныхъ именованій, населяющія необозримыя степныя окраины нашей Имперіи,—эти хаотическіе остатки когда-то побѣдоносныхъ народовъ, громившихъ Азію и Европу,— стали тоже вѣрными подданными Бѣлаго Царя. Наконецъ уже на нашей памяти хищническія ханства и племена Серединной Азіи, сильныя и опасныя не только воинственнымъ духомъ своего многочисленнаго населенія, но и природною недоступностью ихъ разбойническихъ гнѣздъ,—Хива, Бухара, Туркменія, Коканъ,—еще при нашей жизни угонявшія въ

полонъ русскихъ людей и продававшія нашихъ земляковъ на невольничьихъ базарахъ какъ барановъ,—были разгромлены геройскими подвигами нашихъ Черняевыхъ, Скобелевыхъ, Куропаткиныхъ,—и приведены въ покорность Русскому Царю. Россія, хотя и черезъ 650 лѣтъ, собралась все таки отплатить своимъ былымъ побѣдителямъ, потомкамъ Чингиса и Тамерлана, за ихъ непрошенный, два вѣка тянувшійся, визитъ въ ея неустроенный тогда родной домъ,—теперешнимъ визитомъ къ нимъ въ ихъ собственномъ старомъ гнѣздѣ.

Всѣ эти обстоятельства сдѣлали Азіатскую часть Россіи крайне важнымъ составнымъ элементомъ ея государственнаго организма, требующимъ отъ просвѣщенныхъ русскихъ людей глубокаго вниманія къ условіямъ существованія и потребностямъ этихъ свѣжеприсоединенныхъ къ намъ странъ и народовъ, и основательнаго знакомства съ природой, исторіей и этнографіей ихъ. А между тѣмъ мы, русскіе, во сто разъ лучше и основательнѣе знаемъ каждое мелкое мѣстечко Италіи, Швейцаріи, Германіи и Франціи, ничѣмъ не касающіяся нашихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, чѣмъ свои собственныя многоцѣнныя и крайне любопытныя пріобрѣтенія въ Средней Азіи, которыя къ тому же въ смыслѣ новизны, оригинальности и выразительности характера, несравнимо привлекательнѣе, чѣмъ давно всѣмъ пріѣвшіяся, и всѣмъ заранѣе вѣдомыя, похожія одно на другое, какъ капли воды, шаблонныя условія ежедневно посѣщаемыхъ туристами европейскихъ мѣстностей. Да и сама природа могучихъ азіатскихъ горъ, рѣкъ и пустынь представляетъ собою столько дикой прелести и непочатой дѣвственности своего рода, что вполнѣ можетъ замѣнить ищущему свѣжихъ впечатлѣній путешественнику черезчуръ захватанныя красоты Альпъ и Рейна.

Въ русской литературѣ мнѣ неизвѣстны книги, посвященныя художественному изображенію съ натуры странъ и народовъ русской Средней Азіи, популярно знакомящія нашу образованную публику съ общею картиною этихъ любопытнѣйшихъ мѣстъ, ихъ природою, исторіею и жизнью, ихъ глубоко самобытными племенами, ихъ высоко интересными памятниками древности; такъ что эти далекія окраины въ глазахъ даже просвѣщеннаго большинства до сихъ поръ представляются какими то недоступными и непривлекательными пустынями,— опасными гнѣздами дикости и азіатскаго варварства. Я проѣхалъ эти страны изъ конца въ конецъ, отъ береговъ Каспія до подножія Алая и Памира, до границъ китайскаго Кашгара, вмѣстѣ съ женою своею, безопасно, какъ по русскимъ почтовымъ дорогамъ, встрѣчая вездѣ искреннее участіе и дѣятельную помощь, вездѣ спокойно наслаждался красотами природы и человѣческаго искусства, вездѣ могъ свободно наблюдать характерныя особенности быта и нравовъ нашихъ былыхъ враговъ и поработителей,—и могу смѣло сказать, что рѣдко какое другое путешествіе способно дать мыслящему странствователю, достаточно подготовившему себя къ этому дѣлу, столько поучительныхъ, богатыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, сколько даетъ ихъ осмысленное посѣщеніе нашихъ средне азіатскихъ владѣній.

Поэтому я думаю, что издаваемыя теперь мною книги о Средней Азіи будутъ вполнѣ своевременны и отвѣтятъ существенной потребности нашего общества имѣть наконецъ въ своихъ рукахъ популярное и живое описаніе этой народившейся на нашихъ глазахъ новой Азіатской Россіи.

Книги мои—не географія, не исторія, не экономическій трактатъ и не этнографическое изслѣдованіе. Книги мои—безпритязательный дневникъ писателя-художника, для кото-

раго одинаково любопытны и удивительныя явленія незнакомой ему природы, и чудныя созданія восточнаго искусства, и загадочные памятники сѣдой древности, и типическія черты быта многочисленныхъ чуждыхъ племенъ, среди которыхъ онъ странствуетъ, и поучительныя воспоминанія исторіи всевозможныхъ временъ, которыми освященъ едва не каждый шагъ въ этихъ ветхозавѣтныхъ странахъ, гдѣ еще до сихъ поръ живы имена Александра Македонскаго и первыхъ сподвижниковъ Магомета.

Мои живыя встрѣчи, знакомства, разговоры нашли въ этихъ книгахъ такое же мѣсто, какъ и характерные отзывы старинныхъ средневѣковыхъ путешественниковъ, и все мною видѣнное собственными глазами, слышанное собственными ушами въ области промышленной и торговой дѣятельности нашей родной русской народности въ этихъ непочатыхъ азіатскихъ окраинахъ я сообщаю, не мудрствуя лукаво, рядомъ съ разсказами о томъ геройскомъ мужествѣ, той выносливости и мощи родного русскаго воинства, которыя сдѣлали грознымъ русское имя во всей Азіи и слили подъ мирнымъ скипетромъ могущественнаго Царя русскаго всѣ эти полныя усобицъ, злодѣйствъ и неправды варварскія ханства.

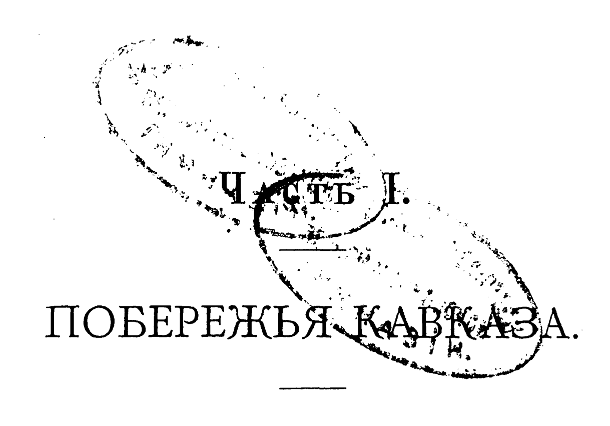
Поэтому я позволяю себѣ надѣяться, что книги мои не вызовутъ скуки въ читателѣ и не надоѣдятъ ему однообразіемъ и сухостью, къ сожалѣнію, довольно обычными въ описаніяхъ путешествій, чуждыхъ художественнаго чувства, разносторонности и жизненности впечатлѣній...

Я не счелъ нужнымъ ничего измѣнять ни въ редакціи, ни въ содержаніи этихъ путевыхъ впечатлѣній своихъ, хотя въ нѣсколько лѣтъ, протекшихъ со дня моей поѣздки въ Среднюю Азію, уже успѣли произойти тамъ нѣкоторыя перемѣны. Впечатлѣнія художника дороги именно своею искренностью,

своимъ, такъ сказать, первымъ пыломъ,—и прикасаться къ нимъ съ разными холодными поправками и позднѣйшими дополненіями, по моему значитъ—портить ихъ. Характеръ народа, физіономія страны, общій духъ жизни, въ которую со всѣмъ увлеченіемъ мысли и сердца погружался художникъ, вырѣжутся и въ впечатлѣніяхъ читателя несравненно ярче и осязательнѣе, когда онъ будетъ имѣть передъ собою подлинный оттискъ ихъ, въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ они отпечатлѣлись въ свое время въ живомъ и чуткомъ мозгу наблюдателя-художника...

Роковое безостановочное тяготѣніе Россіи и русскаго народа къ азіатскому востоку, такъ рѣзко подтвержденное послѣднимъ, неожиданнымъ и, можно сказать, даже невольнымъ движеніемъ нашимъ въ Манчжурію и Китай, снова выдвинувшимъ поразившія весь міръ боевыя доблести русскаго воинства, должно особенно усилить въ настоящее время интересъ и вниманіе нашего образованнаго общества къ азіатскимъ окраинамъ Россіи, и въ этомъ смыслѣ мои книги, быть можетъ, являются еще болѣе умѣстными.

Евгеній Марковъ.



ЧАСТЬ I.

ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА.

I.

У казаковъ.

Мы ѣдемъ на встрѣчу солнцу, на встрѣчу веснѣ. Грязи и холода кончились. Кончились съ ними и хлѣбныя поля. Проснулись утромъ, — и видя себя уже не въ царствѣ хлѣба, а въ царствѣ камня. Горный кряжъ провожаетъ насъ все время по правому берегу рѣки. Это все—сильно пропеченный глинистый сланецъ, сверкающій своими изломами и перевернувшій чуть не отвѣсно свои слои, правильные и многочисленные, какъ листы гигантской книги. Сначала рѣка Глубокая, потомъ и Сѣверный Донецъ. Переѣзжаютъ его между станціями Глубокой и Каменскою. Тутъ уже страна рудниковъ, страна угля и желѣза, новая Россія, невѣдомая еще такъ недавно самимъ русскимъ. Все это, можно сказать, возникло надняхъ. То и дѣло видишь новые поселки, безпорядочно раскинутые по скатамъ холмовъ, пріютившіеся у подножія всѣхъ ихъ питающаго каменнаго кряжа. «Не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ!» Въ простодушное евангельское время замѣнить хлѣбъ камнемъ казалось злою на-

смѣшкою, а въ наши зломудрые дни камень, сплошь да рядомъ, кормитъ человѣка лучше хлѣба. Земля тутъ уже не черная, а какая-то разноцвѣтная, глинистая, каменистая. И названія поселковъ характерныя: «Каменка», «Шахтная», «Горная». Черныя трубы заводовъ на каждомъ шагу, да и домики уже цивилизованные, съ тесовыми и желѣзными крышами, а не съ наивными соломенными или камышевыми, какъ любитъ городить степной хохолъ. Они не великорусскіе, не малороссійскіе, безъ всякаго типа. Каждый старается стать поодаль отъ сосѣда и словно ищетъ чего-то кругомъ себя въ потайку отъ всѣхъ, за свой собственный страхъ и въ свою личную прибыль. Ничего похожаго на добродушныя хохлацкія слободы, гдѣ все тонетъ въ общей жизни села, и гдѣ безъ громады никто шагу не дѣлаетъ. Эгоизмъ промысла, духъ коммерціи — разбросалъ во всѣ стороны эти наскоро сбитыя жилья, какъ горсть брошеннаго гороха.

Каждая законченная труба, каждый дворикъ оплевали себя кругомъ кучами чернаго угля. Отъ угля тутъ дѣться некуда. Въ воздухѣ уголь, на землѣ уголь, въ вагонахъ уголь, въ громадныхъ складахъ—уголь или такая же черная желѣзная руда.

Со станціи «Шахтной» идетъ желѣзная дорога въ Грушевку, коренное гнѣздо донецкаго угля. А надъ этими кучами и ямами новаго времени, надъ этими раскопками корысти, хмурясь на высокомъ темени берегового кряжа, давно уже тянутся непрерывною чередою могильные курганы невѣдомыхъ племенъ... На каждомъ крутомъ обрывѣ, на каждомъ выдающемся мысу вырѣзаются издали эти курганы и городища. Многолюдная жизнь должна была гнѣздиться тамъ въ старину, на этой природной «защитной чертѣ», за которою древняя Европа, уже начинавшая осѣдать на своихъ пажитяхъ, старалась отбиваться отъ кочевниковъ древней Азіи, подвижныхъ и губительныхъ, какъ пески пустыни...

Не даромъ Донъ считался у римлянъ и грековъ рубежемъ Азіи и Европы, настоящею рѣкою кочевниковъ.

Новочеркаскъ стоитъ на Аксаѣ, хотя и считается столицею стороны Дона. Желѣзная дорога огибаетъ его кругомъ, у подножія крутого берега. Изъ оконъ вагона казацкая столица кажется не городомъ, а огромною слободою. Зеленые скаты высокаго берега покрыты вездѣ, куда хватаетъ глазъ, безчисленными крошечными домиками въ два и три окошечка; и всѣ эти тысячи домиковъ желтые, точно тучи желтыхъ гусенятъ вдругъ залили собою берега рѣки. Пятиглавый соборъ безъ стиля и вкуса стоитъ посреди этой желтой слободы, и къ нему ведетъ отъ рѣки прямо въ гору, широкая, какъ выгонъ, улица, на половинѣ которой ни къ селу, ни къ городу сиротливо торчатъ посередкѣ совсѣмъ тутъ ненужныя тріумфальныя ворота самаго казеннаго вида.

Отъ самаго Новочеркаска и до Ростова, на пространствѣ 30-ти верстъ, мы любуемся еще не вобравшимся въ берега разливомъ Дона, который тутъ сливается съ Аксаемъ. Нынѣшнюю зиму снѣговъ было мало, и разливъ поэтому значительно меньше обыкновеннаго, но все-таки и онъ принялъ подобіе маленькаго моря, подмываетъ насыпи желѣзной дороги, заливаетъ надалеко равнины и острова. Вездѣ устроены временныя пристани для сообщенія съ залитыми селеніями, и барки съ парусами и безъ парусовъ перекрещиваютъ помаленьку это самозванное море. Черезъ широкую гладь разлива видны вдали, несмотря на тридцативерстное разстояніе, туманные силуэты ростовскихъ церквей.

Отъ станціи Аксай начинается настоящій Донъ. Аксай— хорошенькій городокъ при впаденіи въ Донъ Аксая. Южное солнце здѣсь уже даетъ себя чувствовать. Зеленая травка уже сплошь выстлала тутъ степи и макушки горнаго кряжа, хотя бѣлая полоса снѣгового завала еще продолжаетъ провожать насъ вдоль рельсовъ, будто трупъ убитаго чудовища.

Дорога немилосердно кружитъ, слѣдуя изгибамъ рѣки, такъ что тридцать верстъ по прямой линіи, навѣрное, обратились

бы въ 20-ть. У станціи Горной, мы съ большой радостью увидѣли довольно большой лѣсъ, насажденный стараніями Донского войска. Тутъ еще три-четыре тысячи десятинъ: въ разныхъ мѣстахъ области, говорили намъ, насажено теперь лѣсу до 40.000 десятинъ. Увѣряютъ, что главнымъ виновникомъ этого прекраснаго дѣла—лѣсничій Т., большой знатокъ лѣсоводства, умѣющій разводить дерево и дешево, и удачно. Во всякомъ случаѣ нельзя выдумать ничего умнѣе и нужнѣе для этого безлѣснаго края.

На другой станціи — Персіановкѣ — только-что отстроено сельско-хозяйственное училище. Зданія просторныя и новыя, но кругомъ—не былинки! Даже въ сырой весенній день солнцепекъ въ этой открытой степи кажется невыносимымъ. Вотъ бы гдѣ кстати развести такой же тѣнистый лѣсъ, какъ въ Горной! Впрочемъ, не далеко отъ училища — очень удобно устроенный кадетскій лагерь, съ хорошенькою церквочкою въ русскомъ стилѣ, и тамъ видны молодые посадки.

Меня вообще удивило, что мы такъ мало встрѣчаемъ садовъ и виноградниковъ въ этой странѣ донскихъ винъ и донского винограда, заваливающихъ обыкновенно рынки черноземной Россіи...

Хотя я и не въ первый разъ въ Ростовѣ, но все-таки мы взяли извозчика и отправились его осматривать. Широкія улицы Ростова теперь обсажены деревьями въ подражаніе Одессѣ, его торговой соперницѣ. Много новыхъ домовъ красивой архитектуры, товарными складами кишитъ каждый уголокъ. Но меня больше всего интересовало посмотрѣть на памятникъ, воздвигнутый Ростовомъ Царю-Освободителю. Онъ стоитъ передъ соборомъ на маленькой площади. Фигура Александра 2-го полна серьезнаго величія и вѣры въ свое дѣло; бронзовая порфира широкими складками ниспадаетъ съ высокаго постамента, и вамъ кажется, что царь шествуетъ къ двери храма — испросить благословеніе Божіе на свой великій историческій подвигъ.

Ростовъ, Астрахань, Самара, Одесса — одинъ за другимъ

увѣковѣчиваютъ прекрасными монументами славное имя Царя-Освободителя, пристыживая своимъ честнымъ почином и Москву-матушку, «сердце Россіи», и Питеръ-батюшку, эту черезчуръ уже умную голову ея.

Возмутительно-несправедливое отношеніе вліятельной части нашего общества и прессы къ дѣяніямъ прошлаго царствованія не заставило ихъ присоединиться къ ликующему сонму его озлобленныхъ противниковъ.

Проснулись мы недалеко отъ Екатеринодара. Совсѣмъ другой воздухъ, мягкій, лѣтній, южный, дышетъ вамъ въ лицо. Молоодая зелень вездѣ кругомъ; екатеринодарскіе сады облиты бѣлыми цвѣтами; цвѣтутъ абрикосы, черешни, груши, и кругомъ ихъ медовый ароматъ. Въ Екатеринодарѣ, стѣпной столицѣ былого запорожскаго казачества, казацкіе типы, казацкія сцены. Все папахи, кинжалы, патроны... Всадникъ на каждомъ шагу, какъ законное обычное явленіе. Онъ весь надвинулся къ шеѣ коня, туго затянувъ поводья и, задравъ вверхъ оскаленную голову своего кабардинца, который сердито чеканитъ копытами землю, выставивъ впередъ свой характерный и сильный кадыкъ.

Екатеринодаръ пробудилъ во мнѣ трогательныя воспоминанія. Я прожилъ въ немъ нѣкогда, когда былъ гораздо моложе, нѣсколько памятныхъ мѣсяцевъ. Тогда онъ былъ не тотъ! Тогда еще не было въ немъ ни мощеныхъ улицъ, не настоящихъ городскихъ домовъ, ни заправскихъ магазиновъ. Даже казенныя зданія строились турлучныя, изъ камыша и глины, какъ въ любой приднѣпровской слободѣ, тѣнистыя дубовыя рощи наполняли собою дворы и осѣняли вѣчныя болота пустынныхъ улицъ, окаймленныхъ вмѣсто домовъ, спрятавшихся въ глубинѣ садовъ, безконечными заборами. Хорошій тѣнистый лѣсокъ былъ тогда областной городъ Екатеринодаръ! На главной его «Красной» улицѣ, противъ самаго дома атамана, по тогдашнему шуточному преданію, утонулъ верховой казакъ съ пикою, и бѣднягу могли отыскать только по торчавшему изъ грязи кон-

чику пики. Таковы были не особенно еще давно екатеринодарскія хляби.

Я еще собственными глазами видѣлъ, какъ разодѣтыя на балъ дамы всходили по лѣсенкамъ въ мажары и, усѣвшись тамъ на скамеечкахъ съ довольно рискованно подобранными платьями, потихоньку плыли себѣ на волахъ черезъ омуты грязи къ залѣ собранія. Деревянные мокроступы на высочайшихъ подставкахъ можно было встрѣтить тогда во всякомъ домѣ, а мужчина не смѣлъ сдѣлать шагу по улицѣ безъ сапоговъ по колѣна.

Вотъ и этого величественнаго собора съ большимъ куполомъ тогда еще не было. Онъ тогда переживалъ только эпоху своего никогда некончавшагося начинанья, своего періодическаго сооруженія и разрушенія, нисколько, повидимому, не стѣснявшаго его строителей, и представлялся мнѣ скорѣе вѣчно неосуществимою угрозою собора, чѣмъ дѣйствительнымъ соборомъ. И вотъ, однакоже, чудо совершилось, и нескончаемый соборъ все-жъ-таки конченъ! Какъ, значитъ, перемѣнились времена. Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Я впрочемъ не столько радуюсь этому новому произведенію архитектуры, сколько скорблю объ уничтоженіи моего незабвеннаго пріятеля—стараго собора. То былъ неподдѣльно казацкій, несомнѣнно запорожскій соборъ, какихъ уже мы теперь нигдѣ не увидимъ. Казаки срубили его изъ собственныхъ огромныхъ дубовъ, собственными топорами, по собственному своему плану, безъ всякаго участія архитекторовъ и чиновниковъ. Оттого, можетъ быть, онъ и прожилъ такое незаконно длинное число лѣтъ и, конечно, прожилъ бы еще добрую сотню лѣтъ, если бы, по архитектурнымъ уставамъ, его не слѣдовало упразднить силою, какъ имѣвшаго неблагоразуміе стоять слишкомъ ужъ долго и слишкомъ ужъ крѣпко. Въ этомъ многоярусномъ соборѣ, составленномъ изъ трехъ уступчатыхъ вѣнцами срубленныхъ башенъ почти равной высоты, не было, говорятъ, ни одного желѣзнаго гвоздя.

Я еще засталъ соборъ среди земляной крѣпости, на валахъ

которой стояли пушки и ходили часовые. Все-таки это пахло нѣсколько казачествомъ и сосѣдствомъ съ черкесами. Старый историческій соборъ извели, а вотъ стараго историческаго врага города Екатеринодара, болѣе губительнаго для его жителей, чѣмъ всѣ черкесы вмѣстѣ, — болото Карасунъ, питающее день и ночь екатеринодарское населеніе своими лихорадочными міазмами, извести до сихъ поръ не ухитрились. Какихъ проектовъ ни подавалось поэтому поводу, сколько денегъ ни тратилось на сточные каналы, на засыпку—и все-таки злой духъ Екатеринодара продолжаетъ, хотя частью и засыпанный, лежать на его плечахъ.

Мнѣ кажется, и люди Екатеринодара уже не тѣ, какихъ я зналъ. То было своего рода первобытное человѣчество: огромнаго роста, огромной силы, огромнаго аппетита. Народъ такой громоздкій, громко говорившій, громко двигавшійся, что хилому исчадію цивилизаціи съ нимъ дѣлалось какъ-то неловко. Будто залѣзъ въ болото къ какимъ-то чудовищнымъ левіоѳанамъ, которые ворочаются тамъ въ своей родной грязи и того и гляди раздавятъ незамѣтно тебя, совсѣмъ неподходящаго имъ гостя... Я, конечно, не экзаменовалъ почтенныхъ войсковыхъ старшинъ ни изъ грамматики, ни изъ ариѳметики, но по непосредственности и непочатой цѣльности ихъ міросозерцанія никто не въ правѣ былъ заподозрить ихъ хотя бы въ отдаленныхъ сношеніяхъ съ грамотою и письмомъ... Ѣли они уму непостижимо, пили—еще непостижимѣе, и кромѣ горилки, картъ и охоты, не признавали радостей жизни...

Да! тогда было не то время, не тѣ люди, да и я самъ былъ тогда не тотъ!..

Теперь казацкая столица — городъ, какъ городъ! Большая часть улицъ помощена, 60,000 жителей, и всякія учрежденія, какъ слѣдуетъ въ губернскомъ городѣ! И женскія гимназіи, и школы, и библіотеки; была даже классическая гимназія, да вдругъ какъ-то сплыла, не по двору пришлась панамъ-казаче-

ству. Въ мое время гимназіи еще не было въ Екатеринодарѣ, а она благоразумно пристроилась себѣ на морскомъ берегу въ городѣ Ейскѣ, поближе къ европейской цивилизаціи, подальше отъ черкесскихъ горъ и черкесскихъ взглядовъ. Потомъ, однако, ее перевели въ Екатеринодаръ, справедливо разсчитывая, что столицѣ казачества не удобно быть безъ учебнаго заведенія. Тамъ она благополучно просуществовала до 1-го іюля 1890 г., какъ вдругъ, какъ громъ не изъ тучи, упалъ ей на голову приказъ начальства: «гимназіи больше не быть!» Ученики, разъѣхавшіеся на вакаціи, въ полномъ невѣдѣніи ожидавшей ихъ катастрофы, возвратясь, уже не нашли больше своего заведенія. Екатеринодарцы были поражены такою неожиданною быстротою и рѣшительностью, особенно родители. Причинъ для закрытія не было никакихъ, кромѣ желанія казацкихъ заправилъ, вполнѣ, конечно, естественнаго, имѣть, вмѣсто гимназіи, кадетскій корпусъ. Закрытія гимназіи они достигли очень скоро, но открытія корпуса все-таки не дождались, да, кажется, и надежды не получили. Правительство предпочитаетъ воспитывать юныхъ казачатъ въ различныхъ корпусахъ русскихъ губерній, чѣмъ создавать для нихъ особый мѣстный корпусъ, можетъ быть, не желая поощрять спеціальныхъ казачьихъ традицій. Хотя городъ и открылъ потомъ гимназію на свои средства, но уже далеко не такъ прочно устроенную, такъ какъ при небольшихъ средствахъ города существованіе ея ежедневно подвергается роковому вопросу: быть или не быть?

Надо сказать, впрочемъ, что въ Кубанской области казачество въ послѣднее время стало далеко не единственнымъ элементомъ. Тутъ идетъ въ послѣднее время мало замѣтная постороннему глазу, но, тѣмъ не менѣе, ожесточенная борьба между такъ называемыми иногородными и казаками, о которой мнѣ передавали нѣкоторыя подробности, быть можетъ, впрочемъ, пристрастныя и одностороннія, нѣкоторые мѣстные жители. «Иногородніе»—это трудовое пришлое населеніе области, земледѣльцы, промышленники, ремесленники, торговцы. Казачество—

это военное рыцарство своего рода, привыкшее проводить время на конѣ, на войнѣ, въ дальнихъ походахъ и службахъ. Многіе изъ нихъ еще не привыкли и не хотятъ работать. Земли у нихъ сравнительно много, и они давно уже стали раздавать ее внаймы русскимъ мужичкамъ, грекамъ и другимъ пришельцамъ. Русскій мужичекъ-пришелецъ много помогъ своимъ настойчивымъ трудомъ теперешнему благосостоянію Кубанской области. Трудно сказать, была ли бы еще Кубань безъ «иногороднихъ» тою обильною хлѣбною житницею, которою она теперь сдѣлалась, и поднялись ли бы безъ нихъ земли ея просторныхъ степей до ихъ теперешней цѣны. «Иногородніе», во всякомъ случаѣ, ввели новыя культуры въ полеводство, развили торговлю въ станицахъ и значительно содѣйствовали обращенію ихъ въ теперешнія многолюдныя сельдбища, съ 8, 10 и 12 тысячами жителей; иногородніе стали платить казакамъ такія деньги за ихъ земли, о которыхъ никогда не снилось бранолюбивымъ потомкамъ запорожцевъ.

Въ то время, какъ у «иногороднаго» мужика арендатора, какъ разсказывали мнѣ мѣстные жители, хозяйство почти всегда полная чаша, и все дѣлается во-время, у многихъ владѣльцевъ часто во дворѣ одна только верховая лошадь. Доходы легко получаемые, легко сносятся въ кабакъ и проматываются всякими веселыми манерами. А доходы эти, между тѣмъ, бываютъ иногда очень крупны. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, будто Корсунская станица, за одну прирѣзку къ своей землѣ подъ городомъ Ростовомъ въ 52.000 десятинъ, получаетъ аренды съ мѣстныхъ овцеводовъ до 50.000 рублей, и весь этотъ капиталъ, будто бы, дѣлится поголовно между казаками станицы. Передаю, впрочемъ, то, что слышалъ, не ручаясь за достовѣрность. И вотъ, теперь то, когда экономическая сила Кубанской области весьма значительною частью олицетворилась въ этомъ трудолюбивомъ классѣ «иногороднихъ», казачество, разбогатѣвшее, между прочимъ, черезъ нихъ, стало съ ревностью относиться къ ихъ положенію и,—какъ увѣряли меня тѣ же люди, на которыхъ я

уже ссылался,—стало всячески стѣснять ихъ, считая себя единственнымъ хозяиномъ края.

Заботы послѣдняго времени о «подъемѣ казацкаго духа», по словамъ разказчиковъ, много обострили эту обоюдную вражду казака и поселенца. А между тѣмъ, историческія и бытовыя условія, вызвавшія казачество и придававшія высокую государственную цѣну «казацкому духу», уже перестали существовать и врядъ-ли могутъ быть поддержаны искусственными мѣрами. Когда черезъ рѣку отъ казацкихъ станицъ жили неукротимыя и воинственныя племена, вѣчно враждовавшія съ Россіей и существовавшія грабежамъ ея границъ, тогда, конечно, удалое казацкое рыцарство, вездѣ готовое встрѣтить и отразить врага и отвѣтить ему на его грабежи, убійства и пожары тѣми же пожарами, грабежами и убійствами, было неоцѣненнымъ пособникомъ русской государственной силы. Но его молодецкій духъ, его казацкія доблести могли выковаться только въ средѣ постоянной войны, постоянныхъ опасностей и тревогъ. Казачество, въ его прежнемъ смыслѣ, и теперь возможно и необходимо на нашихъ полуварварскихъ азіатскихъ рубежахъ, гдѣ-нибудь по сосѣдству курдовъ, туркменовъ, афганцевъ, кашгарцевъ. Тамъ оно не можетъ быть замѣнено никѣмъ и ничѣмъ другимъ. Но при теперешнихъ мирныхъ условіяхъ кавказской жизни, когда Кубань стала уже одною изъ внутреннихъ рѣкъ Россійской Имперіи, искусственное поддержаніе кубанскаго казачества врядъ ли по мнѣнію нашему, можетъ оправдываться необходимостью.

Кубань мы переѣхали уже по желѣзнодорожному мосту. Земляная крѣпостца, оберегавшая когда-то старый деревянный мостъ, до сихъ поръ еще поднимаетъ свои, не особенно грозные, валы надъ берегомъ рѣки.

Мели и островки совсѣмъ загородили рѣку и сдѣлали ее шире прежняго. За Кубанью тянется плодородная равнина съ нетронутсю еще почвою, съ «адамовой землею», какъ называ-

етъ ее мужикъ-переселенецъ. Урожаи здѣсь баснословные — самъ-тридцать, самъ-сорокъ. Сѣютъ все дорогой товаръ, пшеницу, табакъ; начинаютъ разводить виноградъ и разные фрукты. Впрочемъ, табакомъ исключительно овладѣли здѣсь такъ называемые турки, то-есть анатолійскіе греки, проникшіе въ страну казачества черезъ всѣхъ привлекающій теперь Новороссійскій портъ. Недавно еще вся эта береговая равнина была сплошнымъ лѣсомъ, и 20 лѣтъ назадъ я тутъ еще бродилъ въ компаніи завзятыхъ охотниковъ среди непроходимыхъ дебрей. Но желѣзная дорога быстро расчистила лѣсныя чащи, а открывшійся удобный сбытъ хлѣбовъ заставилъ жителей истреблять дикое дерево, чтобы расширить свои поля. Чтобы не тратить напрасно силъ на нелегкую борьбу со столѣтними великанами растительнаго міра, варвары-горцы и такіе же варвары-русскіе поселенцы попросту выжигаютъ уцѣлѣвшія чащи лѣсовъ, благо сухое дерево свалится гораздо легче сырого. Мы то и дѣло видимъ по сторонамъ дороги эти мрачныя пожарища, Но, несмотря на это хищничество, древніе маститые дубы, увитые омелою, все еще на каждомъ шагу торчатъ, какъ храмъ среди мелкой поросли.

Проѣхавъ большія станицы, Абинскую и Крымскую, напоминающія неважные уѣздные городки нашей черноземной Россіи, мы въѣхали въ горы. Долины предгорій идеально удобны для самаго цѣннаго хозяйства. Это естественные виноградники, естественные грунтовые сараи, а для дачъ нельзя найти мѣстности болѣе отрадной. Травы и цвѣты уже роскошно убрали эти ущелья, холмы и террасы. Кизилъ осыпалъ своимъ золотомъ, терновникъ—своимъ серебромъ всѣ скаты горъ. Полотно желѣзной дороги замѣтно поднимается, просѣкая себѣ путь среди взорванныхъ, почти на ребро поставленныхъ, пластовъ известковаго туфа. Изъ этого туфа добывается великолѣпный цементъ, за который прежде переплачивали много русскихъ рублей южной Европѣ. Теперь цементные заводы возникли и въ Крыму, и на Кавказѣ. Въ Новороссійскѣ мы увидѣли по-

томъ большой цементный заводъ финляндскихъ капиталистовъ, зарабатывающій, по меньшей мѣрѣ, сто на сто чистой прибыли. Вообще эти, такъ сказать, новооткрытыя мѣстности богаты рѣшительно всѣмъ. Тутъ по близости и нефтяные колодцы, принадлежащіе казачьему войску. Французская компанія «Русскаго стандарта» арендуетъ ихъ за 75.000 рублей въ годъ и имѣетъ въ Новороссійскѣ очистительный заводъ, куда прежде нефть поступала по трубамъ; но съ открытіемъ желѣзнодорожнаго движенія компанія нашла болѣе выгоднымъ перевозить нефть въ обыкновенныхъ вагонахъ-цистернахъ.

Кубанская нефтепромышленность составляетъ теперь совершенно самостоятельный районъ. Она обязана своимъ основаніемъ А. Н. Новосильцеву, который, если я не ошибаюсь, первый разыскалъ нефть и сталъ бурить колодцы на земляхъ Кубанской области.

Понятно поэтому, отчего въ эти злачныя мѣста начинаютъ понемногу устремляться русскіе и иноземные капиталы. При ихъ помощи, при существованіи желѣзной дороги и Новороссійскаго порта—неистощимая почва Кубанской области и неистощимыя кавказскія горы могутъ еще создать очень многое. Уже нѣсколько крупныхъ и правильно устроенныхъ хозяйствъ завелось по линіи желѣзной дороги, какъ ни коротко время ея существованія. Около станціи Тихорѣцкой, по Владикавказской дорогѣ, хозяинъ этой дороги, баронъ Штенгель, устроилъ свою замѣчательную ферму «Хуторокъ». Ферма занимаетъ 12.000 десятинъ и, главнымъ образомъ, посвящена скотоводству. Образцовая бойня барона ежедневно посылаетъ въ Москву вагонъ свѣжаго мяса. Тутъ же и превосходный винокуренный заводъ, стоившій владѣльцу около полутора милліова рублей. Съ нами въ поѣздѣ ѣхалъ, въ особомъ вагонѣ, братъ барона Штенгеля, скупающій окрестные лѣса для поставокъ на дорогу. Немудрено, что земли этого полудикаго края, надняхъ еще продававшіяся чуть не даромъ, теперь поднялись до высоты цѣнъ черноземной Россіи. Даже около самаго Новороссійска, на бе-

регу моря, недавно правительство раздавало превосходныя земли по 10 руб. сер. десятина, съ уплатою въ теченіе 10 лѣтъ по 1 руб. сер. Мнѣ самому люди, власть имѣвшіе настойчиво предлагали пріобрѣсти на этихъ условіяхъ любой приморскій участокъ. А теперь даже въ Закубанской равнинѣ не купить десятины удобной земли дешевле 125, 150 рублей.

Заселеніе этого края было героическою мѣрою, которая, какъ и бо̀льшая часть героическихъ мѣръ, стоила очень дорого; нѣкоторые даже думаютъ, что не въ мѣру дорого. Графъ Евдокимовъ, сдѣлавшійся изъ мужиковъ Харьковской губерніи графомъ и правителемъ огромныхъ областей, хотя, какъ гласила молва, имѣлъ много слабыхъ сторонъ съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, тѣмъ не менѣе, былъ человѣкъ замѣчательно смѣтливаго, чисто русскаго ума въ практическихъ вопросахъ жизни. Его планъ уничтоженія Шамиля, какъ извѣстно, увѣнчался блестящимъ успѣхомъ; точно также по-мужицки рѣшительно и просто посмотрѣлъ онъ и на замиреніе, такъ называемаго, «праваго фланга», т.-е. закубанскаго Кавказа. Онъ сбилъ войсками всѣхъ горцевъ его къ берегу Чернаго моря и предложилъ имъ выбирать: или перенести свои аулы изъ недоступныхъ ущелій и скалъ хребта въ прикубанскія равнины, или уходить сейчасъ въ Турцію. Напоръ былъ неожиданный и безповоротный; сила горцевъ была сломлена, необходимо было покориться и выбирать. 80.000 рѣшились остаться на Кубани, 400.000 сѣли на суда, заранѣе для этого приготовленныя — и отплыли въ единовѣрную Турцію. Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, но именно разрубленъ, а не развязанъ. Россія освободилась отъ своихъ давнихъ и безпокойныхъ враговъ, но это смѣлое кровопусканіе оставило надолго бездушнымъ трупомъ западную цѣпь Кавказа. Заселить и оживить вновь этотъ цвѣтущій край было гораздо труднѣе, чѣмъ обезлюдить его. Съ свойственною ему крутою рѣшительностью, Евдокимовъ сталъ-было сначала насильственно заселять Закубанье, переводя туда

не добровольцевъ-казаковъ, не лишній молодой приростъ изъ старыхъ многолюдныхъ станицъ праваго берега Кубани, а прямо, какъ говорили, цѣлыя старыя станицы, вырывая ихъ съ корнями изъ давнихъ гнѣздъ, разоряя насиженныя хозяйства и возбуждая чуть не открытые бунты. Много слезъ и страданій стоило это роковое переселеніе казакамъ, проливавшимъ цѣлое столѣтіе свою кровь на защиту своихъ родовыхъ гнѣздъ, геройски заслонявшихъ своею грудью отъ опаснаго врага рубежи русскаго царства. Впрочемъ, такая система, къ счастью, была скоро замѣнена системою добровольнаго переселенія. Какъ бы то ни было, но заселеніе Закубанья и части черноморскаго берега по странѣ шапсуговъ казацкими станицами было совершено; по плану Евдокимова и остальная часть черноморскаго побережья должна была заселиться тоже казаками, но онъ не успѣлъ этого сдѣлать, а впослѣдствіи распоряженіе этимъ дѣломъ перешло въ канцелярскія руки гражданскаго управленія Кавказа и приняло совсѣмъ иной оборотъ.

Климатъ тутъ прекрасный, въ этихъ цвѣтущихъ долинкахъ Кавказскаго предгорья, защищенныхъ и съ сѣвера, и съ юга стѣнами горъ. Только съ моря доносится ея теплое и влажное дыханіе. Тутъ не всегда однако была пустыня. Тутъ жили когда-то многолюдныя, маловѣдомыя племена, разные аланы, язиги, касоги, давшіе, быть можетъ, начало загадочнымъ черкесскимъ племенамъ, унаслѣдовавшимъ отъ нихъ эти предгорья. Только рѣдкіе земляные курганы безмолвно обнажаются изъ-подъ вырубленныхъ лѣсныхъ чащъ, успѣвшихъ вырости на нихъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, достаточныхъ для того, чтобы покрыть пластами чернозема старыя жилья человѣка. Въ курганахъ этихъ находятъ много золотыхъ и другихъ древнихъ вещей скиѳскаго типа.

Но никакіе курганы не сохраняютъ памяти о тѣхъ недавнихъ еще подвигахъ скромнаго ежедневнаго геройства, которыми кубанское казачество послѣ напряженной столѣтней

борьбы отвоевало эти роскошныя предгорія и эти грозные хребты горъ у такихъ же отчаянныхъ храбрецовъ-туземцевъ. Эти лѣса и ущелья были обычнымъ полемъ дѣйствія для нашихъ славныхъ черноморскихъ и линейныхъ пластуновъ, которые проникали въ самыя жилища своего вѣковѣчнаго врага, добывая необходимыхъ вѣстей, изслѣдуя глухія тропы, по котовымъ они совершали на насъ свои неожиданные истребительные набѣги и по которымъ въ свое время можно бы было пробраться казацкимъ дружинамъ за честною расплатою и въ ихъ собственные аулы.

Отказываешься понять, читая разсказы очевидцевъ и участниковъ этихъ подвиговъ, откуда почерпалъ такую самоотверженную рѣшимость, такую беззавѣтную смѣлость духа, такую нечеловѣческую выносливость нервовъ и мускуловъ — оборванный охотникъ-бродяга, проводившій всѣ свои дни въ дебряхъ лѣсовъ, чуть не въ одной лежкѣ съ дикими свиньями, съ дѣтства привыкшій къ грабежу и пролитію человѣческой крови и, повидимому, совсѣмъ чуждый всякихъ инстинктовъ государственности и патріотическаго долга.

Но это именно только *„повидимому“*. Все это были истые русскіе люди, по-русски думавшіе и чувствовавшіе, твердо умиравшіе поэтому за все русское.

Характеренъ безхитростный разсказъ одного современника о подвигѣ пластуновъ Зимовина, Короткова и Малюкова. Коротковъ тайкомъ пробрался въ Боговскій аулъ къ своему «кунаку» черкесу, — вывѣдать что-нибудь о приготовлявшемся набѣгѣ Мегметъ-Эминя. Однако кунакъ, вопреки восточнымъ обычаямъ, выдалъ головою спавшаго пластуна, и его заковали на цѣпь въ земляной ямѣ, обычной тюрьмѣ горцевъ. Товарищи Короткова, прослышавши про его бѣду, рѣшаются идти къ нему на выручку. Прокрадываются ночью въ аулъ, и плѣнный казакъ въ своей темной ямѣ вдругъ слышитъ неподалеку знакомые ему крики пугача-филина. Онъ отвѣчаетъ тѣмъ же условнымъ крикомъ. Вотъ наконецъ сторожъ-горецъ вылѣзаетъ изъ

ямы и идетъ въ аулъ за смѣною. Этого довольно, чтобы лихіе пластуны тотчасъ же очутились въ ямѣ. Цѣпь перебита, и Коротковъ на свободѣ. Но горцы-караульные уже возвращаются. Одинъ изъ нихъ, ничего не подозрѣвая, спускается въ яму и падаетъ, не успѣвъ даже крикнуть подъ дружнымъ ударомъ двухъ кинжаловъ.

— Чего ты тамъ? или упалъ? спрашиваетъ сверху товарищъ, услышавъ шумъ падавшаго тѣла.

Малюковъ, хорошо говорившій по-черкесски, съ досадными ругательствами кличетъ его къ себѣ:

— Съ бревна сорвался, ушибъ ногу, помоги подняться!

Полѣзъ и второй караульный въ четырехсаженную яму, — и тотъ остался, не выпустивъ звука, на днѣ ея. Обобрали у нихъ молодцы оружіе,—и поскорѣе наверхъ, уходить, пока спитъ аулъ.

— Нѣтъ, постойте, братцы, останавливаетъ ихъ Коротковъ. Такъ нешто можно? Еще кунака-подлеца, что выдалъ меня, навѣстить нужно!

Съ четырехъ угловъ запалили они саклю измѣнника-кунака, а съ его сакли огонь пошелъ драть и весь аулъ. Задыхаясь отъ дыма, чуть успѣлъ выскочить кунакъ изъ пылавшаго дома. А Коротковъ уже ждалъ его;—однимъ мѣткимъ ударомъ ножа повалилъ онъ его на мѣстѣ,—«помни, молъ, русскаго кунака!»

Незамѣченные въ суматохѣ горцами, одѣтые по-ихнему, выбрались герои-пластуны изъ аула и ударились что было мочи въ лѣсъ. Но только-что они поравнялись съ черкесскимъ кладбищемъ, какъ слышатъ топотъ скачущихъ лошадей.

— Бѣда! погоня!

Залегли молодцы въ кусты, сготовились. Смотрятъ, ѣдетъ верхомъ горецъ, ведетъ въ поводу 2 хъ коней. Какъ-разъ для нихъ трехъ, словно Богъ послалъ. Малюковъ живо снялъ его кинжаломъ съ сѣдла, а черезъ нѣсколько часовъ три героя уже были въ своей Сторожевой станицѣ. Коротковъ въ своемъ плѣну разузналъ все, что нужно, и передалъ важныя вѣсти

начальнику укрѣпленія. Набѣгъ Мегметъ-Эминя, разсчитанный на полную неожиданность, былъ встрѣченъ послѣ этого вездѣ, гдѣ было нужно, и такъ, какъ было нужно.

Такіе подвиги были на каждомъ шагу, и они не удивляли никого. Даже безусые мальчишки—и тѣ съ дѣтства были проникнуты этимъ духомъ беззавѣтной отваги.

Какъ-то изъ Урупской станицы войсковой старшина Скляровъ послалъ своего четырнадцатилѣтняго сынишку съ казакомъ-«драбантомъ» въ лѣсъ привезти бревенъ для постройки. Казакъ пошелъ въ лѣсъ, а мальчикъ караулилъ подводы, поигрывая на гармоникѣ. Онъ и не замѣтилъ, какъ шайка горцевъ, всадниковъ въ 10-ть, охватила его и потащила съ собою въ горы вмѣстѣ съ отцовскими волами. На привалахъ смѣлый мальчишка сталъ забавлять черкесовъ своей гармоникой, бойко наигрывая лезгинку, пѣлъ имъ веселыя пѣсни и забавлялъ разными потѣшными выходками. Досыта нахохотавшись и наплясавшись, горцы до того расположились къ забавнику, что даже развязали его на ночь. Притворился мальчишка, что спитъ глубочайшимъ сномъ, храпѣлъ на славу, а самъ все вслушивался, когда захрапятъ его похитители... Вотъ все стало тихо, даже часовой задремалъ. Неслышно, какъ тѣнь, встаетъ отважный мальчуганъ, неслышно вытаскиваетъ кинжалъ у спящаго рядомъ наѣздника и, подкравшись ползкомъ къ караульному, сильнымъ ударомъ кинжала пригвоздилъ его къ землѣ... Лѣсъ былъ недалеко, и на другой день онъ уже добрался къ ночи домой въ Урупскую станицу.

Таковы были потомки запорожцевъ, населившихъ Кубанскія степи послѣ разгрома на Днѣпрѣ ихъ родимой «Сичи». Геройскія похожденія куперовскаго Патфайндера, изобрѣтенныя богатою фантазіею романиста, для нихъ были ежедневными событіями ихъ будничной жизни. Россія оцѣнила ихъ въ тяжелую годину Севастопольскаго погрома, когда пластунскія команды,

разные Даниленки, Шульги, Семаки и др., пріобрѣвшіе въ свое время громкое имя, на глазахъ европейскихъ армій и всей Россіи, продѣлывали свои подвиги сказочнаго мужества и сказочной ловкости...

Мы вырвались изъ горъ черезъ длинный тунель. Сначала мы очутились въ открытомъ каменномъ корридорѣ, котораго гранитныя щеки сквозь всѣ свои швы сочились струйками подземной воды. Потомъ насъ приняла отверстая пасть пещеры, еще слабо освѣщенная лучами дня. Лучи эти замирали все больше и больше, сѣрые своды обращались постепенно въ какія-то темныя чугунныя плиты, расписанныя загадочными узорами и облитыя потоками пара, будто черными слезами. Наступила на нѣсколько минутъ тьма кромѣшная, тьма глухой могилы, не похожая на обычную темноту земли... Среди оглушающаго, не находившаго себѣ выхода грохота многоколеснаго поѣзда, невыносимый раздирающій вопль машины, приближавшейся къ выходу, раздался въ моихъ ушахъ, какъ предсмертный крикъ издыхающаго чудовища, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ поѣздъ шумно выкатился изъ черныхъ катакомбъ на свѣтъ Божій. Отрогъ горъ повернулъ рѣзко направо, къ Анапѣ, а прямо передъ нами, за широкою горною котловиною, неожиданно и радостно улыбнулась намъ голубая бухта моря, и насыпанные будто другъ на дружку на ея правомъ берегу ярко освѣщенные бѣлокрасные домики Новороссійска.

II.

Новороссійскъ и его область.

Около Новороссійска и долины, и предгорія населены довольно густо; вездѣ видны селенія, дачи, хутора. Дорога прорѣзаетъ большую колонію чеховъ. Эти западные братья-славяне далеки однако отъ нѣмцевъ и по хозяйственной опытности, и

по внѣшнему виду своихъ поселеній. Они не имѣютъ ничего особеннаго противъ русскаго мужика и только едва-едва начинаютъ пріучаться къ виноградарству; торговля лѣсомъ ихъ любимое занятіе, но это немногосложное дѣло—точно такъ же сруки и самому невѣжественному горцу.

Вообще колонія ихъ не смотритъ ни особенно богатою, ни особенно опрятною, а между тѣмъ они захватили ближайшія и удобнѣйшія мѣста около самаго города, которыя волею-неволею, съ начавшимся развитіемъ порта, пріобрѣтутъ въ скоромъ времени огромную цѣнность.

Мы съ женою воспользовались долгимъ ожиданіемъ парохода и отправились побродить пѣшкомъ по Новороссійскому порту. Самъ городъ расположенъ на южномъ берегу залива и ровно ничѣмъ не интересенъ. Портъ отдѣленъ отъ него пустыремъ версты въ двѣ. Весь торговый Новороссійскъ, городъ будущаго, устроивается однако въ глубинѣ залива, вокругъ порта, а не къ сторонѣ теперешняго города. Здѣсь все перерѣзано рельсами, завалено камнями, застраивается новыми складами и конторами. Желѣзная дорога посылаетъ свои вагоны съ хлѣбомъ и керосиномъ, вплоть до самаго берега и даже на море, по высокимъ и длиннымъ эстокадамъ, откуда производится ссыпка зерна изъ вагоновъ прямо въ пароходы. Тутъ нѣсколько пристаней, и русскаго, и россійскаго пароходства, и еще разныхъ другихъ.

Желѣзная дорога, можно сказать, создала Новороссійскъ; въ ней все его теперешнее торговое значеніе, вся его широкая будущность. И всѣ существующія теперь цивилизованныя удобства Новороссійскаго порта, отъ электрическаго свѣта до мостовыхъ и эстокадъ—тоже вызваны желѣзною дорогою, трудами ея энергическаго представителя г. Кербеца.

Французская компанія «Русскаго стандарта» очень удачно основала свое гнѣздо въ Новороссійскѣ. Она успѣла скупить весьма дешево почти всѣ земли кругомъ залива, особенно же на берегу, противоположномъ городу, еще тогда, когда никто

не предвидѣлъ проведенія сюда желѣзной дороги, и теперь новымъ портовымъ сооруженіямъ и затѣвающимся торговымъ предпріятіямъ приходится сильно считаться съ такимъ монопольнымъ собственникомъ, отъ котораго часто только и можно купить необходимый для дѣла прибрежный участокъ. Огромные склады зерна и керосина «Русскаго стандарта» и его очистительный заводъ для нефти—у самаго порта.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ теперешнихъ пароходныхъ пристаней, на сѣверномъ берегу залива, строится новый портъ. Уже каменная плотина брекватера,—jetée, какъ ее называютъ французы — выведена на порядочную длину, не меньше какъ саженъ на 200 со стороны города; предполагается вести другое jetée на встрѣчу первому, чтобы объятіями этихъ двухъ вытянутыхъ другъ къ другу каменныхъ рукъ обезпечить внутренней части залива возможное спокойствіе отъ бурь, временами страшно свирѣпствующихъ въ заливѣ со стороны сѣверо-востока и ежегодно разбивающихъ здѣсь по нѣскольку судовъ.

На томъ же берегу, гдѣ новый портъ—и цементный заводъ барона Жирара и Ливена. Горы лѣваго берега выше, ближе, круче и живописнѣе горъ праваго берега. На горизонтѣ ихъ замыкаетъ прилегшая къ морю, какъ медвѣдь, своею горбатою спиною гора Доба съ бѣлѣющеюся на ней башнею маяка. Это входныя ворота залива, до которыхъ отсюда не менѣе 20 верстъ, хотя и гора, и маякъ кажутся намъ такъ близко, рукой подать!

Мы оба уже нѣсколько лѣтъ не видали моря, и видъ его даже здѣсь, въ глубинѣ залива, наполнилъ насъ радостнымъ чувствомъ. Какая-то особенная влажная и теплая тишина, свойственная только веснѣ юга, млѣла въ вечернемъ воздухѣ, и грудь дышала по-дѣтски легко, по-дѣтски бодро послѣ только-что пережитаго суроваго русскаго марта. Далекія впечатлѣнія крымскаго моря, крымской весны сладко волновали сердце. Перемѣна декорацій, которую съ истиннымъ волшебствомъ устроила желѣзная дорога, пронеся насъ въ какія-нибудь двое сутокъ изъ тающихъ снѣговъ и раскисшихъ грязей Воронежа

на цвѣтущіе берега южнаго моря, была такъ быстра и рѣзка, что глазъ долго не могъ достаточно наглядѣться и достаточно насладиться необычною ему картиною красныхъ скалъ, синихъ волнъ, бѣлыхъ парусовъ...

Въ Новороссійскѣ и дома, и предпріятія, и люди — все уже не характерное русское, а какое-то космополитическое, международное, одинаково общее всѣмъ городамъ южныхъ морей, турецкому Синопу, какъ и русской Одессѣ, и итальянскому Ливорно, и французской Марсели. Тутъ наглядно убѣждаешься во всесиліи общечеловѣческой цивилизаціи, въ ея необходимости и несомнѣнныхъ выгодахъ для всякаго народа безъ исключенія. Здѣсь во-очію видишь, что создаетъ предпріимчивость, знаніе, свободная иниціатива человѣка. Здѣсь невольно чувствуешь, какъ безплодны и жалки на вѣсахъ общей пользы народовъ — своекорыстныя притязанія на исключительность правъ какого-нибудь одного близорукаго сословія или слоя общества. Въ этомъ смыслѣ путешествія всегда бываютъ поучительны людямъ.

На пристань пришлось ѣхать въ черную полночь; тучи укрыли небо, и моросилъ маленькій дождикъ. Насъ направляли среди мрака 3 яркосверкавшихъ электрическихъ глаза, установленные на главной пристани. Признаюсь, мы съ женой не разъ помянули добромъ цивилизацію и ея затѣи. Безъ фонарей, мостовыхъ и крытыхъ извозчиковъ, готовыхъ служить вамъ во всякую минуту дня и ночи,—изрядно скверно было бы пробираться съ огромнымъ нашимъ багажемъ въ теперешній полночный часъ черезъ невѣдомый хаосъ построекъ, насыпей, складовъ, черезъ рельсы и камни, — къ бурно плескавшему во тьмѣ морю.

Пароходъ только-что пришелъ, и качавшіеся фонари странно вырѣзались на разныхъ высотахъ черной бездны, словно какіе-то летающіе огненные шары. И кругомъ насъ, гораздо дальше, сплошная чернота ночи и моря была оцѣплена по берегу бухты,

будто огненными монистами, рядами огней, которые сдвигались въ цѣлую искрящуюся кучу тамъ, гдѣ гнѣздились невидимые теперь дома города. Со сна, не во-время потревоженнаго, эта картина огней и тьмы, эти незримые тяжкіе всплески морской волны и суета чуть освѣщенной фонарями толпы, тащившей тюки, толкавшейся на трапѣ, — казались чѣмъ-то фантастическимъ, смутнымъ отрывкомъ прерваннаго сновидѣнія.

Когда мы вышли утромъ изъ своей каюты на рубку «Ольги», сѣверный дождливый туманъ заткалъ и море, и воздухъ. Легкая зыбь, не обѣщавшая впереди ничего хорошаго, какъ-то тошнотно покачивала огромный пароходъ. Никакихъ картинъ юга, никакихъ красокъ весны! Казавшіяся безотрадными и пустынными въ этомъ прозаическомъ осеннемъ освѣщеніи, горы кавказскаго берега тянулись безконечными грядами другъ за другомъ. Съ 2-хъ часовъ ночи ѣдемъ мы вдоль нихъ, и все не видимъ конца. Безмолвные лѣса на недоступныхъ кручахъ одни хмурятся на насъ сквозь сѣрую сѣтку дождя, и никакого признака человѣческаго жилища не видать около нихъ. Голыми обрывистыми редутами выступаетъ въ море гористый берегъ, и нѣтъ никакой возможности ни пристать тутъ къ нему, ни спуститься съ него. Только песочные потоки, — слѣды недавнихъ весеннихъ водъ, — сбѣгаютъ въ море по пазухамъ этихъ обрывовъ...

Гдѣ тутъ усмотрѣть, гдѣ устеречь лодку какого нибудь смѣлаго контрабандиста, который въ былые дни провозилъ сюда къ черкесамъ оружіе и порохъ.

Зато гдѣ попадется рѣдкая и радостная въ этихъ мѣстахъ зеленая низинка между стѣнами горъ, добившаяся до самаго моря, тамъ сейчасъ же поселеніе и пристань. Пароходъ не подъѣзжаетъ къ этимъ затеряннымъ уголкамъ дикаго берега, даже къ тѣмъ немногимъ поселкамъ, гдѣ онъ останавливается по росписанію. А изъ нихъ выѣзжаетъ къ нему обыкновенно лодка, сторожащая его приходъ какъ манны небесной, потому что всѣ эти береговыя мѣстечки лишены сухопутнаго сообщенія

по берегу и все потребное имъ получаютъ съ пароходами. Въ лѣтнее полугодіе пароходъ только въ рѣдкихъ случаяхъ минуетъ сколько-нибудь значительныя мѣстечки, но зимою сплошь да рядомъ волненіе моря не позволяетъ ему кидать якорь близко отъ берега, и онъ проносится мимо носа злополучныхъ отшельниковъ, осужденныхъ иногда по нѣскольку недѣль сидѣть безъ почты и безъ необходимѣйшихъ предметовъ продовольствія. Это обстоятельство болѣе всего задерживаетъ развитіе колонизаціи Черноморскаго берега.

Въ николаевскія времена, когда наше правительство считало необходимымъ отрѣзать непокорныхъ кавказскихъ горцевъ отъ сообщеній съ турками и англійскими агентами—цѣлымъ рядомъ береговыхъ блокгаузовъ и крѣпостей, — положеніе этихъ одинокихъ укрѣпленій, разобщенныхъ титаническими стѣнами горъ, было истинно отчаянное. Въ минуты опасности отъ врага невозможно было не только своевременно прійти къ нимъ на помощь, но даже скоро узнать о нападеніи; а въ бурное зимнее, осеннее и весеннее время, когда нельзя было добраться до нихъ никакими средствами, ни на корабляхъ, ни на лодкахъ, злополучный гарнизонъ долженъ былъ то и дѣло терпѣть горькую нужду. Нужно было много геройства, чтобы пространдать въ такой крѣпости хотя бы даже одинъ годъ.

Вотъ мы, какъ нарочно, проѣзжаемъ мимо одного такого бывшаго укрѣпленія. Теперь это Михайловская станица, а прежде было Михайловское укрѣпленіе славной памяти въ лѣтописяхъ русскаго воинства. Въ 30-хъ годахъ тамъ держала гарнизонъ 1-я рота Тенгинскаго полка. Начальствующимъ офицеромъ былъ грекъ Лико́. Лазутчики дали знать, что скопище горцевъ въ 10.000 человѣкъ спускается къ берегу, чтобы по очереди истребить всѣ маленькія русскія укрѣпленія. Лико̀ собираетъ гарнизонъ, объявляетъ ему грозную новость и увѣщеваетъ всѣхъ лечь костьми, а не отдаваться въ руки безпощадныхъ черкесовъ. Тогда выступаетъ изъ фронта рядовой Архипъ Осиповъ.

— Ваше благородіе! дозвольте пороховой погребъ взорвать, коли черкесъ насъ одолѣетъ. Все одно—всѣмъ намъ пропадать, такъ ужъ пущай и онъ съ нами!..

Осипова запираютъ въ пороховой погребъ, и онъ сидитъ тамъ безвыходно два дня, дожидаясь нападенія. 13.000 черкесовъ спустились наконецъ съ горъ, взяли приступомъ жалкіе земляные валы крѣпости и изрубили весь гарнизонъ. Горцы больше всего дорожили порохомъ и, овладѣвъ крѣпостью, сейчасъ же столпились у пороховаго погреба, стараясь сбить замокъ и сломать двери. Этой-то роковой минуты терпѣливо дожидался тамъ внизу герой-солдатикъ. Все черкесское скопище взлетѣло на воздухъ вмѣстѣ съ нимъ, и дешево стоившая имъ побѣда обратилась въ страшный разгромъ.

Архипу Осипову воздвигнутъ теперь памятникъ и въ Михайловскомъ, и въ г. Владикавказѣ. Военный инженеръ, его сооружавшій, разсказывалъ мнѣ и эти подробности. Мало того, во всѣхъ полкахъ русской арміи при ежедневныхъ перекличкахъ первымъ номеровъ поминается имя его. Онъ считается вѣчнымъ рядовымъ своего полка, и имя его долго будетъ переходить въ преданіяхъ русской арміи отъ старыхъ солдатъ къ новобранцамъ.

— Архипъ Осиповъ! Здѣсь? спрашиваетъ офицеръ, дѣлающій перекличку.

— Погибъ за отечество во славу русскаго оружія, отвѣчаютъ солдаты...

Джуба едва видна за складками горъ; сады да два-три домика только и различишь съ парохода. Оттуда, изъ уютнаго заливчика въ тѣни каменныхъ громадъ, отдѣлилась фелюка и, ныряя въ волнахъ, увѣренно и быстро направилась къ пароходу. Тамъ все были восточныя физіономіи, восточные костюмы, повидимому, малоазіатскіе греки. И у насъ на палубѣ тоже было много такихъ фигуръ.

— Что это за народы такіе? — спрашиваю я у помощника капитана.

— А кто ихъ разберетъ! породы тутъ разныя... Турками здѣсь больше зовутъ ихъ. Должно быть, греки или армяне турецкіе... Всякая помѣсь... Они тутъ по всему берегу теперь живутъ, все въ свои руки позахватили, дельфиновъ бьютъ и рыбу ловятъ, и работниками живутъ на плантаціяхъ, въ садахъ... Кромѣ нихъ и не увидите здѣсь никого!

И въ самомъ дѣлѣ, вплоть до самаго Батума, во всѣ три дня нашего морского пути, къ намъ ни разу не подплывалъ отъ берега никто, кромѣ этихъ армянъ или грековъ; ни казакъ, ни черкесъ, ни русскій... Эти древніе насельники береговъ Понта Евксинскаго, потомки тѣхъ смѣлыхъ моряковъ, что̀ еще въ доисторическое время пѣнили его своими ладьями, разыскивая невѣдомыя страны и невѣдомыя сокровища, теперь какъ-то сами собой нечувствительно овладѣли своимъ историческимъ наслѣдствомъ.

Впрочемъ, и мы сами, съ свойственною намъ излишнею довѣрчивостью къ чужимъ и излишнимъ недовѣріемъ къ себѣ, сдѣлали все возможное, чтобы отдать эти прекрасные берега Кавказа изъ своихъ хозяйскихъ рукъ въ руки разныхъ иноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи исторія заселенія черноморскаго края и глубоко поучительна, и по истинѣ комична. Центральная кавказская администрація прежняго времени словно нарочно всѣми мѣрами боролась противъ русскаго и казацкаго заселенія Черноморья и дѣлала все возможное, чтобы отдать его инородцамъ. Ученый агрономъ, изъ армянъ, Хатисовъ, съ товарищемъ своимъ, тоже армяниномъ, былъ посланъ главнымъ управленіемъ Кавказа изучить вопросъ заселенія Черноморскаго берега и пришелъ къ заключенію, что русскіе колонисты здѣсь окажутся безполезными, что садовая, виноградная и табачная культуры, непремѣнно требуютъ армянъ, грековъ и вообще жителей юга. Хатисову и былъ порученъ, вслѣдствіе этого, вывозъ сюда армянъ и другихъ южныхъ пле-

менъ, теперь прочно захватившихъ въ свои руки этотъ морской берегъ.

Любуюсь я и на своеобразную грацію, и на красивый, словно выпиленный, типъ клювоносыхъ обладателей фелюкъ, по преимуществу лазовъ [1]). Живописно умотавъ голову цвѣтными шарфами вокругъ красной фески, въ своихъ узенькихъ и коротенькихъ штанахъ, съ потѣшными, какъ у дѣтей, висячими сзади мѣшками, съ распахнутыми фуфайками на могучей, бронзовой груди, они качаются стоя, на своихъ фелюкахъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на волненіе моря, подбрасывающее ихъ скорлупу то спереди, то сзади; лазаютъ и бѣгаютъ по бортамъ, какъ по улицѣ, и потомъ безпечно несутся-себѣ по морю, то глубоко ныряя, то взлетая высоко вверхъ, будто летятъ на салазкахъ съ ледяной горки, заваливъ свою лодку громадными тюками, набивъ ее, — какъ боченокъ сельдями, — взятыми съ парохода пассажирами. Имъ и горя мало! Они отправятся сейчасъ, въ этихъ же утлыхъ лодкахъ, за пятьдесятъ верстъ, въ просторъ моря—бить дельфиновъ или закидывать сѣти.

Дельфины то и дѣло перекувыркиваются вокругъ нашего парохода, словно забавляются перегонками съ нимъ. Молоденькіе, въ увлеченіи игры, вылетаютъ, какъ стрѣлы изъ воды, цѣликомъ на воздухъ; старые перекатываются огромными, черными колесами.

При насъ поймали одного молодого, и вотъ онъ весь виденъ намъ на днѣ ихъ подплывшей фелюки, герметически задѣланный, словно почтовая посылка, въ черную гуттаперчу своей сверкающей кожи. Съ нимъ рядомъ полощутся широкія, слизистыя камбалы, бѣлыя, будто мѣломъ вымазанныя, съ красными пятнами на плоской спинѣ, съ множествомъ присосковъ на бѣломъ, какъ бумага, тощемъ брюхѣ. Этими присосками они ловко передвигаются по камнямъ морского дня. Глядя на

[1]) Весь каботажъ находится тутъ въ рукахъ турокъ-лазовъ, одноплеменныхъ съ мингрельцами.

ихъ сплошные, круговые плавники, на ихъ распластанное, какъ блинъ, однобокое тѣло, скорѣе примешь ихъ за какую-нибудь странную летучую тварь, чѣмъ за рыбу.

Туапсе гораздо красивѣе Джубы. Бѣлая башня его маяка издалека видна на своемъ высокомъ, отвѣсномъ мысѣ. Зеленая долинка съ садами и уютными домиками совсѣмъ по-деревенски смотритъ изъ-подъ пріосѣнившихъ ее горъ, въ складкахъ которыхъ прячутся, невидныя съ парохода, улицы мѣстечка; въ немъ есть даже клубъ, даже гостинница, хотя Туапсе и не считается городомъ. Недалеко отъ него, въ глубинѣ тѣхъ же долинъ, расположены большія казацкія станицы, черезъ которыя идетъ шоссе въ Майкопъ. Одна только бѣда: шоссе это двадцать лѣтъ дѣлается и все не кончается, а потому на немъ ни лошадей, ни почтовыхъ станцій нѣтъ. Если сообщаться съ городомъ при такихъ условіяхъ не особенно удобно, зато охотиться въ окрестностяхъ Туапсе можно сколько угодно.

Горные лѣса здѣсь кишатъ всякимъ звѣремъ: кабановъ, дикихъ козъ — числа нѣтъ, и много медвѣдей; по дорогамъ то и дѣло встрѣчаютъ ихъ. По счастью, они здѣсь небольшого роста и довольно безобидные. А глубже, въ горахъ, въ непроходимыхъ лѣсныхъ дебряхъ, держатся даже зубры. Горскихъ ауловъ почти уже не осталось послѣ недавняго повальнаго переселенія шапсуговъ, убыховъ и всякихъ другихъ черкесскихъ племенъ побережья. Еще раньше аулы ихъ переселили изъ недоступныхъ горныхъ ущелій въ равнинныя мѣста. Теперь же подняла ихъ съ насиженныхъ родныхъ гнѣздъ и погнала на невѣдомый жребій въ Турцію, какъ увѣряли меня здѣсь, всеобщая воинская повинность. Муллы будто натолковали имъ, что разъ они сдѣлаются солдатами, ихъ сейчасъ же сдѣлаютъ христіанами, заставятъ ѣсть свинину и ходить въ русскую церковь. Мнѣ передавали, будто горцы просили, чтобы изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, набирали особые мусульманскіе полки, на подобіе казацкихъ или крымского татарскаго легіона, но правительство, по-

видимому, не нашло удобнымъ устраивать въ русской арміи чисто-мусульманскія части войскъ. Въ прежнее черкесское время берегъ этотъ былъ заселенъ гораздо гуще; вездѣ были проложены вьючныя тропинки, теперь исчезнувшія; поля кукурузы, проса, пшеницы пестрили склоны горъ; до сихъ поръ около покинутыхъ и совсѣмъ теперь развалившихся горскихъ ауловъ растутъ прекрасные сады со всевозможными фруктами, орѣхами, абрикосами, вишнями, сливами, яблоками, теперь уже частью одичавшими.

Хозяйственное благоустройство горца, прирожденнаго садовника, трудолюбиваго и выносливаго работника, изумительно умѣреннаго и трезваго, вообще стояло довольно высоко; онъ, конечно, омусульманившійся потомокъ грековъ, итальянцевъ и разныхъ другихъ, еще болѣе древнихъ, народностей, заселявшихъ когда-то гористые берега и укромныя бухты черноморскаго побережья. Онъ успѣлъ поэтому въ теченіе долгихъ вѣковъ вполнѣ приспособиться и къ климату своего края, и къ его своеобразному хозяйству.

— Ну, а какже поживаютъ здѣсь наши казаки,—наслѣдники черкесовъ?—спросилъ я у одного изъ своихъ спутниковъ, весьма, повидимому, опытнаго и бывалаго человѣка изъ мѣстной интеллигенціи и даже отчасти изъ мѣстной администраціи, которые, мнѣ показывалъ эти былые черкесскіе сады.

— Казаки!—улыбнулся онъ съ сожалѣніемъ, безнадежно махнувъ рукою.—Отъ казаковъ чего только тутъ не ждали? Да не вышло ничего...

— Это-жъ отчего?

— Излѣнились больно, отъ работы отбились! Думали-было, что они тутъ въ родѣ военной линіи образуютъ, какъ прежде на Кубани, на Терекѣ было, а въ то же время и хозяйства прочныя заведутъ... Ну, однако, ни того, ни другого не вышло...

Меня это больно кольнуло и казалось невѣроятнымъ.

— Скажите, пожалуйста,—возразилъ я,—да кто же, однако, Кубань-то и заселилъ, и распахалъ, и засадилъ—казаки вѣдь

тѣ же? Почему же они тамъ оказались и воинами, и хозяевами?

— Ну, тамъ имъ работа привычная, хлѣбъ, скотина, а тутъ сады, виноградъ... Труда много больше нужно, знанія, опыта. Вотъ они и позапустили все! Вы вотъ видѣли, какіе чудные сады были и плантаціи у черкесовъ, — все теперь брошено, все одичало, бурьянами заросло... 15-ть лѣтъ правительство съ ними, какъ съ младенцами возилось, паекъ хлѣбный отпускало, а какъ прекратили казенный хлѣбъ выдавать,—они и разбрелись куда зря! Сами себя прокормить не могутъ... Какіе же это хозяева?

Я, конечно, не могъ ничего возразить человѣку, имѣвшему за собою всѣ права на авторитетъ въ этомъ вопросѣ, но все-таки не вполнѣ увѣровалъ въ его слишкомъ пессимистическій взглядъ на хозяйственныя и колонизаторскія способности казака. Очень можетъ быть, что его искусственно поставили въ такое безысходное положеніе, при которомъ онъ не въ силахъ былъ обходиться безъ казеннаго пайка. Какъ нарочно, я скоро имѣлъ случай почти убѣдиться въ вѣроятности такого предположенія. Меня заинтересовалъ разговоръ одного инженера, работавшаго въ одномъ изъ береговыхъ укрѣпленій, съ туземцемъ-казакомъ.

— Чего вы сады черкесскіе не поддерживаете? яблоки тамъ у нихъ какія чудесныя, абрикосы... Возили бы себѣ помаленьку въ Новороссійскъ, да и прикарманивали бы каждый разъ денежки!.. уговаривалъ казака инженеръ.

— Батюшка! да нешто мы ужъ оглупѣли совсѣмъ? Сами бы не догадались? Мы бы со всей охотой повезли, да везти то никакъ нельзя! Такіе начальство порядки уставило, что никакихъ способовъ нѣтъ возить...

— Чего такъ? Отчего никакихъ способовъ?

— Да оттого же самаго! Ты коли хочешь, примѣромъ, яблокъ лодку свезти въ Новороссійскъ, ступай сначала въ Туапсе, тамъ свидѣтельство выправляй въ томожнѣ, а ужъ потомъ домой возвращайся, яблоки вези. А вы, ваше благородіе,

сами знаете, каково нашему брату по таможнямъ этимъ мыкаться... Никакихъ яблокъ не захочешь.

— Ну, такъ въ Екатеринодаръ бы возили по сухопутью. Тамъ никакихъ свидѣтельствъ не требуется.

— Пробовали, ваше благородіе, всего! возили и въ Екатеринодаръ, да корысть то какая? Торговали кирпичемъ и остались ни при чемъ! Дорогъ настоящихъ нѣтъ, опять же даль, всѣ колеса по камнямъ да по скаламъ разобьешь, а выручишь грошъ, на починку не хватитъ...

— Ну, все можно бы было что-нибудь придумать, коли бы взялись поумнѣе... настаивалъ инженеръ.—Не тамъ, въ иномъ мѣстѣ.

— Да вотъ, къ слову сказать, со мною же и было! извольте послушать, ваше благородіе! вдругъ словно вспомнилъ казакъ. Насыпалъ я какъ то фелюгу яблокъ, привезъ въ Туапсе, къ таможенному: позвольте выгрузить, ваше благородіе! Можешь, говоритъ, только до 6-ти часовъ, послѣ 6-ти часовъ закона нѣтъ выгружать.

— Помилуйте, говорю, теперь ужъ пять часовъ, гдѣ же фелюгу цѣлую въ одинъ часъ выгрузить? Опять же дѣло лѣтнее, свѣтло, не то что ночнымъ временемъ.

— Нѣтъ, говоритъ, нельзя, закона нѣтъ послѣ шести часовъ выгружать, жди, видно, до утра!

— Что подѣлаешь? Сталъ ждать до утра, а ночью развело на морѣ зыбь, поднялась буря, выкинуло фелюгу на берегъ,— весь берегъ яблоками моими укатало, подбирай, знай, кто хочетъ... Ужь такъ мнѣ жаль товару стало... Гляжу, начальникъ этотъ самый выходитъ, смотритъ...

— Вотъ, говорю, ваше благородіе, и дождался утра, полюбуйтесь, говорю, на яблочки? а самъ чуть не плачу. А онъ мнѣ на это: ну и чортъ съ ними! очень они мнѣ нужны твои яблоки! одинъ разъ позволь, вы тутъ каждую ночь выгружать будете, и контрабанду, и все...

— Вотъ и торгуй такъ съ порядками съ такими!

Въ Туапсе уже много цивилизованныхъ владѣльцевъ, но рѣдкій изъ нихъ можетъ похвастать доходностью своего имѣнія. Получаетъ доходъ развѣ одинъ баронъ Штенгель, разведшій свои виноградники и сады позже другихъ сосѣдей, но не жалѣющій денегъ и поэтому доводящій дѣло до настоящаго конца. Нѣсколько имѣній по этому берегу принадлежитъ членамъ Августѣйшей фамиліи. Не доѣзжая Сочи, мы проѣхали напр. Вардане, имѣніе бывшаго кавказскаго намѣстника, великаго князя Михаила Николаевича. Тутъ же около него и имѣніе великаго князя Константина Константиновича, но всѣ они, сколько слышно, даютъ пока одинъ убытокъ. Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, также пріобрѣлъ недавно имѣніе на Черноморскомъ берегу, и, кажется, намѣренъ серьезно развить въ немъ винодѣліе, что́ было бы очень важно для края.

Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что эти жаркія и сочныя зеленыя долинки, эти горные скаты, открытые южному солнцу,—идеально хороши для виноградарства и, конечно, въ будущемъ, не особенно далекомъ, совершенно задавятъ собою винодѣліе крошечнаго крымскаго берега. Уже нѣкоторые первые шаги по этому пути увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Удѣльное имѣніе Абрау даетъ уже превосходное вино, въ имѣніи г. Пенджула до 20 десятинъ прекрасно содержимаго виноградника, и вино его соперничаетъ съ абраускимъ. Вслѣдствіе этого цѣны на удобныя земли растутъ здѣсь не по днямъ, а по часамъ. Я знаю одну дачу въ шести верстахъ отъ Новороссійска, гдѣ каждая квадратная сажень куплена по 3 руб. 50 к., слѣдовательно десятина сто́итъ до восьми съ половиною тысячъ рублей! Выше, къ горамъ за десятину подъ виноградникъ платится до 500 рублей; а нужно принять во вниманіе, что, при условіяхъ здѣшняго найма рабочихъ, обработка каждой десятины подъ виноградникъ обходится отъ 2.000 до 3.000 тысячъ рублей, слѣдовательно, нуженъ очень почтенный капиталъ для заведенія здѣсь сколько-нибудь обширнаго виноградного хозяйства.

Впрочемъ, это цѣны ближайшихъ окрестностей Новороссійска; въ Туапсе же, Сочи, Адлерѣ и другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, десятину вполнѣ хорошей береговой земли можно пріобрѣсть по 150 руб. сер., а глубже къ горамъ даже по 30 и 25 руб. Въ послѣднее время стали покупать довольно много земель на морскомъ берегу мелкими участками, особенно вблизи Геленджика, до котораго ведется шоссе изъ Новороссійска, уже на половину оконченное. Горная береговая дорога — это тотъ талисманъ, который дастъ, наконецъ, жизнь всѣмъ этимъ прелестнымъ плодороднымъ уголкамъ роскошнаго кавказскаго побережья. Хотя вдоль всего берега и теперь учреждены казацкіе посты и, по возможности, разработаны вьючныя тропинки, а въ сосѣдствѣ съ бывшими военными укрѣпленіями даже и вьючныя дороги, но горныя рѣчки, осыпи и разливы часто дѣлаютъ эти дорожки непроходимыми даже для привычнаго туземца и его неутомимаго коня.

Между тѣмъ, пароходъ заходитъ только одинъ разъ въ недѣлю, да и то далеко не во всѣ прибрежныя мѣстечки, останавливается почти въ открытомъ морѣ, за неимѣніемъ нигдѣ пристаней, такъ что приходится сначала грузить въ фелюки, потомъ изъ нихъ на пароходъ, что́ во время волненія, весьма обычнаго у береговъ Кавказа, бываетъ очень неудобно, а иногда просто невозможно. Впрочемъ, фелюки тоже не всегда могутъ доходить до самаго берега; въ сильный прибой путешественники должны покидать свои ладьи за нѣсколько десятковъ саженъ до земли и шествовать на берегъ по волнамъ морскимъ, что люди балованные обыкновенно замѣняютъ выносливою спиною носильщика, на котораго они возсѣдаютъ, какъ на верблюда и съ котораго, тѣмъ не менѣе, имъ приходится потомъ слѣзать мокрыми съ головы до ногъ отъ всплесковъ прибоя.

Мѣстному чиновному люду бѣда бываетъ съ здѣшними путями сообщенія. На все у нихъ поверстный срокъ, точное канцелярское росписаніе, а море ничего знать не хочетъ, разбушуется, когда ему вздумается, и не даетъ подходить пароходамъ

къ берегу иногда по 2 мѣсяца сряду. Вотъ и зимуетъ бѣдняга, заѣхавшій по пустому минутному дѣлу, въ какомъ-нибудь глухомъ прибрежномъ уголкѣ, въ родѣ Джубы или Сочи, оторванный и отъ служебныхъ обязанностей, и отъ своей семьи, часто еще безъ денегъ. А не то путешествуетъ себѣ зря мимо какого-нибудь нужнаго ему пункта взадъ и впередъ на пароходѣ, съ безплодною надеждою высадиться туда, если не сегодня, такъ хоть завтра, и попадаетъ, вовсе на то не разсчитывая, вмѣсто Сухума или Туапсе, въ Батумъ или Новороссійскъ. Понятно, какое вліяніе имѣетъ на правильный ходъ судебныхъ и административныхъ дѣлъ такой комически-грустный порядокъ, если представить себѣ, напримѣръ, хотя бы судебнаго слѣдователя или полицейскаго чина, гоняющихся, такимъ оригинальнымъ способомъ, за преступникомъ.

Общій голосъ мѣстныхъ жителей настойчиво утверждаетъ, что насущные интересы черноморскаго побережья могутъ быть сколько-нибудь удовлетворены только отдѣленіемъ его въ особый округъ, независимый отъ Кубанской области, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго ни въ хозяйственномъ, ни въ административномъ отношеніи, и съ которымъ онъ совершенно разобщенъ географически. Наблюдать изъ Екатеринодара за экономическою жизнью Сочи или Адлера рѣшительно невозможно, а примѣнять на этомъ побережьи, жаждущемъ торговли и промысловъ, порядки, годные для степной равнины, было бы чистымъ убійствомъ будущности края.

Высоко на скалистомъ мысѣ вырѣзался вдали неприступнымъ средневѣковымъ замкомъ бѣлый маякъ. Мы загибаемъ къ Сочи.

Сочи—одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ кавказскаго побережья! Широкая, сочная долина врѣзается глубоко въ хребты горъ, и ея отлогіе скаты, покрытые красивыми домиками, виноградниками, кипарисами, составляютъ собою очень эффектныя ворота въ этотъ живописный горный проходъ. Православный

храмъ съ высокою колокольнею мирно и весело вырѣзается на зелени садовъ своими изящними бѣлыми башнями. Этотъ прекрасный храмъ построенъ жертвами здѣшнихъ крупныхъ владѣльцевъ, извѣстныхъ московскихъ фабрикантовъ, Мамонтова, Хлудова и др. Тутъ же находятся дачи и фермы ихъ. Вообще, Сочи—незамѣнимое мѣсто для дачъ, цвѣтущее, плодородное, съ чуднымъ климатомъ, съ живописными видами, хотя, какъ и всѣ эти чарующія глазъ прибрежныя мѣстности, съ неизбѣжными лихорадками. Стоитъ, однако, подняться немного выше въ долину, гдѣ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ берега начинаются казацкія станицы, какъ воздухъ дѣлается удивительно здоровымъ. Замѣчательно, что всѣ аулы горцевъ отличались здоровымъ климатомъ, потому что всегда устраивались на высотѣ, по скатамъ горъ. Послѣ войны, въ видахъ осторожности, ихъ посводили въ равнины, гдѣ они узнали мало имъ извѣстныя прежде лихорадки. Теперь, впрочемъ, этихъ ауловъ осталось уже очень мало. Они живутъ тихо, присмирѣвъ, и о разбояхъ здѣсь не слышно. Въ одномъ прошломъ году выселилось въ Турцію 8.000 горскихъ семействъ, и нѣкоторыя уже успѣли вернуться на старыя пепелища, горько разочарованныя въ той землѣ обѣтованной, которая рисовалась ихъ воображенію.

Адлеръ давно сталъ привлекать къ себѣ русскихъ поселенцевъ и сдѣлался одною изъ старѣйшихъ и любимѣйшихъ колоній кавказскаго побережья. Можетъ быть, потому, что онъ болѣе другихъ пригорныхъ и приморскихъ уголковъ напоминаетъ простому русскому человѣку родныя ему плодоносныя равнины. Адлеръ—это очень низменное и доступное просторное побережье у ногъ хребта, мысомъ вдавшееся въ море; сзади зеленая низина эта широко распахнула собою твердыни горъ и протянула плодородную полосу земли довольно глубоко въ ихъ каменное царство. Адлеръ уже не такъ красивъ, какъ Сочи, и не ласкаетъ вашего глаза хорошенькими дачами и барскими садами; тутъ нѣтъ не обрывовъ скалъ, ни храмовъ, ни башней. Тутъ все

только простые домики трудового человѣка, разсыпанные по равнинѣ, обильные сады, обсаженные рядами пирамидальныхъ тополей. Издали своею привлекательною деревенскою простотою и своими тополями Адлеръ напоминаетъ крымскую Алушту.

Увѣряютъ, будто на Адлерѣ нѣтъ лихорадокъ, будто воздухъ его для чахоточныхъ цѣлительнѣе воздуха Батума и Сухума. Но, глядя на эту низменную долинку, прилегшую къ самой водѣ, загороженную стѣнами горъ, заросшую густыми деревьями, невольно сомнѣваешься въ этихъ розовыхъ взглядахъ и представляешь себѣ напротивъ, что тутъ-то и должно быть гнѣздо всякихъ лихорадочныхъ міазмовъ.

Меня теперь всецѣло заняла публика палубы, навалившаяся съ безмолвнымъ любопытствомъ къ борту парохода, къ которому быстро подплываетъ, ныряя и взлетая по волнамъ, нагруженная фелюка. Она сторожила у берега появленіе долгожданнаго гостя и понеслась къ нему радостно, какъ чайка на свою добычу, когда онъ спустилъ якоря. Въ фелюкѣ работали обычныя птицы черноморскаго берега, босоногія, гологрудыя, увернутыя оборванными тюрбанами. Цѣлыя толпы хохловъ-переселенцевъ изъ Херсонской губерніи стали высаживаться изъ парохода. Трогательно было смотрѣть. какъ всѣ эти истощенные старики и старухи, обвязанные мѣшками и котомками, съ ракитовыми палочками въ рукахъ, съ горсточкой родной землицы подъ онучемъ своихъ лаптей, всѣ эти простодушные бѣлобрысые парни, еще не видавшіе въ своей жизни ничего, кромѣ ржаного поля и зеленой степи, съ пилами на спинѣ, съ топорами за поясомъ, съ коробами и узлами на плечахъ, всѣ эти глазатыя, изумленно раскрывшія ротъ дѣтишки, судорожно ухватившіяся за юбки матерей, за рубашки мужиковъ,—какъ всѣ они беззащитно и покорно, будто овцы, спускались по шатавшейся лѣсенкѣ въ неистово качавшуюся лодку, съ наивнымъ ужасомъ къ морю, съ суевѣрнымъ изумленіемъ къ горамъ, и молча набивались, — будто сельди въ боченокъ, — въ

тѣсную фелюку, безропотно предавая себя на волю невиданной никогда черномазой образины съ разбойничьими усищами на разбойничьей рожѣ и въ бабьемъ платкѣ на головѣ. Вотъ они усѣлись какъ попало и гдѣ попало, чуть не другъ на друга, съ обычною нетребовательностью и выносливостью русскаго мужика, и крестятся съ глубокими вздохами въ сторону покидаемой родины, будто на вѣки прощаясь съ нею, очевидно, охваченные уже и тяжко придавленные чувствомъ надвинувшагося теперь на нихъ новаго края, гдѣ все имъ невѣдомо и непонятно, все не по-ихнему, не по-родному—православному, и земля не та, и работа не та, и жизнь не та,—гдѣ уже не будетъ стелиться кругомъ, волнуясь и золотясь, сплошное ржаное поле, не будетъ слышно знакомаго благовѣста сельской колокольни, не будутъ тянуться по необозримой степи скрипучіе обозы воловъ...

Смотрѣлъ на этихъ подневольныхъ странниковъ съ борта парохода тоже странникъ, и, какъ оказалось, тоже отчасти подневольный. Это былъ молодой, рослый монахъ еще, конечно, послушникъ, котораго дебелое тѣло, казалось, распирало черную люстриновую рясу, а курчавая поросль черныхъ волосъ пріятно оттѣняла сыто откормленныя цвѣтущія ланиты. Онъ ѣхалъ, какъ разсказалъ мнѣ, въ Новый Аѳонъ, посланный туда изъ петербургскаго Аѳонскаго подворья, въ качествѣ староаѳонскаго монаха. Ему тоже предстояло высадиться очень скоро въ новыя мѣста, на новое дѣло, но перспектива эта, повидимому, нисколько не смущала юнаго инока, съ веселою и спокойною усмѣшкою довольнаго собою человѣка слѣдившаго за неумѣлою переправою утомленной рабочей толпы.

Хотя только всего начало апрѣля, а ужъ горы Кавказа всѣ въ молодой курчавой зелени лѣсовъ, будто тысячелѣтніе старческіе черепа, внезапно помолодѣвшіе отъ волшебнаго дыханія весны.

А за этими зелеными лѣсистыми горами давно уже видны намъ и надъ Сочей, и надъ Адлеромъ, сквозь капризную игру летучихъ облаковъ, снѣговые заоблачные великаны Кавказа.

Безлюдность кавказскихъ береговъ поразительна. Проплываешь мимо нихъ цѣлые часы сряду и нигдѣ никакихъ признаковъ жилья, пока не доберешься до какого-нибудь мѣстечка въ родѣ Сочи или Адлера, раскинутыхъ кое-гдѣ по берегу будто нарочно для того, чтобы еще больше оттѣнить его безлюдіе. У подножія этихъ каменныхъ громадъ, надвинувшихся на море, южный берегъ Крыма могъ бы улечься не одинъ разъ и не одинъ разъ повторить свои прославленныя красоты. Тутъ недостаетъ только одного человѣка, недостаетъ, чтобы его домовитое жилье мирно засіяло среди теперешней дичи разумнымъ хозяиномъ всѣхъ этихъ непочатыхъ и невѣдомыхъ сокровищъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ старика Кавказа, чтобы радующій пейзажъ его садовъ и плантацій новою жизнью оживилъ, какъ черенокъ благороднаго растенія могучій дичокъ, всю эту безплодно дремлющую красоту вольной природы.

Сколько вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ исторія коснулась этого берега, столь близкаго сосѣда и Каѳы, и Трапезунта, и Византіи, а до сихъ поръ люди гнѣздятся здѣсь только въ нѣсколькихъ крошечныхъ уголкахъ у устья долинъ, впадающихъ въ море, да и тутъ еще болѣютъ и вымираютъ отъ лихорадокъ. До того трудно одолимъ этотъ старецъ Кавказъ, вѣроятно унаслѣдовавшій непокорный и независимый духъ нѣкогда прикованнаго къ нему титана. Впрочемъ, русскому сердцу все-таки утѣшительно вспомнить, что теперешнія безопасныя наши странствованія по всѣмъ этимъ Новороссійскамъ, Аѳонамъ, Сухумамъ — далеко уже не то, чѣмъ были когда-то сношенія съ этимъ злополучнымъ берегомъ прежнихъ плавателей. Еще въ 50-хъ годахъ, при императорѣ Николаѣ, высадка мирнаго гражданина на западный берегъ Кавказа зачастую была равносильна плѣненію и неволѣ! А въ болѣе раннія эпохи,—всѣ эти береговыя бухты и селенія были завѣдомымъ гнѣздомъ гра-

бежа и разбоя. Интересно описаніе такъ называемыхъ «*торговыхъ*» сношеній съ кавказскими горцами извѣстнаго французскаго путешественника 17 вѣка Шардена, проѣхавшаго моремъ изъ Каѳы (Ѳеодосіи) въ Мингрелію какъ разъ по тому берегу, гдѣ мы теперь плывемъ.

«Корабли, идущіе изъ Константинополя и Каѳы въ Мингрелію, бросаютъ якорь во многихъ мѣстахъ этого берега», простодушно разсказываетъ Шарденъ. «Они остаются тамъ по дню и по два, и въ это время весь берегъ покрывается полуголыми жадными варварами разбойничьяго вида, которые толпами сбѣгаютъ съ своихъ горъ. Съ черкесами торгуются, держа въ рукахъ оружіе. Когда нѣкоторые изъ нихъ желаютъ отправиться на корабль, то имъ даютъ заложниковъ, съ нихъ точно такъ же берутъ заложниковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь съ корабля захочетъ съѣхать на берегъ; но это бываетъ очень рѣдко, потому что они очень вѣроломны. Они даютъ трехъ заложниковъ за одного человѣка. Въ обмѣнъ на товары отъ нихъ получаютъ невольниковъ всякаго пола и возраста, медъ, воскъ, кожи, шкуры шакала. Обмѣнъ дѣлается такимъ образомъ; корабельная барка подъѣзжаетъ близко къ берегу; сидящіе въ ней хорошо вооружены. Къ мѣсту высадки дозволяется подойти только такому же числу черкесовъ. Если же ихъ подходитъ больше, то барка удаляется въ открытое море. Когда сойдутся вмѣстѣ, показываютъ другъ другу товары, которыми могутъ размѣняться, уговариваются и обмѣниваются. Однако нужно быть очень осторожными, ибо черкесы — это само коварство и обманъ. Они не могутъ упустить случая ограбить, если только могутъ».

Между тѣмъ глаза мои не могутъ оторваться отъ созерцанія Кавказа. Дождливые дни кончились, и закрытый было туманами сѣдой хребетъ все время теперь выглядываетъ на насъ изъ-за голыхъ каменныхъ громадъ. Какъ быстро и долго ни бѣжитъ нашъ пароходъ, а все не можетъ уйти отъ этого не-

подвижнаго провожающаго его взора снѣговыхъ великановъ. А мы еще несемся не вдоль хребта, а скорѣе поперекъ него, такъ велика ширина этого могучаго горнаго кряжа, остановившаго собою напоръ океана. Онъ ворвался побѣдоносно въ тѣло земли, глубоко разодравъ его своими морями, Средиземнымъ, Архипелагомъ, Мраморнымъ, Чернымъ, капризно выгрызая его заливами и проливами, но замеръ на груди исполина Кавказа, не въ силахъ будучи пробиться сквозь его граниты... Нигдѣ Кавказъ не кажется такимъ могучимъ и несокрушимымъ, нигдѣ не ощутишь такъ его огромнаго значенія на шарѣ земномъ, какъ здѣсь, со стороны побѣжденнаго имъ моря, когда цѣлыхъ двое сутокъ безостановочно день и ночь несешься на всѣхъ парахъ поперекъ его толщины и не можешь обозрѣть всего этого безчисленнаго населенія каменныхъ и снѣговыхъ исполиновъ.

Гигантскими кристаллами и утесами, величественными пирамидами, зубчатыми замками, обрывистыми голыми рогами, сплошными заоблачными гребнями насыпаны они другъ на друга, друга за другомъ, на необозримое пространство, теряющееся въ туманахъ дали, словно каждый изъ нихъ силится привстать одинъ изъ-за другого и вырваться на давно желанную свободу изъ кишащей и давящей тѣсноты этого хаоса горныхъ громадъ. Слѣпая сила земли, пытающаяся подняться до неба и противъ неба. Поневолѣ Кавказъ въ воображеніи народовъ издревле сталъ синонимомъ мятежныхъ титаническихъ сыновъ земли, возставшихъ противъ боговъ.

Онъ виденъ намъ отсюда, съ палубы плавно бѣгущаго парохода, въ яркомъ сіяніи весенняго дня, ясно и рѣзко, со всѣми морщинами своего тысячелѣтняго лика, съ глубокими тѣнями ущелій, съ ослѣпительнымъ сверканіемъ снѣговъ, съ своими сплошными полями смерти, съ своей вѣчной зимою, поднятый высоко къ солнцу и охваченный синимъ зноемъ неба, — неподвижный, неизмѣнный въ теченіе тысячелѣтій, и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно живой! Онъ оросъ легендами, этотъ старецъ земли, та-

кими же сверстниками міра, какъ и вѣчные снѣга, окутывающіе его голову.

Но суровые силуэты далекаго сѣдого Кавказа, встающіе какъ могильные призраки изъ-за голыхъ каменныхъ хребтовъ, заслонены отъ волнующагося и рокочущаго моря веселыми грядами лѣсистыхъ горъ, то темнѣющихъ чащами сосенъ и елей, то облитыхъ будто овцы густою шерстью — курчавою порослью молодого яркозеленаго чернолѣсья.

III.

У береговъ Абхазіи и Колхиды.

.... Сухумъ въ послѣднее время сдѣлался одною изъ любимыхъ санитарныхъ станцій кавказскаго побережья. Многіе считаютъ его климатъ спасительнымъ для чахоточныхъ и предпочитаютъ его Батуму. Но я думаю, что лихорадки, которыми онъ издавна славится, и отсутствіе обычныхъ удобствъ порядочнаго города—врядъ ли могутъ служить подтвержденіемъ такого слишкомъ розоваго взгляда на воздухъ Сухума.

Намъ, русскимъ, вообще какъ-то не везетъ съ Сухумомъ.

Хотя огромное большинство абхазцевъ и считается христіанами уже съ древнѣйшихъ временъ, но почему-то мы до сихъ поръ не съумѣли расположить ихъ къ своему православному отечеству, такъ что всѣ сердечныя влеченія ихъ—къ Турціи и ея Пади-шаху. Правда, курьезно было до послѣдняго времени это абхазское одичавшее христіанство, гораздо болѣе похожее на язычество, сочетавшее самымъ страннымъ образомъ отрывочные и искаженные обряды христіанской религіи съ грубѣйшимъ фетишизмомъ и первобытнымъ поклоненіемъ силамъ природы. Хотя въ послѣднее время на возстановленіе истиннаго христіанства въ Абхазіи и обращено гораздо болѣе вниманія какъ духовенствомъ, такъ и обществомъ распространенія право-

славія на Кавказѣ, но христіанство все-таки очень туго проникаетъ въ полудикихъ туземцевъ.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ этого нужно считать нашу всегдашнюю ошибку—навязывать мало извѣстнымъ намъ народностямъ чуждый имъ языкъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей ихъ, умѣющихъ весьма кстати воспользоваться нашими историческими и этнографическими заблужденіями.

Такъ поступили мы когда-то съ киргизами Букеевской орды, обращая ихъ на казенный счетъ изъ шаманскаго язычества въ мусульманство; такъ дѣйствовали мы въ Остзейскихъ губерніяхъ, долгое время предавая туземныя племена финскаго корня, составлявшія громадное большинство населенія, языку и цивилизаціи небольшого нѣмецкаго меньшинства.

Такъ теперь и въ Абхазіи, мы, по такому же глубокому недоразумѣнію, тратимъ свои усилія на искусственное привитіе абхазцамъ грузинскаго богослуженія, грузинскаго языка, между тѣмъ какъ абхазецъ такъ же не понимаетъ по-грузински, какъ и по-русски, и если входилъ нѣкогда въ составъ общаго грузинскаго царства, то какъ самостоятельный, а вовсе не подчиненный членъ его, вслѣдствіе случайнаго соединенія обѣихъ коронъ на головѣ одного столько же абхазскаго, сколько грузинскаго царя (Баграта 3-го). Разумѣется, только церковныя книги и церковная проповѣдь на родномъ понятномъ языкѣ, и только священники-земляки, пользующіеся любовію и довѣріемъ своего народа, а не чуждые ему пришельцы-грузины, могли бы въ христіанскомъ смыслѣ повліять на складъ мыслей и расположеніе сердецъ абхазскаго населенія. И ужъ во всякомъ случаѣ, при дальнѣйшемъ привитіи имъ христіанской цивилизаціи, она должна прикасаться къ нимъ языкомъ великаго государственнаго отечества ихъ Россіи, а никакъ не языкомъ Грузіи, такой же мелкой составной единицы Русскаго государства, какъ и сама Абхазія.

Въ горныхъ долинахъ Абхазіи еще удержалось послѣ послѣдняго переселенія въ Турцію около 60.000 абхазцевъ, почти

поголовно христіанъ. Населеніе это, въ такомъ цвѣтущемъ и обильномъ краѣ, можетъ размножаться очень быстро, и есть еще поэтому время и поводъ серьезно заняться его судьбами. Основаніе Новоаѳонскаго монастыря въ память св. Симона Кананитскаго, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сухумомъ, развивающаго не по днямъ, а по часамъ, свою плодотворную экономическую и нравственную дѣятельность среди этого полудикаго края, несомнѣнно послужитъ краеугольнымъ камнемъ для возрожденія Абхазіи въ духѣ христіанской цивилизаціи и, быть можетъ, сдѣлаетъ въ будущемъ навсегда невозможными такія глубоко-прискорбныя, едва вѣроятныя событія, что цѣлая русская область, населенная, главнымъ образомъ, христіанами, при первомъ призывѣ мусульманскихъ враговъ Россіи, поголовно переходитъ на ихъ сторону, проливаетъ за нихъ свою кровь и отрекается во имя какихъ-то призрачныхъ выгодъ и отъ своей религіи, и отъ своей родины...

Поэтому поддержка въ Абхазіи православія и возстановленіе ея древнихъ забытыхъ святынь—составляетъ не только вопросъ религіознаго благочестія или археологической любознательности, но и очень важный государственный вопросъ, на которомъ кавказское правительство должно сосредоточить самыя серьезныя усилія, такъ какъ всѣ эти, повидимому, мало полезныя реставраціи древнихъ развалинъ и разыскиваніе древнихъ церковныхъ преданій создадутъ современемъ гораздо болѣе надежный оплотъ для береговой защиты Кавказа, чѣмъ крѣпости и пушки.

Абхазія была христіанскою страною съ незапамятныхъ временъ. Апостолъ Андрей, пронося евангельскую проповѣдь по скиѳскимъ пустынямъ и маловѣдомымъ берегамъ «негостепріимнаго Понта», посѣтилъ и западное побережье Кавказа, сокрушалъ священные дубы на высотахъ Мингреліи, Абхазіи, Джигетіи, и проповѣдовалъ кровожаднымъ язычникамъ горъ, предававшимся еще людоѣдству, кроткое ученіе любви и мира. Онъ оставилъ здѣсь надолго спутника своего, апостола Симона Кана-

нита, который и окончилъ свою жизнь въ прибрежныхъ долинахъ Абхазіи, насаждая среди этой каменистой духовной почвы первыя скудныя сѣмена христіанства.

Древній греческій городъ Никопсія (или Анакопсія), въ 20-ти верстахъ сѣвернѣе Сухума, на мѣстѣ котораго основанъ теперь Новоаѳонскій монастырь имени апостола Симона, былъ, повидимому, центромъ и могилою его благочестивыхъ трудовъ. Распространилось ли и удержалось ли христіанство кавказскаго побережья послѣ смерти апостола—исторіи не извѣстно. Только при византійскихъ императорахъ, овладѣвшихъ прибрежными областями Кавказа и Крыма, именно, при Юстиніанѣ Великомъ (въ VI-мъ вѣкѣ), тлѣвшія въ Абхазіи слабыя искры Христовой вѣры разгорѣлись яркимъ пламенемъ и озарили собою цѣлую страну.

Въ Абхазіи, Мингреліи, Имеретіи—Юстиніанъ учредилъ митрополіи и епископства, построилъ во множествѣ знаменитые потомъ монастыри и храмы, всюду присылалъ греческихъ священниковъ и причты.

Съ того блестящаго вѣка христіанской церкви ведетъ свое начало и пицундскій храмъ, служившій до самаго XVII столѣтія мѣстопребываніемъ католикосовъ Абхазіи, и, по всей вѣроятности, другіе древніе храмы Абхазіи, какъ, напр., въ Никопсіи, бывшей резиденціею Цхумскихъ (т.-е. Сухумскихъ) епископовъ, въ Драндахъ, въ Илори, Мокви, на горѣ Дюдрюпшъ возлѣ Гудаута и проч.

Въ XI вѣкѣ, въ царствованіе абхазско-грузинскаго царя Давида-Возобновителя, весь пустынный теперь берегъ Абхазіи былъ покрытъ цвѣтущими городами, монастырями и храмами. Но завоеваніе Византіи турками въ концѣ XV вѣка нанесло страшный ударъ абхазскому христіанству: Подъ давленіемъ фанатическихъ пашей и имамовъ, болѣе знатные и богатые абхазцы, имѣвшіе постоянныя торговыя или служебныя сношенія съ турками, нуждавшіеся въ ихъ милостяхъ, стали постепенно отпадать отъ христіанства, мало-по-малу увлекая за

собою и народъ; монастыри закрывались, церкви пустѣли, священники бѣднѣли и теряли вліяніе, духовное общеніе съ христіанскими государствами всячески затруднялось. Въ XVII столѣтіи католикосу Абхазіи уже опасно было пребывать въ своей Пицундской обители, и эта центральная историческая святыня Абхазіи начинаетъ приходить въ разрушеніе, какъ и всѣ другія. Католикосы удаляются въ Кутаисъ, въ христіанскую Имеретію, изрѣдка только навѣщая свою древнюю резиденцію.

Когда русскіе завладѣли въ 1830 г. Пицундою, древній пицундскій храмъ еще существовалъ, но уже обнаженный отъ всякихъ священныхъ украшеній; стѣны и куполъ его поросли растеніями, и только на престолѣ было найдено древнее грузинское евангеліе XV вѣка, котораго не осмѣлилась тронуть рука мусульманина, и которое хранится теперь въ Императорской публичной библіотекѣ Петербурга. Теперь этотъ храмъ обновленъ въ духѣ древности, такъ же какъ и многіе другіе историческіе храмы Абхазіи.

Аѳонскій Пантелеймоновъ монастырь возобновилъ разрушенную церковь Никопсіи надъ предполагаемою гробницею Симона Кананита; одинъ аѳонскій монахъ на свой счетъ отстроилъ на древнихъ развалинахъ обитель въ Драндахъ, которая теперь соревнуетъ благолѣпіемъ и трудами своими съ Новоаѳонскимъ монастыремъ. Есть надежда, что будетъ устроена церковь въ Гумѣ, или Кумѣ, на рѣкѣ Гумистѣ, гдѣ въ недавнее время одинъ греческій археологъ, на основаніи открытыхъ имъ рукописныхъ источниковъ, опредѣлилъ развалины города Команъ, или Куманъ, мѣста страдальческой кончины св. Іоанна Златоустаго, сосланнаго сюда въ ссылку, гробница котораго народнымъ преданіемъ абхазцевъ изстари указывалась впрочемъ не въ Гумѣ, а въ самомъ пицундскомъ храмѣ, точно такъ же, какъ и гробница св. апостола Андрея Первозваннаго погребеннаго, какъ извѣстно, вовсе не на Кавказѣ, а въ Патрасѣ ахейскомъ.

Новоафонскій монастырь уже въ короткое время своего существованія (которое надобно считать, собственно говоря, съ возобновленія его послѣ турецкой войны, слѣдовательно съ 1878 года) успѣлъ проявить свое важное миссіонерское значеніе для края. Не столько слова проповѣди, сколько примѣръ мирной трудолюбивой жизни, сердечнаго участія къ нуждамъ окрестныхъ жителей и благолѣпіе богослужебнаго чина въ монастырѣ—привлекаютъ къ нему съ каждымъ годомъ все больше одичавшихъ и омусульманившихся христіанъ Абхазіи, такъ что онъ сдѣлался нечувствительно оживотворяющимъ сердцемъ этого чуднаго края, совсѣмъ замиравшаго отъ духовнаго истощенія, и естественнымъ центромъ его обновляющейся религіозной жизни.

Сухумъ и его страна богаты не одними только церковными памятниками древности. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и одинъ изъ древнѣйшихъ уголковъ первобытной исторіи человѣчества. Діоскурій грековъ, извѣстный потомъ у римлянъ подъ именемъ «Знаменитаго города», Себастополиса, стоялъ на мѣстѣ теперешняго Сухума, сосѣдній къ которому мысъ морского берега, слѣдующій за Кодоромъ, до сихъ поръ сохранилъ искаженное древнее имя Искуріи. А Діоскурій былъ такъ безконечно старъ, что древніе греки приписывали его основаніе полумиѳическимъ героямъ «похода Аргонавтовъ»,—Кастору и Поллуксу. Да и другія поселенія абхазскаго и мингрельскаго берега могутъ считать свой возрастъ тысячелѣтіями, потому что еще въ VII вѣкѣ до Рождества Христова, болѣе $2^1/_2$ тысячъ лѣтъ тому назадъ, предпріимчивые милетцы уже устраивали свои колоніи на восточномъ берегу Евксинскаго Понта, чтобы черезъ ихъ посредство торговать съ Индіей, Персіей и Бактріей.

Большая часть прибрежныхъ городовъ Абхазіи, лежащихъ теперь въ развалинахъ, были значительными торговыми городами уже въ дни Помпея и Митридата, и потомъ во время римскихъ императоровъ; теперешняя абхазская Пицунда, напр.,

или, по-грузински, Бичвинта, описывается Страбономъ, какъ большой и славный городъ Питіусъ; на мѣстѣ нынѣшняго Новоаѳонскаго монастыря, у впаденія р. Апсары (теперешней Псырт-цхи) стояла древняя греческая Анакопсія (или Никопсія), теперешняя деревня Соукъ-су, резиденція недавно еще независимыхъ князей Абхазіи Шервашидзе, была прежде городъ Лыхна, на мѣстѣ г. Поти у устья Ріона—стоялъ городъ Фазисъ и т. д. Даже названіе народа абхазскаго 2.000 лѣтъ тому назадъ было то же самое, какъ и теперь. Они были извѣстны подъ именемъ абазговъ и грекамъ, и римлянамъ, и византійцамъ.

Послѣ грековъ, Митридата Понтійскаго и римлянъ эти цвѣтущіе берега горнаго Кавказа привлекли къ себѣ наслѣдниковъ римской и греческой предпріимчивости—генуэзцевъ и венеціанъ, основавшихъ свои торговыя факторіи и береговыя крѣпостцы на мѣстахъ старинныхъ классическихъ городовъ, пока разгромъ турками Византіи не отдалъ имъ во власть все черноморское побережье съ Крымомъ и Кавказомъ.

Не хочется примириться съ мыслью, что мы, русскіе, безсильны возстановить то цвѣтущее состояніе кавказскихъ береговъ, ту живую торговлю ихъ гаваней, которыми они славились и въ классическія времена, и въ средніе вѣка; не хочется повѣрить, что налегшая на этотъ счастливый край мертвящая рука ислама, обрекшая безлюдію и дикости нѣкогда кипѣвшія жизнью древнія поселенія, такъ навсегда и останется на нихъ, безмолвно торжествуя надъ тщетными усиліями русскаго духа...

Сухумъ производитъ во всякомъ случаѣ мирное и радующее впечатлѣніе на сердце путешественника своими укромными дачками, поэтическими кипарисами, привольными садами и виноградниками, въ которыхъ тонутъ его деревенскіе домики. Проведется къ нему удобная дорога, выстроится надежная при-

стань, и тогда онъ, пожалуй, опять обратится въ то, чѣмъ когда то былъ,—въ главный торговый центръ зепаднаго побережья Кавказа, въ тотъ «Севастополь», «знаменитый городъ», въ которомъ римляне, по словамъ ихъ древняго географа, держали 300 переводчиковъ различныхъ языковъ для переговоровъ съ безчисленными кавказскими народцами, собиравшимися на его шумныя торжища.

Стояло раннее утро, и облака, бѣлыя какъ молоко, залегли между курчавыхъ грядъ сухумскихъ предгорій. Они шевелятся тамъ, ползутъ и тѣснятся, какъ проснувшіяся стада овецъ, раздвигаютъ и задвигаютъ свои туманные занавѣсы, въ прорѣзы которыхъ ослѣпительно сверкаютъ алмазы снѣговъ и выглядываютъ таинственныя головы далекихъ сѣдыхъ великановъ, будто населеніе погребенныхъ подъ землю титановъ, силящихся приподняться изъ-подъ придавившей ихъ тяжести.

Цѣлая флотилія парусныхъ судовъ, фелюгъ, лодокъ—ночевала въ пристани Сухума и еще тихо качается на успокоившихся за ночь волнахъ.

Пароходъ нашъ подбираетъ наконецъ якоря и плавнымъ могучимъ поворотомъ направляется къ мысу Кодору. Чѣмъ дальше отодвигаемся мы отъ Сухума, тѣмъ выше, шире, необъятнѣе выростаетъ надъ утопающею въ туманахъ дали низиною Сухума грозный Кавказскій хребетъ.

Вотъ кресты и кровли новой обители въ Драндахъ весело улыбнулись намъ надъ чащами лѣса, совсѣмъ близко и низко отъ моря. Это тоже древняя резиденція Дранделей, епископовъ нѣкогда многолюднаго христіанскаго округа Абхазіи.

Вотъ и Очемчири, мѣсто недавняго пораженія турокъ генераломъ Алхазовымъ. Очемчири на низменной широкой равнинѣ, отодвинувшій довольно далеко отъ моря горный кряжъ, который около Сухума совсѣмъ нависаетъ надъ берегомъ. Тутъ уже нѣтъ ни лѣсистыхъ холмовъ, ни живописныхъ каменныхъ обрывовъ, а прозаическая сплошная заросль деревьевъ, славящаяся своими

лихорадками. Дома тутъ тоже совсѣмъ простенькіе, крестьянскіе, а не хорошенькія виллы — Сухума и Туапсе. Очемчири тоже торговое мѣстечко, посѣщаемое купцами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Очемчири абхазцы убили агента одной бельгійской лѣсной компаніи. Они провѣдали, что пароходъ привезъ ему 6.000 рублей для покупки лѣса, и чтобы вызвать его изъ дома, зажгли ночью сосѣднія строенія. Бѣдняга, ничего не подозрѣвая, выбѣжалъ на улицу, гдѣ мѣткая пуля сейчасъ же положила его на мѣстѣ. Убійцы были потомъ повѣшены въ Сухумѣ.

Вообще убійства въ этомъ безлюдномъ и полудикомъ краѣ — явленіе довольно обыкновенное. Въ самомъ городѣ Сухумѣ убили недавно въ собственномъ его домѣ генерала Завадскаго, и убійцъ его точно такъ же повѣсили, ибо здѣсь поневолѣ приходится прибѣгать въ этихъ случаяхъ къ военному суду съ его короткой и рѣшительной расправой, единственно устрашающей сколько нибудь этихъ прирожденныхъ разбойниковъ и грабителей. Они цѣлыя столѣтія вплоть до самаго русскаго занятія существовали главнымъ образомъ невольничьею торговлею, ради которой сосѣдъ кралъ дѣтей у сосѣда, и каждая деревня рѣзалась на ножахъ съ другою. Поневолѣ въ нихъ воспитался разбойничій духъ, котораго долго не вытравитъ изъ нихъ ни церковь, ни школа, до сихъ поръ впрочемъ почти бездѣйствующія.

Французскій путешественникъ XVII-го вѣка, Шарденъ, современникъ нашего царя Алексѣя Михайловича, высаживался очень недалеко отъ Очемчиръ, въ *„Изгауръ“*, т.-е., очевидно, на мысѣ Искуріи, гдѣ до сихъ поръ видны слѣды былого поселенія. Любопытно, въ какомъ видѣ онъ нашелъ тогдашнюю торговлю кавказскаго побережья: «Изгауръ, — пишетъ онъ, — мѣсто пустынное и безъ всякихъ жилищъ. Тамъ ставятъ шалаши изъ вѣтокъ по мѣрѣ того, какъ пріѣзжаютъ туда купцы, и въ томъ только случаѣ, если считаютъ себя безопасными отъ абхазцевъ (въ то время берегъ южнѣе р. Кодора принадлежалъ Мингреліи), что́ однако случается не часто».

«Это большой рынокъ Мингреліи. Въ немъ одна улица, окаймленная съ каждой стороны сотнею маленькихъ хижинъ, сплетенныхъ изъ вѣтвей. Всякій купецъ занимаетъ одну; онъ въ ней спитъ и держитъ столько товара, сколько надѣется продать въ 2 или 3 дня».

«Я былъ очень удивленъ и огорченъ, не видя на этомъ рынкѣ ничего кромѣ невольниковъ въ цѣпяхъ, да дюжину, наводившихъ на меня страхъ, полуголыхъ бродягъ, съ лукомъ и стрѣлами въ рукѣ,—здѣшнюю таможенную стражу».

«Хорошенькія дѣвушки отъ 13 до 18 лѣтъ продавались тутъ по 20 экю, другія дешевле; женщины по 12, дѣти по 2 и по 3 экю».

«Я возвратился на корабль, глубоко опечаленный тѣмъ, что попалъ въ страну, гдѣ невозможно было купить никакихъ съѣстныхъ припасовъ, гдѣ деньги не имѣли ходу, и гдѣ невозможно было найти помѣщенія для ночлега. Столько невольниковъ всякаго возраста и пола, одни закованные въ цѣпи, другіе связанные попарно, эти собиратели пошлинъ съ ихъ видомъ убійцъ и разбойниковъ,—все это наполнило ужасомъ мое воображеніе».

Какъ ни мало сдѣлали еще мы, русскіе, для этого пустыннаго берега, но при воспоминаніи о такихъ картинахъ поневолѣ приходится благословлять Бога за то, что онъ далъ намъ возможность путешествовать здѣсь на русскомъ пароходѣ, по русскимъ пристанямъ и подъ кровомъ русскихъ законовъ.

Шарденъ заставилъ меня вспомнить, что еще въ его времена, 250 лѣтъ тому назадъ, Абхазія уже продавала и иностранцамъ драгоцѣнное «пальмовое дерево» своихъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Это въ сущности не настоящая пальма, а дерево самшита, или буксуса, бѣлое и крѣпкое, какъ кость, изъ котораго дѣлаютъ ложки и разныя токарныя подѣлки.

На Кавказѣ самшитъ зовутъ пальмою, вѣроятно, за это свойство его древесины, и продаютъ его въ такихъ огромныхъ

количествахъ, что въ послѣднее время дерево начинаетъ дѣлаться здѣсь рѣдкостью. Французы и англичане особенно съумѣли втихомолку скупить въ Абхазіи за безцѣнокъ цѣлые лѣса этой кавказской пальмы, также какъ орѣха и другихъ дорогихъ породъ, и вывезти ихъ къ себѣ прежде, чѣмъ мы успѣли сообразить тотъ громадный вредъ, который они нанесли краю безжалостнымъ истребленіемъ одного изъ главнѣйшихъ предметовъ отпускной торговли Кавказа.

За Очемчири мы увидѣли среди равнины башню стариннаго замка. Это Илори, древняя резиденція абхазскихъ владѣтельныхъ князей, сохранившая въ себѣ до самаго присоединенія къ Россіи почти единственную христіанскую церковь, въ которой не прекращалось богослуженіе и отправленіе церковныхъ требъ. Вторая изъ двухъ церквей Абхазіи, уцѣлѣвшихъ до 1810 года, находилась въ Лахнахъ, или Соукъ-су, тогдашнемъ мѣстопребываніи князей Шервашидзе. Это были тѣ скудные корешки, на которыхъ кое-какъ додержалось черезъ вѣка злосчастія и гоненій увядшее дерево древняго христіанства Абхазіи, перешедшее потомъ въ наслѣдство могучей единовѣрной Россіи.

Горы главнаго хребта отступаютъ все дальше и дальше влѣво, продолжая сверкать своими снѣгами, а справа уже выростаютъ, сливаясь съ облаками, воздушныя, какъ сонъ, бѣлыя вершины малаго Кавказа и Аджарскихъ горъ.

Мы проѣхали устья бурнаго и быстраго Ингура, Эгриси древнихъ, раздѣляющаго Абхазію отъ Мингреліи и бѣгущаго черезъ пропасти горной Сванетіи высоко изъ-подъ ледниковъ великаго хребта. Его мутныя глинисто-бурыя воды силою своего неистоваго разбѣга на далеко врѣзаются въ благородную прозрачную синь морскихъ волнъ, отдѣляясь отъ нихъ, какъ пыльная столбовая дорога отъ окружающихъ ее зеленыхъ луговъ.

Теперь мы двигаемся мимо береговъ древней Колхиды.

На своей продолговатой одинокой «Олень-горѣ» виднѣется среди низкаго побережья Редутъ-Кале, будто на каменномъ столѣ. Это, конечно, современное названіе какого-нибудь укрѣпленія тысячелѣтней древности, какого-нибудь Колхоса, Фазиса, Археополиса, Родополиса, или подобнаго имъ полулегендарнаго поселенія Лазики, пріурочиваемаго остроуміемъ археологовъ то къ тому, то къ другому изъ существующихъ городковъ. Ясно однако, что такое характерное и удобное для защиты мѣсто не могло оставаться празднымъ въ боевые вѣка и притомъ въ заманчивомъ краѣ, гдѣ человѣкъ прочно угнѣздился еще въ доисторическія времена. Скорѣе всего это именно Родополисъ, съ которымъ у него сохранилось нѣкоторое созвучіе именъ, тѣмъ болѣе, что городъ Фазисъ, стоявшій у устья р. Фазиса на его правомъ берегу, болѣе подходитъ къ положенію теперешняго Поти, а Археополисъ довольно правдоподобно ученые пріурочиваютъ къ Накалакеви.

Если вспомнить, что по-мингрельски Фазисъ есть ничто иное какъ рѣка, вытекающая изъ Пас-мты, горы Паса, «рѣка Паса»,—т.-е. Пас'исъ, Паз'исъ, то и перерожденіе въ теченіе тысячелѣтій имени Пасиса въ Поти будетъ нѣсколько вѣроятно.

Городъ Поти лежитъ на низинѣ, которая кажется совсѣмъ въ уровень съ моремъ. Этимъ онъ нѣсколько напоминаетъ египетскую Александрію. Только и открываешь его среди колышащейся скатерти моря по бѣлымъ башнямъ маяка, да по рядамъ высокихъ тополей, какъ городъ Александра Великаго по его знаменитому Фаросу и иглѣ Клеопатры.

Песчаная коса отдѣляетъ отъ моря озеро Палеостомъ опять таки совсѣмъ такъ, какъ отдѣляются въ Александріи многочисленныя озера и лиманы Нильской дельты. Ріонъ еще дальше и еще болѣе рѣзкимъ столбомъ, чѣмъ Ингуръ, заноситъ свое быстрое глинистое теченіе въ глубь моря, голубую и прозрачную какъ кристаллъ. Римскіе писатели увѣряютъ, будто въ ихъ время, благодаря этому стремительному потоку Фазиса,

моряки пользовались прѣсною водою среди моря, далеко отъ береговъ Колхиды. Во всякомъ случаѣ и теперь мутныя струи этой исторической рѣки замѣтны въ морѣ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Устье Ріона, долина Колхиды—естественныя ворота Кавказа. Этого не увидишь по картѣ, но это, можно сказать, осязаешь и чувствуешь, созерцая ихъ лицомъ къ лицу. Европа должна была искать Азію прежде всего черезъ эти настежь распахнутыя двери ея. Двери грандіозныя, колоссальныя, широко раздвинувшія налѣво отъ себя безплотные хребты снѣгового Кавказа, дикія пропасти Сванетскихъ горъ, направо тоже убранные снѣгомъ гребни гораздо болѣе близкаго Аджарскаго кряжа... Васъ словно зоветъ и тянетъ какою-то тайною силою въ глубокія заманчивыя дали этой роскошной разсѣлины, мерцающей издали серебристою зеленью своихъ облитыхъ солнцемъ садовъ. Она уже издали смотритъ страною очаровательницы Медеи, страною текущаго золота... Ріонъ, разодравшій надвое низкое лоно этой кишащей обиліемъ долины, прорѣзалъ черезъ нее вольную столбовую дорогу въ сердце Азіи, гдѣ онъ передавалъ встарину ввѣрявшихся ему смѣлыхъ пловцовъ своей сестрѣ Курѣ, рѣкѣ степей, рѣкѣ далекаго Каспія. Только небольшой волокъ черезъ горный кряжъ Сурама раздѣлялъ эти двѣ рѣки, всегда зорко охранявшійся неприступными замками Сарапаниса, теперешняго Шарапаня, грозно торчавшими на отвѣсныхъ утесахъ.

Не мудрено, что первые греки-торговцы, греки-колонизаторы, прославленные въ легендахъ исторіи подъ именемъ аргонавтовъ, уже на зарѣ европейской исторической жизни направились именно сюда, въ эти великія ворота Азіи искать «золотого руна».

Я замечтался, облокотившись на бортъ парохода, безмолвно любуясь берегами Мингреліи; вдругъ на палубѣ кто-то испуганно крикнулъ, что-то тяжело плеснуло въ водѣ, и передъ моими

пораженными глазами быстро, будто гонимая невидимою силою, пронеслась по волнамъ опрокинутая навзничь женская фигура.

Я бѣжалъ слѣдомъ за нею вдоль борта парохода до самой кормы, охваченный невыразимымъ ужасомъ, и все время видѣлъ внизу подъ собою это удивленно-испуганное, судорогой передернутое лицо, съ стиснутыми зубами, съ роковою быстротою уносимое въ бездны моря... Казалось, вся фигура ея скорчилась въ инстинктивномъ ужасѣ гибели, и нельзя было постигнуть, что держало ее такъ долго на взволнованной поверхности моря... Какъ стрѣлу, слетавшую съ тетивы, уносило ее отъ парохода стремительнымъ пѣнящимся потокомъ, что выбивается изъ-подъ винта парохода и на цѣлую версту оставляетъ среди моря свой серебристо-голубой слѣдъ, прямой, какъ полотно дороги. Потокъ уносилъ назадъ, пароходъ уходилъ впередъ, и отъ этого двойного бѣга быстрота ея движенія казалась неуловимою. Въ нѣсколько мгновеній черная точка ея головы уже была невѣсть какъ далеко отъ насъ среди неохватной пучины моря. Вся публика парохода, народъ, господа, матросы, сбилась растерянная на кормѣ, слѣдя съ замершимъ сердцемъ за этою все болѣе и болѣе исчезавшей черной точкой. Кранцы давно были кинуты въ море, но, отнесенные теченіемъ, они вертѣлись совсѣмъ въ другой сторонѣ. Я съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ оглядывался на шлюпки, спокойно висѣвшія надъ бортами парохода, и возмущался въ душѣ нераспорядительностью и медленностью капитана. Вся публика была, кажется, въ томъ же настроеніи.

— Да гдѣ же капитанъ? Чего жъ онъ шлюпку не спускаетъ? раздавались гнѣвные голоса.

Бинокли были пристально наведены вдаль, простыми глазами уже трудно было что-нибудь разглядѣть.

— Что, видно еще? спрашиваетъ изъ толпы чей-нибудь взволнованный голосъ.

— Нѣтъ, что-то ея не видать... должно быть, ко дну пошла, тихо отвѣчаетъ тотъ, кто смотритъ въ бинокль...

— Видно, видно, держится еще! вдругъ перебиваютъ его нѣсколько радостныхъ голосовъ...

Настроеніе всѣхъ такое напряженное, всѣмъ такъ страстно хочется спасти во что бы то ни стало эту никому неизвѣстную женщину, пожираемую моремъ.

— Слава Богу! шлюпка пошла!.. крикнулъ кто-то.

Оказалось, что капитанъ былъ гораздо расторопнѣе и находчивѣе всѣхъ насъ. Онъ давно уже хлопоталъ на носу, невидимый намъ за рубкою, спустить поскорѣе шлюпку, къ счастью вполнѣ приготовленную на такой случай, что, къ сожалѣнію, соблюдается далеко не всѣми капитанами.

Молодцы матросики лихо ударили въ весла и налегли такъ, что легкая шлюпка понеслась, какъ на крыльяхъ. Мое сердце всецѣло было съ ними, какъ будто я самъ сидѣлъ теперь въ этой четверкѣ и напрягалъ всѣ свои нервы и мускулы догнать во что бы то ни стало утопавшую женщину.

Мнѣ никогда еще не приходилось видѣть такъ непосредственно близко, такъ, можно сказать, осязательно гибели на моихъ глазахъ живого человѣка, и я никогда бы не могъ себѣ представить силою одного своего воображенія—до какой степени это страшно. Я пережилъ очень жуткій полъ-часа, замерши всѣми нервами, безполезно ожидая, чѣмъ это кончится, кто побѣдитъ въ роковой борьбѣ,—стихія или человѣкъ...

Между тѣмъ матросики не жалѣли рукъ, и шлюпка уже мелькала далеко отъ парохода, заслоняя отъ насъ черную точку, къ которой были прикованы всѣ глаза.

— Не поспѣютъ!.. залилась!—съ сожалѣніемъ произнесъ кто-то въ публикѣ...

Всѣ молчали, придавленные тяжелымъ ожиданіемъ, не сводя глазъ съ рокового мѣста.

Вотъ лодка вдругъ повернулась бокомъ, и одинъ изъ матросовъ какъ будто приподнялся въ ней.

Что-то черное и длинное мелькнуло надъ водою...

— Тащутъ, братцы! зацѣпили!—съ радостнымъ и дружнымъ смѣхомъ воскликнули вдругъ въ толпѣ народа.

— Не можетъ быть! спасли? Развѣ видно?—раздались кругомъ взволнованные и недовѣрчивые женскіе голоса.

— Да стало быть видно! Вытащили!.. укладываютъ...—съ довольною увѣренностью подтвердила толпа.

Матросики и назадъ летѣли, какъ вѣтеръ. Они были обрадованы неожиданною удачею и чувствовали свое законное торжество.

На пароходѣ всѣ были въ восторгѣ отъ ихъ быстроты и ловкости. Когда они переловили въ морѣ всѣ выкинутые кранцы и подъѣхали усталые, мокрые отъ пота, къ лѣсенкѣ парохода, толпа шумно прилила къ борту.

Утопленница лежала безъ чувствъ на днѣ лодки, вся насквозь мокрая, свернувшись, какъ большая пойманная рыба. Даже синія очки, въ которыхъ она была, изумительнымъ образомъ оставались на ея глазахъ. Отчаянно отбивавшаяся отъ смерти жизнь нашла въ себѣ силы бороться съ моремъ такъ изумительно долго и додержаться до прибытія помощи; но въ то самое мгновеніе, когда явилась эта помощь, и не было больше нужды въ отчаянномъ напряженіи всѣхъ силъ человѣка. силы эти разомъ потухли въ ней, и спасенная женщина, едва только успѣвъ произнести: о, Господи Боже! упала безъ чувствъ въ лодку.

Ее вынесли и вытащили наверхъ, какъ бездыханный трупъ. Розыскали среди пассажировъ какого-то нехитраго лѣкаря и принялись оттирать ее и приводить въ чувство. А народъ тѣснился около молодцовъ-матросовъ и толковалъ объ утопленницѣ.

— Икона ее держала, вотъ что!—говорилъ съ непоколебимою увѣренностью, почти съ гнѣвомъ, старый сѣдой мѣщанинъ. Видали то, какъ ее пронесли, на шнуркѣ висѣла, въ ладонь во всю?.. А то бы развѣ платье одно удержало?.. Матушка Божья, а не платье, Царица небесная... А платье что? тряпка! намокла,—и конецъ...

— Да что вы толкуете?—вмѣшался молодой солдатикъ:— Когда она при мнѣ похвалялась, я, говоритъ, сама лучше всякаго матроса плавать могу... Вотъ и держалась, потому плавать умѣла...

— А зачѣмъ бы она держалась, коли своей волею въ воду кинулась?—разсудительно возразилъ кто-то.

— Развѣ сама кинулась?

— То-то жъ и дѣло, что сама! На моихъ же глазахъ. Схватилась руками за веревку, прыгнула на бортъ, да и махнула головой внизъ!.. А то съ чего бы ей упасть?

— Горе, значитъ, какое, не стерпѣла душенька! вздохнула подгорюнившись, старуха.

Дѣйствительно, судя по всѣмъ показаніямъ, дѣвушка эта сама бросилась въ море. Когда ее привели въ чувство, первыми словами ея было: «зачѣмъ вы меня спасли?»

Капитанъ пригласилъ насъ потомъ подписать актъ о случившемся, и изъ него мы узнали, что дѣвушка эта была Елена Л., дочь надворнаго совѣтника; къ акту была приложена и книжка Казенной Палаты на полученіе пенсіи, помнится, 141 рубль въ годъ.

Какая внутренняя драма разыгралась въ ея душѣ передъ этимъ покушеніемъ на самоубійство, разумѣется, никакой протоколъ не объяснилъ, и никто изъ пароходной публики не зналъ. Дѣвушка эта ѣхала совершенно одна изъ Новороссійска и думала сначала высадиться въ Новомъ Аѳонѣ, но за ночнымъ временемъ не рѣшилась и взяла дополнительный билетъ до Батума. Въ Батумѣ капитанъ сдалъ ее на руки полиціи, и объ ней, несомнѣнно, возникнетъ цѣлое судебное дѣло, съ допросами и опросами, на которые бѣдная дѣвушка уже, конечно, никакъ не разсчитывала, кончая свой разсчетъ съ землею.

Мы собрали лихимъ матросикамъ въ награду за ихъ удальство изрядную пачку ассигнацій, чѣмъ привели ихъ въ дѣтскую радость.

IV.

Батумскій портъ и его окрестности.

Батумъ мы увидѣли въ хорошую его минуту. Обступившій его амфитеатръ горъ, еще сильно бѣлѣвшихъ снѣгами, курился легкимъ паромъ облаковъ среди яснаго и жаркаго неба. Живописный городокъ очень милою игрушечкою вырѣзался на зеленомъ фонѣ горныхъ громадъ, словно выростая прямо изъ волнъ весело-плещущаго синяго простора моря. Поворотъ Малоазійскаго берега отъ берега Кавказа тутъ поразительно рѣзокъ и явственъ. Странно какъ-то смотрѣть на этотъ уголъ горъ, давно знакомый вамъ по картамъ, въ которомъ на вашихъ глазахъ безсильно кончается море, такъ сказать, ощупывать собственными пальцами тотъ спай, которымъ тѣло Европы приросло къ старому материку Азіи.

Батумская гавань полна жизни, и это чувствуется уже издали. Дымятъ пароходы, качается лѣсъ мачтъ, мелькаютъ ялики и лодки... Это ужъ совсѣмъ не то, что жалкія, открытыя всѣмъ вѣтрамъ гавани кавказскаго берега.

Батумъ уже не производитъ впечатлѣнія восточнаго, тѣмъ менѣе турецкаго города. Сейчасъ видишь, что турки тутъ были только въ гостяхъ, насильственными случайными пришлецами, не имѣвшими силъ вложить свою душу въ захваченную ими чужую жизнь.

Всѣ эти городки Черноморскаго побережья гораздо болѣе пахнутъ тѣмъ общимъ международнымъ типомъ стариннаго приморскаго насельника, который получилъ у насъ имя левантинца, и въ чертахъ котораго не только физическихъ, но и духовныхъ, смѣшались неразличимо свойства самыхъ разнообразныхъ народностей, отъ древняго финикійца и эллина до новыхъ грековъ и итальянцевъ.

Оттого вы не отличите сразу, приставая къ подобнымъ гаванямъ, въ какой собственно странѣ находитесь: Бейрутъ и Александрія, Бриндизи, Сира, Батумъ — смотрятъ одинаковыми космополитами; грекъ въ нихъ похожъ на итальянца, армянинъ на турка, сиріецъ на египтянина. Во всѣхъ нихъ видишь что-то одно, — обще-приморское, обще-торговое и вмѣстѣ обще-южное.

Двѣ, три мусульманскихъ мечети, какъ и двѣ, три христіанскихъ крестика Батума, тонутъ незамѣтно въ общемъ пейзажѣ цивилизованнаго портоваго городка, не придавая ему ни русскаго, ни турецкаго характера.

Полукруглая каменная дамба защищаетъ слѣва портъ Батума отъ морскихъ волнъ. Много каменныхъ пристаней протягиваютъ свои длинныя лапы къ морю въ разныхъ мѣстахъ.

Густая пестрая толпа народа стояла на одной изъ такихъ пристаней, когда къ ней вплотную причалилъ, наконецъ, нашъ пароходъ. Но, всматриваясь торопливо въ этотъ невѣдомый людъ, глазъ мой, къ огорченію моему, не встрѣтилъ родного лица, котораго искалъ и ждалъ...

Мы пошли пѣшкомъ, сопровождаемые своими носильщиками, до гостинницы, которыя всѣ расположены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ портомъ, въ томъ старомъ, тѣсно заселенномъ торговомъ кварталѣ берега, который съ турецкихъ временъ зовется Азизіе, въ честь находящейся здѣсь главной городской мечети имени Абдулъ-Азиза... Только-что миновали мы высокіе дома набережной, пестрѣвшіе флагами консульства и вывѣсками всевозможныхъ конторъ и агентствъ, какъ знакомый голосъ остановилъ насъ на серединѣ улицы. Братъ мой пріѣхавшій насъ встрѣтить изъ Тифлиса, спѣшилъ на пристань, обманутый нѣсколько болѣе раннимъ приходомъ парохода.

Мы остановились въ «Hôtel de France», очень порядочной гостинницѣ, содержимой французомъ, чистенькой, съ хорошимъ столомъ. Гостинницъ здѣсь вообще обиліе, и «Londres», и «Imperial», и еще много, но эта удобнѣе другихъ.

Осмотрѣть Батумъ не особенно трудно и не особенно долго, хотя, надо признаться, я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ успѣлъ такъ поразительно быстро и такъ широко развинуть свои придѣлы. Извощики прекрасные, какъ вообще у насъ на югѣ, къ стыду нашихъ великороссійскихъ городовъ, съ матушкою Москвою во главѣ...

Въ 1867 году Батумъ былъ жалкою грязною деревушкою, безполезно дремавшею, какъ истый турокъ, въ своемъ чудномъ южномъ уголкѣ, надъ прекраснѣйшею бухтою, потонувъ въ лужахъ грязи, полный вони и нечистоты. Деревянный конакъ паши, двѣ мечети на берегу, да нѣсколько кофеенъ, окруженныхъ грошевыми лавченками базара,—вотъ былъ и весь Батумъ. Торговли тутъ не было никакой; всѣхъ жителей считалось 2.500. И вдругъ, черезъ 12—13 лѣтъ—довольно большой европейскій городъ чуть не съ 20.000 жителей, съ огромною торговлею, главный отпускной портъ цѣлаго Кавказа, главный складъ нефтяныхъ продуктовъ для Европы, Африки и Азіи. Желѣзнодорожные поѣзда то и дѣло свистятъ въ немъ, перебѣгая черезъ улицы города, морской берегъ застроенъ заводами, складами, цѣлымъ керосиновымъ городкомъ, въ гавани тѣснятся корабли и пароходы, всѣ улицы прекрасно вымощены, вездѣ вода, широкіе бульвары, сады и цвѣтники. Одинъ мой знакомый, видѣвшійся съ парижскимъ Ротшильдомъ въ его недавній пріѣздъ на Кавказъ, разсказывалъ мнѣ, что великій денежный король не могъ прійти въ себя отъ изумленія, посѣтивъ нашъ Батумъ, который онъ зналъ еще въ старое турецкое время.

— Вы, русскіе, удивительные люди!—говорилъ онъ. У васъ особый талантъ цивилизовать восточнаго человѣка и уживаться съ нимъ. Мы, французы, ничего подобнаго не могли достигнуть въ своемъ Алжирѣ, хотя такъ давно владѣемъ имъ!

Однихъ агентовъ русскихъ и иностранныхъ тутъ до полсотни, одного керосина вывозится до пятидесяти милліоновъ пудовъ. Это уже показываетъ размахъ здѣшняго торговаго дѣла. Не мудрено поэтому, что въ густо населенныхъ кварталахъ

Батума земля, недавно еще не стоившая ничего, уже продается до 100 и 120 руб. за квадратную сажень, и даже на далекихъ окраинахъ города не дешевле 3, 5 и 10 рублей.

Оригинальность этого жаркаго южнаго города — это его желѣзная одежда. Новые дома, особенно казенныя учрежденія, какъ-то: больницы, казармы, непремѣнно обиты по наружнымъ стѣнамъ рубчатымъ цинкованнымъ желѣзомъ, если не со всѣхъ сторонъ, то по крайней мѣрѣ со стороны господствующихъ вѣтровъ. Желѣзо это выписывается изъ Марсели и придаетъ мирному Батуму странный видъ какого-то броненоснаго города. Но если Батумъ такъ дѣятельно облекается въ желѣзныя латы, то нужно отдать ему справедливость,—что онъ не менѣе энергически обсаживаетъ себя и деревьями, которыя впослѣдствіи будутъ, конечно, гораздо болѣе надежною и пріятною защитою ему отъ вѣтровъ, пронизывающихъ его стѣны, чѣмъ сѣрые желѣзные листы. Деревья здѣсь сажаются по дорогамъ, по улицамъ, по бульварамъ, по многочисленнымъ садикамъ. Отъ крѣпостцы, защищающей портъ, идетъ теперь широкій и отлично содержимый бульваръ Цесаревича, добрую версту въ длину, вдоль берега моря, мимо прекрасныхъ, тоже желѣзомъ обшитыхъ, бараковъ военнаго госпиталя, постоянно открывая гуляющей публикѣ прелестные виды на море и береговыя горы. Тутъ играетъ музыка и по вечерамъ толпится публика. Недалеко отъ бульвара положено основаніе и русскому собору, на постройку котораго уже имѣются потребныя суммы, но которая почему-то замедлилась, хотя Батуму, русскому городу, встрѣчающему иностранца, такъ сказать, на первомъ порогѣ Россіи, и притомъ охваченному кругомъ моремъ мусульманства, особенно необходимо поддержать во всемъ блескѣ благолѣпіе православной церкви... Существующій же здѣсь единственный крошечный русскій храмъ годился бы въ порядочную деревню, но ужъ никакъ не въ такой крупный торговый городъ, какимъ сталъ теперь Батумъ, не говоря уже о томъ, что армяне, гораздо менѣе

многочисленные, имѣютъ здѣсь двѣ церкви, а русскіе, хозяева края—всего одну.

Въ концѣ Маріинскаго проспекта, вокругъ озера Нуріе-Гель, тоже близко къ морю, разбитъ очень хорошенькій городской садъ, полный всевозможныхъ тропическихъ растеній. Многія изъ этихъ деревьевъ посажены здѣсь не простыми руками. Тутъ есть араукарія, магнолія и гималайскіе кедры, собственноручно посаженные нынѣ царствующимъ Государемъ и его царственною семьею, въ ихъ недавнюю поѣздку на Кавказъ; на другихъ деревьяхъ вы можете прочесть ярлыки съ именами нашихъ извѣстныхъ сановниковъ; министры Бунге, Островскій, Посьетъ и другія высокопоставленныя лица оставили по себѣ память Батуму посадкою какого-нибудь рѣдкаго деревца. Всѣ эти индѣйскія, японскія, американскія и австралійскія растенія растутъ здѣсь прямо въ грунту и отлично переносятъ кроткую батумскую зиму. Термометръ здѣсь въ самые холодные мѣсяцы никогда не опускается ниже 0, и средняя температура января свыше 9 градусовъ тепла. Годовая температура въ среднемъ достигаетъ почти 15°. Купаться и жить на открытомъ воздухѣ можно круглый годъ, потому что море никогда не остываетъ ниже 10° тепла. Все это дѣлаетъ Батумъ замѣчательно удобною климатическою стоянкою для грудныхъ больныхъ и всякаго рода ослабѣвшихъ организмовъ, и если бы не рѣзкіе вѣтры, отъ которыхъ онъ до сихъ поръ не сумѣлъ защитить себя лѣсными насажденіями по окрестнымъ холмамъ, то этотъ укромный уголокъ Чернаго моря былъ бы идеальнымъ зимнимъ курортомъ. Зато лѣтомъ онъ положительно опасенъ Это сезонъ его болотистыхъ міазмовъ, его малярій и лихорадокъ. Тогда больнымъ необходимо бѣжать изъ него куда-нибудь въ Аббасъ-Туманъ или другія горныя мѣста. Эта, повидимому, гористая мѣстность—необыкновенно болотиста. Батумъ весь стоитъ на подземной водѣ, и въ прежнее турецкое время онъ вѣчно плавалъ въ невысыхающихъ лужахъ. Теперь проведено столько канавъ, что почва замѣтно стала суше, но все-таки

еще многое остается сдѣлать въ этомъ смыслѣ. Эта-то обильная влажность почвы, убійственная для человѣка, вызываетъ ту роскошную и быструю растительность, которою отличается Батумъ.

Впрочемъ, кромѣ сочной почвы и теплаго климата нужно отдать справедливость и человѣку: теперешній цвѣтущій видъ Батума много обязанъ французу-садоводу Д'Альфонсу, который разбилъ городской садъ, завелъ въ окрестностяхъ города большіе питомники фруктовыхъ и парковыхъ деревьевъ и украсилъ садами множество здѣшнихъ дачъ и частныхъ домовъ.

Въ Батумѣ однако не одно мирное царство Меркурія и Флоры. Весьма внушительное укрѣпленіе съ земляными, гладко срѣзанными эскарпами, кое-гдѣ облицованными и камнемъ, улеглось, будто надежный сторожевой песъ, какъ разъ у гавани, на углу морского берега... На банкетахъ стоятъ рядами, молча выглядывая своею черною пастью на море, чудовища-пушки громаднаго калибра; часовые ходятъ по парапетамъ, ворота на глухо заперты, военный флагъ развѣвается на высокомъ флагъ-штокѣ; словомъ, крѣпость не на шутку, совсѣмъ какъ слѣдуетъ. А главное, это береговое укрѣпленіе соединено особою желѣзною дорогою съ цѣлымъ «артиллерійскимъ городкомъ», безопасно спрятаннымъ отъ выстрѣловъ морскихъ броненосцевъ въ уединенныхъ, холмами заслоненныхъ долинкахъ, верстахъ въ трехъ отъ города. Оттуда въ нужную минуту могутъ быть сразу двинуты всевозможные артиллерійскіе снаряды и орудія, если бы оказалось вдругъ необходимымъ поставить на берегу моря, рядомъ съ существующею крѣпостцою, еще другія батареи.

Мы съѣздили, конечно, посмотрѣть этотъ артиллерійскій городокъ, оберегающій въ такомъ важномъ пунктѣ нашъ государственный рубежъ. Пришлось проѣхать не только весь городъ насквозь, но и его новыя, съ каждымъ днемъ разрастающіяся предмѣстія. Тутъ-то, среди безчисленныхъ, пересѣкающихся другъ съ другомъ и навзрѣзъ полныхъ канавъ, можно во-очію

убѣдиться, что Батумъ дѣйствительно стоитъ на водѣ. Утѣшительно было видѣть, что древесныя посадки вдоль дорогъ и садики при домахъ стали тутъ неизбѣжнымъ условіемъ даже бѣднѣйшихъ нашихъ поселенцевъ.

Въ турецкомъ Батумѣ не было ничего кромѣ глиняныхъ мазанокъ, тѣсно наваленныхъ другъ на друга. А теперь вездѣ радуютъ глазъ ряды молодыхъ пушистыхъ тополей, плакучія ивы, молокомъ облитыя черешни, сливы, груши, розовые букеты миндаля и персика. Буйволы лежали въ канавахъ, выставивъ изъ жидкой грязи свои храпки, вездѣ кучи овощей и фруктовъ, вездѣ движеніе и работа.

Но особенно много движенія, работы, шуму и стуку—влѣво отъ дороги, по берегу моря, гдѣ выросъ всего въ пять, шесть лѣтъ цѣлый громадный «нефтяной городъ», который скоро, пожалуй, подавитъ своими размѣрами и своимъ торговымъ оборотомъ — самъ старый Батумъ. Это ужъ словно не Россія, а какая-то Америка. Хитро-сплетенная сѣть рельсовыхъ путей, сбѣгающихся, разбѣгающихся, кружащихъ, пересѣкающихся, безконечными нитями гигантской черной паутины опутываетъ и бороздитъ все пространство между многочисленными полчищами круглыхъ желѣзныхъ башенъ, налитыхъ керосиномъ, толпящихся тѣсными кучками поближе другъ къ другу, сѣрыя къ сѣрымъ, красныя къ краснымъ, бѣлыя къ бѣлымъ; это все разныя извѣстныя фирмы бакинскихъ нефтепромышленниковъ: Нобеля, Шибаева, Каспійско-Черноморскаго товарищества, служащаго псевдонимомъ для Ротшильда, и можество другихъ. Есть башни, вмѣщающія до 200 тысячъ пудовъ керосина. Большія фирмы сбываютъ его здѣсь по 6-ти, по 7-ми милліоновъ пудовъ въ годъ каждая... Кромѣ этихъ островерхихъ желѣзныхъ башенъ безъ оконъ и безъ дверей, напоминающихъ издали своей формой кибитки киргиза или туркмена, здѣсь много и другихъ заводовъ, тѣсно связанныхъ съ нефтяною торговлею, бондарень, столярень, фабрикъ для жестяныхъ ящиковъ, чугунно-литейные заводы, заводъ электрическаго освѣщенія и пр.

Обширные обнесенные заборами дворы полны громадныхъ ярусовъ клепокъ, тонкаго ящичнаго теса, готовыхъ бочекъ; цѣлые безконечные поѣзда вагоновъ-цистернъ стоятъ и двигаются по рельсамъ, свистя, гремя, тяжело охая, расползываясь во всѣ стороны, будто какія-то колоссальныя стоножки, вылѣзающія изъ своихъ гнѣздъ. И земля, и воздухъ, и одежда человѣка, и само тѣло его, и его жилище, все пропитано здѣсь керосиномъ, которымъ однимъ и живетъ все здѣсь...

Артиллерійскій городокъ сейчасъ же за городомъ нефти, но только вправо отъ дороги, глубже въ материкъ, подальше отъ моря. Тутъ все уютно и красиво, какъ на самой мирной дачѣ. Большіе каменные корпуса казармъ и артиллерійскихъ складовъ съ ихъ узкими окнами-бойницами хотя смотрятъ крѣпкими блокгаузами, но окружены тѣнистыми садиками, цвѣтниками, дорожками и зелеными полянами; дворы полны пушекъ всякаго калибра, ядра навалены кучами, какъ арбузы на хохлацкой бахчѣ. Изо всѣхъ этихъ двориковъ идутъ рельсы, собирающіяся въ одну трехъ-верстную желѣзную дорогу, загроможденную и теперь маленькими вагончиками съ краснорѣчивымъ изображеніемъ пылающей бомбы на ихъ стѣнахъ. Значитъ, берегитесь не подходите, и особенно не смѣйте курить. Все это готовые костры для колоссальнаго взрыва. Эта хорошенькая дача артиллеристовъ забралась глубоко въ складки зеленаго ущелія, вьющагося между довольно высокими холмами, покрытыми каштановыми деревьями. Романтическія развалины какого-то древняго замка или храма живописно увѣнчиваютъ самый крутой изъ этихъ защитныхъ холмовъ; внизу его тоже видны развалины и тоже невѣдомыя. Очень можетъ быть, что это еще остатки римскаго города Рицея, или, пожалуй, Аѳины, которыя должны были находиться, судя по описаніямъ классическихъ географовъ, во всякомъ случаѣ недалеко отъ теперешняго Батума. Впрочемъ и самое имя Bathu упоминается въ числѣ римскихъ укрѣпленій первыхъ вѣковъ нашей эры на побережьи древней Лазики. Есть даже основаніе

думать, что Батумъ былъ извѣстенъ древнимъ еще вѣка за 4, за 5 до Р. Хр., потому что знаменитый ораторъ Демосѳенъ считался выходцемъ изъ греческой колоніи Батума...

Ближе къ городу, на горѣ уже болѣе высокой и обрывистой, притаилась, тоже маскированная неровностями вершинъ, сильная батарея, вооруженная огромными морскими пушками. Она предназначена, вѣроятно, обстрѣливать портъ и защищать нефтяной городокъ, расположенный по берегу у ея ногъ.

Телеграфные столбы, вслѣдъ за продолженною на верхъ дорогою-улиткою, вполнѣ удобной для пушекъ, взбѣгаютъ и на эту горную батарею, какъ и въ долину артиллерійскаго городка.

Почтовая дорога въ Артвинъ, прерывающаяся, впрочемъ, на половинѣ пути, поворачиваетъ круто на югъ отъ нашей дороги, огибая батарейную гору. Это послѣдній обрывокъ цивилизованнаго способа сообщенія. Дальше идутъ въ глубь Азіи, къ Ардагану и Карсу, только вьючныя горныя тропы. Въ этомъ отношеніи здѣсь еще Россія поработала очень мало, и это очень худо, потому что хорошая дорога — не только половина цивилизаціи, но еще и половина безопасности. При теперешнемъ же состояніи дорогъ весь этотъ край полонъ разбойниковъ, и путешествовать по немъ можно только съ вооруженнымъ конвоемъ.

Еще недавно весь край былъ возмущенъ дерзкимъ убійствомъ, около самаго Батума, ротшильдовскаго прикащика, привезшаго крупныя деньги. Стражникъ, задержавшій одного изъ убійцъ, былъ очень скоро звѣрски убитъ въ свою очередь. Въ этой неустроенной странѣ разбои и грабежи усложняются еще кровавою местью Востока...

По Артвинской дорогѣ въ ближайшихъ окрестностяхъ Батума много прекрасныхъ мѣстъ для поселенія, живописныхъ, плодородныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровыхъ. Часть ихъ уже роздана правительствомъ подъ дачи; тамъ устраивается между прочимъ въ чистомъ горномъ воздухѣ и санитарная станція для батумскихъ войскъ, страдающихъ отъ лихорадокъ.

Въ Батумѣ насъ задержало очень грустное дѣло: приходилось ставить памятникъ на могилѣ безвременно погибшаго здѣсь сына моего, молодого художника архитектуры, только-что вступившаго въ жизнь, полную свѣтскихъ надеждъ. Докторъ привезъ его сюда изъ нашихъ суровыхъ мѣстъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ вредоноснаго петербургскаго климата, провести осень и зиму въ чарующей нѣгѣ этого мягкаго и теплаго воздуха, въ этомъ живописномъ уголкѣ азіатскаго берега, который привелъ въ восторгъ его сердце художника. Но онъ недолго наслаждался сладкою музыкой моря и лазурью южнаго неба. На его бѣду осень 1889 года въ Батумѣ была ужасна. Небывалые вѣтры принесли съ собою небывалую инфлюэнцу, и уже подточенное злымъ недугомъ слабое молодое тѣло не выдержало этой неожиданной жестокой атаки враждебныхъ стихій. Бѣдный юноша тихо погасъ на берегу очаровавшаго его моря и похороненъ былъ надъ этимъ же моремъ, на одномъ изъ безмолвныхъ зеленыхъ холмовъ его берега.

Былъ трогательно-тихій и трогательно-меланхолическій вечеръ, когда мы медленно всходили маленькою семейною кучкою своей по крутой тропинкѣ холма, извивавшейся между кустами и деревьями. Въѣзжать наверхъ нѣтъ возможности, и экипажи поневолѣ оставляютъ у подножія. Этотъ зеленый холмъ, усѣянный могилами, теперь весь цвѣтетъ, какъ невѣста. Желтыя азаліи, темномалиновые рододендроны чуть не сплошь укрыли его своими свадебными букетами... Чего не укрыли они, тамъ разстелились разноцвѣтные ковры полевыхъ цвѣтовъ... Весна сіяла во всемъ своемъ роскошномъ уборѣ надъ этимъ холмомъ смерти. Сіяло море своимъ безбрежнымъ, радостно волнующимся просторомъ, сіяло неподвижнымъ голубымъ зноемъ безпорочно-чистое небо...

Хорошенькая новенькая часовенька въ русскомъ стилѣ осѣняетъ своимъ золотымъ крестомъ вершину холма, стоя, какъ одинокій задумавшійся пастырь среди своихъ смолкшихъ стадъ, среди тѣснящихся кругомъ нея еще немногочисленныхъ моги-

локъ, однѣ съ скромными деревянными крестами подъ голубцомъ, другія,—огромное большинство,—безъ всякихъ крестовъ простыя земляныя насыпи, сострадательно прикрытыя весеннею травою и весенними цвѣтами изъ щедрой руки матери-природы.

Мы набрали букетъ маргаритокъ съ дорогой намъ свѣжей еще могилки, въ головахъ которой, вмѣсто временно устроеннаго деревяннаго креста, ставили теперь, въ нашемъ присутствіи, привезенный изъ Тифлиса мраморный памятникъ...

Священникъ съ псаломщикомъ были уже здѣсь, такъ что можно было и освятить памятникъ и отслужить панихиду на могилѣ.

Тяжело умирать на чужбинѣ, тяжело видѣть прахъ одинокаго пришлеца среди чужихъ ему могилъ. Но если бы можно выбирать себѣ могилу по вкусу, то я не могъ бы выбрать ничего мирнѣе и поэтичнѣе, какъ этотъ уединенный цвѣтущій холмъ, облитый южнымъ солнцемъ, глядящій въ безпредѣльную даль голубого моря...

Это не нашъ казенный прозаическій погостъ съ номерами могилъ, распредѣленныхъ въ солдатскомъ ранжирѣ, окруженный, какъ стѣнами тюрьмы, своею глухою оградою...

Желѣзная дорога изъ Батума въ Тифлисъ идетъ по самому берегу моря, мимо нефтяного городка налѣво, мимо дорогого мнѣ могильнаго холма—направо.

Она такъ близка къ морю, что первая дерзкая канонерская лодка непріятеля можетъ шутя разгромить любой воинскій поѣздъ. Для такихъ нежелательныхъ случаевъ черезъ горы продѣлано въ обходъ желѣзной дороги шоссе на Ахалцыхъ и оттуда въ Боржомъ.

При самомъ выѣздѣ изъ Батума мы увидѣли у берега, до половины залитый моремъ, остовъ разбитаго судна. Его развороченныя ребра торчали изъ воды, словно обглоданный костякъ какой-то гигантской падали, наводя на довольно грустныя размышленія.

Прибрежье моря отъ Батума до Цихидзири—рядъ прелестныхъ картинъ. Курчавые, густозеленые лѣса одѣваютъ ближнія гряды горъ, будто нарочно набросанныя здѣсь для отрады человѣческому глазу. Развалины стариннаго замка вѣнчаютъ одинъ изъ этихъ зеленыхъ конусовъ, сейчасъ же по выѣздѣ изъ Батума. Вездѣ яркая молодая зелень, сверкающіе весеннимъ лакомъ листья лавровишней и фотиній, малиновые гроздья цвѣтущихъ рододендроновъ, терновники и груши въ бѣлоснѣжномъ пуху, кизильникъ, осыпанный золотомъ своихъ цвѣтовъ, копны перепутанныхъ ліанъ на каждомъ деревѣ.

За этимъ яркозеленымъ, радостно сіяющимъ, первымъ планомъ высокія пирамиды болѣе далекихъ темнозеленыхъ горъ, еще посыпанныхъ,—будто волосы первою сѣдиною,—снѣгами зимы, и еще дальше за ними, еще выше, еще туманнѣе, сплошная цѣпь вѣчныхъ снѣговъ.

Поѣздъ несется сначала вровень съ гладью моря, по голышамъ береговой отмели, но уже скоро начинаетъ врѣзаться въ скалы берега; свѣжіе взрывы утесовъ, осыпи камней, обвалившихся въ море, гдѣ несокрушимый сѣрозеленый трахитъ эффектно выдѣляется среди яркокрасныхъ глинъ, чуть даютъ тѣсный проходъ чернымъ ниточкамъ рельсовъ, дерзко ворвавшимся въ ихъ каменное царство.

Непремѣнно оглянитесь назадъ, проѣхавъ первый тунель. Красножелтая скала, съ уцѣпившимися за нее характерно изогнутыми деревьями, съ черною дырою тунеля внизу, живописнымъ мысомъ закрываетъ отъ васъ, какъ декорація театра, повороты желѣзной дороги, а за нею, далеко и высоко, будто нарисованные нѣжною акварельною миніатюрой, вырѣзаются на мягкомъ голубомъ фонѣ морской дали бѣлые башни и домики Батумскаго порта, съ чуть видными дымками пароходовъ и мачтами кораблей.

Чаквы—первая станція въ семнадцати верстахъ отъ Батума и первыя настоящія дачи его. Растительность тутъ тро-

пической роскоши. Это природная оранжерея, сочащаяся обильною водою сквозь всѣ поры земли, всегда залитая солнцемъ, поэтому постоянно жаркая и влажная. Тутъ можно разводить самыя нѣжныя растенія дальняго юга. Но сила растительности такова, что необходимо сначала бороться съ ней и побѣдить ее. Иначе она задавитъ всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Тутъ вездѣ приходится сначала выжигать лѣсныя поросли и уже потомъ обработывать землю. А запустите какіе-нибудь два-три года, и опять все заростетъ, заглушится, опять нужно начинать съизнова. Уже много земель этого берега раздѣлено и обработано, много виднѣется садовъ и плантацій всякаго рода. Почва здѣшняя—какая-то яркокрасная глина, изумительно плодородная при обиліи воды. Самая замѣчательная изъ здѣшнихъ дачъ и, кажется, самая обширная, чуть ли не до трехъ-сотъ десятинъ,—дача г. Соловцова. Дача эта устроена барски, очень удобна и очень красива. Но, главное, это своего рода садъ акклиматизаціи. Владѣлецъ ея, повидимому, не жалѣетъ ни денегъ, ни трудовъ въ своихъ настойчивыхъ попыткахъ пріучить къ батумскому климату, къ батумской почвѣ разныя рѣдкія и полезныя растенія жаркаго юга. У него, между прочимъ, разведена чайная плантація въ нѣсколько сотенъ кустовъ различныхъ сортовъ, выписанныхъ изъ Ханькоу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта дача принадлежала батумскому нотаріусу г. Г. и со всѣми своими прелестными постройками была, говорятъ, продана за шесть тысячъ рублей. Теперь уже, конечно, она должна оцѣниваться не однимъ десяткомъ тысячъ рублей.

Рядомъ съ дачею Соловцова другая, также превосходно разработанная и очень живописная дача Стоянова, директора Кутаисской гимназіи, манящая васъ крутыми холмами и вьющимися дорожками своихъ садовъ. Тутъ тоже множество рѣдкихъ растеній, выхоленныхъ рукою любителя.

Сосѣдкою Стоянова—очень практичная нѣмка, которая одна только вздумала разводить здѣсь, вмѣсто малотребующихся и доходу не приносящихъ тропическихъ рѣдкостей, прозаическіе

огороды капусты, огурцовъ, моркови и т. п., отъ которыхъ получаетъ отличные барыши, въ то время какъ болѣе хитроумные сосѣди ея, какъ и нужно было ожидать, терпятъ постоянные убытки. Очень будетъ жаль, если эта оборотливая нѣмка, по насмѣшкѣ судьбы, скупитъ впослѣдствіи подъ свою капусту роскошные сады своихъ русскихъ сосѣдей. А похоже, что дѣло кончится чѣмъ-нибудь подобнымъ. И почему это нѣмецъ всегда богатъ тамъ, гдѣ нашъ братъ-русскій не найдетъ себѣ даже куска хлѣба? Даже досада беретъ за этого безпомощнаго русскаго человѣка!

Вообще, вся эта мѣстность удивительно удобна для самыхъ цѣнныхъ культуръ. На каждомъ шагу ручьи, водопады, болота, озерки. Скалистыя стѣны желѣзнодорожнаго тунеля сочатся сплошною скатертью воды; черезъ каждый аршинъ въ нихъ продѣланы сточныя трубы. Плантаціи риса и сахарнаго тростника тутъ должны бы удаваться идеально. Но мнѣ что-то не попадались онѣ на глаза по дорогѣ, и я не знаю, занимаются ли здѣсь ими. Зато кукурузы тутъ видимо-невидимо, шелковица захватываетъ все больше мѣста. Можно смѣло сказать, что эта страна блестящей будущности, плодороднѣе и роскошнѣе южнаго берега Крыма. Уже теперь земли на равнинахъ стоятъ здѣсь огромныхъ цѣнъ. Къ сожалѣнію, вопросъ здѣшняго землевладѣнія чрезвычайно запутался и, при извѣстной медленности нашихъ канцелярскихъ порядковъ, не обѣщаетъ распутаться скоро. Предпріимчивые люди, накупившіе здѣсь земель у туземцевъ по ихъ мусульманскимъ сенетамъ и смѣло затратившіе капиталы на ихъ культуру, на тяжелую борьбу съ дикою природою и дикими мѣстными нравами, очутились вдругъ въ самомъ досадномъ положеніи, такъ какъ правительство отказалось признать права частнаго владѣнія туземцевъ на проданныя земли, которыя должны будто бы считаться казенными, и не утвердило совершонныхъ купчихъ. Такимъ образомъ, добрый примѣръ, поданный своимъ землякамъ немногими разумными людьми вмѣсто того, чтобы послужить къ скорѣйшему водворенію въ

завоеванномъ краѣ русской культуры и русскихъ людей, только отпугнулъ отъ этого неблагодарнаго дѣла тѣхъ, которые могли бы послѣдовать полезному почину.

Мнѣ кажется, какой бы взглядъ на здѣшніе права земле-владѣнія ни восторжествовалъ въ сужденіяхъ русскаго правительства, во всякомъ случаѣ, его собственные интересы требуютъ, минуя всякую канцелярскую волокиту, возможно скорѣе признать права на законно купленную землю первыхъ батумскихъ насадителей культуры и даже въ будущемъ безъ затрудненія предоставлять эти, хотя бы и казенныя земли, безполезныя въ ихъ одичаломъ видѣ, смѣлымъ труженникамъ, рѣшающимся затрачивать на ихъ обработку свои деньги и свое здоровье. Кромѣ очевидной пользы для края изъ этого ничего не можетъ выйти. Только значительнымъ расширеніемъ культурныхъ земель можно будетъ направить производительно теперешній безполезный избытокъ подземной влаги, дѣлающей совершенно губительнымъ для здоровья лихорадочный климатъ этихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ береговъ.

Передъ Кабулетами на высокой скалѣ, царящей надъ берегомъ, очень картинно нарисовались вдругъ развалины большой крѣпости. Зубчатыя стѣны, башни съ разбитыми амбразурами, почернѣвшія отъ копоти вѣковъ, живописно задрапированныя колыхающимися шпалерами плюща. Цѣлый мертвый городъ тамъ наверху... И мертвый, должно быть, очень давно.

Я не знаю точно, какъ называются теперь эти развалины, кажется, Цихидзири, какъ и вся вообще окрайная горная мѣстность; но по всему похоже, что это развалины древней Петры, за которую византійцы вели такую отчаянную борьбу съ персами Хозроя.

Юстиніанъ обратилъ ее въ неприступную крѣпость изъ прежняго незначительнаго городка.

По словамъ Прокопія, историка юстиніановыхъ подвиговъ,— Петра была недоступна съ моря, благодаря отвѣснымъ скаламъ, окружавшимъ ее со всѣхъ сторонъ. Только въ одномъ мѣстѣ

имѣла она доступъ съ равнины, но и тотъ не широкій, среди громадныхъ и отвѣсныхъ скалъ. Для того, чтобы городъ не могъ быть завоеванъ съ этой стороны, основатели его построили между этили скалами длинную стѣну, а на концѣ ея поставили двѣ башни.

Мѣстность Цихидзирскихъ развалинъ какъ нельзя болѣе подходитъ къ описанію Прокопія, особенно, если вспомнить, гдѣ именно, по его же словамъ, находилась эта Петра.

«По лѣвую сторону рѣки Фазиса, Лазика простирается на разстояніе одного дневного перехода. Эту страну, гдѣ земля не обработывается, населяютъ понтійскіе римляне. На границѣ этой малонаселенной Лазики императоръ Юстиніанъ основалъ городъ Петру. Весьма близко на югъ отъ Петры находится граница римской имперіи. Тутъ лежатъ густо населенные города: Рицей, Аѳины и нѣсколько другихъ трапезундскихъ городовъ».

Трудно сомнѣваться, о какой пограничной мѣстности здѣсь говорится, и какія другія скалы въ ней, кромѣ Цихидзирскихъ, могли бы оказаться неприступными съ моря?

Еще яснѣе указывается мѣстоположеніе Петры въ послѣдующихъ строкахъ византійскаго историка: «Отъ г. Аспарунта *до города Петры и границъ Лазовъ, гдѣ кончается Понтъ Евксинскій,* считается разстояніе одного дневного перехода. *Тамъ оканчивается Понтъ. Тутъ берегъ дѣлаетъ такой изгибъ*, что разстояніе отъ одного конца этой дуги до другой 550 стадій».

Въ другомъ мѣстѣ онъ повторяетъ:

«Въ той части Азіи, гдѣ начинается серпообразный изгибъ берега стоитъ городъ Петра».

А Цихидзири именно и находится *на самомъ переломѣ* кавказскаго перешейка и малоазійскаго берега, какъ разъ въ той пазухѣ, *гдѣ кончается*, упираясь угломъ въ землю, *Понтъ Евксинскій.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ Цихидзири и пограничный рубежъ: за нимъ, къ Ріону, начинается давно уже русская Гурія, до него, со

стороны Батума, турецкая Аджарія, только-что присоединенная къ намъ по Берлинскому миру.

V.

Черезъ Сурамскій туннель.

Сами Кабулеты—мало интересны. Они лежатъ на низкомъ поморьѣ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ для морскихъ купаній. Во время войны тутъ стоялъ отрядъ генерала Оклобжіо.

Мѣстность за Цихидзири и Кабулетами рѣзко измѣняется и теряетъ свой декоративный характеръ. Море уходитъ налѣво; горы уходятъ направо, и васъ окружаетъ однообразная широкая равнина, заросшая чуть не дѣвственными лѣсами, покрытая плантаціями кукурузы. Собственно говоря, это не равнина, а сплошное болото, но болото при здѣшней тропической жарѣ кишащее плодородіемъ, вездѣ, гдѣ его сколько-нибудь приспособятъ къ посѣвамъ. Колоссальные, прямые, какъ мачты, стволы деревьевъ, дубы, грабы, карагачи, чинары, до макушки увитые цвѣтущими ліанами, поднимаются прямо изъ трясинъ, залитыхъ водою, и большею частью гніютъ тутъ же на корню. Лихорадки здѣсь вѣкуютъ, какъ въ своемъ родимомъ гнѣздѣ. На расчищенныхъ, нѣсколько болѣе сухихъ полянахъ—почти сплошная кукуруза. Эти кукурузныя поля имѣютъ оригинальный видъ: они всѣ усѣяны своего рода избушками на курьихъ ножкахъ, камышевыми и плетневыми кукурузницами, высоко поднятыми на столбахъ, какъ двѣ капли воды похожія на тѣ хижины островитянскихъ дикарей, которыя изображаются у Дюмонъ Дюрвиля, Жака Араго и другихъ старыхъ путешественниковъ по океанамъ.

Сѣно тутъ тоже намотано, какъ клубки шерсти на веретена, на высокіе шесты, или уложено стожками между вѣтвей деревьевъ. Съ непривычки кажется издали, будто какіе-то гигантскіе грибы вытянулись высоко въ воздухъ изъ этой сказочно-

плодородной почвы. Все тутъ нужно спасать отъ прикосновенія губительной болотной влаги.

Въ лѣсахъ то и дѣло видишь цѣлыя версты черныхъ обгорѣлыхъ скелетовъ растительныхъ великановъ; только огнемъ можно еще сколько-нибудь подготовить для посѣва эту пресыщенную влагою почву, смѣшавъ ее съ сухою золою лѣсного пожарища.

Народъ здѣсь—красавецъ на красавцѣ, статный, рослый, съ смѣлымъ взглядомъ глазъ, съ тонкими чертами сухого лица, напоминающими породистаго арабскаго коня. Аджарцы и гурійцы мало разнятся другъ отъ друга и лицомъ, и нарядомъ и языкомъ. Все это тѣ же лазы, одно изъ древнѣйшихъ племенъ Кавказа, имя которыхъ сохранилось въ этихъ мѣстахъ, въ классической Лазикѣ римлянъ и грековъ, отъ похода аргонавтовъ до нашихъ дней. Діодоръ Сицилійскій выводитъ ихъ отъ воиновъ Сезостриса, египетскаго фараона, покорившаго Азію, будто бы оставшихся на жительство въ роскошныхъ долинахъ теперешняго Ріона и Чороха. Турецкіе лазы отдѣлились отъ нашихъ гурійцевъ только своею мусульманскою религіей и то не особенно давно. У нихъ до сихъ поръ встрѣчаются тѣ же самыя фамиліи и роды, какъ и у гурійскихъ христіанъ.

Нѣтъ храбрѣе войска, какъ наши удалыя гурійскія дружины. Нѣтъ и болѣе страстныхъ ненавистниковъ турка, какъ они. Ненависть эта, выкованная многовѣковою исторіею кровавой борьбы и жестокихъ насилій, вросла въ кровь и плоть гурійца, этого далекаго порубежника христіанства, на долю котораго выпалъ тяжкій жребій первыхъ схватокъ на жизнь и смерть съ торжествующимъ исламомъ Азіи, «грудь съ грудью и рука съ рукой». Отчаянные гурійскіе легіоны въ своихъ черныхъ башлыкахъ, граціозно увязанныхъ вокругъ красивой головы, въ своихъ изящныхъ черныхъ курточкахъ и черныхъ узкихъ панталонахъ по колѣна, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за широкими кушаками, во всѣхъ русскихъ войнахъ съ турками всегда бросается впередъ, разыскивая своего историческаго

врага, какъ кровныя охотничьи собаки привычную дичь. Они верхами взлетали на турецкія батареи, и два баталіона ихъ отбили отъ Озургетъ цѣлый значительный турецкій отрядъ. Судя по типу гурійцевъ, особенно же по ихъ красавцамъ дѣтямъ, несомнѣнно, что въ ихъ крови много древняго грека и итальянца. Во всякомъ случаѣ это чистѣйшій и благороднѣйшій типъ кавказской расы, сильнѣйшимъ образомъ подрывающій вѣру въ сомнительный разсказъ Діодора о египетскомъ происхожденіи лазовъ.

По дорогамъ не только видны всадники и пѣшеходы, но и арбы. Здѣшнія двухколесныя арбы, должно быть, ведутъ свое происхожденіе даже не изъ Египта, а прямо отъ праотца Ноя, благо Араратъ не Богъ знаетъ какъ далеко. Колеса ихъ—это тяжелые сплошные круги изъ толстѣйшихъ буковыхъ досокъ, безъ спицъ и ободьевъ: конечно, и горныя дороги здѣсь тоже вполнѣ напоминаютъ времена Ноя, и на нихъ дѣйствительно не поѣдешь на англійскихъ, хотя бы и патентованныхъ, рессорахъ; но все-таки эта тяжесть огромныхъ и неуклюжихъ деревянныхъ жерноновъ, скрыпящихъ на немазанной оси, не подъ силу даже и выносливымъ буйволамъ, обычнымъ перевозочнымъ скотамъ этого края.

Вотъ мы проѣхали рѣку Чолокъ, недавно бывшую нашей границей. Мѣстные люди увѣряютъ, будто дипломаты наши, послѣ турецкой войны 1828—29 гг., перепутали, вѣроятно, за отдаленностью, рѣку Чорохъ съ рѣкою Чолокомъ и въ результатѣ будто бы мы не получили тогда того уголка Азіи, который намъ былъ уступленъ. Продаю, впрочемъ, за что купилъ, не особенно довѣряя такому курьезу.

На станціяхъ большое стеченіе народа, настоящій базаръ. Хорошенькія гурійки въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ сѣткахъ на головахъ, щеголевато одѣтыя, продаютъ шелковыя матеріи, платки и шарфики своей работы. Хотя особеннаго достоинства эти легкія ткани и не имѣютъ, но за то они удивительно де-

шевы: мѣстную чусанчу или, вѣрнѣе, шелковое полотно можно купить здѣсь копѣекъ по 70, по 80 за аршинъ.

Красавцы-гурійцы съ воинственной осанкой толпятся здѣсь во множествѣ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ кокетливо завязанныхъ башлыкахъ; мальчишки ихъ, глазастые, румяные брюнеты, смотрятъ совсѣмъ итальянскими лаццарони. Меня и здѣсь, какъ въ Палестинѣ, какъ въ Египтѣ, какъ на островахъ Греческаго Архипелага, удивляетъ эта потребность южнаго человѣка, жителя горячихъ странъ, кутаться даже лѣтомъ въ теплое и черное, въ то время какъ мы, сѣверяне, въ своемъ сыромъ и холодномъ климатѣ, щеголяемъ съ мая до сентября въ бѣлой парусинѣ.

Должно быть однако они, живущіе съ природою глазъ на глазъ, не разставаясь съ нею ни днемъ, ни ночью, знаютъ ее лучше, чѣмъ мы, и поступаютъ умнѣе насъ. Русскій мужикъ тоже вѣдь не очень-то разстается, даже и весною, съ овчиннымъ тулупомъ и даже пословицу сложилъ: «До Святаго Духа не снимай кожуха!»

По обязанности туристовъ, мы накупили у женщинъ коекакихъ шелковыхъ мелочей, захватили у черномазаго мальчугана, осчастливленнаго полученіемъ пятиалтыннаго, кружокъ мѣстнаго мягкаго сыру и съ этой добычею поспѣшили возвратиться въ вагонъ. Проѣхали Нотанеби, проѣхали Супсу. За Супсой равнина Гуріи дѣлается еще привольнѣе: горы видны направо и налѣво, вездѣ журчатъ ручьи, борозды полей залиты водою, поля раздѣлены плетнями на участки, кукуруза и кукурузницы на курьихъ ножкахъ вездѣ, куда не оглянешься. А селеній между тѣмъ почти не видно. Тѣ хижины безъ оконъ, что́ ютятся въ тѣни маленькихъ садиковъ,—скорѣе лѣтніе хутора и хозяйственные склады, чѣмъ постоянныя жилища гурійца. Селенья его, должно быть, въ предгорьяхъ, подальше отъ этой болотистой низины. Въ многочисленныхъ канавахъ, откуда до одури кричатъ лягушки, то и дѣло видишь валяющихся свиней и буйволовъ.

Тутъ свиньи маленькія, бурокоричневыя, на высокихъ ногахъ и покрытыя высокою рѣдкою щетиною, какъ настоящіе дикіе кабаны. Буйволы тоже лохматые, въ длинныхъ волосахъ. Природа здѣсь слишкомъ могуча, а человѣкъ самъ еще слишкомъ близокъ къ ней, чтобы его домашній скотъ могъ уклоняться отъ естественныхъ вліяній такъ рѣзко, какъ это достигается фермерами какой-нибудь Англіи или Голландіи.

У Супсы желѣзная дорога развѣтвляется: одна вѣтвь идетъ налѣво, къ Поти, другая направо къ Самтреди.

Мы уже приближаемся къ Ріону и то и дѣло касаемся его береговъ. Намъ уже видна на той сторонѣ Имеретія съ мерцающими за нею снѣгами Большого Кавказа. Поля перемѣняютъ свой характеръ. Почва тутъ вся изъ мелкихъ голышей, смѣшанныхъ съ иломъ, особенно подходящая для винограда.

Отъ станціи Негоити и Саджевахо вездѣ тутъ рѣдко раскинуты по полямъ старыя рогатыя деревья, кругомъ которыхъ обвиваются могучіе многолѣтніе канаты виноградной лозы, толщиною въ добрую руку. Въ прежнее время всѣ поля были въ такихъ деревьяхъ, и всякое дерево въ обильно осыпанныхъ гроздами лозахъ винограда. Но сбытъ кукурузы оказался проще и выгоднѣе виноградарства, и народъ бросился на новую наживу, сталъ подсѣкать подъ корень старыя свои деревья, а вмѣстѣ съ ними и старыя лозы, дававшія виноградъ, какъ увѣряютъ здѣшніе люди, несравненно болѣе душистый и сочный, чѣмъ болѣе цивилизованный способъ культуры кустами.

Въ Саджевахо—лучшее мѣстное вино; оттого вся станція полна бурдюками, готовыми къ нагрузкѣ.

Вотъ наконецъ и Самтреди. Тутъ порядочный буфетъ, и мы съ аппетитомъ накинулись на горячую свѣжую кефаль, только-что подвезенную отъ Поти изъ озера Палеостома, гдѣ водится крупная разновидность этой вкусной рыбы, далеко впрочемъ уступающая нѣжностью знакомой мнѣ кефали крымскихъ береговъ.

Въ Самтреди тоже торговля, тоже шелковыя матеріи, сѣтки,

платки, яркіе шарфы въ великомъ изобиліи на рукахъ мѣстныхъ представительницъ прекраснаго пола, толпящихся у вокзала и назойливо сующихъ вамъ свой товаръ.

За Самтреди уже начинается Имеретія. Горы отступаютъ еще дальше въ знойную синеву, откуда вырѣзаются на синезеленомъ фонѣ предгорій бѣленькіе домики многочисленныхъ имеретинскихъ деревень.

Мы переѣхали по низенькому мосту быстрый и мутный Ріонъ, текущій здѣсь совсѣмъ въ плоскихъ берегахъ. Имеретія уже замѣтно культурнѣе полудикой Гуріи. Правильные виноградники, хорошіе фруктовые сады, полевые участки, обсаженные рядами тутовыхъ деревьевъ, большіе и красивые сельскіе дома. Оттого и цѣна земли здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Гуріи. Десятина земли съ какимъ-нибудь маленькимъ садикомъ стоитъ 500, 600, 1000 рублей. Земля здѣсь воздѣлывается гораздо тщательнѣе, хотя и тутъ, какъ въ Гуріи, гуляетъ по полямъ соха первобытной наивности, которою, навѣрно, еще Церера пахала Грецію. Соха эта—простой деревянный крюкъ, выпиленный изъ доски, съ надѣтымъ вмѣсто сошника деревяннымъ клиномъ. У рѣдкаго хозяина кончикъ этого клина немножко окованъ желѣзомъ. И однако благодарная мягкая почва Колхидскаго бассейна довольствуется и этимъ проскребываньемъ ея деревяннымъ зубомъ и даетъ огромные урожаи.

Передъ станціей Ріономъ мы довольно хорошо могли разсмотрѣть вдали Кутаисъ и даже горную дорогу изъ него въ Гелатскій монастырь, мнѣ хорошо знакомую. Ріонъ пришлось переѣзжать второй разъ. На станціи мы встрѣтили цѣлый казачій полкъ, отправлявшійся изъ Кутаиса на лѣтнюю лагерную стоянку въ прохладныя предгорья. Хотя казаки были въ буркахъ и черкескахъ, какъ и туземцы, но послѣ тонко выточенныхъ, изящныхъ лицъ гурійцевъ—ихъ носы картошками, ихъ узенькіе глаза съ выпуклыми скулами и широкія, какъ рѣшето, грубыя лица показались мнѣ чисто калмыцкими.

И имеретины уже далеко не такого благороднаго типа, какъ

гурійцы. Всѣ они какіе-то носатые и черные. Черныя бороды, черные глаза, черныя лица, и одѣты всѣ въ черномъ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ курткахъ, въ черныхъ башлыкахъ. Въ типѣ имеретина есть что-то еврейское, жесткое и недоброе. По характеру своему они также, какъ и мингрельцы, далеко не то, что наивные и честные храбрецы гурійцы. Ріонъ мы покинули скоро и уже переѣхали быструю Квириллу, его главный притокъ, который многіе не безъ основанія считаютъ за настоящее русло Ріона. Во всякомъ случаѣ въ древности Квирилла принималась, повидимому, за верхнее теченіе Фазиса и служила важнымъ звеномъ большого воднаго пути азіатской торговли. Изъ нея-то и былъ волокъ въ «рѣку Кира», теперешнюю Куру, защищавшійся крѣпостью Сарапанисомъ, какъ передаетъ это Страбонъ.

Аджаметъ,—богатѣйшее имѣніе князя Святополкъ-Мирскаго, занимавшаго недавно очень высокій постъ въ центральномъ управленіи Кавказа. Онъ сейчасъ же за Квириллою. Къ нему проведена особая желѣзнодорожная вѣтвь для вывоза лѣса, которымъ почти исключительно снабжается Поти-Тифлисская дорога и Кутаисъ. Теперь это доходное лѣсное имѣніе принадлежитъ извѣстному армянину-богачу—Ананову, заплатившему за него, говорятъ, 500.000 рублей. Вообще эта счастливая равнина Ріона и нижней Квириллы—само плодородіе. Почва тутъ жирный глинистый лёсъ неистощимой силы. Безъ сомнѣнія, обиліе въ ней плодоноснаго ила, какъ и въ Нильской долинѣ, зависитъ отъ разливовъ рѣкъ, если не теперешнихъ, то старыхъ временъ, болѣе богатыхъ водами.

Въ апрѣлѣ яровая пшеница уже ростомъ четверть аршина, и густа, какъ шуба. Круглый годъ тутъ подножный кормъ для скота. Имеретины сѣютъ много такъ называемой «ёнжи», особаго вида люцерны, которая даетъ нѣсколько укосовъ въ лѣто. Эта райская равнина къ тому же пользуется и очень здоровымъ климатомъ, въ отличіе отъ гурійскихъ лихорадочныхъ топей.

На станціи Свиро—лучшее вино всего Колхидскаго бассейна. Его частенько продаютъ здѣсь за кахетинское, которому оно мало уступаетъ. И на этой станціи, и на многихъ другихъ, особенно же много дальше на Бежатубани, имеретины продаютъ на вокзалахъ очень красивые мѣстные кувшинчики изъ разноцвѣтной глины, красной, сѣрой, бѣлой, съ пестрою росписью, чрезвычайно оригинальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко восточныхъ формъ, съ ручками въ видѣ бараньихъ, турьихъ, бычачьихъ головъ, съ чернобородыми египетскими лицами, съ какими-то не то древне-египетскими, не то древне-ассирійскими узорами, безъ сомнѣнія, удержавшимися въ народномъ искусствѣ Богъ знаетъ отъ какихъ историческихъ эпохъ. За Свиро и сама Квирилла. Это уже настоящій городокъ, довольно большой и живописный. Старинные имеретинскіе дома въ два яруса, съ галлереями, колоннами, съ множествомъ лавченокъ въ нижнемъ ярусѣ,—очень характерныхъ, указываютъ на зажиточность народа. Красивыя темныя горы надвинулись кругомъ, и въ этой, немного суровой рамѣ долина, сверкавшая яркою зеленью, глядѣла очаровательно. Мостъ изъ чугунныхъ рельсовъ перекинутъ здѣсь черезъ Квириллу. И около него, и около вокзала, и на улицахъ только и видишь, что цѣлые караваны маленькихъ ушастыхъ осликовъ, совсѣмъ, кажется, раздавленныхъ нацѣпленными на нихъ громоздкими корзинами какой-то черной руды, въ родѣ антрацита.

Братъ меня знакомитъ въ эту минуту съ однимъ туземнымъ помѣщикомъ, Гогоберидзе, своимъ старымъ знакомымъ.

— Что̀ это такое, скажите пожалуйста, развѣ здѣсь добываютъ каменный уголь? спрашиваю его я.

— Да вѣдь это не каменный уголь, улыбаясь, отвѣчаетъ мнѣ Гогоберидзе. Это марганецъ. Здѣсь вѣдь главный складъ его. Наваливаютъ и везутъ въ Поти, въ Батумъ.

— А добываютъ его далеко?

— Нѣтъ, не очень. У меня именно въ имѣніи и добывается, и у сосѣдей моихъ Церетели и другихъ. Чіатуры называется

наша мѣстность, вѣроятно, читали въ газетахъ. Отсюда верстъ 40, Шарапанскаго уѣзда, отъ уѣзднаго нашего города еще ближе, 36 верстъ всего.

— Все-таки не легко, я думаю, доставлять горсточками, въ такихъ корзиночкахъ; горы, вѣроятно, дороги скверныя?

— Да ужь это, конечно; неудобство большое. Вотъ на будущій годъ желѣзную дорогу обѣщаютъ; говорятъ, ужъ разрѣшена, тогда пріѣзжайте къ намъ, въ Чіатуры, все увидите, все производство.

— Шахты, конечно?

— Нѣтъ, безъ шахтъ, представьте себѣ. Просто штольни, въ горѣ прокладываемъ. Это огромное удобство, и недорого.

— А пластъ-то богатый?

— Пластъ аршина 2 толщины, но только не сплошной съ перепластами; глубже одной сажени мы штоленъ не роемъ. Только качества прекраснаго наша руда; процентъ металла огромный; говорятъ, въ Европѣ такого нѣтъ: чистѣйшая перекись.

— Покупаетъ-то у васъ кто?

— О, насчетъ этого мы не безпокимся. Все англичане подбираютъ, сколько ни накопай, больше Патерсонъ. Агенты его такъ и живутъ въ Поти. На мѣстѣ мы продаемъ 30, 32 коп. пудъ, а въ Поти имъ доставить 37, 38.

— Куда же имъ столько нужно перекиси этой?

— Помилуйте, а для стали бессемеровской, для добыванія хлора, кислорода, мало ли для чего... наконецъ, для очищенія воздуха онъ постоянно требуется... Да вы развѣ не видали никогда? хотите я вамъ сейчасъ принесу!..

Онъ очень любезно побѣжалъ въ какой-то складъ около вокзала и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ прикащикомъ, притащившимъ мнѣ изрядный запасъ черныхъ камней.

— Только рукой не трогайте; испачкаетесь, не отмоете скоро... очень кстати предупредилъ онъ меня. Я понялъ послѣ этого, почему вся рабочая толпа на Квирилльскомъ вокзалѣ стояла, словно нарочно измазанная углемъ.

— Скажите, пожалуйста, вотъ вы говорите, англичане у васъ покупаютъ; а я читалъ въ газетахъ, будто Ротшильдъ самыя копи марганцовыя всѣ здѣсь поскупилъ. Неужто это правда?

— Вздоръ совершеннѣйшій! Мы его и не видали тутъ никто, и ничего подобнаго никогда и не бывало...

Въ эту минуту раздался послѣдній звонокъ, и мой новый знакомый торопливо выскочилъ изъ вагона.

— До свиданья! смотрите же, пріѣзжайте на будущій годъ къ намъ въ Чіатуры!—кричалъ онъ на прощанье. Опишите все, я вамъ все покажу. Тамъ вамъ понравится: ущелье дикое, горы, пропасти!

Хлѣба нѣтъ и тутъ. Поневолѣ приходится камнями жить!..

Въ настоящее время ожиданья моего собесѣдника уже сбылись, и Высочайшее разрѣшеніе на постройку Чіатурской желѣзной дороги уже послѣдовало. Этому дѣйствительно нужно радоваться, потому что уже и теперь количество добываемой марганцовой руды, не достигавшее лѣтъ 12 тому назадъ 55.000 пудовъ, уже приближается къ 8 милліонамъ пудовъ, а есть основаніе предполагать, что все пространство, которое прорѣжетъ новая желѣзная дорога, можетъ оказаться сплошнымъ марганцовымъ рудникомъ. Притомъ и руда наша гораздо богаче всѣхъ иностранныхъ содержаніемъ металла, въ ней чуть не 60% чистаго марганца.

Виноградники покрываютъ горные скаты долины, но внизу—опять тоже сплошная кукуруза, которая, кажется, замѣнила здѣсь собою всѣ хлѣба и сады.

Въ четырехъ верстахъ отъ Квирилльскаго вокзала — развалины знаменитаго Страбонова Сарапаниса. Обрывистый утесъ изъ темно-сѣраго, почти чернаго трахита, капризно изглоданный стихіями, мрачнымъ пустынникомъ поднимается прямо изъ бѣшенныхъ волнъ Квириллы, съ ревомъ и пѣною огибающей его въ этой тѣснинѣ. Четырехъугольная башня несокрушимой римской кладки, съ разбитою верхушкою, такая же черная и мрачная,

какъ самъ утесъ, вся обросшая бурьянами, будто трупъ волосами, — вѣнчаетъ эту дикую скалу, неразличимо сливаясь съ нею въ одну неприступную твердыню.

Цѣлый замокъ съ стѣнами, бойницами, наполовину разбитыми башнями тамъ наверху; каменная стѣна опоясываетъ и самое основаніе утеса, что̀ злобно лижутъ волны Квириллы. Видно, что тутъ былъ когда-то очень важный накрѣпко укрѣпленный боевой пунктъ. Хотя русло для желѣзной дороги пробито въ толщахъ трахитовъ, гораздо ниже древняго замка, но старая вьючная дорога, повидимому, перевалила черезъ скалу подъ самыми стѣнами Сарапаниса, и, вѣроятно, сквозь его ворота, которыми владѣлецъ крѣпости могъ всегда преградить путь тому, кому было нужно. Безъ сомнѣнія, въ этомъ замкѣ, державшемъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ обѣихъ сосѣднихъ странъ, —и отъ Колхиды съ долинами Ріона и Квириллы, и отъ степныхъ равнинъ Куры, — взимались пошлины съ товаровъ, провозимыхъ водою изъ Азіи и въ Азію, поэтому это была своего рода крѣпость-застава, крѣпость-таможня, очень выгодно угнѣздившаяся на перевалѣ горнаго волока. До сихъ поръ старая проторенная дорога сбѣгаетъ съ высотъ скалы, рядомъ съ желѣзной дорогой, направляясь также къ долинѣ Куры.

Теперь мы уже совсѣмъ попали въ царство горъ. Мы двигаемся узкимъ и глубокимъ ущельемъ Квириллы все вверхъ и вверхъ. Десятки разъ желѣзная дорога переѣзжаетъ поперекъ эту бурную рѣчку, капризно кидающуюся изъ стороны въ сторону. Тѣсный корридоръ, пробитый дерзостью человѣка, съ трудомъ отвоевываетъ для своей пары рельсовъ узкую пядь земли отъ этого неистоваго звѣря, вѣковѣчнаго хозяина недоступной горной тѣснины, и даетъ намъ заглянуть въ ея долго сокрытыя тайны.

Точно два одинаково могучія, но не похожія одно на другое чудовища борются здѣсь, въ глуши этихъ нагроможденныхъ другъ на друга каменныхъ громадъ. Черная гигантская тысяче-

ножка, вся изъ желѣзныхъ суставовъ, дыша огнемъ и дымомъ, ворвалась въ эти, отъ начала міра непочатыя нѣдра скалъ, и несется въ глубинѣ ихъ съ одуряющею быстротою, смѣло, увѣренно, прямо, не сворачивая ни передъ чѣмъ, не сгибая своего длиннаго тѣла въ желѣзной чешуѣ.

И рядомъ съ нею, ею подавленная, но не поддающаяся ей, извивается кольцами, какъ разсвирѣпѣвшая змѣя въ напрасныхъ бѣшеныхъ потугахъ, дикая рѣка; она реветъ и стонетъ, словно отъ боли, вырываясь изъ-подъ давящихъ ее частыхъ мостовъ, и ударяется, обезумѣвъ, со всего разбѣга въ непоколебимую грудь скалъ, пѣнясь отъ злобы, грызя камни, потрясая пустынное ущелье своимъ бѣшеннымъ гуломъ и плескомъ.

Вокругъ насъ настоящіе альпійскіе виды.

Тѣснина наша, иногда похожая болѣе на каменоломню, чѣмъ на долину, сверкаетъ изломами своихъ трахитовъ, сланцевъ, алебастровъ, свѣжими, какъ колотый сахаръ, и, облитая прямо съ головы южнымъ солнцемъ, кишитъ цвѣтущими травами и кустами, бархатомъ барвинокъ, золотомъ цитизуса, пестрыми индѣйскими шалями орхидей. А надъ нами, на подоблачной высотѣ, зеленыя пастбища на гигантскихъ косогорахъ, домовитые хуторки имеретинъ, курчавые виноградники, мирно пашущіе плуги: совсѣмъ Швейцарія.

Вотъ поѣздъ нашъ прогремѣлъ въ темной дырѣ туннеля, и мы вынеслись въ захватывающую духъ красоту. Титаническія стѣны всѣхъ цвѣтовъ мрамора, бѣлосѣрыя, бѣложелтыя, малиновыя, какъ кровь, встаютъ отвѣсно со дна глубокаго ущелья, уходя головами въ недостижимую высь, тѣсня ущелье своими подоблачными башнями; они угрожающе нависли надъ жалкою тропою, по которой мы несемся, висящими и торчащими съ ихъ карнизовъ камнями, словно крѣпость, наготовившая ядра на случай приступа. Плющъ устилаетъ нѣкоторыя изъ этихъ стѣнъ отъ пяты до макушки, будто настоящія развалины крѣпости исполиновъ, сплошными простынями своихъ блестящихъ, словно

полированныхъ листьевъ, расписываетъ ихъ затѣйливыми арабесками своихъ капризныхъ побѣговъ.

Цѣлыя деревья лѣпятся на другихъ стѣнахъ, вися надъ пропастью, будто приклеенныя, вцѣпившись своими терпкими корнями въ малѣйшій закраекъ гладкой отвѣсной скалы.

Но вдругъ я вздрогнулъ и отшатнулся невольно назадъ. Надъ нами на огромной высотѣ, тоже на чуть замѣтныхъ карнизикахъ утесистой стѣны—стояли въ живописныхъ позахъ, спокойно опершись на свои кирки и глядя внизъ на нашъ поѣздъ, нѣсколькими ярусами другъ надъ другомъ, ряды рабочихъ имеретинъ. Они проводили новую дорогу на Бежатубань, значительно выше, но и короче теперешней.

А въ поворотахъ ущелья, при впаденіи въ нихъ другихъ, еще болѣе тѣсныхъ и дикихъ трещинъ, откуда прыгаютъ, какъ шаловливые горные духи, на встрѣчу Квириллѣ, трубя въ свои трубы, неистовые альпійскіе потоки, безмолвно вырѣзаются въ горячей синевѣ неба, на высокихъ конусахъ скалъ, на холмахъ и утесахъ, торчащихъ изъ пучины водъ, развалины невѣдомыхъ древнихъ замковъ, когда-то зорко сторожившихъ эти ущелья и сурово царившихъ надъ ними.

Много такихъ романтическихъ башенъ задумчиво глядятъ на насъ съ своихъ недоступныхъ вершинъ, гдѣ они сидятъ теперь какъ подстрѣленные орлы,—обезсилившіе хищники, недавно еще смѣло хозяйничавшіе здѣсь,—поневолѣ пропуская безданно-беспошлинно черезъ свои разбойничьи владѣнія дерзко ворвавшійся къ нимъ поѣздъ новой цивилизаціи.

Кое-гдѣ однако виднѣются изрѣдка наверху и хорошенькіе помѣщичьи домики, и зажиточныя крестьянскія избы. Вонъ даже на одномъ обрывистомъ и высокомъ мысѣ забѣлѣлся старинный христіанскій храмъ... Колокольня его живописно обвита, будто стволъ вѣкового дуба, густыми темнозелеными плетями плюща...

Внизу хотя дикая пустыня, зато вверху, на облегающихъ насъ кругомъ прохладныхъ альпійскихъ поляхъ, все людно, полно жизни и дѣятельнаго хозяйства.

Это ущелье Квириллы единственное по красотѣ; въ Европѣ оно несомнѣнно пользовалось бы громкою извѣстностью, на ряду съ пресловутыми Швейцарскими и Тирольскими горными долинами.

При неожиданномъ поворотѣ подоблачной стѣны, передъ нами вдругъ эффектно вырѣзался на глубоко-синемъ фонѣ далекихъ горъ большой домъ, ярко облитый солнцемъ.

Мы подъѣзжали къ станціи Бѣлогорье.

Станція Бѣлогорье страннымъ образомъ лежитъ въ широкой альпійской долинѣ съ ярко-малиновою почвою горъ. За нею ущелье Квириллы уже теряетъ много своей дикой романтической живописности.

Рѣка все болѣе и болѣе тощаетъ и смирнѣетъ по мѣрѣ подъема вверхъ, обращаясь наконецъ въ небольшой пѣнящійся потокъ, который то исчезаетъ надолго изъ нашихъ глазъ, то опять вдругъ появляется у дороги или подъ дорогой... Но въ одномъ мѣстѣ однако и эта часть ущелья поразительно живописна.

На утесистыхъ пирамидахъ, обглоданныхъ временемъ и омываемыхъ пѣнистыми волнами Квириллы, высятся хорошо уцѣлѣвшія развалины какой-то большой старинной крѣпости. Эти голыя желтоватыя скалы съ такими же голыми желтоватыми развалинами удивительно эффектно оттѣняются темною лѣсистою горою, надвигающеюся на нихъ съ противоположной стороны ущелья за рѣкою Квириллы. Издали все это кажется какою-то необыкновенно удачною декораціею романтической оперы и такъ и просится подъ кисть художника. Фотографія не можетъ дать даже близкаго понятія обо всѣхъ этихъ неописуемыхъ словомъ живыхъ красотахъ Сурамскихъ горъ, гдѣ чудныя перспективы, неуловимыя стекломъ фотографа, очаровываютъ глазъ столько же, сколько и чудные переливы свѣта и красокъ, еще менѣе уловимые самою хитрою машиною.

Въ воздухѣ замѣтно свѣжѣетъ по мѣрѣ подъема. Мы, должно быть, забрались уже очень высоко. Какой часъ ѣдемъ и все

карабкаемся вверхъ. А съ нами вмѣстѣ, черезъ всѣ изгибы дикихъ ущелій по которымъ мы несемся, ползетъ вверхъ рядомъ съ нашими рельсами безконечная черная кишка чугуннаго нефтепровода, которымъ керосинъ перекачивается изъ Михайловской станціи въ батумскія цистерны, чтобы избѣжать труднаго перевала керосиновыхъ вагоновъ черезъ Сурамскія горы. Слѣва отъ насъ, но выше насъ, то и дѣло выступаютъ обрывки новостроющейся дороги въ Бежатубань. Теперешній подъемъ въ знаменитый Сурамскій туннель оказался все-таки слишкомъ крутымъ, и вотъ рѣшили еще разъ, то-есть, выходитъ, уже въ 3-й разъ, считая первоначальный Сурамскій перевалъ,—провести здѣсь новую дорогу съ гораздо меньшимъ угломъ подъема. Колоссальныя арки высочайшаго моста въ Бежатубани и такія же колоссальныя стѣны, дающія опору скаламъ, по которымъ пробита дорога, пахнутъ чѣмъ-то древнеримскимъ, тѣми несокрушимыми арками акведуковъ и віадуковъ, которымъ изумляешься въ Италіи. Хорошо только, если они будутъ также несокрушимы въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ

Мы, профаны, конечно, мало понимаемъ въ инженерномъ дѣлѣ. Но тѣмъ не менѣе, глядя на эту геометрически точную кладку камней, на эти изящные желѣзные мосты, перекинутые черезъ пропасти,—думаешь, что такая работа не посрамила бы своею основательностью и красотою никакого цивилизованнаго народа. Меня больше всего заинтересовало укрѣпленіе откосовъ громадной высоты. Вѣроятно, въ предупрежденіе размывовъ и осыпей, обычныхъ въ этомъ царствѣ горныхъ потоковъ, тропическихъ ливней, тающихъ снѣговъ—откосы дороги завалены цѣлою каменоломнею битаго камня, и пласты искусно поддерживаются снизу и сбоку могучею каменною облицовкою.

Мы любовались образчиками новой дороги, вездѣ виднѣвшимися высоко надъ нашею дорогою, до самой станціи Ципы.

Она начинается за 5 верстъ до Бежатубани и кончается Ципою; постройка ея должна обойтись въ 2 милліона рублей. Осенью 1891 года упразднена Бежатубанская станція и въ

Млавахъ открылась новая. Теперь уже нѣтъ надобности тащить насъ наверхъ 2-мя паровозами двойной силы, системы Ферле. ОтъЦипы идетъ прежняя дорога на Сурамскій перевалъ, теперь уже брошенная, и старый путь сливается съ новымъ.

Впрочемъ, рельсы съ нея не сняты, и телеграфъ еще дѣйствуетъ; а съ другой стороны, отъ станціи Михайловской даже продолжаются правильныя сообщенія съ Сурамомъ; Сурамъ— довольно важный пунктъ этой горной мѣстности, и разорвать съ нимъ сношенія нельзя: тутъ и почта, и нотаріусъ, и мировой судья, тутъ войска въ старой грузинской крѣпости, санитарная станція для больныхъ военныхъ. Желѣзная дорога устраиваетъ въ этомъ заоблачномъ городкѣ и свою санитарную станцію для тѣхъ многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые страдаютъ изнурительною болотною лихорадкою, захватывая ее главнымъ образомъ въ влажныхъ низинахъ Батумскаго участка.

Я, не вѣря глазамъ своимъ, слѣжу за дерзкими зитзагами старой Сурамской дороги, поднимающейся къ облакамъ своими телеграфными столбами по кручѣ, по которой и верхомъ нужно ѣхать подумавъ, а между тѣмъ и я катился когда-то въ вагонѣ вверхъ и внизъ по этой англійской горкѣ, подобной которой по крутизнѣ не существуетъ ни одного желѣзнодорожнаго подъема въ цѣломъ мірѣ. А между тѣмъ нашъ поѣздъ, сдерживая легонько ходъ, тихо въѣзжаетъ въ старинное грузинское селеніе «Старую Ципу», мимо замшившейся старинной церкви первобытнаго грузинскаго типа, въ видѣ дома съ узкими бойницами вмѣсто оконъ и съ крошечной башенкой на краю высокой крыши... Незамѣтно изъ улицы села мы выѣзжаемъ и подъ темные своды Сурамскаго туннеля. Онъ всего только полгода тому назадъ былъ торжественно открытъ для движенія. Туннелемъ поѣздъ идетъ двѣнадцать минутъ въ абсолютномъ могильномъ мракѣ. Удушливый запахъ нефтяныхъ остатковъ, которыми здѣсь топятъ паровозы, скопляется въ облакахъ дыма и

стоитъ неподвижно въ этомъ плутоновомъ царствѣ, своимъ дыханіемъ жупела еще полнѣе напоминая намъ тьму ада кромѣшнаго. Протяженіе туннеля безъ малаго четыре версты, и постройка его стоила четыре милліона, болѣе чѣмъ по милліону верста. Строился онъ подъ главнымъ руководствомъ инженера Рыдзевскаго извѣстнымъ мастеромъ этихъ дѣлъ, швейцарцемъ Брандау, пробившимъ и туннель С.-Готарда.

Двѣ партіи рабочихъ, двигавшіяся на встрѣчу другъ другу сквозь толщи первозданныхъ горъ, говорятъ, почти безошибочно сошлись лицомъ къ лицу; одна партія пришла выше другой всего 1 футомъ.

Во всякомъ случаѣ эта просверленная человѣкомъ сквозь гранитныя толщи четырехъ-верстная дыра—чудо и гордость современнаго инженераго искусства.

Выѣздъ изъ Сурамскаго туннеля, въ противоположность съ столькими другими видѣнными нами туннелями,—не представляетъ ничего эффектнаго. Напротивъ того, пейзажъ дѣлается скуднымъ и прозаическимъ сравнительно съ тѣмъ, который мы только-что покинули, словно мы въѣхали совсѣмъ въ другое царство.

Вмѣсто ущелья—широкая равнина, только вдали окаймленная справа и слѣва горами. Подъ гребнемъ правыхъ, болѣе къ намъ близкихъ, горъ сверкаетъ широкою лентою величественная Кура, только-что вырвавшаяся здѣсь изъ суроваго Боржомскаго ущелья...

Мы теперь въ бассейнѣ Каспія, въ царствѣ дряхлой Азіи.

Сейчасъ при выходѣ изъ туннеля виднѣется слѣва небольшой новенькій поселокъ, выросшій какъ грибъ на мѣстѣ недавнихъ работъ. Это домики рабочихъ и служащихъ. Домикъ главнаго инженера смотритъ уже довольно миленькой дачкой. За этимъ временнымъ и случайнымъ поселкомъ сейчасъ же село Варварино. Изъ него собираются строить узкоколейную дорогу въ богатое лѣсами Боржомское ущелье до роскошнаго имѣнія великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника

Кавказа. Говорятъ, уже всѣ условія заключены, и въ этомъ году приступятъ къ работамъ.

Долина или, вѣрнѣе, равнина Куры густо населена и хорошо обработана. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги, не доѣзжая станціи Михайловки, на продолговатомъ словно насыпномъ холмѣ виднѣется въ тѣни такихъ же многовѣковыхъ старцевъ-деревьевъ очень древняя, очевидно давно запустѣвшая грузинская церковь, вся поросшая сверху кустами и бурьянами того первобытнаго типа, напоминающаго форму ковчега Ноева, по которому неизмѣнно строились всѣ древніе грузинскіе храмы Кавказа и еврейскія синагоги. Я не имѣлъ времени справиться, какъ называется эта мѣстная святыня, и какое историческое воспоминаніе связано съ нею. Станція Михайловка—теперь большое мѣстечко и центръ торговли лѣсомъ, который въ огромномъ количествѣ вывозится изъ Боржомскаго ущелья и составляетъ между прочимъ главный доходъ великокняжескаго имѣнія. Кромѣ того въ Михайловкѣ главныя мастерскія Батумско-Бакинской, прежней Поти-Тифлисской, желѣзной дороги. Поэтому Михайловка нечувствительно перерождается въ маленькій и дѣятельный городокъ. Тутъ очень порядочный буфетъ въ залѣ, слишкомъ тѣсной для такой важной станціи, и мы съ излишествомъ воспользовались имъ послѣ утомленія жаркаго дня и трудныхъ подъемовъ. Всевозможная смѣсь племенъ и нарѣчій въ этой крохотной столовой.

Петербургская артистка въ новомодномъ дачномъ костюмѣ съ своимъ спутникомъ оперным теноромъ, ѣдущіе на гастроли въ Тифлисъ,—фигуры, прямо выхваченныя изъ какого-нибудь сада Аркадіи, и рядомъ съ ними полудикіе горскіе князья, только-что спустившіеся верхами съ своихъ лѣсныхъ ущелій,—загорѣлые до цвѣта бронзы, съ бѣлыми сверкающими зубами, по горло покрытые оружіемъ и серебромъ! Но здѣсь насъ встрѣтила сцена еще болѣе во вкусѣ мѣстныхъ нравовъ, вполнѣ уже кавказская. Сейчасъ, чуть не на нашихъ глазахъ, рослый молодой чеченецъ, управляющій одной здѣшней уже не особенно

молоденькой помѣщицы, вертѣвшейся тутъ же и съ особенною участливостью относившейся къ судьбѣ этого мощнаго дикаря,— изрубилъ въ какомъ-то неясномъ для публики спорѣ богатаго мѣстнаго помѣщика князя Абашидзе.

Судебный слѣдователь болѣе чѣмъ мирнаго вида снималъ въ эту минуту опросъ съ задержаннаго горскаго богатыря, предлагая ему своимъ цивилизованнымъ вѣжливымъ альтомъ обычные вопросы: «какъ васъ зовутъ? какого вѣроисповѣданія?» А посреди залы кучка такихъ же, какъ чеченецъ, огромныхъ и могучихъ фигуръ въ черкескахъ, съ свирѣпыми черными и сѣдыми усами, съ свирѣпымъ взглядомъ огненныхъ глазъ, такъ же, какъ онъ, сверкавшихъ—бѣлыми зубами, бѣлыми бѣлками, серебрянными патронами, серебряными поясами, серебряными ручками кинжаловъ, горячо и громко толковали другъ съ другомъ, взмахивая руками, сжимая кулаки, на гортанномъ, какъ клекотъ ворона, непонятномъ для насъ языкѣ... Очевидно, это были родственники или друзья заинтересованныхъ сторонъ, чѣмъ-то возмущенные въ этомъ дѣлѣ и, безъ сомнѣнія, кипѣвшіе внутри страстною потребностью вспомнить доброе старое время и разрѣшить спорный вопросъ тутъ же на мѣстѣ, безъ участія судебнаго слѣдователя изъ правовѣдовъ, тѣми простыми и вразумительными средствами, которыя у каждаго изъ нихъ были въ изобиліи натыканы за чеканенные пояса.

VI.

Въ Тифлисѣ.

Въ Тифлисъ мы въѣхали уже ночью. Окрестности были мало видны. Только средневѣковыя башни замка князя Мухранскаго вырѣзались грозною твердынею на высокихъ скалахъ надъ волнами Куры, у входа въ боковую долину, гдѣ расположена знаменитая родовая вотчина князя—Мухравань, обладающая, быть можетъ, самыми обширными винными подвалами во

всемъ Закавказьѣ. Мнѣ разсказывали, что въ этихъ драгоцѣнныхъ погребахъ, стоющихъ не менѣе полъ-милліона рублей, хранится запасъ вина болѣе чѣмъ въ 3,000 ведеръ, а между тѣмъ среди Мухранскихъ винъ, едва ли не лучшихъ изъ всѣхъ кавказскихъ,—есть сорта, продающіеся на мѣстѣ по нѣскольку рублей за бутылку. Ходитъ однако слухъ, не знаю насколько основательный, будто и такое крупное винодѣльное хозяйство не оправдываетъ себя, и будто Ротшильдъ, этотъ современный Крезъ, проглотившій здѣсь нашу нефтяную промышленность, уже настойчиво торгуетъ Мухравань, стремясь проглотить и наше винодѣліе. Я склоненъ думать однако, что у страха глаза велики, и что для кавказскаго винодѣлія эта миѳическая ненасытная пасть еврейскаго царька по ближайшей справкѣ окажется также мало опасною, какъ и марганцовой рудѣ Чіатуръ.

Мцхетъ мерцалъ передъ нами, сквозь туманъ ночи, смутными силуэтами своихъ характерныхъ древнихъ соборовъ и высоко поднятымъ на скалахъ того берега, за сліяніемъ Куры и Арагвы,—былымъ языческимъ капищемъ Степанъ Цминды.

Вотъ мы уже несемся черезъ предмѣстія Тифлиса, вотъ уже передъ нами огнями залитый вокзалъ.

Отдохнувъ отъ многодневнаго пути въ уютной обстановкѣ цивилизованнаго быта, мы всѣ отправились утромъ въ Кавказскій музей. Онъ всецѣло обязанъ своимъ превосходнымъ устройствомъ и замѣчательною полнотою содержанія извѣстному натуралисту и путешественнику по Азіи Радде, который по праву остается до сихъ поръ его директоромъ. Музей этотъ составилъ бы украшеніе любой европейской столицы. Онъ помѣщается въ особо выстроенномъ для него удобномъ и красивомъ домѣ, на видномъ и бойкомъ мѣстѣ. Маленькій дворикъ его украшенъ мраморнымъ бюстомъ покойнаго Берже, одного изъ неутомимыхъ изслѣдователей Кавказа и, кажется, перваго основателя этого музея. Среди цвѣтовъ и цвѣтущихъ деревьевъ этого дворика-сада разставлены разные громоздкіе памятники

древней исторіи Кавказа, каменные истуканы, плиты и т. п. Интересны среди нихъ грубо вытесанные изъ песчаника фигуры осѣдланныхъ лошадей съ стременами и уздами дѣтски неумѣлаго рисунка, которыя, вѣроятно, ставились надъ гробницами умершихъ славныхъ витязей. Есть также грубыя каменныя статуи барановъ, назначеніе которыхъ болѣе загадочно. Но въ этомъ садикѣ не одни нѣмые камни. Тутъ и живые обитатели Кавказа, такіе же туземцы его горъ и лѣсовъ, громадные орлы, кондоры, грифы, пугачи-филины, съ презрительнымъ безмолвіемъ плѣнныхъ царьковъ созерцающіе насъ своими безжалостно-хищными глазами съ жердей и сучьевъ своихъ просторныхъ клѣтокъ.

Самъ музей—это два яруса свѣтлыхъ обширныхъ залъ, декорированныхъ съ большимъ вкусомъ въ грузинскомъ стилѣ; потолки расписаны пестрыми узорами персидскихъ ковровъ, на полу, на стѣнахъ—настоящіе ковры, въ неимовѣрномъ обиліи, персидскіе, кавказскіе, текинскіе, бухарскіе. Парадная лѣстница на верхъ широкая, роскошная, вся въ превосходныхъ фрескахъ,—своего рода Treppenhaus знаменитаго Берлинскаго новаго музея, конечно, въ миніатюрѣ. Фрески эти—кисти извѣстнаго мюнхенскаго художника, и сюжетъ ихъ выбранъ очень остроумно, вполнѣ подходящій къ Кавказскому музею: бой амазонокъ, легендарныхъ обитательницъ сѣверныхъ предгорій Кавказа, Прометей, прикованный къ скалѣ, Язонъ во главѣ аргонавтовъ, Медея и проч. Не помню, есть ли праотецъ Ной на Араратѣ съ своимъ ковчегомъ; кажется, нѣтъ, а его бы пропускать не слѣдовало. Фигуры фресокъ—все портреты съ натуры августѣйшей семьи великаго князя Михаила Николаевича, бывшаго намѣстника Кавказа, нѣкоторыхъ его главныхъ помощниковъ и приближенныхъ. Особеннымъ богатствомъ экземпляровъ и разумнымъ распредѣленіемъ поражаетъ естественно-историческій отдѣлъ музея. Это скорѣе прелестныя живыя картины, характерно иллюстрирующія мѣстную фауну, чѣмъ обычное въ нашихъ музеяхъ скучное скопленіе въ одну кучу чучелъ

животныхъ. Стѣны расписаны соотвѣтствующими каждой группѣ декораціями. На скалахъ и утесахъ стоятъ, сбѣгаютъ, взбѣгаютъ, то въ испуганныхъ, то въ зорко внимательныхъ позахъ туры, сайгаки, джейраны, аргали, серны. Разсвирѣпѣвшіе зубры стасцѣпились другъ съ другомъ рогами въ борьбѣ за самку; статный рогатый олень мирно ласкается къ своей лани, окруженной дѣтенышами. Въ другомъ углу громадный ленкоранскій тигръ давитъ ощетинившагося кабана, на котораго онъ только-что прыгнулъ; бѣлые барсы, расписанные мелкими черными колечками, залегли въ засадѣ на сучьяхъ дерева, поджидая приближающуюся дикую козу. Отойдите нѣсколько шаговъ, и наткнетесь на громоздкую тушу повалившагося среди песковъ верблюда; его терзаютъ своими хищными клювами, вытаскивая кишки, отрывая клоки кожи. орлы-стервятники, грифы, вороны и всякая лакомая до падали птичья тварь, у которой отбиваютъ ея законную добычу шакалы, набѣжавшіе на запахъ трупа. Повернитесь назадъ—тамъ, въ альковѣ стѣны, разрисованной тростниками и водяными лиліями, цѣлый прудокъ утокъ, колпицъ, пеликановъ, фламинго и разной другой водяной птицы.

Всякая птица, всякій звѣрь совсѣмъ живые, въ характерныхъ позахъ и размѣщены съ чутьемъ художника.

Уже просто только пройтись по этимъ заламъ—большое удовольствіе и большое поученіе; для юношества это дороже всякихъ лекцій. Но тутъ, конечно, масса и другого самаго разнообразнаго естественно-историческаго матеріала, наполняющаго шкафы и витрины. унизывающаго стѣны, застанавливающаго проходы. Хотя для меня во всемъ этомъ было мало новаго, но въ такой выразительной общей картинѣ меня поражало изумленіемъ естественное богатство Кавказа, совмѣщающаго въ себѣ почти всѣ формы животнаго міра, тропическія рядомъ чуть не съ полярными. Только страна, заключающая въ своихъ предѣлахъ вѣчные ледники среди знойныхъ пустынь, можетъ быть такою разнохарактерною и интересною.

Этнографическія собранія тоже очень полны и многосторонни, охватывая рѣшительно всѣ подробности быта многочисленныхъ племенъ Кавказа, но какъ во всѣхъ вообще русскихъ этнографическихъ музеяхъ, и въ Румянцовскомъ въ Москвѣ, и въ разныхъ нашихъ всероссійскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ выставкахъ, я и тутъ возмущался непозволительною аляповатостью и уродливостью этнографическихъ манекеновъ и неряшествомъ ихъ одѣянія. Право, мы, русскіе, словно задачу на себя взяли представлять нашу православную и неправославную Русь въ такомъ отталкивающемъ видѣ, что иностранецъ вправѣ сопричислять насъ къ разнымъ зулусамъ и океанійцамъ. Глазъ художника возмущается всѣми этими балаганными куклами и огородными пугалами въ пыльныхъ тряпкахъ, сидящихъ мѣшками на этихъ гадкихъ чучелахъ. Въ Парижѣ, на одной изъ всемірныхъ выставокъ, помню, мнѣ было просто больно проходить по родному отдѣлу, среди всѣхъ этихъ воображаемыхъ представителей нашего отечества, способныхъ возбудить одно только искреннее отвращеніе. Посмотрите, напротивъ того, какая прелесть подобные же манекены у иностранца. Я недавно еще съ увлеченіемъ любовался въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдѣльныхъ павильоновъ французской выставки, на поразительно художественныя куклы французскаго войска. Хотя въ мои годы галлюцинаціи воображенія уже не могутъ имѣть большой силы, но, тѣмъ не менѣе, я самымъ искреннимъ образомъ не разъ забывался и воображалъ, что гуляю среди живыхъ людей, живыхъ лошадей, на шумной стоянкѣ отдыхающаго отряда. До такого совершенства доведена выразительность лицъ, естественность позъ, правдоподобіе группировокъ, педантическая точность въ обмундировкѣ, вооруженіи и всякихъ мелкихъ аксессуарахъ. Тутъ, къ тому же, и настоящая трава, и неровная почва, какъ въ живой дѣйствительности, и вмѣсто стѣнъ—иллюзію наводящіе ландшафты Франціи.

Археологическій отдѣлъ бѣднѣе другихъ и, повидимому, воз-

никъ позднѣе. Но и въ немъ есть очень рѣдкія вещи, драгоцѣнныя для любителя. Особенно интересны находки въ своеобразныхъ Самтаврскихъ гробницахъ, изъ окрестностей Мцхета, невѣдомаго народа глубокой древности. Много есть золотыхъ и всякихъ другихъ предметовъ, извлеченныхъ изъ кургановъ, орудія каменнаго вѣка, архитектурныя украшенія изъ древнихъ разрушенныхъ храмовъ Кавказа.

Къ «Давиду» поднимаются теперь уже не такъ, какъ прежде, по глухимъ закоулочкамъ, черезъ крыши, дворики, лѣсенки,— а по весьма приличной и не то чтобы ужъ черезъ-чуръ крутой улицѣ. Хотя теперь можно подъѣхать на лошадяхъ къ самому подножію горы, на которой возвышается древній храмъ, но медленное карабканье вверхъ на задыхающихся лошадяхъ не представляетъ ничего привлекательнаго, и мы предпочли прогулку пѣшкомъ—съ цѣлою семьею весело щебетавшихъ и проворно прыгавшихъ кругомъ насъ дѣтокъ...

«Давидъ»—типическій храмъ старой Грузіи. Куда бы вы ни заѣхали въ ея древнія историческія мѣстности,—вездѣ вы увидите такую же восьмиугольную башню съ узкими и высокими щелями оконъ, съ восьмиугольнымъ же остроконечнымъ шатромъ крыши, увѣнчанной чуть замѣтнымъ крестикомъ. Это все равно, что наши пятиглавые соборы XVI и XVII вѣковъ съ зелеными луковицами и высокими разукрашенными золотыми крестами.

Въ «Давидѣ» особенно интересны древнія стѣны, подпирающія скалистый сырецъ горы, на уступѣ которой онъ угнѣздился, съ пробитыми въ нихъ ходами и окошечками, съ таинственнымъ подземнымъ бассейномъ священнаго ключа. Какъ вездѣ, источникъ воды, освѣжающій, цѣлительный, лежитъ и здѣсь въ основѣ изстари чтимой святыни. Я не сомнѣваюсь, что почитаніе туземцами этого священнаго ключа далеко древнѣе трехсолѣтняго грузинскаго храма, который, какъ это обыкновенно бываетъ, вѣроятно, только пріосѣнилъ христіанскимъ крестомъ народную языческую святыню.

Въ храмѣ мы нашли почтеннаго протоіерея съ типическими чертами грузинскаго лица, въ которомъ даже и подъ рясою священника, и подъ клобукомъ монаха, всегда какъ-то больше мірского, чѣмъ мы привыкли обыкновенно видѣть. Протоіерей былъ такъ добръ, что сталъ нашимъ путеводителемъ.

— Церковь вѣдь эту дѣдушка мой строилъ, потомъ отецъ... Мы тутъ отвѣчные священники!.. Изъ рода въ родъ!.. разсказывалъ онъ намъ, водя насъ по разнымъ достопримѣчательностямъ храма. А мнѣ ужъ пришлось куполъ ставить... всякому вышло свое... Иконы тутъ есть очень старинныя, по 300 лѣтъ, вотъ извольте посмотрѣть, живопись какая... совсѣмъ ужъ не наша, теперь такъ не пишутъ...

— Что-жъ тутъ было прежде, батюшка?—спросили мы.— Вѣрно и раньше вашего дѣда была тутъ церковь?..

— Келія тутъ была св. Давида, на мѣстѣ на этомъ, пустынникъ онъ, въ лѣсахъ спасался, кругомъ былъ лѣсъ дремучій, и вотъ этотъ самый источникъ святой изъ горы истекалъ... А церковь у него была совсѣмъ малая, часовенька скорѣе бы сказать.. Она и теперь тутъ сбоку стоитъ... Поновлена, конечно, сколько, можетъ быть, разъ... Желаете взглянуть, пойдемте я покажу...

Тѣсный дворикъ храма весь полонъ могильныхъ камней и гробницъ въ разными громкими именами; многіе изъ нихъ уже выкопаны и свалены въ кучу, должно быть, во время построекъ. Мѣстная благочестивая знать изстари дорожила этимъ привилегированнымъ мѣстомъ погребенія и не жалѣла на это богатыхъ жертвъ. Крошечная деревянная церковочка св. Давида совсѣмъ незамѣтна въ тѣни своего большого и эффектнаго сосѣда. Въ ней только и интереснаго, что нѣсколько очень древнихъ иконъ. На всемъ остальномъ уже, очевидно, легла печать позднѣйшаго времени. Гораздо типичнѣе въ этомъ отношеніи наивная маленькая колоколенка храма, торчащая на своихъ характерныхъ каменныхъ столбикахъ на крайнемъ утесѣ скалы, у подножія которой кишатъ глубоко внизу пестрые домики Тифлиса. Видъ

на Тифлисъ съ узкой террасы «Давида» единственный въ своемъ родѣ; Тифлисъ можно изучить отсюда какъ по громадной картѣ, буквально à vol d'oiseau, отъ одного края этого горячаго каменнаго котла до другого. Смотря съ высоты скалъ на Тифлисъ, приходишь къ заключенію, что въ далекую невѣжественную старину,—пріемы господствующей силы были совсѣмъ тѣ же, что и въ наше высокомудрое время. Развалины старой персидской крѣпости, когда-то державшей въ своей власти Тифлисъ, забрались высоко, какъ орлинное гнѣздо, на скалы этой стороны, а казармы-блокгаузы русскаго войска по тому же инстинктивному чувству собрались цѣлымъ укрѣпленнымъ городкомъ своего рода на той сторонѣ Куры, по скатамъ противоположныхъ горъ, откуда они безъ труда могли бы въ случаѣ нужды разнести своими мѣткими выстрѣлами весь беззащитно лежащій у ихъ ногъ многолюдный городъ...

Сіонскій храмъ,—историческая знаменитость Тифлиса,—того же характернаго стариннаго грузинскаго типа, т.-е. восьмиугольная башня шатромъ, заостренная кверху, съ высокими «щельными» окнами. Внутри это византійскій соборъ съ обычнымъ сводомъ купола и широкими парусами пилястровъ, расписанный отъ плинтусовъ пола до маковки купола сплошною пестрою живописью. Но Византія тутъ уже замѣтно перемѣшалась съ Персіею, игравшею такую долгую и важную роль въ исторіи Тифлиса. Мавританскій арабескъ, мавританскія вырѣзки арокъ сообщили нѣсколько восточный характеръ византійскому стилю собора; оригинальнѣе всего изящныя арочки иконостаса, какого-то блѣднаго, молочно-зеленаго цвѣта на цѣломъ рядѣ колоннокъ вишневаго мрамора, всѣ изрѣзанныя замысловатыми каменными арабесками и вырѣзывающіяся на фонѣ другихъ еще болѣе хитросплетенныхъ золотыхъ завитушекъ персидско-грузинскаго вкуса. Между этими колонками богатѣйшія большія древнія иконы въ тяжелыхъ золоченыхъ окладахъ и драгоцѣнныхъ камняхъ, направо отъ царскихъ дверей издревле чтимая Сіонская

Богородица, налѣво св. Нина, въ кіотѣ которой хранится величайшая реликвія собора, крестъ изъ дикой виноградины, съ которымъ во дни оны ходила по долинамъ Кавказа, проповѣдуя свирѣпымъ огнепоклонникамъ слово Христово, святая Нина, просвѣтительница Грузіи.

У правой стѣны, подъ мѣдною арматурою изъ знаменъ, орловъ и орудій, покоится въ гробницѣ прахъ князя Циціанова, русскаго военачальника, присоединившаго къ Россіи почти все Закавказье и потомъ такъ коварно убитаго бакинскимъ ханомъ. Напротивъ гробницы князя у лѣвой стѣны—гробницы старыхъ грузинскихъ іерарховъ.

Своды, арки, амбразуры оконъ, пилястры,—все горитъ золотомъ, ярко расписаннымъ оригинальными разноцвѣтными узорами; куполъ и паруса тоже сплошное золотое поле, на которомъ рѣзко выдѣляются громадныя фигуры Бога Саваоѳа и шестикрылатыхъ Серафимовъ. По поясу купола, въ подражаніе мусульманскимъ мечетямъ, въ украшеніи которыхъ такую большую роль играютъ куфическія надписи изъ Корана, славянскою вязью написанный текстъ Евангелія. Вообще всѣ надписи надъ иконами и другими святынями собора теперь на славянскомъ языкѣ вмѣсто грузинскаго. Вѣроятно, это сдѣлано недавно, и мнѣ кажется, что такая въ сущности безцѣльная перемѣна должна казаться грузину-простолюдину, не знающему славянской письменности, по крайней мѣрѣ обиднымъ посягательствомъ на его многовѣковую святыню. Кажется, было бы вполнѣ достаточно и для всѣхъ безобидно прибавить славянскія надписи къ издревле существовавшимъ грузинскимъ, не трогая послѣднихъ изъ уваженія къ историческимъ преданіямъ старины и къ многолюдному единовѣрному намъ народу.

Мы присутствовали въ Сіонскомъ соборѣ на службѣ экзарха высокопреосвященнаго Палладія; служилась торжественная панихида по усопшей великой княгинѣ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ, которая въ многолѣтнюю бытность свою на Кавказѣ оставила

по себѣ добрую память въ благотворительныхъ и разныхъ другихъ полезныхъ учрежденіяхъ. Сослужилъ экзарху совсѣмъ престарѣлый викарій его, преосв. Александръ, и три архимандрита въ митрахъ, одинъ изъ нихъ суроваго вида, черный и волосами, и глазами, и цвѣтомъ лица, былъ грекъ, настоятель греческаго монастыря въ Тифлисѣ, что и слышно было по его произношенію. Протодьяконъ — красивый и плечистый молодой дѣтина, безъ всякаго напряженія заливался въ соборѣ своимъ пѣвучимъ басомъ-горою. Въ толпѣ было много мундирнаго люду, кавалерственныя дамы съ своими оригинальными орденами, но народу вообще было не особенно много, хотя Сіонскій соборъ вовсе не великъ. Вообще чувствовалось, что все-таки это окраина, а не центръ Россіи, и что православіе тутъ не имѣетъ ни той внѣшней величественности, ни той широкой популярности въ народѣ, какъ въ настоящей серединной Россіи.

Я самъ уже хорошо зналъ Тифлисъ во всѣхъ его подробностяхъ и описалъ его, кажется, достаточно пространно въ своихъ «Очеркахъ Кавказа», появившихся въ 1887 году. Но мнѣ хотѣлось познакомить свою жену, въ первый разъ бывшую на Кавказѣ, по крайней мѣрѣ съ самыми характерными углами грузинской столицы.

Въ этомъ отношеніи нѣтъ благодарнѣе мѣстности, какъ видъ на Тифлисъ съ моста черезъ Куру подъ Метехомъ. Отсюда можно окинуть однимъ широкимъ взглядомъ и средневѣковыя развалины старой персидской крѣпости, карабкающейся своими стѣнами и башнями по высочайшимъ гребнямъ скалы, и угрюмый замокъ Метехъ на своемъ неприступномъ берегу среди своихъ крутыхъ насыпей, и глубоко провалившіеся внизъ берега Куры, застроенные цѣлымъ лабиринтомъ старинныхъ домовъ, поднимающихся прямо изъ ея водъ на колоссальныхъ каменныхъ устояхъ, съ своими висячими надъ водою утлыми галлерейками и лѣсенками, съ маленькими несимметричными окошечками, глядящими чуть не въ самыя волны Куры, съ спу-

скающимися въ рѣку ведрами на длиннѣйшихъ веревкахъ. Тутъ же у моста и самая восточная изъ всѣхъ тифлисскихъ построекъ, старинная персидская мечеть Алія, вся кругомъ одѣтая со стѣнами и куполомъ въ изящные голубые изразцы, окруженная тѣсными переулочками и крохотными лавченками шумнаго мусульманскаго базара.

Въ саду Муштаида, гдѣ прежде были одни только веселыя гулянья тифлисской публики, лѣтъ пять тому назадъ устроена очень интересная центральная школа шелководства для образца туземцамъ и вообще для развитія на Кавказѣ этой важной и древней отрасли его промышленности. Директоромъ ея молодой спеціалистъ, Н. Н. Шавровъ, кончившій курсъ естественнаго факультета въ Московскомъ университетѣ и потомъ изучавшій шелководство въ Италіи и южной Франціи. Это сынъ извѣстнаго инженера (и отчасти писателя по экономическимъ вопросамъ) Шаврова, строителя Потійскаго порта, съ которымъ я случайно познакомился у попечителя Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскаго, и который мнѣ посовѣтовалъ посѣтить эту едва-ли не единственную въ Россіи школу шелководства. На другой день утромъ мы съ женою отправились въ Муштаидъ. Молодой симпатичный директоръ школы очень любезно показалъ и объяснилъ намъ всѣ подробности своего заведенія. Мы долго бродили съ нимъ подъ слегка накрапывавшій дождь по прекрасному парку, уже развернувшему всѣ свои весеннія прелести, переходя изъ одного домика въ другой.

Министерство Государственныхъ Имуществъ, основавшее эту школу, кажется, по иниціативѣ г. Тихѣева, завѣдывавшаго здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ вѣдомствомъ Государственныхъ Имуществъ, повидимому, задалось очень широкою и серьезною задачею.

Строится къ осени большое каменное зданіе музея, который пока помѣщается въ зданіи собственно школы, построено нѣсколько домиковъ для школы и служащихъ въ ней, для воспи-

танія червей, для размотки шелку, разводятся плантаціи тутовыхъ деревьевъ, и, въ видѣ прибавленія къ шелководству, устраивается маленькая образцовая пасѣка съ англійскими рамочными ульями, въ видѣ хорошенькихъ конторокъ. Все это среди цвѣтниковъ, цвѣтовъ, зеленыхъ лужаекъ и тѣнистыхъ деревьевъ. Музей мы разсматривали съ особымъ вниманіемъ, и онъ дѣйствительно очень поучителенъ, представляя собою богатое собраніе образцовъ мѣстнаго производства, мѣстныхъ способовъ обработки шелка и всякаго рода интересныхъ предметовъ, туземныхъ и заграничныхъ, относящихся къ дѣлу шелководства. Шелковичные черви во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, съ ихъ болѣзнями, ихъ анатоміей, ихъ естественными варіаціями, краски для шелка, всякіе усовершенствованные станки, мотовила, рѣшета для коконъ, инструменты для обрѣзки тутовыхъ деревьевъ и проч. Тутъ же особая лабораторія для производства опытовъ, особая комната съ спеціальными журналами и изданіями по шелководству, пчеловодству, сельскому хозяйству, впрочемъ обильно снабженная также и обще литературными русскими журналами. Самая выводка червей только начиналась, и мы могли видѣть только первоначальные ея пріемы. Въ школѣ до 20 человѣкъ служащихъ: кромѣ директора, особый химикъ, особый зоологъ, садовникъ, мастеръ для обученія шелковому тканью и другіе. Постоянныхъ обязательныхъ учениковъ нѣтъ; можетъ приходить всякій желающій слушать практическія лекціи шелководства въ продолженіе 2 мѣсяцевъ, когда продолжается воспитаніе червей, и изучать все, что ему интересно. Школа обязана давать безвозмездные совѣты по шелководству и пчеловодству всякому хозяину, и исполняетъ всякія его порученія и заказы, имѣющіе какую-нибудь связь съ этими отраслями хозяйства. Г. Шавровъ увѣрялъ насъ, что туземное шелководство находится въ сильнѣйшемъ упадкѣ именно вслѣдствіе полнаго научнаго невѣжества мѣстныхъ хозяевъ-шелководовъ. Въ итогѣ школа произвела на меня впечатлѣніе широкой и полезной программы, выполненіе которой только

еще начинается, и которая еще вся въ загадочномъ будущемъ. Признаюсь, я лично какъ-то болѣе довѣрялъ-бы дѣлу, выросшему само собою въ сравнительно тѣсныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ живой жизни, постепенно развившемуся, силою своего естественнаго роста, въ образцовое учрежденіе шелководства, такъ сказать, доказавшее вѣрность своихъ взглядовъ и пріемовъ нагляднымъ результатомъ своихъ долголѣтнихъ работъ. Тамъ же, гдѣ затрачиваются значительныя средства безъ всякой связи ихъ съ выгодностью затраты, безъ всякой провѣрки жизнью практичности устройства шелководственнаго дѣла, тамъ, можетъ быть, строго говоря, — только школа шелководства въ смыслѣ учебнаго заведенія, съ цѣлью дать хозяевамъ общее знакомство съ вопросами естествознанія и шелководства, а не въ смыслѣ практической фермы, поучительной для туземнаго хозяина своими непосредственными спеціальными пріемами.

Всякое такое казенное дѣло кажется въ значительной степени разсчитаннымъ на внѣшнюю его представительность, и широкія затраты на него роковымъ образомъ — рѣдко представляются соотвѣтствующими той пользѣ. которую оно въ состояніи принести.

Рядомъ съ Муштаидскимъ садомъ — школа садоводства, на 60 человѣкъ воспитанниковъ, тоже устроенная Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и тоже окруженная большимъ садомъ. Въ странѣ плодовъ и шелка, подобной Кавказу, оба эти учрежденія вызываются насущною потребностью, и старанія удовлетворить этой потребности нашей далекой окраины дѣлаютъ честь нашему Министерству Государственныхъ Имуществъ.

Вообще въ этотъ пріѣздъ въ Тифлисъ намъ пришлось много времени посвятить разнымъ образовательнымъ учрежденіямъ края, школамъ, музеямъ и т. п.

Но особенно близко познакомились мы съ первою Тифлисскою гимназіею, гдѣ съ вполнѣ законнымъ авторскимъ удовольствіемъ авторъ-педагогъ, сроднившійся съ своимъ заведеніемъ,

какъ съ роднымъ дѣтищемъ въ продолженіе двадцатилѣтней горячей дѣятельности, показывалъ намъ всѣ характерные моменты его внутренней жизни. Авторъ-педагогъ—былъ мой братъ, директоръ этой гимназіи. Я позволяю себѣ говорить о руководимомъ имъ заведеніи потому, что оно и безъ меня пріобрѣло громкую репутацію не только на Кавказѣ, но и во всемъ русскомъ педагогическомъ мірѣ. Послѣ посѣщенія первой Тифлисской гимназіи Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей въ 1888 году, нѣкоторые порядки Тифлисской гимназіи сдѣланы были даже обязательными для всѣхъ гимназій Имперіи. Что въ этой гимназіи характерно и дорого—это ея живая одушевленная жизнь; она не остановилась и не замерла на какомъ-нибудь неподвижномъ, извнѣ предписанномъ шаблонѣ, а не перестаетъ развиваться и работать надъ собою. Это казенное заведеніе имѣетъ въ себѣ такъ мало казенщины. День гимназіи—это непрерывная смѣна самыхъ разнообразныхъ и другъ друга уравновѣшивающихъ занятій. Послѣ латыни, греціи, математики, — своего рода олимпійскія игры на воздухѣ, дружныя военныя эволюціи, ловкіе ружейные пріемы настоящими ружьями, подъ громъ собственнаго оркестра, потомъ хоры музыки и пѣнія, работы въ разнообразныхъ мастерскихъ, въ рисовальномъ и скульптурномъ классѣ, мирный отдыхъ за чтеніемъ въ превосходно устроенной и богато снабженной ученической библіотекѣ, а послѣ вечерняго приготовленія уроковъ — часъ, полтора энергическихъ гимнастическихъ игръ, борьба по всѣмъ правиламъ искусства, веселое бѣганье, прыганье, вольтижерскія упражненія...

Можно быть увѣреннымъ, что здѣсь не переутомится мозгъ, не завянутъ молодые мускулы и не разовьется въ дѣтяхъ одностороннее сидячее книжничество съ его близорукими глазами и душевною скукою. Нѣтъ, здѣсь растутъ свободно, не давя другъ друга, и умъ, и тѣло, оттого, конечно, и дѣти смотрятъ здѣсь такъ бодро, просто и весело; оттого для дрянныхъ шалостей остается здѣсь также мало мѣста, какъ и для душевнаго скептицизма или озлобленнаго отрицанія. Что меня заставило

особенно задуматься—это чрезвычайно замѣтное доброе вліяніе, которое оказываетъ подобное разностороннее развитіе юношества на воспитанниковъ, не особенно одаренныхъ умственными способностями, на тотъ, къ несчастью, всегда многочисленный контингентъ учащихся въ нашихъ заведеніяхъ, которые называются «плохими учениками» и которыми обыкновенно у насъ въ гимназіяхъ, такъ сказать, гатятъ дорожку для небольшой кучки способнѣйшихъ, успѣвающихъ оканчивать курсъ въ то время, какъ менѣе счастливые ихъ товарищи падаютъ на пути, покидая безъ результата непосильное имъ дѣло.

Эти такъ называемые, «плохіе ученики» очень часто бываютъ плохими только съ односторонней точки зрѣнія нашихъ казенно смотрящихъ на нихъ учебныхъ заведеній и только въ стѣнахъ класса, а не въ послѣдующей жизни, гдѣ они нерѣдко очень скоро обгоняютъ «первыхъ учениковъ». Одному не дается математика, у другого не хватаетъ памяти на латинскія слова или историческую хронологію, третій по своей натурѣ не обладаетъ даромъ плавнаго и послѣдовательнаго разсказа. Постоянный неуспѣхъ въ школьныхъ требованіяхъ дѣлаетъ такого ученика недовѣрчивымъ къ себѣ, внутренно пристыженнымъ передъ товарищами, убиваетъ его самолюбіе, заставляетъ его безнадежно смотрѣть на будущее. Но когда этотъ самый «плохой ученикъ» латинскаго класса является первымъ скрипачемъ цѣлой гимназіи, или отличнымъ рисователемъ, или ведетъ за собою всю колонну товарищей, какъ самый ловкій гимнастъ,—уже положеніе его среди товарищей дѣлается совсѣмъ другое, самолюбіе его успокоено, въ душѣ его пробуждается сознаніе, что и онъ не лыкомъ шитъ, и онъ на что-нибудь способенъ, въ чемъ-нибудь силенъ... А эта во-время поддержанная вѣра въ себя невольно отражается и на успѣхахъ его въ другой сферѣ, труднѣе ему дающейся.

Результаты, достигнутые первою Тифлисскою гимназіею въ дѣлѣ музыкальнаго и рисовальнаго образованія, въ гимнастикѣ и военныхъ упражненіяхъ, до такой степени серьезны, что, не

желая навлекать на себя обвиненіе въ пристрастіи, я только могу посовѣтовать всякому, имѣющему случай познакомиться съ этою утѣшительною и оригинальною стороною Тифлисской гимназіи, не жалѣть на это одного, двухъ дней. Впрочемъ, гимназія имѣетъ почетные отзывы и медали за работы своихъ учениковъ отъ учрежденій, вполнѣ въ этомъ компетентныхъ, а на концертахъ ея музыкальныхъ оркестровъ, духовнаго и струннаго, по нѣскольку разъ въ годъ присутствуетъ весь Тифлисъ. Въ Тифлисской гимназіи есть еще одна присущая ей и не часто встрѣчающаяся у насъ особенность. Она всѣ свои внутреннія улучшенія, всѣ разнообразныя новыя мѣры, требуемыя здравыми современными взглядами на воспитаніе—производитъ, такъ сказать, по внутреннему своему побужденію, а не по чьему-нибудь внѣшнему предписанію, и поэтому многое, что теперь вводится въ другихъ заведеніяхъ обязательно по циркулярамъ начальства,—въ этомъ заведеніи укоренилось сравнительно давно и вполнѣ самостоятельно, когда еще мало кто думалъ о подобныхъ вещахъ и мало кто имъ сочувствовалъ. Притомъ всѣ эти весьма дорого стоющія новшества—вводятся Тифлисскою гимназіею не только по собственному почину, но и на собственный счетъ, безъ обычнаго испрашиванія казенныхъ субсидій и смѣтныхъ дополненій. Гимназія обладаетъ довольно значительнымъ, такъ сказать, домашнимъ капиталомъ своимъ, который она составляетъ изъ сборовъ со своихъ концертовъ и спектаклей, изъ личныхъ взносовъ и пожертвованій многочисленнаго общества содѣйствія учащимся, и который, вмѣстѣ съ остатками отъ пансіонской экономіи, даетъ ей возможность сооружать, напримѣръ, такую великолѣпную палестру для зимнихъ военныхъ упражненій, какую она только-что отстроила у себя на дворѣ, или также комфортабельно обставленные, со вкусомъ убранные и снабженные самыми лучшими пособіями залы для чтенія, рисованія и скульптуры, которые сами просто манятъ молодежь прійти и сѣсть въ нихъ за работу.

Нужно прибавить ко всему этому, что первая Тифлисская гимназія въ сущности составляетъ двѣ полныхъ гимназіи, ибо, начиная отъ приготовительнаго класса до 8-го класса включительно,—она должна содержать параллельные классы вслѣдствіе сильнаго наплыва учащихся. Такимъ образомъ въ ней, строго говоря, 18 классовъ, считая въ двойномъ числѣ приготовительный и 8 гимназическихъ. Число всѣхъ учащихся доходитъ почти до 700, число ея учащихъ и служащихъ свыше 50, въ одномъ пансіонѣ живутъ 160 — 170 воспитанниковъ, — и какіе еще это ученики и воспитанники? само столпотвореніе вавилонское! русскіе, грузины, имеретины, армяне, татары, евреи, нѣмцы, греки... Понятно, насколько такой разношерстный этнографическій составъ заведенія усложняетъ и затрудняетъ правильный ходъ въ немъ воспитательнаго дѣла.

VII.

Татарская столица.

Поѣздъ нашъ опоздалъ на семь часовъ по случаю размывовъ и осадки насыпей дороги сильными дождями.

Мы проснулись, отлично проспавъ цѣлую ночь въ своемъ покойномъ купэ, воображая, что сейчасъ увидимъ Каспійское море,—и съ досаднымъ изумленіемъ убѣдились, что еще не переѣхали даже Куры.

Кругомъ все сплошная татарва въ громадныхъ шапкахъ грибами изъ рыжихъ лохматыхъ овчинъ,—сквернѣйшая порода изо всѣхъ многочисленныхъ породъ Кавказа. Это прирожденные разбойники, жестокіе, трусливые и вѣроломные. Въ пограничныхъ уѣздахъ Закавказья черезъ нихъ постоянные грабежи не только по дорогамъ, но и въ селахъ. Нападаютъ чуть не цѣлыми отрядами, устраиваютъ настоящія сраженія, даже съ земскою стражею, съ полиціею, грабятъ и казенную почту, и начальство...

Стыдно слушать и читать, что въ близости отъ русской силы хозяйничаютъ часто безнаказанно мѣстные и пришлые хищники.

Юго-восточный уголъ Закавказья можетъ, пожалуй, обратиться черезъ это въ какую-нибудь Калабрію или Сицилію, гдѣ бандиты взимаютъ съ путниковъ правильную дань, или въ тѣ мѣстности Турціи, гдѣ разбойники берутъ въ плѣнъ цѣлые поѣзда желѣзной дороги и торгуются о цѣнѣ выкупа за своихъ «дорогихъ» плѣнниковъ.

Трудно, конечно, мимоѣзжему человѣку постигнуть истинныя причины такого порядка вещей, но одно дѣлается яснымъ,— это необходимость здѣсь болѣе рѣшительной и быстрой власти,— вооруженной военною силою.

Полумѣры и медлительность скверно дѣйствуютъ на восточнаго человѣка; между тѣмъ какъ двѣ-три хорошихъ острастки срезу образумили бы разбаловавшихся дикарей. Конечно, не путемъ гражданскихъ судебныхъ процессовъ можно бороться съ этимъ дерзкимъ разбойничествомъ азіатскихъ степей, а только пикою казака и пулями берданки. Несмотря на 65 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, еще многія мѣстности Закавказья нуждаются, повидимому, и до сихъ поръ въ примѣненіи къ нимъ Ермоловскихъ порядковъ управленія, къ сожалѣнію, мало цѣнимыхъ теперь многими администраторами нашихъ окраинъ, но съумѣвшихъ однако создать при обстоятельствахъ самыхъ неблагопріятныхъ и при средствахъ болѣе чѣмъ скромныхъ,— прочную русскую власть среди только-что завоеваннаго полудикаго края.

Кура все время провожаетъ насъ слѣва, то приближаясь къ намъ, то убѣгая отъ насъ своими изгибами.

Степь до Елизаветполя обработана, достаточно населена, достаточна зелена. Вездѣ хлѣбъ на поляхъ, вездѣ народъ верхами и въ арбахъ. Бурки, папахи—чистый Дагестанъ! Стада ословъ и быковъ пасутся кругомъ. Работники-персы въ своихъ круг-

лыхъ войлочныхъ ермолочкахъ глинянаго цвѣта, — точь-въ-точь шаровидные купольчики ихъ глиняныхъ жилищъ,—возятся съ кирками все въ той же глинѣ. Дома въ деревняхъ — длинные, одноэтажные, съ плоскими земляными крышами, поросшими бурьяномъ, съ обычными галлерейками. Духаны, лавочки — на каждомъ шагу. И дома эти всѣ почти каменные, оштукатуренные, выбѣленные; видна зажиточность, привычка къ опрятности.

За Елизаветполемъ, — старинною Ганжею татаръ, — степь обращается уже въ пустыню. На безплодной глинѣ, сверкающей будто льдомъ своими солончаками, колышатся только безотрадные бурьяны колючаго «верблюдятника». А между тѣмъ вода тутъ на каждомъ шагу. Она проступаетъ наружу сквозь каждую трещинку, въ каждой ложбинкѣ. Копните полъ-аршина, четверть аршина, и уже лопата попадаетъ въ воду. Вездѣ тростнички, грязныя стоячія лужи—на этихъ безплодныхъ солонцахъ. Вѣроятно, здѣсь можно было бы отлично разводить рисовыя плантаціи, но врядъ ли кто-нибудь занимается здѣсь этимъ.

Изрѣдка натолкнешься на затерянное въ степи грязное цыганское кочевье или на кусокъ засѣяннаго поля, охваченный пустыремъ. Только тамъ, гдѣ желѣзная дорога жмется близко къ Курѣ, сколько нибудь людно. Тамъ тянутся, жадно тѣснясь къ плодоносящей водной жилѣ, ряды деревень съ тополями, тутовыми деревьями, виноградниками. Въ каждой деревнѣ, на каждой станціи желѣзной дороги особыя вышки на столбахъ съ жилыми чердаками; я думалъ сперва, что обычныя сторожевыя вышки, какъ въ Чечнѣ и Закубаньи, но мѣстные жители увѣряли меня, будто это постройки для лѣтняго ночлега, гдѣ непривычные русскіе люди, обреченные жить въ этихъ степяхъ, спасаются отъ невыносимыхъ уколовъ комаровъ, не подымающихся высоко отъ земли.

Трудно представить себѣ, что ѣдешь по русскому царству. Нигдѣ ни одного русскаго лица, ни одного русскаго слова, ничего русскаго; хоть бы случайно гдѣ-нибудь мелькнулъ кре-

стикъ православнаго храма; а вѣдь вотъ уже скоро цѣлое столѣтіе, какъ этотъ край считается русскимъ. Впрочемъ, надо отдать справедливость здѣшней татарвѣ, что и мусульманскихъ мечетей почти совсѣмъ здѣсь не видно.

И тутъ, какъ у береговъ Черноморія приходитъ въ голову все тотъ же неотвязный вопросъ: да отчего же въ теченіе цѣлаго вѣка не завели мы здѣсь русскихъ поселеній? Здѣсь столько простора, а изъ Россіи ежегодно валятъ толпы трудового народа, отыскивающаго свободныхъ земель, — почему бы не направить ихъ давнымъ-давно сюда хотя бы на государственный счетъ? Живые оазисы русской силы стали бы въ этихъ окраинахъ гораздо болѣе надежною охраною русскихъ государственныхъ интересовъ, чѣмъ крѣпости, кордоны и тюрьмы.

Къ сожалѣнію, немногіе высшіе администраторы наши смотрѣли вѣрнымъ и твердымъ взглядомъ на водвореніе русскаго племени въ присоединенныхъ къ намъ инородческихъ земляхъ. Относительно Кавказа это могло объясняться, кромѣ общихъ причинъ, вліявшихъ на характеръ нашихъ правительственныхъ мѣропріятій извѣстнаго времени, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что нерѣдко направленіе мѣстной административной дѣятельности зависѣло отъ людей нерусскаго присхожденія, имѣвшихъ, быть можетъ, свои серьезныя заслуги и достоинства, но весьма естественно лишенныхъ того чуткаго національно-русскаго чувства, которымъ обладали патріоты, подобные Ермолову, и которое одно могло бы подсказать имъ необходимость многихъ мѣръ.

Переселеніе русскихъ людей въ Закавказскій край, точно такъ же какъ и на Черноморское побережье, не только никогда не поощрялось, но постоянно встрѣчало до недавняго времени систематическое сопротивленіе въ мѣстной администраціи, прикрывавшееся разнаго рода благовидными предлогами. Ясно, что тутъ сказывался инстинктивный духъ отпора коренныхъ закавказскихъ племенъ, боявшихся уступать русской силѣ частицу своего мѣстнаго значенія и неизбѣжно вліявшихъ, разумѣется,

на многочисленныхъ оффиціальныхъ дѣятелей изъ ихъ же среды. Это естественное стремленіе каждой этнографической силы отстаивать предѣлы свои отъ вторженія другихъ силъ— нисколько не удивительно и не предосудительно для нея самой и только указываетъ на ея живучесть. Но это тѣмъ не менѣе очень плохое оправданіе для представителей собственно русской государственной идеи. Тѣмъ болѣе, что удались же попытки, напр., нѣмецскаго племени водворить на Кавказѣ свои колоніи.

Особенно стыдно вспомнить, какъ разлетѣлось дождевымъ пузыремъ, единственно вслѣдствіе несочувствія мѣстной администраціи, составившееся въ 1869 году очень солидное общество русскихъ капиталистовъ и предпріимчивыхъ людей для пріобрѣтенія земель въ Ширакской степи, на Іорѣ и другихъ мѣстахъ Кавказа, пользовавшееся къ тому же высокимъ покровительствомъ великаго князя Намѣстника. Если бы не совершенно случайное обстоятельство, — именно, насильственная ссылка за Кавказъ цѣлыми толпами и въ теченіе долгихъ лѣтъ нашихъ наиболѣе преслѣдуемыхъ сектантовъ, духоборцевъ, скопцовъ, молоканъ, субботниковъ, начавшаяся еще при императорѣ Николаѣ, то, конечно, мы до сихъ поръ не увидѣли бы ни одного чисто русскаго поселка ни въ одной изъ закавказскихъ губерній. Эти же глубоко русскіе люди, настолько стойкіе характеромъ, что ради своихъ убѣжденій рѣшились подвергнуться изгнанію изъ своей родины,—къ счастью, прочно водворили русскую народную силу хотя въ тѣхъ немногихъ уголкахъ, гдѣ имъ пришлось угнѣздиться. Зато армянская народность была гораздо счастливѣе русской и нашими собственными стараніями достигла господствующаго положенія во всемъ Закавказьѣ, особенно же въ южныхъ окраинахъ его и въ городахъ Грузіи.

Можно сказать безъ преувеличенія, что всѣ кровопролитныя войны Россіи на азіатскомъ театрѣ войны велись въ концѣ концевъ въ пользу армянскаго населенія Персіи и Турціи, которое переселялось къ намъ послѣ каждой войны и нашими властями, и самовольно, въ огромномъ множествѣ и вслѣдъ за

тѣмъ захватывало въ свои энергическія и ловкія руки всю экономическую жизнь закавказскихъ областей, куда оно проникало. Теперь, можно сказать, грузины, недавніе господа армянъ, стали ихъ покорными хотя и невольными данниками. Армянскіе капиталы, армянская торговля и промышленность — безраздѣльно царятъ теперь надъ Грузіею.

Бакинская желѣзная дорога несетъ насъ покойно, безъ толчковъ и шума, будто карета на резиновыхъ шинахъ по торцовой мостовой. И это неудивительно, потому что на ровной неохватной глади степей нѣтъ почти ни насыпей, ни выемокъ, шпалы лежатъ чуть не прямо на твердомъ грунтѣ земли.

Однако это не помогло намъ пріѣхать вó-время и досадная семичасовая остановка сдѣлала то, что мы добрались до Баку вмѣсто $6^1/_2$ часовъ вечера въ 2 часа ночи.

У меня было рекомендательное письмо къ бакинскому губернатору В. П. Рогге, и я съ утра отправился къ нему, чтобы воспользоваться его авторитетными совѣтами, какъ и чтò осмотрѣть въ Баку. Домъ губернатора на приморской набережной, самомъ красивомъ и, я думаю, самомъ здоровомъ мѣстѣ города. Передъ нимъ стелется широкая скатерть Каспія съ его далекими островками, съ пестрою и шумною суетою многолюдной Бакинской гавани. При губернаторскомъ домѣ и чуть ли не единственный большой садъ города, служащій мѣстомъ увеселенія и прогулокъ для бакинской публики. Устройство и даже поддержка этого прекраснаго сада стоитъ большихъ денегъ, потому что почва и климатъ Баку какъ-то особенно неудобны для садоводства. Много дорого стоившихъ попытокъ города и частныхъ лицъ — развести въ Баку какую-нибудь растительность окончились полнѣйшею неудачею, и въ общемъ Баку представляетъ удивительно безотрадный видъ города почти безъ деревьевъ и безъ зелени.

В. П. Рогге—былъ сотрудникомъ князя Дондукова-Корсакова

по Болгаріи и перешелъ на Кавказъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ Баку онъ губернаторствуетъ уже 3 года. Онъ любезно познакомилъ меня со многими интересовавшими меня сторонами бакинской жизни и серьезно облегчилъ мнѣ обстоятельный осмотръ типическихъ мѣстныхъ производствъ.

Баку—городъ не только настоящаго, но и широкаго будущаго; городъ какой-то американскій, а не русскій; онъ растетъ, какъ въ сказкѣ,—не по днямъ, а по часамъ. Самыя предупредительныя административныя мѣры невольно отстаютъ отъ его быстраго роста, отъ неудержимо нарастающихъ новыхъ потребностей. Возникаютъ на глазахъ новые кварталы, цѣлыя новыя улицы, всякіе склады товаровъ, агентства, товарищества, являются конки, газъ, водопроводъ, иностранцы-предприниматели, купцы промышленники, техники—стремятся въ него вмѣстѣ съ русскими и армянскими капиталистами. Словомъ, Баку дѣлается своего рода Марселемъ Каспійскаго моря, центральнымъ торговымъ портомъ всего восточнаго кавказскаго побережья, царящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ персидскимъ, и надъ туркменскимъ берегами Каспія.

Съ одной стороны — это главный очагъ керосина и нефти, разливающій ихъ по всѣмъ странамъ Европы, Азіи, Африки, по всѣмъ областямъ и городамъ необъятнаго русскаго царства; съ другой стороны, — это вывозной портъ въ Азію, въ русскія закаспійскія и туркестанскія владѣнія для товаровъ Кавказа и Россіи, и ввозный портъ для персидскихъ, индѣйскихъ и центрально-азіатскихъ товаровъ. Сдѣлавшись теперь крайнимъ восточнымъ полюсомъ международной Батумо-Бакинской дороги, онъ отчасти служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и транзитнымъ пунктомъ для товаровъ Европы, направляющихся въ Персію и Туркестанъ.

Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія своего на перекресткѣ большихъ путей сообщенія, Баку невольно является и чрезвычайно важнымъ военнымъ пунктомъ. Кавказъ и Россія черезъ него поддерживаютъ военныя сношенія съ нашими Среднеазіатскими владѣніями, такъ что Баку можетъ служить въ нѣкоторомъ

смыслѣ неизбѣжнымъ базисомъ и запаснымъ депо для военныхъ дѣйствій въ Закаспійскомъ и отчасти Туркестанскомъ краѣ...

Для Закавказья онъ есть главная и чуть ли не единственная защита отъ враждебныхъ намъ силъ, могущихъ дѣйствовать съ Каспійскаго моря; только слабость нашей ближайшей сосѣдки Персіи можетъ оправдать отсутствіе въ Баку сильной береговой крѣпости, которая такъ и просится сама собою на гористый Баиловъ мысъ, прикрывающій съ юга своею далеко выдавшеюся косою гавань Баку. Впрочемъ, тамъ только нѣтъ стѣнъ и батарей, а казармы и склады уже заранѣе заняли принадлежащія имъ мѣста. Да и вся вообще мѣстность Баку, и амфитеатръ горъ, по скатамъ котораго онъ расположенъ, и крутые выступы въ море съ сѣверной стороны бухты, за заводами Нобеля, — въ высшей степени подходящи къ устройству сильныхъ укрѣпленій.

Въ персидское владычество и при своихъ татарскихъ ханахъ Баку дѣйствительно былъ всегда важною крѣпостью. Высокія стѣны и башни ея до сихъ поръ уцѣлѣли на большомъ пространствѣ въ самой центральной части города, окружая собою высокій холмъ, увѣнчанный укрѣпленнымъ замкомъ старыхъ хановъ. Я насчиталъ цѣлый десятокъ хорошо сохранившихся круглыхъ башенъ въ одной только той стѣнѣ, которая обращена къ площади; стѣны высотою не менѣе 10-ти аршинъ; сквозь нихъ идутъ въ этотъ Бакинскій кремль своего рода почти рядомъ двое воротъ — Шахъабасскія и Ширванскія. Внутри кремля гауптъ-вахта, русскій соборъ и множество переулочковъ съ магазинами и восточными лавочками, ведущихъ въ характерные крытые базары, чтó гнѣздятся цѣлымъ лабиринтомъ внизу холма. Тутъ можно найти филигранныя издѣлія изъ серебра и бирюзы очень оригинальнаго персидскаго вкуса, и золотыя женскія украшенія, съ разноцвѣтною финифтью замѣчательной красоты. Особенно отличаются своеобразнымъ изяществомъ своей эмали и золотого чекана большія многоярусныя татарскія серьги тюльпанами и колокольчиками.

Мастера-персы торгуютъ и работаютъ заодно тутъ же въ своихъ крохотныхъ шкапчикахъ-лавчонкахъ, они постукиваютъ молоточками на своихъ ручныхъ наковаленкахъ, раздуваютъ свои маленькіе горны, спаиваютъ и куютъ, на глазахъ почтенной публики, постоянно снующей мимо нихъ, постоянно зѣвающей и на ихъ заманчивый товаръ, и на ихъ удивительно ловкую и терпѣливую работу.

Самая нижняя башня крѣпости, близкая къ морю, колоссальной величины, вѣроятно, уже надстроенная и расширенная русскими, обращена теперь въ маякъ, далеке виднѣющійся по ночамъ своими вращающимися огнями каспійскимъ мореходамъ.

Въ старину эта башня, по всей вѣроятности, служила турьмою; называется она «Дѣвичьею башнею», и вотъ какую легенду разсказывали мнѣ про нее: какой-то бакинскій ханъ, жившій давнымъ-давно, влюбился въ собственную дочь и хотѣлъ сдѣлать ее своею наложницею. Но красавицу-татарку никакими соблазнами и угрозами нельзя было склонить на преступную любовь,— и разгнѣванный ханъ приказываетъ, наконецъ, заточить непокорную дочь въ самую высокую изъ своихъ башенъ. Въ отчаяніи она бросается съ высоты ея кровли,—и съ тѣхъ поръ имя «Дѣвичьей башни» укореняется на всегда въ народѣ за темницею погибшей дѣвушки.

Чтобы сколько-нибудь живо представить себѣ то жалкое татарское Баку, которое изъ вѣка въ вѣкъ неподвижно гнѣздилось здѣсь когда-то надъ дремлющимъ Каспіемъ, вмѣсто теперешняго шумнаго и богатаго торговаго города,—нужно проѣхать черезъ лабиринты базарчиковъ, подъ тѣнью поросшихъ вѣниками каменныхъ купольчиковъ и рѣзныхъ дверочекъ старыхъ мечетей—по узкой, улиткой вьющейся, уличкѣ, мимо устій другихъ, ножомъ прорѣзанныхъ, переулочковъ, на самое темя холма, къ запустѣвшему замку-двору исчезнувшихъ теперь хановъ...

Дворецъ окруженъ своей особой стѣною, составляя неприступную серединную цитадель бывшей крѣпости. Безлюдіе и могильная тишина въ его пустынныхъ дворикахъ. Никакой

роскоши, никакого убранства; мрачный каменный замокъ съ крошечными рѣдкими окнами, съ лѣсенками и закоулочками, больше похожъ на тюрьму, чѣмъ на жилище властителя. На стукъ нашъ вышла русская женщина, жена солдата-сторожа, единственнаго обитателя этой царственной башни. Самого сторожа не было дома. Мы пошли лазать вслѣдъ за нею по ступенькамъ и плоскимъ крышамъ покинутаго замка. Онъ былъ разрушенъ во время войны и надстроенъ уже послѣ. Только нижнія комнаты съ высокими острыми сводами, сырыя, безотрадныя, какъ подземелья темницы, а когда-то населенныя шумнымъ многолюдствомъ ханскаго гарема,—уцѣлѣли отъ прежняго дворца. Верхній же этажъ весь новый и совсѣмъ неинтересный, онъ теперь обращенъ въ складъ ненужныхъ декорацій и всякаго хлама изъ городского театра.

Безжалостная насмѣшка судьбы надъ декоративнымъ величіемъ человѣка.

Гораздо любопытнѣе изящной круглый павильонъ изъ тесанныхъ камней съ каменнымъ же куполомъ, обнесенный закрытымъ дворикомъ галлерей. Это уже подлинный и цѣльный остатокъ былого. Его мавританскія арочки, двери, колонки, потолки, карнизы украшены красивыми каменными арабесками, въ которыхъ такъ искусны восточные мастера.

Это было публичное судилище хана. Посрединѣ павильона круглая дыра въ каменной плитѣ, черезъ которую, безъ дальнихъ проволочекъ, осужденный тутъ же на глазахъ судей буквально ввергался въ буквальную же темницу. Путеводительница наша увѣряла по крайней мѣрѣ, что подъ всѣмъ дворикомъ стараго судилища подземелье, гдѣ держали заключенныхъ, но ходъ въ него будто бы завалился... Теперь, вмѣсто улемовъ и казіевъ бакинскаго хана, маленькій дворикъ судилища весь зеленѣетъ подсолнухами и разною огородною овощью, благоразумно посѣянною домовитой хозяйкой этого историческаго пустыря, а по гребнямъ его нѣкогда грозныхъ стѣнъ, поросшихъ густою травою, мирно пасутся ея козы.

Къ главному двору замка черезъ разные спуски и проходцы примыкаютъ другіе маленькіе дворики, тоже спрятанные въ стѣнахъ, тоже пустынные, какъ могилы. Впрочемъ, это и дѣйствительныя могилы. Въ верхнемъ дворикѣ какія-то очень старинныя усыпальницы, въ видѣ круглыхъ башенокъ съ каменными куполами, темносѣрыя, поросшія бурьянами, опозоренныя теперь складомъ какого-то стараго желѣза. Въ нижнемъ—ханская придворная мечеть и семейный мавзолей хановъ. Маленькая, но красивая мечеть эта господствуетъ стройною колонкою своего минарета надъ всѣмъ городомъ. До послѣдняго времени она была закрыта для мусульманъ и только въ недавній пріѣздъ Государя Императора передана въ даръ городу, къ великой радости бакинскихъ татаръ.

Красивѣйшая постройка замка—это маленькій мавзолей съ его характернымъ персидскимъ купольчикомъ изъ голубого фаянса, тонкою каменною рѣзьбою его передняго фасада и стройностью всѣхъ его архитектурныхъ линій.

Гробницъ тутъ не сохранилось никакихъ, кромѣ одной мраморной съ персидскою надписью, брошенной на улицѣ, передъ наружными воротами замка и, вѣроятно, выкинутой изъ ограды дворца во время бывшаго здѣсь нѣкогда разрушенія...

Въ ханскій дворецъ слѣдуетъ непремѣнно забраться уже для того одного, чтобы полюбоваться съ его плоскихъ крышъ картиною города и моря; мы взлѣзли, конечно, на эту каменную террасу, вѣнчающую собою высокія башни замка. Даже полумѣсяцъ ханскаго минарета виденъ отсюда нѣсколько внизу, а городъ можно изучать во всѣхъ подробностяхъ, какъ по огромной картѣ,—всѣ его кварталы и переулочки, и примыкающій къ нему своими вѣчно дымящими трубами «черный городокъ», и уходящій за нимъ вдаль «бѣлый городокъ», и еще далѣе далекіе Балаханы и весь широкій просторъ моря!..

Зубчатые гребни крѣпостной стѣны, съ трехъ сторонъ охватывающей подножіе дворцоваго холма, видны намъ отсюда въ самое темя; еще ближе, у ногъ нашихъ, характерные старин-

ные куполы соборной мечети, Джума-Джаміе съ ея двумя минаретами, глиняные многочисленные купольчики общественныхъ бань и весь переплетающійся паутиною своихъ переулочковъ и проходцевъ татарскій базаръ... Городской бульваръ съ новенькими раскрашенными бесѣдками и чахлыми деревцами, прикованными, какъ острожники на цѣпь, къ своимъ колышкамъ, тянется блѣднозелеными лужайками и желтокрасными дорожками, сейчасъ же за стѣною, съ трудомъ защищая свое жалкое существованіе отъ изсушающаго дыханія бакинскаго солнца и бакинскихъ глинистыхъ горъ. Дальше видны большія красивыя зданія губернаторскаго дома, женской гимназіи, огромное заведеніе святой Нины, и цѣлые сплошные кварталы новыхъ многоэтажныхъ домовъ, гостинницъ, магазиновъ, направляющіеся къ «черному городку».

А на другой сторонѣ—на голубой скатерти совсѣмъ затихшаго моря многочисленныя мачты кораблей, трубы двигающихся и стоящихъ пароходовъ, рѣющіе во всѣхъ направленіяхъ бѣлые паруса, вся оживленная сутолока лихорадочно-дѣятельнаго торговаго порта...

Да, высоко забрались и крѣпко угородились на вершинѣ своего утеса, какъ хищникъ-орелъ въ своемъ недоступномъ гнѣздѣ, эти старые кровожадные и безпутные ханы! Они господствовали тутъ надъ всѣмъ, потому что сидѣли выше всѣхъ и крѣпче всѣхъ, все могли видѣть и достать отсюда, изъ своей надежной засады. Ничего, кромѣ насилія и страха, не связывало съ ними ихъ народа, ничего они не дѣлали для него, ничѣмъ о немъ не заботились. Ихъ дворецъ былъ въ одно и то же время и крѣпостью, и тюрьмою. Они должны были отгораживаться и отсиживаться въ этихъ стѣнахъ столько же отъ враговъ, сколько и отъ собственнаго народа. Они собирали сюда всякими неправдами свою казну и сторожили здѣсь своихъ обобранныхъ плѣнниковъ, ничего не выработавъ въ теченіе вѣковъ для блага своего народа, кромѣ разорительнныхъ поборовъ, безграничнаго произвола и скотскаго разврата...

На Баиловъ мысъ мы проѣхали въ коляскѣ, чтобы лучше познакомиться съ этимъ военнымъ нашимъ поселкомъ. Туда ведетъ хорошее шоссе по синему берегу моря, у подножія глинистыхъ горъ, покрытыхъ кладбищами персіянъ, татаръ, евреевъ и русскихъ. Трудно сомнѣваться, что въ очень скоромъ времени длинный пустырь, раздѣляющій Баиловскій пригорокъ отъ Баку, застроится домами и сольетъ ихъ въ сплошной городъ. Эта полоса берега, укрытая каменною стѣною, такъ и просится подъ дачи, если только бакинцы съумѣютъ наконецъ одолѣть упрямство своей почвы и найдутъ способы провести сюда обильную и дешевую воду съ высоты горъ, гдѣ ее трудно имѣть... Я думаю все-таки, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ, и что разведеніе садовъ вокругъ Баку далеко не такъ безнадежно, какъ объ этомъ говорятъ. А это здѣсь болѣе чѣмъ необходимо. Пока не зазеленѣютъ сады и дачи по берегу Каспія—лѣтняя жизнь въ Баку будетъ истиннымъ мученіемъ для всякаго человѣка, осужденнаго пребывать здѣсь, если онъ имѣетъ человѣческіе нервы и органы чувствъ, а не сдѣланъ изъ сухой глины, какъ здѣшніе все выносящіе персы, татары и ихъ верблюды...

Баиловъ поселокъ — полонъ бѣленькихъ низенькихъ домиковъ, глядящихъ весело, какъ хохлацкія хаты. Все это дома солдатъ и матросовъ. Каменные корпуса казармъ Каспійскаго флотскаго экипажа, его разныхъ управленій и складовъ, огромныя зданія мастерскихъ, гремящія своими молотами, пыхтящія своими паровыми машинами,—возвышаются отдѣльными обширными усадьбами на самомъ берегу моря, въ сторонѣ отъ главной улицы.

На широкой площади - выгонѣ величественный пятиглавый бѣлокаменный соборъ строго русскаго стиля, достойно представляющій собою въ этомъ татарскомъ краѣ родное православіе...

Все это гнѣздо русской военной силы съ благоразумною осторожностью отодвинулось на всякій случай отъ стараго та-

тарскаго города и собралось своимъ отдѣльнымъ городкомъ на удобномъ гористомъ мысѣ, который ничего не стóитъ обратить въ рядъ батарей. Тутъ же кстати покачиваются на своихъ якоряхъ и внушительные военные пароходы нашей Каспійской флотиліи, съ помощью которой пресловутое Хвалынское море, еще недавно кишѣвшее туркменскими пиратами, а раньше того русскими и татарскими разбойниками,—сдѣлалось теперь такъ же безопасно, какъ Нева между петербургскихъ островов...

Каменный водорѣзъ длинною дугою защищаетъ отъ прибоевъ открытаго моря казенный портъ, гдѣ стоятъ эти корабли.

Послѣ долгихъ прогулокъ подъ лучами южнаго солнца по открытой каменистой мѣстности съ невыразимымъ наслажденіемъ окунулся я въ зеленыя прозрачныя волны моря, еще порядочно холодныя въ это раннее время года. Пока жена ѣздила дѣлать покупки на татарскій базаръ, я нанялъ парусную лодку и отправился смотрѣть, такъ называемый «подводный городъ». Вѣтеръ поднялся отъ берега и для того, чтобы попасть, куда намъ было нужно, всего не больше полуторы версты отъ таможни, пришлось отплыть довольно далеко въ открытое море, чтобы уже оттуда, обманывая парусомъ вѣтеръ, спуститься навкось къ Баилову мысу, противъ котораго, вблизи отъ казеннаго порта, чернѣлись какія то подобія подводныхъ камней. Качало-таки насъ изрядно, и большую неуклюжую лодку подбрасывало волной, какъ орѣховую скорлупу. Но лодочникъ-персъ ловко справлялся въ одиночку и съ парусомъ, который онъ поочередно перекидывалъ то въ ту, то въ другую сторону, мѣняя галсъ, и съ веслами, которыми постоянно приходилось помогать вѣтру.

Персъ говорилъ немного по-русски, и мы, конечно, побалакали съ нимъ о томъ, о семъ. Онъ въ большомъ удовольствіи отъ русскихъ порядковъ и находитъ ихъ несравнимо лучше персидскихъ. Главный же источникъ этого удовольствія—хорошій заработокъ.

— Прежде какой Баку?.. Усе равно деревня, ничего нѣтъ!— говорилъ онъ съ очевидной искренностью. Теперь, что Тифлисъ есть, то Баку есть... Каждый день базаръ, каждый день пароходъ... Купецъ много, деньга много... Человѣкъ богатый у Баку... Персъ богатый, армянъ богатый, татаръ богатый, русскій богатый... А усе керосинъ, нефть,—керосинъ, нефть! Вода только нѣтъ... Вода нѣтъ, садъ нѣтъ. Садъ много есть, да далеко. Этотъ мѣсяцъ прошелъ, увесь человѣкъ изъ Баку садъ ѣхалъ... Вода и тутъ есть, да глубоко... 20 сажень, 30 сажень, 40 сажень... У гора много вода, провести можно, только надо деньга...

Но я въ эту минуту совсѣмъ былъ не того восторженнаго мнѣнія, какъ мой персъ, объ этомъ прекрасномъ городѣ, гдѣ и персъ богатъ, и армянинъ богатъ, богатъ и татаринъ и русскій.

Мы отплыли довольно далеко въ море, и я могъ окинуть теперь весь Баку однимъ широкимъ взглядомъ.

Сухимъ, голымъ, безотраднымъ смотрѣлъ онъ на меня съ ступеней своего горнаго амфитеатра, такого же сухого, голаго и безотраднаго. Каменисто-глинистыя горы охватываютъ полукругомъ вдавшійся въ нихъ заливъ моря, и на скатахъ ихъ у ихъ подножія—насыпаны цѣлые яруса, цѣлыя чередующіяся террасы безкрышыхъ домовъ, того же цвѣта, того же камня, какъ окружающія ихъ скалы. Ни одного зеленаго деревца, ни одной веселой лужайки не видно издали среди этого желто-сѣраго пейзажа ни внизу, ни вверху, ни налѣво, ни направо; но откуда-то сзади, будто изъ-подъ земли, черными пирамидальными тополями, траурными аллеями, цѣлыми фантастическими могильными рощами, подымаются, чуть погибаясь отъ вѣтра, черные дымы безчисленныхъ трубъ—единственная растительность этого города-огня. «Черный городъ» осѣняетъ своимъ дымнымъ ореоломъ кормящійся имъ и имъ богатѣющій городъ, будто нечистый духъ продавшуюся ему жертву.

Голыя горы, обступающія кругомъ Баку, глядятъ вдвое пе-

чальнѣе отъ множества кладбищъ, ихъ покрывающихъ, обложившихъ своею Божьей нивою, будто осадною ратью, живой городъ. Персидское, татарское, армянское, еврейское и наконецъ русское кладбище—одно за однимъ, одно надъ другимъ. Золотой крестъ русской кладбищенской церкви мирно сіяетъ выше всѣхъ кладбищъ, какъ бы благословляя христіанскимъ благословеніемъ любви и терпѣнія всѣ эти разноплеменныя могилы. Правѣе русскаго храма, на самомъ гребнѣ горы, на припекѣ палящаго солнца, сбились въ кучку, вырѣзаясь своими характерными и картинными силуэтами на знойно-синемъ небѣ,—будто спеченныя изъ глины слѣпыя персидскія мазанки съ такими же глиняными куполами... Только онѣ и придаютъ пейзажу сколько-нибудь азіатскій характеръ, напоминая обычные виды сирійскихъ пустынь.

Издали Баку уже не производитъ впечатлѣнія мусульманскаго города. Ветхіе наивные куполы его Джумы да высоко забравшійся минаретъ ханской мечети—незамѣтно тонутъ среди европейскихъ домовъ и христіанскихъ церквей. Магометанство здѣсь стерлось и потемнѣло, какъ эти сырые старые купола, какъ развалины ханскаго замка, спрятавшагося на утесѣ. Хотя персовъ живетъ еще много въ Баку, особенно внутри старой крѣпости, но они уже строятъ себѣ двухъэтажные дома и магазины съ цѣльными стеклами, гоняютъ пароходы съ керосиномъ и посылаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы и гимназіи.

— Какой есть богатый нашъ персъ, увесь его сынъ пойдетъ русскій школа!—сообщалъ мнѣ на своемъ своеобразномъ русскомъ языкѣ персъ-лодочникъ.

Черные каменные рифы, къ которымъ мы подплыли, оказались совсѣмъ плоскими, какъ крыши татарскаго дома. Ихъ видно изъ воды девять, и всѣ они идутъ въ одномъ направленіи, какъ по ниткѣ. Морская волна лижетъ ихъ черные каменные черепа, то оголяя ихъ, то опять скрывая, такъ какъ нѣ-

которые изъ нихъ не подымаются надъ уровнемъ моря. Передовой островокъ, къ которому мы подъѣхали и на которой высадились, благодаря вѣтру, не безъ нѣкоторыхъ усилій, оказался плоскимъ верхомъ круглой башни. Кладка изъ правильныхъ тесанныхъ камней отлично видна почти на полъ-аршина надъ уровнемъ моря и даже на нѣкоторую глубину въ водѣ. Сверху ясно замѣтенъ кольцеобразный закраекъ, служившій какъ бы карнизомъ башни, и рѣзко обозначенный ходъ въ него со стороны гавани. Средина, тоже мощеная камнями, нѣсколько углублена внизъ...

Мы пробовали опускать въ глубину вдоль стѣны очень длинное весло, и оно вездѣ встрѣчало такую же отвѣсную стѣну. Мы проѣхали потомъ осторожно и медленно, вглядываясь въ прозрачную влагу, вдоль всей цѣпи этихъ кажущихся рифовъ, и во многихъ мѣстахъ видѣли отвѣсныя стѣны и швы каменной кладки. Я не сомнѣваюсь, что мы двигались мимо цѣлой стѣны, заканчивавшейся на краю круглою башнею.

Персы увѣряютъ, что это залитый моремъ древній караванъ-сарай. Спорить съ ними трудно, тѣмъ болѣе, что ихъ преданія могутъ опираться на какія-нибудь намъ неизвѣстныя историческія свидѣтельства. Но мнѣ кажется гораздо правдоподобнѣе предположить, что это береговое укрѣпленіе. Трудно прежде всего допустить, чтобы караванъ-сарай былъ устроенъ на самомъ берегу моря, которое было небезопаснымъ отъ разбоевъ и нападеній еще въ наши дни, а въ древности ужъ и говорить нечего.

Татары и персы еще немного лѣтъ тому назадъ боялись селиться на набережной Баку, и губернаторъ Колюбакинъ долженъ былъ чуть не силою заставлять ихъ строить дома у моря. Теперь этотъ страхъ, конечно, разсѣялся, и мѣста на набережной, которыхъ не хотѣли брать даромъ, покупаются чуть не на вѣсъ золота. Такъ, напримѣръ, одинъ участокъ, уступленный казною за 150 руб., былъ проданъ потомъ, какъ меня увѣряли, за 30.000. Но тѣмъ не менѣе унаслѣдованный изъ ста-

рины страхъ жителей Баку передъ опаснымъ сосѣдствомъ моря—можетъ служить вѣскимъ опроверженіемъ мѣстнаго преданія, будто залитыя развалины—остатки караванъ-сарая, а не крѣпости.

Всѣ приморскіе городки древности охраняли свои берега укрѣпленными замками. Въ Дербентѣ до сихъ поръ стѣны, преграждавшія береговую дорогу, входятъ въ самое море. Не мудрено, что и береговая дорога изъ-за Баилова мыса должна была проходить сквозь стѣны и башни Бакинскаго замка. По несокрушимой крѣпости и чрезвычайной правильности постройки, въ теченіе многихъ вѣковъ не разрушенной морскими волненіями, возможно даже предположить, что это остатки еще римскихъ укрѣпленій, которыя въ древности здѣсь несомнѣнно существовали.

Этотъ «подводный городъ» во всякомъ случаѣ глубоко интересенъ уже потому, что онъ показываетъ, какія поразительныя геологическія перемѣны происходятъ на земномъ шарѣ, такъ сказать, уже на глазахъ исторіи. Постоянное опусканіе западнаго берега Кавказа—фактъ замѣченный не въ одномъ Баку, но также и въ Дербентѣ, и въ Ленкоранѣ, гдѣ море съ каждымъ годомъ все больше подмываетъ мечеть и многіе городскіе дома, такъ что необходимо переносить ихъ на другое мѣсто.

Напротивъ того, берега у устья Волги постепенно поднимаются, такъ что нѣкоторыя постройки, бывшія на памяти людей у самаго моря, очутились теперь среди материка. Точно также, какъ передавали мнѣ мѣстные жители, море замѣтно уходитъ отъ южнаго берега Каспія, какъ напр., въ Астарѣ, на границѣ Персіи.

Какое значеніе въ этомъ опусканіи морского берега имѣетъ нахожденіе въ немъ многочисленныхъ нефтяныхъ источниковъ и связанныхъ съ ними земныхъ пустотъ,—должны разрѣшить современемъ спеціалисты-геологи.

Къ сожалѣнію, я не могъ добыть точныхъ историческихъ

справокъ, какъ давно существуетъ «подводный городъ» въ Баку. Нѣкоторыя данныя заставляютъ думать, что это случилось не такъ давно, какъ можно было бы предположить. Старики-персы разсказываютъ, что прадѣды ихъ еще ѣздили на арбахъ съ Баилова мыса на островъ Ушкунъ, до котораго теперь нужно плыть моремъ верстъ восемь. На островѣ этомъ, говорили мнѣ мѣстные персы, еще видны до сихъ поръ глубокія колеи арбъ, идущія прямо въ море по направленію къ Баилову, а на Баиловскомъ берегу такіе же, изъ моря идущіе, глубокіе слѣды колесъ.

Замѣчательно, что вблизи того самаго мѣста, гдѣ, судя по этому преданію, земля опустилась подъ воду, море до сихъ поръ представляетъ удивительное явленіе.

Оно такъ пропитано горючими газами, что малѣйшее прикосновеніе огня заставляетъ вспыхнуть громаднымъ пожаромъ всю водную массу.

Жители Баку доставляютъ себѣ нерѣдко удовольствіе отправиться компаніею знакомыхъ на какомъ-нибудь паровомъ катерѣ въ тихую и темную ночь къ этому «горючему морю» и забавляться тамъ оригинальнымъ пожаромъ воды.

Забава эта, впрочемъ, не безопасна и требуетъ близкаго знакомства со всѣми условіями, при которыхъ она должна производиться.

Горючее мѣсто имѣетъ очень опредѣленныя границы, образуя собою какъ бы своего рода озеро среди моря, поэтому необходимо зажигать его ближе къ краю, съ такимъ разсчетомъ, чтобы успѣть во́-время выскочить изъ охваченной огнемъ поверхности и стать безопасно въ обыкновенной водѣ. Кромѣ того очень важно знать, при какомъ именно вѣтрѣ возможно зажиганіе моря, вслѣдствіе чего далеко не всегда возможно доставить себѣ это въ высшей степени своеобразное и любопытное зрѣлище.

Какія бы объясненія ни придумывали этому явленію, для меня ясно одно, что поразительное осѣданіе земли на бакин-

скомъ берегу, о которомъ сохранились и преданія старины, и несомнѣнные живые слѣды, тѣсно связано съ дѣйствіемъ подземныхъ горючихъ газовъ, выдѣляющихся вмѣстѣ съ нефтью изъ пустотъ земли...

VIII.

Въ Плутоновомъ царствѣ.

Мы наняли за 7-мь рублей покойный фаэтонъ парою посѣтить Балаханы и вернуться въ Баку.

Приходится проѣхать насквозь всѣ новыя улицы города. Тутъ ужъ ничего похожаго на вьющіеся переулочки старой крѣпости. Вездѣ массы строющихся и только-что отстроенныхъ домовъ, и все большихъ, многоэтажныхъ, затѣянныхъ на широкую ногу, заранѣе примѣненныхъ ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, вездѣ склады, магазины, гостинницы, конторы...

Дома, однако, не русскаго типа, а того плоскокрышаго, богатаго галлереями и окнами, который господствуетъ вездѣ въ населенныхъ европейцами восточныхъ портахъ Средиземнаго моря, разныхъ Бейрутахъ, Смирнахъ и т. п. Насколько безопасны подобные громоздкіе дома въ странѣ землетрясеній— строителямъ судить, конечно, лучше, чѣмъ мимоѣзжему путешественнику.

Хорошія мостовыя вездѣ; вездѣ бѣгаютъ переполненныя конки, лошадныя и паровыя, движеніе народа огромное. При выѣздѣ изъ города большой и красивый вокзалъ паровыхъ конокъ, такъ называемый «паркъ», въ родѣ обычныхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Вообще не пахнетъ шаблоннымъ губернскимъ городомъ глухой окраины, а скорѣе кипучею жизнью какой-нибудь Одессы или Ростова, хотя, конечно, начинающей Одессы, начинающаго Ростова. Даже прекрасный театръ съ итальянскою оперою, концерты всякихъ знаменитостей, всякія удовольствія. Присутствіе большихъ денегъ, дѣятельной наживы ощущается

на каждомъ шагу. Ощущается это и на цѣнѣ всего. Гостинницы берутъ по-столичному: за номеръ 4, 5, 6 рублей, за самоваръ 25 коп., за свѣчу 20 коп., извозчикъ въ часъ—два рубля! Это ужъ не по-столичному, а по-безбожному. Не ищите ужъ зато ничего для умственныхъ интересовъ. Въ жалкихъ книжныхъ лавчонкахъ я не могъ найти ровно ничего даже про Баку, про Закаспійскій край. Керосинъ и деньги—вотъ единственная здѣсь духовная пища, единственные идеалы.

Народная толпа здѣсь не только шумна и многочисленна, но и интересна.

Татарки, закутанныя съ головою въ свои розовыя ситцевыя простыни, бѣгаютъ здѣсь совершенно свободно по улицамъ, попадаясь толпами на каждомъ шагу, громко шлепая по камнямъ своими оригинальными желтыми калошами, надѣтыми на одинъ только носокъ ноги и оставляющими висѣть въ воздухѣ остальную ступню въ расшитыхъ красныхъ мештахъ, нерѣдко съ голою подошвою... И на многихъ мужчинахъ такія же потѣшныя калоши до половины ступни, крайне неудобныя при ходьбѣ и достигающія невѣдомо какой цѣли.

Персіяне даютъ свой характеръ физіономіи города. Ихъ важныя ветхозавѣтныя фигуры въ широкихъ коричневыхъ мантіяхъ, въ огромныхъ синихъ тюрбанахъ, а еще чаще въ опрокинутыхъ на затылокъ высокихъ черныхъ шапкахъ, изъ смушекъ особаго персидскаго покроя, расширенныя кверху въ родѣ камилавокъ, видны у дверей каждаго магазина, каждой кофейни... Подъ этими пышными щеголевато сидящими на нихъ воскрыліями еще синій балахонъ; подъ балахономъ бѣлый или желтый ситцевый бешметъ, а изъ-подъ разрѣза бешмета виднѣется на груди еще цвѣтная рубаха. Такова лѣтняя одежда этихъ дѣтей юга, кажется, гораздо болѣе вызываемая странными понятіями восточнаго человѣка о приличіи и почтенности, чѣмъ условіями климата. Рѣзко очерченныя лица ихъ изъ какого-то коричневаго пергамента, черномазыя, обрамленныя красною бородою и красными усами, словно проклеенными смазы-

вающей ихъ краской и обрѣзанными ровно и гладко, будто листъ картона,—сообщаютъ еще больше искусственности и какой-то церемонной парадности ихъ наружному виду.

Дорога въ Балаханы идетъ сначала мимо «чернаго городка», который остается вправо, къ сторонѣ моря. За «городкомъ» моря уже больше не видишь, потому что его загораживаютъ холмистые берега. Дорога эта, поистинѣ, убійственна: яма на ямѣ, выбоина на выбоинѣ, лужа на лужѣ. Глинисто-песчаный грунтъ не мѣшаетъ отчего-то постоянной грязи.

Мѣстная администрація давно хлопочетъ объ исцѣленіи этой ахиллесовой пяты Баку. Уже получено согласіе нефтепромышленниковъ обложить себя на устройство и содержаніе шоссе до Балаханъ по $^{1}/_{30}$ коп. съ пуда добываемаго керосина, но въ центральныхъ учрежденіяхъ почему-то не даютъ ходъ этому неотложному дѣлу, связывая его безъ видимой причины съ неразрѣшеннымъ еще вопросомъ объ обложеніи тѣхъ же нефтепромышленниковъ $^{1}/_{10}$ коп. съ пуда для устраненія убытковъ отъ неправильныхъ дѣйствій нефтяныхъ фонтановъ. А между тѣмъ промедленіе это приноситъ ежедневные значительные убытки промышленникамъ, заставляя ихъ терять деньги и время на преодолѣніе часто непреодолимыхъ препятствій грунтовой дороги въ дождливое время года. Правда, въ Балаханы и Сураханы идетъ особая вѣтвь желѣзной дороги, но она не устраняетъ необходимости постоянной гужевой подвозки разныхъ матеріаловъ къ мѣстамъ добычи нефти. Грязная дорога кишитъ подводами и двигающимся въ обѣ стороны народомъ.

Ослики или, по-мѣстному, ишаки, съ навѣшанными на нихъ по обѣ стороны огромными глиняными кувшинами въ деревянныхъ рамахъ, толпами встрѣчаются на пути. На иныхъ сидятъ свѣсивъ въ бокъ ноги, иногда на самомъ хвостѣ, татары-хозяева, нагрузившіе сѣдло разнымъ товаромъ.

Длиннѣйшія дороги со всякими тяжестями и огромныя раскрашенныя мажары, и тѣ и другія запряженныя четверкою здоровыхъ коней, съ трудомъ выволакиваются изъ трясинъ, пе-

ребивающихъ дорогу въ каждой лощинкѣ. Но самый распространенный мѣстный экипажъ—это легкая рѣшетчатая арба на двухъ громаднѣйшихъ колесахъ, иногда снабженная холщевымъ верхомъ и даже раскрашенная очень ярко красными, золотыми и зелеными узорами... Впереди у нея всегда высокая скамеечка вмѣсто козелъ, порою на точеныхъ столбикахъ и тоже раскрашенная.

Колеса ихъ такъ велики (до трехъ съ половиною аршинъ), что подъ дрогами арбы почти всегда свободно виситъ на цѣпи, не задѣвая земли, большая сороковая бочка съ нефтяными остатками. Вся тяжесть арбы и бочки, людей и товаровъ, находящихся въ арбѣ, лежитъ прямо на хребтѣ лошади, для которой выбоины и трясины дороги чистое убійство,—несмотря на то, что черезсѣдельникъ, поддерживающій оглобли, лежитъ у ней не на маленькой плоской сѣделкѣ, какъ у насъ въ Россіи, а на цѣломъ большомъ сѣдлѣ съ сводистымъ арчакомъ. Зато ужъ и ухаживаетъ татаринъ за своею лошадкою, какъ любовникъ за любовницею. Даже смотрѣть трогательно, какъ обвѣшиваетъ онъ ее, будто дорогую ему красавицу, разноцвѣтными каменными монистами въ нѣсколько рядовъ, почти всегда голубыми, какъ бирюза, съ какимъ щегольствомъ украшаетъ онъ и это ожерелье и чубастую морду лошади яркими гарусными махрами и кистями, а шлею и узду—сверкающимъ мѣднымъ наборомъ.

Верблюдовъ тутъ тоже много. Здѣшній татаринъ сжился съ ними до того, что сталъ похожъ на нихъ и нарядомъ, и походкою. Вонъ онъ идетъ передъ ними въ своей рыжей, какъ верблюдъ, шапкѣ, въ одеждѣ изъ верблюжьей шерсти, медленно, важисто и терпко, какъ верблюдъ; на верблюдѣ удивительнымъ образомъ все кажется одного верблюжьяго цвѣта: и сѣдло, и многочисленныя попоны, и подпруги, и самый вьюкъ. Все словно пропиталось въ теченіе времени не только верблюжьимъ потомъ и запахомъ, но даже и цвѣтомъ верблюда.

По сторонамъ дороги — густые хлѣбные посѣвы. Здѣшній

песокъ, по непостижимой мнѣ причинѣ, отличается удивительнымъ плодородіемъ безъ всякой помощи удобреній. Одни объясняютъ это присутствіемъ будто бы близкой подпочвенной влаги, что́ совсѣмъ не вяжется съ бѣдностью въ водѣ города Баку и съ трудностью разводить въ немъ сады; другіе подозрѣваютъ благопріятное вліяніе на посѣвы нефтяныхъ испареній, что́ также очень гадательно и не доказано ровно ничѣмъ. Скорѣе всего, что въ этомъ пескѣ есть значительная примѣсь плодороднаго ила.

Не доѣзжая Балаханъ, мы переѣхали большое озеро, которое налѣво терялось въ безбрежной дали, а справа, отъ моря, отрѣзывалось холмистымъ перешейкомъ. Очевидно, это былъ когда-то заливъ моря, загородившій свое собственное устье постепенными наносами песковъ. Это такъ называемый «Шоръ». Вода въ немъ соленая, сильно пропитанная нефтью. Множество длиннѣйшихъ узенькихъ мостиковъ на подобіе лавъ, устраиваемыхъ у насъ въ Россіи черезъ рѣки, тянутся поперекъ этого озера параллельно нашей дорогѣ. Но это вовсе не мосты для переправы, а пути для нефтепроводовъ.

Арбы же и всадники спокойно переѣзжаютъ въ бродъ это мелкое озеро. Мы проѣхали однако берегомъ, обогнувъ озеро справа. Въ разныхъ мѣстахъ пришлось переѣхать черезъ множество чугунныхъ трубъ въ два и три вершка толщины, которыя безконечно-длинными черными змѣями ползутъ по пескамъ, сгибаясь и перепалзывая другъ черезъ друга, извиваясь между рытвинами, ныряя въ лощинки, карабкаясь на пригорки, пересѣкая дороги, направляясь отъ невидныхъ еще намъ нефтяныхъ колодцевъ Балаханъ къ очистительнымъ заводамъ «чернаго городка». Это жилы своего рода, по которымъ нефть, добываемая въ скважинахъ, течетъ будто кровь по артеріямъ, изъ глубокихъ нѣдръ земли, въ пищеварительный аппаратъ, превращающій ее въ керосинъ, бензинъ и всякія горючія и негорючія масла.

Ничего не можетъ быть своеобразнѣе вида Балаханъ. Издали вамъ мерещится впереди частый лѣсъ черныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ, тающій въ какомъ-то синеватомъ дымкѣ, словно въ туманахъ дали. Лѣсъ этотъ приподнятъ на своей горной площадкѣ, какъ на пьедесталѣ, надъ окружающею его береговою степью. Но подъѣзжая ближе, вы убѣждаетесь, что этотъ мнимый кипарисовый лѣсъ вовсе не лѣсъ, а цѣлый городъ, какихъ нигдѣ не бываетъ, городъ индійскихъ пагодъ своего рода, цѣлое столпотвореніе Вавилонское изъ многихъ сотенъ дымящихся трубъ, изъ многихъ сотенъ усѣченныхъ вверху деревянныхъ пирамидъ, которыя своими темными сквозными скелетами и казались намъ издали гигантскими траурными кипарисами. Этотъ лѣсъ пирамидъ тѣснится своими мрачными чащами среди множества прудковъ и озерокъ съ коричневою, бурою, желтою водою, насквозь пропитанною нефтяною вонью и нефтяною грязью, среди плотинъ и перешейковъ, залитыхъ тою же табачною жидкостью, ползущихъ подъ колесами экипажа тою же табачною грязью.

Это настоящій городъ огнепоклонниковъ, — непохожій ни на чтó другое, чтó мы привыкли видѣть,—черный, ощетинившійся, дымящій, далеко кругомъ разносящій удушливый запахъ «жупела»; мрачными мертвенными тѣнями отражается онъ въ неподвижныхъ омутахъ растопленной смолы, словно всѣ эти черныя озера и все это многочисленное ополченіе толпящихся надъ ними черныхъ обелисковъ—ничто иное, какъ безчисленныя отдушины Плутонова царства, черезъ которыя сочатся и выплескиваются наружу изъ бездонныхъ нѣдръ преисподней, какъ молоко изъ переполненной груди, ея черные соки, эта горючая вода, этотъ текучій огонь. Немудрено, что они еще дышатъ жаромъ того скрытаго въ невѣдомыхъ глубинахъ огненнаго моря, въ которомъ мучаются грѣшники Дантова ада, изображаемые фантастическимъ карандашемъ Густава Дорé.

Да, это несомнѣнный городъ Плутона, трубы ада, сквозь

отверстія которыхъ пекло выглядываетъ на свѣтлый міръ Божій. Оттого-то такъ угрюмо курятся они черными хвостами своихъ дымовъ, оттого-то такъ отравляютъ они голубой и золотой весенній день смрадомъ своей гари. Это дымятся таинственныя подземныя кузни Вулкана, гдѣ въ незримыхъ глубинахъ куются камни и металлы, наполняющіе шаръ земной,—адская кухня своего рода, гдѣ граниты расплавляются, какъ супъ... Ничто не можетъ убѣдить нагляднѣе въ дѣйствительной расплавленности ядра земного, какъ эта горячая черная кровь его, имѣющая до 28^0 тепла, прыщущая прямо изъ сердца его, при каждой новой ранѣ, которую корысть человѣка наноситъ своей матери-землѣ.

Фантастическій, донельзя странный видъ для непривычнаго глаза представляетъ эта неохватная площадь тѣсно набитыхъ другъ на друга черныхъ вышекъ, черныхъ трубъ, черныхъ строеній, свивающихъ свои безчисленные черные дымы въ какое-то одно громадное пожарище, застилающее небо, удушающее воздухъ, покрывающее копотью землю... Все здѣсь пропитано нефтью, прокопчено дымомъ: вода, деревья, дома, люди, одежды, собаки, куры, даже воробьи,—все тутъ черно или буро, словно дымящійся кругомъ адъ кромѣшный облекъ въ вѣчный трауръ всю природу.

Мы медленно двигались среди вонючихъ продуктовъ и ручьевъ, полныхъ, какъ лампа масломъ, густой и жирной бурозеленой жидкостью, среди безпорядка наскоро сооружаемыхъ построекъ и торопливо извлекаемыхъ доходовъ.

Еще передъ въѣздомъ въ Сабунчи, это своего рода предмѣстье Балаханъ, гдѣ находится желѣзнодорожная станція, насъ встрѣтилъ начальникъ Балаханъ, мѣстный приставъ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ловкихъ наѣздниковъ своей свиты. Губернаторъ далъ ему знать по телефону о нашемъ прибытіи и поручилъ ему показать намъ все, достойное вниманія. Приставъ оказался человѣкомъ образованнымъ и

съ оригинальнымъ прошлымъ. Онъ былъ прежде католическимъ ксендзомъ, имѣлъ какую-то романтическую исторію въ Польшѣ, переѣхалъ съ женою въ Россію и принялъ потомъ православіе.

Онъ отлично знакомъ со всѣми подробностями нефтяного дѣла и потому могъ расположить порядокъ нашего осмотра такимъ образомъ, что мы, такъ сказать, присутствовали при всѣхъ послѣдовательныхъ работахъ на скважинахъ, начиная отъ перваго буренія скважины до перелива нефти по трубамъ въ керосинные заводы «чернаго» городка. Для этого, конечно, пришлось посѣтить не одну скважинку.

Прежде всего, мы посѣтили бакинскій нефтепроводъ, принадлежащій товариществу четырехъ капиталистовъ, устроенный со всѣми новѣйшими приспособленіями. Въ огромныхъ каменныхъ корпусахъ отчаянно работаютъ, будто какія-то живыя чудовища сверхъестественной силы, тяжко дыша и торопливо ворочая свои стальные поршни, громадные паровые насосы. Проходя къ нимъ, вы неминуче должны пройти черезъ широкіе корридоры кочегарни, гдѣ съ двухъ сторонъ сверкаютъ на васъ, опаляя вамъ лицо, будто злые, кровью налитые глаза Циклопа до-красна раскаленныя, круглыя заслонки, прикрывающія жерла печей. Ихъ темный чугунъ сквозитъ теперь огнемъ и кажется прозрачнымъ, какъ стекло.

Паровыхъ насосовъ такой силы, кажется, нѣтъ на другихъ нефтепроводахъ. Они гонятъ по 6.000 пудовъ нефти въ одинъ часъ на разстояніи 12-ти верстъ, до заводовъ «чернаго» городка, по свинцовымъ трубамъ шести-дюймовой толщины. Нефть поступаетъ подъ насосы изъ громадныхъ герметически закупоренныхъ желѣзныхъ круглыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ можетъ вмѣстить до 175 и 200 тысячъ пудовъ. Въ башни эти нефть гонится изъ источниковъ небольшими насосами, а изъ башенъ уже поступаетъ подъ большіе насосы пріемной станціи и перекачивается оттуда въ «черный» городъ, на особую «раздаточную станцію» товарищества. Гонится туда не только собственная нефть товарищества, но и изъ многихъ чужихъ источ-

никовъ, не имѣющихъ собственныхъ нефтепроводныхъ станцій. Хозяева назначаютъ, сколько нефти должно быть передано на какой заводъ, и раздаточная станція «чернаго» городка распредѣляетъ притекающій матеріалъ по заводамъ назначенія, съ которыми она также соединена трубами.

Все это заведено очень недавно, а прежде тратилась масса времени и денегъ на перевозку нефти въ «черный» городокъ лошадьми и быками.

Управляющій нефтепроводомъ товарищества работаетъ въ Балаханахъ уже 10 лѣтъ, такъ что на его глазахъ возникло и развилось все здѣшнее нефтяное дѣло. Надняхъ еще, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь гудятъ и тяжко охаютъ могучіе насосы, былъ плодовый садъ и косился отличный хлѣбъ. А 20 лѣтъ тому назадъ на всемъ Балаханскомъ плоскогорьѣ, одинъ только Мирзоевъ арендовалъ у казны маленькіе нефтяные колодцы, уцѣлѣвшіе еще отъ персовъ. Бывало, конца не было удивленію, когда изъ всѣхъ этихъ колодцевъ удавалось добыть въ день 4 или 5 тысячъ пудовъ. А теперь въ одинъ день добывается въ Балаханахъ болѣе полмилліона пудовъ. Есть источники, дающіе каждый по десяти и двѣнадцати тысячъ пудовъ, а фонтаны очень нерѣдко выбрасываютъ нефти до 200.000 пудовъ въ день и даже болѣе.

Послѣ нефтепровода намъ показали такой нефтяной фонтанъ.

Молодой горный инженеръ г. Д., завѣдующій этимъ фонтаномъ, любезно познакомилъ насъ съ нимъ, приказавъ на время отворить его темницу, то-есть, попросту говоря, содрать часть досчатой обшивки съ бревенчатаго скелета пирамидальной вышки сооруженной надъ фонтаномъ.

Неприглядное зрѣлище представляютъ изблизи эти вышки, все кругомъ нихъ завалено горами песку, изрыто копанями и канавами, въ которыхъ течетъ буроzеленая жидкость, покрытая желтою пѣною. Она быстро струится въ амбары и ямы, назначенные для ея храненія. Только очень небольшая часть этихъ

ямъ выложена камнемъ и способна хотя нѣсколько сберечь отъ напрасной потери драгоцѣнную горячую влагу. Въ огромномъ же большинствѣ скважинъ нефть стекаетъ въ простыя глиняныя ямы, вырытыя на подобіе сажелокъ среди валовъ песка, и тамъ свободно просачивается въ землю, свободно испаряется на солнцѣ. Фонтанами навалены эти горы песку, фонтанами налиты эти озера мазуту. Они неузнаваемо измѣняютъ поверхность почвы, среди которой начинаютъ дѣйствовать. Сама вышка такая же грязная, какъ и ея окрестность. Доски, ея одѣвающія, сочатся *мазутомъ*, чернымъ нефтянымъ дегтемъ своего рода; онѣ прибиты съ тою цѣлью, чтобы капризная струя фонтана, вспомоществуемая вѣтромъ, не благодѣтельствовала сосѣднимъ землямъ и не растрачивала себя внѣ предѣловъ родной пирамиды.

Когда обнаружилась намъ ея темная утроба, мы увидѣли столбъ коричневыхъ струй и брызговъ, поднимавшійся изъ торчавшей въ землѣ желѣзной трубы. Онъ сразу обдалъ насъ своимъ маслянистымъ теплымъ дождемъ и хватилъ еще далеко позади насъ, подхваченный кстати налетѣвшимъ вѣтромъ. Этотъ горячій дождь собирается на днѣ вышки и канавками стекаетъ въ сажелки, рвы и всевозможныя углубленія почвы. Нефть выбрасываетъ съ собою изъ глубинъ земныхъ много песку, воды и всякой нечистоты. Внутри вышки все капаетъ и сочится нефтью, все прокопчено ея цвѣтомъ, ея запахомъ.

Фонтаны бьютъ изъ большой глубины и потому поднимаются очень высоко, постоянно обдавая своими брызгами бревенчатый скелетъ вышки и ея досчатую обшивку. Фонтанъ, который намъ показывали, имѣетъ 103 сажени глубины. Оставалось докопаться до него еще 45 саженъ, когда онъ самъ вдругъ вырвался наружу, какъ согрѣвшееся шампанское, подбросивъ, будто горсть песку,— эту сорока-пяти саженную пробку, разбивъ ею въ прахъ все, что было кругомъ, и засыпавъ землянымъ обваломъ работавшія надъ нимъ лебедки и паровую машину, которыя и теперь еще торчатъ на половину изъ-подъ земли.

Министерство государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи котораго находится все горное дѣло, въ томъ числѣ нефтяные источники, озабочено теперь пріисканіемъ мѣръ, съ помощью которыхъ явилась бы возможность предупреждать неожиданные взрывы фонтановъ и обезпечить предпринимателей отъ безплодной растраты нефти—устройствомъ прочныхъ общихъ резервуаровъ. Но до сихъ поръ, кажется, еще ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, кромѣ предположеннаго налога на этотъ предметъ $^{1}/_{10}$ копѣйки съ каждаго добываемаго пуда нефти.

Въ другой вышкѣ мы смотрѣли, какъ производится такъ называемое *„тортованіе“*. Фонтанъ. прежде бившій здѣсь, уже замеръ, давъ, впрочемъ, за время своего дѣйствія не болѣе, не менѣе какъ 17 милліоновъ пудовъ нефти! и нефть нужно теперь искусственно вытягивать изъ трубы. Дѣлается это очень просто. На верху вышки устроенъ колесо-блокъ. Съ помощью его одинъ рабочій на лебедкѣ, управляемой паровою машиною, опускаетъ въ трубу такъ называемую *„желонку“*,—длинный мѣдный цилиндръ съ клапаномъ вмѣсто дна; клапанъ открывается вверхъ, поэтому нефть, наполняющая трубу, свободно входитъ черезъ него въ цилиндръ, когда тотъ опускается внизъ, когда же цилиндръ поднимается, то тяжесть набравшейся въ него нефти сама собою запираетъ сейчасъ же клапанъ, и нефть остается въ цилиндрѣ. Вытащивъ желонку, рабочій стукаетъ ее дномъ о землю, клапанъ опять поднимается, и нефть быстро вытекаетъ изъ цилиндра- Она собирается или въ канавы, или въ особый бассейнъ, по обыкновенію окружающій трубу. Нефть никогда не получается чистою, а всегда съ водою, пескомъ и разными примѣсями, почему она и кажется бурою.

Очень интересно первоначальное буреніе скважины, на которомъ намъ тоже удалось побывать. Вышка собственно и устраивается для буренія. Надъ предположеннымъ мѣстомъ будущаго фонтана строятъ изъ толстыхъ бревенъ высокую сквозную башню, съуживающуюся кверху, къ ней пристраиваютъ сарай для паровой машины, лебедки и разныхъ другихъ орудій. Подъ сере-

диною вышки выкапывают узкую яму и вставляют туда желѣзную трубу вершковъ 8 въ поперечникѣ. Надъ трубою вѣшаютъ тяжелое стальное долото на цѣпи, перекинутой черезъ верхній блокъ и намотанной другимъ концомъ на лебедку. Долото это опускается внутрь трубы и особымъ паровымъ шатуномъ начинаетъ ворочаться и долбить твердую почву. Снизу къ нему придѣлывается стальной брусокъ съ двумя выдвижными боковыми зубами, которые вбираются внутрь, проходя по трубѣ, а когда пройдутъ глубже трубы, то, не сдерживаемые болѣе ея стѣнками, выскакиваютъ наружу и при поворотахъ долота расширяютъ діаметръ ямы настолько, что является возможность опустить трубу глубже въ землю. Когда труба вся уйдетъ въ землю, то къ ней приклепываютъ сверху другую такую же, для чего во всѣхъ колѣнахъ трубы заранѣе приготовлены необходимыя отверстія для заклепокъ. Другая труба постепенно опускается вслѣдъ за первою, по мѣрѣ работы долота, третье колѣно приклѣпывается ко второму, и такъ идетъ все дальше и дальше, на сто, на полтораста, на двѣсти саженъ въ глубь, пока не достигнется нефтяной пластъ. А чтобы и само долото могло опускаться на ту же глубину, какъ и трубы, внутри которыхъ оно должно работать, къ нему сверху постоянно навинчиваются длинныя желѣзныя штанги, сначала потолще, потомъ все тоньше и тоньше; особый работникъ все время стоитъ надъ ямою, на внутреннихъ балкончикахъ вышки, перемѣщаясь то ниже, то выше, по мѣрѣ углубленія трубы, чтобы безостановочно навинчивать другъ на друга эти штанги, выбирая ихъ изъ запаснаго гнѣзда, тутъ же у него подъ рукою.

Во время внезапнихъ взрывовъ фонтановъ, всѣ эти трубы, штанги, цѣпи, блоки нерѣдко выбрасываются Богъ знаетъ на какую высоту и въ какую даль, вмѣстѣ съ огромными камнями, вылетающими изъ глубины земной. Можно подумать, что духъ тьмы, сидящей подъ землей, направляетъ эти ядра свои въ дерзкаго человѣка, возмущенный наглыми попытками двуногаго червя проникнуть въ его заповѣдное царство.

Мы осмотрѣли между прочимъ и знаменитый фонтанъ Каспійскаго товарищества, который нашумѣлъ недавно на всю Россію. Онъ вырвался изъ земли съ такою неописуемою силою, быстротою и неожиданностью, что во мгновеніе ока разнесъ въ прахъ и покрывавшую его вышку, и всѣ нагроможденныя въ ней хитроумныя сооруженія, залилъ всю окрестность, погубилъ чужіе поля и огороды потопомъ своей нефти, налилъ навзрѣзъ озера и канавы, и только черезъ нѣсколько дней былъ кое-какъ укрощенъ и возвращенъ въ свои законные предѣлы. Онъ выбрасывалъ первое время ежедневно не меньше 300.000 пудовъ нефти, значительная часть которой пропадала понапрасну. Мало того, товариществу пришлось заплатить изрядныя суммы сосѣднимъ владѣльцамъ за ихъ потопленныя поля. Потомъ уже его забили въ оковы, т.-е. обшили досками бревна вышки. Мы входили къ нему въ эту деревянную темницу его. Онъ уже унялся и ведетъ себя теперь довольно смирно и вѣжливо, какъ тигръ звѣринца, истощенный долгимъ голодомъ, но все-таки оросилъ насъ съ головы до ногъ мелкими брызгами своей порядочно еще толстой и высокой струи. Каково же было задѣлывать его въ этотъ футляръ въ самый разгаръ его бѣшенства бѣднякамъ-рабочимъ, заливаемымъ дождемъ нефти и задыхающимся въ ея парахъ. Немудрено, что многіе рабочіе падали безъ чувствъ.

Кромѣ боковыхъ досокъ черезъ-чуръ расходившійся фонтанъ сдерживаютъ еще и сверху, задвигая верхнее отверстіе вышки толстою чугунною доскою на блокахъ, такъ что вся нефть, которую онъ выбрасываетъ, собирается волей-неволей въ внутреннемъ бассейнѣ вышки и направляется оттуда, куда слѣдуетъ. Съ какой невѣроятной силой бьютъ изъ земли нефтяные фонтаны, можно судить потому, что мы видѣли въ Тифлисскомъ музеѣ чугунную задвижную доску 4 — 6 вершковъ толщины, выѣденную струею нефти, какъ кусокъ мягкаго мыла...

Нефтяные колодцы—это уже совсѣмъ обезсилѣвшіе прежніе фонтаны. Изъ нихъ однако продолжаютъ доставать нефть иногда очень долго, по многу лѣтъ сряду. Прежде глубина ихъ была

меньше, но съ каждымъ годомъ она увеличивается и теперь доходитъ большею частью до 150, ингда же до 200 саженъ и болѣе, но это очень рѣдко. Въ Пенсильваніи колодцы несравненно глубже нашихъ, и профессоръ Менделѣевъ, такъ много работавшій по вопросамъ нефти, подробно изслѣдовавшій ее и въ Америкѣ, и у насъ на Кавказѣ, этой большой глубинѣ приписываетъ и большее обиліе нефти въ Пенсильванскихъ скважинахъ. Толщину самаго слоя нефти въ колодцахъ опредѣлить трудно. Столбъ ея бываетъ иногда до десяти саженъ высоты, иногда до нѣсколько вершковъ. Перeслойка между жирными и нефтяными слоями тоже разная и тоже отъ нѣсколько вершковъ до нѣсколькихъ саженъ. Опредѣленнаго нѣтъ ничего.

Воздухъ вышекъ и сараевъ, стоящихъ надъ колодцами и фонтанами, весь насквозь пропитанъ спиртными испареніями нефти. Одна искорка огня, и все можетъ взлетѣть на воздухъ, люди, строенье и машины. Поэтому здѣсь строго запрещается курить, и все освѣщеніе—электрическими лампами. Несмотря на эту ежеминутную смертную опасность, рабочіе на скважинахъ получаютъ довольно умѣренное вознагражденіе. Цѣну на нихъ больше всего сбили персы, довольствующіеся всякимъ грошемъ. Они самые дешевые и самые распространенные рабочіе Закавказья. Здѣсь они получаютъ по 15 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, имѣя отъ владѣльца скважины только казарму для жилья. Русскіе рабочіе гораздо дороже, гораздо умнѣе, гораздо сильнѣе; они сработаютъ вдвое противъ лѣниваго, малосильнаго и тупого перса. Но ихъ пока очень мало въ Баку, да и какіе есть, появились только недавно. Они и за поденную работу получаютъ здѣсь на скважинахъ двойную плату, по 1 р. сер. въ день вмѣсто 50 коп. перса. Татары тоже много понятливѣе персіянъ. Оттого всѣ болѣе важныя должности рабочихъ заняты теперь въ Балаханахъ татарами, преимущественно казанскими; а между тѣмъ старшіе рабочіе нерѣдко получаютъ здѣсь по 50 руб. и болѣе въ мѣсяцъ. Рабочихъ здѣсь требуется громадное количество, потому что скважины растутъ ежедневно, какъ грибы,

а добыча нефти происходитъ безостановочно днемъ и ночью, перемѣнными артелями рабочихъ. Мѣстной полиціи приходится таки повозиться съ ними! Драки, ссоры, убійства—то и дѣло возникаютъ между персами. Татары безпокойны такъ же точно. На каждомъ шагу у нихъ оружіе и кровь; съ русскими, правда, они рѣдко ссорятся, но мусульмане другъ съ другомъ—постоянно. Полиціи это доставляетъ изрядную работу, а между тѣмъ Балаханы не считаются городомъ, и мѣстный приставъ всего на всего имѣетъ въ своемъ распоряженіи шесть всадниковъ лезгинъ да одного урядника, — того самаго молодцоватаго джигита, чтò провожалъ насъ во главѣ своихъ чепаровъ на расшитомъ золотомъ персидскомъ чепракѣ. Даже казенной лошади для разъѣздовъ не полагается приставу, хотя онъ долженъ держать ихъ не менѣе трехъ, чтобы поспѣвать вездѣ, гдѣ нужно.

Штаты здѣшней полиціи составлялись тогда, когда въ Балаханахъ было всего нѣсколько сотъ человѣкъ жителей, а теперь ихъ, слава Богу, не менѣе 12.000, да еще такихъ, для которыхъ нуженъ цѣлый отрядъ полицейскихъ.

Самое спокойное, трезвое и трудолюбивое населеніе Закавказья, молокане, не нанимается здѣсь ни на какія работы. Они живутъ богато, имѣютъ много лошадей и промышляютъ однимъ извозомъ. При въѣздѣ въ Балаханы мы встрѣтили оригинальную процессію ихъ. Пятнадцать четверокъ здоровыхъ лошадей, запряженныхъ одна за одною въ постромки изъ толстаго каната, тащили, дымясь отъ усталости, по выбоинамъ и лужамъ грязной дороги, громадный паровикъ въ 800 пудовъ вѣса. На каждой четвернѣ сидѣло по мужику, и по первому крику возницы всѣ эти верховые начинали отчаянно кричать, гукать, нокать, колотить пятками, махать руками, безостановочно стегая кнутами направо и налѣво своихъ взмыленныхъ коней, которые рывомъ брали съ мѣста тяжко загрузшія громоздкія дороги изъ бревенъ на низенькихъ дубовыхъ котелкахъ вмѣсто колесъ и нѣкоторое время дружно тянули ихъ, одуряемые и оглушаемые этими разноголосными понуканіями, пока не выбивались изъ силъ и

опять всѣ разомъ останавливались передохнуть, колотясь потными животами, до новыхъ неистовыхъ криковъ, до новаго дружнаго пріема...

Какъ легко доставалося имъ этотъ переѣздъ 16-ти верстъ отъ морской пристани въ Баку до Балахановскихъ колодцевъ, мы убѣдились очень наглядно. Паровикъ, который мы обогнали при въѣздѣ въ Сабунчи, мы встрѣтили еще на той же дорогѣ, возвращаясь черезъ 4 часа изъ Балаханъ; чугунное чудовище отдыхало, застрявши на какомъ-то глинистомъ косогорѣ; всѣ 60 лошадей его были выпряжены и кормились овсомъ, чтобы набраться новыхъ силъ — дотащить его остававшіяся двѣ, три версты.

Зато же молокане и берутъ за эти 16 верстъ около 200 руб. сер. Конкурентовъ имъ нѣтъ, только у нихъ есть и необходимая сноровка для этого не легкаго дѣла, и необходимая сбруя, и привычныя пріемистыя лошади, а перевозки эти бываютъ довольно часто и не терпятъ отсрочки.

Балаханы теперь многолюдный городокъ, снабженный всѣмъ, что̀ требуется. Тутъ и желѣзная дорога, и телеграфъ, и телефонъ, и клубъ, и всякія лавки, и даже биржевые извощики. Многіе изъ владѣльцевъ буровыхъ скважинъ живутъ тамъ. Одна изъ владѣлицъ, г-жа Д., любезно пригласила насъ къ себѣ на чашку чая, и мы не безъ удовольствія отдохнули у нея полчаса послѣ своихъ утомительныхъ осмотровъ.

IX.

Черный городокъ.

Слѣдующій день мы всецѣло посвятили осмотру нефтяныхъ заводовъ.

Мы выѣхали рано и очень скоро добрались до Чернаго городка. Онъ тянется версты на 3 или 4 вдоль берега моря, съ сѣверной стороны Баку, и уже успѣлъ почти совсѣмъ слиться

съ нимъ. Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ сплошной городокъ заводовъ. Обыкновенныхъ домовъ вы въ немъ почти не видите. Кругомъ васъ со всѣхъ сторонъ толпятся многочисленныя черныя и сѣрыя круглыя башни, съ желѣзными стѣнами, желѣзными крышами, желѣзными стрѣлами громоотводовъ, настоящіе броненосные форты подъ своими флагштоками. Иныя изъ этихъ башенъ—узкія и высокія, съ желѣзными лѣсенками снаружи, словно дозорныя башни, охраняющія входъ въ крѣпость. И дѣйствительно, вся эта тѣсная кучка желѣзныхъ редутовъ, вмѣстѣ съ стоящими рядомъ плоскокрышими каменными блокгаузами безъ оконъ, съ цѣлыми замками, закопченными дымомъ, съ высокими черными трубами,—все это обнесено кругомъ каменными стѣнами и смотритъ настоящимъ укрѣпленіемъ. Нѣсколько сотъ такихъ укрѣпленій сбиты здѣсь на берегу моря. Въ дополненіе картины запасныя развѣтвленія желѣзнодорожныхъ рельсовъ, въ 10 и 12 параллельныхъ рядовъ, загромождены безконечными монистами вагоновъ-цистернъ, которыя въ это крѣпостной обстановкѣ производятъ впечатлѣніе своего рода артиллерійскаго парка, такія же сѣростальныя цвѣтомъ, съ такими же чудовищными круглыми брюхами, съ такими же широкими жерлами, хотя и заткнутыми.

Башни, блокгаузы, стѣны, пушки,—и отовсюду сгоняемые вѣтромъ въ одну сторону, въ сторону моря, стелящіеся хвосты сѣраго, бѣлаго, бураго и чернаго дыма; всѣ эти на четыре версты раскинутые крѣпостные верки дымятся и курятся, и вамъ издали представляется, что это идетъ ожесточенная канонада изъ всѣхъ орудій огромной береговой крѣпости по флотиліи осаждающихъ ее кораблей и пароходовъ, обсыпавшихъ теперь синюю бухту моря.

Заводы Нобеля находятся на самомъ дальнемъ краю Чернаго городка, ближе къ Балаханамъ. Желѣзныя круглыя башни ихъ нефтяного депо эффектно возвышаются на вершинѣ при-

брежнаго холма тѣсною группою огромныхъ бѣлыхъ шатровъ своего рода, по которымъ издали всякій узнаетъ «Нобелевъ городокъ». За нимъ виднѣются дальше по берегу моря заводы Шибаева, Каспійско-черноморскаго товарищества (или, вѣрнѣе, Ротшильда) и другіе. Это уже «Бѣлый городокъ»—въ отличіе отъ Чернаго.

Городокъ заводовъ не даромъ названъ былъ Чернымъ. Въ недавнее еще время все, что жило въ этомъ гнѣздѣ дыма и копоти—дѣлалось неминуемо чернымъ, какъ сажа: люди и вещи, звѣри и птицы... Но послѣ были придуманы высокія трубы, отводившія дымъ въ верхніе слои воздуха, и жители городка, къ ихъ великому удовольствію, перестали подвергаться ежедневному копченію, на подобіе ветчины въ печной трубѣ.

Новѣйшая группа заводовъ уже по праву заслужила свое бѣлое имя.

Г. Рогге, у котораго я просилъ указаній для осмотра Баку, очень благоразумно посовѣтовалъ мнѣ осмотрѣть во всей подробности заводы Нобеля. Во всѣхъ остальныхъ заводахъ мы увидали бы то же самое, съ весьма незначительными измѣненіями, но далеко не въ такой полнотѣ и систематичности, далеко не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ.

Хотя каждый заводъ выработалъ себѣ изъ практики какой-нибудь особый пріемъ дѣйствій, но тонкости эти могли быть интересны только для спеціалистовъ нефтяного дѣла и нисколько не занимали насъ съ женою—простыхъ любознательныхъ туристовъ.

Мы остановились у большого каменнаго дома конторы; отыскавъ главнаго представителя конторы, я вручилъ ему свою карточку и карточку г. Рогге и просилъ позволенія осмотрѣть заводы подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Толпа дѣлового народа наполняла обширныя комнаты конторы, гдѣ производились всякія справки и разсчеты. Но несмотря на сутолоку рабочаго дня, заправители конторы самымъ любезнымъ образомъ

отнеслись къ моему желанію. Черезъ нѣсколько минутъ явился и управляющій заводомъ, человѣкъ въ высшей степени общительный и обязательный. Онъ вызвался самъ показать и объяснить намъ въ послѣдовательности весь ходъ заводскихъ работъ.

Прежде всего посѣтителя поражаетъ удивительная чистота, порядокъ и отсутствіе суеты во всѣхъ этихъ громадныхъ и многочисленныхъ заведеніяхъ, составляющихъ изъ себя цѣлый отдѣльный городокъ. Тутъ однихъ рабочихъ 800 человѣкъ, а вы ихъ почти не видите и не слышите. Каждый знаетъ свое дѣло, каждый у своего мѣста. Всякая подробность заводскихъ процессовъ такъ обдумана и прилажена, что дѣло двигается словно само собою безостановочно, дружно, безшумно, какъ колеса хорошо устроенныхъ часовъ. Вездѣ, гдѣ было возможно, механическое приспособленіе замѣнило тяжелый трудъ человѣка, и вездѣ, гдѣ возможно было упростить и улучшить, улучшено и упрощено. И почти всѣ эти упрощенія и улучшенія, всѣ остроумные способы замѣнять живого человѣка машиною,—были изобрѣтены самимъ Нобелемъ. Покойный Людвигъ Нобель былъ геній своего рода и обладалъ замѣчательною способностью организовать всякое крупное практическое дѣло. Онъ началъ свою дѣловую карьеру съ Петербурга и уже тамъ пріобрѣлъ большой авторитетъ по части приготовленія взрывчатыхъ веществъ и разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Динамитъ, между прочимъ, былъ изобрѣтенъ однимъ изъ братьевъ Нобелей (Альфредомъ). Самъ Людвигъ Нобель тѣсно связалъ свое имя съ перевооруженіемъ русской арміи, сначала ружьями Крынка, потомъ берданками, которыя онъ первый сталъ изготовлять на Ижевскомъ заводѣ изъ русской стали, вмѣсто всегда употреблявшейся иностранной.

Случайно одинъ изъ братьевъ Нобелей посѣтилъ Кавказъ и увлекся начавшеюся тогда въ Баку нефтяною горячкою. Людвигъ Нобель взялъ это новое дѣло въ свои талантливыя руки и довелъ его до той степени совершенства, на которомъ оно не стоитъ еще нигдѣ. Заводъ его сталъ лучшимъ по устройству и

обширнѣйшимъ по производительности нефтянымъ заводомъ во всемъ мірѣ, значительно выше всего того, что можетъ представить даже высоко цивилизованная Сѣверная Америка, гораздо ранѣе насъ начавшая разрабатывать богатыя мѣсторожденія пенсильванской нефти по рѣкамъ Оиль-Крику и Алегани. Нобель первый ввелъ у насъ перекачиваніе нефти по трубамъ нефтепровода изъ колодцевъ въ заводы, также какъ желѣзныя хранилища нефти и керосина. Нобель первый изобрѣлъ и завелъ у себя наливные пароходы и баржи; первый выстроилъ цѣлую армію вагоновъ-цистернъ для перевозки нефтяныхъ продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ то время, когда еще сама Америка не знала другихъ способовъ перевозки нефти по морямъ и сушѣ, какъ простыя бочки. Техническимъ усовершенствованіямъ его въ заводской переработкѣ нефти—числа нѣтъ. На все имъ выработаны свои особенные способы и свои особенныя машины, которыя впослѣдствіи распространились среди другихъ заводчиковъ, какъ самыя выгодныя и удобныя; Нобель содержалъ на свой счетъ ученыхъ химиковъ и лабораторіи, дѣлалъ на свой счетъ всевозможные опыты и пробы, часто стоившіе очень дорого, а конкурирующіе съ нимъ заводы, дождавшись спокойно результатовъ этого опыта, безъ всякихъ затратъ и усилій съ своей стороны, вводили одно за однимъ въ свои заводы добытыя Нобелемъ улучшенія, которыя онъ ни отъ кого не хотѣлъ скрывать, а охотно давалъ изучать всѣмъ интересующимся. Можно сказать безъ преувеличенія, что никѣмъ другимъ, какъ Людвигомъ Нобелемъ, установлена окончательно теперешняя широкая и прочно утвердившаяся нефтяная промышленность Баку, а съ нею вмѣстѣ и его огромное торговое значеніе.

До нефтепроводовъ Нобеля бакинскимъ заводчикамъ не было возможности непрерывно приготовлять керосинъ на своихъ заводахъ, потому что нефть подвозилась къ нимъ на арбахъ въ бурдюкахъ и бочкахъ, и въ дурную погоду подвозъ ея прекращался вовсе. Точно также затруднена была и отправка готоваго керосина въ бочкахъ на парусныхъ судахъ по морю, къ

устью Волги, тоже всецѣло зависѣвшая отъ погоды. Нобелю главнымъ образомъ обязаны наши пароходы, желѣзныя дороги и заводы дешевымъ топливомъ изъ нефтяныхъ отбросовъ, которые до него бо̀льшею частью погибали безполезно. Вслѣдствіе всѣхъ усовершенствованій Нобеля, керосинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ доступныхъ и распространенныхъ по своей дешевизнѣ продуктовъ; онъ проникъ въ самыя бѣдныя и глухія крестьянскія избы, въ самыя далекія отъ насъ страны; какъ Китай. Въ 1878 году пудъ его стоилъ въ Баку 1 р. 50 к., а въ послѣдніе годы считается выгодною цѣна керосина на мѣстѣ въ 10 и 12 коп.

Технологическій институтъ въ Петербургѣ оцѣнилъ такую просвѣщенную и плодотворную дѣятельность энергическаго заводчика. Людвигъ Нобель первый получилъ отъ него званіе «Почетнаго инженеръ-технолога», до тѣхъ поръ никому никогда не дававшееся.

Дѣятельность этого талантливаго шведа тѣмъ симпатичнѣе, что онъ не стремился только создавать милліоны для самого себя, а работалъ какъ фанатикъ своего дѣла надъ его правильною научною постановкою, не жалѣя никакихъ трудовъ и расходовъ, и въ то же время необыкновенно сердечно относился къ положенію людей, трудами которыхъ росло его громадное предпріятіе.

Трогательно видѣть, съ какою заботливостью устроилъ онъ на своемъ заводѣ бытъ всѣхъ своихъ служащихъ, отъ простого работника до директора.

Мы посѣтили образцы всякаго рода помѣщеній, и единственную комнату семейнаго рабочаго и роскошныя гостиныя главныхъ руководителей дѣла, ихъ клубы, ихъ залы для танцевъ, и можемъ смѣло сказать, что ни на какомъ русскомъ заводѣ не видѣли ничего подобнаго. Каждый служащій на заводѣ является въ извѣстной мѣрѣ его пайщикомъ, то-есть получаетъ кромѣ жалованья назначенный ему процентъ съ дохода; черезъ это всякій рабочій дѣлается нѣкоторымъ образомъ за-

интересованнымъ въ успѣшномъ ходѣ завода и мало-по-малу привыкаетъ считать его дѣйствительно «своимъ» заводомъ. На заводѣ устроена и общая столовая для холостыхъ служащихъ, и бильярдъ, и кегли, и библіотека, и школы для дѣтей, и аптека, и пріемный покой, и 24 кровати въ больницѣ, и сберегательная касса, и линейки для даровыхъ разъѣздовъ по заводамъ, и пароходъ для даровыхъ поѣздокъ въ городъ, и даровой ежедневный привозъ изъ Астрахани всѣхъ необходимыхъ продуктовъ по оптовой цѣнѣ. Рабочіе, постигнутыя какими-нибудь несчастіями, и ихъ семьи получаютъ отъ Нобеля денежныя пособія и пожизненныя пенсіи; въ настоящее время у него до 30 такихъ пенсіонеровъ. На однѣ награды служащимъ своего завода онъ ежегодно расходуетъ, словно любое министерство, до 180.000 рублей. А сколько служащихъ на заводѣ можно судить по тому, что однихъ только, получающихъ жалованья болѣе 1.500 руб. въ годъ, считается на заводѣ 120 человѣкъ!

Конечно, администраціи завода приходится примѣнять не только однѣ мѣры благотворительности къ своимъ рабочимъ. При разноплеменности ихъ и сбродѣ ихъ со всѣхъ концовъ свѣта, драки и ссоры между ними случаются чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь, а ужъ про пьянство и говорить нечего. Но, по словамъ управляющаго, у нихъ практикуется система взысканій, очень быстро отрезвляющая пьяницъ и всякій безпорядочный народъ. Ихъ просто не берутъ на работу въ теченіе опредѣленнаго времени, и это дѣйствуетъ убѣдительнѣе всего.

Собственно говоря, смѣшно называть заводомъ этотъ цѣлый Нобелевскій городокъ, въ которомъ сосредоточены многіе разнообразные заводы, и который занимаетъ собою пространство въ 35 десятинъ, не считая 23 десятинъ, занятыхъ нефтяными колодцами Балаханъ.

Людвигъ Нобель не останавливался на полудорогѣ и все стремился дальше и дальше къ такому усовершенствованію заводскихъ процессовъ, при которомъ ничто бы не терялось да-

ромъ, а все служило источникомъ дохода. Черезъ это онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, попутно основать при своемъ керосинномъ заводѣ цѣлый рядъ побочныхъ самостоятельныхъ производствъ, необходимыхъ для его главной цѣли.

И во всѣ эти разнообразныя производства онъ внесъ то же основательное улучшеніе, тотъ же свой изобрѣтательный геній, ту же свою удивительную практичность.

Въ городкѣ у него и собственный газовый заводъ, и заводъ для электрическаго освѣщенія, и заводъ для выдѣлки соды изъ очистительныхъ матеріаловъ керосиннаго завода, и заводъ сѣрной кислоты, необходимой для очищенія керосина, и механическій заводъ для приготовленія машинъ, съ прекрасною кузнею, точильнею и проч., и бензинный заводъ, и заводъ тяжелыхъ горныхъ маслъ, словомъ 8 отдѣльныхъ заводовъ, не считая своей собственной лѣсопильни, бондарни, столярни, собственной ломки камня, собственнаго нефтепровода съ пріемною и раздаточною станціями, собственныхъ буровыхъ скважинъ и фонтановъ не только въ Сабунчи и Балаханахъ, но и въ разныхъ другихъ мѣстахъ Кавказскаго перешейка, и на островѣ Телекенѣ на Каспійскомъ морѣ, и даже въ Закаспійской области. 12 собственныхъ наливныхъ пароходовъ и 15 такихъ же нанятыхъ пароходовъ совершаютъ постоянные рейсы между собственною пристанью Нобелевскаго завода и Астраханью и другими городами Каспія, для перевозки керосина, нефти и нефтяныхъ остатковъ.

Этому множеству пароходовъ не удивишься, когда сообразишь, что заводъ Нобеля передѣлываетъ въ годъ нефти страшную цифру—54 милліона пудовъ! Ежедневно перекачивается въ заводъ по нефтепроводу изъ Балаханъ своей и чужой нефти до 180.000 пудовъ и ежедневно вырабатывается изъ нея до 65.000 пудовъ керосина. И все это достигнуто въ какія-нибудь 12 лѣтъ существованія завода. Теперь его годовой бюджетъ доходитъ, словно бюджетъ какого-нибудь министерства,—до $3^1/_2$ милліоновъ рублей, а стоимость его инвентаря до 6 милліоновъ.

Мы внимательно прослѣдили отъ а до зетъ всѣ послѣдовательные процессы этого интереснаго производства.

Нефть, прибывающая по нефтепроводу изъ Балаханъ въ пріемную станцію, особыми насосами толкаетъ оттуда въ первый очистительный заводъ. Но чтобы не тратить на ея согрѣваніе слишкомъ много топлива, а съ другой стороны, чтобы охладить дешевымъ способомъ, такъ называемый «мазутъ», или нефтяной деготь, стекающій по трубамъ совсѣмъ горячимъ, какъ ненужный остатокъ при выработкѣ керосина,—Нобель очень остроумно заставляетъ сначала притекающую нефть соприкасаться съ горячими трубами мазута, чѣмъ въ одно и то же время достигаетъ двухъ цѣлей—нагрѣванія нефти и охлажденія мазута.

Въ первомъ очистительномъ заводѣ происходитъ только умѣренное нагрѣваніе нефти посредствомъ девяти паровыхъ цилиндровъ; наиболѣе легкіе газы, какъ газолинъ и др., выдѣляются здѣсь изъ нея и по верхнимъ трубамъ уходятъ въ заводъ, гдѣ приготовляется бензинъ, самое легкое и самое легковоспламеняющееся вещество изъ всѣхъ горючихъ продуктовъ нефти. Болѣе же тяжелыя составныя части нефти, изъ которыхъ долженъ получиться керосинъ, переливаются по нижнимъ трубамъ изъ этого перваго завода во второй.

Тамъ уже не 9, а 42 паровыхъ цилиндра и нагрѣваніе болѣе сильное. Чтобы не производить взрыва, паръ впускается въ паровики предварительно нагрѣтый до 200°. Страшно двигаться съ непривычки мимо этихъ многочисленныхъ огнедышащихъ жерлъ, гдѣ толстые чугунные котлы, раскаленные пламенемъ, кажутся какими-то сквозными хрустальными кружками нѣжнаго огненно-краснаго цвѣта. Топка производится салоровымъ масломъ, получаемымъ тутъ же на заводѣ въ числѣ нефтяныхъ отбросовъ; оно льется постепенно само собою въ горячія печи изъ невидимаго намъ хранилища, и рука человѣка нигдѣ не прикасается ни къ печи, ни къ топливу. Длинные корридоры, гдѣ раскаляется столько котловъ и бушуетъ столь-

ко пламени, остаются безмолвными и безлюдными, сверкая въ полутьмѣ рядами своихъ огромныхъ кроваво-огненныхъ глазъ... При этой разумной механической системѣ на 14 паровиковъ полагается всего одинъ истопникъ, чѣмъ достигается точно такъ же, какъ и собственнымъ топливомъ, значительное удешевленіе производства.

Газы, получаемые здѣсь, уже тяжелѣе первыхъ; они перегоняются по трубамъ въ третье отдѣленіе завода, гдѣ имъ предстоитъ обратиться въ жидкость. Для этой цѣли устроено цѣлое грандіозное сооруженіе. Морская вода особыми насосами накачивается въ громадный резервуаръ или, скорѣе, искусственный прудъ, насосами же поднимается оттуда высоко наверхъ и оттуда льется потоками на частую систему трубъ, по которымъ проходятъ нагрѣтые газы... Ежедневно расходуется на эту процедуру до 2 милліоновъ ведеръ воды. Газы охлаждаются и въ третьемъ отдѣленіи завода выливаются въ видѣ жидкостей разнаго цвѣта и плотности изъ своихъ трубъ въ особые желѣзные закрома, раздѣленные продольными перегородками на нѣсколько отдѣленій. Опытные рабочіе стоятъ около этихъ закромовъ и направляютъ краны трубъ то въ одно отдѣленіе, то въ другое, смотря по плотности и цвѣту жидкости, которую они ежеминутно черпаютъ и испытываютъ ареометромъ въ особыхъ черпачкахъ на длинныхъ рукояткахъ. Тутъ получаются въ одно и то же время самые разнообразные горючіе продукты: разные сорта керосина, салоровое и другія масла. Вещества эти всѣ однако смѣшаны здѣсь съ водою, такъ что въ отдѣленіяхъ закромовъ вода собирается внизу, а болѣе легкій керосинъ и масла на верху ея. Отворяя верхнія отверстія, даютъ керосину стекать въ особыя трубы, а вода удаляется послѣ, черезъ нижнія отверстія. Отсюда керосинъ поступаетъ уже въ очистку отъ цвѣтныхъ и всякихъ другихъ примѣсей. Съ этой цѣлью устроенъ особый заводъ сѣрной кислоты.

Три отдѣльныя огромныя зданія заняты заводомъ сѣрной кислоты. Тутъ и склады сѣры, частью дагестанской и закас-

пійской, но большею частью сицилійской. Насъ водилъ по этимъ складамъ и по свинцовымъ удушливымъ камерамъ, гдѣ приготовляется кислота, управляющій заводомъ, простой владимірскій крестьянинъ. Всѣ сосуды на этомъ заводѣ—свинцовые; а чашки для сгущенія кислоты нагрѣваніемъ—изъ платины. Такая чашка, всего 5-ть вершковъ вышины, стóитъ 7.000 рублей. Всѣ остальные металлы и вещества разъѣдаются кислотою и не могутъ служить здѣсь. Признаться, мы не нашли никакого удовольствія дышать воздухомъ смерти, которымъ наполненъ заводъ, несмотря на искусную вентиляцію. Сѣра стоитъ въ горлѣ, сѣра ѣстъ глаза. Нужно изумляться старику-владимірцу, который спокойно пребываетъ въ этомъ «жупелѣ» который ужъ годъ и, повидимому, вовсе не собирается отправляться ad patres.

Сѣрная кислота, примѣшиваясь къ керосину, очищаетъ его отъ цвѣтныхъ примѣсей, но ее самое необходимо удалить изъ керосина. Для этого ее ловятъ какъ рыбу на крючокъ, подсыпая въ керосинъ натръ, съ которымъ кислота неудержимо соединяется въ сѣрнокислую соль натра, осаждающуюся въ видѣ твердаго порошка. Цѣлый рядъ башенъ-мѣшалокъ устроенъ съ этою цѣлью сейчасъ же за сѣрнымъ заводомъ. Мы входили по желѣзнымъ лѣсенкамъ наверхъ этихъ башенъ и сквозь отверстія крыши любовались водоворотами и брызгами керосина, клокочущаго, какъ пучина ада. Способъ мѣшать натръ съ керосиномъ посредствомъ сильнаго притока воздуха,—изобрѣтенъ также самимъ Нобелемъ. Могучіе насосы гонятъ черезъ особыя трубы воздухъ въ башни-мѣшалки, и этотъ-то искусственный бурунъ заставляетъ пѣниться, волноваться и клокотать налитыя въ башни массы керосина. Освобожденный отъ сѣрной кислоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезцвѣченный, керосинъ стекаетъ по трубамъ въ особое помѣщеніе, гдѣ онъ отстаивается и перекачивается затѣмъ въ резервуары, откуда уже прямо поступаетъ для продажи на желѣзную дорогу и пароходы, а остающійся на днѣ мѣшалокъ сѣрнокислый натръ поступаетъ въ свою очередь

на содовый заводъ, гдѣ, съ помощью хлористаго кальція, его обработываютъ въ углекислый натръ, т.-е. обыкновенную соду.

Мы осмотрѣли и способъ наливки керосина въ вагоны-цистерны. Множество трубъ безконечными змѣями вспалзываютъ на высокую сквозную платформу и свѣшиваются съ нея внизъ своими колѣнчатыми концами. Съ помощью ихъ подвигаемые снизу по рельсамъ, вагоны-цистерны наливаются черезъ верхнія свои устья; въ 12 минутъ наполняется цѣлый вагонъ.

Заводъ имѣетъ свою собственную желѣзную дорогу, идущую съ одной стороны до морской пристани, съ другой — до Бакинско-Батумской желѣной дороги, на которую прямо въѣзжаютъ ея готовые поѣзда вагоновъ-цистернъ, полныхъ керосиномъ. Заводъ имѣетъ не только собственную администрацію для своей желѣзной дороги, но даже и свою таможню. Министерство финансовъ держитъ на заводѣ особаго таможеннаго чиновника, который получаетъ отъ завода помѣщеніе и частью содержаніе, и назначается исключительно для дѣлъ завода.

Заводы различныхъ маслъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ керосинъ, устроены совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и керосиновый заводъ. Масла эти подвергаются рѣшительно всѣмъ тѣмъ же процессамъ и въ той же самой послѣдовательности, какъ и керосинъ; вся разница только въ томъ, что они подвергаются болѣе сильному нагрѣванію, до 400°, вслѣдствіе чего и пары впускаются въ паровикъ совершенно сухіе, предварительно нагрѣтые до 300°.

Постоянныхъ названій для этихъ маслъ не существуетъ, а каждый заводъ придаетъ имъ свои оббственныя имена. У Нобеля, напр., вырабатывается такъ-называемое веретеночное (болѣе легкое) масло, машинное (болѣе тяжелое) и салоровое,— самое тяжелое, употребляемое заводомъ на топку болѣе чистыхъ помѣщеній. На кухняхъ же и въ другихъ мѣстахъ, такъ же какъ и на пароходахъ и паровозахъ желѣзныхъ дорогъ—жгутъ «мазутъ»,—густую массу въ родѣ дегтя, остающуюся отъ выдѣлки маслъ.

Бензиновый заводъ, хотя въ общемъ устроенъ такъ же, какъ керосиновый, имѣетъ нѣкоторыя свои особенности. Прежде всего доступъ въ него строго воспрещенъ. Онъ обнесенъ особою каменною стѣною, и тамъ зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ входящихъ не курилъ и не зажигалъ огня ни подъ какимъ предлогомъ. Освѣщеніе здѣсь только электрическое, да и то устроено не внутри завода, а снаружи, за стеклами оконъ. Такъ боятся взрывовъ въ этомъ воздухѣ, наполненномъ однимъ изъ самыхъ летучихъ и самыхъ быстро-воспламеняющихся газовъ. Какъ ни разумно устроено все на этомъ заводѣ, какъ ни внимательно слѣдитъ за порядкомъ здѣшняя администрація, но въ этомъ громадномъ очагѣ всякихъ горючихъ веществъ, разумѣется, невозможно уберечься отъ неожиданныхъ несчастій, и случаи взрывовъ и увѣчья здѣсь, конечно, бываютъ. Какъ-то лопнула, напр., труба и убила взрывомъ газа до пятнадцати человѣкъ рабочихъ и любопытныхъ зрителей.

Газолинъ и другіе легкіе газы, направляемые въ бензиновый заводъ, проходятъ въ концѣ концовъ въ высокую желѣзную башню, по которой, въ качествѣ любознательныхъ туристовъ, задавшихся цѣлью осмотрѣть всю подноготную завода,— поднялись съ нѣкоторымъ жуткимъ чувствомъ и мы съ женою. Вся середина круглой башни пересѣкается множествомъ поперечныхъ желѣзныхъ кружковъ, чередующихся другъ надъ другомъ; сквозь эти желѣзныя блюда своего рода проходятъ трубочки съ газомъ. Газы, которые потяжелѣе и которые не должны входить въ составъ бензина, остываютъ ранѣе и опускаются внизъ, а самые легкіе, освободившись отъ болѣе тяжелыхъ примѣсей, подымаются на самый верхъ башни, гдѣ попадаютъ подъ струи холодной воды, постоянно текущей на ихъ трубы. Здѣсь газы обращаются въ жидкій бензинъ, который претерпѣваетъ затѣмъ тѣже процессы очищенія сѣрною кислотою и натромъ, какъ и керосинъ, только при иной температувѣ и въ иныхъ пропорціяхъ смѣси.

Любезный путеводитель нашъ предложилъ намъ зайти пере-

дохнуть немножко къ управляющему химическими заводами. Молодой шведъ живетъ очень уютно въ свѣтленькой и чистенькой квартиркѣ, полной цвѣтовъ и книгъ. Передъ нами сразу выросла батарея винъ, ликеровъ, пива. Мы выпили по стакану пива и, побесѣдовавъ нѣсколько минутъ съ почтеннымъ хозяиномъ, попросили его показать намъ жилища рабочихъ. Они помѣщаются въ особомъ дворѣ, съ особыми воротами, которыя мы нашли запертыми на ключъ, вѣроятно, потому, что хозяева квартиръ были всѣ на работѣ. Чистота и порядокъ во дворѣ и въ жилищахъ образцовые. Крытыя галлереи выходятъ на вымощенный дворъ, служа очень удобнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ для своихъ хозяевъ, особенно для дѣтей. На дворѣ фонтанъ съ водою и резервуаръ для салороваго масла, которое служитъ топливомъ. Хозяйкѣ не нужно никуда ходить: ни за водой, ни за дровами—все у нея подъ рукою. Каждый семейный рабочій имѣетъ особую комнату, достаточно просторную, свѣтлую и убранную очень опрятно. Сейчасъ у входа крошечная экономическая печь для кухни, въ которой все приспособлено къ быстрому и удобному приготовленію. Салоровое масло само течетъ въ печь изъ особаго резервуара на стѣнкѣ. Въ глубинѣ комнаты—спальня хозяевъ, почти у всѣхъ разукрашенная занавѣсками, пологами, картинками. У старшихъ рабочихъ по двѣ комнаты—жилая и кухня, и убранство еще болѣе приличное и красивое. Харчи всѣ рабочіе имѣютъ отъ себя. Жалованье они получаютъ самое разнообразное—отъ 18 до 120 руб. въ мѣсяцъ. Очень многіе получаютъ отъ 18 до 60 руб., но есть и такіе, особенно въ механическомъ заводѣ, которые вырабатываютъ по 4 руб. въ день, работая издѣльно. Работы на заводахъ продолжаются непрерывно, день и ночь. Однѣ артели смѣняютъ другія. Рабочій день для всѣхъ—10 часовъ. Даже въ первый день Свѣтлаго Праздника работы не останавливаются; но тогда христіанъ замѣняютъ персами и татарами.

Въ квартирахъ химическаго завода я видѣлъ и магометанскія семьи. Мы захватили, между прочимъ, на одной изъ гал-

лерей смазливую тщедушную дѣвочку, ребенка-ребенкомъ. Она оказалась, однако, супругою рабочаго-перса и матерью 2-хъ или 3-хъ дѣтей. Персами заводъ доволенъ за ихъ трезвость и безропотное послушаніе. Много здѣсь, однако, и нѣмцевъ, и шведовъ. Старшіе служащіе и техники почти исключительно шведы что́, конечно, естественно за заводѣ шведа Нобеля. Удивительно еще, что главный директоръ завода, Л. Ф. Рихтеръ, русскій; впрочемъ, и онъ женатъ на финляндкѣ, кажется родственницѣ владѣльца.

Послѣ химическихъ заводовъ мы осмотрѣли еще огромные склады всякихъ матеріаловъ для завода, цѣлое интендантское вѣдомство своего рода, содержимое съ настоящею шведскою аккуратностью и въ замѣчательномъ порядкѣ; всякую мельчайшую вещь можно найти сразу среди милліоновъ мелкихъ вещей, благодаря педантически строгой системѣ.

Механическій заводъ даетъ о себѣ знать издали оглушительнымъ грохотомъ молотовъ. Насъ больше всего заняла сварка и склепываніе огромныхъ паровыхъ цилиндровъ. Они рдѣютъ, какъ раскаленный уголь на страшномъ огнѣ, который настоящею бурею устремляется на нихъ изъ горновъ. Хотя поддуваль никакихъ нѣтъ, но нефть своимъ быстрымъ сгораніемъ производитъ пустоту, въ которую жадно врывается окружающій воздухъ, производя вѣтеръ сильнѣе всякихъ кузнечныхъ мѣховъ.

Въ другомъ отдѣленіи завода громадный паровой молотъ съ легкостью, точностью и изяществомъ англійской швейной машины расплющиваетъ и мнетъ, будто кусокъ мягкаго тѣста, тяжеловѣсныя глыбы раскаленнаго желѣза. Осмотрѣвъ по дорогѣ лѣсопильни, столярню и токарню завода, и заводъ для выдѣлки свѣтильнаго газа, мы проѣхали на заводскую пристань. Нобелю принадлежитъ здѣсь цѣлая бухточка, загроможденная теперь его пароходами и баржами. Длинная эстокада на столбахъ вдается въ море, и по ней ползутъ въ нѣсколько рядовъ трубы нефтепроводовъ. Пароходы и баржи придвигаются вплотную къ эстокадѣ и прямо изъ крановъ трубъ наливаютъ свои громадные

резервуары керосиномъ или нефтяными остатками. Мы подробно осмотрѣли одинъ изъ Нобелевскихъ наливныхъ пароходовъ. Онъ только-что былъ отдѣланъ на пристани заводскими мастеровыми и сверкалъ, какъ съ иголочки, своими хорошенькими спальными каютами, столовыми, кухонками. Служащимъ приходится цѣлые мѣсяцы сряду жить на пароходѣ, поэтому это пловучее жилье ихъ отдѣлано съ комфортомъ и вкусомъ хорошенькихъ городскихъ квартиръ. Керосинъ помѣщается въ трюмѣ, обитомъ изнутри желѣзомъ, да въ особомъ резервуарѣ, устроенномъ на носу парохода, рядомъ съ машиною. Присутствіе ихъ совершенно незамѣтно, и мы путешествовали по изящнымъ помѣщеніямъ парохода, словно онъ былъ приготовленъ для какой-нибудь увеселительной прогулки по Волгѣ. Что касается до меня, то я, во всякомъ случаѣ, не соблазнялся этимъ изяществомъ и съ сожалѣніемъ думалъ о смѣлыхъ людяхъ, которые рѣшаются дневать и ночевать цѣлые годы надъ этимъ пороховымъ погребомъ своего рода.

Морская вода около пристани и береговъ надалеко подернута жирнымъ налетомъ и окрашена въ бурый цвѣтъ нефти. Это очень разрушительно дѣйствуетъ на обшивку судовъ, потому что нечистыя воды, стекающія изъ очистительныхъ заводовъ, уносятъ съ собою и кислоты. На заводѣ вóды эти нѣсколько разъ на всемъ пути задерживаются въ особыхъ «западняхъ», т.-е. ямахъ, раздѣленныхъ щитами, въ которыхъ отстаивается жиръ; но все-таки этою мѣрою не удается удержать на мѣстѣ всѣхъ нефтяныхъ остатковъ, и они продолжаютъ заражать собою море.

Осмотръ свой мы окончили посѣщеніемъ «виллы Петролеи»,—мѣстопребыванія всѣхъ главныхъ распорядителей и дѣятелей Нобелевскихъ заводовъ. Вилла расположена на самомъ берегу моря, въ полутора верстахъ отъ завода. Песчаный гребень отдѣляетъ отъ остальной равнины приморскій склонъ, въ которомъ пріютилась эта хорошенькая дача. Черный дымъ и удушливый запахъ безчисленныхъ заводскихъ трубъ не дости-

гаютъ сюда. Утомленный труженикъ здѣсь можетъ полною грудью вдохнуть въ свои легкія бодрящій воздухъ моря и отдохнуть взоромъ на умирающихъ горизонтахъ голубой дали.

Нѣсколько очень красивыхъ и помѣстительныхъ зданій построено въ виллѣ.

Въ одномъ изъ нихъ клубъ для служащихъ съ библіотекою и бильярдною, съ очень обширною танцовальною залою. Клубъ этотъ посѣщается множествомъ посторонней публики, кромѣ служащихъ на заводѣ, такъ что заводскія линейки и заводскій паровой катеръ въ извѣстные дни постоянно заняты привозомъ и отвозомъ гостей. Впрочемъ, съ Бакинскаго вокзала ходитъ паровая конка до самой конторы Нобеля, а отъ вокзала до города—простая конка.

Въ другомъ зданіи устроенъ прекрасный Kegelbahn, съ буфетомъ и пивною. Всѣ объявленія и правила кегельной игры писаны по-шведски, потому что громадное большинство играющихъ въ кегли шведы. На содержаніе кегельбана собирается одними штрафами до 1.000 руб. въ годъ.

Два самыхъ большихъ дома-виллы, своего рода дворцы, построены въ итальянскомъ стилѣ, изъ тесаного камня, съ живописными галлереями, заняты квартирами служащихъ. Мы заходили въ нѣкоторыя изъ нихъ, знакомясь на нѣсколько минутъ съ ихъ любезными хозяевами. Тутъ все почти шведы, и поэтому вездѣ шведскій порядокъ и чистота. Кухни сверкаютъ своею посудою, будто магазинъ мѣдныхъ вещей. Помѣщенія у всѣхъ удобныя и просторныя. Насъ вездѣ настойчиво угощали ликерами, кофе, коньякомъ. Главный директоръ заводовъ живетъ тоже на «виллѣ Петролеи». Его домъ—настоящая дача, окруженная цвѣтниками и виноградными галлереями; большой виноградникъ недавно разбитъ передъ домомъ. Рядомъ разводится и садъ. Здѣшняя почва и климатъ убійственны для садоводства, такъ что, несмотря на большія затраты, несмотря на ежедневную поливку деревьевъ водою, привозимою изъ Астрахани, результаты трудовъ еще далеко не блестящи. Теперь

сюда проведенъ водопроводъ, и можно надѣяться, что съ помощью его этотъ прелестный уголокъ обратится изъ теперешней «керосиновой виллы» villa petrolea,—въ настоящую зеленую и цвѣточную виллу, которая станетъ украшеніемъ морского берега.

Послѣ долгихъ рысканій нашихъ по всѣмъ закоулкамъ заводовъ, было необыкновенно отрадно отдохнуть въ тѣнистыхъ и комфортабельныхъ комнатахъ гостепріимныхъ хозяевъ завода.

Л. Ф. Рихтеръ познакомилъ насъ съ своею женою и за сытнымъ завтракомъ, согрѣтымъ не однимъ стаканомъ отличнаго мѣстнаго вина, сообщилъ намъ многое, что̀ интересовало насъ въ этомъ совсѣмъ для насъ новомъ дѣлѣ. Л. Ф., хотя носитъ нѣмецкую фамилію, но представляетъ собою чистѣйшій типъ русскаго человѣка, и по наружности, и по характеру. По образованію своему онъ морякъ и прежде завѣдывалъ пароходствомъ Нобеля; но потомъ взялся за нефтяное дѣло, былъ управляющимъ Шибаевскаго завода, а теперь управляетъ самымъ обширнымъ нефтянымъ предпріятіемъ во всемъ Кавказѣ. Родной братъ его управляетъ какимъ-то англійскимъ заводомъ въ Ливерпулѣ. Кажется, только одинъ русскій человѣкъ способенъ на такую разнородную дѣятельность безъ спеціальной подготовки къ ней.

Между прочимъ мы разговорились о пресловутомъ появленіи Ротшильда на россійскомъ нефтяномъ горизонтѣ.

— Намъ Ротшильдъ ничѣмъ и нисколько не мѣшаетъ,—спокойно отвѣтилъ мнѣ Л. Ф. И я думаю, что никому онъ не могъ принести вреда. Не онъ, такъ другой капиталистъ занялся бы этимъ дѣломъ. Ослабѣвшія фирмы безъ него все равно пали бы, а онъ имъ все-таки помогъ продержаться и можетъ быть поправиться. Конечно, онъ помогъ имъ не безъ собственной выгоды, какъ помогаютъ всякій банкъ и всякій торговецъ. Здѣсь дѣла найдется для всѣхъ, и конкуренціи бояться нечего. Это только газеты сдѣлали почему-то изъ Ротшильда какое-то пугало.

Совершенно тотъ же взглядъ на появленіе здѣсь Ротшильда

слышалъ я ранѣе отъ В. Н. Рогге, имѣющаго, конечно, въ своемъ распоряженіи самыя убѣдительныя данныя для безпристрастнаго сужденія объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ мнѣ, что и первое появленіе Нобеля въ Баку было встрѣчено такими же опасеніями и недовѣріемъ, какъ теперь Ротшильда. И однако Нобель оказался благодѣтельною силою въ исторіи нефтяного дѣла, могуче двинувъ его впередъ, развивъ его до совершенства и помогши черезъ это нажиться многимъ предпріимчивымъ людямъ, хотя, конечно, онъ работалъ въ своихъ интересахъ и самъ наживалъ милліоны. Если бы не Нобели, не Ротшильды и имъ подобные просвѣщенные капиталисты, нефтяное дѣло въ Баку, по мнѣнію почтеннаго администратора края, спало бы до сихъ поръ прежнимъ сномъ; у мелкихъ промышленниковъ не хватило бы ни средствъ, ни умѣнія организовать его на широкихъ началахъ. Лучшимъ доказательствомъ, что тревога, забитая газетами по поводу Ротшильда, была вызвана искусственно, г. Рогге приводитъ то обстоятельство, что Ротшильдъ недавно предложилъ, не дожидая окончанія контрактовъ, выйти изъ своего союза всѣмъ нежелающимъ. И что же? Такихъ нежелающихъ нашлось всего не болѣе 5. Скоро кончится пятилѣтіе, на которое заключенъ Ротшильдомъ контрактъ съ нефтепромышленниками, и онъ ничуть не торопится возобновить его. Хотя многіе стали теперь на ноги съ его помощью и, по всей вѣроятности, захотятъ освободиться отъ обязательствъ своихъ передъ нимъ. Даже очень крупные нефтепромышленники воспользовались возможностью кредита у Ротшильда, какъ у всякаго другого банка, напр., Тагіевъ, бывшій не очень давно простымъ носильщикомъ-татариномъ, а теперь чуть ли не богатѣйшій изъ бакинскихъ купцовъ, владѣлецъ конки, театра, множества домовъ, заводовъ, пароходовъ и многихъ десятинъ нефти. Онъ тоже взялъ у Ротшильда 200.000 руб. и уже, конечно, не съ цѣлью поступить къ нему въ экономическое рабство. Точно также взяло у Ротшильда 150.000 Каспійское товарищество и др. Не бралъ у Ротшильда денегъ чуть ли не одинъ только

Нобель, да еще, пожалуй, Шибаевъ,—этотъ русскій мужичекъ-самоучка, ведущій свои заводы исключительно на собственныя денежки и достигшій въ нефтяномъ дѣлѣ большихъ результатовъ. Масла его считаются здѣсь самыми лучшими изо всѣхъ. Очистка ихъ доведена до такого совершенства, что нѣкоторые сорта его не имѣютъ ни малѣйшаго цвѣта и запаха и нерѣдко замѣняютъ прованское масло въ маринадахъ сельдей и прочихъ консервахъ. Государь Императоръ въ недавній пріѣздъ свой на Кавказъ посѣтилъ кромѣ заводовъ Нобеля и оригинальный заводъ Шибаева, какъ представителя здѣсь русской промышленной силы. Заводы Шибаева точно такъ же, какъ и Ротшильда,—то-есть, основаннаго имъ Каспійско-Черноморскаго товарищества,—находятся по сосѣдству съ Нобелевскими, но уже въ Бѣломъ городкѣ, версты $1^1/_2$ дальше по берегу моря. Берегъ этотъ—начало Апшеронскаго полуострова, этого главнаго очага нашихъ нефтяныхъ источниковъ. Апшеронскій полуостровъ тянется на 65 верстъ по морю и на 20 верстъ въ глубь материка.

Сабунчи, Балаханы, Сураханы и другія мѣстности съ нефтяными ключами—всѣ въ его предѣлахъ.

Теперь нефтяное производство Апшеронскаго полуострова достигло, по истинѣ, громадныхъ размѣровъ. Въ 1890 году, по оффиціальнымъ отчетамъ Закавказскаго акцизнаго вѣдомства, добыто всего нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ—239 милліоновъ пудовъ, т.-е. почти то же количество, что во всей Пенсильваніи (258 милліоновъ пудовъ).

А въ 1877 году, по словамъ профессора Менделѣева, количество не только бакинской, но и всей нашей нефти вообще было *въ 15 разъ менѣе* американской.

Вѣроятно, въ прошломъ 1891 году добыча Апшеронскаго полуострова уже сравнилась съ пенсильванскою, такъ какъ она растетъ съ каждымъ годомъ въ прогрессіи, несравненно болѣе быстрой, чѣмъ въ Пенсильваніи. Еще въ 1877 году вся добыча Апшеронскаго полуострова не превосходила 12 милліоновъ пудовъ, между тѣмъ какъ въ Пенсильваніи она уже и

тогда равнялась 116½ милліонамъ. Точно съ такою же изумительною быстротою растетъ у насъ и количество буровыхъ скважинъ.

Въ 1877 году, когда профессоръ Менделѣевъ издавалъ свою извѣстную книгу *„О нефтяной промышленности“*, въ Баку и на Кубани вмѣстѣ считалось не болѣе 30—40 буровыхъ скважинъ. Еще въ 1885 г. ихъ было всего 194, а въ 1890 г. уже 360! Еще 4 года тому назадъ, въ 1888 году, на буреніе скважинъ затрачивалось только 850.000 руб. и пробуравлено было только 5.000 сажень, а въ 1890 году цифра эта поднялась уже до 2½ милліоновъ рублей, а количество буравленныхъ сажень почти до 15.000 [1]). Въ 1891 году прибавилось много новыхъ скважинъ, и изъ нихъ нѣкоторыя поразительной силы. Кромѣ извѣстнаго фонтана, который я посѣтилъ, и о которомъ я говорилъ выше, въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, на промыслахъ Тагіева, по словамъ газетъ, открылся фонтанъ небывалаго еще обилія,—выбрасывающій струею въ аршинъ толщины не менѣе 500.000 пудовъ въ сутки. Вообще же средняя годовая производительность буровыхъ скважинъ Апшеронскаго полуострова 664.000 пудовъ, хотя многія скважины даютъ болѣе милліона пудовъ въ годъ (такихъ теперь 32), а нѣкоторыя даже болѣе 2 милліоновъ (такихъ 18).

Изъ всей массы добываемой на Апшеронскомъ полуостровѣ нефти керосину приготовляется около 67½ милліоновъ пудовъ и смазочныхъ маслъ свыше 4½ милліоновъ (въ 1890 г.), а большая часть нефти эксплоатируется въ видѣ нефтяныхъ остатковъ для топлива (свыше 97 милліоновъ пудовъ). Сбываются всѣ эти продукты гораздо болѣе по Каспійскому морю (около 119 милліоновъ пудовъ), чѣмъ по желѣзной дорогѣ (свыше 57 милліоновъ пудовъ), изъ чего можно заключить, что Россія является все-таки болѣе крупнымъ потребителемъ Бакинскихъ нефтя-

[1]) Средняя цѣна буренія 1 сажени на Апшеронскомъ полуостровѣ считается 170 руб. сер., средняя глубина скважинъ въ 1889 году была 95 саж. (ранѣе же, въ 1885 г.—только 60 саж.).

ныхъ продуктовъ, чѣмъ Европа и другія чужеземныя страны, такъ какъ огромное большинство этихъ продуктовъ, принимаемыхъ желѣзною дорогою, идетъ въ Батумскій портъ и оттуда развозится въ разныя государства Европы.

Такъ, напр., Батумскій портъ отпустилъ въ 1890 году свыше 37 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ. Замѣчательно, что Каспійскимъ моремъ, т.-е. въ Россію, направляется сравнительно мало керосина и смазочныхъ маслъ ($23^1/_2$ милліона пудовъ) и много нефтяныхъ остатковъ (около 89 милліоновъ пудовъ), по Закавказской желѣзной дорогѣ, т.-е. черезъ Батумъ за границу, главнымъ образомъ идетъ именно керосинъ и смазочныя масла (свыше 48 милліоновъ изъ 57), а нефтяныхъ остатковъ сравнительно очень мало (немного болѣе 8 милліоновъ пудовъ). Это обстоятельство находится, вѣроятно, въ зависимости отъ дешевизны топлива, именно каменнаго угля за границею, и дороговизны освѣтительныхъ и вообще маслянистыхъ матеріаловъ, которые въ Россіи сравнительно гораздо дешевле и при томъ же, при скромности русскаго простонароднаго быта, требуются у насъ не въ такомъ огромномъ количествѣ.

Вообще же нашъ Бакинскій нефтяной районъ еще далеко не одолѣлъ Пенсильванію на международномъ рынкѣ. При равной почти производительности, Америка вывезла въ 1890 году 148 милліоновъ пудовъ нефтяныхъ продуктовъ, между тѣмъ какъ мы изъ Баку и Батума вывезли въ томъ же году только $37^1/_2$ милліоновъ пудовъ!

Говоря о русской нефтепромышленности, нельзя не вспомнить о тѣхъ услугахъ, какія оказалъ ей нашъ извѣстный ученый, а главное, умный химикъ — профессоръ Менделѣевъ. Хотя здѣсь, въ Баку, далеко не всѣми признаются его заслуги, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что его статьи, рѣчи и книги внесли много свѣта въ эту важнѣйшую отрасль нашей промышленности. Онъ очень рано началъ проповѣдовать необходимость разумныхъ пріемовъ въ дѣлѣ добыванія и обработки нефти. Онъ еще въ 1863 году совѣтовалъ Кокореву и другимъ основателямъ первыхъ Бакин-

скихъ заводовъ — перекачивать нефть по трубамъ вмѣсто перевозки ея бурдюками и бочками; онъ своимъ авторитетнымъ голосомъ много содѣйствовалъ уничтоженію откуповъ на добычу нефти, онъ многихъ ознакомилъ съ американскими усовершенствованными способами добычи и обработки нефти и настойчиво занимался химическими работами надъ нею.

Правда, менделѣевская теорія происхожденія нефти черезъ окисленіе просачивающеюся водою углеродистаго желѣза земной внутренности не болѣе, какъ гипотеза, и другіе ученые авторитеты не соглашаются допустить постояннаго образованія нефти внутри земли, не считаютъ ея запасовъ неизсякаемыми, а предполагаютъ, напротивъ, что это есть сбереженіе, накопленное тысячелѣтіями, которое нужно поэтому расходовать осмотрительно. Правда и то, что опытъ не оправдалъ нѣкоторыхъ предсказаній Менделѣева: онъ утверждалъ, напр., что устройство заводовъ, обрабатывающихъ нефть, должно быть далеко отъ мѣста ея добычи, въ мѣстахъ болѣе торговыхъ, болѣе богатыхъ топливомъ и рабочими силами, что невозможно браться одному и тому же предпринимателю за добычу и за обработку нефти, за перевозку ея и за торговлю ею. Жизнь показала, что заводы въ Баку могутъ работать съ большою выгодою, что Нобель, Тагіевъ или Шибаевъ въ одно и то же время отлично могутъ быть и владѣльцами буровыхъ скважинъ, и хозяевами очень сложныхъ и усовершенствованныхъ заводовъ для обработки нефти, и перевозчиками ея въ своихъ пароходахъ и вагонахъ, и торговцами ею въ своихъ громадныхъ складахъ въ Царицынѣ, Батумѣ и другихъ мѣстахъ.

Но все-таки въ общемъ профессоръ Менделѣевъ сильно посодѣйствовалъ распространенію среди узкихъ коммерческихъ взглядовъ на эксплоатацію этого великаго природнаго богатства Закавказья того убѣжденія, что «безъ свѣточа науки», какъ удачно выразился онъ въ своей книгѣ, «и съ нефтью будутъ потёмки!»

То, что сдѣлалъ Нобель для практики дѣла, то самое сдѣлалъ

Менделѣевъ для его теоретической разработки. Только просвѣщенными, настойчивыми трудами такихъ избранныхъ умовъ недавно еще ничтожное дѣло, не обращавшее на себя ничьего вниманія, разраслось въ ту колоссальную государственную промышленность, которая стала теперь могучимъ факторомъ не только русской, но и международной экономической жизни.

Нефть въ сущности добывалась въ Баку съ незапамятныхъ временъ, точно такъ же, какъ и въ Индіи (въ Рангунѣ), гдѣ, очевидно, и зародился культъ огня, перенесенный потомъ въ страны прикавказскія.

Вездѣ у полуварварскихъ народовъ, въ Сѣверной Америкѣ (Пенсильваніи), Индіи, Закавказьи—горѣніе загадочнаго масла, выливающагося изъ земли, и газовъ, изъ нея выходящихъ, составляло прежде всего одинъ изъ таинственныхъ священныхъ обрядовъ. Обломки этихъ обрядовъ уцѣлѣли до нашихъ дней въ религіи огнепоклонниковъ гебровъ, опустѣлый храмъ которыхъ возвышается своими башнями-трубами въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Балаханами, въ Сураханахъ. Теперь, къ сожалѣнію, послѣдніе огнепоклонники-персы разсѣялись куда-то, и уже мы не могли посѣтить въ Сураханахъ ихъ оригинальнаго служенія, унаслѣдованнаго отъ ветхозавѣтной древности, отъ вѣковъ Зороастра. Къ пріѣзду въ Баку Государя Императора выписали было откуда-то, чуть ли не изъ Авганистана, нѣсколькихъ жрецовъ-огнепоклонниковъ; но посѣтившій ихъ моленья незадолго до Государя—персидскій принцъ убѣдился, что это были вовсе не персы-огнепоклонники, а какіе-то плутоватые авганскіе цыгане, совершенно чуждые культу Зороастра, такъ что ихъ не рѣшились показать Государю, а отправили домой.

Въ настоящее время горючій газъ выдѣляется только изъ одной трубы храма, но и его нужно приготовить и зажечь заранѣе по заказу. Вблизи храма, на такого же рода подземныхъ огняхъ работаетъ древнѣйшій изъ нефтяныхъ заводовъ Баку—Кокоревскій, да еще другой заводъ на томъ же даровомъ отопленіи обжигаетъ известь.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что пресловутый греческій огонь, не гаснувшій въ водѣ, приводившій въ такой ужасъ нашихъ смѣльчаковъ-предковъ, громившихъ на ладьяхъ своихъ стѣны Византіи, былъ не что иное, какъ зажженная нефть, выбрасываемая на далекое разстояніе особенными орудіями. И по всѣмъ вѣроятіямъ нефть эта была именно бакинская.

Персы давно употребляли бакинскую нефть для освѣщенія домовъ, наливая ее въ особенныя лампочки. По завоеваніи Баку въ 1804 году, мы получили отъ нихъ нѣсколько сотъ очень неглубокихъ ямъ, гдѣ они совершенно просто черпали нефть кувшинами и наливали ее, какъ масло и вино, въ бурдюки. Долгое время и мы, русскіе, пользовались этими первобытными нефтяными колодцами съ тою же персидскою первобытною наивностью.

Нефть то сдавалась у насъ на откупъ, то завѣдывалась казною. Въ 1825 году казенное управленіе выручало за всю добываемую нефть всего только 76.000 рублей; откупъ давалъ немного больше, до 130—140 тысячъ рублей. Въ 1849 году добывалось нефти не въ одномъ только Баку, а на всемъ Закавказьи—216.000 пудовъ, т.-е. незначительную долю того, что́ теперь даетъ одна порядочная буровая скважина, и притомъ тогдашняя нефть была чрезвычайно бѣдна освѣтительными маслами; керосина въ ней заключалось не болѣе 20, 30 и 35%, между тѣмъ какъ теперешняя нефть даетъ ни въ какомъ случаѣ не менѣе 60 и 70%. Это происходило оттого, что тогда нефть получалась изъ неглубокихъ колодцевъ, а чѣмъ глубже колодезь, тѣмъ чище, легче и горючѣе нефть. Достоинство пенсильванской нефти, именно, ея сравнительное богатство освѣтительными маслами, зависитъ прямо отъ того, что въ Пенсильваніи буровыя скважины идутъ гораздо глубже бакинскихъ, до такъ называемаго 3-го и 4-го песка.

Первый заводъ въ Баку для обработки нефти въ фотогенъ устроилъ, въ концѣ 50-хъ годовъ, нашъ замѣчательно умный и предпріимчивый мужикъ-самоучка, превратившійся потомъ въ милліонера, В. А. Кокоревъ, бывшій тогда откупщикомъ. Но

нефти было слишкомъ мало, чтобы стоило очень много затрачивать на расширеніе и усовершенствованіе производства. Тогда другой нашъ предпріимчивый дѣятель эпохи освобожденія, Новосельскій, сталъ разрабатывать нефть на Кубани и пробуравилъ свой первый въ Россіи нефтяной фонтанъ, давшій въ первое время всѣхъ поразившее количество нефти. По его примѣру стали разрабатывать нефть въ разныхъ мѣстахъ, Кавказа, близъ Тифлиса, на Тамани, около Керчи, за Кубанью, на Терекѣ и даже на островахъ Каспійскаго моря, Телекенѣ и Святомъ островѣ. Армянинъ Мирзоевъ, главнѣйшій изъ нефтяныхъ откупщиковъ Апшеронскаго полуострова, пробуравилъ первый нефтяной фонтанъ въ окрестностяхъ Баку.

Такимъ образомъ, первыми основателями теперешней нашей широко разросшейся нефтяной промышленности по всѣмъ правамъ слѣдуетъ признать Кокорева, Новосельскаго и Мирзоева. Новосельскій былъ, такъ сказать, русскимъ капитаномъ Дрэкомъ,—который въ 1858 году пробуравилъ первый нефтяной колодезь въ Пенсильваніи.

Но откупъ на нефть все-таки продолжалъ существовать до 1872 года и лежалъ свинцовою доскою на судьбѣ этой промышленности, не давая ей свободнаго роста.

Въ 1872 году, всего 20 лѣтъ тому назадъ, казна получала отъ откупщика только 136.000 рублей, и всей нефти вырабатывалось отъ 1 до $1^1/_2$ милліона пудовъ вмѣсто теперешнихъ 250 милліоновъ. Колодцы и нефтяная территорія были проданы съ аукціона и дали казнѣ выручки 3 милліона рублей. Главными покупщиками опять-таки оказались Кокоревъ и Мирзоевъ. Сразу возникло до ста заводовъ для перегонки нефти. Чтобы не заражать городъ гарью и удушливыми газами—заводы разрѣшено было ставить только за его предѣлами; такимъ образомъ возникъ теперешній Черный, а за нимъ и Бѣлый городокъ. Но нефтяная горячка скоро привела къ тому, чего и слѣдовало ожидать. Большая часть заводовъ одни за однимъ полопались и закрылись, и послѣ 1875 года на сценѣ остались только немно-

гіе, дѣйствительно прочные, не болѣе 15, пока, наконецъ, промышленники не освоились болѣе основательно съ своимъ дѣломъ, и бакинская нефтепромышленность не стала развиваться болѣе послѣдовательно и правильно до своего настоящаго блестящаго положенія. Хотя и теперь ее еще очень гнететъ безразсчетливая конкуренція предпринимателей и слишкомъ высокій провозный тарифъ, доходящій до 19 коп. съ пуда керосина отъ Баку до Батума, вслѣдствіе чего цѣна керосина на мѣстѣ доходитъ до невозможной цифры 8 коп. за пудъ, а цѣна нефти до $2^1/_2$ коп. (вмѣсто недавнихъ 10-ти), но все это нужно считать явленіемъ временнымъ и устранимымъ.

Сущности же дѣла ничто уже измѣнить и заслонить не можетъ: нефть стала для насъ теперь однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ народной промышленности, однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода. Недаромъ Сѣверная Америка хвалится, что всю свою междоусобную войну съ южными штатами, стоившую ей громадныхъ расходовъ, она сдѣлала на счетъ своей нефти. Недаромъ Сѣверная Америка вычислила, что добываемая ею нефть далеко превосходитъ своею цѣнностью цѣнность добываемаго въ ней серебра, точно такъ же, какъ цѣнность ея каменнаго угля превосходитъ цѣнность добываемаго золота.

Такую же великую роль въ экономическихъ судьбахъ нашего отечества уже начала играть и несомнѣнно сыграетъ въ будущемъ и наша бакинская нефть. Благодаря ей, мы теперь, говоря словами профессора Менделѣева, «знаемъ уже, гдѣ въ Колхидѣ спрятана добрая часть золотого руна».

Часть II.

ВЪ ТУРКМЕНІИ.

I.

На Каспіи.

Мы должны были отплыть въ Узунъ-Ада на почтовомъ пароходѣ общества Кавказъ и Меркурій *Князь Барятинскій*. Пароходъ отходилъ въ 7 часовъ вечера, и мы, съ помощью носильщиковъ Персовъ и извозчиковъ Татаръ, перекочевали на пароходъ еще совсѣмъ засвѣтло.

Пристань общества Кавказъ и Меркурій — самая обширная изо всѣхъ пристаней Баку; пароходы подходятъ къ ней вплотную, такъ что избѣгается всегда непріятный переѣздъ по морю на яликахъ. Вообще это общество стоитъ безспорно въ главѣ Каспійскаго и Волжскаго пароходства по числу и удобству своихъ пароходовъ, по точности своихъ рейсовъ. Правительство заключило контрактъ съ этимъ обществомъ на содержаніе почтоваго сообщенія по всѣмъ линіямъ Каспійскаго моря и Волги, такъ что общество это является своего рода привилегированнымъ и, такъ сказать, полуоффиціальнымъ.

Мы съ женой стояли на палубѣ и любовались незамѣтно отодвигавшимся отъ насъ городомъ. Южная ночь падала непри-

вычно быстро для сѣвернаго глаза, и весь берегъ начиналъ мигать, будто роями свѣтящихся мошекъ, безчисленными огоньками. Особенно густо переливали эти огни въ поясѣ заводовъ, тѣсною толпой охватившихъ берегъ справа, и цѣликомъ отражавшихся вмѣстѣ со всѣми этими миріадами трепещущихъ огоньковъ въ темныхъ омутахъ моря. «Черный Городокъ» превратился въ настоящій огненный городъ. Съ пристани Нобелевскаго завода долго впивалась въ насъ, будто глазъ циклопа, преслѣдующій бѣглецовъ, яркая звѣзда электрическаго фонаря, то нервно вспыхивавшая лихорадочнымъ синевато-бѣлымъ свѣтомъ, то вдругъ хмурившаяся чуть не до слѣпоты...

Красноватый огонь маяка, зажженный высоко на Дѣвичьей Башнѣ, казался, сравнительно съ этимъ безплотнымъ свѣтомъ, какимъ-то тусклымъ масляным ночникомъ. Все короче собираются въ кучу огни берега, все виднѣе и шире выступаютъ темныя очертанія Апшеронскаго полуострова на сѣверѣ и гористые мысы на югѣ отъ исчезающаго города.

Мы покидаемъ этотъ глубоко азіатскій берегъ Кавказа, издревле залитый волной Персидскаго населенія и магометанской цивилизаціи, такъ рѣзко непохожій своими безжизненными желтыми холмами на цвѣтущіе природные сады Сухумскаго и Батумскаго побережья Кавказа, всегда широко открытого народамъ Европы, стариннаго обиталища Эллина, Римлянина, Итальянца...

Мы покидаемъ Баку, этотъ недавно еще пустынный городишко на пустынныхъ берегахъ пустыннаго моря, одиноко хранившій въ себѣ съ сѣдой древности мрачный культъ подземнаго огня...

Еще въ молодости моей Баку только и знали по его оригинальному храму огнепоклонниковъ...

Теперь этотъ храмъ покинутъ, и жрецы его разсѣялись по лицу земному. Теперь онъ не нуженъ больше и больше не интересенъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ значилъ бы этотъ жалкій крошечный храмикъ съ его пятью, шестью дырочками земными теперь, когда весь городъ Баку, вся его многоверстная окрестность, и даже тѣ города, которые имѣютъ дѣло съ нимъ, и Батумъ, и Астрахань, и Царицынъ,—все обратилось въ одинъ громадный храмъ подземнаго огня, а тысячи жителей ихъ въ страстныхъ огнепоклонниковъ, фанатическихъ жрецовъ огненнаго культа, живущихъ этимъ даровымъ священнымъ пламенемъ, черпающихъ въ этихъ безчисленныхъ отверстіяхъ земныхъ свое счастіе и силу... Это уже не тѣ наивные и не практическіе жрецы, что̀ двигались здѣсь когда-то, полуголые, изсохшіе, какъ скелеты, безплодно оберегая безплодныя сокровища Плутона, а ловкіе житейскіе мудрецы, съумѣвшіе разрѣшить нѣкогда неразрѣшимую задачу алхимиковъ и превратившіе огонь въ золото...

Такимъ смѣлымъ наслѣдникамъ поневолѣ уступили свое мѣсто скромные ветхозавѣтные жрецы огня...

Вотъ мы прошли островъ Наргинъ съ вращающимися огнями маяка, прошли еще нѣсколько островов и очутились уже совсѣмъ въ открытомъ морѣ. Берега Кавказа только чуятся въ туманахъ ночи, среди которыхъ не перестаетъ глядѣть на насъ далекій глазъ Апшеронскаго маяка.

Публика не уходитъ съ палубы. Ночь тихая и ясная, море хотя и несется на встрѣчу суровою необхватною рябью, но не тряхнетъ, не качнетъ парохода. Мѣсяцъ красиво серебритъ всю эту широко движущуюся, искрящуюся тьмой и свѣтомъ, черно-синюю чешую чудовища-моря.

Насъ всѣхъ развлекаютъ теперь встрѣчи пароходовъ и кораблей. Вотъ впереди, какъ разъ у носа, сверкнулъ вдали огонекъ; звонки, вахта бросается къ своимъ мѣстамъ, раздается команда капитана держать румбъ направо, налѣво, и не успѣешь оглянуться, какъ черный колоссъ, скрипя мачтами, пыхтя черными трубами, обвѣшанный красными и бѣлыми фонарями, проно-

сится мимо, рѣзко вырисовываясь силуэтами своихъ снастей на освѣщенномъ небѣ.

А то вдругъ затемнѣетъ вдали, среди пустыни водъ, громоздкій, какъ башня, весь до макушки унизанный парусами, идущій по вѣтру корабль... И всѣ ждутъ его, всѣ провожаютъ его глазами, пока онъ не затушуется тѣнями ночи, и стараются угадать, откуда онъ, и чей, и зачѣмъ идетъ.

И всѣхъ изумляетъ эта непостижимая точность, съ которою моряки направляютъ свои суда среди безбрежнаго движущагося моря по одной и той же линіи, словно по большой дорогѣ, окопанной рвами и обсаженной деревьями.

А луна между тѣмъ поднимается все выше и разгорается все ярче. Мы теперь прямо бѣжимъ на нее. Туманы моря и туманы неба слились впереди, подъ самою грудью парохода, въ одну серебристую бездну, пропитанную лучами мѣсяца, — и на этомъ фантастическомъ фонѣ вырѣзаются черные силуэты трубъ парохода и обвѣшанныхъ реями мачтъ...

Чудится будто могучій пароходъ неудержимо стремится въ какую-то сотканную изъ свѣта сказочную пустоту...

Утро такое же чудное, какъ и ночь. Съ высоты своей рубки я оглядываю публику 3-го класса, уютно размѣстившуюся на палубѣ. Тутъ «такая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!» Интереснѣе всѣхъ для меня персы. Вотъ одинъ какого-то темно-желтаго, какъ имбирь, цвѣта, съ бородкой тщательно раскрашенною, тщательно подрѣзанною кругло, какъ тарелка, полулежитъ на многомъ множествѣ опрятныхъ подушекъ, тюфячковъ, одѣялъ и ковриковъ, какъ всегда любятъ покояться персы и турки даже во время своихъ переѣздовъ. Предъ нимъ сидятъ кружкомъ 5 или 6 его женъ съ лицами, затянутыми наглухо бѣлымъ полотномъ, и среди нихъ хорошенькій глазатый юноша лѣтъ 14—15. Старый персъ недовольно хмурится на мои пристально устремленные взоры и поминутно ревниво оглядывается на свой походный сераль.

Но и у насъ въ каютъ-кампаніи не безъ оригинальныхъ спутниковъ. Мы знакомимся за утреннимъ кофе съ очень скромнымъ и любезнымъ американцемъ изъ Чикаго—мистеромъ Крэномъ, членомъ Русскаго Географическаго Общества, уже совершившимъ три путешествія по Россіи и имѣющимъ рекомендательное письмо въ Асхабадъ къ генералу Куропаткину отъ нашего извѣстнаго географа П. П. Семенова, вице-президента Географическаго Общества. Это нашъ будущій спутникъ, потому что ему нужно проѣхать почти во всѣ мѣста, куда собираемся мы. Американца сопровождаетъ толмачъ довольно необычнаго типа: Грузинъ въ черкескѣ съ патронами, въ кинжалахъ и насѣчкахъ. Онъ говоритъ по-татарски, по-грузински, по-французски, по-русски и, кажется, еще по-армянски. Рядомъ съ американцемъ сидитъ за нашимъ столомъ самый доморощенный россейскій субъектъ, составляющій презабавную художественную противоположность сосредоточенному янки. Это старичокъ чиновникъ, весь уже сморщенный въ фигу, страдающій въ Узунъ-Ада въ роли какого-то начальства, и по свойству нашего брата русскаго изливающій всѣ свои мнимыя и истинныя скорби всѣмъ, кому это интересно и не интересно слушать. Въ то время, какъ юный потомокъ Вашингтона кажется преисполненнымъ безмолвно-непоколебимой вѣры въ себя и не смущается ничѣмъ ему предстоящимъ въ невѣдомыхъ странахъ, этотъ нервный сынъ Руси все время причитываетъ, какъ ворчливая старуха, и на все кругомъ въ настоящемъ и будущемъ смотритъ съ абсолютною безнадежностью. Нигдѣ тутъ нельзя жить, ничего тутъ не можетъ выйти ни изъ чего, все дѣлается не такъ, всѣ ни къ чему негодны. И во всемъ, конечно, виновата казна. Казна не отпускаетъ того, не устраиваетъ этого. Казна—нянька, безъ которой шага не можетъ сдѣлать этотъ бородатый, сѣдой ребенокъ, которая за него живетъ и думаетъ, и на которую онъ, понятно, долженъ постоянно ворчать и сердиться...

Съ людьми видишься довольно часто, чаще чѣмъ хочешь, а

съ моремъ слишкомъ рѣдко. Поэтому я все больше уходилъ отъ людей къ морю, и забравшись куда-нибудь повыше, старался подольше оставаться наединѣ съ нимъ... Море—это что-то такое огромное, живое, сильное, что отъ него не оторвешься, съ нимъ не наскучитъ цѣлыми часами. А Каспійское море мнѣ хотѣлось видѣть особенно давно. Въ немъ есть оригинальность, дѣлающая его исключеніемъ изъ всѣхъ морей. Во всякомъ случаѣ, это море вовсе не шуточное, вовсе не озеро. На немъ точно такъ же ѣдете цѣлыми днями, не видя береговъ, на немъ такія же бури, поглощающія корабли, на немъ вся красота и весь ужасъ неохватной водной бездны. Но Каспійское море мнѣ было дорого еще, какъ русскому, какъ любителю поэтической русской старины. Я не сомнѣваюсь, что эта громадная чаша водъ еще въ доисторическія времена служила русскому человѣку школой его мореплаванія, его торговли, его набѣговъ. Родившаяся на односторонней почвѣ византійскихъ хроникъ и воспитанная односторонне-тенденціозными взглядами нѣмецкой исторической науки, русская исторія только въ послѣднее время начинаетъ, и то еще крайне несмѣло, оглядываться безпристрастно на саму себя и черпать все болѣе и болѣе свѣдѣній о древнихъ эпохахъ русской народной жизни въ богатомъ запасѣ сочиненій арабскихъ и другихъ восточныхъ писателей, народы которыхъ имѣли съ древними руссами гораздо болѣе тѣснаго общенія, чѣмъ горделивые западные сосѣди наши.

Изъ ихъ единодушныхъ свидѣтельствъ мы давно убѣдились, что руссы были руссами за многіе вѣка до того, когда, по нѣмецкой выдумкѣ, ихъ окрестили этимъ именемъ шведскіе нѣмцы, что русская смѣлая торговля, русская беззавѣтная храбрость наполняли собою далекіе уголки Азіи, задолго до подвиговъ навязанныхъ намъ нѣмцами норманнъ, служа дѣятельными посредниками между Европой и богатствами Востока.

На древнемъ Балтійскомъ поморьѣ, гдѣ когда-то блистали своею торговлей славянскіе города Волинъ, Щетинъ, Староградъ, Любечъ, онѣмеченные потомъ германскимъ насиліемъ, недаромъ

находятъ до сихъ поръ множество арабскихъ диргемъ VIII и VII вѣковъ, притекавшихъ туда именно путемъ каспійской торговли черезъ Волгу съ ея волоками.

«Что касается до *русскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ славянамъ*», пишетъ, напримѣръ, Ибнъ Хордадбехъ въ половинѣ девятаго столѣтія, «то они изъ *отдаленнѣйшихъ странъ славянскихъ* привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго (то-есть Чернаго) моря, гдѣ они даютъ $^1/_{10}$ византійскому императору. Иногда они на корабляхъ *ходятъ по рѣкѣ славянъ* (то-есть Волгѣ) и проѣзжаютъ по заливу Хозарской столицы (Итиля), гдѣ они платятъ $^1/_{10}$ царю страны. *Оттуда отправляются они въ Каспійское море и выходятъ на берегъ, гдѣ имъ угодно. Иногда они возятъ свой товаръ на верблюдахъ до Багдада*».

Другой арабскій писатель Ибнъ Даста въ началѣ X вѣка пишетъ:

«*Всѣ изъ Руссовъ, живущихъ по обоимъ берегамъ Волги*, везутъ къ Болгарамъ товары свои, какъ-то: мѣха собольи, горностаевые, бѣличьи и др.».

Въ VIII столѣтіи не только Багдадъ, но и вся Средняя Азія ведетъ съ Волгой торговлю на звонкую монету мѣхами, и особенно черною лисицей, считавшеюся въ Азіи царскимъ мѣхомъ,— и поставщиками этихъ мѣховъ являются Руссы.

«*Руссы и еще другіе Славяне*», пишетъ въ томъ же X вѣкѣ Массуди, «*имѣли въ Итилѣ* (близъ устья Волги) *постоянныя жилища* въ одной части города, гдѣ жили купцы, и имѣли особаго судью изъ своей среды».

«*Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода*», объясняетъ онъ далѣе. «Самое многочисленное племя ихъ *Эль-Лудз'ана* (Лютичи, Лужичане), торгуютъ съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ и Хозаріей».

Арабскій географъ того же вѣка *Эль-Балхи* дополняетъ о Руси слѣдующія свѣдѣнія:

«Русь состоитъ изъ трехъ племенъ: одно ближайшее къ Бол-

гару, и царь ихъ живетъ въ столицѣ по имени *Куяба* (Кіевъ); городъ больше Болгаръ. Второе, отдаленное отъ нихъ племя, называется *Селавія* (то-есть Славія, Словене, какъ назывались Новгородцы). Третье племя называлось *Барманія* (вѣроятно, Біармія, Пермь)».

Всѣ эти отрывочныя сказанія арабовъ убѣждаютъ насъ въ одномъ, что русское славянство было извѣстно Азіятскому Востоку гораздо ранѣе, чѣмъ начинается, такъ сказать, оффиціальная исторія русскаго народа, и притомъ извѣстно лицомъ къ лицу, какъ близкіе сосѣди, постоянно торговавшіе и воевавшіе съ нимъ, что славянство это къ началу русской исторіи уже крѣпко утвердилось по берегамъ великой славянской рѣки и пользовалось Каспійскимъ моремъ, какъ обычнымъ путемъ для сношеній съ разными странами Азіи. Самое имя Волга, которое многіе стараются произвести отъ разныхъ чуждыхъ намъ корней, блистательно доказываетъ, что эта рѣка была издревле главною торговою артеріей русскаго славянства, главною «водой» его. Волга, я убѣжденъ, есть простое и всѣмъ понятное русское слово. Это «влага» въ полнозвучной формѣ своей «волога», какъ «злато», «градъ», «млеко» имѣютъ полнозвучныя формы «золото», «городъ», «молоко». Въ имени города Вологды полнозвучіе это сохранилось. Въ простомъ народѣ сохранилось до сихъ поръ и всякое другое употребленіе полнозвучной формы «вологи». Такъ, напримѣръ, въ Курской и во многихъ другихъ губерніяхъ народъ постоянно примѣняетъ глаголъ «волгнуть», «отволгнуть» въ смыслѣ напитаться влагой, отсырѣть, такъ же какъ прилагательныя и нарѣчія, производныя отъ этихъ глаголовъ: волжаный, то-есть сырой, влажный, волжано, волжанѣе; есть даже растеніе *волжанчикъ*, растущее по болотамъ и отличающееся гибкостью, вслѣдствіе обилія влаги внутри его.

Интересенъ разсказъ арабскихъ писателей о старинныхъ походахъ руссовъ въ Каспійское море. Имамъ Абдуль-Хасанъ-Али, извѣстный подъ болѣе короткимъ именемъ Ибнъ-Масуди, въ

своихъ «Золотыхъ Лучахъ» такъ передаетъ случившееся въ его время (около 912 г.) событіе это:

«Приплывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, руссы послали къ царю Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія и рѣкой Волгой спуститься въ море Хозарское, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ, обитающихъ у сего моря».

Выѣхавъ изъ Дона въ Волгу, они проѣхали ею до Итиля.

«Отъ него по теченію этой рѣки достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами въ Джилѣ (то-есть Гилянѣ), Дейлемѣ, Табаристанѣ, Абискунѣ и *Нефтяной Землѣ*, до самой области Адербайджанской.

«Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатство, производили набѣги и предавали все огню и опустошенію.

«Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи, ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцовъ и рыболововъ.

«Доходили до Нефтяного берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстной подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли».

Такимъ образомъ, въ Баку мы, русскіе, старые гости и даже старые господа. На тѣхъ самыхъ островахъ Наргинъ, Дуванкой и Буле, мимо которыхъ я только-что проплылъ, была обычная военная стоянка нашихъ храбрецовъ-предковъ, хозяйничавшихъ по Каспійскому побережью. Очевидно, что и нефть была давно уже не новостью для смѣлыхъ посѣтителей Нефтя-

ного берега. Не этими ли посѣщеніями древнихъ руссовъ слѣдуетъ себѣ объяснить странное извѣстіе Адама Бременскаго, подавшееe поводъ къ столькимъ нелѣпымъ толкованіямъ о томъ, что въ славянскомъ Волинѣ при устьѣ Одера есть какой-то греческій огонь: «ibi est olla vulcani quod incolae graecum vocant ignem». Простой привозъ русскими въ Балтику Бакинской нефти разрѣшилъ бы вполнѣ удовлетворительно всѣ ученыя гипотезы объ этомъ «Вулкановомъ горшкѣ».

Хозары коварно истребили обремененныхъ добычей русскихъ смѣльчаковъ, возвращавшихся съ Каспія въ Волгу, и трудно сомнѣваться, что послѣдовавшій скоро вслѣдъ затѣмъ розгромъ, который Святославъ нанесъ Хозарскому царству, былъ именно торжественнымъ актомъ кровавой мести за погибшихъ отцовъ и братьевъ.

Очень можетъ быть, что и второй походъ руссовъ въ Каспій, о которомъ память сохранилась въ сочиненіяхъ арабскихъ писателей X вѣка, былъ продолженіемъ того же Святославова похода.

Абульфеда въ своихъ «мусульманскихъ лѣтописяхъ» говоритъ о немъ кратко:

«Въ такомъ-то году Геджры (по нашему 943) одно изъ поколѣній руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, руссы предались убійству и грабежу и, наконецъ, прежнимъ путемъ возвратились во-свояси».

Но другой арабскій писатель того времени Ибнъ-эль-Эсиръ, уважаемый на Востокѣ наравнѣ съ Масуди, сохранилъ подробное описаніе этого пребыванія древнихъ руссовъ въ теперешнемъ Закавказьи.

«Въ 943 году», говоритъ онъ, «*снова* увидѣли руссовъ въ Хозарскомъ морѣ. Они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру и внезапно появились предъ Бердаею, столицей Аррана, отстоящею около трехъ фарсанговъ къ югу отъ сей рѣки». Сокрушивъ все, русскіе долго оставались въ забранномъ городѣ, въ знаменитомъ тогда богатствомъ и торговлей (теперь маленькая де-

ревня Берде) и всѣ усилія выбить ихъ оттуда были напрасны. Страхъ туземцевъ предъ руссами былъ такъ великъ, что войска отказывались сражаться противъ нихъ. Когда, наконецъ, среди руссовъ развилась зараза, можетъ быть, отъ излишняго употребленія южныхъ плодовъ, и они добровольно покинули городъ, унося лучшую добычу, то опять-таки никто не осмѣливался преслѣдовать ихъ, и они спокойно сѣли на свои суда».

Этотъ походъ произвелъ такое потрясающее впечатлѣніе на воображеніе жителей Каспія, что впослѣдствіи однимъ изъ уроженцевъ Ганжи (Елизаветполя), извѣстнымъ персидскимъ поэтомъ Кизами, былъ написанъ цѣлый фантастическій романъ на тему взятія Бердая, которую защищалъ противъ ужасныхъ руссовъ никто иной, конечно, какъ самъ Александръ Великій, любимый герой Востока. Поэма такъ и называется Искандеръ-Камэ. Тамъ, между прочимъ, говорится: „*браннолюбивые* руссы, явясь изъ земель грековъ и аланъ, напали на насъ ночью, *какъ градъ*“, „*возобновивъ въ странѣ нашей древнюю вражду свою*“. Изъ этого видно, что походъ руссовъ на Бердаю въ X вѣкѣ считался туземцами только повтореніемъ частыхъ прежнихъ набѣговъ.

Однако нѣмецкіе историки, и въ виду такихъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ восточныхъ современниковъ, не соглашаются признать за древними руссами самостоятельной славы смѣлыхъ воиновъ и предпріимчивыхъ торговцевъ. Никакихъ подвиговъ они не могли, разумѣется, совершать безъ руководства нѣмца, а о присутствіи нѣмца на Каспіи въ IX и X вѣкахъ арабскіе писатели, къ сожалѣнію, не говорятъ ничего.

Ergo, все это вымыселъ восточной фантазіи, перепутавшей, навѣрное, баснословные разсказы о Бердаѣ и Хозарахъ съ походомъ Игоря на Константинополь! Вы думаете, что я шучу, читатель, а нѣмецъ Эрдманъ пресерьезно учитъ насъ этому и не приказываетъ вѣрить никакимъ Массуди и Абульфедамъ, хотя бы они и были чуть не очевидцами событій.

Но, къ счастью, русскій народъ сохранялъ въ своей живой

памяти свои вѣками налаженные торговые и военные пути и настойчиво продолжалъ стремиться къ нимъ, пока необоримая сила не задвинула ему путей въ эту самую Азію. Вмѣсто потрясеннаго Святославомъ Хозарскаго и Болгарскаго царства залегла по великой славянской рѣкѣ, по древнему Хвалынскому морю, побѣдоносная татарская орда, полонившая чуть не цѣлую Азію, чуть не половину Европы. Только справившись съ нею въ смертельной двухвѣковой борьбѣ, Россія могла вновь подумать о старыхъ путяхъ по Волгѣ и Каспію, и Стенька Разинъ явился однимъ изъ первыхъ продолжателей древней русской удали нз волнахъ Каспія. Со своими ничтожными разбойничьими силами онъ долго царилъ на южномъ побережьи Хвалынскаго моря, сносился съ шахомъ персидскимъ, какъ равный съ равнымъ, воевалъ съ нимъ и мирился, громилъ его крѣпости, отнималъ у него цѣлыя области и увозилъ на родимую Волгу награбленныя персидскія сокровища.

Орлиный глазъ Петра, величайшаго хозяина Россіи, и самаго русскаго изъ русскихъ людей, несмотря на его голландскія и шведскія подражанія, не могъ, конечно, упустить изъ вида Каспія, этихъ естественныхъ воротъ къ богатствамъ Востока. Прорубя на Балтикѣ окно въ Европу, укрѣпляясь желѣзомъ и кровью при устьѣ Невы, Петръ уже рылъ каналы для соединенія Балтики съ Каспіемъ, и понималъ лучше, чѣмъ мы теперь это понимаемъ, что бѣдный народъ русскій можетъ стать богатымъ, только сдѣлавшись постояннымъ посредникомъ между торговлей Европы и богатствомъ Азіи. Еще во время безконечной Сѣверной войны, надрывавшей силы Россіи, онъ уже задался рѣшительною задачей овладѣть всѣми берегами Каспія, и ждалъ только развязки со шведами, чтобы заняться Персіей. Онъ приказывалъ своему талантливому сотруднику Артемію Волынскому, тогдашнему послу въ Персіи:

«Ѣдучи по владѣніямъ шаха персидскаго, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія, и положенія мѣстъ, и какія, гдѣ въ Каспійское море

рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море... присматривать прилежно». «Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ мѣстахъ *купечество россійскихъ подданныхъ размножить* и нельзя бы *черезъ Персію учинить купечество въ Индію?* Склонять шаха, чтобы *повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ-сырцомъ обратить проѣздомъ* (то-есть транзитомъ) въ Россійское государство, *предъявляя удобство водяного пути до самаго Петербурга* вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары *въ турецкія области на верблюдахъ*».

Въ Астрахани потихоньку изготовлялись, по повелѣнію царя и по совѣту дальновиднаго Волынскаго, морскія суда, орудія, съѣстные припасы, и, наконецъ, въ 1722 году, сейчасъ послѣ Ништадтскаго мира, Петръ поплылъ по Волгѣ въ Астрахань и, ставъ во главѣ войска, лично повелъ его на берега Кавказа. Тарки, древній Семендеръ, нѣкогда столица Хозарскаго царства, и Дербентъ, «ворота свѣта»,—открыли ему свои ворота. Шиповъ на корабляхъ занялъ Рящъ, Матюшкинъ Баку, а по договору 12 сентября 1723 года все почти побережье Каспія, кромѣ Шемахи, въ томъ числѣ теперешнія Персидскія области Гилянъ, Мазандаранъ, Астрабадъ, вмѣстѣ съ Дербентомъ и Баку, были формально уступлены Россіи.

Петръ придавалъ огромное значеніе этому пріобрѣтенію, и посолъ его Неплюевъ прямо объявилъ Портѣ Оттоманской, негодовавшей на дѣйствія Россіи: «Императоръ мой *не допуститъ къ Каспійскому морю никакой другой державы, особенно Турціи*».

Англія, всегда ревниво слѣдившая за развитіемъ русскаго могущества, уже тогда поняла великое значеніе Каспія для экономической будущности Русскаго государства, и дѣлала все возможное, чтобы побудить Турцію объявить за это войну Россіи.

«Русскій государь хочетъ *овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлей*», внушалъ Портѣ тогдашній англійскій посланникъ, «вслѣдствіе чего товары, *шедшіе прежде въ*

Европу через турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію, и тогда *Англичане и другіе Европейцы выѣдутъ изъ Турціи,* къ великому ущербу казны султановой. Поэтому Порта должна *оружіемъ остановить успѣхъ Русскихъ на Востокѣ,* и если Порта объявитъ Россіи войну, то *получитъ денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа англійскаго*".

Политика Англіи относительно Россіи 170 лѣтъ тому назадъ, какъ видно, была та же, что и теперь, и ее во всякомъ случаѣ нельзя назвать близорукою.

А взгляды Петра были еще шире, еще дальше. Онъ уже задумывалъ присоединеніе къ Россіи христіанскихъ земель Арменіи и Грузіи, которыхъ представители давно умоляли его о защитѣ противъ мусульманъ, онъ уже бросалъ свои смѣлые взоры къ Аму-Дарьѣ и Индіи.

Румянцеву, посланному имъ черезъ Кавказъ въ Стамбулъ, онъ поручалъ: «смотрѣть накрѣпко мѣстоположенія, а именно отъ Баку до Грузіи, какая дорога, сколь долго можно съ войскомъ идти, и можно ль фуражъ имѣть, и на сколько лошадей, и путь каковъ для войска. Курой рѣкой возможно-ль до Грузіи идти судами хотя малыми. Состояніе и силу Грузинцевъ и Армянъ».

Петръ слышалъ о томъ, что рѣка Аму-Дарья впадала когда то устьемъ въ Каспійское море, и его могучая воля не останавливалась даже предъ колоссальною задачей—повернуть опять въ Каспій русло великой рѣки, чтобы создать такимъ образомъ прямой путь къ предѣламъ Индіи.

Въ собственноручной инструкціи его Бековичу-Черкасскому, посланному къ хану Хивинскому, Петръ ставитъ между прочимъ слѣдующіе пункты, поражающіе своею глубокою дальновидностью и геніальною смѣлостью:

1. «Надлежитъ надъ Гаваномъ, гдѣ *было* устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на 1.000, о чемъ просилъ и посолъ Хивинскій.

2. «Ѣхать къ хану Хивинскому посломъ, а путь имѣть

подлѣ той рѣки и осмотрѣть прилежно теченіе оной рѣки, также и плотины, *ежели возможно оную воду паки обратить въ старый пасъ;* къ тому жъ прочія устья заперетъ, которыя идутъ въ Аральское море, *и сколько къ той работѣ потребно людей*.

7. «Также просить у хана Хивинскаго судовъ, и на нихъ *отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію,* наказавъ, чтобъ *изъѣхалъ ее, пока суда могутъ итти,* и оттоль ѣхалъ бы въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, *а особливо водяной къ Индіи* тѣми или другими рѣками, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ, или ежели услышитъ въ Индіи еще лучшій путь къ Каспійскому морю, то онымъ возвратиться и описать».

Сыръ-Дарья тоже останавливаетъ на себѣ его всеобъемлющее вниманіе. Сибирскій губернаторъ Гагаринъ донесъ ему, что въ Малой Бухаріи находятъ золото въ калмыцкихъ владѣніяхъ въ рѣкѣ Дарьѣ (Сыръ-Дарьѣ). Петръ пишетъ ему своеручно:

«Построить городъ у Ямышева озера, а буде можно, и выше, а построя крѣпость, *искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ,* пока *лодки пройти могутъ,* и отъ того итти далѣе до города Иркети и онымъ искать овладѣти».

Первое русское укрѣпленіе было тогда же построено на берегу Каспійскаго моря, у Красноводскаго залива, куда впадаетъ старое русло Аму-Дарьи. Но послѣ убійства въ Хивѣ Бековича-Черкасскаго маленькій гарнизонъ Красноводска покинулъ въ 1717 году крѣпостцу и возвратился на судахъ въ Россію.

Новый Красноводскъ уже возникъ на нашей памяти чрезъ полтора столѣтія послѣ Петра. Въ 1859 году экспедиція наша, обозрѣвавшая берега Туркменіи, едва разыскала на красноводской косѣ слѣды бывшихъ окоповъ Бековича-Черкасскаго.

Преемники Петра уже не смотрѣли на Каспій съ геніальною проницательностью Петра и выпустили изъ своихъ рукъ захваченную дорогую добычу. Берега Хвалынскаго моря опять стали для насъ чужими и враждебными; киргизскіе и туркмен-

скіе пираты стали безпрепятственно хозяйничать на водахъ Каспія и дѣлали невозможными торговыя сношенія съ берегами его.

Хотя въ 1732 году обѣ ближнія къ намъ киргизскія орды, малая и средняя, добровольно приняли подданство Россіи, но это не мѣшало прикаспійскимъ кочевникамъ безнаказанно разбойничать на Каспіи, укрываясь, въ случаяхъ опасности, въ Хивинскіе предѣлы, подъ защиту Хивинскаго хана.

Только въ царствованіе Николая I Россія обратила серьезное вниманіе на Каспійское море и на наши отношенія къ мусульманскимъ ханствамъ Центральной Азіи.

Для обузданія морскихъ разбойниковъ былъ основанъ въ 1833 году Александровскій фортъ въ заливѣ Каспійскаго моря Мертвый Култукъ, перенесенный потомъ въ 1855 году на гораздо болѣе удобный мысъ полуострова Мангышлака, далеко выдающагося въ море и составляющій теперь попутный портъ для обновленія всякаго рода запасовъ по пути судовъ изъ Астрахани въ Красноводскъ, Узунъ-Ада и далѣе въ Персію.

Для прекращенія же постыднаго невольничьяго торга, ради котораго береговые Туркмены свободно охотились по персидскимъ берегамъ и полонили тысячами ихъ жителей, Русское правительство построило на островкѣ у входа въ Астрабадскую бухту фортъ Ашуръ-Ада, который своими сторожевыми судами скоро водворилъ безопасность на водахъ Каспія, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ Персію всякаго повода держать свои военные корабли на Каспійскомъ морѣ, которое Россія рѣшилась признавать исключительно своимъ внутреннимъ моремъ.

А вмѣстѣ съ этимъ умиротвореніемъ Каспія началось роковымъ образомъ и безостановочное движеніе Русскихъ внутрь Туркестана, вверхъ по рѣкѣ Сыру и потомъ къ Аму-Дарьѣ, началась эпоха русскихъ завоеваній въ Центральной Азіи, остановившаяся пока на Мервѣ, Серахсѣ и Пенджде, и уже перевалившее на Памиръ,—эту «крышу свѣта» и предполагаемую родину Арійскаго племени...

— Скажите, пожалуйста, что интереснаго можно посмотрѣть въ Узунъ-Ада?—обратился я за обѣдомъ съ вопросомъ къ ворчливому обитателю этого новорожденнаго Каспійскаго порта.

— Вы называете его Узунъ-Ада?—насмѣшливо переспросилъ онъ меня.

— А какъ же нужно называть его?

— Я зову его Узунъ-Адъ, это имя гораздо подходящѣе!—желчно объявилъ старикъ.—А въ аду что же можно смотрѣть? Пекло одно!... Пекла и у насъ сколько хотите... пятьдесятъ, шестьдесятъ градусовъ, а если мало и больше... Песку тоже сколько душѣ угодно... Но ужъ кромѣ этого—ровно ничего!..

— Развели-жъ, я думаю, садики какіе-нибудь, бульвары,—скромно замѣтилъ я.

Обитатель Узунъ-Ада сардонически захохоталъ.

— Слышите, Антонъ Станиславовичъ, сады, бульвары? Каково!—обратился онъ, не отвѣчая мнѣ, къ своему сосѣду и очевидно, земляку...—Какъ же-съ, какъ же-съ, Брынскій лѣсъ цѣлый... Понимаете ли, милостивый государь, розги одной нѣтъ во всемъ городѣ, ребенка высѣчь нечѣмъ... Или вы думаете, мы его напрасно Узунъ-Адомъ зовемъ...

— Рѣка же есть?—не унимался я.

— Рѣка!.. слышите, Антонъ Станиславовичъ,—рѣ-ка-а!—захохоталъ еще раздражительнѣе мой собесѣдникъ.—Когда-бъ то рѣка, а то ни одного колодца, государь мой,—воду за 136 верстъ со станціи возятъ. Вы можете себѣ представить, какая это бываетъ вода при 55 градусахъ жара? Да въ Узунъ-Аду иначе и быть не должно... На то онъ и адъ кромѣшный...

— И развлеченій никакихъ, ни клуба, ничего?...

— Какъ же, какъ же, развлеченія на каждомъ шагу. То пароходъ придетъ, то пароходъ уйдетъ, а тамъ желѣзная дорога уйдетъ и придетъ... Чего-жъ еще?... Правда, у насъ во всемъ городѣ ни у кого ни одной лошади, ни одной коровы, ни одной овцы... Пескомъ вѣдь не накормишь... Ну да это вздоръ!...

— Общество ваше небось немногочисленное?

— Знаете ли, правду вамъ сказать, мы всѣ другъ съ другомъ какъ раки перешептались!.. Рожу пріятеля увидишь, такъ не знаешь, куда бѣжать... Помилуйте, поневолѣ глазъ намозолишь, изо-дня въ день все на однихъ и тѣхъ же глядя... Правда вѣдь Антонъ Станиславовичъ?

Антонъ Станиславовичъ, человѣкъ громаднаго роста и тучный, повидимому, занимался въ адѣ кромѣшномъ какими-нибудь не безвыгодными подрядами и потому отвѣтилъ черезчуръ нервному пріятелю только снисходительною улыбкой, молча продолжая уписывать ростбифъ съ горчицей.

— Кто у насъ тамъ? Вотъ я, офицеръ жандармскій, воинскій начальникъ, да агентовъ человѣкъ пять... больше и нѣтъ никого,—перечислялъ желчный старикъ.

— Я слышалъ, дорогу скоро переведутъ отсюда въ Красноводскъ, тамъ, можетъ быть, получше будетъ?—спросилъ я.

— Какъ-же, держите карманъ! Такъ сейчасъ и переведутъ. Въ четвергъ послѣ дождика развѣ. Вѣдь эта шуточка, батюшка мой, не больше, не меньше какъ въ три съ половиной милліончика казнѣ влетитъ!.. не то во всѣ пять!... Да и линія на сорокъ восемь верстъ длиннѣе будетъ, тоже прибыли мало... Отправитель не поблагодаритъ...

— Стало-быть, вы противъ перевода въ Красноводскъ?..

— Конечно, противъ. Ужъ тутъ по крайней мѣрѣ, знаешь, что Узунъ-адъ, ну и не ждешь ничего... привыкъ все-таки, стерпѣлся... А тамъ вѣдь тоже не пряники будутъ!.. Тоже песокъ да море, море да песокъ!..

Въ эту минуту капитанъ прислалъ мнѣ сказать, что виденъ берегъ, что мы входимъ въ заливъ.

Мы поднялись съ женой на рубку полюбоваться берегами Туркменіи.

День былъ ясный и розовыя гряды голыхъ Красноводскихъ горъ весело сіяли на чистой синевѣ неба слѣва отъ насъ. Подъ этимъ неохватнымъ голубымъ сводомъ, низкая, красновато-желтая

полоса Туркменскаго берега отрѣзала впереди, вездѣ, куда глазъ хваталъ, гладкую, голубую скатерть стихшаго моря. Красновато-желтые острова пирамидами, горбами, холмами, плоскими отмелями, то круглые, какъ блюда, то узкіе и длинные, какъ языки, цѣлымъ перепутаннымъ архипелагомъ обсыпали берега, оставляя между собою безчисленные канальчики, проливы, бухты, озерки... Мы въѣзжали въ какой-то лабиринтъ песчаныхъ шхеръ, въ которомъ могъ распознаться только опытный лоцманъ. Признаюсь, я никогда не подозрѣвалъ, что берегъ Каспія предстанетъ мнѣ въ такомъ оригинальномъ видѣ, напоминающемъ какую-нибудь Финляндію или Норвегію, хотя и съ пескомъ вмѣсто скалъ. Я зналъ только о существованіи единственнаго сосѣда Узунъ-Ада— довольно большого острова Челекеня, который теперь остался вправѣ отъ насъ и на которомъ производится добыча нефти Нобелевскаго товарищества. Влѣво отъ насъ поворачиваетъ Красноводскій заливъ, оканчивающійся въ своей глубинѣ узкою и длинною Балаханскою бухтой далеко врѣзающеюся въ туркменскій материкъ. Эта бухта, по всей вѣроятности, и была въ древности устьемъ Аму-Дарьи, старое русло которой подходитъ прямо къ ней.

Но мы держимъ курсъ правѣе, къ Узунъ-Ада. Узунъ-Ада тоже одинъ изъ безчисленныхъ песчаныхъ острововъ, окаймляющихъ берега Туркменіи. На персидскомъ, или, какъ здѣсь выражаются, фарсійскомъ языкѣ слово это означаетъ «длинный островъ».

Рядъ красныхъ желѣзныхъ столбовъ указываетъ намъ вмѣсто бакеновъ нашъ извилистый фарватеръ, капризно вьющійся между песчаныхъ отмелей. Ледъ каждый годъ срѣзаетъ всякаго рода другіе значки, такъ что пришлось склепывать по три рельса въ одинъ столбъ и забивать въ песчаное дно. У конца красноводской косы вырѣзается пловучая башня красноводскаго маяка. Тамъ живетъ вѣчно окруженный волнами моря начальникъ маяка съ помощникомъ и командой. Это поскучнѣе и поолнообразнѣе всякаго Узунъ-Ада!

Направо мы все ближе врѣзаемся въ оригинальный архипелагъ. Вотъ подошли мы къ полуострову Дарджа. Все это одни и тѣ же до отчаянія голые, желтые, песчаные курганы, съ разбѣгающимися изъ-подъ нихъ низкими длинными косами... Только на немногихъ островахъ, гдѣ песчаные барханы нагромождены цѣлыми горами и успѣли достаточно оплотнѣть снаружи, встрѣчаются тощія, темныя поросли саксаула, набившагося въ пазухи, ползущаго по скатамъ...

Какою чудною лазурью ни переливаетъ предъ нами море, какъ ни ясна безпорочная синева весенняго неба, но и въ этой свѣтлой картинѣ уныніемъ и смертью несетъ отъ песчаныхъ могилъ, необитаемыхъ ни людьми, ни звѣрями, что облегли на многія версты пустынный берегъ Каспія.

Песчаные бугры растутъ и впереди, и кругомъ насъ. Мы въ безысходномъ царствѣ песковъ, одолѣвающихъ все больше и больше голубое море. Это роковой рубежъ, гдѣ великая азіатская пустыня, стихія смерти, схватывается въ отчаянной борьбѣ грудь съ грудью съ водой, съ источникомъ жизни...

Всѣ эти неудержимо заносимыя пескомъ ежедневно мелѣющія прибрежныя воды, всѣ эти выростающіе въ теченіе вѣковъ на зыбкой груди моря безчисленные песчаные холмы, перешейки, косы, весь этотъ лабиринтъ песчаныхъ островковъ, отодвигающій все дальше и дальше отъ берега морскую глубь,—все это плоды побѣды смерти надъ жизнью, пустыни надъ моремъ. Море уходитъ все дальше, пустыня надвигается все ближе. Сегодняшній свободный проливъ завтра дѣлается отовсюду замкнутымъ озеромъ, сегодняшнее озеро завтра зарастаетъ материкомъ. Безостановочно, съ каждымъ движеніемъ вѣтра, напираютъ пески съ широкаго лона азіатской пустыни и строятъ, строятъ среди воды безъ счету и мѣры свои плотины, валы, брустверы, подымаютъ свои пирамиды и башни... И какая сила сможетъ остановить ихъ?..

II.

Оазисъ Ахалъ-теке.

Жалкая кучка домиковъ, называющая себя мѣстечкомъ Узунъ-Ада, совсѣмъ погребена среди надвинувшихся на нее песчаныхъ горъ... Тутъ ужъ ни травинки нигдѣ, ни деревца, даже всевыносливаго саксаула слѣда не видно. Одинъ свѣжій, яркожелтый песокъ, только-что взбуравленный вѣтромъ, еще весь въ чуть застывшей зыби. Ступишь въ него, по колѣна уйдешь. Это единственныя окрестности городка на многія версты кругомъ. Безотрадная Сахара охватываетъ со всѣхъ сторонъ этотъ неудачно рожденный новый портъ.

Нѣсколько пароходиковъ и парусныхъ судовъ грузятся около пристани прессованнымъ хлопкомъ. Это, кажется, единственный тутъ товаръ. По берегу разставлены цѣлыми стѣнами его бѣлыя кубическія кипы, стянутыя двумя полосками желѣза. Всѣ дворы, склады, огорожи Узунъ-Ада полны тѣхъ же бѣлыхъ кубиковъ. Сейчасъ чувствуешь, что стоишь передъ воротами хлопковой страны.

Вотъ и нашъ пароходъ присталъ вплотную къ деревянной пристани, и небольшая кучка черномазаго восточнаго люда, достаточно оборваннаго и пыльнаго, жадно обступаетъ выходящихъ на берегъ, высматривая хищническими глазами, не будетъ ли какой поживы.

Какъ-то жутко покидать цивилизованную уютность парохода, его зеркальныя столовыя и бархатные диваны, чтобъ отдаться этимъ зловѣщимъ пескамъ и этой грязной, и тоже зловѣщей, толпѣ. Ни извозчиковъ, ни лакеевъ изъ гостинницъ, ни носильщиковъ съ ярлыками — никого. Оборвыши атлетическаго вида въ грязныхъ тряпкахъ, съ черными разбойничьими буркалами, съ рожами коричневыми отъ загара и покрытыми какимъ-то маслянистымъ пo̊томъ, вырываютъ у васъ чуть ли не насильно

ваши вещи и мчатъ ихъ куда-то, скрываясь въ тѣснящейся толпѣ такихъ же лупоглазыхъ разбойничьихъ мордъ. Все это персы, татары, армяне самаго сквернаго разбора. Есть и русскіе, тоже изъ рядовъ «золотой роты». Сюда забирается и здѣсь соглашается жить только отчаянный народъ.

Мѣстечко маленькое, а до станціи желѣзной дороги добираться приходится довольно далеко и все по пескамъ, по невыносимому жару. Нѣсколько агентскихъ конторъ, транспортныхъ, коммиссіонерскихъ, пароходныхъ, нѣсколько складовъ,—вотъ и весь городишко. Домишки крошечные, жалкіе, лавчонки и того хуже. Улица больше состоитъ изъ заборовъ, охватывающихъ обширные пустыри, среди которыхъ наваленъ хлопокъ.

До грусти тяжело, душу придавливающее впечатлѣніе производитъ эта высадка изъ древняго моря Гирканскаго во вновь завоеванныя закаспійскія владѣнія Россіи.

Дѣйствительно согласишься съ желчнымъ старичкомъ, — его подневольнымъ обитателемъ,—что это Узунъ-адъ.

Станцію желѣзной дороги совѣстно назвать вокзаломъ. Это точно станція, въ родѣ почтовыхъ станцій нашихъ проселочныхъ дорогъ, маленькая и тѣсная. Вокругъ видны неудавшіяся попытки развести что-то въ родѣ садика. Потрачено много усилій и денегъ, привозилась издалека черная земля, поливалась водой, тоже привозимою издалека,—и все опять засыпалось неукротимыми песками, все выжигалось неумолимымъ солнцемъ азіатской пустыни. А вмѣстѣ съ тѣмъ удивительнымъ образомъ на этихъ пескахъ страшная сырость. Копнешь на полтора аршина въ глубь и наталкиваешься на воду; только вода эта— морская. Всѣ эти песчаные острова и мысы выросли на поверхности моря, которое они только затянули.

Мы съ женой невольно вспомнили другой далекій уголокъ такой же знойной песчаной пустыни, посѣщенной нами, нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Измаилія на африканскомъ берегу Суэцкаго канала находилась совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и Узунъ-Ада—ни кустика, ни травки, все выгорѣло и засыпалось.

И однако энергія Фердинанда Лессепса добилась того, что теперь его Измаилія, любимое мѣсто его пребыванія во время работъ канала, — превратилась въ цвѣтущую корзину садовъ. Конечно, для этого потребовалось ни болѣе, ни менѣе, какъ проведеніе изъ-подъ Нила канала сладкихъ водъ, сопутствующаго почти на всемъ протяженіи морскому каналу Суэца. Можетъ быть, и для Узунъ-Ада сдѣлала бы что-нибудь въ этомъ смыслѣ, если бы не постоянно висящій надъ нимъ въ видѣ Дамоклова меча и до сихъ поръ еще окончательно не разрѣшенный вопросъ о перенесеніи порта въ Красноводскъ, къ которому могутъ подходить и глубоко сидящія суда. Теперь же сколько-нибудь большія суда, нагруженныя товаромъ, должны останавливаться за нѣсколько верстъ отъ Узунъ-Ада, предъ входомъ въ шхеры, и перегружаться въ открытомъ морѣ, иногда въ непогоду, въ небольшія береговыя суда, что̀, конечно, вызываетъ потерю времени и серьезные расходы, а часто и несчастія съ грузомъ. Трудно сомнѣваться, чтобы вопросъ о переводѣ порта въ Красноводскъ долго оставался неразрѣшеннымъ. Это особенно необходимо въ цѣляхъ военныхъ, такъ какъ Красноводскъ продолжаетъ служить складочнымъ военнымъ пунктомъ. Нужно думать, что геніальный глазъ Петра I, намѣтившаго въ Красноводскѣ первую русскую стоянку для завоеванія Закаспійскихъ областей, и здѣсь такъ же мало ошибся, какъ мало ошибался онъ во всѣхъ своихъ планахъ. Если для скорѣйшаго начатія желѣзнодорожнаго движенія въ свое время было чрезвычайно важно сократить рельсовую линію и воспользоваться первымъ возможнымъ мѣстомъ берега, какъ починнымъ пунктомъ, то въ настоящее время, когда желѣзная дорога уже стала окупать сама себя, кажется, ничто не должно останавливать перенесенія этого пункта въ мѣсто наиболѣе безопасное и наиболѣе удобное для войны и торговли хотя бы цѣной нѣкотораго удлиненія линіи.

Поѣздъ потянулся черною колѣнчатою стоножкой по узкой дамбѣ, соединяющей островъ Узунъ-Ада съ берегомъ и другими попутными островками. Дамба поднята, чтобы вода морскихъ

прибоевъ не перебивала пути. Тутъ человѣку приходится бороться въ одно и то же время съ волнами моря и съ песками земли, съ палящимъ зноемъ лѣта и съ сибирскою стужею зимъ.

Первая станція, поистинѣ, наводитъ ужасъ, но хороши и остальныя! Сплошные песчаные кучугуры, иные величиной съ добрую гору, провожаютъ васъ справа и слѣва, и стелятся вдаль. Заливы и проливы моря, густосиніе среди ярко освѣщенныхъ песковъ, то и дѣло подходятъ справа, а за ними опять надалеко лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, голыхъ, сыпучихъ, безъ куста, безъ травки. Ясно, что это взбудораженное вѣтрами старое дно до-историческаго моря, когда-то схлынувшаго отсюда черезъ низины Кумы и Манычa въ Азовское и Черное. Недаромъ древніе еще при Страбонѣ думали, что Гирканское, то-есть Каспійское, море было соединено съ Меотійскимъ болотомъ, то-есть Азовскимъ моремъ. Пожалуй, оно и изъ болота обратилось въ море съ помощью тѣхъ самыхъ водъ Каспія, которыя нѣкогда покрывали эти береговые пески. Теперь старое морское дно засыпаетъ своими двигающимися песчаными холмами волны живого моря и съ каждымъ днемъ расширяетъ на его счетъ свои владѣнія.

Прибрежные острова Каспія тѣ же песчаные кучугуры, что̀ покрываютъ его берега, только не успѣвшіе еще слиться, какъ они, въ одинъ безотрадный и безжизненный материкъ.

Отчаяніе возьметъ смотрѣть на него, дажс проносясь на крыльяхъ пара, а не только жить среди него. Это настоящія картины Дантова ада.

Съ щемящимъ сердцемъ гляжу я на безпомощно заброшенныя въ этихъ титаническихъ песчаныхъ могилахъ одинокія караулки, мимо которыхъ быстро проноситъ насъ желѣзнодорожный поѣздъ. Это такъ называемый «околотокъ». Сторожъ и человѣкъ пять рабочихъ прячутся въ маленькой казармѣ безъ двора и кустика, безустанно отбиваясь отъ вездѣ царящаго тутъ, все побѣждающаго песка, упрямо защищая отъ него своими крохотными силишками на протяженіи нѣсколькихъ верстъ узенькій желѣзный слѣдъ, по которому пробѣгаетъ эту дряхлую пустыню

волшебный огненный конь Европейской цивилизаціи. Ни колодца, ни деревца у этой казармы, никакихъ сосѣдей на многіе десятки верстъ, кромѣ звѣрей пустыни. И воду, и пищу имъ развозятъ поѣзда; остановитъ какое-нибудь неожиданное несчастіе прибытіе поѣзда, и живи безъ глотка воды, безъ куска хлѣба, пока тебя выручатъ.

Пески и Туркмены кругомъ въ безконечной пустынѣ, но Туркмены пока боятся, не трогаютъ, конечно, до перваго случая. Зато ужъ и пріѣздъ на станцію — тутъ цѣлое радостное событіе. Послѣ долгаго нѣмого ужаса сплошныхъ песковъ, крошечный станціонный поселочекъ кажется переполненнымъ шумною жизнью, движеніемъ, яркими красками. Съ сердца спадаетъ придавившая его свинцовая доска, и такъ искренно доволенъ, что видишь себя опять среди людей, среди родной русской силы. Пестрые столбы обычной казенной окраски, напоминающіе шлагбаумы и версты какой-нибудь Калужской или Рязанской большой дороги, знакомый казенный фасонъ станцій, знакомый казенный видъ солдатиковъ, все одинъ и тотъ же отъ Архангельска до Мерва и Кокана,—все это удивительно бодрящимъ образомъ дѣйствуетъ на душу. Значитъ, точно рассейская сторонушка, и солдатики, и начальство, — все какъ быть должно. И хотя у каждой станціи всегда толпится нѣсколько босоногихъ Турменъ въ лохматыхъ шапкахъ и бумажныхъ халатахъ, сверкая на мало знакомую публику своими смѣлыми огненными глазами, — однако ужъ вы чувствуете себя совсѣмъ дома и ни малѣйшимъ образомъ не стѣснятесь этихъ мирно глазѣющихъ кочевниковъ. Тутъ все сплошь — военная сила. Кондукторы—военные, контролеры—военные, начальники станцій—военные, сторожа—военные. Только одна желѣзная воинская дисциплина и можетъ держать въ порядкѣ эту затерянную въ пустынѣ и дикарями окруженную дорогу.

Со второй станціи, а особенно съ третьей пески уже перестаютъ громоздиться холмами, а стелятся гладкою равниной;

тутъ уже не сыпучій голый песокъ, а песокъ съ глиной, покрытый рѣдкимъ верблюдятникомъ и кое-какою грубою травой; желѣзная дорога все ближе жмется къ югу, къ горамъ, все дальше сторонится отъ великой песчаной пустыни, разстилающейся влѣво отъ нея. Однако и среди этой пустыни съ третьей станціи начинаетъ вставать въ туманахъ дали одинокимъ продолговатымъ островомъ обрывистая, какъ столъ, гора Большого Балкана.

Утесистыя предгорія, рѣзко вычерченныя своими каменными ребрами, нѣсколько заслоняли его на первомъ планѣ, будучи все-таки не въ силахъ скрыть отъ взора всю громаду его. Эти горы были бы, можетъ быть, совсѣмъ незамѣтны гдѣ-нибудь на Кавказѣ, но тутъ, среди безбрежной глади степей, онѣ высятся очень эффектно и играютъ важную роль.

Балканы покрыты густыми лѣсами, обильны горными источниками, камышами и пастбищами. На лѣто туда гонятъ свои стада и укрываютъ свои кибитки всѣ сосѣдніе кочевники. Инженеры наши давно уже озабочены, какъ бы провести съ Балкана воду на станцію Бала-Ишемъ. Съ нами въ вагонѣ ѣхала дочь одного изъ мѣстныхъ инженеровъ, дѣвушка, повидимому, практичная и любознательная, хорошо освоившаяся съ мѣстностью. Она разсказывала намъ, что на Балканѣ еще очень много хищныхъ звѣрей, дѣлающихъ не совсѣмъ безопасными изысканія нашихъ техниковъ.

— Гіены тамъ кишатъ, а барсы и тигры заходятъ вчастую,— говорила она.—Вотъ я только-что купила у знакомаго Туркмена двѣ шкуры, одну тигровую и одну барсовую, а молодую гіену мнѣ живую подарили.

— А сюда въ степи заходятъ онѣ?—спросилъ я.

— Сюда очень рѣдко; но на нашихъ станціяхъ другой бичъ: скорпіоны и фаланги,—разсказывала намъ барышня. — Ни одна мѣстность Закаспійскаго края не страдаетъ отъ нихъ такъ, какъ наша. Они просто отравляютъ намъ жизнь; лѣтомъ вы можете наткнуться на нихъ рѣшительно вездѣ и никакія мѣры предосторожности не помогаютъ.

— Чтó-жъ, и умираютъ отъ нихъ?— спросили мы.

— Ну, это больше розсказни, врядъ ли отъ нихъ умереть можно; только боль сильная и опухоль. Мы ими же самими и лѣчимся отъ этой боли. Настаиваемъ фалангъ на спирту или маслѣ и мажемъ опухоль.

— Жара, небось, здѣсь невыносимая лѣтомъ?

— Да, градусовъ пятьдесятъ постоянно; а главное, дождей почти вовсе не бываетъ, даже и зимой, морозы сильные, а снѣга вовсе нѣтъ. Вотъ въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, Самаркандъ былъ засыпанъ снѣгомъ, а у насъ все было голо. Никакой нѣтъ возможности заниматься чѣмъ-нибудь днемъ. Оттого послѣ обѣда у насъ даже и по службѣ не полагается никакихъ занятій; только въ восемь часовъ и начинаемъ опять шевелиться. Ужъ мы чего-чего ни придумываемъ, чтобы спасаться отъ жары. Вѣдь вотъ и въ вагонѣ нашемъ, въ купе контролера, ванна нарочно устроена. Такъ мы иногда по цѣлымъ часамъ просиживаемъ въ ней, когда жара одолѣетъ.

— А вода-жъ откуда?—полюбопытствовалъ я.

— Воды здѣсь нигдѣ нѣтъ, вода вся привозится по желѣзной дорогѣ особыми водяными поѣздами, баки такіе большіе подѣланы; въ нихъ и развозятъ. Оттого-то нѣтъ никакой возможности развести у насъ хотя маленькій садикъ или цвѣтничекъ...

Отъ Бала-Ишемъ отдѣляется небольшая узкоколейная вѣточка желѣзной дороги къ Нефтяной горѣ. Возятъ по ней не паромъ, а лошадьми. Прежде тамъ разработывали и нефть и сѣру, но теперь бросили, потому что нашли маловыгоднымъ. Впрочемъ, около Нефтяной горы добывается еще отличная каменная соль, которая употребляется здѣсь вездѣ, и дѣлается такъ называемая кира, нѣчто въ родѣ дешеваго асфальта, который тутъ употребляютъ на всѣхъ станціяхъ вмѣсто мостовыхъ и половъ и заливаютъ имъ плоскія крыши. На разработку минеральныхъ богатствъ Нефтяной горы было уложено не мало денегъ при проведеніи желѣзной дороги, и очень жалко, что полезное дѣло не

могло быть доведено до выгоднаго конца, не знаю уже, по недостатку ли у насъ средствъ или предпріимчивости.

Мы долго проболтали съ разговорчивою сосѣдкой и не замѣтили, какъ надвинулась ночь.

Торжественное сіяніе полной луны одѣло суровую пустыню какою-то меланхолическою красотой. Высота свода небеснаго и его глубокая синяя тьма—смотрѣли настоящимъ югомъ. Югомъ дышалъ и теплый вѣтеръ, пробѣгавшій по простору степей и чуть колыхавшій цѣлые лѣса почернѣвшихъ отъ ночи бурьяновъ. Среди этой лохматой, темной поросли сверкали ослѣпительнымъ блескомъ, будто озера, полныя воды, разсѣянные по пустынѣ многочисленные солончаки, покрытые своимъ бѣлымъ налетомъ...

Я проснулся только передъ станціей Бами, проспавъ Кизиль-Арватъ. Балканы уже давно исчезли, и слѣва тянулась ровная, какъ ладонь, голая степь. Зато справа провожаетъ насъ сплошная цѣпь невысокихъ каменистыхъ горъ. Тутъ уже гораздо люднѣе и разнообразнѣе, какъ и подобаетъ предгоріямъ. Опустѣвшіе глиняные аулы виднѣются въ сторонѣ, у подножія горъ, по сосѣдству съ горными ручьями.

Текинцы пока еще въ зимнихъ кочевкахъ своихъ, среди песковъ, гдѣ зимой имъ привольнѣе, потому что снѣга на равнинѣ мало, и скотъ безъ труда добываетъ себѣ подножный кормъ; а кочевникъ во всемъ зависитъ отъ своего скота и слѣдуетъ не своимъ собственнымъ удобствамъ, а потребностямъ верблюда и барана. Лѣтомъ, въ жары, онъ поднимается, напротивъ того, на горы, гдѣ къ тому времени растаютъ послѣдніе снѣга, отрастутъ обильныя пастбища, и лѣса, покрывшись листьями, дадутъ скоту пріютъ отъ полуденнаго зноя.

Аулы Текинцевъ очень характерны и похожи другъ на друга, какъ овцы ихъ стадъ. Изъ глины слѣпленные слѣпые кубики, съ одною, двумя щелями вмѣсто оконъ, обнесенные такою же глиняною стѣнкой, и около непремѣнно укрѣпленіе, своего рода

осадный дворъ на случай опасности. Конечно, это опасности уже минувшія, въ дни постоянныхъ междоусобицъ распрей и постоянныхъ набѣговъ на Персію. Теперь эти ихнія грозныя «калà» служатъ только развѣ загонами для стадъ, да мѣстами аульныхъ сборищъ и игръ.

«Калà» Туркменъ хотя тоже глиняныя, какъ и все въ этомъ глиняномъ царствѣ, но довольно внушительныя.

У станціи Бами, напримѣръ, цѣлая формальная крѣпость съ довольно высокими стѣнами, зубцами, башнями, угловыми и воротными, и узкими бойницами въ стѣнахъ. При такихъ отчаянныхъ защитникахъ и такихъ мѣткихъ стрѣлкахъ, каковы Текинцы, крѣпости эти были далеко не шуткой. Кругомъ калы разбросаны обыкновенныя, въ видѣ фортовъ, отдѣльныя небольшія укрѣпленія и башни, вѣроятно, принадлежавшія каждому семейству. И такъ какъ, помимо прочаго, вся мѣстность текинскаго жилья изрѣзана цѣлою сѣтью глубокихъ, неправильно вьющихся арыковъ, а арыки очень часто обведены стѣнками, да и каждое жилище, окруженное глиняной оградой, больше похоже на блокгаузъ чѣмъ на жилой домъ, то брать приступомъ текинскіе аулы, какъ это испытали наши молодецкія войска, было очень нелегко.

Характерною особенностью текинскаго аула и его калы обыкновенно служитъ большой насыпной курганъ съ плоскимъ верхомъ, который иногда помѣщается внутри калы, а иногда прямо на степи около аула. Это своего рода цитадель, въ которой собирались защитники аула для рѣшительнаго боя. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ, кромѣ того, значеніе форума своего рода при рѣшеніи важныхъ общественныхъ дѣлъ. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ такіе плосковерхіе холмы почти рѣшительно во всѣхъ поселкахъ и во всѣхъ укрѣпленіяхъ Текинцевъ. На другихъ, круглыхъ холмахъ, очевидно, служащихъ кладбищами аулу, и также всегда сопутствующихъ ему, виднѣются нерѣдко мусульманскія часовенки арабскаго типа, съ глиняными купольчиками и чернымъ отверстіемъ двери, куда

родственники покойника, настолько же мусульмане, насколько язычники, входятъ для принесенія жертвъ по своему древнему обычаю.

Часовеньки эти, по здѣшнему «мазара̀», очень живописно глядятъ въ тѣни зеленѣющихъ горъ, среди однообразнаго пейзажа равнины.

Тутъ уже появляются и всадники вдали и стада черныхъ овецъ съ пастухами-кочевниками. Глубоко истресканныя глинистыя поля хотя покрыты еще полынью и верблюдятникомъ, но уже вмѣстѣ съ тѣмъ весело пестрѣютъ красными цвѣточками мелкаго дикаго мака и лиловыми колокольчиками, а мѣстами носятъ явные слѣды орошенія и пахоты. Уже является возможность, вслѣдствіи близости горъ, провести сюда родниковую воду, такъ что у вокзала Бами прохладою дышетъ на насъ густая зелень довольно большого садика, полнаго тополей и бѣлыхъ акацій, среди которыхъ звенитъ высоко бьющая вверхъ радостная струя фонтана.

Вмѣсто дровъ опрятно сложены около станціи кубики саксаула, который достигаетъ до трехъ вершковъ толщины, чрезвычайно сухъ и деревянистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ невообразимо корявъ и рогатъ.

Текинцевъ на станціи попадается все больше. Джигиты у русскихъ начальниковъ тутъ все Текинцы, и ужъ они разодѣты на заглядѣнье! Во всей своей восточной боевой красѣ.

На горахъ еще бѣлѣетъ мѣстами снѣжокъ; это гряды Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага, отдѣляющія отъ степи долину Атрека и его многочисленныхъ притоковъ. Развалины крѣпостей, аулы, стада виднѣются все чаще, по мѣрѣ приближенія нашего къ Асхабаду, этому центру Ахалъ-Текинскаго оазиса, который мы теперь переѣзжаемъ.

На станціи Арчманъ тоже заводится садикъ и фонтанъ, тоже проведены канавки къ каждому дереву. Безъ орошенія тутъ все — смерть; гдѣ орошеніе—вездѣ жизнь и обиліе. Нужно благоговѣть предъ могучею растительною силой какого-нибудь

саксаула или верблюдятника, одолѣвающихъ безъ помощи воды пятидесяти-градусный зной, добывающихъ свои питательные соки изъ камня, солонца и песка.

Въ первый разъ тутъ увидѣли мы туркменскія кибитки, разбитыя вдали какъ будто на берегу прохладнаго озера. Но озеро это было сверкающій на солнцѣ солонецъ, поросшій по окрайнѣ камышомъ, словно и подлинное озеро. Солонцы эти идутъ иногда чуть не сплошь. А направо, подъ горами, стада верблюдовъ, и сторожащіе ихъ кругомъ текинскіе всадники.

У станціи Бахарденъ опять кала̀ какъ у Бами и у Арчмана, опять многолюдный аулъ подъ горами.

Странно, что Текинцы ни одного изъ своихъ укрѣпленій не построили на крутыхъ холмахъ и склонахъ горъ, лежащихъ въ такой близи отъ нихъ, а почему-то постоянно строятъ ихъ на равнинѣ, гладкой какъ ладонь. Очень можетъ быть, что въ этомъ сказалась привычка кочевника къ открытой степи и его недовѣріе ко всему, что не его пустыня; а можетъ быть также это вызвано удобствомъ глиняной кладки, которая была бы гораздо затруднительнѣе на каменистыхъ горахъ. Аулы и калы направо, у горъ, а кибитки все чаще и чаще слѣва, въ безконечной глади солончаковыхъ степей. Поля дѣлаются значительно обработаннѣе. Арыки, то-есть поливныя канавы, своими валами, рвами и низенькими стѣнками изрѣзываютъ равнину; посѣвы пшеницы, проса, люцерны—попадаются уже нерѣдко. Хлопокъ тоже разводится здѣсь успѣшно вездѣ, гдѣ есть орошеніе. По всѣмъ полямъ разбросаны многочисленныя узенькія круглыя башеньки, слѣпленныя изъ глины. Это тоже одна изъ необходимыхъ мѣръ предосторожности былого безпокойнаго времени. Туркменъ, неожиданно застигнутый врагомъ на полевой работѣ, могъ укрываться за эти башни-столбы, какъ за стволы лѣса, и отстрѣливаться, пока поспѣетъ помощь изъ аула.

Мы уже не разъ видѣли на поляхъ работающихъ Туркменъ съ мотыками въ рукахъ.

Около Бахардена попадаются уже сады и даже виноград-

ники. Намъ пришлось проѣхать сквозь аулъ, черезъ цѣлую перепутанную сѣть бѣлыхъ глиняныхъ стѣнокъ, обсаженныхъ деревьями и вьющихся между ними канавъ. Внутри дворовъ не только обычныя глиняныя плоскокрышія мазанки безъ оконъ, но и кибитки. Въ серединѣ аула, какъ водится—кала̀,—цѣлая крѣпость съ башнями и бойницами.

Текинцы — народъ могучаго сложенія и суроваго взгляда. Они очень смуглы и сохранили въ лицѣ рѣзкіе слѣды монгольскаго типа, «калмыковаты», какъ говорятъ наши мужики; особенно это замѣтно по ихъ рту, всегда широкому, грубому и поставленному необыкновенно низко; длинные, слегка приплюснутые носы ихъ также помогаютъ этому отодвиганію книзу здоровенныхъ челюстей, придающихъ лицу Текинца нѣсколько животное выраженіе. Бородки у нихъ большею частью небольшія, начинаются всегда отъ висковъ узкими полосками черныхъ бакенбардъ, которыя только немного расширяются и удлинняются на подбородкѣ, такъ что лицо Текинца кажется обвязаннымъ сплошною черною лентой волосъ. Усы тоже монгольскаго типа, рѣдкіе, тонкіе, какъ двѣ черныя піявки. Но все-таки въ общемъ Туркменъ далеко не Монголъ, а только подернутая монгольствомъ тюркская раса. Они и рослы, и красивы, какъ Турки. Взглядъ ихъ удивительно твердъ, полонъ достоинства, воинственности. Сейчасъ видно, что такой человѣкъ вытерпитъ молча все, что ни придется. Они смотрятъ на Русскихъ, на все русское съ глубокимъ любопытствомъ но безъ благоговѣнія. Они сознаютъ себя побѣжденными, но все-таки чувствуютъ и свою силу, и затѣи европейской цивилизаціи, подрывающей суровую природную мощь духа и тѣла человѣка, повидимому, не вдохновляютъ ихъ. Туркмены замѣтно крупнѣе, замѣтно плечистѣе и мускулистѣе Русскихъ. Каждый изъ нихъ стоитъ среди бѣлыхъ фуражекъ и бѣлыхъ кителей нашихъ солдатиковъ, какъ плѣнный орелъ среди домашняго птичника. Ихъ глазъ дѣйствительно смотритъ по орлинному, неподвижно, остро, смѣло. Сколько-нибудь значительный Туркменъ одѣвается очень тщательно. Вонъ

у вокзала стоитъ одинъ изъ ихъ старшинъ въ огромной черной папахѣ, въ тонкомъ суконномъ халатѣ шоколаднаго цвѣта поверхъ бешмета изъ темно-малиноваго шелка, подпоясаннаго богатымъ поясомъ. За поясомъ заткнуты чеканенные серебромъ пистолеты, на ногахъ узорчатыя вязаныя ногавицы и башмаки тисненные золотомъ. Но здѣсь же зато, рядомъ съ нимъ, и оборванные текинскіе мальчишки въ лохматыхъ бараньихъ шапкахъ, босикомъ. Всѣ вооружены, богатые и бѣдные. Россія оказала побѣжденнымъ героямъ самое чувствительное для нихъ великодушіе—позволила имъ носить оружіе, которымъ они такъ отчаянно защищались противъ насъ. И, надо сказать правду, текинцы честно исполняютъ свое слово и до сихъ поръ не трогаютъ русскихъ, беззащитно разбросанныхъ среди ихъ пустыни.

— Лѣтъ пятьдесятъ не забудутъ они своего погрома!—говорилъ мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ военныхъ инженеровъ.—Оттого и тронуться не подумаютъ. Вотъ развѣ, когда внуки ихъ выростутъ, которые ничего этого не видали и не слыхали, такъ затѣютъ, пожалуй, бунтовать!

— Да, хорошъ, хорошъ народъ, говорить нечего, а въ степи имъ все-таки не попадайся!—улыбнулся скептически другой мой спутникъ.

— Помилуйте, да у насъ на Руси свой народъ, а грабежи и убійства случаются чаще, чѣмъ здѣсь,—возразилъ инженеръ.—Нельзя же, чтобы когда-нибудь и не прорывалось. Я вотъ сколько лѣтъ тутъ, сторожа наши по одному, по два человѣка въ будкахъ ночуютъ, чего бы, кажется, легче и убить, и ограбить... Степь велика... Однако, ни разу не случалось. Только и слышно иногда объ убійствахъ на кордонѣ по горамъ. Ну да вѣдь это еще текинцы или нѣтъ? Тамъ посты наши казацкіе въ такихъ дебряхъ стоятъ, что и не сыщешь сразу. Можетъ быть, и текинецъ иной разъ пошалитъ, а скорѣе всего персы-контрабандисты. Тѣмъ это нужнѣе! Да я вамъ еще что скажу,—заключилъ свою рѣчь инженеръ.—Текинецъ хоть и воинъ отъ рожденія, а все-таки радъ миру: ему теперь гораздо лучше жи-

вется, чѣмъ въ прежнія времена. Прежде онъ въ поле свое выйти не смѣлъ безъ ружья и шашки, не зналъ, что его, что чужое. Вѣдь чуть не каждый день другъ у друга барантовали. Нынче богатый человѣкъ,—завтра угнали барантачи его верблюдовъ и барановъ,—нищій сталъ. Да и головой рисковалъ каждый день. А теперь ему что? Зарабатываетъ шутя столько, сколько и не снилось прежде. Разъѣзжаетъ всюду спокойно со своимъ товаромъ, за деньги свои тоже спокоенъ. Теперь они всѣ богачи стали!.. хлопкомъ стали заниматься, шерстью, пшеницу продаютъ... Изъ чего ему бунтовать?

Текинцы, черезъ землю которыхъ мы теперь проѣзжаемъ, называются Ахалъ-Теке по имени своего оазиса. Оазисъ Ахалъ-Теке начинается около Кизилъ-Арвата и тянется на 240 верстъ до Гяура узкою полосой не болѣе 20 верстъ въ ширину вдоль подошвы горъ, отдѣляющихъ отъ пустыни долину Атрекъ, и носящихъ названіе Кюренъ-Дага и Копетъ-Дага. За Кахъ-Кою идутъ уже кочевья другихъ текинскихъ племенъ, входящихъ теперь въ Тедженскій и Мервскій округи. Разницы между различными родами текинцевъ нѣтъ никакой, кромѣ имени предка, давшаго имъ названіе. Да и воообще между всѣми племенами туркменъ очень мало разницы, хотя они постоянно враждуютъ другъ съ другомъ. Туркмены—это исконные жители пустыни, въ ней родившіеся, въ ней умирающіе, обожающіе пустыню, какъ свое божество. Они залили своими кочевыми ордами все безпредѣльное песчаное море, съ его прибрежными оазисами, которое простирается отъ береговъ Каспійскаго моря и плоскогорій Усть-Урта къ Аральскому морю и по всему теченію Аму-Дарьи до самыхъ верховьевъ ея, стало-быть до границъ Китая и Индіи, а съ юга до Эльбурзскихъ горъ Персіи и до Гиндукуша. Хотя въ эти части азіатской пустыни туркмены передвинулись сравнительно не очень давно, а текинцы вытѣснили своихъ туркменскихъ собратій Іомудовъ и Эмрали изъ теперешняго своего оазиса всего только въ началѣ XVIII столѣтія,

однако, нѣтъ никакого сомнѣнія, что это первобытные народы—пастухи, уцѣлѣвшіе отъ вѣковъ сѣдой древности, когда арійцы еще робко приступали къ первымъ попыткамъ своей осѣдлой земледѣльческой жизни. Это живые памятники той безконечной борьбы на жизнь и смерть Ирана съ Тураномъ, которыми полны первыя лѣтописи Азіи, которыми проникнута Зендавеста, которые, быть можетъ, внушили Зороастру его глубокія идеи о борьбѣ зла съ добромъ, духовъ тьмы съ духами свѣта. И, конечно, это Туранъ; Туранъ—духъ тьмы, сначала долго бывшій побѣдителемъ и владыкой, наконецъ, побѣжденный, въ свою очередь, и, надо надѣяться, навсегда, потомствомъ Ирана, духами свѣта.

Туркмены, плоть и кровь Турана, сохранили до сихъ поръ не только его былыя свойства разрушительной бродячей стихіи, но и его имя. Нужно дѣйствительно быть проникнуту до мозга костей чувствомъ сродства своего съ этими палящими вѣтрами пустыни, изсушающими всякую жизнь, съ этими движущимися горами ея сыпучихъ песковъ, засыпающихъ всякое проявленіе человѣческаго труда,—чтобы жить въ теченіе вѣковъ среди этого песчанаго моря, не ища ничего другого, не соблазняясь плодородными странами, которыя имъ много разъ приходилось покорять и захватывать. Они чувствуютъ себя какъ въ тюрьмѣ въ улицахъ города, въ обстановкѣ труда и цивилизаціи. Какъ ихъ товарищъ верблюдъ, какъ сосѣди и земляки ихъ степные ослы и антилопы, шакалы и волки, они не надышутся, не нарадуются суровымъ неохватнымъ просторомъ, въ которомъ живутъ голодною и холодною свободой своихъ вольныхъ кочевокъ.

«Туркменъ не нуждается ни въ тѣни дерева, ни въ сѣни власти!» говоритъ характерная текинская поговорка.

Эта многовѣковая обстановка звѣря выработала въ нихъ вкусы звѣря, силы звѣря. Если настоящая текинская лошадь можетъ по четыре дня не пить воды и скакать восемь дней сряду по 120 верстъ въ день, какъ увѣряютъ здѣшніе жители, то и сами текинцы поражаютъ такою же сверхестественною

выносливостью, такою же нечеловѣческою умѣренностью своихъ потребностей. Горсть риса или проса, глотокъ воды изъ соленой лужи—вотъ обычный обѣдъ туркмена при переходахъ пустыни. Это не мѣшаетъ ему на какомъ-нибудь праздничномъ пиршествѣ, на какомъ-нибудь даровомъ угощеніи, въ одиночку убрать цѣлаго барана, какъ убираетъ его голодный волкъ, послѣ недѣли вынужденнаго поста.

Туркменъ изумительный наѣздникъ, изумительный стрѣлокъ, а текинецъ особенно. Текинецъ силенъ, смѣлъ и ловокъ, какъ прирожденный хищникъ, у котораго въ теченіе долгихъ вѣковъ все успѣло приспособиться къ главной цѣли и содержанію его жизни. Вѣдь и у волка недаромъ выработалась могучая челюсть съ зубами-кинжалами, несокрушимая шея, способная держать на бѣгу барана и теленка, и неутомимыя ноги. Текинецъ дѣйствительно производитъ своею фигурой среди мирнаго населенія, его окружающаго, впечатлѣніе какого-то крупнаго и могучаго хищнаго звѣря, который только ждетъ удобной минуты для кровавой поживы. Онъ и лохматъ, какъ хищный звѣрь, и глядитъ на васъ глазами хищнаго звѣря.

«Не расти дереву, гдѣ есть верблюдъ, не быть миру, гдѣ есть туркменъ!» съ откровенною похвальбой говоритъ старая пословица текинцевъ.

Не даромъ персіяне, испытавшіе горькимъ опытомъ силу и смѣлость своихъ степныхъ сосѣдей, до такой степени трепетали одного вида и даже одного имени текинца, что цѣлая толпа отдавалась безъ боя въ плѣнъ двумъ, тремъ всадникамъ, послушно перевязывая другъ другу руки и ноги. Случалось, что одинъ вооруженный текинецъ, появившійся на базарѣ пограничнаго персидскаго городка, обращалъ въ отчаянное бѣгство весь базаръ, все населеніе города и хозяйничалъ въ его лавкахъ, какъ его душѣ было угодно. Случалось нерѣдко, что текинскій разбойникъ въ одиночку пригонялъ къ себѣ въ аулъ нѣсколько человѣкъ персіянъ, не трудясь ихъ даже связывать, хотя, казалось бы, они безо всякаго труда могли стащить его

самого съ лошади и сдѣлать съ нимъ все, что бы имъ ни вздумалось.

Вотъ что, напримѣръ, разсказалъ одинъ текинецъ моему желѣзнодорожному спутнику, понимающему по-туркменски: ходили мы въ аламанъ за Атрекъ, въ Персію; вотъ я наловилъ человѣкъ пять персовъ и веду съ собою; связать ихъ нечѣмъ, караулить некому, а хочется еще плѣнниковъ набрать, дѣло вышло способное. Вотъ я говорю имъ: слушайте, персы! Вы знаете, что я всѣхъ васъ знаю, откуда каждый изъ васъ. Садитесь у этого куста и сидите, пока я вернусь, на одинъ шагъ отойти не смѣйте. Кто съ мѣста двинется, тому не жить больше на свѣтѣ! опять васъ всѣхъ найду, и женъ, и дочерей вашихъ всѣхъ перерѣжу... Да и отправился опять за добычей. Захватилъ еще троихъ, привелъ ихъ къ кусту, гдѣ прежнихъ оставилъ, смотрю, всѣ въ кучкѣ сидятъ, будто кто веревкой ихъ къ кусту привязалъ... Даже для себя не смѣли отлучиться, тутъ же дѣлали...

И это только одинъ случай изъ тысячи, о которыхъ здѣсь знаетъ каждый мальчишка.

«Ни одинъ персіянинъ не можетъ перейти Атрека иначе какъ съ веревкой на шеѣ!» еще недавно хвастливо величались туркмены Іомуды.

Текинцы, собственно говоря, сохранили въ себѣ больше всего старой туркменской удали. Туркмены, ближайшіе къ Хивѣ, къ Бухарѣ, точно такъ же какъ туркмены Іомуды Джафарбаевскаго и Атабаевскаго рода, заселяющіе теперь берега Каспійскаго моря до Усть-Урта и залива Кара-Бугазъ, слишкомъ испорчены своими постоянными сношеніями съ болѣе сильными сосѣдями, которымъ они нерѣдко для вида подчинялись, которыхъ они обманывали на всякій манеръ и при всякомъ случаѣ, и отъ которыхъ они привыкли выманивать всякія подачки. Черезъ это нравъ ихъ сталъ болѣе лукавый, униженный и лживый, между тѣмъ какъ Теке ограничивали свои отношенія къ сосѣднимъ государствамъ почти исключительно открытыми раз-

боями и войной, что отразилось на большей прямотѣ и твердости характера ихъ.

Впрочемъ, было бы вообще наивно представлять себѣ отвѣчныхъ степныхъ разбойниковъ, этихъ двуногихъ волковъ своего рода, какими-нибудь великодушными рыцарями. Они безспорно гостепріимны и храбры до безумія. Въ этомъ ихъ пастушечья и разбойничья доблесть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они жестоки и безпощадны, какъ звѣри, и обманъ считаютъ такимъ же необходимымъ оружіемъ самообороны и нападенія, какъ свои шашки и винтовки. Клятвы и договоры для нихъ пустыя слова, если только изъ-за нихъ имъ не видно какой-нибудь выгоды или опасности.

А ихъ взаимная зависть, недоброжелательство и недовѣріе другъ къ другу дѣлали невозможными между ними никакіе крѣпкіе общественные союзы и раздробляли довольно многочисленный туркменскій народъ, считающій въ своей средѣ добрыхъ полтора милліона душъ, на множество другъ съ другомъ враждующихъ племенъ.

«Аламанъ»,—разбой ради наживы,—былъ до послѣдняго времени единственнымъ идеаломъ и единственнымъ промысломъ туркмена. Все время отъ конца полевыхъ работъ въ сентябрѣ и до начала ихъ въ маѣ посвящалъ онъ обыкновенно аламанамъ. Въ аламанѣ онъ не щадилъ никого и ничего, и тотъ «сардаръ», который умѣлъ водить его на удачные аламаны, подъ чьимъ предводительствомъ онъ набиралъ больше добычи,—становился въ его глазахъ героемъ и главой всѣхъ.

«Туркменъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери!» съ циническою правдивостью признается текинецъ.

А сосѣди про него сложили другую поговорку: «Текинцы продали бы въ невольники самого пророка Магомета, попадись только онъ имъ въ руки!» На вопросъ европейскаго путешественника, какъ туркмены рѣшаются продавать въ рабство своихъ единовѣрцевъ, одинъ очень набожный хищникъ отвѣчалъ ему такъ: «Чудакъ! Коранъ—книга Божья, конечно, благороднѣе че-

ловѣка, а все-таки покупается за нѣсколько врановъ. Да чего же лучше, когда Юсуфъ, сынъ Якуба, былъ пророкъ, а между тѣмъ его продали. Что же, развѣ это повредило ему сколько-нибудь?»

Впрочемъ, надо и то сказать, что серединная Азія всею своею исторіей вырабатывала эти вкусы насилія и кровожадности. На насиліи основывалась семья азіатца, на насиліи основывалось его гражданское и государственное устройство, на насиліи покоятся и международныя отношенія азіатскихъ государствъ. Кругомъ нигдѣ ничего кромѣ возмутительнаго проявленія своей силы, кромѣ содрогающей душу жестокости во всемъ—въ судѣ, въ управленіи, въ войнѣ...

Стоитъ вспомнить ужасающіе подвиги какого-нибудь Чингиза, повелѣвшаго зарѣзать четыреста тысячъ жителей въ столицѣ покореннаго Ховарезма, теперешней Хивы, или Тамерлана, этого оригинальнаго друга правосудія и просвѣщенія, топтавшаго лошадиными копытами тысячи дѣтей и воздвигнувшаго громадную пирамиду изъ головъ казненныхъ непріятелей.

Даже и гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ, какой-нибудь Имамъ-Кули-ханъ, котораго Вамбери въ своей исторіи Бухары называетъ бухарскимъ Гарунъ-аль-Рашидомъ, взявъ приступомъ городъ Ташкентъ, клянется Аллаху, что будетъ проливать кровь враговъ своихъ, убійцъ его любимаго сына, пока кровь эта не дойдетъ до стремени его лошади; только прибѣгнувъ къ хитрости, улемы могли къ концу дня остановить безпощадную человѣческую бойню: чтобъ осуществить клятву, принесенную гнѣвнымъ эмиромъ, они поставили коня его въ яму, гдѣ кровь убитыхъ дѣйствительно дошла до стремени его коня.

Нашъ извѣстный путешественникъ по Востоку Е. П. Ковалевскій разсказываетъ, что въ концѣ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія ташкентскій визирь безо всякаго суда зарылъ своего родственника по шею въ землю, выбрилъ ему голову и намазалъ медомъ, такъ что тучи насѣкомыхъ сейчасъ же покрыли

ее. А англійскій капитанъ Шекспиръ видѣлъ, какъ одинъ туркменскій старшина зарылъ брата своего по плечи въ землю, привязалъ къ шеѣ его веревку, другимъ концомъ ея взнуздалъ лошадь и сталъ гонять ее вокругъ прикола, пока веревка совсѣмъ перетерла шею, и голова несчастнаго свалилась съ плечъ.

Воспитанные на такихъ историческихъ образцахъ, ни туркмены, ни страдающіе отъ разбоевъ сосѣдніе народы не знаютъ другого обращенія съ побѣжденнымъ врагомъ, какъ веревка и ножъ.

Персы и хивинцы точно такъ же спокойно рѣжутъ горла плѣннымъ туркменамъ, какъ и туркмены имъ. Оттого-то текинцы были поражены безконечнымъ изумленіемъ, когда послѣ разгрома Геокъ-Тепе русскіе побѣдители не только не стали рѣзать ихъ, какъ барановъ, не только не потащили на веревкахъ ихъ женъ и дѣтей продавать на базарахъ Персіи, а еще стали кормить ихъ и устраивать имъ жилища.

Одинъ изъ спутниковъ моихъ говорилъ на станціи съ Текинцемъ, участвовавшимъ въ защитѣ Геокъ-Тепе.

Англичанинъ, тоже слушавшій разсказъ текинца, сталъ укорять въ жестокости генерала Скобелева.

— Нѣтъ, зачѣмъ такъ говоришь! живо вступился текинецъ.— Это ничего! Такъ надо. Война, надо убивать... Я его убиваю, онъ меня убиваетъ. Такъ хорошо. Всѣ бились, всѣхъ убивать надо. Нѣтъ, вотъ если бы ты видѣлъ, какъ мы съ персами дѣлали! Положимъ предъ нимъ дѣтей его и рѣжемъ понемножку: сначала руки отрѣжемъ, потомъ ноги, потомъ голову, прежде одному, потомъ другому, а онъ все смотритъ. А отвернется, мы ему ножомъ въ бокъ. Потомъ жену его рѣжемъ, потомъ его самого, и все понемножку, чтобъ онъ все самъ видалъ!..

Со смѣхомъ оскалилъ свои бѣлые зубы текинецъ, очевидно, вполнѣ утѣшенный такими сладкими воспоминаніями.

Теке не только занимаютъ свой узкій оазисъ у подножія горъ, гдѣ сидятъ частою вереницей ихъ аулы и крѣпости, гдѣ зеленѣютъ ихъ поля и сады, но еще кочуютъ, какъ и всѣ другіе

туркмены, по безпредѣльной песчаной пустынѣ своей, пробираясь волчьимъ чутьемъ и чуть замѣтными слѣдками къ знакомымъ имъ колодцамъ, озеркамъ и русламъ изсохшихъ степныхъ рѣкъ...

Изъ оазиса Ахалъ-Теке, какъ и изъ Мерва, какъ съ береговъ Каспія отъ Красноводской бухты и устьевъ Атрека, проложены черезъ пески пустыни къ Хивѣ и Бухарѣ еще съ глубокой древности караванные пути, которые опытный караванъ-баши,— вожа каравановъ, знаетъ такъ твердо, что не собьется ни ночью, ни въ буранъ, хотя эти пути заносятся ежедневно сыпучими песками. Пути эти идутъ, конечно, по колодцамъ полусоленой воды, разбросаннымъ, хотя очень скупо и рѣдко, по пескамъ пустыни. Съ береговъ Каспія до Хивы можно совершить путь на верблюдахъ черезъ пустыню въ 15 или 20 дней, смотря по тому, какую выбирать дорогу. Нашъ Муравьевъ-Карскій, будучи еще молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, въ 1819 году, по порученію Ал. Пет. Ермолова, главнокомандующаго на Кавказѣ, совершилъ геройское путешествіе отъ Красноводской бухты въ Хиву вдоль стараго русла Аму-Дарьи, Узъ-Боя, въ 17 дней, не имѣя при себѣ никого, кромѣ армянина переводчика и нѣсколькихъ провожатыхъ туркменъ.

Полвѣка спустя, венгерецъ Вамбери, знаменитый своею спеціальною ненавистью къ русскимъ и своею довольно подозрительною ученостью въ сферѣ азіатскаго Востока, переодѣтый дервишемъ переѣхалъ съ karavanомъ туркменъ Іомудовъ съ устьевъ Гюргеня (немного южнѣе Атрека и очень близко отъ гор. Астрабада) въ Хиву по такъ называемой средней караванной дорогѣ, мимо Большого Балкана, послѣ чего онъ держался почти той же дороги, какъ Муравьевъ, и сдѣлалъ весь свой путь въ 20 дней.

Тѣми же путями текинцы и другія туркменскія племена дѣлали набѣги на Хиву, и въ свою очередь хивинскіе ханы ходили громить улусы кочевниковъ.

Немудрено поэтому, что и въ Хивѣ, и въ Мервѣ, и на Ат-

рекѣ хорошо знаютъ эти дороги. Было и время, и случай изучить ихъ. Кости людей и животныхъ, погибшихъ отъ жажды и изнуренія, а иногда и отъ ножа разбойника, служатъ на нихъ краснорѣчивыми верстовыми столбами, и недостатка въ нихъ никогда не бываетъ.

Когда явились туркмены въ азіатскихъ пустыняхъ, навѣрное сказать трудно. Въ IX вѣкѣ по Р. Хр. вторгшіеся съ сѣвера турки Сельджуки разрушили власть арабскихъ халифовъ въ Ховарезмѣ, Мареванагарѣ и другихъ областяхъ Центральной Азіи, теперь именуемыхъ Хивой, Бухарой и пр. Многіе думаютъ, что туркмены ихъ остатки. Можетъ быть это и такъ, а можетъ быть и не такъ; доказать это во всякомъ случаѣ трудно.

Въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ, Ферганѣ, вездѣ мы видимъ до сихъ поръ особое племя завоевателей, которые величаютъ себя узбеками и отличаютъ себя отъ покоренныхъ народовъ сартовъ, таджиковъ. Конечно, узбеки эти — завоеватели позднѣйшаго времени, но тоже однако тюрко-монголы. Почему же въ туркменскихъ пустыняхъ нѣтъ никакого слѣда покоренныхъ племенъ, никакой двойственности туземной расы?

Очень можетъ быть, что туркмены были отвѣчные обитатели песчаныхъ пустынь Азіи, которыя не соблазняли никакихъ завоевателей древности и которыя *не могли быть* завоеваны ни однимъ изъ этихъ завоевателей. Въ самомъ дѣлѣ, какая корысть была бы хотя Чингисъ-Хану или Тимуру захватывать и заселять эти безплодныя разбойничьи гнѣзда? Другое дѣло, ворваться съ войскомъ въ улусы разбойниковъ, пожечь ихъ, угнать ихъ скотъ, наказать ихъ за дерзкіе набѣги такъ, чтобы дѣтямъ ихъ было памятно. Такія войны со степью, конечно, бывали постоянно у всѣхъ ея сосѣдей. Но послѣ опустошенія родныхъ кочевій, кочевники, разсыпавшіеся, какъ вѣтеръ во всѣ стороны, собирались опять, опять сгоняли уцѣлѣвшій скотъ, опять разбивали свои кибитки, сотканныя изъ шерсти этого скота,

опять пили кумысъ своихъ кобылицъ и отправлялись на своихъ доморощенныхъ, быстрыхъ какъ вѣтеръ, коняхъ въ новые набѣги.

Одно можно сказать съ достовѣрностью, что съ незапамятныхъ временъ исторіи въ пустыняхъ этихъ дѣйствуютъ народы, ничѣмъ неотличающіеся по нравамъ и образу жизни отъ нынѣшняго туркмена.

Въ «Исторіи Александра Великаго, царя Македонскаго», Квинта Курція, полной многихъ баснословій, есть любопытныя указанія на обитателей теперешней Туркменіи.

Александръ, какъ извѣстно, направился въ Бактрію и Индію черезъ Гирканію, то-есть теперешній Мазандеранъ, слѣдовательно, въ ближайшихъ окрестностяхъ Астрабада. Между рѣками Гюргень и Атрекомъ, то-есть на самой границѣ Персіи отъ Россіи, въ кочевьяхъ іомудовъ, начиная отъ такъ называемаго Серебрянаго Бугра, до сихъ поръ видны остатки огромной стѣны, построенной по преданію туземцевъ Искандеромъ, то-есть Александромъ Македонскимъ и называемой Туркменами «Кизиль-аланъ»—«хранилище золота».

Вамбери видѣлъ развалины этой стѣны и ея башенъ на многія версты вдоль битой караванной дороги, параллельной теченію Атрека.

Этотъ памятникъ и это преданіе несомнѣнно подтверждаютъ, что воинство Александра двигалось изъ лѣсовъ Гирканіи по теперешней сѣверной границѣ Персіи, то-есть приблизительно по тѣмъ горнымъ странамъ, которыя провожаютъ справа нашу желѣзную дорогу изъ Узунъ-Ада въ Асхабадъ.

Страну, примыкавшую съ востока къ Гирканіи, Курцій называетъ, по примѣру другихъ древнихъ географовъ, Маргіаною, и въ Маргіанѣ этой упоминаетъ большой городъ Маргію, впослѣдствіи Александрію Маргійскую, которую всѣ изслѣдователи древности считаютъ за Меру или Мервъ. Ясно, значитъ, что Маргіана была теперешняя Туркменія съ Асхабадомъ и Мервомъ и съ прилегающими къ ней сѣверными частями Хорасана.

Въ этой Маргіанѣ, по Курцію, жилъ Мардскій (вѣроятно, Маргскій) «дикой народъ», котораго тогдашній портретъ легко бы годился въ портретъ теперешнему туркменскому народу.

„Ирканіи порубеженъ былъ Мардскій дикой и въ разбояхъ упражняющійся народъ, который одинъ только не прислалъ пословъ къ Александру и, повидимому, власти его не хотѣлъ покориться“.

Александръ велъ, правда, войну съ этимъ отчаяннымъ народомъ не только на ровныхъ мѣстахъ, но и въ горахъ, и въ лѣсахъ, гдѣ даже былъ отбитъ варварами его знаменитый конь Буцефалъ; но это означаетъ только, что и тогда кочевники степей захватывали сѣверные лѣсистые отроги Персіи. Собственно же про текинскихъ туркменъ достовѣрно извѣстно одно: они жили на полуостровѣ Мангышлакѣ у Каспійскаго моря еще при Петрѣ I; калмыцкій ханъ Аюка выгналъ ихъ оттуда, вслѣдствіе чего они двинулись къ югу, вытѣснили въ 1717 г. изъ ихъ кочевій Іомудовъ и Эмрали и заняли Кизилъ-Арватъ. Отсюда уже постепенно распространились они до Мургаба. Замѣчательно, что туркмены приняли русское подданство еще при Петрѣ I-мъ, но послѣ, при слабыхъ потомкахъ великаго царя, забыли объ этомъ, какъ и о многомъ другомъ, что̀ дѣлалъ геніальный хозяинъ земли русской. Въ 1802 г. туркмены опять принимаютъ наше подданство и опять ни къ чему.

III.

Текинскій Севастополь.

Во всякомъ случаѣ Русскимъ удалось то, что̀ не удалось великому македонскому завоевателю,—не только покорить, но и умирить вѣковѣчныхъ степныхъ разбойниковъ.

Исторія русскаго похода въ Теке была труднѣе македонскаго уже потому, что войска Александра до самаго Паропамиза шли жилыми мѣстами, не стѣсняясь разорять и захваты-

вать подъ свою власть всѣ области, которыми имъ было удобно проходить. Русскій же отрядъ обязанъ былъ двигаться черезъ степи по безплоднымъ Туркменскимъ кочевьямъ, заботливо оберегая неприкосновенность персидской границы. А Туркменскій оазисъ у подножія горъ, по линіи теперешней желѣзной дороги, былъ почти сплошь покрытъ тогда еще неразрушенными крѣпостцами, которыхъ насчитывалось цѣлыхъ 47. Каждый значительный аулъ охранялся особою крѣпостью, развалинами которыхъ мы теперь любуемся на каждомъ шагу. Многія изъ нихъ нужно было брать съ бою.

Побѣдоносное завоеваніе русскими недоступнаго Ахалъ-Текинскаго оазиса, составлявшаго грозу и ужасъ окрестныхъ государствъ, началось, какъ всѣмъ, конечно, памятно, съ постыдной неудачи. Для русской исторіи это впрочемъ не новость, а почти установившійся обычай: неудачами начинались всѣ войны Петра съ турками, со шведами, неудачами начался знаменитый 12-й годъ, Плевненскими погромами началась и послѣдняя Болгарская война.

Разумѣется, мы сами кругомъ были виноваты въ плачевномъ исходѣ нашего перваго похода подъ Геокъ-Тепе. Генералъ Ломакинъ очутился совершенно случайно во главѣ дѣйствующаго отряда, вслѣдствіе внезапной смерти талантливаго Лазарева, и распоряжался, такъ-сказать, не своимъ, а чужимъ дѣломъ. А тутъ еще на бѣду наслали ему изъ Петербурга разныхъ штабныхъ баричей, которыхъ старые кавказцы презрительно величаютъ «фазанами», и которые явились только нахватать поскорѣе и побольше чиновъ и знаковъ отличія въ этой игрушечной, какъ они думали, войнѣ съ азіятскими халатниками. Баричи все были знатные и вліятельные и мало поэтому стѣснялись своего скромнаго начальника. Всякій предлагалъ свое, дѣйствовалъ по-своему. Въ результатѣ оказалось, что отрядъ двинулся въ пустыни, ничѣмъ не обезпеченный, неспособный выдержать малѣйшей неудачи. Подвозъ припасовъ, снарядовъ, людей былъ затрудненъ до чрезвычайности, потому что опорный пунктъ

отряда—Чикишляръ, — вслѣдствіе мелководія своего, былъ недоступенъ даже и для небольшихъ судовъ. Паровыя суда должны были останавливаться за 3 и 5 верстъ отъ берега, а парусныя бросали якорь такъ далеко, что ихъ едва можно было разглядѣть съ берега. Почтоваго сообщенія между берегомъ и дѣйствующимъ отрядомъ устроено не было, госпитали были безо всякихъ необходимыхъ принадлежностей, у отряднаго священника не было ни облаченія ни утвари, ни книгъ, ни запасныхъ даровъ, чтобы совершать богослуженіе и причащать умирающихъ; провизіи не было, никакихъ складовъ, запасовъ по пути движенія не существовало, верблюдовъ было очень мало, тылъ ничѣмъ не былъ обезпеченъ. Денегъ тоже не было. Одни только штабные господа аккуратно получали звонкою монетой по 40,000 рублей каждый мѣсяцъ. Ихъ набралось подъ разными безполезными титулами до 60 человѣкъ на какія-нибудь 3,000 войска, достигшаго до Геокъ-Тепе. Подъ одинъ обозъ ихъ отнималось у отряда 340 верблюдовъ въ то время, какъ отрядъ не зналъ, откуда добыть средства передвиженія для самыхъ необходимыхъ тяжестей. Цѣлая сотня казаковъ была разобрана въ вѣстовые къ этому многочисленному и ни на чтó ненужному начальству.

Такъ же необдуманно и неподготовленно, какъ производился походъ,—произведено было и самое нападеніе на Геокъ-Тепе.

Когда Текинцы узнали о движеніи отряда въ ихъ оази́съ, «джумъ-гуріе» ихъ, то-есть сходъ всего племени, рѣшилъ биться до послѣдней капли крови. Старая крѣпость Геокъ-Тепе, такъ называемая «Куня Геокъ Тепе», расположенная среди песковъ, была оставлена, и рѣшено было укрѣпиться немного ближе къ горамъ, вокругъ холма Денгиль-Тепе. Но какъ ни одушевленно работали Текинцы, не только мужчины, но и дѣти и женщины, однако не успѣли вполнѣ окончить укрѣпленія къ приходу русскихъ. Южная сторона оставалась совсѣмъ неукрѣпленною, восточная готова была только на половину, да и остальныя стѣны не были еще доведены до настоящей своей высоты, такъ что

черезъ нихъ хорошо были видны нашему войску прятавшіяся въ крѣпости кибитки.

Передовая колонна наша подъ начальствомъ князя Долгорукова поторопилась начать прискорбное дѣло 28 августа 1878 г., не дождавшись остального войска и не давъ отдохнуть людямъ.

Да и самая атака крѣпости началась безо всякихъ предварительныхъ рекогносцировокъ, прежде чѣмъ войска могли осмотрѣться и сообразить что-нибудь, при полномъ незнакомствѣ съ положеніемъ крѣпости и числомъ ея защитниковъ, при совершенномъ непониманіи того гибельнаго значенія, которое должна была имѣть для престижа русскаго имени въ Азіи неудача подъ Геокъ-Тепе. Этимъ только и можно объяснить себѣ поразительный фактъ, что штурмовыя колонны полѣзли прямо во рвы и на стѣны, въ то время какъ доступъ въ крѣпость былъ совершенно свободенъ съ южной стороны...

Повидимому, у штурмующихъ не было заготовлено ни лѣстницъ, ни фашиннику, ибо стоило ли возиться съ этими пустяками въ войнѣ съ халатниками! Усталые, полуголодные солдатики были двинуты прямо на уру,—и когда ихъ встрѣтили изъ-за стѣнъ тысячи мѣткихъ винтовокъ и тысячи отчаянныхъ храбрецовъ, оказалось, что съ пустыми руками на стѣну не влѣзешь, и пришлось утекать во-свояси подъ градомъ вражескихъ пуль, подъ натискомъ цѣлыхъ полчищъ лихихъ наѣздниковъ.

Если бы не наша молодецкая артиллерія, которая съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ прикрывала тылъ безпорядочно отступавшихъ войскъ и осаживала своею мѣткою картечью отчаянно насѣдавшія на нихъ толпы Текинцевъ,—исходъ боя былъ бы ужасный. Артиллерія не только спасла отрядъ послѣ отбитаго приступа, но и едва не окончила дѣло побѣдой. Огонь ея привелъ Текинцевъ въ такой ужасъ, что они, потерявъ до 2.000 человѣкъ, и ожидая на другой день новаго приступа, на ночномъ сборищѣ своемъ совсѣмъ было порѣшили уходить изъ Денгиль-Тепе, а многіе даже прямо посовѣтовали покориться

Россіи. Имъ и въ голову не приходило, что они одержали надъ нами побѣду, и когда утромъ увидѣли, что русскій отрядъ покинулъ свой лагерь и отступаетъ, изумленію и радости ихъ не было конца. Во время торжественнаго пира по случаю побѣды всѣ русскіе плѣнные были зарѣзаны, и съ труповъ иха срѣзано сало для лѣченія боевыхъ ранъ.

Храброму и опытному генералу Тергукасову, принявшему отъ Ломакина начальство надъ возвратившимся отрядомъ, принадлежитъ чрезвычайно важная мысль перенести базисъ будущихъ военныхъ дѣйствій противъ Текинцевъ изъ неудобнаго Чикишляра въ Красноводскую бухту, намѣченную еще геніальнымъ глазомъ Петра I.

Тергукасовъ же первый поднялъ вопросъ о необходимости связать эту бухту желѣзною дорогой съ театромъ военныхъ дѣйствій, напримѣръ, съ Кизилъ-Арватомъ. Скобелевъ, со всею горячностью и настойчивостью своего изобрѣтательнаго военнаго генія, схватился за этотъ умный планъ и убѣждалъ покойнаго государя, глубоко огорченнаго пораженіемъ 28 августа, не отлагать дѣла въ долгій ящикъ, не давать Англичанамъ воспользоваться плодами нашей громкой неудачи и захватить себѣ какой-нибудь Гератъ. Онъ совѣтовалъ одновременно и строить желѣзную дорогу, и идти впередъ. Экспедиція его началась осенью 1880 г. Наученный опытомъ своихъ прежнихъ походовъ въ Азіи и тщательно изучивъ практическія условія другихъ походовъ, онъ съ удивительною предусмотрительностью и благоразуміемъ обдумалъ и подготовилъ до послѣдней мелочи все, что было нужно для обезпеченія долгаго степного похода. Въ этомъ походѣ онъ показалъ себя не только талантливымъ военачальникомъ, какимъ уже считала его вся Россія, но еще и замѣчательныхъ военнымъ хозяиномъ. Цѣлый рядъ складовъ и опорныхъ военныхъ пунктовъ обезпечилъ его движеніе къ Геокъ-Тепе; верблюды и провіантъ неутомимо добывались вездѣ кругомъ, въ Персіи, въ киргизскихъ степяхъ, въ Хивѣ особыми агентами. Госпитали, почта были устроены отлично. Каждый

солдатъ имѣлъ съ собой на случай зимнихъ холодовъ полушубокъ, фуфайку, запасные сапоги, суконныя портянки и войлокъ для спанья.

Каждый шагъ впередъ изучался предварительными рекогносцировками и съемками. Всякій офицеръ, всякій солдатъ заранѣе получали точныя и практическія наставленія на всевозможныя случайности похода.

Съ какимъ неимовѣрнымъ трудомъ сопряжены всѣ эти хозяйственныя заботы о войскѣ среди азіатскихъ пустынь лучше всего видно изъ того, сколько верблюдовъ обыкновенно гибнетъ въ каждый подобный походъ. Въ Хивинской экспедиціи 1873 г., напримѣръ, погибло у насъ 15.000 верблюдовъ, при рекогносцировкѣ маленькаго отряда Маркозова 5.000, въ войнѣ Англичанъ противъ Афганцевъ 60.000!

А между тѣмъ верблюдъ единственное вьючное животное, способное выносить пески и зной пустыни и тащить притомъ на своемъ горбѣ цѣлый возъ клажи въ 10 и даже 12 пудовъ.

Нужно вспомнить еще, что почти всѣ верблюдовожатые въ походѣ Скобелева поневолѣ брались изъ Туркменъ, и что при каждомъ удобномъ случаѣ они убѣгали сами и угоняли въ пески своихъ верблюдовъ.

Скобелевъ, однако, несмотря на всѣ препятствія, увѣренно и безъ торопливости подвигался впередъ. Текинцы бросали свои калы и кибитки и по мѣрѣ движенія отряда все больше сосредоточивались въ Геокъ-Тепе. Они рѣшились умереть, но не сдаваться. Даже пастухи, которыхъ авангардъ отряда захватывалъ со стадами овецъ въ покинутыхъ калахъ, не отворяли воротъ крѣпости, запирались въ башняхъ и отстрѣливались впятеромъ, вдесятеромъ отъ цѣлаго войска, пока ихъ не перекалывали штыками. Пощады не просилъ никто.

Скобелевъ отлично изучилъ восточнаго человѣка. Онъ постоянно твердилъ, что «Азіатца прежде всего нужно бить по воображенію», и онъ его билъ по воображенію, гдѣ только могъ, чѣмъ только могъ. Чтобы доказать Текинцамъ, что русскаго

войска не остановятъ ни пески, ни безводіе, онъ вытребовалъ съ береговъ Аму-Дарьи, изъ Петро-Александровска, отрядъ Куропаткина. Куропаткинъ съ 900 верблюдами прошелъ 973 версты черезъ пустыню, почти неимѣвшую колодцевъ, и явился къ ужасу Текинцевъ въ ихъ оазисѣ со своими закаленными въ бояхъ туркестанскими солдатами.

Текинцы чувствовали, что на нихъ теперь надвигается что-то непобѣдимое. Они смотрѣли на Скобелева съ благоговѣйнымъ ужасомъ. У нихъ онъ былъ уже не бѣлый генералъ, не «*акъ-паша*» какъ у турокъ, а «кровавые глаза»—гёзъ-канлы». Текинцы говорили про русскихъ: «Русскіе на далекомъ разстояніи просто жгутъ людей и нѣтъ возможности броситься на нихъ въ рукопашный бой. Потому мы хотимъ выйти изъ крѣпости только тогда, когда ихъ войска подвинутся къ намъ близко. Въ рукопашной схваткѣ русскіе не устоятъ!» Въ силу свою Текинцы все еще вѣрили.

«Теперь наша крѣпость сильнѣе, чѣмъ была прежде,—похвалялись они Хорасанцамъ. Семейства наши будутъ хорошо спрятаны, до нихъ трудно Русскимъ добраться, такъ какъ мы для нихъ вырыли глубокія жилыя помѣщенія. Если же будетъ сильный напоръ со стороны Русскихъ, то переселимся кто въ Персію, кто въ Мервъ! Мы бы помирились съ Русскими, если бы знали, что они не изнасилуютъ нашхъ женъ и не уничтожатъ всѣхъ мужчинъ».

Главнымъ вождемъ Текинцевъ и распорядителемъ обороны въ Геокъ-Тепе былъ знаменитый своими аламанами Тыкма-Сардаръ. Онъ всю свою жизнь провелъ въ разбояхъ и будучи еще мальчишкой семнадцати лѣтъ уже стоялъ во главѣ цѣлой сотни лихихъ наѣздниковъ.

Персіяне, сосѣди Текинцевъ, предрекали Русскимъ новую неудачу и не вѣрили въ возможность одолѣть этотъ отчаянный народъ.

«Ради Бога, не идите прямо на штурмъ!—уговаривалъ полковника Гродекова ильхани Беджнурдскій Яръ-Магометъ-Ханъ,

большой другъ русскихъ. Повѣрьте мнѣ, я текинцевъ знаю лучше васъ, я съ ними воюю всю свою жизнь. Храбрѣе этого народа нѣтъ въ мірѣ. А теперь, когда въ Геокъ-Тепе находятся семьи ихъ, и Текинцамъ некуда дѣться, храбрость ихъ удесятерится!» Ему казалось, что для покоренія Геокъ-Тепе слишкомъ мало 20.000 войска и 100 орудій.

Хотя ни одинъ иностранный корреспондентъ не былъ допущенъ Скобелевымъ на театръ войны, однако англійскіе агенты ухитрились преслѣдовать нашъ отрядъ чуть не по пятамъ, слѣдя за нимъ по персидской границѣ. Конечно, это были не столько газетные корреспонденты, сколько политическіе агенты-подстрекатели, дѣлавшіе всевозможное, чтобы проникнуть къ текинцамъ и подбивать ихъ къ отчаянному сопротивленію русскому нашествію. Особенною дерзостью отличался пресловутый О'Донаванъ. Онъ нѣсколько разъ переодѣвался туркменомъ и пытался перейти персидскую границу, но всякій разъ былъ останавливаемъ и водворяемъ обратно хорасанскими властями. Бродили также и разъѣзжали по сосѣдству нашего отряда переодѣтый полковникъ Стюартъ подъ именемъ армянскаго купца, капитаны Гилль и Ботлеръ. О'Донаванъ перебрался потомъ въ Мервъ и, будучи жестокимъ пьяницей, шатался тамъ по базарамъ, уча Мервцевъ какъ рубить головы русскимъ, чѣмъ впрочемъ возбуждалъ въ нихъ только презрительное недовѣріе, ибо они не дождались отъ него ни суленыхъ англійскихъ денегъ, ни обѣщанной военной помощи.

Нашъ агентъ въ Мешедѣ, Насирбековъ, писалъ въ это время полковнику Гродекову, изъ прекраснаго и капитальнаго труда котораго мы главнымъ образомъ заимствуемъ подробности Скобелевскаго похода: «Англичане вездѣ имѣютъ людей. Деньги, которыя они бросаютъ въ этихъ странахъ, могутъ совратить родного брата. Страхъ, какъ они сыпятъ золото!»

Особенно бодрящее вліяніе на текинцевъ имѣли письма англійскаго консула въ Мешедѣ, Абазъ-Хана, обнадежившаго ихъ помощью Англіи. Въ ожиданіи ея текинцы не откочевывали въ

пески, засѣяли всѣ поля отъ Геокъ-Тепе къ Гяурсу и распредѣлили воду, какъ всегда у нихъ дѣлалось. Крѣпость рѣшено было защищать до крайности.

Духъ народа былъ также сильно поднятъ прибытіемъ двухтысячнаго подкрѣпленія изъ Мерва. Везли было оттуда и два орудія, отбитыя у персовъ, но колеса разсыпались, и ихъ бросили въ степи. Теперь въ Геокъ-Тепе собралось до 30.000 защитниковъ, изъ которыхъ однихъ всадниковъ насчитывалось 10.000; всего же населенія, засѣвшаго въ стѣнаяхъ Геокъ-Тепе, было не менѣе 45.000, и при этомъ всего одно шестифунтовое орудіе, важно установленное среди окоповъ на вершинѣ холма Денгиль-Тепе.

Внутренность крѣпости была уставлена кибитками и шалашами, изрыта глубокими ямами. Кибитокъ стояло около 15.000 Вездѣ были проведены канавы съ водой и выкопаны колодцы. Въ пескахъ было зарыто много хлѣба, а скотъ былъ угнанъ въ степи за 150 и 200 верстъ дальше къ востоку.

Когда отрядъ нашъ появился передъ крѣпостью и сталъ вести первые апроши, въ крѣпости уже давно все было готово къ достойной насъ встрѣчѣ. Текинцы дали намъ спокойно приблизиться траншеями къ ихъ рвамъ, и тогда вдругъ неожиданно сдѣлали отчаянную ночную вылазку. Это было уже въ самомъ концѣ 1880 года, 28 декабря. Кочевники оказали тутъ чудеса геройства. Босикомъ, въ однѣхъ рубахахъ, съ засученными штанами и рукавами, съ однѣми только шашками и кинжалами въ рукахъ неслышно и быстро, какъ стая пантеръ, перебѣжали они разстояніе, отдѣлявшее ихъ рвы отъ нашихъ параллелей, и ворвались въ передовыя траншеи прежде, чѣмъ растерявшіяся войска успѣли сдѣлать по нимъ хоть бы одинъ залпъ. Въ неистовомъ натискѣ своемъ перекололи они артиллерійскую прислугу, захватили восемь пушекъ, вырвали знамя у 4-го баталіона Апшеронскаго полка, сбили и смяли роты, изрубили множество офицеровъ и пробились сквозь всѣ редуты и батареи чуть не до самаго лагеря. Подоспѣвшія на выручку войска опрокинули

однако назадъ эту упоенную побѣдой босоногую толпу и отняли у нея назадъ всѣ орудія, кромѣ одного. На другой день у текинскихъ кибитокъ торчали на кольяхъ головы нашихъ солдатиковъ, всѣ изуродованныя, съ отрѣзанными носами и ушами...

Грѣшно не помянуть при этомъ безвѣстнаго русскаго героя, котораго самоотверженный подвигъ не менѣе всякихъ Муцiевъ Сцеволъ и Горацiевъ Коклесовъ достоинъ бы былъ передоваться изъ поколѣнія въ поколѣніе русскому юношеству. Кучка апшеронцевъ отступала на наши войска подъ жестокимъ натискомъ насѣдавшихъ на нихъ текинцевъ. Войска не рѣшались стрѣлять, чтобы не попасть въ своихъ, и текинцы могли черезъ нѣсколько минутъ овладѣть нашими траншеями.

— Братцы! стрѣляйте скорѣе! Насъ мало, а за нами текинцы! — громко крикнулъ герой-апшеронецъ.

Залпъ огня отбросилъ надвинувшуюся текинскую орду, но патріотъ-солдатъ палъ, конечно, первый.

Не одну подобную вылазку дѣлали и потомъ текинцы, но ужъ мы приспособились къ нимъ, и каждая новая попытка ихъ кончалась все неудачнѣе и неудачнѣе.

Лихіе степные наѣздники опѣшили и потеряли вѣру въ свою непобѣдимость. Съ каждымъ днемъ становилось все труднѣе сардарямъ выгонять ихъ на ночныя атаки, кончавшіяся только сильнѣйшимъ опустошеніемъ ихъ рядовъ. Они рѣшили лучше дождаться русскихъ у себя въ стѣнахъ, гдѣ ихъ приходилось по пять человѣкъ на одного русскаго солдата, и гдѣ бой долженъ былъ рѣшиться не пушечнымъ огнемъ, приводившимъ текинцевъ въ неописуемый ужасъ, а страстно желанною имъ рукопашною схваткой, грудь на грудь.

Наши траншеи и батареи между тѣмъ совсѣмъ приблизились къ текинской крѣпости; Скобелевъ рѣшилъ, что пришло время нанести послѣдній ударъ. Три штурмовыя колонны должны были съ разныхъ сторонъ двинуться ночью на крѣпость, помогая другъ другу. Первую колонну велъ достойный соратникъ Скобелева полковникъ Куропаткинъ, теперешній генералъ-губернаторъ

Закаспійской области. Подъ стѣну крѣпости заранѣе была подведена мина; тотчасъ вслѣдъ за взрывомъ ея колонна Куропаткина должна была двинуться въ образовавшійся проломъ и овладѣть стѣнами...

Текинцы давно провѣдали про мину, но не боялись ея нисколько. Они думали, что русскіе ведутъ подкопъ съ цѣлью пробраться ночью внутрь крѣпости и радостно ждали этого, думая изрубить ихъ по одиночкѣ. Этотъ маневръ былъ изстари знакомъ кочевникамъ, и даже ихъ величайшій герой Чингисъ-ханъ продѣлалъ подобный подкопъ подъ стѣны крѣпости, когда онъ бралъ столицу Китая. Текинцы, конечно, не допускали мысли, чтобы невѣрные московы могли придумать что-нибудь получше ихъ великаго Чингиса!

Незадолго до полуночи вдругъ раздался страшный подземный ударъ, и громадный столбъ земли и дыма взлетѣлъ къ небу. Невозможно описать ужасъ, охватившій текинцевъ. Никто не понималъ, что̀ это за громы небесные неожиданно разразились надъ ихъ крѣпостью. Большинство думало, что это землетрясеніе. Кто помалодушнѣе, бросился бѣжать вонъ изъ крѣпости, не помышляя ужъ объ оборонѣ. Но еще оставалось много храбрецовъ, и всѣ они, несмотря на потрясающій ужасъ, несмотря на сотни задавленныхъ и растерзанныхъ взрывомъ, встрѣтили лицомъ къ лицу нашу штурмующую колонну на обвалахъ бреши... Мина взорвала стѣну на протяженіи пятнадцати саженъ и уже, конечно, текинскіе герои были не въ силахъ отстоять такія широко распахнутыя ворота отъ молодецкаго натиска нашей пѣхоты. По трупамъ переколотыхъ защитниковъ вошли наши солдатики на стѣны крѣпости, да и тамъ еще должны были упорнымъ боемъ брать каждый шагъ, потому что толстыя стѣны были перегорожены наверху глиняными траверсами, за которыми отчаянные азіатцы рубились до послѣдней капли крови.

Не давая опомниться сбитому со стѣнъ врагу, Куропаткинъ двинулъ войска съ музыкой, барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами на центральную твердыню крѣпости — холмъ

Денгиль-Тепе, на которомъ столпились самые храбрѣйшіе изъ текинцевъ, поклявшіеся умереть на защиту родного гнѣзда. Военная музыка наша приводитъ азіатцевъ въ какой-то мистическій ужасъ и не разъ помогала успѣху нашихъ атакъ. Штыкъ скоро окончилъ кровопролитную борьбу, и русское знамя взвилось надъ Денгиль-Тепе.

«Поздравляю съ полною побѣдой, вся крѣпость наша. Оба орудія и знамя отбилъ назадъ!» доносилъ Куропаткинъ Скобелеву съ вершины Денгиль-Тепе.

Оставались только отдѣльныя калы внутри и около крѣпости; засѣвшіе тамъ текинцы не сдавались, а отстрѣливались и рубились, пока ихъ не перекололи до послѣдняго.

Тыкма-Сардаръ долго напрасно пытался останавливать бѣгущихъ, ругался и билъ ихъ по чемъ попало; наконецъ, потерявъ всякую надежду, онъ и самъ ускакалъ въ пески сквозь заднія ворота крѣпости. Сынъ его Ахъ-Верды, храбрый предводитель ночныхъ вылазокъ, палъ въ бою сраженный гранатой.

Скобелевъ самъ повелъ кавалерію преслѣдовать бѣгущихъ и гналъ ихъ не менѣе пятнадцати верстъ. Даже пѣхота наша и та гналась за текинцами верстъ на десять отъ крѣпости. Тысячи труповъ устлали дорогу.

Всего было убитыхъ въ эту ночь со стороны текинцевъ до весьми тысячъ. Но, кромѣ того, крѣпость была наполнена кучами разлагающихся труповъ, которыхъ въ послѣдніе дни текинцы уже не успѣвали хоронить.

До самого утра войска должны были брать приступомъ ямы и кибитки, въ которыхъ защищались одинокіе текинцы, не успѣвшіе бѣжать и всѣ по очереди погибавшіе подъ штыками. Цѣнная добыча хлѣбомъ, оружіемъ, вещами, досталась нашему войску въ Геокъ-Тепе.

Погромъ, нанесенный текинцамъ, былъ потрясающій, такой именно, какой, по мнѣнію Скобелева, необходимъ въ Азіи, такой, о которомъ вспоминаютъ цѣлое столѣтіе, о которомъ съ ужасомъ разсказываютъ на базарѣ самаго глухого городка, въ кибиткѣ

каждаго кочевника. Послѣ такихъ только кровавыхъ погромовъ азіатецъ покоряется безпрекословно и взираетъ съ благоговѣніемъ на властвующую надъ нимъ силу. Оттого-то Асхабадъ былъ занятъ черезъ шесть дней послѣ Геокъ-Тепе безъ малѣйшаго сопротивленія. Его опять-таки занялъ Куропаткинъ, которому поэтому вполнѣ законно быть теперь его правителемъ и устроителемъ. 28.000 квадратныхъ верстъ и пятьдесятъ тысячъ жителей были присоединены къ Россіи этимъ завоеваніемъ оазиса Ахалъ-Теке...

Но Скобелевъ поразилъ воображеніе азіатцевъ не только русской силой, но и русскимъ милосердіемъ, русскою справедливостью. Еще во время преслѣдованія врага, въ самый разгаръ боя, онъ отдалъ приказъ возвращать назадъ въ Геокъ-Тепе бѣжавшихъ текинскихъ женщинъ и дѣтей. Имъ были даны жилища и разная рухлядь изъ оставшейся добычи, имъ отпускался хлѣбъ и разные припасы. Мало-по-малу, видя доброту русскихъ, ахалъ-текинцы стали возвращаться къ своимъ семьямъ и селиться по старымъ мѣстамъ. Наконецъ, даже самъ Тыкма-Сардаръ, укрывшійся въ Мервѣ, явился съ повинною. Сначала онъ, было, предлагалъ мервцамъ собрать изъ своихъ ахалъ-текинцевъ дружину въ двѣ тысячи всадниковъ для защиты Мерва отъ русскихъ, но Мервцы съ грубою откровенностью степняковъ сказали ему:

«Ты убѣжалъ отъ русскихъ и хочешь защищать Мервъ? Если ты храбръ, то послѣ этого на свѣтѣ нѣтъ трусовъ. Ты трусъ, потому что убѣжалъ, а храбрецы всѣ погибли подъ Геокъ-Тепе».

Выбирать было не изъ чего, пришлось волей-неволей покориться русскимъ и даже отправиться потомъ на поклонъ къ Бѣлому Царю.

Салоры и сарыки съ береговъ Теджена и Мургаба тоже прислали пословъ съ предложеніемъ покорности. Сосѣдніе хорасанцы ликовали отъ восторга, что наконецъ избавились отъ своихъ вѣковѣчныхъ утѣснителей. Въ самыхъ далекихъ углахъ Азіи громко

отдался ударъ, нанесенный русскою силой храбрѣйшему и неукротимѣйшему изъ ея народовъ.

Съ взволнованнымъ чувствомъ осматривалъ я полуобвалившіяся стѣны Геокъ-Тепе, такъ недавно еще вписавшія геройскую страницу въ исторію русскаго воинства. Видъ историческихъ мѣстностей имѣетъ на себѣ какую-то особенную печать. Вѣдь и Бородинское, и Куликовское поле—ничего больше, какъ поля, покрытыя такими же нивами, какъ и всякое другое. Однако, глядя на нихъ, видишь не только вспаханную или засѣянную землю, а что-то гораздо болѣе выразительное, что-то могуче-возбуждающее и мысли, и ощущенія ваши. Глядя на нихъ, грезишь на-яву и заселяешь пустынную равнину картинами и образами, которые приноситъ сюда ваша голова, ваше сердце...

Такое же точно впечатлѣніе произвела на меня и заброшенная Текинская крѣпость, на которой невидимыми буквами написано навсегда, въ память вѣкамъ грядущимъ — 12 января 1881 года.

Насъ было нѣсколько человѣкъ, и по счастью, одинъ военный инженеръ, лично участвовавшій въ осадѣ Геокъ-Тепе. Онъ могъ разъяснить намъ все, что̀ намъ было неясно.

Мы влѣзли на стѣны и бродили внутри крѣпости. Крѣпость поражаетъ своею кажущеюся ничтожностью. Она стоитъ на совершенно гладкой равнинѣ, у самыхъ песковъ. Обхватъ ея большой, болѣе четырехъ верстъ въ окружности. Недаромъ же въ ея стѣнахъ помѣщалось все населеніе оазиса, почти полсотни тысячъ народа съ ихъ кибитками. Но высота стѣнъ зато не больше двухъ саженъ. Въ толщину онѣ гораздо больше: до пяти саженъ при основаніи и до трехъ наверху. Такъ какъ онѣ глиняныя, то, вѣроятно, другого размѣра сдѣлать нельзя, иначе бы онѣ обвалились. По верхнему краю стѣны идетъ ходъ, прикрытый двухъ-аршинными тонкими стѣнками съ узкими бойницами для ружій, и перегороженный черезъ каждыя нѣсколько саженъ такими же поперечными стѣнками, такъ-называемыми травер-

сами. Эти траверсы сдѣланы нарочно для того, чтобы на каждомъ шагу можно было остановить непріятеля, успѣвшаго гдѣ-нибудь влѣзть на стѣну. Частыя ступени ведутъ изъ крѣпости на стѣну, вдоль которой съ внутренней стороны ея вырыты жилыя ямы, гдѣ во время осады укрывались семейства Текинцевъ. Наружный ровъ уже изрядно осыпался и обмѣлѣлъ, но все-таки замѣтно, что онъ былъ не менѣе двухъ, трехъ саженъ глубины и такой же ширины... Странное дѣло, въ Геокъ-Тепе не было запиравшихся воротъ. Девять открытыхъ выходовъ въ стѣнахъ, противъ которыхъ вмѣсто мостовъ были оставлены земляныя перемычки между рвами, защищались только короткими и высокими глиняными стѣнками, поставленными впереди рва на подобіе щитовъ или ширмъ. Это нѣсколько напоминаетъ древнюю Спарту, которая замѣняла стѣны храбростью своихъ сыновъ.

Я стоялъ на вершинѣ стѣны и окидывалъ задумчивымъ взглядомъ печальную картину, растилавшуюся предо мной. Грозная твердыня текинцевъ теперь полуразрушена и обращена въ мирное пастбище.

Недаромъ Скобелевъ говорилъ, что «необходимо вспахать Геокъ-Тепе!»

Исхудалые за зиму грязносѣрые верблюды, облѣзлые, какъ чучела музея, объѣденные молью,—высокіе, громоздкіе, бродятъ внутри этихъ обагренныхъ кровью стѣнъ, въ философскомъ безмолвіи срывая своими мозолистыми губами колючую траву по удобренной кровью землѣ. Полуголый пастушенокъ-текинецъ, въ позѣ юнаго атлета, живописно усѣлся на парапетѣ стѣны, какъ разъ противъ меня, болтая босыми ногами, загорѣлыми какъ юфть и съ презрительною безпечностью поглядываетъ на суетящуюся у крѣпости публику. Все теперь пусто внутри крѣпости. Только по серединѣ ея виднѣются камни разрушенной калы, которая составляла своего рода цитадель Геокъ-Тепе, да позади, въ юго-западномъ углу, высится саженъ на восемь или десять, зеленѣя своими скатами, плоскій холмъ Денгиль-Тепе,—

главная и послѣдняя твердыня сокрушенной туркменской силы.

Зато по сторонамъ крѣпости вся степь покрыта зубчатыми башнями, стѣнами съ бойницами, развалинами глиняныхъ строеній, рвами арыковъ, разбросанными шелковичными деревьями.

Какъ разъ противъ Геокъ-Тепе, по дорогѣ отъ Кизилъ-Арвата, щетинится уже полуразрушенное теперь Самурское укрѣпленіе, бывшая текинская Егянъ-Батыръ-Кала, прозванное такъ въ честь геройскаго 1 баталіона Самурскаго полка, все время бившагося въ головѣ отряда отъ начала до конца Текинской экспедиціи. Въ этомъ укрѣпленіи, тоже взятомъ съ кроваваго боя, были сложены въ дни осады Геокъ-Тепе двухмѣсячные запасы для цѣлаго отряда.

Съ другой стороны, въ пескахъ, виднѣются деревья и разрушенныя башни Куня-Геокъ-Тепе, покинутаго текинцами при первомъ движеніи русскихъ въ ихъ оазисъ. Я оглянулся направо—тамъ совсѣмъ другая картина. Среди безплодной скатерти глинистаго поля три-четыре русскія могилки подъ скромными деревянными крестами. Подъ ними похоронены безъ монументовъ и надписей безыменные русскіе солдатики, грудью своею взявшіе твердыни Геокъ-Тепе.

Нѣсколько текинцевъ провожало насъ на стѣны крѣпости. Они влѣзали и слѣзали легко и проворно, какъ кошки. Имъ, очевидно, не было обидно наше любопытство и они показывали, и разсказывали намъ все, что могли, весело осклабляя свои сверкающіе, какъ у волка, бѣлые зубы.

— Былъ ты въ Геокъ-Тепе, когда Скобелевъ бралъ?—спрашивалъ стараго хищника одинъ изъ нашихъ пассажировъ, ученый армянинъ-оріенталистъ, говорившій по-джегатайски.

— Всѣ мы были, и я былъ,—коротко отвѣтилъ текинецъ, глядя въ сторону,

— Какъ же вы, такіе храбрецы, поддались русскимъ? Вѣдь васъ же было впятеро больше?

— Мы бы не поддались, да ничего сдѣлать было нельзя!—съ

искреннимъ вздохомъ отвѣчалъ текинецъ.—Скобелевъ ужъ очень хитеръ былъ. Мы, было-воду въ ровъ напустили, думали, черезъ воду русскіе не перейдутъ, а Скобелевъ взялъ да и отвелъ воду въ другое мѣсто и ровъ сухой сталъ; стѣну толстую сдѣлали, думали не перелѣзутъ русскіе черезъ такую стѣну, перерѣжемъ мы ихъ всѣхъ; ждали вѣдь все, что русскіе на стѣны полѣзутъ, какъ въ первый разъ; а Скобелевъ какой хитрый! Все изъ пушекъ насъ билъ, огнемъ жегъ, а на стѣны не шелъ. Вотъ мы слышимъ ночью, что русскіе подъ стѣной ходъ копаютъ, лопатами стучатъ. Ну, думаемъ, вотъ это хорошо! Пускай копаютъ, вѣрно они хотятъ въ крѣпость пробраться, пока мы спимъ. А мы спать не стали, всю ночь шашки точили, думаемъ, станутъ они изъ-подъ земли вылѣзать, а мы имъ головы будемъ рубить. Намъ только этого и нужно было. Собралось насъ много народа, первые храбрецы и усѣлись поближе къ стѣнѣ, гдѣ русскіе подкопъ вели; ждемъ, когда первый русскій оттуда покажется, и сабли наголо держимъ. Вдругъ, какъ задрожитъ земля, какъ взлетитъ вверхъ стѣна наша, мы думали, что весь свѣтъ сквозь землю провалился! Всѣ голову потеряли! А тутъ русскіе ура закричали... Въ крѣпость ворвались... Ну, мы и побѣжали!.. Что-жъ больше дѣлать? Рубятъ насъ сзади, рубятъ спереди, и женъ, и дѣтей, всѣхъ рубятъ, а мы бѣжимъ, куда глаза глядятъ... Послѣ ужъ не велѣлъ Скобелевъ женщинъ рубить, такъ мы хватали съ женщинъ халаты, надѣвали ихъ на себя и садились гдѣ-нибудь. Такъ насъ и не тронули.

— Ну что-жъ, теперь зато мирно живете,—вмѣшался въ разговоръ другой пассажиръ.—Вѣдь признайся, правда подъ русскою властью вы стали гораздо богаче. Работы сколько хотите, за все деньги платятъ и никто у васъ не отнимаетъ ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ!—съ неудовольствіемъ отмахивался головой текинецъ и животное выраженіе его низко оттянутаго рта сдѣлалось при этомъ еще грубѣе и враждебнѣе. — Какъ же можно!.. Теперь хотя и есть деньги у Теке, да работать нужно каждый день... Пшеницу—работай, табакъ — работай, дорогу — работай!

а тогда Теке совсѣмъ не работалъ. Зачѣмъ работать? Нужно денегъ, поѣхалъ въ Персію на аламанъ, поймалъ трехъ персовъ, продалъ въ Хивѣ, и живи себѣ полгода, ничего не дѣлай... Какъ же можно!

Вокругъ Геокъ-Тепе оазисъ населенъ особенно густо. Аулы на каждомъ шагу, и всѣ къ сторонѣ горъ. Крѣпостцы слѣдуютъ одна за другою чуть не сплошною цѣпью. Садики, орошаемые канавками, поля, изрѣзанныя арыками, шелковичныя деревья вдоль арыковъ, дѣлаются обыкновенною обстановкой пейзажа вмѣстѣ съ пасущимися вездѣ стадами верблюдовъ. Аулы подходятъ даже къ самой желѣзной дорогѣ, такъ что поѣзду приходится проноситься между ихъ глиняными стѣнками, изъ-за которыхъ хорошо намъ видны бобровые шалаши текинскихъ кибитокъ и ихъ глиняныя мазанки безъ оконъ. Иныя кибитки оплетены еще сверхъ войлоковъ камышевою изгородью, смазанною глиной, въ защиту отъ рѣзкихъ вѣтровъ пустыни. Текинцевъ также видишь все больше и больше, и въ поляхъ, и на станціяхъ желѣзной дороги. А надъ всѣмъ этимъ оживленнымъ весеннимъ пейзажемъ, котораго зеленыхъ красокъ и слѣда не останется уже въ маѣ мѣсяцѣ, господствуетъ своими ближними лѣсистыми хребтами и своими выглядывающими изъ-за нихъ далекими снѣговыми вершинами безконечно тянущійся Копетъ-Дагъ, провожающій насъ все время съ тѣхъ поръ, какъ мы проснулись раннимъ утромъ за Кизилъ-Арватомъ.

Тутъ и почва, и климатъ — превосходны, а животный міръ богатъ даже и въ пескахъ сосѣдней пустыни. Дикіе ослы, джейраны, антилопы бѣгаютъ стадами. Гіенъ множество, а шакалы воютъ по ночамъ вокругъ самаго Асхабада.

Военный инженеръ, съ которымъ мы ѣхали, держалъ у себя нѣкоторое время дикаго осла (Кулана). Но объѣздить его не удалось, потому что куланы настолько благоразумны, что не дозволяютъ садиться на себя осѣдлавшему всю ихъ четвероногую братію двуногому собрату своему. Этотъ родоначальникъ нашего

лѣниваго и рабски покорнаго осла оказывается самымъ рьянымъ, самымъ быстрымъ и самымъ неукротимымъ животнымъ азіатской пустыни...

IV.

Асхабадъ.

Послѣ песковъ пустыни и глиняныхъ текинскихъ ауловъ, Асхабадъ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Это бѣленькій, чистенькій, новенькій городокъ, радостно сверкающій своими зелеными садиками, своими веселыми домиками. Городокъ, однако, ежечасно превращающійся въ большой городъ. Ростъ его видится просто глазами. Говорятъ, лѣтомъ онъ душенъ, но теперь, въ развалъ весны, онъ еще дышетъ самою свѣжею молодостью. Вездѣ вода, вездѣ фонтаны, и въ маленькихъ садикахъ частныхъ домовъ, и въ городскомъ саду, и на городскихъ площадяхъ. Вода проведена изъ горныхъ ключей. верстъ за 12, съ помощью самаго несложнаго и недорогого водопровода. Всѣ улицы подметены, политы, обсажены деревьями, вездѣ строгій военный порядокъ. Домики Асхабада скромные, небольшіе, всѣ похожіе другъ на друга, какъ и подобаетъ военному городу, за то ютятся въ просторныхъ, щедро отмѣренныхъ усадьбахъ, среди садиковъ, за сквозными оградами. Когда эти юные садики разрастутся, тѣни и свѣжести будетъ очень много. Домики каменные, низенькіе, плоскокрышіе, и крыши залиты киромъ, такъ что выходитъ своего рода несгораемый городъ. Улица-бульваръ, которая ведетъ прямо отъ вокзала, называется Анненковскою, въ честь строителя Закаспійской желѣзной дороги, генерала Анненкова. На ней находится и домъ Анненкова. Съ Анненковской мы повернули подъ прямымъ угломъ на одну изъ самыхъ лучшихъ и, главное, самыхъ тѣнистыхъ здѣшнихъ улицъ— Офицерскую, которая ведетъ къ Скобелевской площади. Мнѣ очень нравится этотъ обычай молодыхъ азіатскихъ городовъ

нашихъ, къ сожалѣнію, мало свойственный нашимъ старымъ русскимъ городамъ,—называть улицы и площади именами людей, заслуживающихъ того, чтобъ имена ихъ были переданы потомству.

На Скобелевской площади строится новый каменный соборъ, который долженъ быть готовъ уже этимъ лѣтомъ, а пока стоитъ скромная деревянная церковь, не помѣщающая и сотой части войскъ, расположенныхъ въ Асхабадѣ. Тутъ же и спартански-скромные нумера Семенова, въ которыхъ мы помѣстились и которые считаются лучшими, за отсутствіемъ въ городѣ настоящихъ гостинницъ для пріѣзжающихъ.

Асхабадъ не даромъ производитъ впечатлѣніе не русскаго, а скорѣе итальянскаго городка. Если много воздуха и солнца на его улицахъ, то зато въ его гостинницахъ — ни малѣйшей уютности, и зимой, надо думать, ихъ тѣнистые и сырые «нумера» обращаются въ пещеры Борея. Достаточно уже того, что всѣ эти «нумера», они же и спальни, открываются прямо на крытое крыльцо, или, если хотите, балконъ, безъ малѣйшаго слѣда какой-нибудь прихожей. На счетъ внѣшней обстановки, прислуги и самыхъ необходимыхъ житейскихъ удобствъ—отложите, разумѣется, всякое попеченіе. Но я говорю это мимоходомъ, болѣе для другихъ, чѣмъ для себя, потому что самъ я безъ малѣйшаго труда мирюсь съ этимъ спартанствомъ нашихъ азіатскихъ заѣзжихъ домовъ и никогда не ставлю ихъ на счетъ любопытнымъ мѣстностямъ, въ которыхъ мнѣ удается побывать, какъ это имѣютъ обыкновеніе дѣлать болѣе требовательные туристы.

Заказавъ себѣ что можно было къ обѣду, мы отправились, чтобы не терять времени, осматривать городъ. Извозчики въ азіатской Россіи, какъ вообще и у насъ на окраинахъ, гораздо приличнѣе и удобнѣе, чѣмъ извозчики въ нашихъ старыхъ губернскихъ городахъ, раболѣпно подражающихъ въ этомъ неопрятной старухѣ Москвѣ. Вмѣсто узенькихъ грязныхъ пролетокъ, на худыхъ клячахъ, тутъ почти вездѣ такъ называемые фаэтоны, просторные и покойные, на довольно горячихъ лошадяхъ.

Центромъ Асхабада служитъ домъ генералъ-губернатора, низенькій и скромный, какъ всѣ дома юга, окруженный зато большимъ садомъ. На площади противъ него памятникъ генералу Петрусевичу, энергичному помощнику Скобелева въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ, и другимъ героямъ Геокъ-Тепе. Другой памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ бою съ текинцами, воздвигнутъ около строящагося собора, на Скобелевской площади. Оба памятника скромны на видъ и говорятъ не столько глазу туриста, сколько чувству русскаго человѣка. Черезъ площадь, противъ дома генералъ-губернатора, старая текинская крѣпость на холмѣ. Глиняныя стѣны, глиняныя башни, рвы и валы, обложенные дерномъ. Хотя на валахъ еще хмурятся черныя жерла пушекъ и ходятъ часовые, но крѣпость въ сущности обращена въ простой пороховой магазинъ и складъ оружія. Только развѣ въ случаѣ какого-нибудь волненія туземцевъ она можетъ сыграть роль цитадели. Казармы въ крѣпостцѣ и казармы на всякой почти улицѣ. Кромѣ военныхъ учрежденій да лавокъ, тутъ мало что увидите. Асхабадъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сохранилъ характеръ военной штабъ-квартиры своего рода. Во всемъ городѣ одна только двухклассная школа, хотя городъ и считается столицей цѣлаго Закаспійскаго генералъ-губернаторства. Это, конечно, мало похоже на Америку, но въ Азіи, да еще въ Туркменской, довольно понятно. Базары Текинскій, Персидскій, Бухарскій, армянскія и русскія лавки,—все это сосредоточено главнымъ образомъ въ старой части города. Тутъ множество ковровъ всякаго рода, текинскихъ и хорасанскихъ, шелковыхъ матерій, пестрыхъ бумажныхъ тканей, всего того, чѣмъ обыкновенно бываютъ богаты азіатскіе базары, но спеціально интереснаго нѣтъ ничего. Новыя части города распредѣляются съ военною правильностью, свободно и широко. Кварталы вырастаютъ за кварталами, словно сами собою. На пустыряхъ, раздаваемыхъ почти даромъ, разбиваются сады, устраиваются ограды для будущихъ усадьбъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ города, гражданская жизнь волей-неволей начнетъ все больше врываться въ этотъ пока

исключительно военный бытъ. Впрочемъ, уже и теперь существуетъ здѣсь общественное собраніе помимо военнаго. Есть и публичный городской садъ съ фонтаномъ, гротомъ и высокой горкой, съ которой отлично можно обозрѣть весь Асхабадъ. Бѣлыя акаціи, павловніи, елеагнусы, чинары,—вообще флора Крымскаго полуострова,—составляютъ главную массу деревьевъ этого сада. Несмотря на первую половину апрѣля, акаціи уже отцвѣли, и садъ вообще оказался не особенно богатъ цвѣтами. Здѣсь раза два въ недѣлю играетъ полковая музыка, и текинцы толпами приходятъ ее слушать. Аулъ ихъ какъ разъ противъ публичнаго сада, черезъ Анненковскую улицу. Мы проѣхали его во всѣхъ направленіяхъ. Былъ рамазанъ, и они праздновали его. Глиняныя стѣны идутъ вдоль и поперекъ, окружая ихъ дворы, поля, огороды. Узенькіе переулочки, съ трудомъ пропускавшіе нашъ фаэтонъ, вьются и ныряютъ между этими нескончаемыми глиняными оградами. На дворахъ кибитки, мазанки, верблюды и арбы. Домовитости никакой: настоящее хозяйство кочевника. Пустырей въ оградахъ больше, чѣмъ жилищъ. Таковъ былъ весь Асхабадъ, когда мы забрали его. Теперешній «русскій Асхабадъ» производитъ на текинца впечатлѣніе какого-то непостижимаго волшебства. Онъ еще не пришелъ въ себя отъ изумленія, откуда и какъ появились среди ихъ грязнаго глинянаго аула всѣ эти чудеса, эта кипучая жизнь, эта роскошь, это веселье, этотъ стройный порядокъ и полная безопасность. Магазины, фонтаны, монументы, поѣзда желѣзной дороги, хоры музыки, — тамъ, гдѣ на ихъ глазахъ такъ недавно еще паслись верблюды среди бурьяновъ пустыни.

Извозчикъ нашъ съ чувствомъ зависти разсказывалъ о довольствѣ текинцевъ.

— Чего имъ теперь еще!—говорилъ онъ въ отвѣтъ на мои вопросы. — Какъ жили на волѣ, такъ и теперь живутъ. Царь нашъ все имъ оставилъ. Земля есть, сады есть, скотина есть, податей съ нихъ сходитъ самая малость, меньше, чѣмъ съ нашего брата, и никто его теперь трогать не смѣетъ. Что ни базаръ,

онъ все что-нибудь продавать волочетъ, потому хлѣбъ сѣетъ, и траву, и табакъ, и виноградъ; опять же шерсть у него, ковры, бабы ихъ ткутъ, на что лучше; нашимъ до нихъ куда-жъ! По полсотнѣ и по сотнѣ рублей за одинъ коверъ берутъ. Даже съ Москвы купцы покупаютъ. А тратить ему куда? Ѣстъ онъ что овца, пьетъ воду одну. Одежу ему опять-таки баба его справляетъ. Ему по дому никакого расхода нѣтъ... По ихъ жизти безпремѣнно у нихъ большія деньги должны быть...

— А не разбойничаютъ они тутъ по ночамъ? Смирно живутъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ, что-жъ, клепать на нихъ нечего. Бываетъ за полночь въ одиночку ѣдешь мимо аула ихъ, и ночь темная, ни-ни! пальцемъ никто не тронетъ. Нѣтъ, баловства отъ нихъ никакого не примѣтно: смирно живутъ и не воруютъ. Нашъ братъ на это хуже. Начальства, конечно, боятся, потому съ ними дюже строго поступаютъ, коли что такое...

Генерала Куропаткина не было въ Асхабадѣ; онъ объѣзжалъ свою область; поэтому я не могъ воспользоваться письмомъ, которое имѣлъ къ нему. Однако, я все-таки сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ въ мѣстномъ военномъ мірѣ. Между прочимъ, я познакомился съ полковникомъ А., занимавшимся экономическими изслѣдованіями многихъ мѣстностей Закавказскаго края. Онъ человѣкъ наблюдающій и думающій и не даромъ объѣздилъ глухіе уголки этого глухого края. Мы разговорились съ нимъ о Тедженскомъ уѣздѣ, который онъ недавно посѣтилъ.

— Нужно пожить въ этомъ краѣ, чтобы понять истинное значеніе орошенія, говорилъ А. — Это не только важнѣйшій здѣсь экономическій факторъ, но и основа всѣхъ общественныхъ и племенныхъ связей. Возьмите, напримѣръ, рѣку Теджень. Она раздѣлена текинцами на четыре части; первый годъ, напримѣръ, орошаются земли нижней части бассейна, для среднихъ и верхнихъ земель вода тогда запирается. На слѣдующій годъ вода пускается въ среднія земли, а запираются остальныя;

потомъ въ верхнія, и такъ по очереди. Въ каждой части опять очередь: сначала вода дѣлится между родами; столько дней подержитъ воду одинъ родъ, столько-то другой; въ родахъ кидается жребій между аулами, въ аулѣ между отдѣльными семьями, и т. д. Словомъ, вода создаетъ естественную зависимость другъ отъ друга всѣхъ частей племени, живущаго на одной рѣкѣ, волей-неволей объединяетъ ихъ въ одинъ общественный союзъ, подчиняетъ ихъ однимъ порядкамъ.

— Что же дѣлается съ землями, которымъ не очередь орошаться? Вѣдь онѣ должны лежать все это время пустыремъ? спросилъ я.—Это огромное неудобство.

— Ежегодно орошать здѣшнія земли нельзя,—объяснилъ мнѣ А. —Отъ поливки появляется такое множество сорныхъ травъ, что онѣ задавили бы всякій посѣвъ, еслибъ ихъ не уничтожали періодически повторяющеюся засухой.

Мнѣ хотѣлось узнать, чѣмъ вызывается раздѣленіе текинцевъ на пастуховъ и осѣдлыхъ, чомуръ и чорва, и есть ли между ними племенное различіе.

— О, нѣтъ, различія нѣтъ никакого, — сообщилъ мнѣ А. — Одинъ и тотъ же текинецъ очень часто нынче чорва, а завтра чомуръ, и наоборотъ. Случается, что одинъ родной братъ чорва, а другой—чомуръ. Кибитка высылаетъ однихъ членовъ своихъ пасти скотъ, другихъ орошать поля и сѣять хлѣбъ. То же самое видѣлъ я и въ Ферганѣ у киргизовъ. Тамъ встрѣчаются поучительные переходы отъ дикаго кочевничества къ полной осѣдлости. И это дѣлается совсѣмъ незамѣтно. На одной и той же рѣкѣ мнѣ приходилось видѣть всѣ постепенные фазисы этого перехода. Понемножку прибавляется къ кибиткамъ одна, двѣ мазанки, потомъ глиняная ограда, потомъ арыкъ и нѣсколько деревьевъ, а тамъ цѣлое поле и цѣлый аулъ, гдѣ ужъ кибитокъ почти вовсе не видно—пастухъ тутъ совсѣмъ обратился въ пахаря и садовника.

Заинтересовалъ меня и одинъ молодой офицеръ генеральнаго штаба, полный энергіи и по горло преданный своему дѣлу. Всѣ

стѣны его холостой квартиры въ планахъ кампаній, картахъ и чертежахъ. Я его засталъ среди груды разныхъ книгъ и записокъ. Онъ готовился сегодня же вечеромъ читать въ военномъ клубѣ свое сообщеніе о способахъ веденія войны въ Центральной Азіи. Мнѣ, конечно, любопытно было слышать взгляды образованныхъ мѣстныхъ дѣятелей на наши задачи и на наше положеніе въ Азіи.

— Мы здѣсь не только воины, но прежде всего цивилизаторы! развивалъ мнѣ свои мысли краснорѣчивый капитанъ.—Солдатъ нашъ цивилизовалъ этотъ край; онъ создалъ его пути сообщенія, его порядокъ, его безопасность. Онъ садилъ и строилъ здѣсь все, что вы видите. Изъ этого нашего двойного характера вытекаютъ и наши обязанности. Мы должны быть, съ одной стороны, могучи и грозны, потому что на Востокѣ не уважается ничего, кромѣ силы, но съ другой стороны, мы каждымъ шагомъ своимъ должны убѣждать азіятца, что у насъ дѣйствительно лучше, чѣмъ у нихъ, что мы дѣйствительно вносимъ въ ихъ жизнь то, чего они никогда не имѣли и не могутъ имѣть безъ насъ. И вѣдь мы достигли своего, это можно признать безъ хвастовства, и у насъ имъ живется гораздо безопаснѣе, выгоднѣе, веселѣе, справедливѣе. Къ намъ поэтому всѣ теперь просятся: Сарыковъ и Салоровъ уже взяли, теперь лѣзутъ къ намъ джемширы, персы... И этимъ приходится отказывать изъ политической осторожности. Да, по правдѣ сказать, и нужды въ нихъ нѣтъ. Персы прескверный народъ и съ ними трудно ладить. Пока они боятся насъ; пока чувствуютъ огромную разницу между своимъ собственнымъ корыстнымъ, лѣнивымъ, притѣснительнымъ начальствомъ и русскими законными порядками,— они унижаются и просятся къ намъ. Но разъ онъ утвердился среди насъ, увѣрился, что его права обезпечены, что онъ можетъ безнаказанно судиться со всякимъ и на всякаго жаловаться,— онъ уже съ азіатской чванностью заявляетъ: я персъ, а не русскій, меня не смѣйте тронуть!...

— Однако, мы все больше и больше набираемъ такихъ не-

желанныхъ народовъ. Гдѣ жъ, наконецъ, остановимся мы? — замѣтилъ я.

— Что вы хотите! Насъ гонитъ впередъ какой-то рокъ, — отвѣчалъ капитанъ.—Мы самою природой вынуждаемся захватывать все дальше и дальше, чего даже и не думали никогда захватывать. По условіямъ азіатской жизни, по великой роли, которую играетъ орошеніе въ здѣшнемъ хозяйствѣ,—у кого во власти находятся истоки воды, тотъ дѣлается невольнымъ господиномъ всего теченія. Вотъ, напримѣръ, Гератъ: верховья такихъ рѣкъ, какъ Герирудъ или Мургабъ мы не можемъ позволить персамъ или афганцамъ имѣть въ своихъ рукахъ; значитъ, хотимъ мы, не хотимъ, а ужъ непремѣнно должны забрать Гератъ. Это только вопросъ времени. Такъ всѣ смотрятъ здѣсь на него: и мы сами, и наши враги.

— Теорія очень опасная,—улыбнулся я;—такимъ образомъ, придется идти чуть не до конца свѣта, какъ это хотѣлъ сдѣлать когда-то Александръ Македонскій.

— Да, но во всякомъ случаѣ мы пока еще идемъ и не останавливаемся. Оттого-то намъ необходимо зорко слѣдить за собою и строго относиться къ себѣ. Тутъ всякій пустякъ имѣетъ огромное значеніе. На насъ обращено здѣсь слишкомъ много взоровъ. Вѣрите-ли, что каждое солдатское ученіе наше—это своего рода школа для туземцевъ. Текинцы толпами собираются глазѣть на насъ. Ихъ поражаетъ изумленіемъ, что воля одного до такой степени воплощается въ массу, одушевляетъ ее и двигаетъ, какъ одну могучую машину, что, по мановенію начальника, тысячи людей, не раздумывая и не медля, исполняютъ въ данное мгновеніе все, что приказывается. Для дикаго кочевника это самая наглядная школа дисциплины, и, пожалуй, она многое подготовитъ намъ въ будущемъ! Оттого-то, повторяю, здѣсь, въ Азіи, нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, высоко держать русское знамя...

Вечеръ пришлось провести въ военномъ собраніи, гдѣ мой новый знакомецъ долженъ былъ читать свою лекцію. Собраніе военное исключительно: офицеры, полковники, генералы, и ни-

кого больше. Я былъ, кажется, единственнымъ чернымъ пятномъ въ этой толпѣ красныхъ воротниковъ, блестящихъ пуговицъ, золотыхъ погоновъ и эполетъ. Даже мебель тутъ—и та военная: угловые канделябры очень остроумно устроены на треножникахъ изъ ружей, а посрединѣ залы—люстра, весьма искусно связанная изъ штыковъ.

Домъ военнаго собранія, окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ домовъ Асхабада; помѣщеніе въ немъ офицерскаго клуба во всѣхъ отношеніяхъ удобное: прекрасная танцовальная зала, читальня, билліардная, буфетъ, нѣсколько гостиныхъ. Слушателей собралось довольно много, но молодой лекторъ, не разсчитавъ хорошо объема своего реферата, слишкомъ долго продержалъ ихъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, не давъ даже пятиминутнаго роздыха въ теченіе $2^1/_2$ часовъ. Хотя тема лекціи мнѣ была довольно хорошо знакома, но тѣмъ не менѣе я съ любопытствомъ прислушивался къ искреннимъ и горячимъ идеямъ молодого мѣстнаго стратега, принимавшаго личное участіе въ Ахалъ-Текинскомъ походѣ. Онъ обставилъ свою лекцію множествомъ наглядныхъ пособій, планами, чертежами, картами, развѣшанными кругомъ его каѳедры, и ознакомилъ своихъ слушателей съ практическими пріемами войны противъ азіатскихъ кочевниковъ, какъ ихъ выработали наши талантливѣйшіе боевые люди: Скобелевъ, Черняевъ, Куропаткинъ, и другіе. Онъ иллюстрировалъ эти принципы практической стратегіи примѣрами изъ нашихъ азіатскихъ экспедицій: Текинской, Хивинской, Коканской, участники которыхъ во множествѣ сидѣли въ числѣ слушателей лекціи, изъ войны англичанъ съ суданцами и афганцами, изъ италіанскихъ столкновеній съ Абиссиніей.

Не берусь критиковать вѣрность его выводовъ, но признаюсь, что русскому сердцу было утѣшительно слушать, до какой степени неумѣлы и неудачны были дѣйствія враждебныхъ намъ европейцевъ въ войнахъ съ кочевниками, сравнительно съ молодецкими подвигами горсти русскихъ солдатиковъ, умѣвшихъ

покорять цѣлыя царства при поразительной скудости всего, что насущно необходимо человѣку.

Стремительный натискъ штыками, сомкнутый строй, непосредственная близость начальника къ своему отряду, желѣзная дисциплина и непремѣнно—наступленіе, а не защита,—словомъ, все то, чего нѣтъ и не можетъ быть у кочевника, что непривычно ему и чтó поражаетъ его воображеніе, — вотъ основныя правила русскаго боя съ кочевниками, выработанныя и завѣщанныя своимъ товарищамъ по оружію Скобелевымъ и другими знатоками азіатской войны. Одна подробность, переданная какъ очевидцемъ, лекторомъ—очень тронула меня: послѣ боя въ Денгиль-Тепе, возвращаясь съ преслѣдованія бѣжавшаго врага, солдатики наши усадили всѣ лафеты орудій, всѣ сѣдла кавалеристовъ подобранными по дорогѣ текинскими дѣтишками и брошенными матерями ихъ... Въ этомъ отрадное отличіе «христолюбиваго воинства» нашего отъ варваровъ-азіатовъ, которые торжествуютъ свои побѣды прежде всего тѣмъ, что рѣжутъ горла своимъ плѣнникамъ, не разбирая ни пола, ни возраста.

Я возвратился въ свои «нумера» пѣшкомъ прелестною южною ночью по тѣнистой аллеѣ Офицерской улицы. Чудный мягкій воздухъ, ароматъ многочисленныхъ садовъ и необыкновенная яркость луннаго свѣта,—выразительно говорили о югѣ, о веснѣ...

У жены я засталъ за чаемъ нашего спутника, американца изъ Чикаго м-ра Крэна. Онъ тоже не терялъ времени даромъ и съ помощью своего переводчика, мингрельца, успѣлъ попраздновать на рамазанѣ въ кибиткѣ аульнаго старосты, гдѣ женщины показывали ему, какъ они ткутъ ковры и пекутъ хлѣбъ, а мужчины угощали кумысомъ и разсказывали всякія изумительныя вещи о Хивѣ,—выше которой въ воображеніи текинца не существуетъ ничего ни на землѣ, ни на небѣ.

Посидѣвъ въ Асхабадѣ сколько было нужно, пора было и собираться дальше. Поѣздъ отходилъ рано, и, не надѣясь на

плохую прислугу, я чуть свѣтъ побѣжалъ на базары—отыскать извозчиковъ подъ насъ и нашъ изрядный-таки багажъ. Городъ уже давно былъ на ногахъ и торговля въ полномъ разгарѣ. Мы пріѣхали на вокзалъ вó-время, но были поражены довольно непріятнымъ извѣстіемъ: оказалось, что почтовые поѣзда ходятъ только два раза въ недѣлю, а сегодня отходитъ товаро-пассажирскій, въ которомъ, къ довершенію удовольствія, не будетъ на этотъ разъ вагоновъ второго класса (перваго класса совсѣмъ нѣтъ на Закаспійской дорогѣ). Приходилось или садиться въ вагонъ третьяго класса на этотъ сравнительно медленный поѣздъ, или ждать еще два дня. Мы подержали военный совѣтъ съ нашимъ американцемъ и рѣшились отправляться немедленно, чтобы не перепутать предположеннаго маршрута.

Не скажу, чтобы мы очень были довольны потомъ выбраннымъ нами способомъ передвиженія, но тѣмъ не менѣе потерять два дня было бы еще тяжелѣе. Главнымъ лишеніемъ нашимъ было отсутствіе буфета на поѣздѣ. Эта американская роскошь, незнакомая даже роскошнымъ дорогамъ Европейской Россіи, въ Закаспійскомъ краѣ вызывается насущною необходимостью. При отсутствіи всякаго цивилизованнаго населенія вокругъ крошечныхъ станцій Закаспійской желѣзной дороги, при отсутствіи въ нихъ даже достаточнаго помѣщенія для буфетовъ, наконецъ, при отсутствіи въ ихъ сосѣдствѣ всякихъ рынковъ, на которыхъ можно было бы имѣть съѣстные припасы, нѣтъ возможности содержать постоянные буфеты на станціяхъ, тѣмъ болѣе, что поѣзда желѣзной дороги сравнительно очень рѣдки, и разстоянія станціи отъ станціи довольно велики. Поэтому и нужно было создать буфеты путешествующіе, сопровождающіе поѣздъ, и удивительно кстати развлекающіе своими питіями и яствами злополучныхъ путешественниковъ, обреченныхъ цѣлыми сутками жариться на 50-градусной жарѣ въ своихъ тѣсныхъ клѣткахъ, созерцая песчаные бугры или гладкіе, какъ ладонь, солончаки пустыни.

Хорошо еще, что мы съ женой заранѣе запаслись всякою

провизіей и утварью, необходимою для странствованій по варварскимъ землямъ, такъ что это неожиданное злополучіе не захватило насъ врасплохъ. Русскій чай очень удобно заваривался и распивался въ вагонѣ, къ особенному удовольствію м-ра Крэна, а запасъ кавказскаго вина и разныхъ консервовъ, закупленныхъ въ Тифлисѣ и Баку, оказался неистощимъ, даже при участіи еще двухъ случайныхъ потребителей.

И оба мы съ женой и привыкшій ко всякимъ путевымъ передрягамъ американецъ,—съ философскимъ благодушіемъ переносили неизбѣжныя злополучія, присущія подобному путешествію, самымъ веселымъ образомъ подшучивая другъ надъ другомъ и надъ самими собой. «Въ тѣснотѣ—не въ обидѣ!» говоритъ русская пословица; и въ грязи—тоже не въ обидѣ, и въ духотѣ—не въ обидѣ, безо всякихъ пословицъ думаетъ про себя русскій человѣкъ. Съ этой точки зрѣнія и мы не должны были считать себя обиженными судьбой, хотя сугубо и трегубо терпѣли и тѣсноту, и грязь, и духоту. Къ великому еще нашему счастью Закаспійская дорога придумала прекрасную вещь—особые вагоны для магометанъ. Это въ высшей степенн практично и политично. Туземцы чрезвычайно довольны, что имъ не приходится перевозить своихъ женъ и дочерей рядомъ съ русскими солдатами, что они могутъ и сидѣть по-своему, и молиться по-своему, не оскверняемые присутствіемъ собакъ-русскихъ, а русскій православный людъ еще того довольнѣе, что все это лохматое звѣрье, кишащее всевозможными насѣкомыми, не по-людски говорящее, не по-людски сидящее,—не набивается въ его вагоны и не возмущаетъ его православныхъ вкусовъ. Иначе бы въ вагоны третьяго класса и войти было нельзя. Теперь же все-таки спутники наши если и не принадлежали къ числу особенно галантныхъ людей, то все-таки были народъ порядочный и подчасъ не безъинтересный. Старый служака жандармъ, въ сѣдыхъ николаевскихъ бакенбардахъ, шевронистъ, украшенный серебрянымъ и золотымъ Георгіемъ и нѣсколькими медалями на шеѣ, болѣе другихъ оказывалъ намъ знаки своего вниманія, давая

всѣмъ понять, что ему не въ диковинку обращаться съ хорошими господами. Онъ сломалъ почти всѣ здѣшніе походы, зналъ здѣсь всю подноготную и сообщалъ намъ много интереснаго. Радости его не было предѣловъ, когда онъ случайно узналъ, что мы куряне, и даже щигровцы, земляки его по уѣзду, что мы хорошо знаемъ и его родное село, и его родныхъ.

— Господи батюшки!—повторялъ онъ, радостно осклабляясь поочередно разсматривая то меня, то жену.—Просто и глазамъ не вѣрится. Какъ-таки, столько лѣтъ здѣсь прожилъ, первый разъ приходится изъ мѣстовъ своихъ земляковъ встрѣтить... И какимъ это манеромъ въ такую сторону дальнюю вы попали, ума не приложить!.. Вѣдь устроитъ же Богъ!.. А я ужъ думалъ, помру здѣсь, никого со своей стороны не увижу... Такъ неужто вы и вправду Ивана Аксеныча, дядю моего, знаете, и въ Савинахъ нашихъ бывали?

Эта неподдѣльная, дѣтски-простодушная радость русскаго человѣка при видѣ незнакомыхъ ему земляковъ, была по истинѣ трогательна. Я разспрашивалъ его о житьѣ-бытьѣ текинцевъ.

— Да живутъ ничего, только жизть ихъ скучная; съ нашей не сравнять. Бабы у нихъ только вотъ развѣ монеты серебряныя на груди да на головѣ вѣшаютъ, а наряду настоящаго нѣтъ! Натянетъ прямо на голову рукавъ халата шелковаго, да такъ и идетъ на базаръ. У насъ бы мальчишки такую-то засмѣяли, проходу бы ей не было... Ну, а хозяйничаютъ ничего: пшеничкой занимаются, ячменемъ, сады тоже разводятъ, винограду—это чего больше! Теперь картошки пошли сажать, у солдатиковъ нашихъ переняли.

— Нашихъ-то здѣсь трогаютъ когда?—спросилъ я.

— Ни Боже мой! Здѣсь на это строго. Чуть что, сейчасъ весь аулъ въ отвѣтъ. Переймутъ у нихъ воду дня на три, на четыре,—хоть перекалѣйте всѣ,—ну, и выдадутъ виноватаго. А съ ними расправа коротка. Коли убивство какое, сейчасъ въ Асхабадъ и вѣшать! Да эти оказіи рѣдко случаются; развѣ только на границѣ самой, на горахъ. Текинская вѣдь земля

только по гребень горы, а за гребнемъ персидская, ну, вотъ и балуются тамъ, потому, уйти можно; пикеты наши казацкіе рѣдко стоятъ, по нѣскольку верстъ другъ отъ друга, такъ, можетъ, когда и согрѣшатъ. Человѣкъ двѣнадцать въ годъ убитыхъ бываетъ, говорить нечего, а больше не бываетъ... Дюже нашихъ боятся...

За Асхабадомъ текинскій оазисъ еще долго сохраняетъ свой цвѣтущій и обработанный видъ. Кибитки цѣлыми сотнями стоятъ у самой дороги, засѣянныя поля, сады, аулы тянутся почти сплошь у подножія горъ. Калы и отдѣльныя башни осыпаютъ непрерывною цѣпью линію ауловъ. Страна отъ Анау до Гяурса занята текинцами не особенно давно—всего въ 1881 году. До того тутъ жили подвластные Персіи курды и туркмены Алили. Но больше всего тутъ оставили своего наслѣдія выгнанные за горы персы. Оттого она такъ людна и воздѣлана. Какова была эта страна въ прежнее время—объ этомъ краснорѣчивѣе всего говорятъ развалины города Анау.

Цѣлый огромный городъ съ храмами, стѣнами, башнями, куполами и арками базаровъ, съ характерною живописностью высится у подножія горъ на обрывистомъ, неприступномъ холмѣ, плоскомъ, какъ терраса. Онъ и внизу обсыпанъ на далеко кругомъ домами, башнями, стѣнами. Великолѣпная мечеть типическаго персидскаго стиля, хорошо еще сохранившаяся, осѣняетъ своею громадною аркой и своимъ величественнымъ заостреннымъ куполомъ этотъ полуразрушенный и омертвѣвшій городъ. Стѣны верхняго акрополя еще охватываютъ свой холмъ сплошнымъ кольцомъ, хотя уже сильно вызубреннымъ и растрескавшимся. Но зато внизу и кругомъ холма почти всѣ онѣ лежатъ низвергнутыя въ прахъ на огромное пространство и только уцѣлѣвшіе одинокіе обрывки ихъ, да часто какъ зубы торчащія четырехугольныя башни съ бойницами,—указываютъ направленіе и размѣры былыхъ крѣпостныхъ твердынь, въ нѣсколько рядовъ окружающихъ когда-то обширный городъ...

Анау—городъ глубокой древности, хотя, конечно, древній го-

родъ давно погребенъ подъ болѣе новымъ персидскимъ. Два большіе могильные холма возвышаются около города, и въ одномъ изъ нихъ наши мѣстные изслѣдователи уже пробовали дѣлать довольно глубокія раскопки. Къ сожалѣнію, мнѣ не было времени познакомиться съ археологическими работами по этому предмету. Но читая у Курція описаніе походовъ Александра Македонскаго, мнѣ пришло въ голову, не въ Анау ли былъ тотъ «Ирканскій городъ, гдѣ былъ Даріевъ дворецъ» и гдѣ, преслѣдуемый македонцами, Набарзанъ встрѣтилъ ихъ съ великими дарами. Въ числѣ даровъ, какъ разсказываетъ Курцій, былъ и «Вагой, прекрасный евнухъ еще въ самомъ цвѣтѣ младости, котораго прежде и Дарій любилъ, и Александръ вскорѣ любить началъ», и который впослѣдствіи съ такою своенравною жестокостью распоряжался судьбой самыхъ достойныхъ соратниковъ Александра.

Съ тѣхъ поръ, какъ линія персидскихъ крѣпостей по эту сторону горъ была уничтожена натискомъ кочевниковъ, сосѣднія области Хорасана, Келата, Дерегеза, Кучана и Буджнурда обратились изъ цвѣтущихъ мѣстъ въ пустыню; по близости горъ почти нѣтъ теперь персидскихъ поселеній, кромѣ спрятанныхъ въ неприступныхъ мѣстахъ. Въ округѣ «Пяссъ-и-Кухъ», напримѣръ, изъ 460 деревень осталось только 20, и округъ этотъ даже оффиціально носитъ названіе «округа загорныхъ развалинъ».

Такъ было бѣдственно для Персіи сосѣдство неукротимыхъ хищниковъ текинскаго оазиса. Немудрено, что хорасанцы радовались текинскому погрому при Геокъ-Тепе болѣе, чѣмъ сами русскіе.

Вся страна кругомъ носитъ на себѣ наглядные слѣды того состоянія вѣчной войны и постоянныхъ тревогъ, въ которомъ цѣлыя столѣтія сряду протекала жизнь ея обитателей. На каждомъ шагу отщетиниваются своими стѣнами и башнями опустѣвшія теперь болѣе никому не нужныя, но недавно еще грозныя, калы, въ которыя развѣ только пастухъ загоняетъ теперь на ночь свои стада.

А поля покрыты будто часто разбросанными деревьями—маленькими башенками-столпами, за которыми застигнутые врасплохъ непріятелемъ жители оазиса прятались и отстрѣливались, пока подоспѣвала на выручку помощь изъ аула.

Эти безглазыя башенки сообщаютъ своеобразную физіономію текинскому полю. Любитель метафоръ сказалъ бы, что это выросшіе изъ земли зубы дракона. Земля вражды и крови словно оскаливается на міръ Божій этими, безсильными теперь, но все-жъ еще злыми зубами своими.

Ротъ самого текинца, какъ-то по животному оттянутый книзу, тоже постоянно оскаливается такими же злыми, хотя и бѣлыми, какъ у араба, зубами. Текинцы и смуглы, какъ арабы, но зато скуласты и плосконосы, хотя далеко не такъ, какъ монголы.

«Калмыковаты лицомъ», какъ мѣтко опредѣлилъ ихъ нашъ собесѣдникъ жандармъ. Ухватка же и всѣ пріемы ихъ изумительно напоминали мнѣ ловкія и удалыя движенія дагестанскихъ лезгинъ.

Замѣчательно, что всѣ эти калы и башни сдѣланы руками рабовъ-персовъ. Текинецъ только въ крайней нуждѣ унижался до такой работы. Персы вообще несравненно искуснѣе туркменовъ. Теке умѣютъ еще проводить нехитрые арыки черезъ свои сады и поля, но всѣ подземные колодцы, «карызы»—остатки персидскаго владычества. Даже и теперь, когда нужно бываетъ почистить какой-нибудь древній карызъ, въ теченіе вѣковъ питающій водой нѣсколько ауловъ,—приходится нанимать персовъ. Карызы роются сначала въ видѣ нѣскольких глубокихъ колодцевъ, расположенныхъ по одной линіи, и потомъ соединяются между собою подземными канавами. Оттого вода въ нихъ не испаряется даже во время самыхъ большихъ жаровъ. Работа эта требуетъ большого искусства и навыка и далеко не безопасна.

Къ сожалѣнію, нашъ братъ, русскій, не внесъ пока ничего новаго въ хозяйственный бытъ текинскаго оазиса, кромѣ внѣш-

ней бозопасности и внутренняго порядка. Наша отечественная предпріимчивость, вездѣ не особенно энергическая, спитъ здѣсь сномъ праведника.

Мы разговорились по этому поводу съ однимъ нашимъ спутникомъ, инженернымъ офицеромъ, близко знающимъ край, гдѣ ему приходится дѣйствовать съ самаго покоренія его.

— Чтó жъ вы хотите,—горячился онъ,—когда Россія высылаетъ намъ сюда одно отребье свое. Тутъ нужны капиталы, знаніе, смѣлая иниціатива, а къ намъ являются чуть не нищіе, люди никуда не годные на родинѣ, ничего не умѣющіе и ничего не имѣющіе. Поневолѣ Армяне и захватили все въ свои руки! Это владыки азіятской торговли, которые не побоятся никакой европейской конкурренціи. Они тутъ у себя дома чуть ли не съ самаго всемірнаго потопа. И къ нимъ тутъ всѣ привыкли, и они тутъ ко всему привыкли. Куда же Еврею сравняться съ Армяниномъ! Онъ тутъ дыхнуть не смѣетъ рядомъ съ нимъ. Ахъ, если бы сюда предпріимчивыхъ русскихъ людей!.. Чтóбы только тутъ закипѣло, — повѣрить трудно; тутъ въ горахъ непочатыя богатства: и сѣра, и нефть, и каменный уголь. Тутъ вамъ и хлопокъ можно разводить, и шелкъ, и виноградъ, и пшеницу, и все, чтó хотите.

— Отчего же вы не упомянули лошадей? — замѣтилъ я. — Вѣдь текинскіе кони, я думаю, тоже могли бы стать важною отраслью торговли?

— Какъ вамъ сказать?—Текинскія лошади только въ славѣ, а на дѣлѣ я видѣлъ очень мало хорошихъ, — отвѣчалъ офицеръ.—Можетъ быть, встарину было иначе; и потомъ непомѣрно дороги. Какое же сравненіе съ англійскою скаковою лошадью! Тѣ не въ примѣръ лучше. Да вотъ будете въ Мервѣ—сами увидите. Тамъ большія конскія ярмарки, можно заказать себѣ какую угодно лошадь.

— Скажите пожалуйста, а не пытались вы заводить тутъ русскія поселенія?—спросилъ я.

— Есть у насъ одинъ русскій поселокъ, махнувъ безнадежно

рукой,—сказалъ инженеръ.—Верстъ пятнадцать отъ Асхабада къ горамъ; дворовъ сорокъ ихъ теперь набралось, такъ всякій сбродъ, не то чтобы настоящій сельскій народъ; прежде ихъ всего было поселено семнадцать дворовъ, потомъ другіе понаселились. Живутъ себѣ такъ ни шатко, ни валко, хлѣбомъ занимаются, виноградомъ, но прочности какъ-то никакой не видно, все кажется, что вотъ сейчасъ поднимутся и уйдутъ... Во всемъ имъ нужна помощь, все на казенный счетъ норовятъ. Къ нимъ и безъ того няньки приставлены отъ казны: нарочно казаковъ рядомъ съ ними поселили, чтобы Текинцы ихъ не обидѣли...

Отъ Анау до Артыка оазисъ словно прерывается, и желѣзная дорога перерѣзаетъ совсѣмъ безлюдную, какъ скатерть, ровную степь изъ глинистаго лёсса, сплошь заросшую молодымъ еще темно-зеленымъ верблюдятникомъ, котораго мягкія пока колючки особенно лакомы нетребовательному верблюду пустыни. Весенніе цвѣты въ Ахалъ-Текинской степи вездѣ одни и тѣ же: мелкій красный макъ и лиловые колокольчики стелются кругомъ необозримыми коврами. Но среди этой зелени и этихъ цвѣтныхъ ковровъ такъ же часто стелются и болѣе характерныя украшенія пустыни — сверкающіе, какъ ледъ, солончаки, которые по иллюзіи зрѣнія постоянно принимаешь за озера, тѣмъ болѣе, что они, какъ озера, обросли даже камышами.

А тутъ еще неизбѣжное марево, — это сновидѣніе пустыни, колышетъ надъ ними будто волны тихаго моря нагрѣтый воздухъ, капризно приподнимая въ него и незримо гдѣ-то пасущагося верблюда, и далекій могильный холмъ, растянутые до чудовищныхъ размѣровъ.

На степи ничего, ни кибитки, ни человѣка. Только могильные курганы, длинные и плоскіе насыпанные надъ какою-нибудь давно забытою славой степнаго хищника, одни безмолвно провожаютъ нашъ шумно несущійся поѣздъ.

Справа горы подходятъ все ближе къ дорогѣ, и изъ-за нихъ

все яснѣе вырѣзаются снѣговыя вершины другаго, болѣе далекаго и высокаго хребта.

Станція Ахсу совсѣмъ пустынная, безъ садика, безъ фонтана; человѣкъ тутъ еще едва отопталъ мѣстечко для жилья. Персія отсюда въ двухъ шагахъ, и замирающій у Ахсу ближній хребетъ горъ словно открываетъ намъ свободный проходъ въ нее. Нашъ Артыкъ уже почти на самой границѣ Персіи.

Но еще до Артыка мы остановились на цѣлыхъ пятьдесятъ минутъ въ другой пустынной станціи—Бабѣ-Дурмасѣ. Отъ нечего дѣлать я вынулъ свой дорожный альбомъ и отошелъ съ четверть версты въ степь набросать соблазнившія меня развалины маленькой калы.

Зато съ Артыка опять начинаются аулы, сады, калы, башеньки въ поляхъ. Но сами поля мало засѣяны. Здѣсь каждый засѣваетъ только то, что̀ въ силахъ оросить; безъ орошенія — здѣшняя почва безплодный камень. Зато посѣвы изумительной густоты, роста и силы. Въ поляхъ мы видѣли за работой не только Текинцевъ но и Текинокъ; онѣ не закрываютъ лицъ и не удаляются отъ мужчинъ. Тутъ я окончательно убѣдился, что около каждаго значительнаго текинскаго аула непремѣнно есть огромный насыпной холмъ съ плоскою вершиной, такой точно, какъ знаменитый Денгиль-Тепе; не похоже, чтобъ это были могильные холмы. Скорѣе нужно думать, что это мѣсто защиты на случай опасности или мѣсто народныхъ собраній. Но впрочемъ, можетъ быть, что мѣсто защиты и собраній вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ въ себѣ прахъ предковъ, особенно дорогой Азіятцу.

Съ лѣвой стороны дороги въ степи — цѣлые таборы кибитокъ, съ правой — аулы, а дальше за ними на крутыхъ, тоже, повидимому, насыпанныхъ холмахъ рядъ городковъ—крѣпостей, когда-то защищавшихъ отъ вторженія Туркменъ открытыя въ этомъ мѣстѣ границы Персіи. Текинцы отобрали ихъ у Персовъ и обратили противъ нихъ самихъ, но когда пала ихъ твердыня въ Геокъ-Тепе, они уже не защищали этихъ маленькихъ крѣпостей, а покинули ихъ на произволъ судьбы.

Текинцы пользуются теперь своими кала́ только зимой, укрывая въ нихъ отъ вѣтровъ и непогоды свои войлочныя и рогожныя кибитки.

Многія кибитки смазываются на зиму глиной по цѣновкамъ. Видъ текинской кибитки вообще напоминаетъ издали небольшую круглую мазанку; своею формой она чрезвычайно похожа на тѣ желѣзныя керосиновыя цистерны, какія такъ много видишь теперь при вокзалахъ торговыхъ городовъ.

Странное дѣло, и здѣсь, въ только-что заброшенной Туркменіи, успѣлъ уже укорениться обычный предразсудокъ южныхъ туземцевъ, на который я наталкивался и въ Крыму, и на Кавказѣ,—будто Русскіе приносятъ съ собой снѣгъ и морозы въ страны, никогда не знавшія зимняго холода.

Словоохотливый жандармскій унтеръ-офицеръ, сидѣвшій рядомъ съ нами, герой Карса и Геокъ-Тепе, украшенный тремя Георгіями, золотыми и серебряными, разсказывалъ намъ, что въ 1881 году, когда они забирали Асхабадъ, въ мартѣ солдаты снимали отъ жары рубахи съ тѣла, а Текинцы увѣряли, что они никогда прежде не знали ни дождей, ни снѣга.

Съ жандармомъ мы разговорились про его походы.

Оказалось, что золотаго Георгія на него навѣсилъ самъ Скобелевъ при взятіи Геокъ-Тепе, когда онъ на глазахъ генерала срубилъ Текинцу однимъ ударомъ голову съ плечомъ.

— Текинцы молодцы! Да ужъ и сукины сыны на сабляхъ рубиться!—повѣствовалъ онъ намъ.—Казакамъ нашимъ гдѣ-жъ до нихъ, хоть и тѣ ничего народъ! Чего лучше—одинъ противъ нашихъ пятерыхъ бьется и не сдастся никогда. Отрядъ цѣлый придетъ, ихъ пять человѣкъ въ башню забьются, и всѣ тамъ и полягутъ, пардону никто не попроситъ. Страсть сколько побили ихъ въ Геокъ-Тепе! Я самъ человѣкъ двадцать зарубилъ; потому мы гнали ихъ пятнадцать верстъ; пока темно стало, ну тутъ Скобелевъ отбой велѣлъ трубить. А какъ они изъ воротъ бѣжали, тутъ ихъ артиллерія положила все равно какъ баранту; человѣкъ по сту разомъ падало подъ картечью. Персовъ мы у

нихъ въ желѣзахъ сколько нашли, Персіянокъ! Сейчасъ же ихъ—маршъ куда хочешь! на всѣ четыре стороны. Они и Текинокъ хорошихъ съ собой увели, и своихъ женъ. Чтó вѣдь только творили Текинцы надъ этими Персами, да надъ Бухарцами,—уму помраченье! Тѣ ихъ хуже огня боялись. Одинъ бы Текинецъ пришелъ, цѣлый бухарскій городъ забралъ. Бухарцы—тѣ народъ смирный, купцы все больше, ну, а эти — звѣрье! А только дюже честны, никакихъ грабежей и разбоевъ. Два эскадрона милиціи изъ нихъ набрано за жалованье, по доброй волѣ, а такъ въ рекруты не берутъ. А подати съ нихъ сходитъ всего по пяти рублей съ кибитки. Я вѣдь теперь въ Чарджуѣ служу, тамъ войско наше стоитъ, а городъ самъ бухарскій. Ханъ дозволяетъ, потому мы теперь въ мирѣ съ нимъ. Пока живъ,—потолѣ онъ ханъ, а пóмретъ—подъ Рассею Бухара отойдетъ. Бухарцы ждутъ не дождутся, потому что имъ отъ него разореніе—половину жатвы себѣ ханъ у нихъ беретъ. Въ Бухарѣ теперь куда хочешь иди, все равно, какъ въ Рассеи, пальцемъ никто не тронетъ. Солдаты ихніе по нашему обучены, наши же унтеръ-офицеры изъ казанскихъ Татаръ ихъ учили, даже честь дѣлаютъ офицерамъ нашимъ, коли въ кокардѣ или при саблѣ. А жить дешево — страсть! Пять копѣекъ говядина лучшая, въ Самаркандѣ такъ еще и три копѣйки, семьдесятъ копѣекъ яицъ сотня всю зиму, дыни и теперь еще свѣжія, за три копѣйки арбузъ лучшій на выборъ! расхваливалъ намъ свою привольную жизнь въ Бухарскомъ ханствѣ лихой ветеранъ.

Кахка—родъ маленькаго городка. Тутъ казармы казацкой артиллеріи и стрѣлковаго баталіона, тутъ очень большой аулъ съ кибитками и глиняными мазанками, съ глубокими многочисленными арыками.

Отъ Кахки горы удаляются и у Душака исчезаютъ вовсе. Душакъ—самый близкій русскій пунктъ отъ Мешеда, всего въ 18 персидскихъ миляхъ, то-есть въ 126 верстахъ. Оттого здѣсь учреждена пограничная таможня для персидскихъ това-

ровъ. Пошлина, по-здѣшнему *пачъ*, взимается въ размѣрѣ $^1/_{10}$ цѣны товара; взимаетъ ее особый *пачиманъ* изъ текинцевъ, живущій въ сосѣднемъ аулѣ. На каждые десять рублей, которые онъ собираетъ въ пользу таможни, онъ получаетъ одинъ рубль въ свою пользу. Такихъ пачимановъ четверо въ Закаспійской области. Какъ ни странно для непосвященнаго въ дѣло это довѣріе дикарю-Текинцу сборовъ государственной таможни, однако, по увѣренію мѣстныхъ знатоковъ края, при настоящихъ условіяхъ только туземцы-Текинцы, которымъ вѣдома малѣйшая тропинка въ горахъ, въ состояніи услѣдить за всѣми изобрѣтательными плутнями персіянъ по части контрабанды и разнаго обмана на провозимомъ товарѣ.

За Душакомъ кончается Ахалъ-Текинскій оазисъ, и поѣздъ попадаетъ опять въ пустыню. Кусты саксаула сразу говорятъ вамъ о начинающемся царствѣ песковъ. При самомъ въѣздѣ въ пески мимо поѣзда промчалось стадо джейрановъ, сильно возбудившее мое любопытство. Я въ первый разъ видѣлъ джейрановъ на волѣ и въ такомъ многолюдствѣ. Эти хозяева песчаныхъ пустынь зимой то и дѣло перебѣгаютъ желѣзную дорогу. Ихъ водится тутъ такое множество, что цѣлая тушка продается зимой по двадцати и тридцати копѣекъ. Лѣтомъ они поднимаются въ горы, за персидскую границу, гдѣ ихъ не останавливаютъ никакіе пачиманы и гдѣ имъ готовы превосходные лѣсные луга. Кабаны тоже держатся во множествѣ у подножія горъ и на горахъ. Когда строили здѣсь желѣзную дорогу, то убивали пропасть кабановъ даже въ степныхъ камышахъ.

Въ Тедженѣ поѣздъ стоитъ болѣе трехъ часовъ, непостижимо зачѣмъ и почему.

Тедженъ—нѣчто въ родѣ городка, на рѣкѣ, которая туркменами называется тоже Тедженомъ, но въ географіи болѣе извѣстна подъ именемъ Гери-Руда. На этомъ Гери-Рудѣ стоитъ нашъ Серахсъ, а далѣе афганскій Гератъ.

Гери-Рудъ—это единственныя ворота въ Афганистанъ, по-

этому понятно, почему русскіе дорожили овладѣть его теченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гери-Рудъ и наша граница съ Персіей. Его лѣвый берегъ принадлежитъ къ Хорасану, а правый—къ Тедженскому уѣзду Закаспійской области.

Повидимому, по теченію этого Гери-Руда находилась и древняя Арія, колыбель Арійскихъ племенъ. Птоломей и Страбонъ помѣщаютъ ее именно на востокъ отъ Пареіи, то-есть, теперешняго Хорасана, на югъ отъ Маргіаны, теперешней туркменіи.

Арія называлась по имени рѣки Аріи, на которой стоялъ городъ Арія, то-есть нынѣшній Гери или Гератъ, стоящій тоже на рѣкѣ Гери-Рудѣ.

Въ настоящее время вмѣсто арійцевъ или иранцевъ, долина Гери-Руда захвачена кочевыми туранцами. Текинцы еще въ 1835 году построили на Гери-Рудѣ укрѣпленіе Тедженъ, или Оразъ-Кала̀. Они вытѣснили отсюда на Мургабъ другія туркменскія племена Сарыковъ и Салоровъ, а въ 1857 году выгнали Сарыковъ и съ Мургаба, отнявъ у нихъ Мервъ и отодвинувъ ихъ южнѣе къ Пенджде и Афганистану. Салоры при этомъ передвиженіи тоже были потѣснены и перебрели опять на Гери-Рудъ, южнѣе Серахса, къ самой афганской границѣ.

Персы и Хивинцы не хотѣли позволить своевольнымъ кочевникамъ захватывать любыя мѣста и все время воевали съ ними, но къ несчастію своему неудачно. Хивинскій ханъ Магометъ-Эминъ былъ жестоко разбитъ текинцами въ 1855 году на рѣкѣ Тедженѣ, у Серахса, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну зарѣзанъ, по любимому обычаю туркменъ. Съ тѣхъ поръ текинцы перестали платить Хивѣ даже ту ничтожную дань, которую они платили больше для счета (по одному верблюду съ аула), и задали страху пограничной Персіи!

Тедженскій уѣздъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Закаспійскомъ краѣ по условіямъ своей природы. Тутъ множество чрезвычайно плодородныхъ влажныхъ низинъ, заливаемыхъ рѣкой, заросшихъ чисто тропическими лѣсами, изобилующихъ всякимъ звѣремъ и

птицей. Культура многихъ дорогихъ южныхъ растеній здѣсь могла бы привиться чрезвычайно легко и вознаградить сторицей. Но за то климатъ по рѣкѣ Теджену убійственъ своими лихорадками, такъ что о русской колонизаціи этой долины и думать нельзя. Тигры тутъ ежедневные гости и постоянные обитатели непроходимыхъ плавней.

Я разговорился въ грязномъ и тѣсномъ буфетикѣ станціи съ однимъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ.

— Знаете, какая у насъ исторія на дняхъ была, между прочимъ, разсказалъ онъ мнѣ. Сидимъ мы на станціи, днемъ, всякій за своимъ дѣломъ, вдругъ слышимъ—неистовый ревъ... Прислушались,—тигръ, сомнѣнія никакого нѣтъ. Охотниковъ тутъ насъ много, человѣкъ семнадцать, у всѣхъ ружья хорошія и народъ опытный. Зарядили ружья, идемъ осторожно на ревъ всею толпой,—смотримъ, здоровеннѣйшій тигрище королевскій; аршина четыре длины, бородатый такой, пушистый, — красота одно слово!—въ капканъ попался и реветъ такъ, что волосы дыбомъ становятся. И попался-то какъ скверно, чуть лапу ему одну прихватило. Того и гляди, вырвется и пошелъ косить направо, налѣво... Остановились мы шагахъ въ пятидесяти отъ него и хватили всѣ разомъ изъ семнадцати ружей. Такъ чтó жъ бы вы думали? Пули ужь, конечно, всѣ въ него влѣпились, а онъ анаѳема, прыгаетъ и рвется, какъ ни въ чемъ не бывало! Пристрѣлили ужъ его восемнадцатою пулей, повалился наконецъ! Вотъ вѣдь на пулю какъ крѣпокъ! Упалъ онъ, лежитъ и не движется, а мы все труса празднуемъ, никто подойти не хочетъ, даромъ что ружья у всѣхъ. А ну, думается, какъ онъ очнется, да вскочитъ! Тамъ послѣ, чтò хочешь ему дѣлай, а онъ съ тебя рубашку кожаную живо сниметъ!.. Ужъ Текинецъ-джигитъ подкрался наконецъ къ нему, увидѣлъ, что убитъ; тогда только и мы подойти рѣшились. Вотъ я вамъ доложу, какая это штука! Семнадцать человѣкъ и то трусятъ. А по ночамъ, такъ мы здѣсь на станціи другъ къ другу въ гости изъ флигеля во флигель боимся перейти, потому что тигры бродятъ вездѣ, имъ

и жилье, и дорога—все ни почемъ. Кто его угадаетъ, когда онъ вздумаетъ навѣстить насъ?

Отвратительно грязный станціонный буфетъ оказался еще и угарнымъ. Но ѣсть не на шутку хотѣлось, ожидать нужно было долго и пришлось волей-неволей пріютиться здѣсь. Устроили свой чай, заказали котлеты и яйца, и кое-какъ высидѣли эти унылые три съ половиной часа, болтая съ кѣмъ приходилось.

Тихій розовый вечеръ смѣнился глухою черною ночью. Многіе изъ нашихъ пассажировъ храпѣли, растянувшись гдѣ попало, на лавкахъ, на диванахъ. Когда все стихло въ шумной станціи, я вышелъ на площадку. Кучка персіянъ сидѣла въ темномъ уголку, не спѣшно перекидываясь словами съ русскими рабочими, присосѣдившимися къ нимъ. Персіяне возвращались на родину съ одной изъ мервскихъ ярмарокъ. Русскіе ѣхали изъ матушки Рассеи въ Султанъ-Бендское имѣніе Государя. Я издали прислушивался, весь переполненный внутреннимъ смѣхомъ, къ этой оригинальной бесѣдѣ.

Персіяне не знали ни одного слова по-русски. Русскіе ни одного слова по-персидски, а между тѣмъ бесѣда велась горячо, долго и послѣдовательно, и все о матеріяхъ серьезныхъ. И собесѣдники, къ удивленію моему, отлично понимали другъ друга. Зачинщиками бесѣды, повидимому, были наши. Съ непоколебимою увѣренностью, что на православной Руси все дѣлается по Божьему, по настоящему и что ни у кого другаго ничего подобнаго быть не можетъ,—русаки, все больше молодые ребята, съ нѣсколько презрительною ироніей поучали Азіятовъ, какъ у насъ на святой Руси народушко пашетъ и коситъ, и молотитъ хлѣбушко. Персы со своей стороны не уступали и на перебой съ нашими показывали имъ и руками, и глазами, и языкомъ, какъ дѣлается у нихъ. Затрогивались всѣ предметы осязательные, всѣмъ одинаково близкіе и знакомые, такъ что демонстраціи съ помощью пальцевъ были вполнѣ достаточны для того,

чтобы слушатели обоюдно усвоивали эти лекціи нагляднаго обученія своихъ добровольныхъ профессоровъ.

Смѣлые русопеты безъ раздумья и ничто же сумняся валили изъ своей Калуги въ «Мевру», какъ они называли Мервъ, движимые темнымъ слухомъ, что вызываютъ сюда «въ забранный край» народушко рассейскій на какія-то «царскія работы». Эти «царскія работы», разумѣется, выросли въ нѣчто миѳологическое, чему всегда такъ охотно, съ младенческимъ легкомысліемъ, вѣритъ бородатый и даже сѣдой деревенскій людъ, разъ его всколыхнетъ необходимость двинуться на какіе-нибудь кисельные берега.

— Въ Мевру какъ придемъ, сказывали намъ люди,—такъ чтобъ сейчасъ станціи начальнику объявить, сколько кто верстъ съ Рассеи пришелъ... Денежки всѣ тебѣ заразъ и вернутъ кто чтò протратилъ, потому царская работа! На топоръ сказываютъ пятьдесятъ серебра въ мѣсяцъ! И харчъ казенный!—съ разсудительнымъ видомъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ этихъ безтрепетныхъ странниковъ.

— Оно-бъ и въ Асхабадѣ пристать намъ можно было!—вмѣшался другой.—Тамъ отъ царя такъ положено, что все тебѣ казенное предоставляется, вся плепорція: домъ готовый и лошадь съ сохой, опять же корова и 33 года податей не платить, да отсовѣтовали люди: говорятъ, съ лихорадки дюже много помираютъ, климатъ не нашинскій...

Вотъ и подите съ ними! И даже когда побываютъ на «царской работѣ», когда сами поживутъ въ Асхабадѣ, а все-таки, возвратясь на родину, будутъ разсказывать тѣ же утѣшающія ихъ сердца небылицы и о пятидесяти серебра въ мѣсяцъ на топоръ, и о казенномъ домѣ съ сохой.

Я сошелъ съ террасы и прошелся нѣсколько шаговъ за станцію въ темноту южной ночи. Тамъ путешественники совсѣмъ иного характера: человѣкъ десять текинцевъ прикурнули на каменной стѣночкѣ, въ суровомъ молчаніи созерцая вторгшуюся въ ихъ суровую и безмолвную землю чуждую жизнь съ ея шу-

момъ и суетой, эту волшебную, огнемъ дышащую машину, эти протянутыя черезъ ихъ пустыню говорящія проволоки, эти непонятные имъ обычаи, одежды, физіономіи...

Штукъ десять верблюдовъ лежатъ и стоятъ тутъ же, неподвижною кучкой, не развьюченные отъ своихъ громоздкихъ подушекъ—сѣделъ погремывая цѣпями, какъ отдыхающіе колодники, вытянувъ впередъ свои загадочныя библейскія головы, поджавъ подъ себя наморившіяся мозолистыя ноги, словно они молятъ Бога поскорѣе прекратить ихъ злополучную жизнь вѣчнаго труда и рабства...

Сѣдой грязный старикъ-текинецъ возсѣдаетъ около нихъ караульщикомъ на цѣлой грудѣ мѣшковъ.

Это они привезли свой хлѣбъ изъ аула для отправки по желѣзной дорогѣ въ Мервъ.

V.

Базары Мерва.

Въ Мервъ мы пріѣхали рано утромъ. Полуголые босоногіе амбалы (носильщики) подхватили и навьючили на себя наши пожитки прежде чѣмъ мы успѣли оглянуться, хотя намъ самимъ пришлось взять извощичью коляску, величаемую здѣсь фаэтономъ, какъ и вездѣ на южныхъ окраинахъ Россіи, отъ Одессы и Кавказа до Ташкента и Кокана.

Извощики здѣсь парные, съ просторными и приличными экипажами, на лихихъ лошадяхъ, не чета нашимъ русскимъ. Ихъ тутъ множество, и все больше армяне изъ Ганжи, Шуши и др. закавказскихъ городковъ. Есть немного и русскихъ, но тѣ пооборваннѣе и похмѣльнѣе. Вообще армянинъ—обычный торговецъ и промышленникъ Азіи. Онъ освоился съ нею, какъ съ роднымъ домомъ еще въ вѣтхозавѣтные вѣка и безо всякаго труда пускаетъ здѣсь корни вездѣ, гдѣ ему это нужно. И къ нему здѣсь привыкли съ незапамятныхъ временъ, такъ что даже

въ самыхъ дикихъ мѣстностяхъ онъ является чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ, вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, считать армянина передовымъ цивилизаторомъ азіатской дичи. Только цивилизація эта, разумѣется, не выходитъ изъ предѣловъ лавки, питейнаго дома и пріютовъ покупной любви, да развѣ еще конторы ростовщика. Армянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и самымъ подручнымъ толмачемъ въ сношеніяхъ русскихъ съ завоеванными или глухими уголками Азіи. Хорошо ли, дурно ли, а онъ непремѣнно раньше всѣхъ заговоритъ съ каждымъ азіатскимъ племенемъ на его родномъ языкѣ. Еврей за то тутъ не имѣетъ особеннаго значенія; могучая армянская раса подавляетъ его здѣсь на всѣхъ поприщахъ корысти и дѣлаетъ для него конкурренцію почти невозможною. Гдѣ завелся армянинъ, жидъ стирается самъ собою, все равно, какъ мыши исчезаютъ изъ того подполья, гдѣ хозяйничаетъ крыса.

Насъ водворили въ нумерахъ съ очень подозрительнымъ титуломъ «Эльдорадо», которые однако считаются здѣсь наиболѣе приличными. Испанія и Италія напоминали себя только полною безцеремонностью обстановки и совершенымъ пренебреженіемъ къ зимнему холоду. Всѣ помѣщенія разсчитаны на прохладу, и потому спальни безо всякаго посредства сѣней и переднихъ выходятъ на открытую внутреннюю галлерею. Маленькій нечистоплотный дворикъ, долженствующій вмѣстѣ съ тѣмъ служить и садомъ, наполняетъ своею сыростью, а подчасъ и міазмами, всѣ эти тѣнистыя каменныя клѣтки, открывающія въ него свои окна и двери, и совсѣмъ отвернувшіяся отъ солнца. Впрочемъ, столъ въ Эльдорадо недуренъ. Содержитъ эти нумера итальянецъ, попавшійся въ плѣнъ къ русскимъ въ Севастопольскую кампанію и женившійся потомъ на казачкѣ весьма серьезныхъ размѣровъ. Сеньоръ Ш., надо признаться, весьма обязательный человѣкъ, отлично знакомый со всѣмъ, что можетъ понадобиться туристу въ этомъ новорожденномъ городкѣ.

Мы, конечно, не стали долго кейфовать въ своихъ полутем-

ныхъ нумерахъ, вѣроятно, очаровательно прохладныхъ въ іюльскій шестидесятиградусный зной,—и вмѣстѣ съ нашимъ Американцемъ отправились на осмотръ города.

Какъ разъ рядомъ съ Эльдорадо расположенъ одинъ изъ туземныхъ караванъ-сараевъ.

Просторный дворъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ частью каменною оградой, частью низенькимъ каменнымъ жильемъ.

По серединѣ двора, привязанные ко вбитымъ въ землю приколамъ, кормятся поодаль другъ отъ друга характерно сгорбившись костлявыми хребтами сухіе и крѣпконогіе текинскіе кони. Всѣ они, какъ любимыя дѣти, укутаны чуть не до ушей въ войлоки, ковры и попоны, которыми текинцы старательно одѣваютъ ихъ не только зимой, но и въ развалъ лѣтнихъ жаровъ. Немногіе изъ нихъ замѣчательной красоты, большею же частью кащеи безсмертные на высокихъ ногахъ, съ длинными худыми шеями и обвислыми крупами. Но несмотря на свой жалкій видъ, всѣ они удивительные скакуны, выносливые, быстрые, нетребовательные; они славятся этимъ съ незапамятныхъ временъ далеко во всей Азіи. Имъ ничего не стоитъ проскакать безъ передышки какихъ-нибудь 25 верстъ, и при этомъ ихъ можно поить послѣ какой угодно горячей ѣзды. Надо сказать, что и сидятъ на этой удивительной лошади тоже удивительные всадники: туркменъ ѣздитъ очень некрасиво и неуклюже въ своемъ халатѣ по пятки; но зато онъ безо всякаго утомленія высиживаетъ на сѣдлѣ по 500, по 600 верстъ сряду, шутя дѣлая такой путь въ пять, шесть дней. Кормятъ текинцы своихъ знаменитыхъ коней не какою-нибудь бѣлояровою пшеницей, а совершенно оригинальнымъ кормомъ: они пекутъ имъ, какъ людямъ, какъ почетнымъ гостямъ своимъ, лепешки изъ ячменной и кукурузной муки на бараньемъ салѣ. Еще при Тамерланѣ туркменскія лошади составляли такое богатство этого народа, что великій завоеватель Азіи нарочно пригонялъ изъ Аравіи по нѣскольку тысячъ кобылицъ дорогихъ кровей и раздавалъ ихъ для приплода кочевникамъ Туркестана. Несомнѣнно, что теперещ-

няя текинская лошадь обязана много этому облагороженію крови своей арабскою кровью. На дворѣ—смѣшеніе всѣхъ языковъ. Артель казаковъ пріютилась рядомъ на буркахъ и подъ бурками на самомъ припекѣ ранняго солнышка.

Таранчи въ бѣлыхъ войлочныхъ колпакахъ и полосатыхъ халатахъ, съ потѣшными китайскими рожами, похожія издали скорѣе на какихъ-нибудь калмыцкихъ бабъ чѣмъ на мужчинъ, запрягаютъ быковъ въ свою громадную двухколесную арбу, на которой они притащились сюда изъ далекой Кульджи, чтобы поселиться по вызову властей въ окрестностяхъ Стараго Мерва у Султанъ-Бендской плотины, гдѣ уже работаютъ не мало ихъ земляковъ.

А вонъ туркменъ изъ племени Ерзари, съ береговъ Аму-Дарьи, полуголый атлетъ варварскаго вида съ бронзовою грудью навыкатѣ, отчаянно рубитъ топоромъ крѣпкій какъ кость рогатый саксаулъ.

Тутъ и лукавый сартъ изъ Бухары, и чванные щеголи-Персіяне въ своихъ тщательно раскрашенныхъ и еще тщательнѣе обстриженныхъ бородкахъ.

Мы заглянули и въ безхитростныя жилыя конурки каравань-сарая, двери которыхъ всю ночь открыты во дворъ; тамъ темно и тѣсно, чтобы только можно было правовѣрному протянуться на досчатой тахтѣ, на которую онъ стелетъ всегда ему сопутствующіе тюфячки, ковры и подушки; большіе мѣдные кубганы съ водой для омовенія,—единственная туалетная потребность восточнаго человѣка, составляетъ и единственную утварь этихъ неприхотливыхъ келій. Въ другихъ комнаткахъ караванъ-сарая сложены тюки товара, которые знающіе люди обыкновенно покупаютъ здѣсь изъ первыхъ рукъ по сходной цѣнѣ, пока товаръ не попалъ въ болѣе ловкія руки базарныхъ торговцевъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что во дни Тамерлана или Али-Бабы изъ «Тысячи одной ночи» — обстановка восточ-

наго путешественника ничѣмъ не разнилась отъ того, что было теперь передъ нашими глазами.

Разговорчивый казакъ изъ Осетинъ, служащій въ качествѣ джигита у генерала Куропаткина, разболтался со мною, замѣтивъ мое любопытство.

— Вы не смотрите, ваше благородіе, что они на видъ плохи... — мотнулъ онъ головой на привязанныхъ лошадей... — глядѣть на нихъ гроша не стóятъ, а сядешь на нее—все отдашь! Устали, каторжныя, не знаютъ; словно каменныя! вотъ мы почитай пять дней съ нихъ не слѣзали, только нынче въ первый разъ разсѣдлали, да вѣдь скакали какъ, безъ передышки; цѣны конямъ этимъ нѣтъ!

— Вы откуда же ѣдете?—спросилъ я.

— А изъ Герата! тамъ мы фуражъ закупаемъ для пограничныхъ войскъ. Отсюда возить далеко, убыточно, такъ больше у нихъ покупаемъ.

— Развѣ нашихъ пускаютъ теперь въ Гератъ?

— Нѣтъ, оно по настоящему не велѣно пускать; коли господа какіе наши большіе поѣдутъ, то, пожалуй, и не пустятъ. А мы проѣзжаемъ себѣ помаленьку, ничего... На насъ кто станетъ тамъ смотрѣть?.. пріѣдешь себѣ на базаръ, закупишь, что тебѣ слѣдуетъ, да и гайда домой... Народъ тамъ тихій, обходительный, обиды никакой отъ него нѣтъ...

— А дороги-жъ тутъ текинскіе кони?—освѣдомился я.

— Да разные есть, ваше благородіе, какъ и у насъ въ Россіи. Вонъ за тѣ, что вы смотрите, рублей по 120, а то и по полутораста отдадите. Ярмарки тутъ частыя, какихъ хотите можно купить. Я таки, признаться, свелъ троичку къ себѣ домой, на Терекъ, какъ въ отпускъ ѣздилъ.

Мервъ, несмотря на свою молодость, уже сталъ теперь изрядно большимъ городкомъ. Онъ разсѣлился по обоимъ берегамъ Мургаба, но пока больше на лѣвомъ берегу его. Тамъ почти всѣ частные дома, вся торговля. За то на правомъ берегу, гдѣ еще

высятся полуразрушенныя глиняныя стѣны текинской крѣпости Коушуть-ханъ-кала́,— сосредоточились мало-по-малу всѣ казенныя учрежденія и заднія, казармы, квартиры военнаго начальства, церковь. Несомнѣнно, что въ недалекомъ будущемъ эта правая сторона станетъ главнымъ ядромъ города и перетянетъ къ себѣ все зажиточное его населеніе, такъ какъ здѣсь больше простора и безопасности; на лѣвомъ же берегу останутся полуазіатскіе домишки и азіатскіе базары.

Былъ базарный день, и намъ посовѣтовали посмотрѣть мервскій базаръ, одинъ изъ самыхъ характернѣйшихъ въ Азіи. Чтобы лучше освоиться съ особенностями этого оригинальнаго города, мы съ мистеромъ Крэномъ и сопровождавшими насъ туземными жителями отправились пѣшкомъ, заходя по пути во всѣ уголки, которые насъ интересовали, и останавливаясь чуть не на каждомъ шагу передъ сценами и типами, отъ которыхъ впечатлительный художникъ пришелъ бы въ неописуемый восторгъ.

Мы прошли базарами армянскимъ, текинскимъ, еврейскимъ, персидскимъ, бухарскимъ... У Евреевъ былъ какой-то ихъ праздникъ, и они сидѣли на полу своихъ лавочекъ щегольски разодѣтые въ общевосточные костюмы, которые они здѣсь носятъ наравнѣ съ другими азіатцами, на самыхъ парадныхъ коврикахъ и войлокахъ своихъ, вокругъ тарелокъ съ шепталой, кишмишомъ, орѣхами и всякими восточными сладостями, очевидно угощая своихъ гостей этимъ неизбѣжнымъ на Востокѣ «дастарханомъ».

Базары, которые я только-что назвалъ, это то, что у насъ въ Россіи называется «гостиннымъ дворомъ», рядъ тѣсно скученныхъ другъ съ другомъ лавокъ, расположенныхъ только не по роду товаровъ, какъ у насъ въ Москвѣ или Питерѣ, по ножевымъ, сундучнымъ, периннымъ, суровскимъ и всякимъ другимъ линіямъ и рядамъ, а по національностямъ купцовъ.

Но тотъ базаръ, на который мы шли, это маленькая ярмарка своего рода, вполнѣ соотвѣтствующая нашему русскому названію базара, народнаго торжища на открытомъ воздухѣ въ опредѣленные дни.

Этотъ базаръ собирается за городомъ, на просторномъ зеленомъ выгонѣ, незамѣтно сливающимся со степью.

Кочевнику и невозможно бы было собраться для торга ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ двигается сюда изъ родныхъ степей какъ надвигаются его ползучіе пески, какъ стекаются его горныя воды, —со стихійною повальностью, цѣлыми полчищами, цѣлыми аулами, забирая съ собою женъ, дѣтей, стариковъ, гоня передъ собою вереницы верблюдовъ, стада барановъ... Ему нужно много простора и много времени. Оттого-то мервскій базаръ кипитъ до поздняго вечера.

Глазамъ не вѣрилось, глядя на это повсемѣстное непрерывное теченіе со всѣхъ сторонъ скота и народовъ, начавшееся съ ранняго утра и продолжавшееся цѣлый день... И узкія улицы городка, и широкія дороги, сходившіяся къ городу изъ разныхъ степныхъ ауловъ, были заполнены этимъ наводненіемъ яркой и пестрой толпы.

Ѣхали, ѣхали мимо насъ другъ за другомъ нескончаемыя вереницы и кучки азіатскихъ всадниковъ, и дождаться было нельзя, когда проѣдутъ они. Да и понять было нельзя, гдѣ умѣщаетъ въ себѣ такое многолюдство маленькій Мервскій оазисъ? Безбрежная степь словно рождала ихъ изъ своихъ нѣдръ и высылала сюда, какъ тучи внезапно отроившейся въ ней саранчи.

Моей фантазіи художника такъ живо рисовались картины когда-то былыхъ грозныхъ нашествій на цивилизованный міръ степного варварства, или шумныхъ сборищъ азіатскихъ фанатиковъ на какой-нибудь «газаватъ», — священную войну противъ невѣрныхъ.

Ѣхали на лошадяхъ; ѣхали на ослахъ, ѣхали на верблюдахъ, Пыльные и потные верблюды, словно насквозь проступившіе бурымъ цвѣтомъ той глины и тѣхъ песковъ, которые они терпѣливо топчутъ своими лохматыми толкачами, съ флегматическимъ спокойствіемъ прирожденнаго раба, мѣрно шагаютъ другъ за другомъ, привязанные къ сѣдламъ одинъ за другимъ черными волосяными веревками, съ цѣпями на концѣ, погромыхивая ради

развлеченія кольцами этихъ рабскихъ цѣпей и висящими у нихъ на шеѣ, тоже въ видѣ рабскаго ошейника, грубыми мѣдными бубенцами.

По пять, по шесть, по десять этихъ громоздкихъ ветхозавѣтныхъ скотовъ, нагруженныхъ товарами, связаны въ одну вереницу, и впереди нея какой-нибудь темнобронзовый старикъ съ окладистою серебряною бородой, сидя на крошечномъ осликѣ, ведетъ за собою на такой же длинной волосяной веревкѣ весь этотъ библейскій караванъ. Это «лаучъ», верблюдовожатый.

Несмотря на жаръ, онъ въ громадной лохматой бараньей шапкѣ и въ ватошномъ бешметѣ, настежь распахнутомъ, на костлявой коричневой груди, обросшей, какъ у звѣря, клоками сѣдой шерсти.

Онъ сидитъ бокомъ на своемъ осликѣ, спустивъ черезъ вьюкъ свои голыя, до кости высохшія обезьяньи ноги, съ болтающимися на нихъ туфлями, и кажется вдовое больше и вдвое тяжелѣе жалкаго ушатаго теленочка, который бойко семенитъ подъ нимъ своими крѣпкими маленькими копытками.

На лошадяхъ ѣздятъ не только по одному, но то и дѣло по два, по три и даже по четыре на одной лошади. За текинцемъ хозяиномъ, самодовольно возсѣдающемъ на сѣдлѣ, присосѣживаются сзади, ухватившись за него, его жены или дочери, а на колѣнахъ ихъ частенько еще какой-нибудь мальчишка или дѣвчонка.

Словомъ, цѣлая кочевая кибитка взбирается на хребетъ выносливаго степного конька, и онъ рыситъ подъ нею совсѣмъ легко и свободно, до того это ему не въ диковинку.

Многіе не только ѣдутъ, но и везутъ что-нибудь съ собою: у кого нѣсколько верблюдовъ съ коврами, паласами, холстами, курджинами; у кого пара осликовъ, спрятанныхъ совсѣмъ съ ушами въ вязанкахъ свѣжей «юрунджи» (люцерны), или наломанныхъ вѣтокъ саксаула, сухаго верблюдятника, самана... А у иныхъ еще болѣе оригинальный товаръ: по обоимъ бокамъ коня десятки живыхъ куръ и пѣтуховъ, связанныхъ другъ съ дру-

гомъ и болтающихся внизъ головой, какъ связки бубликовъ. Это ужъ совсѣмъ по-текински!

Если бы время было другое, эти лихіе торговцы не прочь бы были, пожалуй, приторочить къ своимъ сѣдламъ, хотя бы тоже ногами вверхъ, многихъ изъ любопытныхъ зрителей, теперь удивленно глазѣющихъ на нихъ, и въѣхать съ такимъ завиднымъ товаромъ на свой любимый базаръ. Стоитъ взглянуть только на эти суровыя коричневыя лица съ жесткимъ и твердымъ взглядомъ, напоминающимъ безпощадно-неподвижный зрачокъ крупнаго хищнаго звѣря, льва или барса, чтобы понять, какой это народъ двигается предъ вами. Особенно характерны въ этомъ смыслѣ и какъ-то уродливо страшны закоренѣлые въ разбояхъ старики, рѣдкозубые, безбородые, рѣзко-монгольскаго типа и темной до-синя кожи, кажущіеся совсѣмъ синими отъ своихъ бритыхъ висковъ, бритаго лба, бритыхъ затылковъ...

Но и остальная публика тоже не особенно располагаетъ къ довѣрію и дружбѣ. Все это большею частью атлеты огромнаго роста, плечистые, сухіе, мускулистые; такого звѣря, сейчасъ видно, не скоро одолѣешь, и ужъ, конечно, не въ одиночку. Самые храбрые русскіе солдаты, увѣшанные Георгіями и собственными руками забравшіе этотъ край, откровенно признавались мнѣ, что на одного текинца всегда было нужно нѣсколькихъ Русскихъ...

Я уже говорилъ раньше, что характернѣйшая черта текинскаго лица—большой и очень низко поставленный ротъ. Онъ-то и придаетъ этому загорѣлому скуластому его лицу животное и даже звѣрское выраженіе. Черная лента короткихъ волосъ сплошь опоясываетъ обыкновенно лицо молодого текинца отъ виска и до виска, замѣняя собою бакенбарды и бородку, и немножко, пожалуй, напоминая характерные бакенбарды, окаймляющіе кровожадную морду тигра,—земляка и довольно близкаго родственника текинца по вкусамъ хищничества.

Одежда текинца удивительно мало подходитъ къ его ловкости, силѣ и удальству. По всѣмъ ухваткамъ своимъ—текинцы

чрезвычайно напоминали мнѣ дагестанскихъ лезгинъ. Но въ то время какъ кавказскій горецъ одѣвается въ живописный и удобный нарядъ, отлично принаровленный и къ верховой ѣздѣ, и къ лазанью по горамъ, текинскій атлетъ уродуетъ себя неуклюжими ватошными халатами, громоздкими, широкими, долгополыми, съ рукавами, изъ которыхъ трудно вынырнуть рукѣ... Въ халатахъ этихъ онъ смотритъ какимъ-то муллой или купцомъ, а ужъ никакъ не наѣздникомъ.

Къ этому нужно прибавить, что на туркменцѣ вы не видите оружія, какъ на кавказскомъ горцѣ, до зубовъ увѣшанномъ патронами, пистолетами, кинжалами, шашками, винтовками...

Туркменъ коварно прячетъ въ складкахъ широкаго пояса только одинъ свой разбойничій ножъ, которымъ онъ не рубится открыто съ врагомъ, какъ лезгинскій витязь, а рѣжетъ горло поверженному или плѣненному врагу, какъ мясникъ барану.

А между тѣмъ въ битвахъ и набѣгахъ онъ умѣетъ быть ловкимъ и отчаянно храбрымъ, несмотря на свои халаты и свое далеко не рыцарское вооруженіе. Для этого, конечно, нужна была практика многихъ вѣковъ. Суровая школа постоянныхъ опасностей, постоянной разбойничьей жизни научила поневолѣ смѣлости и проворству. А когда испытаешь на собственной шкурѣ хотя въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ жгучій лѣтній зной и невыносимыя зимнія стужи со всѣхъ сторонъ открытой, безпріютной и безлюдной пустыни, то поймешь, что не пустой капризъ заставляетъ здѣсь даже лихого наѣздника кутаться въ теплыя одежды отъ макушки до пятокъ. Это не кавказскія тѣснины, загороженныя отовсюду стѣнами скалъ, не кавказскіе лѣса, недоступные вѣтрамъ степей. Мало того, что люди здѣсь такъ кутаются; даже верховыя лошади текинцевъ, знаменитыя своею безпримѣрною выносливостью, постоянно укутаны попонами и коврами: щегольски расшитый чепракъ покрываетъ обыкновенно текинскаго коня, а сверху сѣдла еще кладется нѣсколько попонъ.

Нигдѣ, конечно, вы не увидите такого множества текинскихъ

лошадей, и такихъ хорошихъ лошадей, какъ на мервскихъ базарахъ.

Самые красивые кони, гарцующіе подъ воинственными туркменскими всадниками, разубранные какъ женихъ на свадьбу въ свои яркіе чепраки и уздечки, не продаются, впрочемъ, ни за какую цѣну. Туркменъ гораздо скорѣе продастъ свою жену и дѣтей, чѣмъ любимаго испытаннаго въ опасностяхъ коня.

Я никакъ не могъ наглядѣться на своеобразную картину этого все больше и больше разраставшагося пестраго и шумнаго нашествія степняковъ. Но этотъ совсѣмъ новый для меня міръ, эти никогда мнѣ невѣдомыя типическія фигуры степныхъ кочевниковъ, ихъ посадка, ихъ одежды, ихъ товары, вмѣстѣ съ тѣмъ казались мнѣ давно знакомыми до самой послѣдней мелочи, гдѣ-то ужъ видѣнными и крѣпко врѣзавшимися въ моей памяти.

Не безъ усилія далъ я себѣ отчетъ въ этомъ странномъ впечатлѣніи. Предо мною вдругъ воскресли, какъ живыя, художественныя созданія Верещагина, воплотившія на полотнѣ всю характерную этнографію Центральной Азіи, съ ея базарами, мечетями, дворцами, всѣ разнообразные типы этихъ фантастическихъ халатниковъ, бухарцевъ, хивинцевъ, туркменъ, во всѣхъ подробностяхъ ихъ повседневной жизни. До того бываетъ поразительна сила художественнаго изображенія!

Но если вся окружающая степь, всѣ окрестныя дороги кишѣли двигавшимися всадниками, пѣшеходами, караванами, то ярмарочный выгонъ былъ буквально затопленъ народомъ и скотомъ.

И все это сплошныя бараньи шапки громадныхъ размѣровъ, цѣлое море розовыхъ полосатыхъ халатовъ, бумажныхъ и шелковыхъ, натянутыхъ поверхъ другихъ халатовъ и бешметовъ того же цвѣта. Это господствующій вкусъ мервскаго текинца. Почти всѣ они при этомъ въ туфляхъ на босу ногу, и только у немногихъ богачей надѣты расшитыя ноговицы. Но среди

нихъ много и другихъ не менѣе характерныхъ нарядовъ. Тутъ образцы всѣхъ племенъ и народовъ Азіи, отъ индуса и афганца до киргиза и китайскаго таранчи. Яркія разноцвѣтныя чалмы бухарскихъ и самаркандскихъ сартовъ, голубыя чалмы ташкентцевъ, бѣлыя войлочные колпаки таранчей изъ Кашгара, съ угловатыми разрѣзами полей, киргизскія мурмолки, черныя сахарныя головы персидскихъ шапокъ, прихотливо увязанные роскошные кисейные тюрбаны мусульманскихъ индусовъ,—все это мелькаетъ и двигается среди сплошного потопа лохматыхъ туркменскихъ папахъ и розовыхъ туркменскихъ халатовъ. Женщины тоже тутъ, но ихъ уже далеко меньше. Меня насмѣшила оригинальная мода этихъ черномазыхъ красавицъ. Онѣ безцеремонно натягиваютъ на голову рукавъ шелковаго халата и въ такой импровизованной мантіи, съ болтающимся чуть не по землѣ другимъ рукавомъ, разгуливаютъ себѣ по улицамъ и базарамъ.

Весь этотъ народъ больше галдитъ и толчется безо всякаго дѣла, чѣмъ продаетъ и покупаетъ. Базары—это обычный всенародный клубъ восточнаго человѣка, гдѣ онъ видится со всѣми, съ кѣмъ ему нужно и не нужно, гдѣ онъ узнаетъ всѣ новости дня, отъ политическихъ событій далекихъ царствъ до послѣдней сплетни какой-нибудь степной кибитки. Безъ базаровъ жизнь была бы не въ жизнь лѣнивому и всегда праздному восточному человѣку. Тутъ онъ, конечно, и развлекаетъ себя всякимъ питьемъ и ѣдой, куреніемъ кальяна, пересмотромъ привезенныхъ товаровъ...

Оттого-то кухоньки, чайныя лавки, продажи сластей—тутъ на каждомъ шагу, прямо на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью разбитыхъ шатровъ, подъ тѣнью дерева, но всегда однако на коврикѣ, на войлочкѣ или на деревянныхъ низенькихъ подмосткахъ, въ родѣ широчайшихъ кроватей на коротенькихъ ножкахъ. Цѣлыми десятками чинно усаживаются рядкомъ въ тѣни отъ солнышка полосатые халаты и не спѣша потягиваютъ изъ большихъ фарфоровыхъ чашекъ безъ блюдцевъ, величиною съ

наши обыкновенныя полоскательныя чашки, неизобразимо жидкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбѣжно дешевый зеленый чай, который въ громадныхъ количествахъ привозится для туземнаго потребленія персіянами изъ Индіи.

Кофе,—неизбѣжный напитокъ турецкаго, арабскаго и греческаго востока,—совсѣмъ невѣдомъ въ домашнемъ обиходѣ жителя Центральной Азіи, туркмена, бухарца, киргиза. Какъ западъ Азіи подвергся вмѣстѣ съ вліяніемъ арабской цивилизаціи господству арабскаго кофе, такъ востокъ Азіи и ея серединныя степныя области подпали вмѣстѣ съ наплывомъ монгольскаго варварства повальному господству среди нихъ китайскаго чая... Чай сдѣлался до того необходимымъ ежедневнымъ напиткомъ степного азіатца, что и туркменъ, и сартъ, и киргизъ, и калмыкъ—въ дорогѣ носятъ на поясѣ въ числѣ важнѣйшихъ путевыхъ принадлежностей кожаный круглый футляръ съ чайною чашкой, одинаково удобною и для воды и для чая. Лавочки-палатки мервскаго базара наполнены этими грубо разукрашенными футлярами изъ красной бараньей кожи, грошовой цѣны.

Нѣтъ ни одного глухого аула въ туркменіи, ни одного мелкаго кишлака въ Бухарѣ или Коканѣ, гдѣ бы не было у проѣзжей дороги хотя какого-нибудь злосчастнаго чай-хане, чайной лавочки.

Мечети бываютъ нерѣдко пусты, но никогда вы не встрѣтите въ Азіи чай-хане, гдѣ бы въ каждую минуту дня, съ утра до глубокой ночи,—какой-нибудь правовѣрный мусульманинъ не утѣшался безконечно долгимъ питіемъ своего зеленаго чая.

Наше русское чаепитіе, считающееся чуть не прирожденнымъ національнымъ свойствомъ истинно русскаго человѣка, безо всякаго сомнѣнія, проникло къ намъ уже черезъ посредство азіатскаго кочевника, какъ и многое другое въ нашемъ домашнемъ быту, а отъ насъ заразило мало-по-малу и всю Европу.

Жестокосердные и суровые туркмены, какъ и всѣ вообще

азіатскіе народы, не отличающіеся, кажется, дѣтскою чувствительностью,—страннымъ образомъ питаютъ истинно младенческое пристрастіе къ лакомствамъ всякаго рода. Мы то и дѣло проходимъ мимо раставленныхъ на травѣ громадныхъ деревянныхъ блюдъ, полныхъ кишмиша, шепталы, орѣховъ, леденцовъ и какихъ-то крученыхъ изъ бѣлаго сахара персидскихъ конфетъ, особенно соблазняющихъ этихъ шатающихся мимо бородатыхъ ребятъ. Тутъ же открытые сверху шерстяные мѣшки съ *игдой,* мѣстною ягодой въ родѣ кизиля или шиповника, и теперь уже обильно обсыпающею деревья окрестныхъ садовъ; чуть ли это не лаховникъ (Eleagnus), растущій у насъ въ Крыму и на Кавказѣ. Мѣшки джугары, — лошадинаго корма изъ рода сорго, величиной покрупнѣе конопли,—мѣшки муки, да ячменя,—вотъ почти и всѣ безхитростные съѣстные товары этого базара.

Возовъ нигдѣ никакихъ, все привозится и увозится на хребтѣ скота, въ мѣшкахъ, подвѣшиваемыхъ къ сѣдлу верблюда, осла или лошади...

Оттого-то и размѣры этой вьючной торговли вызываютъ улыбку у русскаго человѣка, привыкшаго видѣть на своихъ базарахъ цѣлые обозы и цѣлыя горы всякаго рода припасовъ.

Такъ же комично скудны товаромъ и остальныя ярмарочныя лавочки туркменской столицы, свободно умѣщающіяся не только въ маленькой палаткѣ, живописно украшенней внутри разноцвѣтными узорами, но частенько въ простомъ сундучкѣ или на опрокинутомъ вверхъ дномъ досчатомъ ящикѣ.

Туземный товаръ все мелочной и грошовый — тюбетейки, сафьянныя туфли, нагайки, чайныя чашки дешеваго фарфора и кожаные футляры для нихъ въ видѣ круглыхъ картузовъ съ кисточкой, гаманы для мѣдныхъ денегъ, грубо-расписанные, неуклюжіе деревянные гребни, тыквенные кувшинчики для дороги, раскрашенныя пестрыми букетами деревянныя блюда и мѣдные котлы—вотъ и все типично-восточное, способное заинтересовать туриста. Остальной товаръ—почти все московскій, ко-

нечно, самыхъ гнилыхъ сортовъ, даже съ русскими ярлыками никому невѣдомыхъ фирмъ: копѣечные линючіе ситцы яркихъ узоровъ, бракованная стеклянная и фаянсовая посуда и прочее, и прочее, хорошо намъ знакомое по нашимъ уѣзднымъ и деревенскимъ лавочкамъ, съ небольшою лишь примѣсью необычайно узенькихъ и жиденькихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изрядно дорогихъ самаркандскихъ и бухарскихъ канаусовъ и адрясовъ.

Покупать проѣзжему тутъ ничего не стоитъ, кромѣ развѣ текинскихъ ковровъ, которыми здѣсь дорожатся ужасно, которыми здѣсь надуваютъ еще ужаснѣе, и которыхъ на базаръ вывозятъ вообще немного.

Главный торгъ, повидимому, идетъ здѣсь скотомъ. Стада черныхъ длинноухихъ овецъ обложили кругомъ весь выгонъ. Рядомъ съ ними какой-то другой сортъ овецъ, болѣе крупныхъ, и, вѣроятно, болѣе другихъ, блѣдно-желтоватаго цвѣта съ желторыжими ногами и ушами.

Утомленные верблюды лежатъ на своихъ мозолистыхъ колѣнахъ, какіе еще съ тюками на горбахъ, какіе въ насквозь пропотѣвшихъ громоздкихъ сѣдлахъ, высоко приподнявъ свои худыя шеи и озираясь съ выраженіемъ безмолвнаго призрѣнія на суетящихся кругомъ двуногихъ и четвероногихъ тварей.

Множество лошадей разставлено отдѣльно другъ отъ друга на приколахъ изъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ въ землѣ корней кустарника; они то и дѣло закладываютъ назадъ уши и, злобно оскаливъ зубы, подкидываютъ задомъ вверхъ, норовя хватить обоими копытами то въ мимо протискивающуюся верховую лошадь, то въ не кстати присосѣдившагося ослика. Вой ословъ, ревъ проголодавшихся верблюдовъ, несмолкающее блеянье овецъ, мычанье коровъ, нетерпѣливое гоготанье молодыхъ жеребцовъ, крики продавцовъ и толкающейся толпы — сливаются въ такой оглушительный, характерно-азіятскій гулъ, котораго не услышишь даже и на нашихъ ярмаркахъ.

Было какъ-то радостно встрѣчать среди этого пестраго сбо-

рища всякой азіятчины знакомыя бѣлыя рубахи земляковъ-солдатиковъ, русскихъ бабъ и дѣвокъ, въ тѣхъ самыхъ нарядахъ и съ тѣмъ самымъ говоромъ, къ которымъ такъ привыкли у себя на Руси и глазъ, и ухо. Всѣ они казались теперь моему сердцу близкими родными.

Русскій человѣкъ — удивительно скромный человѣкъ. Онъ держитъ себя здѣсь, въ странѣ завоеванной его кровью, какъ случайный прохожій, не суется впередъ, не заявляетъ ничѣмъ своихъ особенныхъ правъ, никого и ничего не трогаетъ, никому и ничему не мѣшаетъ.

Я видѣлъ англичанъ въ Каирѣ и вынесъ о нихъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, хотя они, кажется, не покоряли никогда Египта своимъ оружіемъ.

Когда мы возвращались съ базара, огромный верблюдъ, вѣроятно истощенный долгою дорогой по пустынѣ, свалился съ ногъ и загородилъ своею лохматою тушей весь переулокъ...

Варвары-текинцы, чтобы не хлопотать разъвьючивать его, безжалостно колотили надорвавшагося труженика палками по мордѣ, по глазамъ, по чемъ попало; бѣдное животное молча смотрѣло на истязателей своимъ безропотнымъ взглядомъ «Адамовой овцы», какъ называетъ его нашъ мужикъ, и даже не увертывалось отъ ударовъ. Надѣли ему, наконецъ, на шею веревку и стали тянуть народомъ, но веревка только перетирала безъ того уже исхудавшую шею и безполезно теребила обезсилѣвшую голову, ни на волосъ не шевельнувъ тяжелаго туловища...

Мы ушли глубоко возмущенные, не дождавшись конца этой туркменской операціи. Но вѣдь въ Мервѣ, конечно, еще не существуетъ общества покровительства животнымъ, къ которому издыхавшій верблюдъ могъ направить свой послѣдній протестъ.

VI.

Въ кибиткѣ у Мурадъ-хана.

Мервская крѣпость—огромнаго охвата и еще сравнительно мало застроена; но пустыри ея уже размѣряются и планируются. Старая текинская стѣна сложена, конечно, изъ глины и толста непомѣрно: въ основаніи не меньше 6—8 саженъ, по крайней мѣрѣ въ проѣздахъ; да и вышины въ ней будетъ не меньше, если не больше. Она наполовину уже обращена и теперь представляетъ собою видъ какихъ-то гигантскихъ монистовъ, до того правильною цѣпью чередуются въ ней промывы и обвалы глины. Мѣстами уцѣлѣли и остатки такихъ же глиняныхъ башенъ.

Стѣны эти построены были текинцами послѣ взятія русскими Хивы въ 1873 году, подъ впечатлѣніемъ охватившаго всю Азію ужаса и въ ожиданіи возможнаго нашествія русскихъ. Весь Мервскій оазисъ долженъ былъ спрятаться со своими кибитками въ этой центральной твердынѣ, названной Коушутъ-ханъ-Кала. Но этой глиняной крѣпости не пришлось выдерживать испытанія огнемъ и кровью, даже и послѣ разгрома текинцевъ подъ Геокъ-Тепе. Русскіе на Мервъ не пошли, а черезъ два года мервцы сами сознали необходимость отдаться во власть Россіи. Мервъ былъ занятъ мирно, почти безъ выстрѣла; только небольшая дружина партіи войны, не хотѣвшая принимать подданства Россіи, сѣла на коней и отправилась въ степь, откуда нѣкоторое время угрожала нашему гарнизону. Впослѣдствіи и эти непримиримые мало-по-малу примирились и вернулись въ родной городъ.

Поэтому въ стѣнахъ крѣпости довольно долго располагались кибитки текинцевъ. Только года четыре тому назадъ разогнали эти кибитки назадъ по ауламъ и стали понемногу переводить сюда съ праваго берега казенные склады, казармы, офицерскія квартиры и разныя оффиціальныя учрежденія.

Теперь въ крѣпости и прекрасное зданіе городской школы, и публичный садъ съ лѣтнимъ театромъ, и другой большой садъ вокругъ дома окружнаго начальника. Вообще сады разбиваются здѣсь вездѣ и растутъ не по днямъ, а по часамъ, съ невѣроятною быстротой и легкостью. Дома все тутъ каменные, чистенькіе и красивые, всѣ съ садиками. Казармъ множество: и стрѣлковаго баталіона, и саперныя, и артиллерійскія, и казацкія. Войска здѣсь не мало, потому что на сѣверъ ихъ уже нѣтъ больше нигдѣ до самаго Чарджуя, а на югѣ войска стоятъ въ Серахсѣ, да на Афганской границѣ.

Русская церковь помѣщается не въ самой крѣпости, а рядомъ съ нею, въ особомъ ея отдѣлѣ, съ особымъ въѣздомъ. Мы посѣтили ее на другой день, въ Вербное Воскресенье. Жалкая глиняная клѣтушка, бѣдно и безъ вкуса убранная иконами, вся протекаетъ насквозь, отмокаетъ и обсыпается. Если бы не скромный крестъ на серединной вышкѣ, то и не узналъ бы, что это православная церковь. Потолокъ серединной башни, приличія ради, подбитъ отдувшимся отъ сырости холстомъ, на которомъ выступаютъ рыжими пятнами подтеки и ржавчины.

Тѣснота невыразимая. Хотя эта церковь и войсковая, построенная временно солдатами и для солдатъ, но сами солдаты должны молиться на дворѣ, потому что въ этой глиняной часовенькѣ насилу помѣщается и та горсточка мѣстной служилой знати, которая собралась теперь въ ней.

Американецъ Крэнъ пріѣхалъ въ церковь вмѣстѣ съ нами, и мнѣ сдѣлалось просто стыдно предъ нимъ за насъ, русскихъ. Американскій поселенецъ, пахарь и дровосѣкъ, садясь на новое мѣсто, прежде всего, прежде собственныхъ жилищъ, строитъ общими силами приличный домъ Божій и зданіе школы. А мы силами всего сто-милліоннаго народа своего не можемъ устроить для воиновъ, за насъ умирающихъ, сколько-нибудь благопристойную и помѣстительную церковь, распоряжаясь притомъ цѣлою завоеванною областью. И это въ то время, когда въ томъ же самомъ Мервѣ персы-пришельцы уже успѣли воздвигнуть на

свои частныя средства большую и красивую каменную мечеть, мимо которой мы только-что проѣхали.

Не забудьте притомъ, что Мервская церковь единственная христіанская святыня въ цѣломъ мусульманскомъ краѣ, и что грубые кочевники гораздо больше судятъ о достоинствѣ религіи по ея доступнымъ имъ внѣшнимъ проявленіямъ, чѣмъ по мало постижимому имъ внутреннему содержанію ея.

А кто знаетъ, какое бы впечатлѣніе могла произвести на полудѣтское воображеніе текинца и къ какимъ добрымъ послѣдствіямъ могла потомъ повести его благоустроенная православная служба въ благоустроенномъ православномъ храмѣ. Туркмены, по крайней мѣрѣ, текинцы—магометане больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности. У нихъ почти не видно мечетей и очень мало муллъ. Духовная борьба съ такимъ не твердымъ и мало искреннимъ мусульманствомъ далеко не такъ трудна, какъ съ закоренѣлымъ фанатизмомъ мусульманскихъ учителей въ коренныхъ очагахъ ислама, каковы, напримѣръ, Самаркандъ, Бухара или хотя бы наша Казань.

Намъ хотѣлось посмотрѣть поближе одинъ изъ текинскихъ ауловъ и побывать въ ихъ кибиткахъ. У мистера Крэна къ тому же былъ очень удобный приборъ для ручной фотографіи, съ помощью котораго онъ въ одно мгновеніе снималъ оригинальные типы и сцены, какіе намъ приходилось встрѣчать. Бытъ текинской кибитки настойчиво просился подъ стекла этой фотографіи.

Извозчикъ-татаринъ въ коляскѣ на парѣ бойкихъ лошадей повезъ насъ троихъ, съ переводчикомъ Имеретиномъ на козлахъ, черезъ крѣпость въ ближайшій аулъ. Аулы тѣсными дружинами облегли свою столицу, и дороги въ нихъ перекрещиваютъ вдоль и поперекъ пустыри Коушутъ-ханъ-Кала.

Ярмарка не унималась до самаго вечера, и навстрѣчу ѣхали толпами и вереницами текинскіе всадники, шли на верблюдахъ текинскіе караваны.

Зато аулы были чуть не пустые. Аулъ отъ аула отличить нельзя. Они такъ часто сидятъ вокругъ Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками въ одно сплошное громадное поселеніе. Все это — глиняные четырехъугольные ящики безъ крышъ, массивные и почти слѣпые, съ крошечною дверочкой, съ одинокимъ окошечкомъ. Пристройка повыше играетъ роль башни на случай нападенія и защиты. Рядомъ съ глиняными домами, въ перемежку съ ними, и отдѣльно отъ нихъ въ садахъ и на выгонахъ аула, цѣлыя становища круглыхъ войлочныхъ кибитокъ съ очень пологимъ верхомъ, формой точь-въ-точь керосинные резервуары у нашихъ желѣзнодорожныхъ вокзаловъ.

Изъ мужчинъ въ аулахъ остались одни дряхлые старики и малыя дѣти, но женщинъ видно было еще очень много. Онѣ не закрываютъ лица, какъ другія мусульманки, и хотя нѣсколько стыдятся и прячутся отъ взгляда чужого мужчины, да еще русскаго, но тѣмъ не менѣе смѣло перебѣгаютъ отъ одной кибитки къ другой, съ жаднымъ любопытствомъ впиваясь глазами въ мало еще знакомую имъ фигуру европейской женщины.

И я со своей стороны не насмотрюсь на ихъ оригинальный и живописный нарядъ, напоминающій еще древнихъ пареянокъ.

Всѣ онѣ въ малиновомъ и красномъ съ головы до ногъ. Темно-малиновые балахоны по пятки, темно-малиновые высокіе колпаки конусами на головѣ. Волосы заплетены въ косы и на концахъ ихъ висятъ по спинѣ чуть не до самыхъ колѣнъ хвосты изъ серебряныхъ монетъ и серебряныхъ гремушекъ. Какъ у лезгинокъ и арабокъ, монеты вообще самое любимое украшеніе текинскаго прекраснаго пола. Цѣлыми бронями изъ монетъ увѣшана ихъ грудь и даже животъ, монеты на ихъ острыхъ колпакахъ, монеты на ермолкахъ ихъ дѣтей, увѣнчанныхъ оригинальными серебряными шандаликами. И какъ вездѣ на Востокѣ, именно серебряная, а не золотая и не мѣдная монета. На рукахъ у нихъ опять-таки серебряные, а не золотые браслеты, съ красными сердоликами и другими мѣстными камнями.

Красные колпаки здѣшнихъ женщинъ обвязаны такими же красными и малиновыми платками, концы которыхъ тщательно уматываютъ имъ нижнюю часть лица. Молодыя текинки довольно красивы и статны въ этихъ своихъ древне-азіатскихъ костюмахъ. Но старухи ихъ сущія вѣдьмы, сгорбленныя, желтыя, злыя, съ растрепанными сѣдыми космами, съ вѣчною руганью на языкѣ.

Въ аулахъ шли кое-какія работы, занявшія насъ своею оригинальностью. У однѣхъ кибитокъ бабы мѣсили для построекъ глину съ навозомъ и смазывали круглыя жерла низенькихъ хлѣбныхъ печей, стоящихъ прямо на дворѣ; у другихъ мужчины толкли рисъ. Два босоногіе оборванца, очевидно, нанятые поденщики, изо всѣхъ силъ раскачивались на одномъ концѣ деревяннаго коромысла, котораго другой конецъ долбилъ деревяннымъ клювомъ, — легкое подобіе толкачей на нашихъ водяныхъ мельницахъ,—насыпанное въ ямѣ прямо на землю желтоватое сорочинское пшено.

Старикъ-хозяинъ, усѣвшись на корточки, старательно подгребаетъ рукой рисъ подъ деревянное долбило, не помышляя, повидимому, ни о какой опасности для своихъ корявыхъ рукъ.

Пока мы созерцали все это текинское населеніе и работы его съ высоты своей коляски, дѣло обстояло благополучно. Но только-что мы спѣшились и обнаружили слабую попытку зайти въ первую попавшуюся кибитку, какъ на насъ бросились всякіе двуногіе и четвероногіе звѣри. Лихія туркменскія собаки ожесточенно рвали насъ за ноги, а такой же какъ онѣ бѣшеный старикашка въ лохматой папахѣ на головѣ, въ длинноволосой дубленой шубѣ ярко желтаго цвѣта, — грудью загородилъ намъ дорогу, изрыгая изъ своей беззубой пасти осипшимъ голосомъ какія-то непонятныя намъ увѣщанія или угрозы. Къ нему стали подходить съ разныхъ сторонъ другіе такіе же босоногіе и лохматые старики. Бабы и дѣвки, до того толпившіяся на улицѣ, разомъ испуганно шарахнулись по своимъ кибиткамъ, словно

имъ и дѣтямъ ихъ угрожала отъ нашего пришествія какая-нибудь смертная опасность.

— Чего это онъ окрысился такъ, этотъ сумасшедшій старикъ? спросилъ я нашего извозчика, хорошо понимавшаго по-туркменски.

Извозчикъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Да какъ же ему иначе? сказалъ онъ. — Хозяева теперь, мужчины ихніе, всѣ на ярмаркѣ, бабы однѣ въ кибиткахъ остались. Какъ же ему чужихъ мужчинъ къ нимъ впустить? Вотъ съ того-то и щетинится старый хрычъ! добродушно разсмѣялся онъ.

Мы тоже посмѣялись надъ неожиданнымъ переполохомъ, который мы надѣлали въ аулѣ, и, побродивъ немного по его переулкамъ среди неогляднаго становища кибитокъ, рѣшились продолжать дальше свой путь.

— Вотъ мы къ Мурадъ-хану заѣдемъ недалеко отсюда, тотъ пуститъ, къ нему всегда начальники большіе заѣзжаютъ... Тотъ ужь всякое обхожденіе знаетъ! утѣшилъ насъ извозчикъ.—У него не только кибитки, у него, посмотрите, домъ какой! Хоть бы генералу какому жить. Потому богачъ! Земли сколько позабралъ, сады большіе, скота сколько... Это вѣдь все его земли!.. Весь народъ кругомъ на него работаетъ изъ половины урожая! махнулъ онъ рукой на степь.

Высокій бѣлокаменный домъ Мурадъ-хана, съ большими мавританскими окнами, съ красивою рѣшоткой на плоской крышѣ, можетъ считаться настоящимъ ханскимъ дворцомъ среди глиняныхъ мазанокъ текинцевъ. Но домъ этотъ построенъ имъ только для показа, для хвастовства предъ русскими властями, которыя его иногда посѣщаютъ. Мурадъ-ханъ считается аксакаломъ, то-есть старшиной своего округа, и находится поневолѣ въ частыхъ сношеніяхъ съ русскими. Въ Мервѣ онъ игралъ прежде очень вліятельную роль, и его былое значеніе отчасти осталось за нимъ до сихъ поръ. Онъ не попусту носитъ имя хана, и дѣйствительная власть его надъ окрестнымъ кочевымъ населеніемъ

далеко не умѣщается въ одни только права аксакала, признаваемыя за нимъ нашимъ правительствомъ.

Впрочемъ, аксакалъ самъ по себѣ имѣетъ огромное значеніе среди кочеваго населенія, потому что онъ есть распорядитель воды, то-есть живота и смерти степнаго жителя. Вода тутъ — все. Продается и покупается тутъ — не земля, а вода. Землю безъ воды тутъ даромъ не берутъ; а земля орошенная—на вѣсъ золота. Аксакалъ судитъ и рядитъ всѣ споры о водѣ и каждому жителю назначаетъ срокъ, когда онъ можетъ орошать свое поле водами арыка. Въ этомъ для него неистощимый источникъ доходовъ.

Мы, однако, не нашли Мурадъ-хана въ его парадной европейской резиденціи. Въ домѣ что-то перестроивалось, и къ нашему большому удовольствію оказалось нужнымъ ѣхать къ нему въ его становище.

Многочисленныя кибитки домочадцевъ и подручниковъ Мурадъ-хана размѣстились вокругъ его ставки, въ кустахъ и садахъ, на опушкѣ степи.

Маленькое становище до-нельзя переполошилось, увидя нашу приближавшуюся коляску.

Изумленныя фигуры то и дѣло выбѣгали и вбѣгали въ кибитки, распространяя среди ихъ наивнаго населенія волненіе и испугъ.

Не доѣзжая до кибитки хана, насъ торопливо встрѣтили его верховые нукеры на богато осѣдланныхъ отличныхъ коняхъ. Они проводили насъ въ ставку хана.

Вокругъ нея уже успѣлъ столпиться народъ. Текинцы глядѣли на насъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и подозрительностью. Особенно одинъ старикъ рѣзко-монгольскаго типа, совсѣмъ безусый, съ рѣдкими сѣдыми клочками волосъ на подбородкѣ, не могъ подавить въ себѣ кипѣвшей внутри его злобы и пожиралъ насъ глазами ненависти.

Наконецъ, въ кибитку вошелъ и Мурадъ-ханъ, вызванный изъ другой кибитки, гдѣ жили его жены. Онъ сразу загоро-

дилъ и, казалось, наполнилъ собою все свободное пространство кибитки.

Черный, какъ арапъ, громаднаго роста и богатырскаго склада, съ узкими косыми глазами, выпяченными скулами и огромнымъ звѣроподобнымъ ртомъ, онъ былъ просто страшенъ и смотрѣлъ чистѣйшимъ монголомъ. Я увѣренъ, что самъ Чингисъ-ханъ не показался бы мнѣ такимъ харектернымъ монгольскимъ варваромъ, какъ этотъ туркменскій атлетъ. Такого аксакала поневолѣ послушаются самые непокорные дикари.

Мы обмѣнялись привѣтствіями черезъ переводчика-извозчика, потому что имеретинъ м-ра Крэна хотя и говорилъ по-татарски, но туркменскаго діалекта понять не могъ.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, что я встрѣтилъ васъ не въ капитанскомъ мундирѣ и безъ ордена, прежде всего велѣлъ передать намъ Мурадъ-ханъ, очевидно, желая сразу дать намъ понять, что онъ имѣетъ русскій военный чинъ, которымъ туркмены гордятся превыше всего.—Я очень жалѣю, что не зналъ о пріѣздѣ такихъ почетныхъ гостей, иначе бы я приготовился какъ слѣдуетъ.

— Напротивъ, намъ гораздо любопытнѣе видѣть васъ въ вашей природной одеждѣ,—отвѣчали мы ему устами своего возницы. — Мы пріѣхали издалека, изъ-подъ самой Москвы, первый разъ въ туркменскую землю, и намъ хочется видѣть, какъ живутъ и чѣмъ занимаются туркмены. Оттого-то мы позволили себѣ побезпокоить васъ и просимъ теперь показать намъ ваше житье...

— У насъ нѣтъ никакихъ хорошихъ вещей, которыя есть у русскихъ, — отвѣчалъ Мурадъ-ханъ. — Мы люди простые и бѣдные, все дѣлаемъ сами и довольствуемся самымъ необходимымъ... Вотъ видите мою кибитку,—прибавилъ онъ, обводя ее самодовольными глазами.—Вотъ и всѣ наши богатства. На что тутъ смотрѣть?.. Въ Москвѣ развѣ вы то видѣли?..

Кибитка была, однако, обставлена далеко не бѣдно. Вся она была укрыта по полу и по стѣнамъ коврами и цѣновками; кру-

гомъ стѣнъ стояли тѣсно другъ къ другу и другъ на другѣ раскрашенные цвѣтами по бѣлой жести сундуки московской работы, самодѣльныя грубыя шкатулочки, полосатые шерстяные мѣшки съ мукой, рисомъ и просомъ, громадные голубовато-пестрые кувшины о трехъ ручкахъ, способные вмѣстить въ себя по нѣскольку ведеръ вина или масла, деревянные точеные кувшинчики для воды, оправленные мѣдью, оригинальнаго восточнаго рисунка, стеклянные кальяны и всякая всячина.

Кибитка эта была, повидимому, столовою, потому что въ ней не было видно́ ни тюфяковъ, ни подушекъ, обычныхъ принадлежностей азіатскаго жилья. На стѣнахъ не висѣло никакого оружія, а только богатая конская сбруя, отдѣланная серебромъ и сердоликами, да музыкальные туркменскіе инструменты въ родѣ гитаръ или балалаекъ съ очень длинными ручками и очень маленькимъ пузатымъ корпусомъ.

Остовъ кибитки—это рѣшетка изъ гнутыхъ деревянныхъ прутьевъ какого-то очень крѣпкаго дерева, прочно увязанная веревками и плотно обтянутая войлоками, вверху ея—отверстіе, на которое въ непогоду натягивается веревкой тоже войлокъ. Но обыкновенно въ отверстіе это глядитъ ясное южное небо и поднимается дымъ отъ очага, горящаго чуть не цѣлый день по серединѣ кибитки. Огромный низенькій котелъ, накрытый деревянною крышкой, стоялъ на очагѣ и во время нашего прихода, но огня подъ нимъ не было.

Намъ принесли откуда-то три вѣнскіе плетеные стула и усадили на нихъ около очага, чтобъ окончательно убѣдить насъ въ цивилизованности капитана и кавалера россійской арміи.

— У насъ нынче рамазанъ, мы ничего не готовимъ и не ѣдимъ до ночи,—извинился Мурадъ-ханъ,—поэтому мнѣ нечѣмъ угостить почтенныхъ моихъ гостей, но еслибы вы посидѣли у меня немного и выпили по стакану чая! У меня есть русскій самоваръ и поставятъ его скоро.

Мы поблагодарили за любезность, но отъ чая отказались, сказавъ, что должны спѣшить домой.

Жену мою между тѣмъ повели по ея просьбѣ въ другую кибитку, гдѣ жили жены Мурадъ-хана. Онѣ встрѣтили ее съ большою лаской, тѣсно окружили ее и какъ маленькія дѣти дотрогивались и осматривали съ радостнымъ любопытствомъ каждую мелочь въ ея туалетѣ.

— Тутъ у меня не хорошо, тутъ все по нашему, по-туркменски!—продолжалъ извиняться Мурадъ-ханъ,—вотъ еслибы вы черезъ недѣльку-другую пріѣхали ко мнѣ, я бы васъ принялъ какъ слѣдуетъ, въ домѣ своемъ все равно какъ у васъ въ Россіи. А теперь домъ передѣлываютъ, нельзя показать. Тамъ у меня генералы всѣ бываютъ, всѣ начальники. Мурадъ-хана всѣ знаютъ.

— Намъ тоже сказали въ Мервѣ, что живетъ тутъ близко ханъ туркменскій съ большимъ чиномъ, храбрый и знаменитый человѣкъ, вотъ мы и пріѣхали нарочно посмотрѣть на васъ, отвѣтилъ ему я.

Мурадъ-ханъ поблагодарилъ за льстивыя слова и счелъ долгомъ освѣдомиться, въ какомъ чинѣ и на какой должности, и въ какомъ именно городѣ состоятъ его гости.

Мы удовлетворили его любопытство, примѣняясь къ его туркменскимъ понятіямъ, и когда я назвалъ м-ра Крэна англичаниномъ изъ Америки, то старый кочевникъ какъ-то встрепенулся весь и съ нескрываемымъ сочувствіемъ осклабился въ его сторону.

Для вольнолюбиваго сердца текинца все-таки, должно-быть, видъ мнимаго друга его, сосѣда по Индіи, отраднѣе, чѣмъ видъ нашего брата русскаго, его непрошеннаго хозяина и покорителя.

Поболтавъ еще кое о чемъ и досыта удовлетворивъ любопытство наивныхъ дикарей, набившихся въ кибитку Мурадъ-хана, мы пожали ему наконецъ руки и направились къ своей колясќѣ.

Вечеръ мы провели у одного изъ гостепріимныхъ мѣстныхъ жителей, съ которымъ мы случайно познакомились дорогой. Капитанъ З.—желѣзнодорожный дѣятель, участвовавшій въ по-

стройкѣ дороги съ самаго начала ея. Ему пришлось вмѣстѣ съ молодою женой переваливать черезъ Балканы, томиться Санъ-Стефанскою эпидеміей и потомъ очутиться среди туркменской пустыни, въ безводныхъ пескахъ Михайловскаго залива, заточеннымъ вдвоемъ зиму и лѣто въ войлочной кибиткѣ, не выпуская изъ рукъ револьверовъ въ ежечасномъ ожиданіи туркменскихъ набѣговъ. Это было въ самый разгаръ Скобелевскаго похода, когда нужно было прокладывать желѣзный путь черезъ пески слѣдомъ за надвигавшимся войскомъ, въ странѣ еще не покоренной и кишѣвшей враждебными намъ разбойничьими племенами.

Здѣшнія женщины — герои своего рода, по плечу своимъ мужьямъ.

Мы долго сидѣли на балконѣ въ саду, окруженные благоухающими бѣлыми акаціями. Деревья тутъ растутъ просто на глазахъ Трехлѣтнее дерево—уже толще человѣческой руки, и цвѣты уже осыпаютъ ихъ, какъ молодую невѣсту.

Милые хозяева радушно угощали насъ, бесѣдуя объ интересовавшемъ насъ своеобразномъ краѣ. Уютный ихъ домикъ украшенъ характерными мѣстными предметами. Въ прихожей чучело тигра, убитаго въ Чикишлярѣ, подъ столомъ кабинета — шкура гепарда изъ сосѣдняго Теджена, на стѣнѣ рога хивинскаго оленя и оригинально расписанныя самаркандскія блюда. На полу, на диванахъ,—всякіе текинскіе, бухарскіе, хорасанскіе ковры...

Но хотя насъ, сѣверныхъ пришельцевъ, очаровала необычно для насъ ранняя и необычно мягкая южная весна, дышавшая изъ сада тепломъ и ароматомъ, намъ однако разсказали далеко не утѣшительныя вѣсти о здѣшнемъ климатѣ и дали настойчивый совѣтъ не увлекаться особенною довѣрчивостью къ нему.

Въ Закаспійской области пріѣзжіе русскіе, правда, нерѣдко толстѣютъ и чувствуютъ себя хорошо, но большинство ихъ въ концѣ концовъ разстраиваютъ свое здоровье. Въ Мервѣ свирѣпствуютъ всевозможныя болѣзни, въ Самаркандѣ, въ Бухарѣ — еще больше. Главная причина этихъ болѣзней — застоявшаяся вода арыковъ и прудковъ, изъ которыхъ жители пьютъ воду. Въ

водѣ этой множество всякихъ нечистотъ, бактерій, насѣкомыхъ. А когда арыки высыхаютъ въ лѣтній зной, то отъ нихъ поднимаются вредоносные міазмы, причиняющіе жестокую лихорадку. Лихорадка — это бичъ всѣхъ нашихъ азіатскихъ владѣній. Но кромѣ нея во многихъ мѣстностяхъ, особенно въ Бухарѣ, свирѣпствуетъ мѣстная болѣзнь *решта*,—тончайшій и длиннѣйшій глистъ—волосатикъ, который проникаетъ въ человѣка изъ воды арыковъ и постепенно развѣтвляется внутри по всему его тѣлу, причиняя невыносимую боль. Европейскіе доктора не знаютъ средства противъ этой спеціально-азіатской болѣзни, но туземцы умѣютъ ее излѣчивать, ловко разыскивая кончикъ волосатика и осторожно наматывая его на палочку. Въ Мервѣ тоже есть своя спеціальная, столь же опасная болѣзнь — пендинская язва, названная по имени мѣстечка Пенджде, на Мургабѣ, изъ-за котораго у насъ былъ недавній споръ съ англичанами. Эта накожная язва тоже происходитъ отъ нечистой воды арыковъ и сродни спеціальной болѣзни ташкента — ташкентскому прыщу, отъ котораго не бываетъ избавленъ почти ни одинъ проѣзжій изъ Россіи. Кромѣ всѣхъ этихъ чисто-мѣстныхъ прелестей, въ Бухарѣ очень много прокаженныхъ, которые, выходитъ, не ограничиваются однимъ Сирійскимъ востокомъ.

На меня, впрочемъ, всѣ эти слышанные мною ужасы произвели мало впечатлѣнія... Я давно уже замѣтилъ, что во всѣхъ странахъ міра люди имѣютъ привычку жаловаться на скверный климатъ и на множество всякихъ болѣзней, а потому столь же давно принялъ за правило не обращать ровно никакого вниманія ни на какіе климаты и ни на какія болѣзни; и вотъ, достигнувъ довольно почтеннаго возраста, не могу сказать, чтобъ эта простая система привела меня къ плохому концу.

VII.

Аулъ Гуль-Джемалъ-ханымъ.

Рано утромъ нужно было отправляться въ Старый Мервъ и въ Государево Мургабское имѣніе. Мы наняли извозчичью коляску, чтобы не ждать желѣзной дороги и чтобы лучше познакомиться со страной, чрезъ которую проѣзжали.

Мистеръ Крэнъ едва было не задержалъ насъ. При отъѣздѣ изъ Асхабада онъ забылъ на вокзалѣ свой ручной фотографическій приборъ, безъ котораго все путешествіе теряло для него свое значеніе. Мы телеграфировали съ дороги, чтобъ его выслали въ Мервъ, но къ отъѣзду нашему онъ высланъ не былъ, такъ что пришлось обращаться за содѣйствіемъ къ капитану З., который обѣщалъ выслать приборъ слѣдомъ за нами уже прямо въ Бухару.

Путешествіе на лошадяхъ съ самаго дѣтства имѣетъ для меня незамѣнимую прелесть, и въ сравненіи съ нимъ желѣзная дорога не стóитъ ровно ничего. Я, конечно, говорю о впечатлѣніяхъ, а не объ удобствахъ.

Мы опять проѣхали сквозь мервскую крѣпость, и мое русское сердце радостно всколыхнулось при видѣ родныхъ бѣлыхъ рубахъ. Солдатики наши, пользуясь утреннимъ холодкомъ, отбывали ученье; они разсыпались подъ звуки барабана по плацу, залегали за земляныя насыпи, взбирались бѣгомъ на глиняные текинскіе валы и тамъ быстро строились въ ряды. Это такъ живо переносило мое воображеніе въ былые дни, когда эти самыя бѣлыя рубахи, хорошо знакомыя теперь всей Азіи, взбѣгали съ такою же удалою рѣшимостью на твердыни, защищаемыя мечомъ и пулей. На далекой чужбинѣ видъ русской силы производитъ бодрящее и успокоивающее впечатлѣніе. Впрочемъ, здѣсь радуетъ меня даже фигура какой-нибудь замазанной русской кухарки или пьянчуги-извозчика. Все-таки, какъ ни плохо, а свое родимое!

Сейчасъ же по выѣздѣ изъ города насъ охватилъ со всѣхъ сторонъ плодоносный и многолюдный Мервскій оазисъ. Аулы и сады на каждомъ шагу, виднѣются и виноградники, хотя гораздо рѣже. Ряды пирамидальныхъ тополей придаютъ ландшафту совсѣмъ культурный характеръ. Если бы не темныя муравьиныя кучи кибитокъ, толпящихся среди глинобитныхъ домовъ и оградъ, можно забыть, что мы въ Туркменіи. Всѣ дороги покрыты ѣдущимъ и идущимъ народомъ. Ѣдутъ на верблюдахъ, на лошадяхъ, на ослахъ. Ѣдутъ навстрѣчу, ѣдутъ впереди и позади насъ. Это уже не кочевья, а переходъ къ осѣдлости. Почва полей—чрезвычайно тучный лёссъ то густаго кофейнаго цвѣта, то сѣраго и сѣрожелтаго. Вездѣ кругомъ пасутся верблюды съ верблюженками, овцы, ослы. Верблюдовъ тутъ—непочатый край! Въ поляхъ то и дѣло видишь работающихъ туркменъ. Мальчишки-пастушонки въ своихъ характерныхъ и живописныхъ нарядахъ, спрятавшись въ кустахъ арыка или за придорожными кустами, съ пугливымъ изумленіемъ пялятъ на насъ свои огромные черные глазенки, гораздо болѣе человѣчные и добрые, чѣмъ всегда суровый и враждебный взглядъ стараго туркмена. Изъ-за ихъ плечъ смотрятъ на насъ такими же широко раскрытыми, наивно удивленными глазами, до ушей потонувшіе въ высокихъ травахъ болота маленькіе статные ослики, совсѣмъ похожіе на дикихъ, неразлучные товарищи ихъ бродячей жизни.

Арыки частою сѣтью бороздятъ и перерѣзаютъ поля. Иногда они такъ широки и глубоки, въ такихъ отвердѣвшихъ обрывистыхъ берегахъ, такъ заросли по берегамъ камышами и кустарникомъ, что ихъ принимаешь просто за рѣчку изрядной величины. Черезъ каждый арыкъ при каждой дорожкѣ непремѣнно плотно убитый глиняный мостикъ, аркой приподнимающійся посрединѣ. Порой приходится ѣхать между тѣсно сближенными арыками, какъ по длинной плотинѣ, но дорога вездѣ, однако, исправна и довольно покойна. Большіе арыки иногда вѣтвятся на нѣсколько рукавовъ, расходящихся въ стороны, какъ растопыренные пальцы руки. Эти крупныя водныя артеріи—наслѣд-

ство глубокой древности и невѣдомо какихъ народовъ, можетъ-быть еще какихъ-нибудь пареянъ или даже бактрійцевъ. Туркмены только расчищаютъ старыя русла этихъ древнихъ историческихъ каналовъ, сооруженіе которыхъ стоило громаднаго труда и требовало вѣковой работы.

Но множество такихъ каналовъ, этихъ грандіозныхъ памятниковъ былыхъ благодѣтелей человѣчества, нѣкогда питавшихъ сотни тысячъ народа и обращавшихъ безплодныя степи въ цвѣтущую страну, давно заброшено, и возстановленіе ихъ уже не по силамъ малочисленному и полудикому туркменскому племени.

При одномъ арыкѣ, широкомъ, какъ рѣка, глубоко спрятанномъ въ крутыхъ берегахъ, пріютилась туркменская камышевая мельница. Мы остановились немножко передохнуть и спустились къ ней. Вода пущена въ мельницу изъ запруженнаго верхняго арыка по тремъ деревяннымъ желобамъ и почти отвѣсною сильною струей падаетъ на колеса, спрятанныя подъ поломъ мельницы. Колесо вертитъ верхній жерновъ-бѣгунъ, который скользитъ по неподвижному нижнему жернову, размалывая зерно, что сыпется въ серединное отверстіе верхняго жернова. У каждаго постава сидятъ въ апатическихъ позахъ, поджавъ подъ себя ноги, въ усыпанныхъ мукой халатахъ и шапкахъ текинцы-завощики и не спѣша сгребаютъ маленькими ковшичками, будто горстями руки, муку изъ углубленія пола, куда она падаетъ. Около нихъ стоятъ огромные мѣшки-корзины, сплетенные изъ какой-то мягкой, но крѣпкой соломы, въ которые умѣстится добрый возъ, и которыми нагружаютъ, конечно, бока верблюда. Вся мельница полна ожидающаго народа. Сейчасъ видно, что никто тутъ никуда не спѣшитъ и никто не вѣритъ, чтобы время было все равно что деньги, какъ увѣряютъ вѣчно хлопотливые англичане.

Не только мельница, но и весь берегъ кругомъ полонъ народа, по всѣмъ глинянымъ уступамъ его въ самыхъ типическихъ позахъ и нарядахъ, словно они нарочно разсѣлись здѣсь въ

ожиданіи карандаша художника; а тутъ же по берегу пасутся ихъ верблюды, ослы и кони.

Веселый шумъ падающей воды, трудолюбивое жужжанье мельничныхъ колесъ и эта характерная азіатская толпа со своими скотами и вьюками — придавали столько жизни этому живописному уголку, притаившемуся въ привольѣ неохватной степной глади.

Глазатыя, черномазыя дѣтишки окружили насъ, какъ стая любопытныхъ воробьевъ, и не спускали глазъ съ нашей дамы, такъ мало похожей и лицомъ, и нарядомъ на знакомыя имъ родныя фигуры. На ихъ счастье у меня въ карманѣ оказалась горсть конфетъ, которая привела весь этотъ крохотный текинскій народъ въ самую искреннюю радость. Но старые текинцы, въ совершенную противоположность своимъ ребятишкамъ, можетъ-быть, соблюдая азіатское приличіе, а можетъ-быть изъ понятнаго чувства ненависти къ русскимъ, оставались неподвижно на своемъ бережку, будто римскіе сенаторы, побитые галлами на своихъ курульскихъ креслахъ, и даже бровью не повели на насъ...

Поднимаясь назадъ къ своей коляскѣ, я увидѣлъ на томъ берегу арыка огромный и совсѣмъ голый глиняный холмъ четырехъугольной формы.

Мы освѣдомились чрезъ своего возницу, что это за насыпь. Текинцы отвѣчали, что природная гора. Но это только доказываетъ, что холмъ насыпанъ въ незапамятную старину и не оставилъ по себѣ въ народѣ никакихъ легендъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что онъ насыпной. Я и прежде, и послѣ видѣлъ въ текинскомъ оазисѣ не одинъ такой холмъ громадной величины. Но тутъ мнѣ пришло въ голову, что онъ недаромъ стоитъ такъ близко отъ такого значительнаго арыка. Очень можетъ быть, что въ подобные холмы сваливалась земля, которая получалась при копаньи большихъ древнихъ каналовъ.

Получали ли потомъ эти холмы значеніе кладбища или воен-

наго укрѣпленія — это ужь другой вопросъ, непротиворѣчащій моему предположенію.

Мы двинулись, наконецъ, дальше. Поля текинцевъ и здѣсь, какъ за Асхабадомъ, усѣяны частыми глиняными башенками, которыя очень заинтересовали меня. Эти башни-столпы издали кажутся пустыми внутри, и мы съ мистеромъ Крэномъ рѣшились основательно оглядѣть ихъ. Мы отошли съ нимъ далеко въ поле и осмотрѣли нѣсколько десятковъ этихъ странныхъ укрѣпленій, къ большому недоумѣнію проѣзжавшихъ и проходившихъ мимо текинцевъ, съ враждебною подозрительностью слѣдившихъ издали за нашимъ непостижимымъ для нихъ путешествіемъ по пустому полю. Однако, ни въ одной башенкѣ не оказалось никакой пустоты. Всѣ онѣ только круглые столбы въ два человѣческіе роста высоты и обхвата въ два толщиной. На нѣкоторыя какъ будто можно было влѣзать. Онѣ устраивались на случай внезапнаго нападенія враждебнаго племени, чтобы дать застигнутому въ полѣ текинцу какую-нибудь защиту, изъ-за которой онъ могъ бы отстрѣливаться, пока поднимется тревога и земляки явятся изъ аула на выручку. А можетъ-быть съ вершины ихъ и караулили иногда подходившаго врага, за отсутствіемъ въ этой гладкой равнинѣ горъ и деревьевъ.

Аулъ Юсупъ-хана на половинѣ дороги къ государеву имѣнію въ Байрамъ-Али. Юсупъ-ханъ считается чѣмъ-то въ родѣ текинскаго царька. Впрочемъ, ханы у туркменъ сами по себѣ никогда не имѣли особенныхъ правъ и привилегій, и хотя наслѣдственность древняго рода играла и до сихъ поръ играетъ у нихъ извѣстную роль, но дѣйствительное вліяніе на народъ всегда имѣли среди туркменъ только ханы, отличавшіеся особеннымъ умомъ или храбростью.

Юсупъ-ханъ—сынъ знаменитаго Нуръ-Верды-хана, защитника Геокъ-Тепе; братъ его Махмудъ-Кули-ханъ служитъ теперь въ русскомъ войскѣ, но въ текинскомъ народѣ особеннымъ уваженіемъ пользуется не столько самъ Юсупъ-ханъ, сколько его

властная и вліятельная мать, вдова Нуръ-Верды-хана, живущая вмѣстѣ съ сыномъ. Она-то собственно и сдала Мервъ безъ боя русскимъ войскамъ.

Аулъ Юсупъ-хана большой и людный. Домъ у него въ томъ же стилѣ, какъ и у Мурадъ-хана; одноэтажный, кирпичный домъ съ полукруглыми окнами и съ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостныхъ зубцовъ по карнизу и крышѣ весело бѣлѣетъ среди зелени деревьевъ, возвышаясь надъ облегающими его глиняными мазанками и кибитками.

Домъ этотъ окруженъ стѣной и входъ въ него со двора. На дворѣ, кромѣ нѣсколькихъ кибитокъ, еще другой каменный домъ, въ родѣ двухэтажной четырехугольной башни, съ плоскою крышей и наружными лѣсенками.

Мы остановились у воротъ и вошли во дворъ пѣшкомъ, встрѣченные, по обыкновенію, изумленною и растерявшеюся толпой. По улицѣ аула уже торопливо бѣжали къ воротамъ ханскаго двора любопытные зрители.

— Дома Юсупъ-ханъ? спросилъ нашъ переводчикъ.

— Юсупъ-хана нѣтъ дома, уѣхалъ въ степь, овецъ рѣжетъ, отвѣчалъ намъ одинъ изъ ханскихъ челядинцевъ.

— Гуль-Джемалъ-ханымъ дома?

— Нѣтъ дома Гуль-Джемалъ-ханымъ, семь дней какъ уѣхала!

— Кто-жъ у васъ дома?

— Никого у насъ нѣтъ дома, очень категорично отвѣтилъ туркменъ.

— А посмотрѣть у васъ на дворѣ можно?

— Отчего не можно! только смотрѣть у насъ на дворѣ нечего.

Мы тѣмъ не менѣе вошли въ домъ, чтобы составить себѣ понятіе о текинской роскоши.

Отворена была только пріемная комната, обвѣшанная по стѣнамъ огромными дорогими коврами. Но съ дивановъ ковры были сняты по случаю долгаго отсутствія хозяевъ и лежали экономіи ради вмѣстѣ съ расшитыми подушками и сафьянными тюфяками сложенные другъ на другѣ цѣлою башней вавилонскою, оголивъ

весьма непрезентабельно голыя доски на кирпичахъ, которыя, собственно, и составляютъ туркменскую тахту.

Но въ остальныя домашнія комнаты проникнуть намъ не пришлось, потому что на дверяхъ висѣли огромные и грубѣйшіе туркменскіе замки, подобные тѣмъ, которыми запираютъ ворота крѣпостей. Слуги хана, увѣряли насъ, что ключи у старой ханымъ.

Тогда мы по обязанности присяжныхъ туристовъ отправились обозрѣвать дворовое хозяйство ханымъ. Обозрѣвать въ сущности было ровно нечего, о чемъ совершенно честно предупреждалъ насъ ханскій челядинецъ. Въ углахъ двора стоятъ огромныя глиняныя бочки для воды въ формѣ кувшиновъ, прикрытыя сковородами; три здоровенные котла, вмазанные рядышкомъ въ низенькую печь, прямо на открытомъ воздухѣ, даже безъ навѣса, замѣняютъ собой кухню.

Около нея цистерна для дождевой воды, въ родѣ большой каменной купели, и глиняная пещерка для угля.

Работники и работницы живутъ въ кибиткахъ. Тамъ только войлоки, цѣновки и никакихъ вещей, — простота первобытная, вполнѣ туркменская. Около кибитокъ безчисленное множество собакъ, ошпаренныхъ, искалѣченныхъ, какая безъ уха, какая безъ глаза, какая безъ хвоста; эти благопріобрѣтенные пороки ихъ не мѣшали, однако, туркменскимъ псамъ отчаянно кидаться на насъ, съ нескрываемою цѣлью попробовать наши икры; по всей вѣроятности и они чуяли въ насъ кровныхъ враговъ своего племени.

Мы уже собирались уходить со двора, какъ вдругъ въѣхала во дворъ сама старая хозяйка; она сидѣла на конѣ по-мужски, настоящимъ джигитомъ, не хуже молодцовъ нукеровъ, которые ее провожали.

Старая ханымъ ловко соскочила съ сѣдла и поднялась на крыльцо. Ей уже сказали, что у нея во дворѣ русскіе гости; когда мы подошли къ ней, она привѣтствовала насъ, пожимая по-русски руку.

Видъ ея мнѣ сразу привелъ на память нашъ недавній визитъ къ Мурадъ-хану. Крупная, ширококостная, плечистая, она походила складомъ больше на мужчину, чѣмъ на женщину; и голосъ у нея былъ густой, грубый, привыкшій повелѣвать. Лицо ея было разительно монгольское: приплюснутый широкій носъ, далеко выпяченныя скулы и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко-черные волосы безъ признака сѣдины. Одѣтая въ синій бархатный халатъ поверхъ полосатаго темно-лиловаго платья самодѣльнаго тканья, и обвязанная по головѣ, какъ чалмой, шелковымъ платкомъ въ яркихъ букетахъ, она и костюмомъ своимъ смахивала на здоровеннаго мужчину.

По-русски она не говорила, хотя нашъ извозчикъ и увѣрялъ, будто она отлично разговариваетъ по-русски, когда это нужно.

— Юсупъ-ханъ будетъ жалѣть, что вы его не нашли дома, онъ уже нѣсколько дней въ степи, барановъ рѣжетъ,—сказала она по-туркменски.

— Намъ это сказали ваши люди, и мы тоже очень жалѣемъ, что не видали такого знаменитаго человѣка среди туркменъ,—отвѣчали мы.

— У меня въ домѣ безпорядокъ, ничего не убрано, и я очень жалѣю, что не могу принять такихъ гостей. Я сама семь дней не была дома.

— Мы слышали, ханымъ, что у васъ ткутъ самые лучшіе ковры; мы желали бы посмотрѣть, какъ ихъ работаютъ, не покажете ли намъ?—спросилъ я.

— Теперь нѣтъ ковровъ въ работѣ, ковры всѣ окончены,—отговаривалась старая ханша, очевидно, не желавшая впустить насъ въ неубранный домъ и притомъ безъ приготовленнаго угощенія.

Ковры ея дѣйствительно славятся во всемъ Мервѣ. Намъ передавали, что за одинъ коверъ свой она проситъ 1.500 рублей, и что за него уже давали ей тысячу. Мы видѣли его потомъ въ Москвѣ на Средне-Азіятской выставкѣ, возвращаясь изъ своего

туркменскаго путешествія. Чуть ли и вправду онъ не былъ оцѣненъ тамъ въ 1.200 рублей.

Видя, что съ упрямою туркменкой ничего не подѣлаешь, мы простились съ нею и отправились дальше, долго еще бесѣдуя между собой объ этой оригинальной кочевой дамѣ.

Мнѣ невольно припомнился мѣткій отзывъ нашего извѣстнаго путешественника по Востоку Ег. П. Ковалевскаго о пресловутомъ гостепріимствѣ туркменъ и подобныхъ имъ дикарей: «Гостепріимство кочевыхъ народовъ, говоритъ Ковалевскій,—существуетъ только въ воображеніи поэтовъ; оно еще соблюдается въ отношеніи къ магометанамъ единовѣрцамъ; но посѣщеніе чужевѣрца уже считается оскверненіемъ юрты и должно быть окуплено или дорогою платой, или плѣномъ непрошеннаго гостя».

Юсупъ-ханшу, будто въ насмѣшку, зовутъ Гуль-Джемалъ, что значитъ по-русски «роза тѣла». Вкусы туркмена должно-быть слишкомъ не требовательны, если даже эту черномазую плосконосую рожу онъ въ состояніи принимать за розу.

Замѣчательно, что самые родовитые и вліятельные туркмены, каковы Гуль-Джемалъ, Мурадъ-ханъ и др., сохранили въ своихъ лицахъ гораздо болѣе монгольства, чѣмъ, такъ-сказать, рядовые туркмены.

Монгольская раса, нахлынувшая на Среднюю Азію съ Чингисомъ и Тимуромъ, стала владыкой всѣхъ другихъ мѣстныхъ племенъ, поэтому немудрено, что главные роды ея поддерживали особенно заботливо чистоту своей крови, какъ самой, такъ-сказать, аристократической по понятіямъ завоевателя-дикаря. Вѣроятно, по той же причинѣ эти родовые вожди туркменъ отличаются богатырскимъ складомъ и огромнымъ ростомъ. Среди киргизовъ Ферганы я замѣтилъ потомъ совершенно то же. А монгольско-тюркскіе народы, кочевавшіе въ древности въ пустыняхъ теперешней Киргизіи за Сыръ-Дарьей и называвшіеся тогда общимъ именемъ скиѳовъ, саковъ и пр., еще во время походовъ Александра Македонскаго поражали грековъ своимъ громаднымъ

ростомъ, хотя нужно думать, что македоняне и эллины IV вѣка до Р. Хр. тоже не были особенно малорослы.

«Придутъ ко мнѣ хоразмяне, даги, сакіане, индѣйцы и живущіе за Дономъ (какъ называлась тогда рѣка Сыръ-Дарья) *Скифы изъ которыхъ нѣтъ ни одного столь маловозрастнаго, кому бы македоняне не по плечо были»*, говоритъ у Курція Александръ, исчисляя свои шансы на побѣду.

Какъ бы то ни было, а богатырская туркменка Гуль-Джемалъ среди этой расы богатырей пользуется великимъ почетомъ и послушаніемъ, и голосъ ея на «маслагатахъ», то-есть на народныхъ совѣщаніяхъ ея роднаго колѣна Векиль, рѣшаетъ самые важные вопросы. Голосъ этотъ былъ настолько силенъ, что отворилъ намъ безъ боя ворота вольнолюбиваго Мерва и покорилъ никому не покорявшихся отчаянныхъ храбрецовъ мервскихъ текинцевъ, вопреки небольшой, но рѣшительной партіи войны, удалившейся поголовно въ пески при сдачѣ намъ Мерва.

Вообще, туземная женщина стоитъ очень высоко во мнѣніи туркменца. Она все умѣетъ, она все дѣлаетъ, она характеромъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ мужчина-туркменъ. Въ этомъ она совершенно похожа на киргизку, какъ я потомъ убѣдился; какъ киргизка, она не закрываетъ лица, участвуетъ на сходкахъ, смѣло ѣздитъ верхомъ. Во время взятія Скобелевымъ Денгиль-Тепе въ немъ сидѣло подъ выстрѣлами русскихъ пушекъ 23.000 текинскихъ женщинъ и ни одна изъ нихъ не захотѣла бѣжать, пока держалась крѣпость.

Напротивъ того, женщины ободряли мужчинъ на ночныя вылазки, посылали ихъ на стѣны и срамили трусовъ.

Нужно думать, что текинскія женщины могли-бъ и сражаться на коняхъ, а не только ѣздить на нихъ.

Недаромъ, въ древнія времена въ этихъ самыхъ пустыняхъ Азіи Македонскій герой встрѣтилъ женъ-воительницъ Амазонокъ.

«Ѳемистра, царица Амазонокъ, народъ которыхъ кочевалъ по степямъ Ѳемискирскимъ, прибыла къ Александру», разсказываетъ Квинтъ Курцій по поводу похода Александра черезъ Мар-

тіану. «У нея, какъ у всѣхъ Амазонокъ, лѣвая грудь только цѣла и обнажена, а правая для лука и дротиковъ обжигается».

Наивная откровенность и первобытная простота нравовъ этихъ кочевыхъ воительницъ далеко бы оставила назади даже нравы теперешнихъ текинокъ; когда Александръ спросилъ у царицы, не хочетъ ли она о чемъ-нибудь просить его, Ѳемистра отвѣчала ему, «что она прибыла для рожденія отъ него дѣтей, и что она достойна, отъ которой бы ему родить наслѣдниковъ государства. Женскій полъ она у себя удержитъ, а мужской отцу отошлетъ»; она «неотступно просила, чтобъ ей праздною отъ него не возвратиться. Царица больше имѣла охоты къ плотскому совокупленью, нежели Александръ, однакоже нѣсколько времени простоять для нея принужденъ былъ. 30 дней употреблено къ исполненію желанія ея: потомъ она въ свое царство, а Александръ къ Парѳіану поѣхалъ».

Курцій прибавляетъ вд видѣ поясненія не совсѣмъ галантнаго поведенія славнаго полководца: «Александръ содержалъ при себѣ 360 наложницъ, сколько у Дарія было, и множество евнуховъ, которые тоже служили къ удовлетворенію его любострастія».

Мервскій оазисъ протягивается всего на 60 верстъ въ длину и на 60 же верстъ въ ширину. Строго говоря, это даже не оазисъ, а только искусственно-орошенная часть огромной лессовой равнины, которая тянется къ сѣверу отъ Хоросана и Афганистана, отдѣленная отъ береговъ Аму-Дарьи необозримымъ моремъ Кара-Кума и другихъ сыпучихъ песковъ.

Каналы, которые, смотря по характеру, своему, носятъ здѣсь самыя разнообразныя названія, и арыковъ, и «ябовъ», и «ноухана», и «керизовъ»,—составляютъ живую душу этой омертвѣвшей отъ солнца страны.

Каналы создали здѣсь поля и сады, и жилища человѣка. Гдѣ изсыхаетъ каналъ, тамъ наступаетъ смерть, оттуда исчезаетъ всякая зелень, всякій плодъ, всякая человѣческая жизнь, и остаются однѣ развалины.

Весь многоводный Мургабъ-Дарья, текущій съ горъ Парапамиза, разбирается мервцами на эти безчисленные каналы и арыки и, не будучи уже въ силахъ одолѣть своимъ ослабѣвшимъ потокомъ сплошной пустыни песковъ, теряется на ея широкой груди чуть не сотнями мелкихъ рукавовъ.

Громадная плотина Коушутъ-ханъ-Бендъ встрѣчаетъ воды Мургаба при ихъ входѣ въ Мервскій оазисъ и сейчасъ же дѣлитъ ихъ на двѣ равныя половины, по двумъ главнымъ подраздѣленіямъ племени, направляя лѣвую половину водъ по большому Утемышскому каналу въ аулы родовъ Утемышъ, а правую по такому же большому Тохтамышскому каналу въ землю Тохтамышцевъ.

Уже изъ этихъ большихъ каналовъ каждое колѣно отводитъ свой меньшій каналъ, меньшіе каналы, въ свою очередь, дробятся на еще меньшіе арыки, по отдѣльнымъ родамъ, дальше по ауламъ, по семьямъ и т. д.

Цѣлая хитросплетенная сѣть оросительныхъ каналовъ охватываетъ и перерѣзываетъ такимъ образомъ Мервскій оазисъ, который подъ жгучими лучами южнаго солнца, постоянно пропитываемый влагой, выгоняетъ изъ плодоносной почвы растительность чуть не тропической силы.

Самыя драгоцѣнныя растенія дальняго юга могли бы культивироваться въ этой естественной теплицѣ, если бы къ ней приложила свою чудотворную руку европейская промышленность.

Оттого-то на этомъ маленькомъ оазисѣ населеніе сравнительно очень густо. Мѣстные изслѣдователи считаютъ мервскихъ текинцевъ въ 50,000 кибитокъ, а такъ какъ на каждую кибитку предполагается среднимъ счетомъ по меньшей мѣрѣ 5 душъ, то всѣхъ Мервцевъ наберется до 250,000, если не больше.

Ахалъ-текинцевъ считается нѣсколько менѣе, до 30,000 кибитокъ, а всѣхъ вообще туркменовъ различныхъ племенъ и колѣнъ въ Закаспійской области найдется милліона полтора.

Кромѣ племеннаго различія текинцевъ отъ сарыковъ, алилей отъ эрсари, іомудовъ отъ гоклановъ и т. п., каждое туркмен-

ское племя раздѣляется еще на кочевыхъ и осѣдлыхъ, иначе, пастуховъ и пахарей, по-туркменски чорва и чомуръ. Скотоводы чорва—богаче чомуръ, но болѣе дики и грубы, чѣмъ они, чомуръ же гораздо воинственнѣе и храбрѣе чорвы, хотя это и не совсѣмъ вяжется съ понятіемъ о болѣе цивилизованной и осѣдлой жизни. Всѣ аламаны въ Персію, Хиву, Бухару, всѣ хищничества туркменъ на Каспіи издавна затѣвались главнымъ образомъ чомурами, для которыхъ разбой составлялъ открытый и всѣми высокочтимый промыселъ.

Но изо всѣхъ аламанщиковъ самыми дерзкими, самыми набалованными и, можно сказать, самыми непобѣдимыми по справедливости считались мервцы.

Они хозяйничали какъ хотѣли по всѣмъ караваннымъ дорогамъ, ведущимъ черезъ пустыню изъ Герата и Мешеда въ Хиву и Бухару.

Они держали въ трепетѣ персидскихъ намѣстниковъ Хоросана и смѣялись надъ угрозами Бухарскаго эмира.

Они до того вѣрили въ свою непобѣдимость, до того надѣялись на страхъ, внушаемый ими окрестнымъ народамъ, а, можетъ быть, и на удаленность свою отъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ, что даже не считали нужнымъ устраивать въ своей странѣ, какъ дѣлали это текинцы ахала и другіе туркмены,—неизбѣжныя въ этой вѣчно воюющей мѣстности крѣпостцы.

Во всемъ мервскомъ оазисѣ вы не встрѣтите ни одной глиняной калы, которыя такъ мозолятъ вамъ глаза вездѣ въ Закаспійскомъ краѣ.

Мервъ-теке, какъ древніе спартанцы, въ собственной груди своей видѣли достаточно могучую твердыню для защиты родной земли. Только одно большое укрѣпленіе Коушутъ-ханъ-кала, теперешняя русская крѣпость Мерва, было построено ими въ тревожную минуту, когда неожиданное взятіе русскими Хивы въ 1873 году какъ громомъ поразило всѣ народы Средней Азіи.

Да надобно сказать, что и уроки, которые мервцы задавали

окрестнымъ азіатскимъ царствамъ, были таковы, что ихъ трудно было скоро забыть.

Еще не особенно давно, всего только въ 1861 году, Персіяне, потерявъ всякое терпѣніе отъ ихъ наглыхъ набѣговъ, собрали наконецъ большую армію въ 23,000 человѣкъ регулярнаго войска, съ 33 орудіями, и рѣшились двинуться на Мервъ, чтобы разорить съ корнемъ это разбойничье гнѣздо. Но мервцы расколотили въ пухъ это грозное ополченье, почти вся персидская армія со всѣми своими пушками и знаменами была захвачена текинцами въ плѣнъ; успѣла ускакать только часть конницы. На базарахъ Хивы и Бухары долго послѣ этого персидскіе рабы продавались, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы, по 7 руб. 50 коп. за штуку.

А между тѣмъ Мервъ, это неисправимое разбойничье гнѣздо, оберегалось англичанами отъ посягательства русскихъ, будто какая-то святыня азіатской свободы, еще задолго до занятія русскими Мерва. Нужно отдать справедливость англичанамъ,— они предусмотрительные, ловкіе и твердые политики. Въ дѣлахъ, гдѣ замѣшаны ихъ интересы, они дѣйствуютъ безо всякой сантиментальности и колебаній, и всѣ дѣйствія своихъ сосѣдей разсматриваютъ только съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ выгодъ и невыгодъ.

Англійскіе государственные люди всѣхъ партій въ этомъ отношеніи совершенно одинаковы, и если гдѣ-нибудь Гладстонъ, въ роли вождя оппозиціи, страстно нападаетъ на ту или другую мѣру внѣшней политики своего правительства, то тотъ же Гладстонъ, самъ сдѣлавшись премьеромъ, не задумается продолжать относительно Индіи или Арменіи образъ дѣйствій своего низвергнутаго противника Беконсфильда или Солсбери. Эта твердость политическихъ взглядовъ государственныхъ людей Англіи придаетъ необыкновенную силу и выдержанность англійской внѣшней политикѣ и во многомъ объясняетъ ея постоянные

успѣхи среди шаткихъ и измѣнчивыхъ направленій политики другихъ народовъ, съ которою ей приходится имѣть дѣло.

Извѣстный знатокъ Азіи сэръ-Генри-Раулинсонъ, собственно говоря, былъ и до сихъ поръ остался главнымъ вдохновителемъ англійской политики послѣднихъ десятилѣтій по отношенію къ Средне-Азіатскому вопросу.

Несмотря на ученый авторитетъ знаменитаго президента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества сэръ-Родерика Мурчисона, лично посѣтившаго наши средне-азіатскія владѣнія, и настойчиво утверждавшаго, что всѣ опасенія русскаго нашествія на Индію чистая химера; несмотря на успокоительное отношеніе къ русскимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи сэръ-Стаффорда Нордскота, занимавшаго въ то время отвѣтственный постъ статсъ-секретаря по индійскимъ дѣламъ, записка сэръ-Генри Раулинсона, появившаяся въ 1868 году и исполненная самаго откровеннаго недовѣрія къ цѣлямъ и дѣйствіямъ нашей средне-азіатской политики, стала основнымъ догматомъ англійскихъ государственныхъ людей въ вопросахъ Индіи и Средней Азіи, какъ вполнѣ отвѣчавшая всегдашнему враждебному настроенію англійскаго общества къ правительству Россіи.

Сэръ-Генри Раулинсонъ предугадалъ многое, что̀ совершилось впослѣдствіи по неотразимому роковому теченію вещей.

Онъ еще въ 1868 году предсказывалъ, что дни Кокана, Бухары и Хивы, тогда еще вполнѣ независимыхъ и сильныхъ ханствъ, сочтены; что Россія неизбѣжно доведетъ свои границы до древняго Оксуса (Аму-Дарьи), и что поэтому Англія должна немедленно утвердить свое господство въ Афганистанѣ, если не хочетъ дождаться, чтобъ и Кабулъ подпалъ русскому вліянію также, какъ Бухара и Хива.

Сэръ-Раулинсонъ даже указалъ приблизительныя линіи постепенныхъ русскихъ захватовъ, которыя онъ довольно удачно сравнилъ съ параллелями, послѣдовательно закладываемыми противъ осажденной крѣпости.

Первая параллель, по его мнѣнію, была уже проведена раньше,

черезъ Оренбургъ къ Иртышу; вторая пройдетъ отъ Каспійскаго моря черезъ Красноводскъ къ Оксусу до Памирскаго плоскогорія, что приблизительно и соотвѣтствовало границамъ русской власти до туркменскаго похода 1880 года. Третья параллель, по предсказаніямъ Раулинсона, должна была пройти отъ города Астары по персидской границѣ до Герата и оттуда до Оксуса, то-есть, почти по дѣйствительной теперешней границѣ русскихъ владѣній, со времени присоединенія ахалъ-текинскаго и мервскаго оазисовъ и теченій рѣкъ Мургаба и Герируда.

«Тогда будетъ неизбѣжно занятіе Мерва, и эта операція дастъ Россіи ключъ къ Индіи», заключалъ Раулинсонъ свои пророчества.

Въ отвращеніе опасностей, указываемыхъ этою политическою Кассандрой, и въ исполненіе его предусмотрительныхъ совѣтовъ, англичане дѣйствительно заняли безъ малѣйшаго права и повода городъ Кветту, довели до отчаянной и, конечно, въ концѣ концовъ несчастной войны афганскаго эмира Ширъ-али, и вообще начали послѣдовательно примѣнять къ Афганистану и Средней Азіи ту наглую и рѣшительную политику свою, которую англійскіе торіи окрестили именемъ highly-spirited (высоко-настроенною) и въ которой оказался такимъ виртуозомъ ихъ премьеръ-Еврей-Дизраэли.

По мирному договору съ Якубъ-ханомъ, наслѣдникомъ Ширъ-Али, Афганистанъ пересталъ быть самостоятельнымъ государствомъ, а обратился почти въ вассала англійскаго вице-короля Индіи, платившаго за то эмиру по 2.000,000 рублей въ годъ такъ называемой субсидіи.

Къ сожалѣнію, наша дипломатія въ Средне-Азіатскомъ вопросѣ далеко не отличалась смѣлостью и послѣдовательностью. Въ то время, какъ Англія дерзко вмѣшивалась въ дѣла, касавшіяся исключительно насъ, и постоянно требовала отъ насъ ни на чемъ не основанныхъ гарантій, обѣщаній и обязательствъ, наши дипломаты не рѣшались обмолвиться словомъ по поводу самыхъ дерзкихъ захватовъ и притязаній сосѣдки и, словно при-

знавая за Россіей какую то дѣйствительную вину противъ Англіи, какое то дѣйствительное нарушеніе ея законныхъ правъ, въ своихъ меморандумахъ, циркулярахъ и нотахъ почему то связывали себя по рукамъ и ногамъ разными «нейтральными поясами», «государствами-буферами», добровольными отказами отъ сношеній съ азіатскими сосѣдями, обѣщаніями не идти дальше такой-то мѣстности, не касаться такого-то ханства, и т. п.

Система эта дошла до того, что мы согласились понимать *нейтралитетъ независимаго Афганистана»* въ томъ смыслѣ, что англійскіе офицеры получали право посѣщать Кабулъ, а русскіе не смѣли этого дѣлать, точно такъ же мы не смѣли вести дипломатическія сношенія съ этимъ *самостоятельнымъ* государствомъ, лежавшимъ на нашихъ границахъ, а англичане, конечно, смѣли сугубо и исключительно. Мало того, мы вдругъ депешей князя Горчакова отъ 12 января 1873 г. любезно увѣдомляли англичанъ, единственно по ихъ настойчивому требованію, что *Россія согласна на присоединеніе къ Афганистану* почти независимыхъ до того ханствъ Бадахшана и Вакхана, лежавшихъ по теченію Аму-Дарьи, въ то время какъ Аму-Дарья уже дѣлалась черезъ наши туркестанскія завоеванія и хивинскіе походы естественною границей добытыхъ русскою кровью вассальныхъ владѣній нашихъ.

Немудрено, что набалованные уступчивостью нашей дипломатіи англійскіе политики смотрѣли на возможность занятія русскими туркменскаго разбойничьяго становища—Мерва, какъ на посягательство противъ драгоцѣннѣйшихъ правъ Англіи, и предостерегали насъ отъ этого «*преступнаго шага*» за много лѣтъ до совершившагося присоединенія Мерва.

Никому прежде въ Англіи невѣдомый аулъ Мервъ въ нѣсколько сотенъ глиняныхъ мазанокъ и кибитокъ сталъ въ воображеніи англійской публики чуть не знаменитымъ и могущественнымъ городомъ, о которомъ страстно судили и рядили во всѣхъ салонахъ Лондона, и который сдѣлался предметомъ усиленныхъ тревогъ для индійскаго правительства. Можно себѣ

представить, какимъ голосомъ заговорила Англія, когда въ 1884 году увидѣла вдругъ русскихъ на Мургабѣ, владѣтельницѣ роковаго «ключа отъ Индіи». Если бы не дѣло подъ Кушкой, мужественно разрубившее наконецъ сложный узелъ, напутанный дипломатіей, и заставившее громомъ своихъ пушекъ опомниться Англію,—кто знаетъ, какія бы дипломатическія извиненія не приносили мы ей до сихъ поръ и за взятіе Мерва, и за дерзость своего дальнѣйшаго движенія къ Пенде...

Страхи предъ нашествіемъ Россіи на Индію начались впрочемъ, давно. Апокрифическое завѣщаніе Петра Великаго появилось еще въ XVIII столѣтіи съ легкой руки кавалера Д'Эона, и изобрѣтеніе его, безъ сомнѣнія, было основано на тѣхъ изысканіяхъ, которыя Петръ поручалъ дѣлать посылаемымъ на Востокъ агентамъ, заботясь объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній съ Индіей.

Императоръ Павелъ I далъ нѣкоторую пищу этому давнему политическому предразсудку, замысливъ дѣйствительно экспедицію въ Индію. Въ 1800 году онъ составилъ планъ завоевать Индію въ союзѣ съ Наполеономъ. Россія и Франція должны были для этого выставить каждая по 35.000 войска. Походъ долженъ былъ совершиться не черезъ туркменскія или киргизскія пустыни, а черезъ Каспійское море и Астрабадъ на Гератъ, Сераксъ и Кандагаръ, населенными странами, гдѣ можно было достать всякое продовольствіе, и дорогой, давно уже пробитою древними завоевателями. Убѣждая Наполеона въ осуществимости этого похода, императоръ Павелъ ссылался на нашествіе этимъ путемъ изъ Индіи на Персію Надиръ-шаха въ 1738 и 1740 годахъ.

Между Астрабадомъ и рѣкой Индомъ считалось по этому маршруту 45 дней пути и предполагалось, что попутныя государства не станутъ препятствовать движенію, если ихъ заранѣе успокоить обѣщаніемъ все покупать въ ихъ странѣ за деньги, никого и ничего не трогать, и объявить цѣлью похода не за-

воеваніе, а только освобожденіе Индіи отъ англичанъ. Какъ ни фантастиченъ могъ показаться тогда Наполеону этотъ планъ похода по слѣдамъ Александра Македонскаго, но опытъ позднѣйшихъ русскихъ походовъ вглубь Азіи, кажется, могъ убѣдить всякаго, что смѣлая мысль Павла была въ сущности гораздо исполнимѣе, чѣмъ это представлялось великому французскому полководцу.

Не успѣвъ втянуть Наполеона въ эти планы свои, Павелъ I, особенно раздраженный на англичанъ за ихъ дѣйствія относительно ордена Мальтійскихъ рыцарей, гроссмейстеромъ котораго онъ состоялъ, посылалъ зимой 1801 года довольно безразсудную экспедицію въ Индію изъ однихъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ наказнаго атамана Орлова и притомъ не тѣмъ путемъ, который онъ такъ благоразумно избралъ въ прежнемъ планѣ своемъ, а черезъ голодныя, безлюдныя и безводныя степи Оренбурга, Бухары и Хивы, не снабдивъ эту скороспѣлую экспедицію ни точными маршрутами, ни необходимыми походными средствами. Орлову только приказано было идти къ Инду, а съ Инда на Гангъ «и вездѣ уничтожать заведенія англичанъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что вѣрныя дружины удалыхъ казаковъ, безропотно исполнявшія царскую волю, погибли бы всѣ безъ остатка, далеко не достигнувъ указанной имъ цѣли, еслибы внезапная смерть императора Павла въ ночь на 12 марта того же 1801 года не остановила похода, и казаки, уже испытавшіе страшныя бѣдствія, не были вернуты назадъ новымъ императоромъ.

VIII.

На развалинахъ древняго Меру.

Развалины Стараго Меру начинаютъ уже давно охватывать насъ и справа, и слѣва, и спереди своими неисчислимыми каменными полчищами. Тутъ храмы, замки, башни, стѣны, дома, ворота... Не городъ, а цѣлая стѣна городовъ, сокрушенныхъ во

прахъ... Казалось, мы въѣзжали все глубже и глубже въ полукругъ, занимавшій горизонтъ, а теперь уже конца края не видимъ этимъ развалинамъ: онѣ охватили насъ, какъ воды моря, сзади и со всѣхъ сторонъ...

Государево имѣніе «Байрамъ-Али» занимаетъ одинъ изъ уголковъ этого колоссальнаго поля смерти. Отъ станціи желѣзной дороги оно въ нѣсколькихъ шагахъ. Цѣлый хорошенькій городокъ бѣлокаменныхъ построекъ сверкаетъ весельемъ молодости и новизны среди весенней зелени, на фонѣ голубаго неба. Зданія все обширныя, капитальныя, слегка въ мѣстномъ персидскомъ стилѣ, съ господствующимъ надо всѣмъ серединнымъ фронтономъ, съ тѣнистыми галлереями, арками, плоскими крышами, обнесенными красивою рѣшеткой. Вездѣ молодыя древесныя насажденія на огромныхъ пространствахъ, сады, виноградники, аллеи, плантаціи, журчащія канавы.

Позавтракавъ и напившись чаю, мы отправились познакомиться съ управляющимъ имѣніемъ полковникомъ К—скимъ, живущимъ въ одномъ изъ этихъ прекрасныхъ, окруженныхъ зеленью, домовъ. Полковника, однако, не захватили дома, — онъ объѣзжалъ верхомъ свою экономію, и насъ направили пока въ другой хорошенькій домъ, къ его помощнику, капитану З—ша. Тутъ все военные чины и во всемъ военная дисциплина, единственно пригодная пока въ этомъ воинственномъ краѣ.

Мы познакомились по превосходнымъ фотографическимъ картинамъ капитана съ подробностями работъ на Султанъ-Бендской плотинѣ и получили отъ него обѣщаніе устроить намъ поѣздку въ самыя интересныя мѣста развалинъ Стараго Мерва. Что касается до пресловутой плотины инженера Козелъ-Поклевскаго, уже замѣненнаго теперь другимъ техникомъ, то она оказалась, во-первыхъ, верстъ за шестьдесятъ отъ имѣнія, а, во-вторыхъ, въ ней нечего было теперь смотрѣть, потому что вода Мургаба вымыла непрактично устроенные, хотя и дорого стоившіе водосливы плотины и ушла вмѣстѣ съ ними въ старое русло рѣки; новыхъ же работъ на ней еще не производилось.

Говорятъ, г. Козелъ-Поклевскій впалъ въ крупную ошибку, сдѣлавъ свои предположительные разсчеты на возможность обводненія громаднаго пространства въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ не по наблюденіямъ надъ дѣйствительнымъ количествомъ воды въ Мургабѣ, а по тому только остроумному соображенію, что Старый Мервъ, развалины котораго занимаютъ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, долженъ былъ имѣть нѣкогда населеніе въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, которое все питалось тогда пересохшими теперь арыками Мургаба.

Мѣстные жители, особенно персы, удивительно искусны въ дѣлахъ орошенія и запрудъ. Съ ними въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться ни одинъ нашъ ученый инженеръ. Ихъ знанія или, вѣрнѣе, чутье, какъ обращаться съ водой, — наслѣдіе тысячелѣтій, еще отъ временъ какихъ-нибудь бактрійцевъ. Здѣсь, въ Азіи, необходимо было прислушаться къ ихъ вѣскому голосу и руководиться ихъ многовѣковымъ опытомъ, прежде чѣмъ рисковать примѣнять теоретическія положенія науки къ мало изслѣдованнымъ условіямъ мѣстности и климата. Вѣдь тѣ же самые персы или туркмены строили старую плотину Бенди-Султанъ, которая спокойно просуществовала многіе вѣка и была разрушена не стихіями, а руками бухарскаго эмира Маасума, всего только въ 1784 году, въ наказаніе за несносные набѣги кочевниковъ.

Капитанъ З—ша любезно проводилъ насъ къ г. Ч—ву, завѣдующему садоводственною частью Государева имѣнія. Ч—въ оказался добродушнѣйшимъ хохломъ и притомъ коллегой моимъ по харьковскому университету, хотя и много позднѣе меня; онъ въ одно и то же время юристъ харьковскаго университета и магистръ ботаники новороссійскаго университета.

Вмѣстѣ съ нимъ и молодою женой его мы добросовѣстно выходили интересныя плантація молодыхъ деревьевъ, разводимыхъ имъ здѣсь, можно сказать, въ колоссальныхъ размѣрахъ. Тутъ, кажется, соединились всѣ благопріятныя условія для успѣха дѣла:

чудодѣйственная сила зелени и солнца, искусство и настойчивость человѣка, — и широкія денежныя средства. Уже цѣлыхъ пятьдесятъ десятинъ готовыхъ древесныхъ питомниковъ доставляютъ молодые саженцы въ разные углы Туркменіи и Туркестана, а теперь ихъ доводятъ до ста десятинъ. Нельзя представить себѣ, гдѣ могутъ найти сбытъ въ этихъ полудикихъ странахъ такія массы молодыхъ деревьевъ. Положимъ, въ Туркменіи все по военному, и съ жителями не очень церемонятся. Прикажетъ генералъ-губернаторъ сажать вездѣ въ аулахъ, по дорогамъ, по арыкамъ бѣлую акацію или айлантъ, или какое-нибудь другое невиданное кочевниками дерево, ну и сажаютъ всѣ безъ разсужденій, накупая деревца въ питомникѣ сколько какому аулу приказано. Аксакалы знаютъ, что̀ имъ будетъ, если не будетъ исполненъ во всей строгости приказъ грознаго командира края. Знаютъ это еще лучше начальники уѣздовъ. Улицы и площади городовъ засаживаются точно также обязательно и точно также безъ дальнихъ разговоровъ. Кромѣ того, много молодыхъ деревьевъ требуется въ разныя области Туркестанскаго края.

Такимъ способомъ уже раскуплено изъ питомниковъ Байрамъ-Али до 770.000 деревьевъ. Нельзя не признать великой заслуги этихъ благодѣтельныхъ насадителей дерева въ пустыняхъ Туркменіи, въ царствѣ зноя, песковъ и засухи. Если гдѣ можетъ быть и должна быть оправдана строгость власти, то именно здѣсь. Сами туркмены благославляютъ и всегда будутъ благославлять властительную руку, которая, хотя и помимо воли ихъ, дастъ прохладу ихъ жилищамъ, отраду ихъ глазу, а вмѣстѣ съ тѣмъ вкусный плодъ и даровой строительный матеріалъ.

Мнѣ разсказывали въ Асхабадѣ, что за девять мѣсяцевъ управленія генерала Куропаткина онъ насадилъ въ области 80.000 деревьевъ.

Громадные питомники Байрамъ-Али содержатся превосходно; вездѣ все вскопано и полито, вездѣ тщательно раздѣленныя узенькія грядочки и отрадно журчащая вода арыковъ, доходящая, можно сказать, до каждаго корешка. Персики, три года

назадъ посѣянные, уже смотрятъ большими деревьями и покрыты плодами; трехлѣтняя виноградная лоза гнется отъ гроздей; еще только апрѣль, а уже абрикосы почти спѣлые. Подборъ растеній въ этихъ образцовыхъ плантаціяхъ самый интересный. Тутъ вы найдете не только миндаль, грѣцкій орѣхъ, разныя породы ясени и акацій, но и деревья многихъ рѣдкихъ породъ изъ Китая, Индіи, Мексики. Мандарины и евкалиптусъ тутъ растутъ рядомъ съ нашими обыкновенными лѣсными породами. А между тѣмъ морозы тутъ бываютъ довольно жестокіе; въ нынѣшнюю зиму доходило до 25°, и множество южныхъ растеній погибло. Отъ того-то, вѣроятно, у мѣстныхъ жителей, несмотря на жаркій климатъ и тучную почву, такъ мало разводится всякихъ растеній. Въ этомъ отношеніи широкое и разнообразное садоводство Байрамъ-Али является въ высшей степени поучительнымъ опытомъ и ободряющимъ примѣромъ для туркменъ.

При садовыхъ заведеніяхъ Байрамъ-Али находится и хорошо устроенная метеорологическая станція, постоянно слѣдящая за климатическими явленіями этой новой для насъ мѣстности. Сады и плантаціи Байрамъ-Али, конечно, всѣ орошаются водой арыковъ, для подъема которой устроены вблизи экономіи огромныя черпальныя колеса съ ковшами. Безъ искусственнаго орошенія здѣшняя почва—безплодный кусокъ камня. А въ этихъ странахъ вода значитъ все: плодородіе, доходъ, богатство.

Впрочемъ, пока Байрамъ-Али еще весь въ будущемъ, а затрачиваемыя на него крупныя средства кладутся пока какъ фундаментъ для предполагаемыхъ доходовъ грядущихъ лѣтъ. Настроено много и красиво, служащихъ уже собралось достаточно много, и они, кажется, не могутъ жаловаться на свое положеніе; но настоящаго хозяйства еще не заведено. Скотъ и лошади держатся только для потребностей служащихъ и рабочихъ, посѣвы тоже производятся только на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ экономіи. Насколько оправдаются всѣ эти затраты и хлопоты—увидятъ тѣ, кто этого дождется.

Мы отправились на объѣздъ развалинъ со своимъ мервскимъ извозчикомъ въ томъ же фаэтонѣ, въ которомъ пріѣхали. Насъ провожалъ въ качествѣ хозяина этой исторической пустыни любезный капитанъ З—ша. Полковникъ К—скій прислалъ намъ, кромѣ того, ловкаго джигита, отлично знающаго здѣсь всякій камешекъ, и гостепріимное приглашеніе отобѣдать въ его семьѣ по возвращеніи изъ поѣздки.

Развалины Стараго Мерва, или Куня-Мерва, какъ называютъ его текинцы, — это цѣлая страна. Намъ говорили, что онѣ тянутся въ одну сторону на 32 версты, въ другую на 28, а нѣкоторые увѣряютъ, что онѣ занимаютъ пространство въ 100 квадратныхъ верстъ. Я готовъ вѣрить и тому, и другому, потому что сколько часовъ ни ѣдешь по нимъ, все никакъ не выѣдешь, и все видишь ихъ на необозримое пространство направо и налѣво, впереди и сзади себя. Даже на другой день, когда мы покидали Байрамъ-Али уже въ вагонѣ желѣзной дороги и неслись, такъ сказать, на крыльяхъ пара, а не трусили лошадиною рысцой,—и то эти безчисленныя обрушившіяся башни, стѣны, дома провожали насъ очень долго по сторонамъ дороги.

Развалины Стараго Мерва тянутся, однако, не сплошь, а гнѣздами. Это цѣлый лабиринтъ разрушенныхъ крѣпостей, замковъ, городковъ, между которыми нерѣдко ѣдешь изрядно-большими пустырями, не сохранившими на себѣ никакихъ слѣдовъ человѣческаго жилья.

Огромная крѣпость, носящая названіе Байрамъ-Али-Ханъ-Кала и давшая имя пріютившемуся около имѣнію Государя, находится очень близко отъ него и отъ станціи желѣзной дороги. Высокія слегка зубчатыя стѣны его, со множествомъ четырехугольныхъ и круглыхъ башенъ, охватывающія огромное пространство, хорошо уцѣлѣли почти на всемъ протяженіи. Онѣ глинобитныя, какъ и всѣ почти здѣшнія укрѣпленія. Видъ этой крѣпости очень оригиналенъ и живописенъ. Ея стѣны и башни спалзываютъ и поднимаются по всѣмъ изгибамъ холмистой пескомъ занесенной

мѣстности, представляя собою при каждомъ поворотѣ самые романтическіе пейзажи.

Ворота, входъ — это главное средоточіе и главная красота среднеазіатскаго зодчества, которое вѣрнѣе всего назвать персидскимъ. Персія среди разныхъ Туркменій и Бухарій всегда была своего рода изящною и цивилизованною Италіей среди грубыхъ европейскихъ государствъ прежнихъ вѣковъ. Ея искусство, ея языкъ, ея поэзія и нравы всегда служили сосѣднимъ съ нею магометанскимъ ханствамъ Средней Азіи недосягаемыми образцами для подражанія.

А персидскій стиль храма, дворца,—это входной фронтонъ колоссальной величины, подавляющій и заслоняющій собою все зданіе, вѣрнѣе, воплощающій его въ себѣ. Вся изысканная роскошь, вся замысловатая фантазія чувственнаго и изнѣженнаго персидскаго Востока, во многомъ уже не похожаго на суровую и упорную страстность Востока арабскаго, сосредоточивается въ сверкающихъ яркими красками и затѣйливыми узорами украшеніяхъ этихъ гигантскихъ фронтоновъ. Поэтому и ворота городовъ персидскаго стиля всегда бываютъ особенно грандіозны и красивы.

Въѣздныя ворота въ Байрамъ-Али-Ханъ-Кала помѣщаются въ толщѣ цѣлаго укрѣпленнаго замка съ бойницами и башнями, сохранившагося довольно хорошо и такого живописнаго, что было невозможно проѣхать мимо не набросавъ его въ свой путевой альбомъ.

Все пространство, охваченное стѣнами, покрыто развалинами домовъ и башенъ; онѣ торчатъ среди собственныхъ обломковъ, наваленныхъ вездѣ сплошными курганами, будто скелеты, поднявшіеся изъ своихъ могилъ.

Дворецъ Байрамъ-Али сохранился лучше всѣхъ остальныхъ построекъ крѣпости. Онъ глубоко ушелъ въ землю, потому что развалины и его самого, и окрестныхъ строеній, въ перемежку съ песками пустыни, наросли кругомъ него мощными слоями толщиной въ нѣсколько саженъ.

Не знаю, точно ли это дворецъ, какъ величаютъ его туземцы;

своею архитектурой онъ скорѣе напоминаетъ мечеть: такой же, какъ на мечетяхъ, круглый куполъ изъ изящныхъ маленькихъ кирпичиковъ, такая же восьмиугольная серединная башня подъ этимъ пологимъ куполомъ, съ островерхими амбразурами оконъ, съ примыкающими къ ней спереди и сзади огромными входными арками двухъ фронтоновъ...

Мы спустились въ темную внутренность этого дворца-храма, словно въ подземную пещеру, по осыпямъ заваливших его обломковъ. Тамъ то же впечатлѣніе мечети: центральная зала съ высокимъ круглымъ сводомъ и отъ нея въ стороны комнатки, ниши, проходы, подъ маленькими круглыми сводиками. Чуть замѣтные обрывки голубыхъ изразцовъ, каменныхъ узорчатыхъ арабесковъ, когда-то сплошь украшавшихъ эти покои, — еще торчатъ кое-гдѣ на стѣнахъ и сводахъ...

Имя Байрамъ-Али-Хана еще очень живо среди туркменъ. Это былъ храбрецъ, смѣло и удачно отбивавшійся отъ бухарскихъ полчищъ въ своей глиняной крѣпости. Съ 700 отборныхъ воиновъ онъ долго выдерживалъ бой противъ побѣдоноснаго бухарскаго эмира Шахъ-Мурада. Бухарцы напали разъ на Мервъ въ отсутствіе Байрамъ-Али. Въ Мервѣ оставались однѣ жены и дочери, всѣ мужчины ушли въ походъ съ храбрымъ ханомъ. Тогда удалыя туркменки сами сѣли на коней, взяли въ руки оружіе и бросились на бухарцевъ. Узбеки, воображая, что это вернулся и ударилъ на нихъ Байрамъ-Али, разбѣжались въ паническомъ страхѣ.

Старинная кирпичная кладка видна не въ одномъ дворцѣ и не въ однихъ воротахъ и замкахъ Байрамъ-Али. Большинство его простыхъ домовъ, лежащихъ въ развалинахъ, очевидно были сначала тоже кирпичными и потомъ были разрушены и надстроены сверху глиной или сырцовымъ кирпичомъ. Оттого-то такъ часто видишь нижніе ярусы изъ кирпича, а верхніе глинобитные, какъ всѣ обычныя небогатыя постройки туркменъ, персіянъ и бухарцевъ...

При самомъ бѣгломъ обзорѣ этого разрушеннаго города, безо

вся ихъ историческихъ справокъ, уже сразу видишь, что здѣсь одна какая-то цивилизація наслѣдовала другой, и притомъ наслѣдница гораздо болѣе невѣжественная и скудная, чѣмъ ея предшественница. Мнѣ невольно вспомнилось, глядя на эти двусоставныя постройки, остроумное изреченіе современниковъ императора Павла по поводу надстройки имъ кирпичомъ начатаго Екатериной 2-ю мраморнаго основанія Исаакіевскаго собора:

„Вотъ памятникъ, двумъ царствіямъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный...“

Выѣзжаешь изъ крѣпости Байрамъ-Али другими воротами характернаго персидскаго стиля, между двухъ коническихъ башенъ, еще болѣе изящныхъ и живописныхъ, чѣмъ въѣздныя ворота.

Сложены эти ворота удивительно искусно и красиво изъ превосходно выжженныхъ тонкихъ кирпичиковъ, будто узоръ, сплетенный изъ какой-нибудь каменной тесьмы. Голубыя фаянсовыя кафли, когда-то облицовывавшія ихъ, теперь уцѣлѣли только кое-гдѣ, въ видѣ грустнаго воспоминанія о прежнемъ величіи.

Изъ лощины, гдѣ прячутся выѣздныя ворота, вы попадаете въ неохватный мертвый городъ. Развалины домовъ, караванъ-сараевъ, базаровъ, бань, отдѣльныхъ укрѣпленныхъ зáмковъ — тѣсными дружинами толпятся на вашемъ пути и уходятъ вдаль со всѣхъ сторонъ, куда только хватаетъ глазъ. Бугры песку, нанесенные на кучи развалинъ, обратили эту безмолвную, какъ гробъ, равнину въ настоящій лабиринтъ громадныхъ могильныхъ насыпей.

Ни кустика, ни деревца среди этихъ глиняныхъ и каменныхъ скелетовъ, среди этой пустыни мертвецовъ... Ни звѣря, ни птицы, ни человѣка. Зачѣмъ и кто пойдетъ сюда?

Странные высокіе конусы въ видѣ индійскихъ пáгодъ, издали словно расчерченные циркулемъ частыми круговыми линіями, оказываются вблизи искусно сложенными изъ глины и камня ступенчатыми шалашами громадной величины, хранившими нѣкогда въ своихъ прохладныхъ утробахъ самое дорогое и рѣдкое

на югѣ лакомство — ледъ. Капитанъ З—ша съ нашимъ американцемъ доставили себѣ головокружительное удовольствіе взобраться по ступенчатымъ стѣнкамъ одного изъ этихъ своеобразныхъ ледниковъ на самую вершину его.

За развалинами домовъ, этимъ, такъ сказать, историческимъ кладбищемъ, потянулось на далекое пространство настоящее старинное кладбище: могилки, красиво выложенныя кирпичиками, простые глиняные холмики, каменныя гробницы, часовни съ характерными мусульманскими купольчиками, безъ счету и мѣры насыпаны, наставлены вездѣ. Центръ и слава этого древняго кладбища — «гробница двухъ братьевъ». Два брата эти были первые сокрушители языческаго еще Мерва, первые распространители въ немъ ислама въ дни первыхъ арабскихъ халифовъ-завоевателей, а по бухарскимъ источникамъ, даже сподвижники самого пророка.

«Гробница двухъ братьевъ» — это двѣ мечети типическаго персидскаго стиля: два громадные каменные фронтона, каждый между двойными столбами, стоятъ рядомъ, спаянные между собою маленькою каменною аркой. Глубокія ниши, вырѣзанныя островерхою аркой, характерною для арабскаго и персидскаго Востока, занимаютъ почти все пространство этихъ фронтоновъ. На боковыхъ ихъ столбахъ въ прежнее время несомнѣнно возвышались стройныя иглы минаретовъ, давно, повидимому, разрушенныя. Это отняло, конечно, много стиля и красоты отъ знаменитой гробницы, но и въ теперешнемъ своемъ видѣ она все-таки поражаетъ путника своимъ роскошнымъ величіемъ среди безбрежныхъ полей, обломковъ и мусора.

Внутренность нишъ остается еще сплошь выложенною сверкающими голубыми и синими изразцами съ обычными хитросплетенными узорами восточной фантазіи. Колонки минаретовъ и наружныя стѣны мечети тоже были нѣкогда одѣты въ эту пеструю и яркую фаянсовую одежду, но уже большею частью оголились теперь.

Самые гробы двухъ братьевъ стоятъ въ маленькихъ часо-

венкахъ предъ этими великолѣпными голубыми фронтонами. Онѣ изъ сѣраго мрамора и покрыты восточными надписями. Но меня увѣряли, что профессоръ Жуковскій, сдѣлавшій недавно археологическую экскурсію въ Старый Мервъ, прочтя эти надписи, убѣдился, что онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ Байрамъ-Али, и что, безъ сомнѣнія, они были привезены впослѣдствіи изъ какого-нибудь завоеваннаго города въ замѣну давно разрушенныхъ гробовъ основателей мервскаго ислама. Профессоръ Жуковскій, какъ разсказывали намъ, пробовалъ дѣлать раскопки въ Старомъ Мервѣ; но средства его были такъ незначительны, а матеріалъ ему представлявшійся такъ громаденъ, что почтенный изслѣдователь не могъ добиться ничего существеннаго.

Обѣ мечети-фронтоны пошатнулись уже въ разныя стороны, правая слегка направо, лѣвая—гораздо замѣтнѣе налѣво; у лѣвой даже боковыя колонны надломились посрединѣ. Ихъ, кажется, сдерживаетъ пока каменная спайка. При первомъ хорошемъ землетрясеніи, я увѣренъ, «два брата» окончательно разссорятся другъ съ другомъ и лягутъ костьми туда же, куда легли въ теченіе вѣковъ всѣ ихъ здѣшніе былые братья; историческая мервская святыня перестанетъ услаждать своими чудными узорами изумленный взоръ путешественника, и неохватная Божья нива мертваго города не представитъ ему тогда ничего, кромѣ песчанныхъ бугровъ да каменныхъ обломковъ...

За Байрамъ-Али нужно ѣхать въ другую часть Стараго Мерва — Искандеръ-Кала̀. Джигитъ увѣрялъ насъ, что Байрамъ-Али — персидскій городъ, Искандеръ-Кала̀ — туркменскій городъ. Это очень можетъ быть, и джигиту-текинцу этого нельзя не знать. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на мѣстѣ древняго Мерва возникали послѣдовательно многіе города, и что владычество иранцевъ и туранцевъ, цивилизованныхъ персовъ и дикихъ степныхъ кочевниковъ, чередовалось здѣсь много разъ въ теченіе тысячелѣтій. Байрамъ-Али-Ханъ-Кала̀ со своими мечетями, дворцами, воротами, прекрасно сохранившимися стѣнами и башнями, носитъ

на себѣ несомнѣнные признаки неособенно давняго персидскаго пребыванія здѣсь. Съ другой стороны, Искандеръ-Кала̀ тоже пахнетъ неподдѣльною туркменщиной. Стѣны его почти совершенно разрушены, такъ что видны большею частью только одни громадные валы, внутри стѣнъ — тоже хоть шаромъ покати: груды обломковъ, курганы мусора, битый кирпичъ и черепица обильно усыпающіе песчаную почву, яма на ямѣ на каждомъ шагу; сейчасъ видно, что тутъ немало копались, отыскивали старинные клады и разрушали все, что было можно разрушить. Для туркменскихъ становищъ, для войлочныхъ кибитокъ какихъ-нибудь сарыковъ или текинцевъ—эта безотрадная равнина смерти такъ же привычна, такъ же удобна, какъ и всякая другая безплодная песчаная пустыня. Они забирались со своими шатрами и стадами въ глиняныя стѣны этой огромной калы, чтобы безопасно отсиживаться отъ наступающихъ враговъ, не помышляя нисколько, какой священный историческій прахъ попираютъ они своими босыми ногами.

Но имя «Искандеръ-Калы», къ счастью, сохранило далекому потомству память о древнемъ основателѣ этого города, великомъ завоевателѣ востока—Искандерѣ.

Александръ Македонскій, впрочемъ, далеко не былъ первымъ основателемъ древняго Мерва. Начало его теряется, можно сказать, еще въ доисторическихъ потемкахъ. Бухарцы и персіяне не даромъ считаютъ Мервъ самымъ старымъ городомъ всего міра.

Онъ упоминается еще въ Зендавестѣ, гдѣ Ормуздъ, богъ свѣта, ставитъ себѣ въ особую заслугу построеніе этого древняго города, говоря про него: «Я, Ормуздъ, создалъ Муру».

Мервь, Меру, Муру или Мауръ, какъ называютъ его въ Средней Азіи, считался «третьимъ мѣстомъ благодати въ царствѣ Ормузда», по преданіямъ Зендавесты. И до сихъ поръ восточные книжники называютъ его по старой памяти «Шахиджеганъ», то-есть «царь всего міра».

Александръ Македонскій былъ въ Меру, столицѣ Маргіаны или Маргиніи, когда шелъ въ Бактрію, Согдіану и Индію. Воюя

за Оксусомъ съ Согдами, онъ переправился обратно черезъ Оксусъ (то-есть Аму-Дарью) и «прибылъ къ городу Маргиніи», разсказываетъ Курцій. Тамъ онъ «выбралъ мѣсто для построенія шести городовъ вокругъ него, а именно, двухъ съ юга и четырехъ съ востока, которые были не въ дальнемъ между собою разстояніи, дабы по близости способнѣе было получить взаимную помощь. Всѣ оные города построены на холмахъ и были тогда какъ узда побѣжденныхъ народовъ».

Страбонъ считалъ такихъ городовъ, построенныхъ Александромъ, не шесть, а восемь, а Юстинъ даже двадцать.

Эти разсказы древнихъ, быть можетъ, объясняютъ и громадный обхватъ, который занятъ развалинами Стараго Мерва, и то, что развалины эти встрѣчаются не сплошь, а отдѣльными гнѣздами. Города древнихъ историковъ, разумѣется, были небольшія укрѣпленія въ смыслѣ древнерусскихъ городковъ, кремлей и острожковъ, то-есть огороженныя стѣной мѣста. Такими фортами Александръ очевидно опоясалъ громадный и многолюдный древній городъ, чтобы держать его въ повиновеніи съ помощью сравнительно небольшихъ силъ.

Теперешній Искандеръ-Кала̀, безъ сомнѣнія, и заключаетъ въ своихъ предѣлахъ развалины главнѣйшихъ изъ этихъ фортовъ или за̀мковъ.

Многое заставляетъ думать, что города, которые въ такомъ множествѣ и съ такою быстротой Македонскій завоеватель строилъ среди безлюдныхъ степей пустыни силами своихъ солдатъ или окрестныхъ жителей, безъ предварительной заготовки строительныхъ матеріаловъ, не собирая ни откуда необходимыхъ мастеровъ, всѣ эти громко звучащія въ исторіи новорожденныя «Александріи» его были не что̀ иное, какъ тѣ же глиняныя калы топерешнихъ туркменъ и бухарцевъ, вполнѣ достаточныя для сопротивленія первобытнымъ орудіямъ тогдашнихъ азіатскихъ народцевъ.

Квинтъ Курцій разсказываетъ, напримѣръ, что «Александръ, возвращаясь къ Дону (то-есть рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ) и *столько мѣстъ*

подъ станъ занято было, повелѣлъ обнести стѣною. Городская стѣна вокругъ была 60 стадій. И сей *городъ приказалъ звать Александріею.* Означенное дѣло происходило съ такою поспѣшностію, что въ *17 дней отъ заложенія стѣнъ и домы достроены были. Воины другъ передъ другомъ рвались, чтобъ свой урокъ, который каждому данъ былъ, отдѣлать и показать прежде*".

На безлюдныхъ глинистыхъ равнинахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ не было вблизи ни лѣсовъ, ни камней, среди воинственныхъ кочевниковъ, набѣгавшихъ со всѣхъ сторонъ на войско Александра, разумѣется, въ такое короткое время и на такомъ огромномъ пространствѣ можно было возвести только глиняныя стѣны вокругъ глиняныхъ мазанокъ и только на такую простую, нетребующую искусства, работу было возможно раздавать уроки всѣмъ воинамъ подъ рядъ. Самая цѣль временнаго обезпеченія военнаго стана указываетъ на то, что Александру даже не представлялось особенной нужды заботиться о прочности построекъ.

Оттого-то и могло случаться, что нѣкоторыя военныя колоніи, или, вѣрнѣе, укрѣпленные лагери его, какъ, напримѣръ, Никея и Букефалосъ, построенные на рѣкѣ Гидаспѣ, *размыло дождями* пока онъ ходилъ въ глубь Индіи, такъ что на возвратномъ пути онъ долженъ былъ отстраивать ихъ вновь.

Если это такъ, то дѣлается понятно, почему всѣ эти многочисленныя Александріи почти не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ въ археологическихъ памятникахъ Азіи, почему, между прочимъ, и теперь предъ нашими глазами, въ стѣнахъ Искандеръ-Кала̀, не видно ничего кромѣ грудъ мусора и песку, въ то время какъ развалины какого-нибудь Персеполиса до сихъ поръ высятся въ самомъ грандіозномъ видѣ.

Но если мало осталось здѣсь камней временъ Македонскаго завоевателя, то имя его и его колоссальный образъ всецѣло еще живетъ въ легендахъ народовъ Центральной Азіи. Древніе наслѣдственные владѣтели маленькихъ ханствъ, лежащихъ по бассейну Аму-Дарьи, разъединяющихъ Афганистанъ и Индію отъ Бухары, всѣ эти владѣльцы Бадахмана, Вахана, Дарваза, Шаг-

нана, Читрала и многихъ мѣстностей у границъ Кашмира, искренно убѣждены въ своемъ происхожденіи отъ великаго царя Искандера, и всѣ сосѣдиихъ также искренно вѣрятъ въ это. Знаменитый царственный историкъ Туркестана султанъ Баберъ и Абулъ-Фазиль, біографъ Акбара, оба говорятъ о македонскомъ происхожденіи этихъ мелкихъ династій и упоминаютъ *страну Каффировъ* къ сѣверу отъ Пейшавера, какъ мѣстопребываніе потомковъ Македонцевъ.

Таджики—коренные жители Бухары и Самарканда, жившіе здѣсь много ранѣе турокъ и, вѣроятно, потомки древнихъ Согдовъ и Бактрійцевъ,—считаютъ Искандера пророкомъ Божіимъ.

Туземцы Мерва твердо вѣруютъ, что нѣкогда великій ихъ Старый Мервъ былъ построенъ Искандеромъ и былъ при немъ столицей всей Азіи. Даже существуетъ темное преданіе среди туркменъ, какъ увѣряетъ Бернсъ, что они сами произошли отъ воиновъ Александра, поселенныхъ въ степяхъ.

Мервъ, или Александрія Маргійская, дѣйствительно одно время былъ столицей большого царства и славился во всей Азіи богатствомъ и торговлей своими, роскошью своихъ дворцовъ и мечетей и своимъ многолюдствомъ.

Арабскіе халифы династіи Омайядовъ, Іезидъ и Валидъ, въ концѣ VII вѣка мечомъ и копьемъ внесли магометанство въ пустыни древней Бактріи и Маргіаны, на берега Джейгуна (Аму-Дарьи), занятые тогда народами персидскаго корня, можетъ-быть, потомками Согдовъ, Бактровъ, Парѳянъ. Но уже въ концѣ IX вѣка, когда распался Багдадскій халифатъ, воинственное турецкое племя Саманидовъ надвинулось съ сѣвера изъ-за рѣки Сейгуна (Сыръ-Дарьи), овладѣло всею страной За-Джейгунскою Бухарою и Самаркандомъ, пронеслось черезъ пески Туркменіи и захватило Хоросанъ—древнюю Персію. Съ той поры утвердилось за Среднею Азіей названіе Туркестана,—страны турокъ,—и о власти арабской уже не было помину.

На низовьяхъ Джейгуна основалось тогда, между прочимъ, очень сильное турецкое владѣніе, далеко славившееся своимъ

могуществомъ, Ховарезмъ, нынѣшняя Хива. Султаны Ховарезма покорили себѣ всѣ окрестные народы, и въ теченіе XII столѣтія царствовали въ Туркестанѣ, Хоросанѣ и восточной Персіи. Войска у нихъ считалось до 400.000. Ихъ-то столицей и была древняя Меру, наполненная несмѣтными награбленными и наторгованными богатствами и ставшая однимъ изъ прославленныхъ религіозныхъ центровъ ислама.

«Правовѣрные, собирайтесь радостно совершать ваши утреннія молитвы въ Нишапуръ, полуденныя въ Мервь, вечернія въ Гератъ, а въ Багдадъ приходите молиться въ часъ полуночи!» призывала поклонниковъ Магомета популярная религіозная поэма Персовъ.

Эта цвѣтущая столица Ховарезма погибла въ общемъ потопѣ монгольской расы, которая въ два пріема, сначала въ XIII, потомъ въ XV столѣтіи хлынула изъ своихъ невѣдомыхъ сѣверныхъ пустынь слѣдомъ за турками.

Полчища Чингиса разбили наголову послѣднихъ султановъ Ховарезма—Магомеда и Джелаледина, и захватили ихъ земли, а черезъ 250 лѣтъ Тимуръ,—страшный «желѣзный хромецъ»,—въ конецъ разорилъ страны турокъ. Сотни тысячъ людей были истреблены, сотни городовъ разрушены до основанія.

Одинъ Тулуй, сынъ Чингиса, овладѣвъ Мервомъ, истребилъ въ немъ, какъ увѣряютъ персидскіе лѣтописцы, 700.000 жителей.

Съ тѣхъ поръ желтый косоглазый кочевникъ,—истый сынъ Турана,—воцарился на долгіе вѣка въ цвѣтущихъ оазисахъ Маргіаны, Согдіаны и Бактріи, разбивъ свои войлочныя кибитки на мѣстѣ разрушенныхъ храмовъ и дворцовъ.

«Ты былъ свидѣтелемъ величія Альпъ-Арслана, возвысившагося до облаковъ; иди въ Мервь и созерцай его погребеннымъ во прахѣ!» гласитъ эпитафія на гробницѣ Альпъ-Арслана, одного изъ Ховарезмскихъ царей Мерва.

Старый Мервь нѣкогда могущественныхъ Ховарезмскихъ владыкъ оставилъ однако по себѣ достойный его памятникъ,—мечеть султана Санджара.

Она и стоитъ, какъ подобаетъ надгробному памятнику, одна посреди громаднаго пепелища, унылымъ сторожемъ этой необхватной исторической могилы.

Это единственное зданіе Искандеръ-Кала, не обратившееся еще окончательно въ груду мусора. Величественная мечеть сохранила еще общія черты своей изящной архитектуры.

Это громадный круглый храмъ, увѣнчанный пологимъ куполомъ, такимъ же каменнымъ, какъ и самыя стѣны. Круглая серединная башня храма стоитъ на высокомъ четырехугольномъ основаніи и окружена тамъ наверху сквозною каменною галлереей такою же четырехугольною. Четыре грандіозные минарета возвышались прежде на каждомъ углу этой голлереи; теперь отъ нихъ уцѣлѣли только основанія, но и по нимъ можно судить объ изяществѣ и оригинальномъ вкусѣ разрушеннаго зданія. Голубые, синіе и зеленые изразцы самыхъ разнообразныхъ узоровъ еще мѣстами украшаютъ остатки минаретовъ и окна галлереи. Зданіе сложено изъ прекрасно выжженаго кирпича, тонкаго, плотнаго, удивительно аккуратнаго. Это своего рода шедевръ кирпичной кладки. Стѣны кажутся мелко и тщательно расчерченными какимъ-нибудь искуснымъ геометромъ. Особенно красива эта мастерская кладка въ арочкахъ оконъ, въ концентрическихъ слояхъ круглаго свода, гдѣ она образуетъ настоящіе узоры. Внутри стѣнъ кирпичи значительно грубѣе и массивнѣе; маленькіе изящные кирпичики употреблены только на наружную облицовку. Куполъ точно такъ же облицованъ безчисленными рядами этихъ кирпичиковъ; облицовка его уцѣлѣла только въ нижнемъ его поясѣ; верхъ же купола оголился и выглядываетъ теперь посрединѣ, какъ бухарская тюбетейка изъ обвязанной кругомъ нея чалмы. Отъ этого онъ кажется болѣе плоскимъ и придавленнымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Внутри храмъ поражаетъ своею художественною простотой и величіемъ. Громадный куполъ съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ держится безо всякихъ подпорокъ надъ широкою площадью храма. Единственною скрѣпой ему служатъ его же соб-

ственныя ребра, пересѣкающіяся острыми дугами и представляющія собою только выпуклый узоръ на его внутреннихъ спускахъ. И куполъ, и стѣны внутри были прежде сплошь покрыты голубыми и синими изразцами, испещренными арабесками, какъ этого требуетъ персидскій архитектурный стиль. Но изразцы эти уцѣлѣли только мѣстами. Хищническія руки уже давно таскаютъ изъ знаменитой мечети древности, какъ изъ неистощимаго клада, всякіе строительные матеріалы.

Въ послѣднее время мечеть жестоко пострадала отъ невѣжественной алчности армянъ, — подрядчиковъ нашей желѣзной дороги. Вмѣсто того, чтобы возить Богъ знаетъ изъ какой дали и за какую цѣну нынѣшній плохой кирпичъ, они сообразили, что для нихъ будетъ гораздо выгоднѣе воспользоваться даровымъ наслѣдствомъ султана Санджара и немилосердно стали разорять эту историческую древность. Они-то уничтожили послѣдній уцѣлѣвшій минаретъ, обваливъ для этого поддерживающій его уголъ храма. Русское начальство, провѣдавъ о такомъ армянскомъ вандализмѣ, стало уже ставить потомъ караулы къ знаменитой мечети, которую даже варвары туркмены щадили, какъ былую религіозную святыню свою.

Я измѣрилъ шагами внутреннюю площадь храма. Каждая сторона его имѣетъ 42 аршина, а толщина массивныхъ нижнихъ стѣнъ цѣлыхъ семь аршинъ! Высота храма, судя на глазъ, не менѣе аршинъ 70 или 80.

Въ серединѣ храма до сихъ поръ стоитъ его главная реликвія— гробница султана Санджара, построившаго въ XII столѣтіи эту великолѣпную мечеть.

Конечно, это не подлинная гробница; во-первыхъ, она не могла бы уцѣлѣть до нашихъ дней послѣ страшныхъ погромовъ, которые такъ часто испытывалъ Мервь; а во-вторыхъ, достаточно разсмотрѣть ее поближе, чтобъ убѣдиться въ ея несомнѣнномъ туркменскомъ происхожденіи: она сложена, вмѣсто всякихъ мраморовъ, изъ кирпича-сырца неуклюжимъ четырехъугольнымъ ящикомъ, на подобіе обычныхъ гробницъ здѣшнихъ кочевниковъ,

и осѣняетъ ее обычная туркменская палка съ кускомъ тряпки, которую неизмѣнно видишь на могилѣ каждаго шейха.

Но тѣмъ не менѣе туркмены почитаютъ этотъ гробъ стараго султана и заѣзжаютъ помолиться надъ нимъ.

Историческій храмъ уже довольно глубоко ушелъ теперь въ почву, потому что почва наросла кругомъ него цѣлыми курганами его же собственныхъ развалинъ. Оба входа въ него живописно чернѣютъ внизу, въ провалѣ каменныхъ осыпей...

Печальное чувство охватило мою душу, когда, удалившись на сосѣдній холмъ, я въ молчаніи смотрѣлъ на этого одинокаго свидѣтеля многовѣковой исторіи, заброшеннаго въ мертвой пустынѣ среди песковъ и развалинъ. Издали онъ уже не казался красивымъ, а темнѣлъ какимъ-то изуродованнымъ глинянымъ колоссомъ, подобно всѣмъ глинянымъ могиламъ и глинянымъ постройкамъ этого унылаго глинянаго края... Ни птица, ни звѣрь, ни зеленый кустикъ не оживляли безпріютной сплошной могилы, которую караулитъ этотъ полуразвалившійся каменный сторожъ, и только большія желтовато-сѣрыя черепахи, словно тоже слѣпленныя изъ глины и въ глинѣ зарожденныя, уныло и медленно, будто сами не зная зачѣмъ, перепалзывали съ одного глинистаго бугра на другой...

Джигитъ-текинецъ, провожавшій насъ, тоже удалился въ сторону, за песчаный курганъ, и мнѣ было видно издали, какъ онъ, обратясь лицомъ къ Меккѣ, обливалъ изъ ладоней пескомъ свою голову, руки и грудь... Насталъ часъ вечерняго намаза, и мусульманину неизбѣжно нужно исполнить завѣтъ религіи, гдѣ бы ни захватилъ его этотъ священный часъ. Когда нѣтъ воды для омовенія, Коранъ разрѣшаетъ ему замѣнять воду пескомъ...

Меня тронула и пристыдила эта крѣпость своей вѣрѣ варвара-кочевника; а еще туркмены считаются плохими мусульманами, почти не строятъ мечетей и имѣютъ очень мало муллъ; утреннія и вечернія молитвы, да священный намазъ—вотъ единственные обряды, которыхъ они искренно держатся. Но обряды эти, хотя и вошли въ религію магомета, въ сущности гораздо

древнѣе ея и, можно сказать, лежатъ въ основѣ всѣхъ первобытныхъ религій востока. Магометъ только заимствовалъ ихъ, какъ и многое другое, что глубоко вкоренилось въ нравы азіятскихъ народовъ, и безъ чего исламъ потерялъ бы для азіятца всякую привлекательность.

За Искандеръ-Кала̀ мы проѣхали еще третьимъ городомъ, расположеннымъ вправо отъ него и тоже составляющимъ часть необозримыхъ развалинъ Старого Мерва.

У туземцевъ онъ называется характернымъ именемъ *Гяуръ-Кала*, «крѣпость невѣрныхъ», стало-быть христіанъ.

Я не углублялся въ археологію Стараго Мерва и не знаю, существуютъ ли сколько нибудь правдоподобныя предположенія ученыхъ о томъ, что именно было на мѣстѣ теперешнихъ развалинъ Гяуръ-Кала̀.

Профессоръ Жуковскій здѣсь именно производилъ свои раскопки и остался, какъ я уже говорилъ, очень недоволенъ ихъ результатомъ. Но я не могъ не остановиться на одной догадкѣ, которая невольно напрашивается на умъ, когда слышишь въ устахъ магометанина знаменательное названіе «крѣпость Гяуровъ», «крѣпость христіанъ». Извѣстно, что въ первые вѣка христіанства оно проникло въ самыя недоступныя глубины Центральной Азіи, и даже далѣе, въ Индію.

Въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, въ Ферганѣ — вездѣ возникли многолюдныя христіанскія общины, строились церкви, управляли епископы. Особенно была распространена въ этихъ мѣстахъ ересь Несторія, которую преслѣдовали въ областяхъ, находившихся въ зависимости отъ греческихъ императоровъ, и послѣдователи которой естественно старались удаляться въ мѣстности, гдѣ они могли свободно исповѣдывать свое вѣроученіе.

Читая путешествіе Плано Карпини въ 1246 году въ глубину Монголіи, къ великому Гогъ-хану (хану-Гаюку), поражаешься изумленіемъ, какое множество христіанъ находилось въ полчищахъ первыхъ наслѣдниковъ Чингиса и какое уваженіе оказы-

вали ихъ вѣрѣ эти кровожадные вожди кочевыхъ ордъ. Это впрочемъ дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь, что одна изъ женъ Чингиса и мать его были христіанки.

«Въ Батыевомъ войскѣ считается 600.000 человѣкъ, пишетъ между прочимъ, Плано Карпини въ своей извѣстной *Libellus historicus*, а именно, 160.000 татаръ и 450.000 христіанъ и другихъ, то-есть невѣрныхъ». Плано Карпини даже упоминаетъ въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисомъ, земли какихъ-то «Гуировъ» (terra Hyurorum), очень напоминающихъ слегка искаженное имя «Гяуровъ»; «они были христіане несторіанскаго толка, и монголы, побѣдивъ ихъ, приняли ихъ грамоту, ибо до того не имѣли никакого письма; теперь же эту грамоту называютъ монгольскою», прибавляетъ къ своему извѣстію Плано Карпини.

Въ Мервѣ въ Средніе Вѣка тоже былъ центръ мѣстной христіанской церкви и имѣлъ свое пребываніе ея архіепископъ, которому были подчинены шесть епископовъ.

Очень можетъ быть, что «Гяуръ-Кала» есть не что иное, какъ развалины той части нѣкогда громаднаго города, гдѣ жили отдѣльно отъ магометанъ и язычниковъ тогдашніе мервскіе христіане со своими епископами и священниками. Основательныя раскопки этой мѣстности были бы поэтому особенно интересны для европейцевъ.

Вечеръ приближался, и было необходимо покинуть, наконецъ, громадное историческое кладбище, среди безмолвныхъ могилъ котораго можно бродить цѣлыя недѣли, наталкиваясь каждый день на что-нибудь новое. Заходящее солнце ярко освѣтило своими боковыми похолодѣвшими лучами безмолвную пустыню, и въ этой послѣдней вспышкѣ дня какою-то странною жизнію засверкали вдругъ вездѣ кругомъ насъ вдали и вблизи, будто смѣясь надъ нашими безсильными потугами проникнуть мыслью въ туманы далекаго прошлаго, — всѣ эти притаившіеся другъ за другомъ могильные курганы и всѣ торчащіе надъ ними каменные скелеты старыхъ мечетей, дворцовъ и башенъ...

Вездѣ, куда бы ни ѣхали мы по этому полю развалинъ, мы на каждомъ шагу видѣли кругомъ себя пересѣкающуюся сѣть глубокихъ пересохшихъ арыковъ. Нужно было много воды, чтобы напоить населеніе этого колоссальнаго города, считавшееся нѣкогда многими сотнями тысячъ. Старый Мервъ поился прежде большимъ древнимъ каналомъ Султанъ-Ябомъ, который теперь сухъ, какъ юдоль плачевная. Можно даже думать, что самая рѣка Мургабъ названа была такъ потому, что она была питательнымъ воднымъ каналомъ великаго Меру или Муру, «Муръ-ябъ».

Бухарскій эмиръ *Маасумъ* въ прахъ разорилъ въ 1784 году разбойничье гнѣздо Мерва, засѣвшее на перепутьи караванныхъ дорогъ, всѣ его укрѣпленія, дома мечети. Онъ хотѣлъ, чтобы самая память о Мервѣ исчезла съ лица земли. 40.000 мервцевъ онъ переселилъ къ себѣ въ Бухару, остальныхъ выгналъ въ Персію, уничтожилъ всѣ каналы и даже древнюю плотину Бенди-Султана, направлявшую черезъ Султанъ-Ябъ въ Старый Мервъ воды Мургаба. Съ тѣхъ поръ Куня-Мервъ обратился въ груды развалинъ, и только одни ссыльные бухарцы присылались сюда нѣкоторое время на житье, какъ на каторжныя работы.

Туркменское племя сарыковъ заняло послѣ этого Мервскій оазисъ и держалось въ немъ до 1861 года, когда теке, въ свою очередь вытѣснили ихъ южнѣе, къ Пендѣ, въ бывшую страну салоровъ, этого благороднѣйшаго изъ туркменскихъ племенъ считающаго себя родоначальниками стамбульскихъ османлисовъ, и стали хозяевами оазиса.

Вечеръ мы провели у любезныхъ хозяевъ Байрамъ-Али въ ихъ комфортабельномъ помѣщеніи, въ обычной обстановкѣ цивилизованныхъ людей, такъ мало гармонировавшей съ впечатлѣніями той дикой пустыни, которыя еще всецѣло наполняли насъ... Полковникъ К—ій—одинъ изъ болгарскихъ героевъ, раненый въ битвѣ, служилъ на Кавказѣ и въ Ташкентѣ и вообще хорошо знакомъ съ нашими азіатскими окраинами. Ни онъ, ни его молодая жена не тяготятся своею далекою пустыней, мужъ, погло-

щенный новымъ и интереснымъ дѣломъ, а жена, занятая воспитаніемъ дѣтей и музыкой. Мы довольно долго бесѣдовали сначала за сытнымъ обѣдомъ, потомъ кейфуя за чаемъ, со своими бывалыми и интересными хозяевами и о болгарскихъ политическихъ дѣятеляхъ, которыхъ они всѣхъ близко знали, и о разныхъ туземныхъ ужасахъ, которыми обыкновенно бываютъ такъ напуганы путешественники, обо всѣхъ этихъ пендинскихъ язвахъ, рештахъ, сартовскихъ прыщахъ, скорпіонахъ, фалангахъ... Довольно поздно пришлось возвратиться домой и готовиться къ раннему отъѣзду съ утреннимъ поѣздомъ желѣзной дороги.

IX.

Пески Кара-Кумъ.

Черная желѣзная стоножка опять поползла по своей черной желѣзной тропкѣ, чуть пробитой въ желтыхъ пескахъ, сгибаясь на поворотахъ своими желѣзными суставами, гремя своими желѣзными лапами, потрясая воздухъ безлюдной пустыни своимъ желѣзнымъ воплемъ и извергая изъ себя черные клубы своего нечистаго дыханія.

Пустыня сторожитъ человѣка у самыхъ палатъ и садовъ Байрамъ-Али. Шагнулъ одинъ шагъ изъ этого оазиса воды, зелени, жизни,—и уже въ объятіяхъ ея. Она здѣсь царитъ, — и никто больше. Ничтожныя жилки воды бороздятъ только крошечный уголъ ея, и къ нимъ сбилось все крошечное человѣческое населеніе, всѣ его аулы и городки. Но она осадила ихъ, она охватила ихъ со всѣхъ сторонъ своими несмѣтными силами, своимъ безбрежнымъ просторомъ, какъ море охватываетъ одинокую скалу острова.

Пустыня живетъ своею свободною могучею жизнью и не хочетъ знать никакой другой жизни рядомъ съ собою. Этотъ дикій звѣрь еще не укрощенъ никакими оковами и при первомъ

взрывѣ гнѣва истребляетъ все, что̀ неосторожно приближается къ нему, что̀ наивно довѣряетъ его кажущемуся сонному покою...

Освѣщенные яркимъ солнцемъ обломки стѣнъ и башенъ Стараго Мерва, будто добѣла обглоданные костяки, торчащіе изъ могильныхъ кургановъ, долго еще провожаютъ насъ издали. Они словно нарочно здѣсь на рубежѣ пустыни, чтобы наглядно подтверждать человѣку, какъ безнадежна его борьба со стихіей смерти...

Могильные холмы погребеннаго здѣсь великаго города древности незамѣтно переходятъ въ другіе могильные холмы,—холмы песковъ,—подъ которыми погребена всякая жизнь...

Курганы эти, сначала нѣсколько глинистые, съ каждымъ шагомъ дальше, въ глубь пустыни, дѣлаются все песчанѣе, и наконецъ превращаются въ необозримыя полчища наваленныхъ другъ на друга холмовъ сыпучаго песку. Это такъ-называемые «барханы», или «баиры». Нѣсколько станцій желѣзной дороги тянутся этими сплошными песками, которые въ самомъ узкомъ мѣстѣ своемъ имѣютъ не меньше 200 верстъ.

Впрочемъ, эти песчаныя могилы имѣютъ свою оригинальную могильную растительность, по крайней мѣрѣ, на краю пустыни.

Всевыносливые корни саксаула умудряются докопаться до необходимой имъ влаги, даже и въ горахъ сухого песка.

Это настоящее верблюдъ-дерево: какъ верблюдъ—неприхотливое и терпѣливое, способное подолгу переносить голодъ и жажду; какъ верблюдъ—уродливое и какъ верблюдъ—крѣпкое.

Низкіе корявые кусты этого удивительнаго обитателя песковъ такъ капризно изломаны и изверчены въ каждомъ своемъ сукѣ, что дерево кажется издали не живымъ, а выгнутымъ изъ желѣзныхъ прутьевъ. Оно и видомъ какое-то желѣзное, сѣростальнего цвѣта, да и твердо какъ желѣзо, до того, что топоръ не беретъ его. Сучковъ и вѣтвей въ немъ видимо-невидимо, словно огромная растрепанная метла торчитъ изъ песковъ. А корней и того больше.

Саксаулъ разрастается роскошнѣе въ темномъ нутрѣ утробы земной, чѣмъ на изсушающихъ лучахъ южнаго солнца. Когда песокъ обдуетъ около корня, съ изумленіемъ видишь какой густой букетъ толстыхъ канатовъ вгрызается, топырясь во всѣ стороны, въ рыхлыя нѣдра песчаныхъ кучугуровъ. Этими-то многочисленными, глубоко развѣтвляющимися присосками своими саксаулъ пьетъ соки жизни изъ безплодной и жесткой груди своей мачихи-почвы. Зелень этого дерева песковъ вполнѣ подходитъ къ безжизненному тону всей пустыни: на перевитомъ въ жгутъ сѣромъ стволѣ покрытомъ шишковатыми наплывами, будто верблюжьи колѣнки мозолями, тускло мерцаетъ какая-то сѣро-зеленая, сухая и блѣдная листва, скорѣе похожая на мягкую хвою можжевельника. Иные кусты даже въ весеннемъ цвѣту жалкая насмѣшка надъ цвѣтами и надъ весной! Эти мелкіе блѣдно-желтые цвѣтки такъ же тусклы и худосочны, какъ и сама зелень саксаула.

Омертвѣвшіе сѣрые прутья прошлаго года, не успѣвшіе опасть за короткую зиму, густо перепутанными вѣниками наполняютъ собою чащу кустовъ и придаютъ имъ еще болѣе мертвенный видъ. Саксаулъ, даже и сухой, рубить очень трудно: онъ крѣпокъ, какъ кость; но зато онъ и хрупокъ, какъ кость. Оттого его не рубятъ, а ломаютъ или съ корнемъ выдергиваютъ изъ рыхлой почвы.

Одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ, Кайдаловъ, хорошо познакомившійся со свойствами саксаула во время долгихъ странствованій по киргизскимъ степямъ, въ своей «Караванъ-запискѣ 1824—25 года» въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ описываетъ это своеобразное дерево:

«Крѣпость его удивительна; въ немъ заключается твердость необычайная; никакой топоръ не можетъ устоять противъ него. И какъ срубить его, кромѣ молодого, почти невозможно, то и употребляется другое средство: стоитъ только сильнѣе ударить ногой подъ корень, и самое большое дерево свалится, но не сломится, а расколется. Оно такъ тяжело, какъ камень, а горитъ

какъ масло. Запахомъ очень пріятно, но плода никакого не приноситъ. Вѣтви его очень тонки, мягки и съ удобностью употребляются въ пищу для скота. Особенно верблюды очень ихъ любятъ. Наконецъ, листъ на саксаулѣ толстый, продолговатый, желтоватый, который, какъ на соснѣ, бываетъ и зимой, и лѣтомъ все одинаковъ».

Саксаулъ можно назвать «камень-дерево»; онъ не только крѣпокъ, какъ камень, но и безвредно, какъ камень, переноситъ по нѣскольку мѣсяцевъ сряду шестидесятиградусное пекло подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ, какъ камень, можетъ жить среди полнаго отсутствія жизни. Трудно постигнуть, гдѣ почерпаетъ онъ эту свою невѣроятную силу выносливости. Хотя онъ глядитъ по наружности деревомъ смерти своего рода, но въ сущности это дерево величайшей жизненности. Не будь его, этого единственнаго кормильца и единственнаго украшенія мертвой пустыни,—пропали бы здѣсь и люди, и звѣри. Имъ кормится, имъ грѣется, подъ тѣнью его находитъ пріютъ все кочующее въ этомъ морѣ песковъ:—туркменъ такъ же какъ и его верблюдъ, такъ же какъ джейранъ и дикій оселъ.

Вонъ посмотрите,—на кучугурахъ, густо заросшихъ саксауломъ, виднѣется между кустами и рѣденькая уже пожелтѣвшая травка и какое-то блѣдное подобіе цвѣтовъ.

Конечно, теперь только половина апрѣля, и дождливые зимніе мѣсяцы успѣли пропитать сыростью даже всегда сухіе песчаные холмы, образовать на нихъ легкую корочку, въ которой могло угнѣздиться занесенное вѣтромъ сѣмячко. Конечно, въ первыхъ числахъ мая тутъ уже не останется самаго легкаго слѣда этой мимолетной зелени. Но все-таки зелень эта могла пробиться наружу только подъ тѣнью саксаула, только въ слоѣ песка, удобреннаго его листьями и сучьями. Оттого-то тамъ гдѣ саксаулъ, то и дѣло видишь въ курганахъ черныя дыры звѣриныхъ норокъ; тушканчики, зайцы, джейраны и ослы держатся въ саксаульникахъ до наступленія палящихъ жаровъ лѣта.

Вонъ и рабочіе желѣзной дороги армяне и персы, разстеливъ

халаты сверхъ кустовъ саксаула, прикурнули подъ ними отъ жара на сухомъ песку и спятъ сномъ праведныхъ, какъ въ раскинутомъ шатрѣ, отдыхая отъ утомительной работы. Тутъ же неподалеку курится потухающій костеръ изъ сухихъ сучьевъ того же саксаула, на которомъ они только-что варили себѣ кашицу. Саксаулъ, какъ видите, служитъ тутъ всѣмъ и всякую службу!..

Да если хорошенько всмотрѣться, онъ держитъ въ своихъ рукахъ и самую эту грозную пустыню. Онъ смиряетъ и сковываетъ ея буйные пески, которые ежечасно готовы были бы двинуть свои истребительныя тучи на погибель всякой жизни, всякихъ усилій человѣка. Связываетъ и сковываетъ во всей буквальности. Когда безконечная лента желѣзной дороги вдвигается глубоко въ разрѣзы огромныхъ песчаныхъ холмовъ, взгляните вверхъ на эти разрѣзы: отовсюду выпираютъ и лѣзутъ изъ нихъ длинныя лохматыя лапы, словно лапы гигантской фаланги, — обитательницы этихъ песковъ; отовсюду тянутся и вцѣпляются въ землю натянутые, какъ корабельные канаты, темно-сѣрые корни саксаула. Только ими связываются сколько-нибудь, только ими сколько-нибудь прикрѣпляются къ родимой почвѣ эти исполинскія зыбучія волны песчанаго океана...

Послѣ проведенія черезъ пески Закаспійской желѣзной дороги Русское правительство строжайше запретило туркменамъ истреблять саксаулъ въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ полотну дороги. Кого поймаютъ на порубкѣ, отбираютъ и арбу, и осла, и топоръ. Лучшаго огражденія какъ эти природные зеленые щиты, разставленные на всевозможныхъ разстояніяхъ кругомъ рельсоваго пути, разумѣется, придумать невозможно.

На станціи съ нами встрѣтился воинскій поѣздъ, направлявшійся изъ Самарканда въ Узунъ-Ада. Штукъ двадцать товарныхъ вагоновъ были биткомъ набиты солдатами разныхъ туркестанскихъ баталіоновъ, отчисленныхъ въ запасъ послѣ шестилѣтней армейской службы. Всѣ солдатики оказались изъ пермской

губерніи, такъ какъ ихъ нарочно сортировали по мѣстностямъ для удобства отправки. Я съ теплымъ родственнымъ чувствомъ потолкался между нихъ, заговаривая то съ однимъ, то съ другимъ. Среди песковъ азіатской пустыни, среди дикихъ туркменскихъ физіономій — эти подлинные русскіе люди казались мнѣ такими близкими братьями. Не шумливое веселье, а спокойное и глубокое счастіе свѣтилось въ глазахъ каждаго изъ нихъ, проникало все его существо. Я самъ чувствовалъ себя счастливымъ, глядя на эти простыя души, переполненныя младенчески радостнымъ сознаніемъ своей свободы, своего возвращенія въ далекое родное пепелище.

— Домой ѣдете? Довольны небось?—спросилъ я одного бѣлобрысаго солдата съ покорно-кроткимъ выраженіемъ лица.

— Какже не довольны!...—словоохотливо отвѣтилъ онъ, весь вдругъ осклабясь какою-то дѣтски счастливою улыбкой, отъ которой у него, казалось, засверкали и глаза, и бѣлые зубы, и все его безхитростное конопатое лицо.

— Женатый небось? Жинка ждетъ?—продолжалъ я.

На бѣлобрысой физіономіи ротъ осклабился до самыхъ ушей.

— А какже-жъ! Законъ приняла, должна мужа ждать... Всего и пожилъ съ нею полтора года... только-что мальчёнка къ Покрову родила, а на Варвару меня въ полкъ угнали...—сіяя и вмѣстѣ смущаясь отвѣтилъ солдатикъ.

Я подошелъ къ другой группѣ. Тамъ плечистый и рослый молодецъ не въ форменной бѣлой, а уже въ вольной кумачевой рубахѣ, расшитой желтымъ по красному, какою-нибудь мимолетною зазнобушкой, — ловко и увѣренно увязывалъ какой-то тючекъ, нажимая на него колѣномъ и перекидываясь въ то же время словами съ окружавшими его товарищами.

— И вы, ребята, тоже въ Пермскую?—спросилъ я.

— Всѣ въ Пермскую, ваше благородіе...—отвѣтилъ за толпу бойкій молодецъ. — Мы всѣ изъ-за Камня... Одного выводка... Такъ всѣ однимъ роемъ на свою сторону и потянемъ...

— Соскучились здѣсь небось, среди азіатовъ?

— Какъ не соскучить, ваше благородіе! Добро бы своя рассейская страна, а то дичь, мухамеды... Сами изволите видѣть: скверность одна! Церкви Божьей нигдѣ не увидишь... Не дождемся, когда на Русь выдеремся!.. — радостно вздохнувъ, заявилъ солдатъ.

— Теперь нисколько! теперь, братъ, чугунка,—не на своихъ толкачахъ песокъ мѣсить!.. Живымъ духомъ доставитъ!.. ухмыльнувшись довольною и самоувѣренною улыбкой, успокоилъ его одинъ изъ товарищей...

— По морю жь опять теперь проходы скрозь проходятъ, по Волгѣ-рѣкѣ проходы, по Камѣ-рѣкѣ — проходы... Теперь, братъ порядки заведены не по старому!...

Мы успѣли побродить и по барханамъ, окружающимъ станцію, стало быть, много или мало, а все-таки собственными ногами попирали великую пустыню.

Барханы кажутся зыбучими только издали. Когда же взбираешься на нихъ, то нога такого ничтожнаго насѣкомаго, какъ человѣкъ, даже едва оставляетъ слѣдъ въ этомъ плотно слегшемся и чрезвычайно мелкомъ пескѣ сѣробураго цвѣта. Только тяжелые толкачи нагруженныхъ верблюдовъ сколько-нибудь погружаются въ этотъ упругій песокъ. Но, конечно, это не мѣшаетъ вѣтрамъ пустыни поднимать когда имъ вздумается цѣлыя летучія облака изъ этихъ, повидимому, неподвижныхъ холмовъ!

Въ пескѣ бархановъ мы находили оригинальныя окаменѣлости самаго разнообразнаго вида: какія-то кристаллизованныя сверкающія звѣзды изъ темной массы, напоминающей сѣрный колчеданъ, какія-то спекшіяся фигуры и причудливые сростки, въ видѣ полипняковъ... Но еще чаще, чѣмъ эти загадочные палеонтологическіе обитатели песковъ, попадались намъ среди нихъ и понапрасну пугали насъ пресловутыя фаланги. Онѣ быстро какъ на ходуляхъ перебѣгали черезъ песокъ на своихъ высоко-приподнятыхъ лапкахъ и не только не имѣли злостнаго намѣренія напасть на насъ, а еще сами удирали отъ насъ во

всѣ лопатки. Впрочемъ, мѣстные жители увѣряютъ, что если замахнешься на фалангу палкой, то она прыгаетъ прямо на человѣка и притомъ очень высоко. Этотъ длинный и крупный паукъ, съ тонко-перехваченнымъ, чуть не на двое порваннымъ тѣльцомъ, считается здѣсь опаснѣе даже скорпіона. У фаланги четыре кривые зуба, по два въ каждой челюсти, и она наноситъ ими четыре ранки, которыя болятъ очень долго. Скорпіонъ же кусаетъ не зубами, а вонзаетъ острое жальце своего вѣчно загнутаго вверхъ хвостика. Онъ жалитъ даже противъ воли, автоматически; разъ онъ упалъ на васъ, жало его само собою вонзается въ тѣло. Если онъ ужалитъ въ палецъ, то распухнетъ вся рука до самаго плеча, но дня черезъ два обыкновенно проходятъ и боль, и опухоль.

Саксаулъ тянется сколько нибудь сплошными кустами только до станціи Курбанъ-Кала. Дальше его уже почти не-видно. Только изрѣдка торчатъ, затерянные въ пустынѣ, одинокіе кустики. Но это уже не тѣ сильные многовѣтвистые кусты, что съ такою своеобразною живописностью провожали насъ до сихъ поръ на макушкахъ своихъ песчаныхъ холмовъ. Теперь это какія-то чахлыя деревца, въ нитку вытянутыя, аршина въ три высоты, съ мягкими плакучими вѣтвями, напоминающими затощавшую березку дальняго сѣвера, только еще блѣднѣе, еще худосочнѣе. Издали они кажутся какими-то сквозными привидѣніями, такъ что солнечная тѣнь отъ нихъ на пескѣ кажется болѣе густою, чѣмъ они сами.

Съ Учь-Аджи начинаются голые пески. Они разрастаются все безотраднѣе къ станціи «Пески» и особенно къ «Каракуль-Кую» и «Барханамъ» Самыя названія станцій уже даютъ предчувствовать что-то зловѣщее. Ужасъ охватываетъ душу, когда окидываешь смущеннымъ взоромъ это безбрежное песчаное море, залитое ослѣпительнымъ сверканіемъ солнца...

Песчаные барханы безчисленными стадами горбатыхъ чудовищъ облегли жалкую муравьиную тропку нашей дороги, поды-

маясь далеко выше вагоновъ, и загораживаютъ отъ насъ все кругомъ. Они сѣрожелтые, какъ всѣ грозные хищники пустыни, какъ шкура тигра и льва, среди нихъ живущихъ, въ нихъ зарождающихся. Степные вѣтры избороздили поверхность бархановъ частою рябью, какъ морщинами живой кожи, и сдѣлали ее еще больше похожею на полосатую шкуру тигра, — этого звѣря пустыни, воплотившаго въ себѣ всю ея яростную стремительность, всѣ ея безпощадные инстинкты истребленія... Жутко ѣхать многіе часы черезъ это царство смерти! Горы, пирамиды, валы и гребни, глубокія котловины, узкія вьющіяся тѣснины — провожаютъ съ обѣихъ сторонъ безостановочно несущійся поѣздъ. Кажется, будто ѣдешь сквозь застывшее въ девятомъ валѣ безбрежное море, взбаламученное какимъ-нибудь тропическимъ ураганомъ и еще все покрытое зыбью...

Чуть примѣтныя черныя линіи рельсовъ, отовсюду задвинутыя песками, представляются моему воображенію миѳологическою нитью Аріадны, которая одна помогаетъ намъ выбираться на свѣтъ Божій изъ этого безконечнаго лабиринта песчаныхъ волнъ...

Изумительно, какъ до сихъ поръ эти движущіяся громады, со всѣхъ сторонъ напирающія на едва расчищенную полосочку желѣзной дороги, не засыпали ее безслѣдно; казалось бы, для этого было достаточно одного мощнаго вздоха пустыни.

Французы, замыслившіе соединить свои алжирскія владѣнія со своею колоніей въ Сенегамбіи и перерѣзать для этого рельсовымъ путемъ великія пустыни Сахары, пріѣзжали, говорятъ, въ нашъ Закаспійскій край познакомиться съ тѣми хитроумными изобрѣтеніями, которыми генералъ Анненковъ обезпечилъ свою желѣзную дорогу отъ постояннаго заноса песковъ...

Они съ изумленіемъ увидѣли то, что̀ мы теперь видимъ, и убѣдились, не вѣря своимъ глазамъ, въ томъ, въ чемъ и мы въ эту минуту убѣждаемся, — что никакихъ защитъ отъ песковъ на Закаспійской желѣзной дорогѣ генерала Анненкова нѣтъ и не было, и что со всѣмъ тѣмъ дорогу эту пески все-таки не зано-

сятъ, а она себѣ по добру по здорову катаетъ ежедневно свои поѣзды отъ Каспія къ Самарканду и отъ Самарканда къ Каспію.

Единственное приспособленіе къ защитѣ отъ песковъ, которое я здѣсь замѣтилъ, — это вѣтки саксаула, положенныя рядами, метелкой наружу, по краямъ желѣзнодорожной насыпи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полотно сколько-нибудь приподнято надъ почвой. Но такихъ насыпей тутъ мало, а дорога большею частью врѣзается въ песчаные холмы и идетъ между ними въ глубокомъ руслѣ; тутъ ужъ никакія вѣтки саксаула помочь не въ силахъ. Въ иныхъ же мѣстахъ рельсы лежатъ прямо на гладкой песчаной равнинѣ, такъ что нѣтъ возможности различить полотно дороги отъ окружающей почвы...

Защищаетъ путь отъ песчаныхъ заносовъ Николай Угодникъ и простая метелка. Солдатики-сторожа, солдатики-рабочіе сметаютъ себѣ потихоньку съ желѣзныхъ рельсовъ все, что наметаютъ на нихъ вѣтры пустыни, да и дѣло съ концомъ. Въ придорожныхъ караулкахъ тѣхъ станцій, которыя идутъ песками, для этого держится усиленный составъ рабочихъ. Кромѣ того, рабочіе берутся и въ самые поѣзда. Какъ только окажется, что путь гдѣ-нибудь занесенъ, походная команда сейчасъ же вылѣзаетъ со своими метлами и въ нѣсколько минутъ расчищаетъ рельсы. Впрочемъ, далеко не всякій вѣтеръ порождаетъ заносы пути. Если вѣтеръ дуетъ вдоль пути, сзади или навстрѣчу поѣзду, то песокъ свободно проносится по скользкимъ рельсамъ и не задерживается на нихъ. Только пески, которые гонятся боковымъ вѣтромъ поперекъ рельсовъ, останавливаются ими и заметаютъ путь.

Песчаный океанъ перерѣзается, однако, не одною этою желѣзною нитью Аріадны; не одна только «Шайтанъ-арба» («чортова повозка»), — какъ называютъ туркмены локомотивъ, — путешествуетъ по этимъ сыпучимъ волнамъ.

Верблюдъ,—вѣтхозавѣтный «корабль пустыни», который уже былъ старою стариной во дни первыхъ событій Библейской исторіи, при Авраамѣ и Іаковѣ, — еще продолжаетъ мѣрить своими

неспѣшными и неутомимыми шагами безбрежныя песчаныя равнины, перенося на своемъ выносливомъ горбу, съ терпѣніемъ вѣрнаго раба, товары хорасанцевъ, афганцевъ и индусовъ къ берегамъ древняго Оксуса, на базары Чарджуя и Карки, Бухары и Самарканда...

Великая пустыня песковъ, эта Сахара Средней Азіи, раздѣляющая Персію, Хорасанъ и Афганистанъ отъ бассейна Аму-Дарьи, отъ ханствъ Хивинскаго и Бухарскаго, обыкновенно величается туземцами Кара-Кумъ, «черные пески»; кочевники Средней Азіи вообще придаютъ это популярное у нихъ имя самымъ опаснымъ и безпріютнымъ песчанымъ равнинамъ своимъ, въ Киргизіи, Бухарѣ, Монголіи, точно такъ же, какъ въ Туркменіи. Оттого вы встрѣтите на картахъ Средней Азіи далеко не одинъ «Кара-Кумъ».

Но туркменскіе «Кара-Кумъ»—это пески изъ песковъ, пустыня изъ пустынь. Они тянутся отъ береговъ Каспійскаго моря, гдѣ въ 400, гдѣ въ 300 и 200 верстъ ширины до мелкихъ ханствъ, такъ-называемаго Афганскаго Туркестана, охватывающихъ верхнее теченіе Аму-Дарьи и его притоковъ, тамъ гдѣ стоятъ больвіе торговые центры Азіатской пустыни: Андхой, Маймене, Балхъ, Кундузъ и пр.

Тропы, пробитыя тысячелѣтіями, незамѣтныя какъ муравейные слѣдки на вспаханномъ полѣ, тянутся черезъ взбаламученные вѣтромъ пески Кара-Кума изъ Мерва, Герата, Мешеда, Маймене, на многія сотни верстъ, незабываемыя туземцами изъ поколѣнія въ поколѣніе; знаніе этихъ неуловимыхъ и запутанныхъ путей—есть великій талантъ и великая добродѣтель среди людей пустыни. Караванъ-баши — вожакъ каравановъ — пользуется въ глазахъ кочевниковъ особеннымъ уваженіемъ и авторитетомъ; это своего рода мирный сардарь, — опытный вождь аламановъ. Караванъ-баши почти всегда богатый человѣкъ, потому что путеводительскій опытъ свой онъ почерпнулъ въ частыхъ и удачныхъ торговыхъ походахъ черезъ пустыни, имѣетъ много своихъ и наемныхъ верблюдовъ, и обыкновенно бываетъ

больше другихъ участниковъ каравана заинтересованъ въ его благополучномъ и скоромъ прибытіи къ мѣсту назначенія.

Мы не разъ переѣзжали поперекъ большіе караванные пути пустыни и ѣхали подолгу рядомъ съ ними. Для неопытнаго глаза пути тамъ нѣтъ ровно никакого. Тотъ же глубокій сыпучій песокъ, какъ и вездѣ кругомъ; только частые слѣды верблюжьихъ ногъ, заплывающіе пескомъ сейчасъ же по проходѣ, и едва поэтому замѣтные даже въ тихую погоду, обозначаютъ какую-то смутную полосу, вьющуюся по холмамъ и ныряющую въ лощины. Точь-въ-точь невѣрные, сейчасъ же застилаемые слѣдки на нашихъ снѣжныхъ равнинахъ во время поземки. При малѣйшемъ вѣтрѣ слѣды эти замѣтаются дочиста.

Вотъ мы теперь ѣдемъ знойнымъ и совершенно тихимъ днемъ, а между тѣмъ всѣ гребни и макушки песчаныхъ бархановъ потихоньку курятся себѣ легкими дымками отъ какого-то незримаго дыханія необъятной равнины и потихоньку, но основательно заглаживаютъ все, что только могутъ сгладить.

Но тонкій глазъ караваннаго вожака не нуждается въ этихъ грубыхъ признакахъ пути. Онъ скорѣе чуетъ, чѣмъ видитъ его. Ему достаточно изрѣдка только ухватить мимолетнымъ взглядомъ какую-нибудь высунувшуюся наружу бѣлую кость дохлой лошади или верблюда, какое-нибудь темноватое пятно среди дѣвственной желтизны песковъ, чтобы понять общее направленіе дороги. Караванъ-баши двигается со своимъ караваномъ черезъ пустыню, какъ перелетная птица черезъ моря и степи, намѣчая себѣ только самыя крупныя, на большихъ разстояніяхъ разбросанныя примѣты пути, какое-нибудь соленое озерцо, какую-нибудь развалину древняго кудука, и какъ птица инстинктомъ направляется на нихъ.

Конечно, и верблюды играютъ тутъ немалую роль. Какъ наша умная крестьянская лошадь въ самую безнадежную снѣжную куру можетъ чутьемъ вывести къ жилью сбившійся съ дороги обозъ, такъ и верблюдъ, вѣковѣчный обитатель пустыни, привыкъ чуять издалека сладостный для него запахъ воды, и самъ

собою потянетъ къ колодцамъ, естественнымъ и единственнымъ станціямъ пустыни.

Всѣ многочисленные караванные пути, перерѣзывающіе въ различныхъ направленіяхъ пески великой Среднеазіатской пустыни, опредѣляются въ своемъ направленіи колодцами. На однихъ путяхъ они чаще, на другихъ рѣже, на однихъ обильнѣе, на другихъ скуднѣе, на однихъ соленѣе, на другихъ слаще; но все-таки каждый караванный путь есть не что иное, какъ рядъ колодцевъ, ближе или дальше отодвинутыхъ другъ отъ друга и идущихъ послѣдовательною чередой черезъ всю пустыню отъ одного торговаго пункта до другого.

На нѣкоторыхъ, конечно, самыхъ удобныхъ караванныхъ путяхъ колодцы встрѣчаются такъ часто и слѣдуютъ другъ за другомъ по такой ясно опредѣленной линіи, что невольно приходитъ въ голову, ужъ не занесенное ли это русло какой-нибудь старой рѣки?

По крайней мѣрѣ я лично сильно подозрѣваю, что такъ-называемый «Іолъ-кую», этотъ самый короткій и очень старый караванный путь изъ Мерва къ Аму-Дарьѣ, по направленію къ Самарканду на Бурдалыкъ и Карши, идущій нѣкоторое время почти по самой линіи нашей желѣзной дороги, а потомъ уклоняющійся отъ нея подъ легкимъ угломъ вправо, — есть не что иное какъ нижнее теченіе рѣки Мургаба, когда-нибудь доходившей до Аму-Дарьи и въ нее впадавшей, но въ теченіе вѣковъ заваленной песками и теперь теряющейся въ пустынѣ безчисленнымъ множествомъ обезсиленныхъ мелководныхъ рукавовъ, болотъ и озерокъ.

Иначе трудно объяснить себѣ такое множество близкихъ другъ къ другу колодцевъ, направляющихся по прямой линіи отъ Мерва къ Аму-Дарьѣ и на картѣ производящихъ впечатлѣніе какого-то сплошного теченія.

Очень можетъ быть, что и другія подобныя же караванныя дороги, расходящіяся изъ Мерва какъ пальцы руки отъ ладони, напримѣръ Учъ-Хаджи и Рафатакъ, направляющіяся прямо къ

Чарджую,—тоже старинные рукава Мургаба. Вѣдь нужно же, въ самомъ дѣлѣ, думать, что и Мургабъ, и другіе притоки Аму-Дарьи когда-нибудь да впадали же въ нее. А вѣдь теперь не только наши Мургабъ и Теджень, но и рѣка Балхъ, и рѣка Хулумъ въ Афганскомъ Туркестанѣ, текущія еще выше Мургаба и менѣе подверженныя дѣйствію песковъ, тоже не достигаютъ волнъ Аму-Дарьи, а теряются за нѣсколько десятковъ верстъ отъ ея берега.

Конечно, преждевременному истощенію ихъ способствуютъ безчисленные арыки, которые на всемъ пути этихъ рѣкъ разбираютъ ихъ воду, но вѣдь и съ Мургабомъ та же исторія съ незапамятныхъ временъ!

Длинная цѣпь нагруженныхъ верблюдовъ, будто живая иллюстрація моихъ мыслей, стала медленно вылѣзать изъ закрытой барханами лощины на гребень песчаной гряды...

Старикъ-текинецъ, кофейнаго цвѣта, въ бѣлой лохматой бородѣ и бѣлой лохматой шапкѣ, низко свѣсивъ съ крошечнаго ослика сухіе костяки своихъ босыхъ ногъ того же кофейнаго цвѣта, съ суровымъ безучастіемъ ѣдетъ впереди, не оглядываясь на ненавистную ему «шайтанъ-арбу».

Въ рукахъ у него длинный шестъ,—знакъ его власти надо всѣмъ этимъ верблюжьимъ отрядомъ,—а къ сѣдлу его прикрѣпленъ конецъ шерстяной веревки, за которую привязанъ передній верблюдъ. Второй привязанъ къ первому, третій ко второму, и такъ дальше до послѣдняго верблюда, словно всѣ они нанизаны на одну бичеву, какъ связка бубликовъ.

Мирною неспѣшною походкой, выкованною тысячелѣтіями, взбираются на холмы гуськомъ другъ за другомъ, терпѣливо покачивая свою тяжелую ношу, эти прирожденные вьюки-звѣри, вырѣжутся на минутку своими уродливыми силуэтами на знойномъ фонѣ неба и исчезаютъ одинъ за другимъ въ глубокой впадинѣ, куда спускается караванная тропа, словно пустыня вдругъ разомъ проглатываетъ ихъ. Вонъ они еще разъ показа-

лись вдали на макушкѣ высокаго бархана, поднимаясь на него тою же медленною чредой, и еще разъ словно провалились въ незримую для насъ пропасть, и опять вынырнули, и опять погрузились куда-то, слѣдуя капризнымъ поворотамъ тропы, извивавшейся между этимъ необозримымъ архипелагомъ песчаныхъ холмовъ, нырявшей въ его котловинахъ и ущельяхъ, карабкавшейся на песчаные гребни, похожіе другъ на друга какъ двѣ волны, гдѣ ни одинъ кустъ, ни одинъ камешекъ на пространствѣ сотенъ верстъ не помогалъ замѣтить направленія и поворотовъ пути.

Верблюдъ, сѣробурый, какъ эти барханы, кажется, рожденъ изъ песковъ и для песковъ. Мнѣ дѣлалось просто жутко слѣдить глазами за все болѣе и болѣе удалявшеюся отъ насъ кучкой верблюдовъ, которая казалась мнѣ издали жалкою одинокою комашкой, безнадежно затерянною среди неоглядныхъ волнъ моря...

Какъ найдутъ они среди нихъ свой путь, какъ выберутся они изъ этого безвыходнаго лабиринта?

А между тѣмъ азіаты до того привыкли къ своимъ старымъ караваннымъ дорогамъ и къ своей четырехногой живой повозкѣ, что до сихъ поръ гораздо охотнѣе и чаще возятъ товары изъ Россіи давно наѣзженнымъ путемъ черезъ Оренбургскія степи на верблюдахъ, чѣмъ въ вагонахъ Закаспійской желѣзной дороги. Знающіе туземцы увѣряли меня, будто кружный путь изъ Москвы на Тифлисъ и Узунъ-Ада со всякаго рода перегрузками обходится для товара много дороже, чѣмъ прямой путь въ Ташкентъ и Самаркандъ на Оренбургъ.

За станціей «Барханами» я съ удивленіемъ увидалъ вправо отъ дороги и недалеко отъ нея развалины каменной башни и примыкавшаго къ ней блокгауза.

— Чего вы дивитесь? въ пескахъ много такихъ развалинъ! остановилъ мои порывы одинъ изъ сидѣвшихъ въ вагонѣ мѣстныхъ жителей.—Вотъ проѣдемъ нѣсколько верстъ, такъ тамъ

недалеко,—жалко намъ не будетъ видно съ дороги,—цѣлая куча построекъ въ одномъ мѣстѣ сбита; кругомъ пески голые... И понять даже нельзя, зачѣмъ строены. Городъ что ли былъ старинный, кто его знаетъ?..

— А вы какъ же видѣли ихъ?—полюбопытствовалъ я.

— Да, во время работъ, когда желѣзную дорогу строили. Я тутъ на станціи подрядикъ кой-какой имѣлъ. Такъ въ свободное время забавлялись, ѣздили въ эти самые пески, за джейранами охотились, ну и видали много этихъ самыхъ развалинъ.

— А текинцы? они ужъ навѣрное знаютъ, что это были за постройки?

— Ничего они не знаютъ. Говорятъ, караванъ-сараи были старинные... кудуки... то-есть, колодцы ихніе большіе... да такъ врутъ наобумъ... Почемъ имъ знать!.. А видно, что старина. Кирпичъ такой, что въ Асхабадѣ теперь не сдѣлаютъ... аккуратный изъ себя, легкій, звонокъ, какъ серебро... Вотъ и въ Мервскомъ округѣ то же. Старый Мервъ видали? Такъ вѣдь тамъ помимо Стараго Мерва по всему Мургабу развалины старинныя. Мнѣ случалось къ Сарыкамъ ѣздить. Тамъ скрозь вездѣ башни, такія же вотъ какъ тутъ видите, города цѣлые въ развалинахъ... Древность, одно слово!

Въ сущности и удивляться нельзя, что въ пустынѣ этой столько развалинъ.

Вѣдь мы теперь въ самомъ сердцѣ древней Бактріи, классической страны песковъ и верблюдовъ. Не даромъ и зоологи называютъ двугорбаго верблюда бактрійскимъ верблюдомъ.

Повидимому, Бактрія временъ Александра Македонскаго заключала въ себѣ теперешнія мѣстности Афганскаго Туркестана, по лѣвому берегу Аму-Дарьи, то-есть Кундузъ, Хулумъ, Балхъ, Андхуй, Маймене, и вмѣстѣ съ тѣмъ прилегающія къ нимъ песчаныя пустыни восточной Туркменіи, черезъ которыя мы теперь ѣдемъ. Развалины древняго города Бактры, разрушеннаго Чингисъ-Ханомъ, до сихъ поръ показываютъ около Балха, раскину-

тыя на 30 верстъ въ окружности, оттого Балхъ пользуется глубочайшимъ уваженіемъ азіатцевъ; они считаютъ его однимъ изъ первыхъ человѣческихъ поселеній на землѣ и «матерью городовъ Востока». По ихъ убѣжденію, возрожденіе древняго Балха будетъ означать приближеніе конца свѣта. Балхомъ онъ сталъ называться уже въ средніе вѣка. Прежде его знали подъ именемъ Бактръ. А Бактры были богатѣйшимъ торговымъ городомъ Азіи и центромъ караванныхъ дорогъ. Въ Бактрахъ было мѣстопребываніе Зердушты или Зороастра, основателя древней религіи персовъ. Поэтому въ теченіе многихъ вѣковъ Бактры оставались главнымъ гнѣздомъ маговъ, послѣдователей его.

Теперь этотъ городъ, подобно Вавилону, Ниневіи, Бальбеку, служитъ, по выраженію Бёрнса, неистощимымъ рудникомъ кирпичей.

Но воспоминаніе о городѣ Бактрахъ и о странѣ Бактріанѣ сохранилось въ преданіяхъ народа. До сихъ поръ, какъ увѣряетъ Бёрнсъ, вся мѣстность между Балхомъ и Кабуломъ носитъ у туземцевъ названіе «Бахтаръ-Земинъ» (страна Бахтаръ).

Александръ Македонскій проникъ въ Бактрію уже изъ-за Паропамиза (или Кавказа, какъ называли его тогда). До Бактріи онъ нигдѣ не встрѣчалъ песковъ и пустыни, а двигался болѣе или менѣе населенными мѣстностями.

«Бактріанская земля многоразличное имѣетъ свойство, пишетъ историкъ Александра Квинтъ Курцій. Индѣ растетъ довольно лѣса и изрядно винограда родится; тучная земля многими источниками напояется; на умѣренной хлѣбъ сѣется, а прочія мѣста скоту на пажити оставляются. *Большая же часть оной страны песчаная и безплодная и ради чрезмѣрной суши ни люди тамъ не живутъ, ни плоды не родятся; а когда вѣтры возстаютъ отъ Понтійскаго моря, тогда весь песокъ на степяхъ безъ остатка въ бугры сметается, который кажется великими холмами, и тогда всѣ знаки проложенныхъ дорогъ погибаютъ*. И того ради путешествующіе тѣми мѣстами, какъ плавающіе по морю, въ ночное

время примѣчаютъ звѣзды, и по ихъ теченію управляютъ путь свой, и ночная темнота почти яснѣе дневного свѣта.

«Но гдѣ способнѣйшія мѣста, тамъ живетъ множество народа и лошадей довольно родится. Самыя Бактры, столичный городъ той страны, стоитъ подъ горой Паропамизомъ; подлѣ города течетъ Бактръ-рѣка, по которой и городъ и народъ называется».

Читая это обстоятельное и ясное описаніе древняго историка, можно его во всей буквальности примѣнить къ теперешнему состоянію песчаной туркменской пустыни и прилегающихъ къ ней плодородныхъ странъ по теченію рѣкъ, подобныхъ оазисамъ Мерва, Маймене, Балха и пр. За 22 вѣка до насъ, оказывается, здѣсь было еще большее многолюдство и еще большее плодородіе чѣмъ теперь; такъ же воспитывались славныя степныя лошади, такъ же вино добывалось изъ винограда. Но и Кара-Кумы, и барханы ихъ за то были тѣ же, тѣ же и караванные пути, и путевыя невзгоды. Видно, Азія не ушла ни на шагъ впередъ со времени Дарія Персидскаго.

Интересно описаніе похода Александра къ Оксусу (Аму-Дарьѣ) черезъ тѣ самыя раскаленныя песчаныя пустыни, которыя теперь безотрадно стелются кругомъ насъ, обжигая, кажется, самый воздухъ, и которыя тогда назывались Бактрійскими и Согдіанскими степями.

Александръ, оставивъ въ Бактрахъ обозъ, «самъ съ легкимъ войскомъ вступилъ въ Согдіанскія степи, продолжая путь ночнымъ временемъ».

«Черезъ 400 стадій ни капли воды не найдено. Пески отъ лѣтняго солнечнаго жара разгораются, *которые по распаленіи все какъ огонь разжигаютъ*".

«Уста и внутренность совсѣмъ запекаются. Итакъ, сперва духъ, а послѣ и тѣла ослабѣвали».

Тутъ-то именно и случился тотъ эффектный эпизодъ, о которомъ историки и моралисты трубятъ юношеству который уже вѣкъ.

Въ самый разгаръ жара и усталости Александрова войска

«изъ посылаемыхъ напередъ для занятія подъ станъ мѣста двое попались навстрѣчу, которые несли въ мѣхахъ воду для дѣтей своихъ, въ полкахъ находившихся».

«И какъ они съ царемъ встрѣтились, то одинъ изъ нихъ развязавъ мѣхъ, налилъ сосудъ воды и поднесъ Александру, который, принявъ воду, спросилъ: кому они несутъ? И увѣдавъ, что дѣтямъ, отдалъ имъ обратно, ни мало не прикушавъ, съ такимъ отвѣтомъ: «мнѣ и одному пить, и такой малой мѣры на всѣхъ раздѣлить—нельзя! Поспѣшайте, и дѣтей своихъ, для которыхъ несете, напойте!» Достигнувъ Оксуса, множество воиновъ Александра умирало тутъ же на берегу, опившись воды.

Оригинальна была переправа македонянъ черезъ быстрины Аму-Дарьи.

«Судовъ не имѣлось, и моста черезъ рѣку сдѣлать было не изъ чего, потому что *около рѣки голыя стѣны, и лѣса никакого не находится*».

Александръ приказалъ набить соломой кожаные мѣшки и лежа на нихъ воины переправлялись черезъ широкій Оксусъ. На шестой день все войско было уже на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ Согдіанѣ, то-есть теперешней Бухарѣ.

Всѣ эти событія, отодвинутыя отъ насъ на разстояніе чуть не $2^1/_2$ тысячелѣтій, такъ еще пахнутъ теперешними дѣлами, теперешними условіями мѣстности, теперешними туземными обычаями, что, кажется, будто разсказъ идетъ не о походѣ македонянъ на Согдовъ въ IV вѣкѣ до Рождества Христова, а о какомъ-нибудь недавнемъ Хивинскомъ или Ахалъ-Текинскомъ походѣ нашихъ геройскихъ русскихъ солдатъ.

Монгольскіе кочевники, сроднившіеся со степью, можно сказать, степью порожденные,—стѣснялись ею гораздо меньше, чѣмъ какіе-нибудь македоняне. Когда великіе вожди завоеватели, подобные Чингису и Тимуру, объединили въ одно громадное царство всѣхъ кочевниковъ Азіи и почуяли свою грозную силу, то они не могли, конечно, терпѣть, чтобы вольные пески пустыни одни не подчинялись ихъ всемогущей волѣ. Они строили среди

этихъ песковъ колоссальные кудуки и рабаты, — хранилища водъ,—проводили эти воды искусно устроенными водопроводами иногда за нѣсколько дней пути съ какой-нибудь горы или озера, воздвигали среди пустыни обширные караванъ-сараи для путниковъ и товаровъ ихъ, башни и замки для защиты, гробницы надъ могилами благочестивыхъ мужей, погибавшихъ въ степи.

Развалины этихъ-то грандіозныхъ сооруженій былыхъ деспотовъ встрѣчаются до сихъ поръ среди безграничнаго простора сыпучихъ песковъ, возбуждая недоумѣніе и удивленіе современнаго путешественника.

По преданіямъ Кашгарскихъ сартовъ, какъ разсказываетъ въ своей книгѣ англійскій путешественникъ Робертъ Шоу, Чингисъ-Ханъ устроилъ водоемы на каждой стоянкѣ въ пустынѣ. Вода на всѣ его полчища заранѣе привозилась на верблюдахъ и вливалась въ водоемы. Въ шатрѣ его, увѣряетъ преданіе, помѣщалось 10.000 человѣкъ, а ханъ угощалъ своихъ гостей чаемъ въ чашкахъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

Испанецъ Рюи-Гонзалецъ де Клавихо, отправленный въ 1403 году отъ Кастильскаго короля Генриха III посломъ къ Тамерлану и оставившій намъ любопытный разсказъ объ этомъ путешествіи, ѣхалъ въ Самаркандъ черезъ Трапезундъ и Ерсинганъ, стало-быть, не могъ миновать песчанаго моря Каракумовъ. Просвѣщенный гражданинъ тогдашняго цивилизованнаго европейскаго государства былъ пораженъ стройнымъ и строгимъ порядкомъ, съ какимъ монгольскій кочевникъ устроилъ почтовыя сообщенія въ своемъ необъятномъ пустынномъ царствѣ.

Черезъ каждый день пути содержались станціи на 100 и на 200 лошадей; въ степяхъ были выстроены огромные постоялые дворы, и окрестные жители обязаны были снабжать эти помѣщенія всѣми необходимыми жизненными припасами; гдѣ не было воды, всюду были проведены водопроводы. На дорогахъ поставлены были столбы для обозначенія разстоянія...

«Кто самъ не видѣлъ, тотъ не повѣритъ, какъ ѣздитъ этотъ

проклятый народъ!» въ наивномъ изумленіи заключаетъ Донъ-Клавихо.

Особенное уваженіе оказывалось царскимъ посланцамъ. Пословъ должны были угощать вездѣ; даже въ полѣ имъ разстилались ковры въ тѣни дерева, подавался кумысъ, хлѣбъ, рисъ и баранина. Если жители города или села не угощали добровольно, то воины, провожавшіе пословъ, накидывали поясъ на шею первому попавшемуся прохожему и, сидя сами на лошадяхъ, тащили его за собою и били палками и ногайками, пока онъ не указывалъ имъ дома старшины.

«Люди, которые видѣли ихъ на дорогѣ и узнавали, что это царскіе слуги... принимались бѣжать точно будто дьяволъ гнался за ними», повѣствуетъ простодушный Испанецъ. «А тѣ, которые были въ своихъ палаткахъ и продавали товары, запирали ихъ и тоже пускались бѣжать и прятались у себя въ домахъ; а проходя говорили другъ другу: Ельчи! то-есть посланники! такъ какъ уже всѣ знали, что съ посланниками приходили черные дни».

Старшинъ тоже били дубинами и все, чтó нужно, требовали даромъ.

«Если кто ѣдетъ по дорогѣ верхомъ, разсказываетъ далѣе Клавихо, будь онъ князь или кто-либо другой... и попадется ему такой человѣкъ, который ѣдетъ къ царю, и прикажетъ встать и отдать ему лошадь, потому что онъ ѣдетъ къ царю, или пошлетъ его съ какимъ-нибудь порученіемъ, онъ долженъ сейчасъ же исполнить и *не смѣетъ отказаться, потому что за это заплатитъ головой: такова воля царя.*"

По истинѣ Тамерлановская воля и Тамерлановская дисциплина! Но она тѣмъ не менѣе достигала своей цѣли, и пустыни Азіи дѣлались черезъ это доступными даже въ тѣ давніе темные вѣка.

X.

Переправа черезъ Аму-Дарью.

Теперь пустыня, можно сказать, перестала существовать. Желѣзная дорога убила ее. Нигдѣ, какъ среди этого моря песковъ, въ которомъ погребено столько человѣческихъ жизней, въ которомъ люди въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій терпѣли столько мучительныхъ трудовъ, лишеній, страданій, опасностей,—нигдѣ такъ наглядно не убѣждаешься въ неоцѣнимомъ значеніи пароваго пути. Эти, съ виду простыя, двѣ желѣзныя нити, что чуть чернѣютъ среди песчанаго потопа, въ сущности связали истинно-желѣзными скрѣпами далекіе другъ отъ друга и всегда разобщенные человѣческіе міры. Съ одной стороны онѣ желѣзными оковами легли на всѣ враждующія разрушительныя силы, разобщавшія Европу отъ Средней Азіи, опоясавъ собою, какъ разсыпанное колесо шиной, почти всѣ племена туркменъ, отъ Іомудовъ у Каспійскаго моря и Гоклановъ за Атрекомъ, до Текинцевъ-Ахала и Мерва, до Кара-Туркменовъ Кара-Кума и Эрзари Аму-Дарьинскихъ береговъ.

Съ другой стороны, по этимъ гладкимъ рельсамъ съ неудержимою быстротой покатились и ворвались въ сердце Азіи не только товары Европы, но и европейскіе обычаи, европейскіе взгляды, европейскія знанія.

Я никогда не былъ сторонникомъ завоеваній и присоединеній къ Россіи азіатскихъ странъ. Не разъ выступалъ я въ печати со словомъ осужденія этой политики, съ точки зрѣнія собственно русскихъ интересовъ. Но если уже намъ суждено исторіей нести тяжелый крестъ цивилизованія полудикихъ азіатскихъ племенъ, если въ судьбахъ нашего народа предначертано ему водворять своимъ потомъ и кровью миръ и порядокъ въ странахъ вѣчнаго волненія и насилій, то нужно признать, что величайшею изъ нашихъ побѣдъ надъ разбойничьею Азіей, вели-

чайшимъ завоеваніемъ нашимъ въ странахъ далекаго Турана,—была эта желѣзная цѣпь въ полторы тысячи верстъ, которою мы привязали Азію къ Европѣ. Поразительное впечатлѣніе произвела постройка желѣзной дороги на туземцевъ Средней Азіи.

Можно сказать, что съ этой минуты покоренные нами народы Азіи поняли, что все для нихъ кончено, что старое никогда уже не вернется, что на шею ихъ надѣтъ желѣзный ошейникъ, котораго они не въ силахъ будутъ снять ни при какихъ условіяхъ. Эта исполинская работа, воздуждавшая при началѣ своемъ искреннія насмѣшки туземцевъ, твердо вѣрившихъ въ ея невозможность и предсказывавшихъ ея плачевный конецъ, потрясла этихъ дѣтей природы изумленіемъ и ужасомъ.

Что послѣ этого оставалось невозможнымъ для русскаго?

Народъ, который на своемъ огненномъ шайтанѣ переносится, какъ на крыльяхъ птицы, черезъ необозримую вѣковѣчную пустыню, черезъ непроходимые безводные пески, не нуждаясь ни въ колодцахъ Аллаха, ни въ молитвахъ дервишей,—чего не побѣдитъ онъ и передъ чѣмъ остановится?

Постройка Закаспійской желѣзной дороги была такимъ нагляднымъ подвигомъ русской силы, безстрашія, мудрости, предъ которымъ поблѣднѣла въ воображеніи восточнаго человѣка слава всякихъ Тамерлановъ и Искандеровъ.

Она вмѣстѣ съ тѣмъ открыла туземцамъ новые широкіе способы къ промысламъ всякаго рода, къ мирной выгодной наживѣ, показала имъ самымъ осязательнымъ и убѣдительнымъ для нихъ образомъ все преимущество твердаго государственнаго порядка и цивилизованныхъ учрежденій надъ невѣжественнымъ и необезпеченнымъ бытомъ ихъ прошлаго. Пока не было желѣзной дороги, Россія была не въ силахъ внести въ прочно установившуюся жизнь старыхъ азіатскихъ ханствъ существенно-новыхъ промышленныхъ началъ. Только рельсовый путь могъ дать громадный толчокъ среднеазіатской торговлѣ и зародить въ промышленныхъ центрахъ Азіи крупныя фабричныя и заводскія предпріятія, развивающіяся теперь не по днямъ, а по часамъ.

Нужно сказать великое спасибо талантливымъ и настойчивымъ людямъ, самоотверженными трудами которыхъ проложена была черезъ недоступныя пустыни эта живительная артерія, принесшая въ нее цивилизованную жизнь Европы.

Великое спасибо и за родную Россію, которая высоко стала въ глазахъ народовъ, просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ, свершивъ такъ просто и скоро такой подвигъ Геркулеса, и за все человѣчество, которое въ этой дорогѣ получило незамѣнимое орудіе для своихъ просвѣтительныхъ и миротворныхъ задачъ въ одномъ изъ коренныхъ очаговъ дикости и тьмы...

Противъ генерала Анненкова, энергическаго строителя Закаспійской желѣзной дороги, раздавались и продолжаютъ раздаваться много осуждающихъ и обвиняющихъ его голосовъ. Мы, русскіе люди, вѣдь особенно падки и особенно умѣлы на осужденіе самихъ себя. Я не имѣю ни возможности, ни желанія защищать строителя Закаспійской дороги. Я не знаю, совершены ли имъ какія техническія ошибки при этой постройкѣ, удовлетворительно ли представлены имъ отчеты по ней. Но я знаю одно, что генералъ Анненковъ совершилъ великое историческое дѣло, сработалъ работу изумительную по своей колоссальности. Я знаю, что каждая страна дорожитъ, какъ своею народною славой—именами людей, отмѣтившихъ себя въ исторіи благодѣтельнымъ для народа подвигомъ.

Постройка Закаспійской желѣзной дороги—несомнѣнный подвигъ. Поэтому я думаю, что несправедливо примѣнять обычный мелочной масштабъ канцелярій и бухгалтерій къ подобнаго рода крупнымъ историческимъ дѣламъ. Постройка Закаспійской желѣзной дороги происходила при условіяхъ такихъ исключительныхъ, такихъ невообразимо тяжелыхъ, среди такихъ опасностей и неожиданностей, что ее невозможно учитывать по шаблонной мѣркѣ какого-нибудь шоссе между Калугой и Москвой. Никакая смѣта, никакія справочныя данныя не въ состояніи были предвидѣть и оцѣнить того, что могло случиться въ дѣйствительности при работахъ среди безводныхъ и безлюдныхъ пустынь,

на тысячи верстъ удаленныхъ отъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, при полномъ отсутствіи кругомъ гражданскаго порядка и безопасности, можно сказать, въ вѣчной осадѣ едва покоренныхъ степныхъ разбойниковъ...

Проѣзжая по Закаспійской дорогѣ, я только чувствовалъ одно ея большое неудобство, совсѣмъ независимое отъ ея строителей. Мнѣ постоянно казалось, что отъ самаго Каспія я ѣду по какой-то безконечной узкой плотинѣ, ничѣмъ не обезпеченной ни справа, ни слѣва. Направо, какъ говорится, сейчасъ же подъ локтемъ, провожаетъ васъ чуть не до самаго Мерва персидская граница, налѣво—песчаная пустыня, доступная только кочевымъ разбойникамъ. Отъ Мерва эта пустыня уже съ обѣихъ сторонъ, и узкая рельсовая лента буквально, какъ плотина, охвачена кругомъ моремъ песковъ.

Когда подумаешь, какъ далеко отсюда очагъ русской военной силы и русскаго промышленнаго богатства, когда вспомнишь, что пути сюда изъ Москвы и Нижняго пересѣкаются и горами Кавказа, и волнами Каспія, что нѣтъ сюда сплошного пути даже изъ нашей Кавказской окраины, то дѣлается какъ-то жутко за этотъ смѣлый починокъ русской гражданственности, такъ далеко ворвавшейся въ чуждыя ей стихіи. Невольно приходитъ въ голову, что въ случаѣ серьезнаго пожара, который можетъ не нынче-завтра охватить воспріимчивые народы Центральной Азіи, сообщеніе Россіи со своими далекими и разъединенными военными колоніями Мерва, Асхабада, Чарджуя, по этому узенькому беззащитному мостику въ полторы тысячи верстъ, врядъ ли будетъ возможно.

Невольно приходитъ въ голову и то, что наше наступленіе на Туркестанъ, на Индію, на Персію рельсовыми путями было бы гораздо удобнѣе и прочнѣе по тѣмъ стариннымъ историческимъ слѣдамъ, по которымъ въ теченіе вѣковъ русская народность привыкла напирать на Азію. Продолженіе Оренбургской желѣзной дороги на Ташкентъ, безъ того неизбѣжное въ болѣе или

менѣе близкомъ будущемъ, было бы, мнѣ кажется, самымъ естественнымъ выходомъ русскихъ силъ въ степи и оазисы Турана. Дорога эта была бы обезпечена съ сѣверо-востока ближайшимъ сосѣдствомъ русской Сибири и новыхъ областей степного генералъ-губернаторства, Тургайской, Акмолинской, Семирѣченской и прочихъ, уже въ сильной степени обрусѣвшихъ и съ каждымъ днемъ привлекающихъ къ себѣ все больше и больше русскаго элемента. Кромѣ того, дорога эта служила бы непосредственнымъ продолженіемъ торговыхъ и военныхъ путей изъ самыхъ русскихъ угловъ Россіи и изъ политическаго и экономическаго центра—Москвы. Эта дорога опиралась бы на широкій и крѣпкій базисъ и была бы во всѣхъ обстоятельствахъ и во всякое время *своею дорогой*. Дальнѣйшая дорога изъ Ташкента и Кокана въ Самаркандъ уже теперь на очереди. Дорога изъ Самарканда въ Мервъ существуетъ и дѣйствуетъ. Всѣ эти дороги, выходя изъ Ташкента, какъ своего базиса, являлись бы передовымъ полкомъ русской силы среди азіатскихъ народностей, не оторваннымъ отъ главной рати ея, а тѣсно съ нею связаннымъ и надежно подпертымъ ею съ тыла.

Можно сказать, что по такой сплошной *Московско-Мервской* дорогѣ сама Москва ударяла бы прямо въ сердце Азіи, напирала бы всею присущею ей мощью на враждебныя намъ азіатскія государства и народности.

Торговое чутье восточнаго человѣка поняло это преимущество сплошной связи азіатскаго центра съ центромъ Россіи, и, несмотря на всю выгодность желѣзнодорожныхъ путей, жители Средней Азіи и Закаспійскаго края продолжаютъ привозить къ себѣ московскіе и нижегородскіе товары и отвозить въ Россію свой хлопокъ и шелкъ гужомъ на верблюдахъ черезъ Оренбургскія степи съ большею охотой, чѣмъ черезъ Закаспійскую желѣзную дорогу и каспійскіе пароходы Меркурія.

Намъ кажется, что Закаспійская желѣзная дорога, задуманная и осуществленная единственно въ цѣляхъ завоеванія туркменскихъ оазисовъ и нравственнаго вліянія на Персію, осталась

отчасти при этихъ своихъ спеціальныхъ задачахъ и даже съ дальнѣйшимъ протяженіемъ своимъ къ Самарканду не могла достигнуть того военно-политическаго и торговаго значенія, которое, несомнѣнно, имѣла бы за собою Оренбургско-Мервская линія.

Съ дѣтскою радостью увидѣли мы наконецъ зеленую долину древняго Оксуса и ощутили освѣжающее вѣяніе его далекихъ еще волнъ. Какъ матросы Колумба, потерявшіе надежду когда-нибудь выбраться изъ синей глади океана,—мы готовы были крикнуть въ восторгѣ «земля, земля!» Однообразныя пучины песчанаго океана оставались за нами, и вокругъ насъ начинали стелиться плодоносныя поля и тѣнистые сады Туркменъ Эрзари, заселившихъ оба побережья Аму-Дарьи на границѣ Бухарскаго ханства съ пустыней. Туркмены Эрзари больше другихъ подпали вліянію осѣдлаго населенія Бухары и разбойничаютъ меньше другихъ, во всякомъ случаѣ гораздо меньше Мервцевъ, этихъ недавнихъ разбойниковъ изъ разбойниковъ.

Въ садахъ и аулахъ своихъ Эрзари, какъ и всѣ Туркмены, живутъ только весной и лѣтомъ; на зиму они уходятъ въ пески, гдѣ разбиваютъ свои кочевья по близости какихъ-нибудь колодцевъ въ защищенныхъ отъ вѣтра котловинахъ. Зима здѣсь малоснѣжна, почти безснѣжна. Близъ горъ и рѣкъ, на глинистыхъ вязкихъ почвахъ, жить въ кибиткѣ зимой въ сезоны дождей слишкомъ сыро и грязно, а на пескѣ сухо, чисто и здорово. Кромѣ того, на горахъ снѣгъ слишкомъ глубоко заваливаетъ подножный кормъ для скота. Верблюдъ, овца, быкъ не въ силахъ бываютъ докопаться копытомъ до прошлогодней травы, какъ это они легко дѣлаютъ въ открытыхъ песчаныхъ равнинахъ, или совсѣмъ голыхъ, или чуть прикрытыхъ снѣжкомъ, хотя трава на нихъ, конечно, скуднѣе и тоще, чѣмъ въ плодородныхъ оазисахъ у горъ. Да въ пескахъ къ тому же значительно теплѣе, чѣмъ на берегу рѣки или у горъ, потому что пески хорошо нагрѣваются даже и зимнимъ солнцемъ. Лошадь

свою Туркменъ никогда не выпускаетъ на пастбище. Онъ воспитываетъ ее заботливо, какъ Англичанинъ своихъ расовыхъ коней, увязываетъ ее всякими одѣялами и кормитъ посѣвнымъ сѣномъ-юрунджой, которое одно онъ только и сберегаетъ ради нея на зиму. Вообще меня поразило сходство туркменскаго воспитанія лошади съ извѣстными пріемами въ этомъ дѣлѣ Англичанъ. Какъ Англичанинъ, Туркменъ прежде всего заставляетъ выпотѣть своего коня, и еще жеребенкомъ задаетъ ему страшныя гонки.

Пока лошадь пьетъ жадно послѣ такихъ гонокъ, туркменъ считаетъ, что она еще жирна, что ее нужно гонять больше. Кормъ ей дается тоже съ большимъ выборомъ, сухой и въ очень умѣренныхъ количествахъ. Зато и результаты этого спартанскаго воспитанія, этого превращенія лошади въ сухого поджараго бѣгуна, не вѣдающаго устали, — по истинѣ изумительны! Хорошая туркменская лошадь можетъ дѣлать по 600 англійскихъ миль, то-есть по 1.000 верстъ, въ семь и даже шесть дней; на перегонкахъ своихъ туркмены сплошь да рядомъ скачутъ безъ остановки 20—25 миль, то-есть 30 и 40 верстъ, и только такіе неутомимые сильные скакуны получаютъ награду и славу и цѣнятся какъ сокровище туркменами. Хорошаго коня туркменъ не продастъ ни за какія деньги, и это вполнѣ понятно, потому что вся жизнь и богатство туркмена — въ его конѣ; налетѣть нежданнымъ вихремъ на какой-нибудь бухарскій или персидскій кишлакъ и умчать въ пески награбленную добычу, такъ чтобы никакая погоня не могла настигнуть его, — вотъ недавніе еще идеалы туркмена и его единственный хозяйственный промыселъ. Понятно, что вся участь его зависѣла отъ быстроты и силы коня; понятно, что онъ и ухаживалъ за нимъ, какъ за любимымъ ребенкомъ.

Недавно еще путешественники могли слышать отъ туркменъ такую наивную оцѣнку своихъ лошадей: «вотъ эту лошадь я купилъ за трехъ персіянъ и одного мальчика, а эту за двухъ дѣвушекъ».

Такая живая монета, можно сказать, на дняхъ еще была среди туркменскихъ разбойниковъ гораздо больше въ ходу, чѣмъ всякія тенги и тиллы.

Меня озадачилъ общій обычай туркменъ кастрировать своихъ прекрасныхъ коней, что̀ такъ мало вязалось съ моими представленіями объ азіатскихъ наѣздникахъ. Но и эта жестокая операція—тоже дѣлается ради легкости и быстроты бѣга, стало-быть, ради наживы и спасенія своей шкуры.

Плодородная береговая низина, заселенная племенемъ Эрзари, тянется на нѣсколько верстъ поперекъ. Поля ихъ обработаны необыкновенно тщательно; нѣкоторыя отлично укатаны; всякое поле обнесено глинянымъ заборчикомъ и обсажено шелковичными деревьями; вездѣ глубокіе арыки, тоже среди аллей деревьевъ; всходы пшеницы, джугары, люцерны (юрунджи) превосходные. Чистая Бельгія или Саксонія, а ужъ никакъ не Туркменія! Зато, пашутъ на быкахъ обычными первобытными деревянными плугами, которые видишь здѣсь по всему Востоку и которыми, безъ сомнѣнія, еще Церера пахала Грецію. Аулы Эрзари — это ряды укрѣпленій своего рода. Четырехугольныя пирамиды изъ битой глины съ плоскимъ верхомъ, съ одною маленькою дверочкой и однимъ еще меньшимъ окошечкомъ—вотъ обычные дома туркменской деревни. Болѣе богатые обнесены высокими стѣнами съ круглыми зубцами, съ конусообразными столбами вмѣсто башенъ, искусно сложенными изъ глины. Кладка стѣнъ идетъ тонкими слоями, которымъ даютъ постепенно высыхать и осѣсть, что̀ придаетъ стѣнамъ красивый рубчатый узоръ.

Поѣздъ нашъ столкнулъ съ полотна въ воду глубокаго арыка зазѣвавшагося юнаго ослика и торжественно въѣхалъ въ городокъ Чарджуй.

Собственно бухарскій городъ Чарджуй направо отъ дороги, верстахъ въ трехъ отъ нея. Отсюда хорошо видны намъ глиняныя стѣны и глиняныя башни Чарджуйской крѣпости,—этой

пограничной твердыни Бухарскаго ханства, достаточно грозной для какихъ-нибудь туркменъ или афганцевъ. Чарджуйскій бекъ— одинъ изъ родственниковъ эмира, владѣтельная особа своего рода, а Чарджуй—одинъ изъ самыхъ значительныхъ по богатству и торговлѣ городовъ Бухары.

Русскій Чарджуй тоже на Бухарской землѣ, и мы, такъ сказать, только гости здѣсь. Эмиръ не мѣшаетъ русскимъ строиться здѣсь и торговать, и держать свои войска, которыя прежде всего охраняютъ на русскій счетъ безопасность его собственныхъ владѣній. Войска здѣсь порядочно: туркестанскій баталіонъ тысячнаго состава, артиллерійская батарея, взводъ казаковъ. Вмѣстѣ съ торгующимъ людомъ и служащими на желѣзной дорогѣ въ русскомъ Чарджуѣ наберется теперь тысячи три русскаго народа, и съ каждымъ днемъ онъ прибываетъ, потому что выгодное торговое положеніе Чарджуя на переправѣ черезъ Аму-Дарью и на перепутьи желѣзныхъ дорогъ привлекаетъ къ нему предпріимчивыхъ людей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ будущемъ русскій Чарджуй тоже разрастется въ большой городъ, наполнится фабриками и складами товаровъ. Для торговли съ Афганистаномъ и Персіей онъ по своему положенію много удобнѣе Бухары и Самарканда. Хлопкоочистительные, а тѣмъ болѣе бумагопрядильные заводы нигдѣ не были бы такъ у мѣста, какъ въ Чарджуѣ.

Русскій городокъ глядитъ оживленно и весело. Очень порядочная православная церковь, хорошенькіе домики въ зеленыхъ садахъ, вездѣ цвѣтущія бѣлыя акаціи, магазины, движеніе. Кирпичные заводы со своими гигантскими горнами окружаютъ городъ, какъ рядъ неприступныхъ фортовъ. Одно число этихъ заводовъ уже краснорѣчиво говоритъ о быстромъ ростѣ этого на дняхъ только возникшаго поселка, потребляющаго теперь такую массу строительныхъ матеріаловъ.

Въ Чарджуѣ есть еще особый родъ жителей—уральцы. Они разселились по берегамъ Аму-Дарьи, на земляхъ туркменъ и сартовъ, платя имъ арендную плату и усердно занимаясь рыбо-

ловствомъ, котораго не знаютъ хорошо ни сарты, ни туркмены. Аму-Дарья кишитъ рыбой и высылаетъ во множествѣ въ Россію икру, осетровъ, стерлядей и всякую вообще красную рыбу. Фунтъ только-что вылитой икры на чарджуйскомъ базарѣ стоитъ отъ 80 коп. до 1 рубля и 1 руб. 20 коп. Уральцы обыкновенно дожидаются пассажировъ съ коробками свѣжей икры и на перебой снабжаютъ ихъ ими. Эти уральцы—ссыльные своего рода. Они не захотѣли подчиниться новому войсковому уставу и были разосланы во всѣ углы Туркестана, на Аральское море, на Сыръ-Дарью, на Аму-Дарью. Вездѣ они принялись за свое любимое привычное ремесло, и скоро овладѣли мѣстнымъ рыболовствомъ, въ которомъ не можетъ быть имъ соперника.

Въ прохладной столовой вокзала насъ накормили до сладости свѣжею аму-дарьинскою севрюгой и, что главнѣе всего, напоили отличнымъ русскимъ квасомъ, которому нѣтъ цѣны въ этомъ туркменскомъ пеклѣ, а тамъ опять пришлось лѣзть въ пыльные и душные ящики вагоновъ—переѣзжать Аму-Дарью. Любители природы обыкновенно пересаживаются для этой переправы въ особый вагонъ-клѣтку впереди поѣзда, и уже оттуда безо всякихъ препятствій любуются широкими перспективами исторической рѣки и знаменитымъ желѣзнодорожнымъ мостомъ.

Безконечный рядъ столбовъ, переплетенныхъ другъ съ другомъ въ гигантскую плетеницу, и безконечная тесьма покрывающихъ ихъ досокъ, цѣлая деревянная дорога въ три версты длины — прямо, какъ стрѣла, вонзается поперекъ теченія въ широкую скатерть водъ и уходитъ изъ вашихъ глазъ, словно тонетъ гдѣ-то тамъ въ туманахъ дали. Кажется, и поѣздъ нашъ ѣдетъ по ней какъ жертва въ пасть чудовища прямо въ эту охватившую насъ кругомъ пучину. Дѣлается немножко жутко на душѣ, когда колоссальная желѣзная стоножка поѣзда тяжко влѣзаетъ на зыбкіе устои моста и медленно переползаетъ на ту сторону, чуть-чуть пошатываясь вмѣстѣ съ мостомъ и поскрипывая во всѣхъ своихъ суставахъ, словно охая отъ страха...

Древній Оксусъ широкъ, какъ море. Бурая стремнина его вся въ курчавыхъ завиткахъ отъ невидимыхъ глазу водоворотовъ, безшумно льется внизъ сплошною многоверстною скатертью; песчаныя мели, словно лысины черепа, желтѣютъ тамъ и сямъ сквозь тонкій слой бѣгущихъ водъ. Аму-Дарья очень своенравна. Одинъ годъ русло ея подъ самымъ Чарджуемъ, въ другой годъ уходитъ за двѣ версты отъ него. Теперь вода ушла къ тому берегу, и вблизи Чарджуя остались только ея затоны, покрытые частыми мелями, перерѣзанные рукавами. Главное русло Оксуса особенно быстро и особенно мутно. Желѣзнодорожный поѣздъ перебирался черезъ него еще тише, чѣмъ черезъ прибрежные разливы, а деревянный мостъ вздрагивалъ и скрипѣлъ еще сильнѣе... Ему очевидно достается не мало отъ этихъ стремнинъ варварской рѣки, катящихъ въ своихъ глинистыхъ волнахъ дубы и камни изъ далекихъ горныхъ дебрей.

Недаромъ, уже сносило одинъ разъ этотъ мостъ разливами рѣки. Туркмены и бухарцы пророчили намъ позорную неудачу, когда генералъ Анненковъ задумалъ строить деревянный мостъ черезъ ихъ непобѣдимый Джейгунъ.

Если самъ мудрый Тимуръ-Ленгъ, побѣждавшій все и всѣхъ и смѣло перекидывавшій каменные своды черезъ волны многихъ рѣкъ, не посмѣлъ возложить оковъ на великую рѣку, то какъ же могутъ устоять противъ нея жалкія бревнушки невѣрныхъ москововъ?

Туземцы, собравшіеся толпами по обоимъ берегамъ рѣки, глазамъ своимъ не вѣрили, когда желѣзнодорожный поѣздъ, расцвѣченный флагами, съ торжественною музыкой, при громѣ пушекъ и барабановъ, переѣхалъ вдругъ по этимъ деревяннымъ дощечкамъ черезъ пучины бурнаго Джейгуна, раздѣлявшаго ихъ такъ долго на два разобщенные міра.

До постройки желѣзнодорожнаго моста переправа черезъ Аму-Дарью была не безопасна и не легка. Если уже не прибѣгали къ способу Александра Македонскаго и не переплывали великой рѣки лежа на бурдюкахъ, то все-таки нужно было нанимать

большія барки и тащить ихъ лошадьми, чтобы стремнина рѣки не унесла судно вмѣстѣ съ людьми и товарами внизъ по теченію. Англичанинъ Бёрнсъ, проѣхавшій въ Бухару изъ Индіи въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, переправился такимъ именно образомъ. Къ каждому концу судна привязали по парѣ и по двѣ пары лошадей, взнуздали ихъ возжами, какъ будто онѣ были запряжены въ колесницу, и туркменъ-погонщикъ, стоя въ суднѣ, правилъ ими и погонялъ ихъ, чтобъ онѣ поскорѣе плыли къ тому мѣсту, гдѣ было удобно высадиться.

Что должна была стоить такая переправа для цѣлыхъ стадъ овецъ, для табуновъ лошадей, для нагруженныхъ товарами верблюдовъ, — можно себѣ легко представить; я не говорю уже объ остановкахъ и потерѣ времени.

Въ «Караванъ-Запискахъ» Кайдалова, ѣздившаго въ 1824—25 годахъ по порученію нашего правительства въ Туркестанъ, приведенъ одинъ такой примѣръ. За перевозку черезъ Сыръ-Дарью на другой берегъ караванъ Кайдалова долженъ былъ заплатить киргизамъ-лодочникамъ, владѣльцамъ огромныхъ каюковъ, сдѣланныхъ изъ тутоваго дерева, *больше двухъ тысячъ рублей,* да киргизы, сопровождавшіе караванъ, отдали, кромѣ того, за свой скотъ тѣмъ же счастливымъ харонамъ *четыреста барановъ.*

Древній Оксусъ не только широкъ, но и протянулся въ длину отъ горизонта до горизонта. Его изгибы и плесы, освѣщенные вечерѣющимъ солнцемъ, синѣютъ и сверкаютъ куда только достигаетъ глазъ. Вездѣ песчаныя лысины, острова плавни, вездѣ курчавая зелень ауловъ, провожающихъ сплошною лентой, хотя и въ нѣкоторомъ почтительномъ разстояніи, его берега. Чѣмъ-то заманчиво таинственнымъ, словно распахнутыя ворота въ невѣдомое царство свѣта и нѣги, смотритъ эта залитая оранжевыми огнями даль, въ ослѣпительномъ блескѣ которой исчезаетъ на предѣлахъ горизонта послѣднее видное намъ колѣно рѣки. Въ пустынномъ величіи несетъ эта рѣка массы своихъ

водъ изъ далекихъ ледниковъ Болоръ-Тага и Гинду-Куша въ соленую чашу Арала. Кочевникъ словно не смѣетъ довѣрить себя ея суровымъ стремнинамъ, и рѣдко, рѣдко прорѣжетъ гдѣ-нибудь широкій просторъ ея разлива одинокое, робко пробирающееся судно. Только около новорожденнаго гнѣзда русской силы, на пристань Чарджуя,—нѣсколько драгъ терпѣливо расчищаютъ своими крошечными ковшиками постоянно заносимое русло, да дымится пониже желѣзнодорожнаго моста совсѣмъ не подходящій къ этимъ азіатскимъ пейзажамъ русскій военный пароходъ. Онъ держитъ рейсы внизъ по рѣкѣ между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ, а другой такой же пароходъ ходитъ между Чарджуемъ и Карки, вверхъ по рѣкѣ.

Рейсы эти изъ учтивости называются срочными; но когда мы съ женой освѣдомились подробнѣе объ этихъ срокахъ, собираясь проѣхаться ненадолго въ Хиву, то собесѣдникъ нашъ, мѣстный житель и мѣстный инженеръ, — громко расхохотался.

— Какъ? Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что здѣсь у насъ можетъ существовать правильное пароходство какъ на Волгѣ или на Черномъ морѣ? изумлялся онъ. — Въ четвергъ, дескать, въ 8 часовъ утра приходитъ, въ 9½ отходитъ... Какъ бы не такъ!.. Тутъ, батюшка, у насъ рѣка всему голова... Она надъ нами умничаетъ, а не мы надъ нею. Выпадутъ большіе дожди въ горахъ, не будетъ знойныхъ дней, ну, и прибавится водицы, пароходы и пролѣзутъ себѣ какъ-нибудь... А постоитъ недѣльку-другую сушь да жара, нанесетъ съ пустыни песковъ вѣтеръ горячій,—вотъ вамъ и мели на каждомъ шагу. Не столько впередъ ѣдетъ пароходъ, сколько съ мелей стаскивается, да глубину щупаетъ. Вѣдь тутъ мели не постоянныя, а переносныя: сегодня здѣсь, а завтра тамъ, и фарватеръ такой же, вчера хорошо проѣхалъ, а сегодня прямо носомъ въ песокъ врѣзался; разыскивай его какъ знаешь! Никакія карты и лоціи не помогутъ. Вотъ теперь апрѣль, весна кажется, а воды немного. Видите какіе черепа изъ-подъ воды свѣтятся! Какъ тутъ пароходу не наткнуться, а ужъ особенно ночью. Черезъ мѣсяцъ совсѣмъ

другое дѣло: вода сильно пожирнѣетъ, тогда и плавать будетъ отлично.

— Черезъ мѣсяцъ, я думаю, еще меньше воды будетъ; развалъ лѣта, зной! замѣтилъ я.

— Ну да, это по вашему, по-россійскому, а у насъ тутъ свои законы. У насъ разливъ водъ не весной, а въ серединѣ лѣта бываетъ. Когда прожаритъ солнце хорошенько снѣга вѣчные, да ледники на большихъ горахъ, тогда и поддаетъ намъ оттуда водицы... Тогда и начинается у насъ настоящее судоходство. А все-таки и тогда скоро въ Хиву не съѣздите. Внизъ-то, положимъ, живымъ духомъ донесетъ, дня въ три, а оттуда, въ гору, страсть какъ тяжело! Поглядите-ка какой столбъ воды сверху претъ, навстрѣчу ему двигаться не шутка? Какъ ни вертите, а туда и сюда недѣльки три пройдетъ, да, пожалуй, еще съ хвостикомъ. Знаете, я на каюкѣ ѣздилъ съ Туркменами, такъ, право, пріятнѣе. По крайней мѣрѣ дешево, да и нравы туземные отлично узнаешь. А на пароходѣ ничуть не выйдетъ скорѣе, если всѣ мели своими боками пересчитывать. Потомъ вы должны положить еще на самую Хиву нѣсколько дней. Вѣдь водой идутъ только до Петро-Александровска, до крѣпости нашей русской. Ее нарочно на берегу поставили, чтобы въ родѣ караульнаго надъ Хивой наблюдала; чуть тамъ что,—тутъ у насъ и готовы гостинцы! А до Хивы отъ Петро-Александровска еще верстъ съ 60 будетъ. Арбу нужно нанимать, или верблюда, лошадь... Туда, да назадъ, да Хиву осмотрѣть, вотъ и сочтите!...

— А въ Хивѣ-то самой много интереснаго?

— Ей Богу ровно ничего! Не вѣрьте вы, пожалуйста, никакимъ туристамъ. Все врутъ! Ну аулъ огромный, и ничего больше; совсѣмъ на городъ даже не похожъ. Мазанки глиняныя, да базары. Есть, положимъ, мечети двѣ порядочныя, ну, дворецъ тамъ ханскій, урда по-ихнему, да все это во сто разъ лучше и интереснѣе въ Бухарѣ увидите и въ Самаркандѣ... И базары, и все... А халатники все тѣ же, и товары тѣ же, и жизнь все та же...

Ужъ на что хороши Бухарцы, а и тѣ считаютъ Хивинцевъ варварами своего рода. Увѣряютъ, что они и обрядовъ своихъ мусульманскихъ не знаютъ и не учатся ничему... А по моему они все-таки лучше этихъ ханжей Бухарцевъ, грубѣе, правда, но за-то искреннѣе, честнѣе, гостепріимнѣе. Бухарецъ прелукавая бестія!

Вверхъ по рѣкѣ тоже поднимался въ это время пароходъ, только что, повидимому, отчалившій отъ берега. Онъ шелъ въ Карки съ грузомъ для его гарнизона.

Карки — послѣдній городъ и послѣднее укрѣпленіе Бухары на границѣ съ Афганистаномъ. Тамъ постоянно стоитъ нашъ военный отрядъ, хотя земля и бухарская. Пароходъ ползъ въ гору медленно, какъ каракатица, то и дѣло виляя вправо и влѣво, и понинутно останавливался въ раздумьи, словно слѣпой, ощупывающій палкой свою дорогу. Сейчасъ видно, что не скоро добраться ему до далекаго пограничнаго городка. Недавно поѣхалъ было на немъ, какъ мнѣ разсказывали, одинъ изъ военныхъ начальниковъ, которому необходимо было побывать въ Каркахъ. Онъ такъ измучился этимъ рачьимъ шествіемъ на парахъ, что не выдержалъ и съ половины пути высадился на берегъ; оттуда уже онъ добрался кое-какъ до Карки песками, то на перемѣнныхъ лошадяхъ, то на верблюдахъ. И все-таки пріѣхалъ значительно раньше, чѣмъ привалилъ злополучный пароходъ.

Можетъ быть, все это и имѣетъ свои законныя оправданія, но, признаюсь, меня возмутило такое слабосиліе наше передъ самыми обыкновенными явленіями природы. Не берусь судить, чѣмъ и какъ слѣдовало бы поправить дѣло, нужно ли бы было завести здѣсь какіе-нибудь особенные плоскодонные пароходы или оградить чѣмъ-нибудь фарватеръ рѣки отъ наносовъ, но твердо знаю одно, что заберись сюда завтра англичане, французы или нѣмцы,—у нихъ съ того же дня исправно стали бы ходить здѣсь многочисленные пароходы, возились бы товары,

разъѣзжала бы всякая публика, туземная и наѣзжая, выстроились бы по берегамъ пристани, гостинницы, фабрики, и посѣщеніе туристомъ какой нибудь Хивы сдѣлалось бы самымъ не долгимъ и простымъ дѣломъ. Вѣдь уже ходятъ серьезные слухи, что англичане заводятъ пароходство на той же самой Аму-Дарьѣ въ мелкихъ ханствахъ, подвластныхъ Афганистану, слѣдовательно, въ тѣхъ ея верхнихъ частяхъ, которыя гораздо менѣе удобны для плаванія, гораздо богаче камнями, гораздо бѣднѣе водой, чѣмъ находящееся въ нашей зависимости нижнее теченіе Оксуса; вѣдь, наконецъ, рядомъ же съ нами, въ Персіи, за которою мы ухаживали столько вѣковъ, тѣ же англичане сумѣли открыть на-дняхъ выгодное пароходство по рѣкѣ Керуну, считавшейся до сихъ поръ недоступною для судовъ черезъ свои пороги?

Аму-Дарья впадаетъ теперь въ Аральское море, но еще въ XIII столѣтіи она вливалась прямо въ Каспійское. Есть, правда, люди, которые это оспариваютъ и которые доказываютъ даже невозможность теченія Аму-Дарьи въ Каспійское море. По измѣренію ихъ, уровень такъ-называемаго стараго русла Аму-Дарьи во многихъ мѣстахъ оказывается выше уровня теперешняго нижняго теченія ея, стало-быть, Аму-Дарья должна была течь на гору, а не подъ гору. Но скептицизмъ этотъ совершенно праздный. Берега Каспійскаго моря повышаются и понижаются чуть не на глазахъ людей; осязательное доказательство этому я только, что видѣлъ въ затопленномъ моремъ караванъ-сараѣ Бакинской гавани.

Туркменскій берегъ тоже могъ подняться въ теченіе вѣковъ, и кто знаетъ, не было ли именно это поднятіе одною изъ главныхъ причинъ того, что древній Оксусъ не могъ уже болѣе катить своихъ волнъ до Каспія, и Хивинскіе ханы должны были отвести его русло въ ближайшее къ нему Аральское море, куда, безъ сомнѣнія, всегда впадалъ одинъ или нѣсколько рукавовъ Оксуса. Во всякомъ случаѣ отводъ Аму-Дарьи въ Аральское

море не только есть историческое событіе, подтверждаемое туземными лѣтописями и преданіями всѣхъ народовъ, имѣвшихъ какое-нибудь дѣло съ народами Оксуса, но еще и неоспоримый фактъ современной географіи. Старое русло Аму-Дарьи также извѣстно всякому туркмену, хивинцу и киргизу азіатскихъ степей, какъ и сама живая рѣка Аму-Дарья. Русло это тянется на цѣлыхъ 600 верстъ отъ низовій Аму-Дарьи, у Айбугирскаго залива Аральскаго моря до самаго Балаханскаго залива Каспійскаго моря, составляющаго болѣе глубокій заворотъ Красноводской бухты. Русло это вполнѣ носитъ форму рѣчного ложа, съ обычными обрывистыми берегами и изгибами, и по всему протяженію своему еще сохранило, въ видѣ отдѣльно разбросанныхъ мочежинъ, колодцевъ, озерковъ, — слѣды своихъ былыхъ водъ.

До сихъ поръ, по старой памяти, многіе аулы туркменъ зимой и лѣтомъ кочуютъ вдоль опустѣвшихъ береговъ бывшей рѣки, пользуясь кое-гдѣ уцѣлѣвшею водой.

Старое ложе Оксуса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самою надежною дорогой изъ Хивы къ Каспію, и, по разсказамъ туземцевъ, на ней можно имѣть прѣсную воду на разстояніи каждаго перехода. Въ лѣтнее же половодье или когда Аму-Дарья случайно прорываетъ плотины Куня-Ургенча, старое русло Оксуса опять обращается въ бурную рѣку и несетъ свои волны на пространствѣ цѣлыхъ 150 верстъ до озера Сары-Камыша, изъ бассейна котораго онѣ уже не въ силахъ двинуться дальше.

Еще при Петрѣ Великомъ посолъ его князь Бековичъ-Черкасскій въ теченіе нѣсколькихъ дней ѣхалъ изъ Хивы къ Красноводскому заливу старымъ русломъ Аму-Дарьи, видѣлъ собственными глазами земляной валъ въ пять верстъ длины, которымъ хивинцы обратили въ Аральское море воды Оксуса, а по обоимъ берегамъ стараго русла встрѣчалъ развалины прежнихъ жилищъ и слѣды проведенныхъ къ нимъ каналовъ. Плотины, задерживающія воды Аму-Дарьи, и до сихъ поръ могутъ быть видимы путешественниками около хивинскаго города Куня-Ургенча.

При Петрѣ Первомъ вообще не сомнѣвались въ томъ, что Аму-Дарья дѣйствительно впадала прежде въ Каспійское море, такъ что великій царь, давая порученіе Бековичу основать первое русское укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, самымъ опредѣленнымъ образомъ приказывалъ построить эту крѣпость *„надъ гаваномъ, гдѣ было устье Аму-Дарьи рѣки“*.

Въ то время даже объясняли себѣ очень просто злохитрый поступокъ хивинцевъ, вернувшихъ теченіе Аму-Дарьи отъ Каспія въ Аралъ. Въ Аму-Дарьѣ (какъ и въ Сыръ-Дарьѣ) почему-то предполагался золотой песокъ, и хивинцамъ, конечно, нежелательно было, чтобы сокровище ихъ уносилось рѣкой въ чужія страны. Петръ посылалъ розыскивать золотые пески на Сыръ-Дарью, но въ Аму-Дарьѣ онъ, повидимому, оцѣнилъ сокровище другого рода, не пески, а воды ея. Онъ понялъ, что Аму-Дарья— самая естественная и единственно удобная дорога къ богатствамъ Индіи, и потому, какъ я говорилъ уже раньше, его соблазнилъ смѣлый планъ — опять вернуть устье Оксуса въ Красноводскій заливъ.

Что поворотъ этотъ задумывался Петромъ ни для чего другого, какъ ради торговли съ Индіей, въ этомъ, несомнѣнно, убѣждаютъ подлинныя выраженія собственноручной его инструкціи Бековичу, о которой я уже говорилъ выше. Подъ видомъ «купчины», который бы «изъѣхалъ» Аму-Дарью до самыхъ предѣловъ Индіи, и оттуда бы отправился въ эту страну, Петръ назначилъ «изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина», которому поручилъ: «развѣдать въ Индіи о пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ и какъ для сего дѣла, *такъ и для отпуска товаровъ*, приказалъ придать ему, Кожину, двухъ частныхъ добрыхъ людей *изъ купцовъ*, и чтобъ они были не стары».

Но въ то время, какъ Русскіе еще гораздо ранѣе Петра хорошо знали и объ Аральскомъ морѣ, и о Сыръ-Дарьѣ, и объ Аму-Дарьѣ, которыя имъ приходилось видѣть собственными глазами, въ то время, какъ въ *Книгѣ Большого Чертежа* можно было найти самыя точныя указанія о теченіи этихъ рѣкъ,—

ученые европейцы, не допускавшіе мысли, чтобъ у русскихъ варваровъ можно было получить вѣрныя научныя свѣдѣнія о сосѣднихъ съ ними странахъ, продолжали наивно пребывать въ нелѣпыхъ географическихъ представленіяхъ о Центральной Азіи, заимствованныхъ еще изъ Страбона и Арріана, и очень мало исправленныхъ довольно смутными разсказами средневѣковыхъ путешественниковъ, въ родѣ Марко Поло и Плано Карпини.

Презабавно разсматривать карту Центральной Азіи, приложенную къ извѣстной книгѣ Де-Бруина (*Voyage de Corneille le Brun par la Moscovie en Perse etc, 3 volumes*, Amsterdam, 1718 года). Де-Бруинъ пріѣхалъ въ Россію въ 1701 году черезъ Архангельскъ, еще до построенія Петербурга, и отправился въ Персію Волгой и Каспійскимъ моремъ. На его картѣ Азіи Туркестанъ, можно сказать, совсѣмъ пропущенъ. Его Irken (Яркендъ) находится чуть не на берегу Каспійскаго моря, Кабулъ стоитъ почти у истоковъ Енисея, Аму-Дарья течетъ прямо въ Каспій, никакого Аральскаго моря въ поминѣ нѣтъ!

Можно ли послѣ этого удивляться, что Аральскаго моря не зналъ ни одинъ изъ географовъ классическаго міра, ни Страбонъ, ни Птоломей, и что всѣ древніе писатели считали Яксартъ, то-есть Сыръ-Дарью, и Оксусъ, то-есть Аму-Дарью впадающими въ Гирканское (то-есть Каспійское) море. Относительно Аму-Дарьи они были, вѣроятно, правы, но впаденіе Сыръ-Дарьи въ Каспій доказать нѣтъ никакой возможности, развѣ только предположить, что въ древности Каспій и Аралъ составляли одно озеро, и что раздѣляющая ихъ теперь песчаная возвышенность Усть-Урта поднялась уже впослѣдствіи, стало-быть, на памяти людей, для чего опять нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія.

Какъ бы то ни было, но мы съ женой искренно пожалѣли, что не могли отправиться изъ Чарджуя внизъ по историческому Оксусу посѣтить пресловутую Хиву—древній Ховарезмъ, удержавшій теперь въ своемъ владѣніи только одно низовье Оксуса, раздѣленное на множество рукавовъ еще верстъ за триста до

впаденія въ Аральское море. Въ сущности вовсе нѣтъ никакой Аму-Дарьи, впадающей въ Аральское море, потому что каждый рукавъ есть большая рѣка, имѣющая свое самостоятельное названіе. Въ числѣ ихъ есть и Янги-Су, и Улькунъ-Дарья, и Куванъ-Джарма, и Талдыкъ, и много другихъ именъ, но Аму-Дарьи никакой нѣтъ.

Хива лежитъ, впрочемъ, ни на самой Аму-Дарьѣ, ни на ея рукавахъ, а верстъ шестьдесятъ къ югу отъ рѣки, среди сѣти безчисленныхъ арыковъ, на рубежѣ пустыни, какъ и подобаетъ ханству кочевниковъ и степныхъ грабителей.

Теперь это уже безсильное гнѣздо присмирѣвшихъ разбойниковъ, а было время, когда Ховарезмъ игралъ великую роль въ судьбахъ Центральной Азіи.

Еще при походахъ Александра Македонскаго упоминается Арріаномъ и Квинтомъ Курціемъ имя Ховарезма; между прочимъ, «Хоразмскій владѣлецъ Фратафернъ, котораго земли смежны съ Массагетами и Дагами».

Съ XI вѣка по р. Хр. Ховарезмъ властвуетъ почти надо всѣми странами Турана и Ирана. Алла-Эдинъ, султанъ Ховарезма, овладѣлъ китайскимъ Туркестаномъ, Самаркандомъ, Бухарой, Балхомъ, Хорасаномъ, Мазандераномъ, и готовъ былъ покорить самый халифатъ Багдадскій, еслибъ этого священнаго главу правовѣрныхъ не спасли глубокіе горные снѣга и вольнолюбивые Курды. Надменный своими побѣдами, Алла-Эдинъ провозгласилъ себя «тѣнью Бога на землѣ», а мать свою «обладательницей міра». Но Чингисъ, великій разрушитель восточныхъ царствъ, сокрушилъ и побѣдоносныхъ султановъ Ховарезма.

Цивилизація Европы вторглась теперь вмѣстѣ съ русскою силой въ старое царство азіатскаго рабства, деспотизма и невѣжества; рѣка Даріевъ Персидскихъ, Бактріанъ и Согдовъ— перепоясана желѣзнодорожнымъ мостомъ и носитъ пароходы на своихъ пустынныхъ волнахъ.

Но, несмотря на эти рельсы и трубы, здѣсь еще вездѣ кру-

гомъ всемощно царитъ старая дичь, старая азіатчина. Словно въ насмѣшку надъ нашими усиліями, вонъ, попрежнему, рядомъ съ пароходомъ идетъ первобытная переправа съ бухарской стороны на туркменскую цѣлыхъ верблюжьихъ караван овъ, цѣлыхъ обозовъ арбъ, въ большихъ туземныхъ каюкахъ...

Ветхозавѣтные корабли пустыни продолжаютъ еще перевозить товары на своихъ горбахъ, какъ во дни Моисея, а эти чалмы, эти мантіи, эти лица—все это живьемъ выхвачено со страницъ Библіи... Цивилизація Европы пробирается здѣсь еще чуть замѣтною струйкой, какъ та узенькая черная ленточка рельсовъ, что̀ прорѣзаетъ собою сплошные пески туркменской пустыни...

Безконечный мостъ наконецъ кончился. Вмѣсто водной глади кругомъ стелятся плавни и заросли бухарскаго берега Аму-Дарьи... Вотъ и Фарабъ, первая станція праваго берега. Переѣздъ моста равняется цѣлому перегону, и поѣздъ отдыхаетъ послѣ него, какъ послѣ далекаго пути. Теперь конецъ Туркменіи, конецъ пустынямъ, Оксусъ легъ между нами и ими, теперь мы уже въ Трансоксанѣ, въ странѣ древнихъ Согдовъ, въ славномъ царствѣ Тамерлана... Теперь ждетъ насъ впереди священная для правовѣрныхъ Бухара,—«Бухара-эль-Шерифъ»...

Часть III.

НА ОКСУСѢ И ЯКСАРТѢ.

I.

Русская сила въ Бухарѣ.

Къ нашему благополучію, мы пронеслись ночью черезъ песчаную пустыню, которая отдѣляетъ счастливыя долины Заравшана отъ безлюдныхъ береговъ Аму-Дарьи, ночью миновали и Кара-Куль, знаменитый своими волнистыми черными мерлушками, которыхъ видимо-невидимо, на сотни тысячъ рублей, вывозится отсюда въ Россію.

Всѣ ужасы безводныхъ песковъ Транс-оксаны, мучившіе въ древніе вѣка легіоны Александра Македонскаго, и теперь еще неразлучные съ путешествіемъ въ караванѣ, потонули такимъ образомъ во мракѣ и даже тѣнью своей не коснулись насъ, избалованныхъ сыновъ цивилизаціи, покойно спавшихъ все время на мягкихъ диванахъ вагона.

Поздно ночью очутились мы съ своими чемоданами, сонные и растерянные, на платформѣ станціи Бухара. Это еще не настоящая Бухара, а только ея русскій поселокъ—«Русская Бухара». До настоящей Бухары отсюда двѣнадцать или пятнадцать верстъ. Какая-то услужливая чалма, болѣе смѣло, чѣмъ понятно

болтавшая по-русски, повлекла насъ и нашъ багажъ пѣшимъ хожденіемъ черезъ садики и дворики въ мѣстную желѣзнодорожную «отель», на видъ очень напоминавшую татарскую саклю. Съ узенькой досчатой галлереи, на которой двое могутъ разойтись только съ очень большимъ трудомъ, плохо запирающіяся двери ведутъ въ крошечныя келейки, не на шутку смахивавшія всею своею грустною обстановкой на тюремныя камеры для одиночнаго заключенія.

Несмотря на одолѣвавшій насъ сонъ, мы прежде всего осмотрѣли со свѣчой всѣ уголки отведенной намъ грязной каморки, разыскивая, по слабости всѣхъ путешествующихъ по Туркестану, коварно притаившихся фалангъ и скорпіоновъ. Но какъ старательно ни перевертывали мы тюфяки, сколько разъ ни отодвигали столы и стулья, ни въ одной щелкѣ не могли обличить присутствія хотя бы одного изъ ужасавшихъ насъ туземныхъ чудищъ, кромѣ обычныхъ обитателей всякаго нечистоплотнаго русскаго и не-русскаго угла.

Пришлось улечься безъ всякихъ характерныхъ приключеній на скрипучихъ, ходенемъ ходящихъ деревянныхъ кроватяхъ, въ надеждѣ, что утро вечера мудренѣе, и что завтра можно будетъ устроиться какъ-нибудь удобнѣе.

Утро дѣйствительно принесло добрый совѣтъ. Не успѣли мы напиться чаю на своей убогой галлерейкѣ въ компаніи съ мистеромъ Крэномъ, какъ уже явился къ намъ развязный русскій возница съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Русскій народъ, забравшійся въ Бухару,—тертый народъ, и съ нимъ нужно держать ухо востро! Онъ тутъ такой развитой и смѣлый, пускается въ такія философіи, щеголяетъ такими словечками, что только диву даешься. Да и то надо сказать, — гдѣ не пришлось побывать и чего не пришлось испытать этому смѣльчаку, прежде чѣмъ его отчаянная голова завела его искать заработковъ въ столицѣ эмира?

Послѣ порядочно-упрямой торговли мы уговорились съ «дорогимъ» землякомъ, что онъ будетъ возить насъ съ женой въ

Бухару въ своемъ парномъ фаэтонѣ съ доставкой къ вечеру обратно, за семь рублей въ день. Я нашелъ, что для нравовъ разбойничьяго ханства это болѣе, чѣмъ великодушно.

Мистеру Крэну посчастливилось меньше нашего, онъ не досталъ рессорнаго экипажа, а долженъ былъ довольствоваться телѣжкой на толкучихъ рессорахъ, оказавшеюся до того тряской, что человѣкъ мало-мальски хрупкій могъ бы разсыпаться въ ней на мельчайшіе суставчики или, по крайней мѣрѣ, проглотить свои собственные зубы... Я утѣшалъ его однако тѣмъ, что онъ пріѣхалъ изучать туземные обычаи и набираться мѣстныхъ впечатлѣній, поэтому долженъ быть вполнѣ доволенъ такимъ неиспытаннымъ имъ способомъ передвиженія, хотя въ душѣ своей я искренно былъ увѣренъ, что всякія впечатлѣнія безъ остатка вытрясутся изъ американскаго мозга мистера Крэна на этой русской чертопхайкѣ.

Онъ выдержалъ однако испытаніе, какъ истый американецъ, и ни разу во всю дорогу не пожаловался на тряску, несмотря на то, что подпрыгивалъ на своемъ жесткомъ сиденьѣ по камнямъ бухарскихъ дорогъ и бухарскихъ улицъ, какъ бузинный шарикъ въ электрической пляскѣ...

Русскій поселокъ Бухары только-что въ моментѣ зарожденья, и ему несомнѣнно предстоитъ большая будущность. Тутъ строится большое и очень изящное помѣщеніе для нашего дипломатическаго агентства, которое въ настоящее время, вѣроятно, уже готово; тутъ въ домѣ эмира, увѣнчанномъ красивою вышкой съ мѣдною крышей, живетъ начальникъ нашего посёлка, тутъ почта, телеграфъ, русскія лавки, русская церковь, русскій служилый людъ, русское войско.

Огромный караванъ-сарай съ базарами изъ прекраснаго тесанаго камня строится здѣсь на счетъ эмира, но русскими техниками и по русскому образцу. Это будетъ одно изъ лучшихъ украшеній будущаго города; грандіозный фасадъ его, увѣнчанный четырехугольною башней, будетъ производить большой эффектъ изящными балконами, лѣпными карнизами оконъ и

дверей, зеркальными стеклами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ, конечно, одинъ изъ самыхъ крупныхъ складовъ оптовой торговли для русскихъ, бухарскихъ, китайскихъ, персидскихъ и индѣйскихъ товаровъ.

Эмиръ обязался сдавать его въ аренду исключительно однимъ русскимъ торговцамъ. Нельзя сомнѣваться, что на этомъ удобномъ перепутьѣ въ самомъ скоромъ времени выростутъ всякаго рода заводскія, промышленныя и торговыя предпріятія, и что Старая Бухара азіатскихъ халатниковъ мало-по-малу станетъ увядать и засыхать, уступая какъ одряхлѣвшій дубъ свои питательные соки этому молодому, сильному отпрыску своему, пробившемуся въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ него и на такой благопріятной почвѣ.

Уже и теперь въ «Русской Бухарѣ», считающей свое существованіе чуть не мѣсяцами, успѣли возникнуть и разныя транспортныя конторы и склады большихъ русскихъ мануфактуръ и нѣсколько паровыхъ заводовъ для очищенія и прессованія хлопка, для выработки дорогого кунжутнаго масла, не считая обширныхъ желѣзнодорожныхъ депо Закаспійской дороги.

До сихъ поръ всѣ попытки завести въ Бухарѣ фабрики и склады принадлежали крупнымъ московскимъ фирмамъ. Но уже я читалъ, что недавно и лодзинскіе фабриканты посылали своихъ агентовъ въ Бухару, чтобы, по примѣру москвичей, основать тамъ промышленныя заведенія и торговыя депо.

Но пока что будетъ, а въ настоящее время эта чреватая великимъ будущимъ «Русская Бухара»—преунылое и препустынное мѣстечко. Хотя здѣсь усиленно насаждаются шелковица и всякія другія деревья, планируются скверы и аллеи, и даже думаютъ приступить къ буренью артезіанскихъ колодцевъ, чтобы воспособить скуднымъ водамъ Заравшанскихъ арыковъ, а все-таки здѣсь сильно чувствуется и, конечно, будетъ чувствоваться еще очень долго отсутствіе воды и зелени.

Оба возницы оказались изъ терскихъ казаковъ. Нашъ былъ за умника и, узнавъ, что мы тутъ въ первый разъ, безъ умолку объяснялъ намъ мѣстные дѣла и обычаи, на каждомъ шагу озадачивая насъ какимъ-нибудь хитрымъ книжнымъ словечкомъ. Но за то онъ свисталъ, гоготалъ, кричалъ и стегалъ кнутомъ проѣзжавшихъ халатниковъ до такой степени по-бухарски, что будь на немъ чалма, вмѣсто русскаго картуза, эти бритые лбы чистосердечно приняли бы его за родного брата.

Лошади неслись очень быстро по плохой каменистой дорогѣ, и мимо насъ то и дѣло мелькали кишлаки, сады, огороды... Дорогу эту также ожидаетъ въ скоромъ будущемъ полное перерожденье: между Старою Бухарой и «Русскою Бухарой» предполагается устроить шоссе, обсадить его аллеями тутовыхъ деревьевъ и устроить фонтаны съ бассейнами для пойла верблюдовъ и лошадей.

Мѣстность кругомъ Бухары густо заселена и отлично обработана. Можно сказать, что на пространствѣ всѣхъ этихъ двѣнадцати верстъ тянется до самаго города одинъ огромный кишлакъ, съ своими садами и плантаціями. Предмѣстья Бухары нечувствительно сливаются съ окружающими ее деревнями.

— Что-жъ, богатый народъ эти бухарцы? Хорошо живутъ? спросилъ я своего возницу.

— *Обязательно* хорошо!.. Какже?.. Самый *центръ* ихній... *Масса* товаровъ сюда идетъ... *Коллекція* такая! Вотъ сами увидите на базарахъ. И потомъ имъ отъ нашего царя *привиллегія* насчетъ торговли... важнымъ тономъ отвѣтилъ цивилизованный возница...

Дороги подъ городомъ многолюдны, какъ городскія наши улицы въ базарный день. Непрерывною чередой идутъ намъ навстрѣчу вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, скрипятъ арбы на громадныхъ колесахъ, тоже запряженныя верблюдами, ѣдутъ всадники на лошадяхъ и ослахъ, толпятся пѣшеходы со всякими ношами.

Оглушительно оретъ на нихъ нашъ отчаянный возница, разогнавъ чуть не на вскачь своихъ лошадей, и никому не уступая дороги.

Халатники видятъ, что несется «Московъ», грозный сокрушитель бухарской силы и негласный хозяинъ «независимой» Бухары,—и въ паническомъ ужасѣ торопятся свернуть въ сторону своихъ неуклюжихъ верблюдовъ, свои неповоротливыя арбы, почти сталкивая ихъ въ арыки, и чуть не налѣзая на глиняныя стѣны кишлаковъ... Въ узкихъ деревенскихъ переулкахъ кто завидитъ впереди неистово-несущійся русскій экипажъ—заранѣе поворачиваетъ назадъ своего коня, своихъ верблюдовъ и улепетываетъ въ какой-нибудь боковой проулочекъ, или заѣзжаетъ подъ какія-нибудь отворенныя ворота, чтобы пропустить мимо по-добру по-здорову этого шумливаго и не совсѣмъ безопаснаго Москова. Кромѣ русскихъ тутъ всѣ по дорогамъ и улицамъ ѣдутъ шагомъ. Но русскіе считаютъ необходимымъ шикомъ промчаться такъ лихо, чтобы у встрѣчныхъ бухарцевъ поджилки тряслись; и ужъ особенно, конечно, русскіе извозчики. Имъ кажется совсѣмъ неприличнымъ и посрамляющимъ достоинство русскаго завоевателя — плестись рысцою на подобіе туземной арбы. Надобно, впрочемъ, сказать правду, что и въ глазахъ бухарца, издревле привыкшаго къ рабству и деспотизму, эти неистовые крики на проѣзжающихъ, это безцеремонное хлестанье кнутомъ направо и налѣво служатъ неизбѣжными признаками всякаго начальства, всякой власти.

Когда бухарецъ провожаетъ въ качествѣ нукера какого-нибудь своего бека или русскаго начальника, онъ скачетъ впереди еще отчаяннѣе всякаго казака и убѣжденнѣе всякаго русскаго извозчика лупитъ и нагайкой, и палкой, по чемъ попало, встрѣчную толпу, разгоняя ее передъ экипажемъ высокой особы.

Стало-быть, русскіе уже отъ нихъ переняли этотъ чисто-азіатскій шикъ—проноситься бурей черезъ мирные стогны градовъ и весей.

«Благородная Бухара», «Бухара-эль-Шерифъ», производитъ—съ перваго взгляда на нее—впечатлѣніе далеко не благородное. Прежде всего нужно сказать, что Бухара даже вовсе не городъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы привыкли понимать это

слово. Бухара скорѣе громадный кишлакъ. Кишлакъ такой же глиняный, такой же грязный, какъ всѣ кишлаки и аулы Туркестана и Закаспійскаго края.

Безконечные узенькіе переулки вьются между безконечными глиняными стѣнками, — по туземному, «дувалами», — изрѣдка только прерываемыми воротами, калитками дворовъ, да сплошными кубами такихъ же глиняныхъ, такихъ же слѣпыхъ домовъ безъ оконъ и безъ дверей. Ѣдешь словно по дну глубокаго крѣпостного рва, изъ котораго никуда нѣтъ выхода. Дувалы бóльшею частью аршина въ 3, 4 и даже 5 вышины. Они загораживаютъ глазу всякую перспективу, и знойный воздухъ стоитъ въ нихъ недвижимо. Въ настоящихъ деревенскихъ кишлакахъ за дувалами по крайней мѣрѣ тѣнь деревьевъ, благоуханіе садовъ; но въ самой Бухарѣ ничего, кромѣ глины и глиняной пыли. Иногда только разнообразитъ это унылое однообразіе сплошныхъ глиняныхъ улицъ какая-нибудь деревянная ставенка, наивно исцарапанная безхитростнымъ узоромъ, или грубо-выточенныя деревянныя колонки крытой террасы. Впрочемъ, сами дувалы тоже не безъ украшеній: одни полосатые, другіе расчерчены клѣтками, третьи въ какихъ-нибудь завитушкахъ; но все это та же сѣрая глина, размокающая на дождѣ, растрескивающаяся на солнцѣ. Для крѣпости этихъ зыбкихъ стѣнъ онѣ кладутся не отвѣсно, а съуживаясь кверху, такъ, что основа стѣны много толще ея гребня; кромѣ того, стѣна обыкновенно подпирается круглыми столбами своего рода, тоже, конечно, изъ глины, и тоже снизу толще, чѣмъ вверху. Оттого же и глиняные дома бухарцевъ имѣютъ форму тупыхъ пирамидъ, напоминающихъ пилоны древнихъ египетскихъ храмовъ; ихъ стѣны по необходимости должны съуживаться по мѣрѣ подъема, чтобы не обвалиться при первомъ хорошемъ толчкѣ или первомъ зимнемъ ливнѣ.

Все это очень характерно и въ глазахъ художника даже живописно, особенно въ обстановкѣ нагруженныхъ верблюдовъ, скрипящихъ арбъ, азіатскихъ нарядовъ, азіатскихъ физіономій.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и порядочно надоѣдаетъ, когда цѣлые часы приходится путешествовать въ этомъ глиняномъ царствѣ.

Мечетямъ «Священной Бухары» числа нѣтъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, ихъ больше, чѣмъ сорокъ сороковъ, которыми гордится матушка-Москва. Но большинство этихъ мусульманскихъ моленъ также безхитростно-просты, какъ дома и улицы бухарской столицы. Нѣсколько деревянныхъ столбиковъ подпираютъ тѣнистый навѣсъ террасы, приподнятой надъ улицей, а въ глубинѣ этой террасы пара или двѣ стрѣльчатыхъ окошекъ съ каменными рѣзными переплетами да дверочка въ скромную полутемную молельню, увѣнчанную на рединѣ крыши маленькимъ полумѣсяцемъ. На наружномъ углу террасы обыкновенно ютится какой-нибудь сквозной минаретикъ наивной и характерной формы въ видѣ фонарика на ножкахъ, тоже словно слѣпленный и выпеченный изъ глинки, хотя, вѣроятно, онъ только смазанъ глиною по кирпичу. Передній фасадъ мечети, затѣненный галлерееею, такъ же какъ точеные столбики и потолокъ самой галлереи, часто бываютъ прекрасно расписаны наивно-яркими красками и типическими узорами азіатскаго вкуса. Около мечети всегда почти старыя огромныя деревья, и въ тѣни ихъ всегда какой-нибудь бассейнъ или маленькій прудокъ. Тамъ обыкновенно собирается весь праздный восточный людъ. Кто моется въ прудкѣ, кто наливаетъ водою высокіе узкогорлые кувшины, кто полощетъ бѣлье, а большая часть кейфуетъ въ тѣни шелковицъ и орѣховъ, въ ожиданіи призыва азанчи на молитву. На ступенькахъ каменной крутой лѣсенки, что поднимается на террасу мечети, и подъ навѣсомъ террасы, въ ея полутемной глубинѣ, тоже сидятъ молчаливые, суровые старики въ громоздкихъ чалмахъ, въ широкихъ, пестрыхъ халатахъ,— все должно быть, благочестивые хаджи и ученые улемы священнаго города.

Оттого такіе уголки въ высшей степени живописны и интересны для художника.

Чѣмъ дальше въ городъ, тѣмъ чаще приходится ѣхать длин-

ными крытыми улицами. Въ центрѣ города онѣ идутъ почти сплошь; это знаменитые бухарскіе базары. Базаровъ этихъ тутъ цѣлыя версты. Улица какъ всѣ улицы, только по сторонамъ безчисленное количество лавченокъ, кухонокъ, чайныхъ, мастерскихъ всякаго рода.

Если хотите, это тотъ же нашъ Гостиный рядъ, но только съ мостовою посрединѣ, съ непрерывно тянущимися по ней вереницами верблюдовъ,ословъ, арбъ, верхового и пѣшаго народа. Сверху, на огромной высотѣ, базары эти безцеремонно прикрыты разными слежками и хворостинами, по которымъ настланы дырявыя цыновки, кошмы и всякая подходящая всячина, способная защитить правовѣрныхъ отъ убійственнаго зноя туркестанскаго солнца.

Мы торопились захватить дóма нашего дипломатическаго агента П. М. Лессара, чтобы подъ его покровительствомъ хорошенько осмотрѣть Бухару, поэтому пока только мелькомъ взглянули на всю эту базарную суету. Во дворъ нашего дипломатическаго агентства пришлось въѣхать черезъ такой же узкій, глухой и слѣпой переулокъ, какихъ уже не мало пересчитали мы, проѣзжая эту безконечную Бухару.

На вымощенномъ просторномъ дворѣ, обнесенномъ крѣпкими стѣнами и зданіями, ходилъ на часахъ молодчина Уральскій казакъ съ саблею нáголо и съ видомъ настоящаго завоевателя. При агентѣ нашемъ весьма кстати состоитъ команда изъ 20 человѣкъ уральцевъ, безъ которой, я думаю, пребываніе въ этомъ городѣ мусульманскаго фанатизма было бы во всякомъ случаѣ очень рисковано. Домъ и дворъ агентства принадлежатъ эмиру, и отъ него же наряжается по восточному обычаю многочисленная прислуга для агента и его чиновниковъ,—цѣлая полсотня всякихъ конюховъ, поваровъ, слугъ и посыльныхъ. Своихъ собственныхъ владѣній Россія не имѣетъ въ Старой Бухарѣ, вѣроятно для того, чтобы не дразнить попусту мусульманъ и не подвергаться никакимъ сюрпризамъ; даже теперешнее дипломатическое агентство наше, какъ только будетъ отстроено для

него помѣщеніе, немедленно переберется въ русскій поселокъ, въ нарождающуюся «Новую Бухару», гдѣ желѣзнодорожное сообщеніе съ центрами русской силы въ Туркестанѣ и постоянный притокъ русскаго люда сдѣлаютъ его положеніе гораздо болѣе обезпеченнымъ и удобнымъ.

Было всего 8 часовъ утра, но дѣятельный агентъ нашъ уже былъ за работою и принялъ насъ очень радушно. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, игравшимъ такую видную роль въ нашихъ послѣднихъ движеніяхъ къ предѣламъ Афганистана, и такъ близко изучившимъ интересовавшій меня край. П. М. Лессаръ—человѣкъ еще молодой, того сухого и нервнаго типа, который, обыкновенно, проявляетъ много энергіи и рѣшительности. Онъ мнѣ напомнилъ нѣсколько генерала Баранова, героя *Весты*, теперешняго талантливаго губернатора Нижняго-Новгорода. Смѣлыя поѣздки Лессара по пустынямъ Мургаба и по горнымъ трущобамъ Гинду-Куша, къ сожалѣнію, сильно подорвали его здоровье. Я воображалъ, что онъ родомъ французъ, а онъ оказался черногорцемъ. Дѣдъ его одинъ изъ первыхъ поселился въ Одессѣ, а отецъ воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ; самъ П. М. по профессіи—инженеръ Путей Сообщенія; онъ строилъ Закаспійскую желѣзную дорогу до Кизиль-Арвата во время Скобелевскаго похода; когда Ахалъ-Текинскій оазисъ былъ присоединенъ къ Россіи, Лессаръ вызвался разслѣдовать мѣстность около Мерва. Мервъ тогда еще былъ независимымъ гнѣздомъ текинскихъ разбойниковъ, ненавидившихъ русскихъ. Безстрашный инженеръ нашъ явился чуть не въ одиночку на базары этого враждебнаго намъ города, въ сопровожденіи всего нѣсколькихъ казаковъ, разсчитывая единственно на потрясающее впечатлѣніе недавняго разгрома подъ Геокъ-Тепе, и своимъ смѣлымъ появленьемъ до того озадачилъ мервцевъ, что они безпрекословно исполнили всѣ его требованія. Онъ призвалъ къ себѣ, какъ власть имѣющій, двухъ вліятельныхъ хановъ, объявивъ имъ, что посланъ отъ русскаго начальства въ Бухару и безъ церемоніи приказалъ немедленно

доставить себѣ верблюдовъ и лошадей. Ханы безотговорочно прислали все, что имъ было приказано, а Лессаръ за все заплатилъ имъ. Потомъ, когда взятъ былъ Мервъ, Лессаръ, пользуясь такимъ же «психологическимъ моментомъ», имѣющимъ особенное значенье среди впечатлительныхъ восточныхъ народовъ, отправился къ Сарыкамъ и Салорамъ въ Пенде и далѣе, по теченьямъ Мургаба и Тенджена, проѣхалъ на Парапамизъ къ границамъ Авганистана, убѣдился, между прочимъ, что никакіе воображаемые хребты горъ не отдѣляютъ его отъ Туркменскихъ равнинъ, и благополучно возвратился домой. Нигдѣ никто не посмѣлъ его тронуть, хотя онъ все время странствовалъ среди независимыхъ разбойничьихъ племенъ. Но нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ безъ отдыха на сѣдлѣ, ночлеги подъ открытымъ небомъ, зной, холодъ и всякія лишенья и опасности которыя приходилось испытывать, жестоко разстроили здоровье предпріимчиваго путешественника; у него обнаружилось страданіе спинного мозга и параличъ ногъ; пришлось долго лѣчиться у Шарко въ Парижѣ и на разныхъ водахъ, но все-таки поправленное здоровье не возстановилось еще вполнѣ, такъ что и до сихъ поръ онъ слегка хромаетъ. Въ видѣ отдыха Лессара послали консуломъ въ Ливерпуль, а послѣ битвы при Кушкѣ призывали къ участію въ разграничительной коммиссіи въ Лондонѣ. Лессаръ писалъ довольно много объ англійскихъ дѣлахъ въ *Голосѣ*, *Новомъ Времени* и другихъ нашихъ журналахъ и не разъ выступалъ съ очень вѣскими опроверженіями противъ писаній разныхъ руссофобствующихъ политикановъ Англіи.

Кабинетъ П. М.—цѣлая интересная библіотека, спеціально посвященная Азіи. Тутъ собраны выдающіяся книги и художественныя изданія, англійскія, французскія, нѣмецкія, русскія, относящіяся до Закаспійскаго края, Туркестана, Авганистана и Индіи.

Нашему дипломатическому агенту въ Бухарѣ дѣла очень довольно. Всѣ проживающіе здѣсь иностранцы подчинены его суду. Эмиръ точно также обращается къ нему по всякому мало-

мальски серьезному дѣлу не только изъ области внѣшней политики, но и своего внутренняго управленія. Совѣты русскаго агента считаются за приказъ и исполняются безпрекословно. «Перваначи-баши», министръ иностранныхъ дѣлъ эмира, каждый день является къ нашему агенту за полученіемъ инструкцій. Заѣхавъ къ нему, нѣсколько часовъ спустя, позавтракать, мы едва не захватили въ его кабинетѣ этого халатника-дипломата. И со всѣмъ тѣмъ, по словамъ г. Лессара, между Россіей и Бухарой не существуетъ никакого писаннаго договора о подчиненіи ея Россіи. Общее убѣжденіе, господствующее въ Закаспійскомъ краѣ и даже между самими бухарцами, будто Бухара останется самостоятельною только до смерти нынѣшняго эмира, а послѣ смерти его будетъ присоединена къ Россіи какъ одна изъ ея губерній, оказалось тоже басней.

— У эмира есть наслѣдникъ, признанный Россіею, да и Россіи нѣтъ никакой выгоды брать на себя далеко не дешевую обузу управляться со здѣшнимъ фанатическимъ и безпокойнымъ населеніемъ!—объяснялъ намъ Лессаръ.—Вмѣшательство Россіи въ дѣла Бухары—это просто-напросто естественное послѣдствіе существующаго положенія вещей. Иначе нельзя—вотъ и вся причина; и ее всѣ сознаютъ, и мы, и бухарцы. И русскій поселокъ Новой Бухары, и русскія военныя колоніи въ Чарджуѣ и Керки—все это только одиночные, совершившіеся факты, не основанные ни на какихъ общихъ правахъ и договорахъ. Все это допущено, какъ частные случаи и дѣлалось какъ-то само собою по неотвратимому теченію событій.

Мы разговорились и объ отношеніяхъ нашихъ къ сосѣду—Авганистана.

— Гератъ, конечно, неизбѣжно будетъ нашъ, не нынче, завтра; остановиться нѣтъ никакой возможности, хотимъ мы, или не хотимъ,—разсуждалъ г. Лессаръ.—Вѣдь это одно воображеніе европейскихъ географовъ, будто Гератъ отдѣляется отъ нашихъ владѣній какими-то стѣнами горъ. Никакихъ тамъ горъ нѣтъ, могу васъ увѣрить, потому что я убѣдился въ этомъ своими глазами.

Роковая сила заставляетъ насъ стремиться впередъ, пока мы не встрѣтимъ такого же могучаго препятствія, какъ мы сами; русская государственная граница можетъ остановиться только на границѣ англійскихъ владѣній. Это законъ природы.

Я спросилъ П. М., правда ли, что Гуль-Джаннымъ Ханумъ (въ домъ которой мы заѣзжали по дорогѣ въ Старый Мервъ) и сыновья ея играли такую важную роль при сдачѣ намъ Мерва.

— Вовсе нѣтъ!—отвѣтилъ онъ.—И Юсупъ-ханша, и нашъ Алихановъ больше сами приписываютъ себѣ эту заслугу. Алихановъ увѣрялъ, что Мервцы ждутъ насъ съ хлѣбомъ-солью, а между тѣмъ, когда мы подошли къ Коушутъ-ханъ-кала́, добрыхъ десять тысячъ всадниковъ выѣхало оттуда и бросилось на нашъ отрядъ. Только послѣ нѣсколькихъ мѣткихъ выстрѣловъ нашей артиллеріи они разсѣялись и ушли въ пески. Далеко не одна Юсупова мать, а всѣ вообще благоразумные Мервцы и особенно ханы ихъ сознавали, что Мерву не удержать своей независимости, и что лучше покориться добромъ. Вотъ они-то и просили русскихъ прійти въ Мервъ съ войскомъ, чтобы дать имъ благовидный предлогъ покориться. Только они совершенно разумно просили насъ тогда забрать подъ свою власть и всѣхъ остальныхъ туркменъ, сарыковъ, салоровъ... «Иначе,—говорили они,— намъ, мервцамъ, нельзя прекратить аламановъ, которыми мы только и живемъ, а прекратить пора, сами видимъ!» Ну, ждать не долго пришлось, и теперь всѣ они наши, и сарыки, и салоры...— улыбнулся нашъ хозяинъ.

II.

Мечети и медрессе Бухары-ель-шерифъ.

Хотя въ Бухарѣ теперь полная безопасность для нашего брата-русскаго, но все-таки и почета ради, да и на всякій неровный часъ, русскихъ путешественниковъ, интересующихся базарами, дворцами и мечетями священнаго мусульманскаго города,

отдаютъ подъ охрану довольно важной туземной персоны, именуемой *караулъ-беги*. Этотъ караулъ-беги—сановитый чалмоносецъ, въ ярко-красномъ полосатомъ шелковомъ халатѣ, опоясанный, какъ всѣ мало-мальски видные чиновники эмира, богатымъ поясомъ изъ большихъ серебряныхъ бляхъ. Кромѣ него, съ нами джигитъ нашего дипломатическаго агента, онъ же и толмачъ, изъ казанскихъ татаръ. Съ этою оффиціальною свитой, гарцовавшею впереди, мы двинулись въ своемъ покойномъ фаэтонѣ, а мистеръ Крэнъ въ своей безпокойной чертопхайкѣ, обозрѣвать достопримѣчательности столицы правовѣрныхъ.

Узкія улицы и тѣнистые базары были биткомъ набиты двигавшимся, стоявшимъ и сидѣвшимъ народомъ. Цѣлые потоки ярко-пестрыхъ тюрбановъ и еще болѣе яркихъ и пестрыхъ халатовъ текли со всѣмъ сторонъ и во всѣ стороны. Ни въ какомъ самомъ многолюдномъ городѣ европейскомъ вы никогда не увидите такого непрерывнаго движенія и толкотни народныхъ массъ, какъ въ центрахъ пресловутой восточной лѣни и апатіи. Тутъ, можно сказать, вѣчный, никогда не расходящійся базаръ, конца не имѣющая ярмарочная сутолока и галдѣнье. Что́ они тутъ дѣлаютъ, куда и зачѣмъ идутъ, изъ-за чего спѣшатъ и толкаются, они и сами хорошо не знаютъ. Улица, базаръ, это ихъ жизнь; они тутъ живутъ, вотъ и все. Семьи, до̀ма—восточный человѣкъ не знаетъ. Онъ приходитъ домой только ночевать. На насъ съ непривычки эта ярмарочная толкотня подѣйствовала мало ободряющимъ образомъ. Экипажъ нашъ плылъ какъ въ волнахъ разлившейся рѣки сквозь тѣсныя толпы этихъ бородатыхъ враждебно смотрѣвшихъ на насъ мусульманскихъ рожъ, въ чуждыхъ для насъ нарядахъ, съ непонятнымъ для насъ говоромъ. Хотя оффиціальная багряница нашего караулъ-беги, его азартные крики и его безцеремонная, безъ разбора гулявшая по встрѣчавшимся скотамъ и людямъ нагайка заставляла пугливо раздвигаться прохожихъ и проѣзжихъ и еще издали сворачивать куда попало громоздкія арбы, ословъ и верблюдовъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ кругомъ чувствовалась какая-то раздраженная и недовольная

атмосфера. Сотни сердитыхъ глазъ съ неодобрительною суровостью слѣдили за нашимъ торжественнымъ шествіемъ и, казалось, можно было руками схватить эти отовсюду вонзающіеся въ насъ злые лучи. А нашъ караулъ-беги въ своемъ чиновномъ пурпурѣ и нашъ, не въ мѣру усердствовавшій, толмачъ какъ нарочно еще болѣе разжигали это безмолвно бродившее негодованіе фанатической толпы, несясь какъ на пожаръ сквозь узкія улицы, залитыя народомъ, и поневолѣ заставляя спѣшить за собою и безъ того уже достаточно шикарившаго своею русскою ѣздой нашего казака-возницу.

— Ишь касаурятся, какъ волки!—со смѣхомъ говорилъ онъ намъ, фамильярно обертываясь назадъ всѣмъ своимъ корпусомъ, и не обращая никакого вниманія на то, что бѣжавшія крупною рысью лошади его могли на каждомъ шагу задавить среди тѣсноты какого-нибудь старика или ребенка.—Теперь ихъ молодчиковъ окоротили, скрячили имъ губы, а года три назадъ, бывало, тутъ у нихъ показаться было русскому нельзя, заплюютъ совсѣмъ на улицѣ, какъ собаки лаяться учнутъ; говорить по нашему не умѣютъ, а ругаться по нашему—за мое почтеніе! Такъ, бывало, изругаютъ тебя, каторжные, что и дѣться некуда! Каменьями въ тебя швыряютъ, чѣмъ попало, ей Богу!.. сколько разъ самому доставалось. Это ужъ консулъ вступился, дай Богъ ему здоровья, приказалъ эмиру, чтобы безпремѣнно ихъ передрать, какіе изъ нихъ самые клятые... Стали ихъ наказывать строго, ну перестали, бросили... Теперь ѣдешь себѣ,—горя мало! Никто слова обиднаго не пикнетъ!..

Самая большая знаменитость Бухары—это ея прославленныя медрессе, духовныя академіи своего рода. Къ нимъ, разумѣется, и повезли насъ прежде всего.

«Кошъ-Медрессе»—значитъ «парныя училища». Они дѣйствительно стоятъ парой другъ противъ друга черезъ улицу. Постройку одной приписываютъ Тимуру, другую—его матери. Въ Туркестанѣ впрочемъ всѣ замѣчательныя древнія постройки на-

родная вѣра приписываетъ непремѣнно Тимуру, даже вопреки сохранившимся историческимъ свѣдѣніямъ, точно такъ, какъ на Кавказѣ все невѣдомое и великое приписывается царицѣ Тамарѣ, въ Палестинѣ—царицѣ Еленѣ.

Достаточно хорошо познакомиться съ однимъ знаменитымъ медрессе, съ одною изъ большихъ мечетей Бухары, чтобъ имѣть полное понятіе о всѣхъ остальныхъ. Послѣ я убѣдился, что и въ Самаркандѣ, и въ Ташкентѣ, и въ Коканѣ,—въ сущности все тѣ же медрессе, все тѣ же мечети, что и въ Бухарѣ, однообразіе ихъ устройства поразительное. Разница только въ богатствѣ украшеній, въ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Бухарскія мечети и медрессе имѣютъ интересъ для туриста и художника только пока онъ не посѣтилъ Самарканда. Послѣ грандіозныхъ сооруженій, окружающихъ Самаркандскій Ригистанъ, ничто во всемъ Туркестанѣ не поразитъ вашу фантазію. Не говорю уже о Ташкентѣ и городахъ Ферганской области; тамъ вы не встрѣтите ничего даже близко подходящаго по богатству, размѣрамъ и художественной идеѣ къ великимъ медрессе и мечетямъ Самарканда.

Мечети и медрессе Бухары близко напоминаютъ ихъ, но все-таки не такъ художественны и не такъ колоссальны, какъ они. На насъ однако они произвели сильное впечатлѣніе. Хотя мы уже были нѣсколько подготовлены къ характеру этой архитектуры развалинами Стараго Мерва, но только здѣсь въ Бухарѣ увидѣли мы въ первый разъ во всей ихъ красотѣ и величіи типическія созданія этого оригинальнаго восточнаго зодчества...

Зодчество это—вѣрнѣе всего можно назвать персидскимъ. Хотя въ основѣ его несомнѣнно лежитъ что-то арабское, но зачатокъ этотъ въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ у Персовъ развился такъ своеобразно и усвоилъ себѣ такія новыя формы, что заимствованная у арабовъ основная идея потонула почти безслѣдно въ его оригинальныхъ чертахъ.

Только этою оригинальностью и можно объяснить себѣ, почему бухарскія и самаркандскія мечети показались намъ чѣмъ-то

совсѣмъ новымъ, чѣмъ-то никогда невиданнымъ, даже послѣ недавняго знакомства нашего съ мечетями Стамбула, Каира и проч.

Я не случайно смѣшиваю здѣсь медрессе съ мечетями. По наружному виду между ними нѣтъ никакой разницы. Медрессе—это тоже мечеть, такая же роскошная, такая же громадная, только окруженная не галлереями для молитвы, а жилищами софтъ,—студентовъ этой мусульманской духовной академіи. Поэтому все, что́ я говорю объ архитектурномъ стилѣ знаменитыхъ бухарскихъ и самаркандскихъ мечетей, одинаково относится и къ ихъ столь же знаменитымъ медрессе.

Въ нихъ прежде всего поражаетъ колоссальность портала; весь передній фасъ мечети — это одинъ ея порталъ, одинъ торжественный входъ въ нее. Стѣна огромной высоты поднимается какъ-то сразу подавляющимъ колоссомъ изъ окружающей ее тѣсноты низенькихъ глиняныхъ домиковъ, охраняемая съ двухъ сторонъ еще выше уходящими къ небу башнями минаретовъ. Эти стройныя граненыя башни, причудливо увитыя строками Корана, глядятъ грозными стражами, охраняющими таинственный входъ въ святилище. Гигантская арка остро-верхаго мавританскаго типа занимаетъ всю высоту и всю ширину гигантской стѣны. Это поистинѣ ворота, достойныя жилища Бога.

Исполинская стѣна со́ своимъ исполинскимъ альковомъ и минареты великаны кажутся вылитыми изъ сверкающаго фаянса. Подавляющая мощь тяжелой каменной постройки кажется отъ этого легкою, чуть не сквозною. Съ пяты и до макушки стѣна и ея башни одѣты какъ въ драгоцѣнныя праздничныя ризы въ сплошную одежду изъ голубыхъ и зеленыхъ изразцевъ. Ничто не можетъ сравниться съ веселой игрой на лучахъ солнца этихъ никогда не тускнѣющихъ стеклянныхъ красокъ, съ капризно-граціозною затѣйливостію этихъ сине-зеленыхъ узоровъ. Вездѣ, гдѣ бы ни поставить эти дивные фаянсовые храмы, они оставались бы прекрасными и оригинальными, несмотря ни на какое сосѣдство. Но въ Бухарѣ, въ Самаркандѣ, гдѣ они воз-

дымаются, какъ гигантскіе маяки изъ цѣлаго моря сѣрыхъ глиняныхъ мазанокъ, гдѣ у подножія ихъ всегда копошится, такъ подходящая къ нимъ, такъ родственная имъ по своей пестротѣ и яркости, по своей восточной оригинальности, толпа разноцвѣтныхъ тюрбановъ и разноцвѣтныхъ халатовъ, гдѣ наконецъ эти сверкающія стѣны голубой лазури охвачены вѣчно голубымъ и вѣчно сверкающимъ огнями южнаго солнца — нерукотворнымъ куполомъ настоящаго Божьяго храма,—тамъ они производятъ на непривычнаго къ нимъ человѣка подавляющее впечатлѣніе.

Вы входите въ мечеть черезъ одну изъ дверей громаднаго алькова. Васъ охватываетъ таинственная полутьма запутанныхъ переходовъ и галлереекъ, раздѣленныхъ узорчатыми колонками, окруженныхъ характерными нишами и окошечками, осѣненныхъ сверху изящными лѣпными купольчиками и сводиками самаго разнообразнаго типа... Вы проходите сквозь нихъ на середину обширнаго пустаго двора и тамъ въ изумленіи оглядываетесь кругомъ себя. Тутъ опять тѣ же чудеса: и сзади, и спереди, а въ иныхъ мечетяхъ еще и съ обѣихъ сторонъ, высоко поднимаются въ новомъ разнообразіи узоровъ, красокъ, и архитектурныхъ линій, такія же исполинскія стѣны голубаго и зеленаго фаянса, такія же смѣлыя арки, такіе же изъ фарфора выточенные граненные и круглые минареты... Вся эта огромная площадь облицована какъ бронею сверкающими изразцами.

Между роскошными высокими фронтонами мечетей, какъ бы оберегающихъ со всѣхъ сторонъ святость этого благочестиваго пріюта, тянутся въ два этажа уже гораздо болѣе низкіе корпуса съ кельями софтъ. Это цѣлый рядъ альковов и арочекъ живописной формы, такъ что пустынный дворъ кажется обнесеннымъ со всѣхъ сторонъ галлерею своего рода. Въ альковахъ оригинальныя окошечки съ каменными узорными рѣшотками и уютные внутренніе балкончики, на которыхъ мирно разсиживаютъ, поджавъ подъ себя ноги, многоученые бухарскіе софты. Крутыя и узкія каменныя лѣсенки ведутъ сквозь темныя две-

рочки въ ихъ кельи верхняго яруса. Мы поднимались во многія изъ нихъ, чтобы поглядѣть на житье-бытье мусульманскихъ студентовъ. Вездѣ чистота и порядокъ. Вездѣ монашеская тишина, монашеское трудолюбіе. Комнатки маленькія, тѣнистыя и прохладныя, опрятно устланныя ковриками и войлочками; низенькія, деревянныя тахты, не выше четверти отъ полу, покрыты тюфяками и подушками. На полочкахъ книги, коекакая скромная посуда и сложенная праздничная одежда.

Софты живутъ по одному и по два въ кельѣ; у каждой кельи внизу крошечная кухонька, гдѣ они сами готовятъ себѣ безхитростную пищу, которою такъ не избалованъ азіатскій мусульманинъ. Къ удивленію нашему, въ числѣ студентовъ, обитателей ученаго скита, мы не встрѣтили ни одного длиннобородаго и даже сѣдобородаго мужа. Медрессе вообще учрежденія благотворительныя. Они существуютъ на счетъ вакуфовъ, то-есть имѣній разнаго рода, земель, домовъ, лавокъ, караванъ-сараевъ, денежныхъ капиталовъ, которые жертвованы въ разное время благочестивыми мусульманами на высоко-цѣнимое въ мусульманствѣ богоугодное дѣло обученія. Подъ обученіемъ разумѣется у нихъ и всегда разумѣлось исключительно изученіе мусульманскаго богословія. Каждое медрессе содержитъ на свой счетъ столько софтъ, сколько у него есть на это вакуфовъ.

Въ Кошъ-Медрессе, напримѣръ, въ первомъ 160 софтъ, во второмъ только 62. Въ большомъ медрессе около дворца эмира, который мы тоже посѣтили—110 софтъ и т. п.

Профессоръ, или мудерисъ, получаетъ вознагражденіе отъ самихъ учащихся. Но профессоровъ этихъ очень немного. Въ самыхъ большихъ и богатыхъ медрессе не больше двухъ, а чаще все по одному. Мы подробно осмотрѣли оба «парныхъ медрессе» и потолковали при помощи своего толмача-татарина съ сѣдовласымъ мудерисомъ, охотно показывавшимъ намъ свою паству, въ разсчетѣ на привычный уже «пешкешъ». Онъ совѣтовалъ намъ въ концѣ концовъ подняться на плоскую кровлю мечети; она представляетъ собою сплошную круговую галлерею, по которой

можно гулять сколько душѣ угодно, и съ которой удобно любоваться во всѣ стороны живописною панорамой Бухары, изучая расположеніе ея зданій и мѣстностей. Это удовольствіе стоитъ того, чтобы ради него полазать немного, не разгибая спины, по узенькимъ крутымъ ступенькамъ, довольно живо напоминающимъ собою тѣсныя лѣсенки нашихъ колоколенъ.

Въ Бухарѣ нѣтъ зданій особенной древности, уцѣлѣвшихъ отъ ранняго періода ея исторіи. Чингисъ-ханъ, въ безпощадной войнѣ съ Магометомъ, могущественнымъ турецкимъ султаномъ Ховарезма, которому тогда принадлежала и Великая Бухарія, обратилъ въ пепелъ знаменитый центръ магометанскаго ученія. Онъ въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть Бухары и, увидѣвъ книгу Корана, съ презрѣніемъ бросилъ ее на землю.

Теперешніе благочестивые мусульманскіе эмиры Бухары, потомки монгольскаго завоевателя, съ ужасомъ должны вспоминать о такомъ нечестивомъ поступкѣ своего языческаго родоначальника, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ нарочно, уважалъ и покровительствовалъ христіанамъ.

Отъ Кошъ-Медрессе мы двинулись прежнею торжественною процессіею, по-прежнему безцеремонно давя и разгоняя глазѣющія на насъ толпы халатниковъ и чалмоносцевъ, опять черезъ базары и переулочки, къ главному центру Бухары, Ригистану.

Ригистанъ — это довольно тѣсная площадь предъ дворцомъ эмира — Аркомъ. Зовется она также и Сеиджестанъ. Съ одной стороны почти отвѣсная скала, страннымъ образомъ воздымающаяся среди ровной площади, и на этой скалѣ цѣлая укрѣпленная цитадель, именуемая дворцомъ эмира; съ трехъ другихъ сторонъ—фасады огромныхъ мечетей и башни минаретовъ.

Тарпейская скала, что служитъ подножіемъ замку бухарскаго владыки, называется Нумишкендъ. Очень можетъ быть, что въ этомъ имени, — какъ догадывается одинъ изъ нашихъ старыхъ путешественниковъ,—уцѣлѣло воспоминаніе о древнемъ городѣ, когда-то бывшемъ на мѣстѣ Бухары и послужившемъ ей основаніемъ. Окончаніе «кендъ» — одно изъ самыхъ распространен-

ныхъ въ Центральной Азіи для обозначенія городовъ, и особенно старинныхъ. Ташъ-кэндъ, Яр-кендъ, Самаръ-кэндъ служатъ этому примѣрами, во главѣ множества другихъ, менѣе извѣстныхъ.

Бухара упоминается восточными писателями только начиная съ X вѣка по Р. Хр.; ранѣе ея столицей Мавареннагара (прежней Транс-оксаны) былъ городъ Бикендъ, развалины котораго и теперь еще показываютъ около Кара-Куля, верстахъ въ 30 отъ Бухары. Очень можетъ быть, что и Нумиш-кендъ былъ сосѣдомъ и современникомъ этого также исчезнувшаго съ лица земли Бикенда.

Скала во многихъ мѣстахъ выровнена и подперта каменною кладкой. Стѣны вѣнчающей ее крѣпости чуть ли не изъ сырцеваго кирпича, какъ всѣ почти здѣшнія твердыни. Однако онѣ настолько высоки и глухи, что изъ-за нихъ не видно снизу спрятанныхъ внутри дворцовыхъ построекъ. Скала поднимается вверхъ покатымъ конусомъ и въѣздъ въ нее, защищенный двумя каменными башнями, запертъ массивными желѣзными воротами; надъ воротами большіе круглые часы, о которыхъ упоминаетъ еще Вамбери въ своемъ извѣстномъ путешествіи по Центральной Азіи, а у воротъ вооруженная стража. Рѣдко кому дозволяется высокая честь въѣхать верхомъ въ ворота Арка. Даже крупные сановники останавливаются предъ воротами, слѣзаютъ съ коней и шествуютъ пѣшкомъ въ гору къ жилищу Бадаулета (одинъ изъ титуловъ эмира).

Русскіе могутъ довольно легко добиться аудіенціи у эмира черезъ нашего дипломатическаго агента; до послѣдняго времени это было стѣснительно потому, что эмиръ считалъ своею обязанностью одарять всякаго посѣтителя одеждами, коврами, сѣдлами и т. п. подарками. Но благодаря настояніямъ г. Лессара, этотъ азіатскій обычай теперь прекратился, и эмиръ посылаетъ дары только такимъ высоко оффиціальнымъ лицамъ, какъ генералъ-губернаторъ, и ему подобнымъ, имѣющимъ право отдаривать его взаимно. Простые же смертные удостоиваются только

чести посмотрѣть на него, покушать у него пилаву, или выпить чашку чаю.

Къ сожалѣнію, эмира не было въ городѣ, и мы были лишены счастья лицезрѣть его и его обстановку.

Внѣшній видъ Арка гораздо болѣе напомнилъ мнѣ плохо содержимый тюремный замокъ, чѣмъ дворецъ роскошнаго повелителя правовѣрныхъ. Да и онъ въ буквальномъ смыслѣ часто служилъ темницей, и многіе не разъ выходили изъ него только затѣмъ, чтобы быть сейчасъ же зарѣзану на камняхъ Ригистана, какъ барану на бойнѣ...

На старыхъ воротныхъ башняхъ этого мрачнаго вертепа кровожадныхъ деспотовъ, словно въ насмѣшку надъ ними, бѣлые длинноногіе аисты свили свои мирныя гнѣзда и торчатъ тамъ цѣлыми часами на одной ногѣ, среди черныхъ копенъ хворосту, воткнувъ въ пушистую грудь красивые носы свои, погруженные въ благочестивое самосозерцаніе, будто индусскіе факиры.

И куда здѣсь ни оглянись, на каждомъ минаретѣ, на каждомъ куполѣ большихъ медрессе и мечетей, — гнѣздятся эти удивительныя бѣлыя птицы,—«лягъ-лягъ», какъ ихъ называютъ туземцы. Ихъ неподвижныя изваянія вырѣзаются высоко на синемъ фонѣ неба, словно какіе-то живые гербы, неизбѣжно вѣнчающіе каждое ея публичное зданіе...

Это неподходящее сочетаніе эмблемы мира и домовитости съ варварскими нравами и обычаями Бухары не мало озадачиваетъ съ перваго раза путешественника. Но въ характерѣ восточнаго человѣка часто встрѣчаешь такую непереваримую противоположность вкусовъ, что благоговѣйное почитаніе безполезной птицы безъ труда можетъ вязаться въ немъ съ самою жестокосердою безчувственностью относительно своего брата-человѣка. Недаромъ любимый герой и высочайшій идеалъ царя, въ глазахъ народовъ Центральной Азіи,—Тимуръ-Ленгъ, — умѣлъ въ одно и то же время и безъ жалости проливать рѣки неповинной крови и наслаждаться трогательными нравоучительными бесѣдами своихъ благочестивыхъ имамовъ.

Аистъ считается въ Бухарѣ священною птицей, и никто, подъ страхомъ казни, не смѣетъ поднять на нее руку. Аисты безпрепятственно опустошаютъ плантаціи риса и проса Бухарцевъ, важно гуляя по нимъ, какъ мы потомъ не разъ видѣли, будто по собственному своему птичнику. Они такъ привыкли къ безопасности и къ почету, вездѣ ихъ окружающему, что безъ малѣйшаго стѣсненія маршируютъ на своихъ долговязыхъ ходуляхъ вслѣдъ за сѣющимъ пахаремъ, выклевывая зерна чуть не изъ его рукъ... Они, должно-быть, искренно увѣрены, что всѣ эти заботливые посѣвы, и всѣ эти тяжкія работы производятся раболѣпнымъ человѣчествомъ исключительно для нихъ, для аистовъ.

Хивинцы, ближайшіе сосѣди Бухары—привыкли наслаждаться въ своемъ городѣ множествомъ прекрасныхъ соловьевъ, мало знакомыхъ бухарцамъ,—и совсѣмъ не имѣя у себя аистовъ, говорятъ въ насмѣшку: «Ваши соловьиныя пѣсни—это стукъ клюва аиста по крышѣ вашихъ домовъ».

Около дворца бухарскаго повелителя впрочемъ не однѣ эмблемы любви и мира, не одни аисты, терзающіе свою собственную грудь ради птенцовъ своихъ, не одни храмы молитвы и богословскаго изученія.

Цѣлый арсеналъ пушекъ пріютился въ неказистыхъ низенькихъ сараяхъ какъ разъ противъ зàмка. Это очень кстати, потому что исторія всѣхъ этихъ бухарскихъ, хивинскихъ, коканскихъ и иныхъ прочихъ здѣшнихъ хановъ весьма краснорѣчиво убѣждаетъ, что крѣпкія ворота, высокія стѣны, да и мѣтко наведенныя пушки и ружья—составляютъ для этихъ владыкъ-грабителей, владыкъ-злодѣевъ, гораздо болѣе вѣрное средство править возлюбленнымъ народомъ своимъ и выжимать изъ него все, что можно выжать, чѣмъ нѣсколько сомнительная привязанность къ нимъ этого народа.

Почти всѣ эти эмиры и ханы кончаютъ ножомъ, ядомъ или веревкой. Имѣть братьевъ, часто даже имѣть сыновей, — для этихъ хановъ все равно, что имѣть столько же смертельныхъ

враговъ, столько непримиримыхъ заговорщиковъ, съ жадною завистливостью смотрящихъ на занятый ими тронъ и прибѣгающихъ ко всѣмъ средствамъ, чтобъ онъ поскорѣе освободился для нихъ...

Пушки бухарскаго эмира—всѣ мѣдныя и всѣ очень старой, давно-заброшенной конструкціи. Тутъ есть и русскія, и англійскія, и туземнаго грубаго литья, но особенно много коканскихъ, отбитыхъ въ побѣдоносную войну покойнымъ эмиромъ Мозаффаръ-Эддиномъ; коканскія всѣ отличаются красотой и изяществомъ своихъ мѣдныхъ украшеній.

Для войнъ съ туркменами, авганцами, хивинцами—эта допотопная артиллерія бухарскаго эмира еще достаточно грозна; у насъ же она была бы вся цѣликомъ сдана въ археологическіе склады Оружейной Палаты.

Караулъ-беги въ красномъ халатѣ и смотрители арсенала, насъ встрѣтившіе, были, повидимому, другого мнѣнія о военныхъ сокровищахъ своего повелителя; они съ нескрываемою гордостью показывали намъ каждое изъ этихъ смертоносныхъ орудій, разсказывая подробно его біографію, и нимало не сомнѣваясь, что мы должны быть подавлены впечатлѣніями военнаго могущества ихъ Бадаулета.

Ригистанъ былъ до того биткомъ набитъ народомъ, верблюдами, лошадьми, ослами, до того заваленъ товарами, что нужно было буквально пробиваться сквозь живыя стѣны, чтобы добраться какъ-нибудь отъ коляски до мечети. А между тѣмъ, несмотря на эту давку, торговцы довѣрчиво разложили прямо на землѣ мѣшки съ орѣхами и разнымъ зерномъ, съ хлопчатою бумагой, выбивавшейся ваточными клочьями изъ своихъ лопнувшихъ шишекъ.

Медрессе и великая мечеть «Меджидіе-Каланъ» смотрятъ своими голубыми фаянсовыми фасадами прямо другъ на друга. Медрессе въ сторонѣ Арка,—мечеть напротивъ. Это тѣ же четырехъугольные порталы съ громаднымъ альковомъ, тѣ же вы-

сокіе граненые минареты, словно выточенные изъ узорчатаго фарфора. Сначала мы посѣтили Медрессе, Кизиль-Арсланъ, поднявшись въ него словно по Красному Крыльцу по высочайшей и широчайшей лѣстницѣ прямо съ площади. Несмотря на свои 112 комнатъ для софтъ, оно не представило для насъ ровно ничего новаго послѣ подробнаго осмотра нами Кошъ-Медрессе; потомъ мы отправились въ мечеть Меджидіе-Каланъ; эта мечеть, построенная Абдулла-ханомъ-Шейбани, самая большая и самая главная мечеть Бухары. Обширный дворъ ея охваченъ со всѣхъ сторонъ сплошною галлереей колоннъ и сводовъ, идущихъ въ нѣсколько рядовъ и искусно разукрашенныхъ внутри всевозможными лѣпными работами и каменною рѣзьбой; снаружи галлерея эта, какъ и всѣ зданія мечети, одѣта въ обычную одежду расписныхъ голубыхъ изразцевъ. Галлереи эти назначены для молящихся и могутъ вмѣстить ихъ многія тысячи. Весь этотъ дворъ—одна громадная молельня. Посрединѣ его неизбѣжный колодезь для омовенья правовѣрныхъ, въ кіоскѣ, окруженномъ нишами, гдѣ каждый можетъ съ спокойствіемъ и удобствомъ предаваться священному намазу, въ защитѣ отъ солнечнаго зноя и отъ праздныхъ взоровъ.

Въ глубинѣ двора центральная святыня его: мечеть съ характернымъ фаянсовымъ фасадомъ, сверкающимъ голубыми и зелеными арабесками, осѣненная будто царственною короною такимъ же сверкающимъ голубымъ куполомъ. Прежде и величественная внутренность этой знаменитой мечети была сплошь выложена полированными пестрыми изразцами, но теперь они уцѣлѣли только кое-гдѣ среди обидно оголенныхъ стѣнъ, замазанныхъ бѣлою известью, испачканныхъ голубинымъ пометомъ. Стаи голубей овладѣли этою мусульманскою святыней, безпрепятственно влетая и вылетая изъ нея черезъ разбитыя стекла изящныхъ гипсовыхъ оконъ, и дѣятельно устилая своимъ гуано полъ мечети, вмѣсто нѣкогда покрывавшихъ его дорогихъ ковровъ. Послѣ каирскихъ и стамбульскихъ мечетей съ ихъ богатѣйшею и утонченною внутреннею отдѣлкой, эта каѳедральная

мечеть Бухары казалась непристойнымъ сараемъ. Въ ней нѣтъ ни люстръ, ни колоссальныхъ подсвѣчниковъ, ни ковровъ, ни рѣзной каѳедры, ни крытыхъ помѣщеній для софтъ, ни корановъ на богато украшенныхъ скамеечкахъ, ни даже обычнаго страусоваго яйца передъ киблою. Только одна кибла, расписанная въ персидскомъ вкусѣ затѣйливымъ золотымъ узоромъ по темно-зеленому и темно-синему фону, да по ея сторонамъ двѣ таблицы голубой глазури съ стихами изъ Корана,—сколько-нибудь говорятъ вамъ, что вы не въ свиномъ хлѣвѣ, а въ мусульманской мечети.

Между Меджидіе-Каланъ и большимъ медрессе Кизиль-Арслана возвышается, немного въ сторонѣ отъ нихъ, самый древній, самый высокій и самый красивый изъ минаретовъ Бухары—минаретъ Мирхарабъ. Онъ одинъ только безъ голубыхъ изразцевъ на этой площади, задавленной сверкающими фарфоровыми стѣнами, пестрѣющей разноцвѣтными арабесками.

Минаретъ Мирхарабъ прозаическаго глинистаго цвѣта, но зато необыкновенно строенъ и легокъ и украшенъ чрезвычайно изящною рѣзьбой. Постройку его приписываютъ кто Тимуру, кто Кизиль-Арслану.

Бухарцы увѣряютъ, что вершина его приходится какъ разъ въ уровень съ почвою Самарканда. Вершина эта, какъ вершины всѣхъ вообще бухарскихъ минаретовъ, какъ купола всѣхъ ея мечетей, и крыши всѣхъ ея башенъ, увѣнчана огромнымъ растрепаннымъ гнѣздомъ аиста, парящаго съ этой высоты надъ всею столицей Узбековъ. Башня Мирхарабъ на-дняхъ еще имѣла грозное значеніе. Она не даромъ стоитъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ мрачною тюрьмой Арка. Многіе вѣка сряду она служила тюремщику-владыкѣ надежнымъ палачемъ его жертвъ. Осужденныхъ на казнь взводили обыкновенно на верхній ярусъ башни и низвергали оттуда внизъ на камни мостовой. Вообще по этимъ камнямъ нельзя ходить безъ содроганья и омерзѣнья. Весь Ригистанъ—одно сплошное лобное мѣсто, одинъ громадный эшафотъ. На немъ постоянно стояли висѣлицы съ повѣшан-

ными и желѣзные колья съ натыканными на нихъ головами. А во дни войнъ Бухары съ киргизами, туркменами или коканцами тутъ же воздымались, какъ груды дешевыхъ арбузовъ, огромныя кучи гніющихъ череповъ,—самые радостные для бухарца трофеи побѣды. Народъ такъ привыкъ къ ежедневному зрѣлищу убійства и казней, къ запаху гніющихъ труповъ, къ потокамъ человѣческой крови, что равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти давно знакомыя сцены и продолжалъ себѣ торговать, пить, ѣсть и весело болтать съ пріятелями, рядомъ съ какимъ-нибудь издыхающимъ оборванцемъ или обезглавленнымъ трупомъ.

Агентъ нашъ увѣрялъ меня, что, вслѣдствіе требованія русскихъ властей, теперь прекращено и сбрасыванье несчастныхъ съ высоты башни, и возмутительная выставка головъ, и чуть ли не самая смертная казнь. Но говорятъ, втихомолку отъ русскихъ, не такъ гласно и явно какъ прежде, до сихъ поръ продолжается въ Бухарѣ старая разлюбезная ей практика ножа и кола.

Насъ ждалъ завтракъ у г. Лессара, и нужно было отправляться назадъ въ русское агентство. Тамъ мы провели часа два въ оживленной бесѣдѣ, въ обществѣ вполнѣ образованныхъ людей, основательно подготовленныхъ къ своей не легкой задачѣ— оберегать русскіе интересы въ этомъ враждебномъ намъ полуварварскомъ мірѣ.

Г. Лессаръ—холостякъ, но главный помощникъ его—величаемый, кажется, драгоманомъ агентства, — живетъ въ томъ же помѣщеньи своею домовитою маленькой семьей, и его милыя дамы играютъ роль заботливыхъ хозяекъ для всей крошечной колоніи «Священной Бухары».

Г. Клемъ—прекрасный и разносторонній лингвистъ и серіозно относится къ изученію всѣхъ мѣстныхъ особенностей края, что дѣлаетъ его вдвойнѣ полезнымъ на его теперешнемъ посту.

Когда мы сидѣли еще за столомъ съ стаканами вкуснаго мѣстнаго вина въ рукахъ, вдругъ произошелъ переполохъ между

нашими дамами. Оказалось, что съ потолка упалъ какъ разъ между ихъ приборовъ маленькій скорпіонъ. Преступника, конечно, сейчасъ же заарестовали и увлекли на казнь, а я, какъ туристъ, былъ очень доволенъ, что увидѣлъ наконецъ въ первый разъ туркестанскаго скорпіона, и что присутствовалъ на завтракѣ съ такимъ несомнѣнно туземнымъ колоритомъ.

Скорпіоны оттого держатся въ этомъ домѣ, что онъ устроенъ совершенно по-бухарски. Несмотря на сравнительное приличіе и величину его, потолки его по мѣстному обычаю сдѣланы изъ тонкихъ палочекъ, положенныхъ тѣсными рядами между балокъ и только раскрашенныхъ для вида пестрыми красками; между этими палочками не трудно гнѣздиться какой угодно гадинѣ.

III.

Базары и ихъ публика.

Мы поѣздили-таки, не жалѣя ни лошадей ни себя, по базарамъ и улицамъ «Благородной Бухары»—«Бухары-ель-Шерифъ». Она безконечна какъ Москва, но и однообразна же до безконечности! Кажется, цѣлые десятки верстъ проѣзжаешь ея глиняными дувалами, мимо ея слѣпыхъ домовъ. Если бы не какой-нибудь десятокъ большихъ мечетей, роскошно отдѣланныхъ изразцами, да не Ригистанъ съ его дворцомъ-тюрьмой, Бухара была бы простая громадная деревня,—и ничего больше. Правда, у нея есть ея знаменитые крытые базары тоже, можетъ-быть, въ добрый десятокъ верстъ длины, если вытянуть въ одну непрерывную линію всѣ ихъ безчисленные закоулочки. Можно сказать даже больше, что вся Бухара есть одинъ сплошной базаръ; но въ какомъ же порядочномъ кишлакѣ бухарскаго ханства или нашей Туркестанской области нѣтъ крытыхъ базаровъ? Базары Бухары только значительно длиннѣе, значительно просторнѣе и значительно богаче товарами деревенскихъ, но суть ихъ все одна и та же; всѣ они на одинъ образецъ: крытая чортъ

знаетъ чѣмъ и чортъ знаетъ чѣмъ затянутая сверху улица, съ крошечными лавочками по обѣимъ сторонамъ. Сверху всякія палки, тряпки, оборванныя рогожи, сбоку—тысячи темныхъ конурокъ, которыхъ весь товаръ умѣстится въ одномъ порядочномъ шкафѣ, и гдѣ, словно въ кіотѣ, неподвижно возсѣдаетъ, поджавъ подъ грузное брюшко свои лѣнивыя ножки, какой-нибудь разжирѣвшій таджикъ въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ. Онъ сидитъ цѣлые мѣсяцы надъ своимъ товаромъ въ три гроша цѣной и ни за что не отдастъ его иначе, какъ съ крупнымъ барышомъ, отчего ему въ теченіе цѣлыхъ годовъ не приходится обернуть своего капитала, въ то время, какъ европейскій торговецъ, не гоняющійся за слишкомъ большимъ процентомъ, успѣваетъ нѣсколько разъ въ теченіе одного года обернуть затраченныя на товаръ деньги и въ результатѣ получить съ нихъ гораздо большій доходъ. Но восточный человѣкъ не спѣшитъ нажиться и вообще не любитъ спѣшить. Ему его товаръ нуженъ для того, чтобы прилично и полезно проводить время, имѣть, такъ-сказать, положеніе въ мѣстномъ обществѣ, играя почетную роль купца и важно разсиживая въ своей лавочкѣ. А черезъ годъ или черезъ два раскупятъ у него товаръ его,—какая ему до этого нужда! Его потребности и вкусы такъ скромны, что ему всегда хватаетъ, и даже отъ всего остается излишекъ, который онъ иногда не знаетъ куда дѣвать. Мнѣ кажется, что еслибъ какой-нибудь злой насмѣшникъ предложилъ бухарскому купцу продать ему сразу по выгодной цѣнѣ весь товаръ его лавочки, бухарецъ серьезно обидѣлся бы и ни за что не рѣшился бы разстаться съ этою утѣшающею его забавой; такъ ему дорогъ самый процессъ поджиданія покупателей, раскладываніе и складываніе тюковъ, торговли до пота, болтовни и веселой сутолки базара. Взять его оттуда,—это все равно, что вынуть рыбу изъ воды.

Бухарскіе базары раздѣлены и по сорту товаровъ и по національностямъ купцовъ. Въ одномъ мѣстѣ нескончаемые ряды лавчонокъ съ шелковымъ товаромъ, въ другомъ съ бумажнымъ,

въ третьемъ съ мѣдью или серебромъ; тамъ — съ сѣдлами и чепраками, тамъ—съ коврами и паласами, а тамъ—съ оружіемъ, шашками, халатами или башлыками. Кромѣ того, есть особые ряды: Индѣйскіе и Персидскіе, есть Коканскіе, Хивинскіе, Туркменскіе и проч. Только опытный туземецъ знаетъ, гдѣ и какъ можно что купить выгоднѣе въ этомъ хаосѣ базаровъ, въ этомъ лабиринтѣ лавченокъ. Между лавочками виднѣются кое-гдѣ открытые боковые ходы, и черезъ нихъ вы проходите въ глухіе дворики, окруженные галлерейкой и маленькими темными конурками. Это караванъ-сараи базара, запасные склады его товаровъ. Тутъ обыкновенно все загромождено арбами, верблюдами, ослами, мѣшками, кипами всякаго товара. Тутъ, говорятъ, можно купить многіе товары изъ первыхъ рукъ значительно дешевле, чѣмъ на базарѣ. Но всѣ эти возможности, конечно, не для нашего брата, проѣзжаго туриста, съ котораго по всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, позволительно драть за все вдвое. Это мы испытали, къ сожалѣнію, собственнымъ опытомъ.

Признаюсь, меня лично гораздо менѣе привлекали лавки и товары бухарскихъ базаровъ, чѣмъ толпа, ихъ наполнявшая. Конечно, кромѣ мало интересныхъ мнѣ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, въ этихъ лавчонкахъ то и дѣло попадались намъ на глаза глубоко характерныя, чисто восточныя вещи, какъ чеканные мѣдные кубганы съ тазами, узкогорлые изящные кофейники, оригинально расшитые чепраки и богато разукрашенныя сѣдла, серебряныя запястья и головные уборы женщинъ и всякія другія заманчивыя для европейца туземныя произведенія; но всѣ эти мелочи не останавливали на себѣ моего вниманія, всецѣло поглощеннаго живымъ этнографическимъ музеемъ, двигавшимся кругомъ насъ.

Народъ въ Бухарѣ—это картина на каждомъ шагу; куда ни оглянешься,—красавецъ на красавцѣ, а ужъ особенно дѣти и молодые мальчики. Сверкающіе какъ фарфоръ и огнемъ горящіе черные глаза среди матовой бѣлизны слегка смуглаго полнаго лица, съ очень правильными чертами и оттѣненные черною по-

рослей молодыхъ усовъ и молодой бороды, чувственныя румяныя губы сразу выдаютъ вамъ прекрасный иранскій типъ Таджика, коренного обитателя древней Трансоксаны или, такъ-называемаго въ Средніе Вѣка, «Маваръ-ель-нагара», то-есть «Зарѣчья».

Таджики говорятъ до сихъ поръ на одномъ персидскомъ нарѣчіи, несмотря на всѣ чуждыя наслоенія, по очереди придавливавшія ихъ въ теченіе ихъ долгой и злополучной исторіи. Таджики большіе щеголи, какъ и персидскіе Персы. Они въ будній день разряжены, какъ въ праздникъ: чалмы ихъ воздымаются на головѣ цѣлыми грандіозными сооруженіями, спуская сбоку съ какимъ-то особеннымъ неуловимымъ шикомъ бахрамой украшенный конецъ пестрой шали. Впрочемъ, чалма не одно только пустое франтовство, а своего рода аттестатъ благочестія для правовѣрнаго. Недаромъ же она зеленая у потомковъ пророка и бѣлая у богомольныхъ хаджи, удостоившихся поклониться гробу Магометову. По правиламъ мусульманскаго благочестія, чалма изображаетъ собой саванъ, постоянно напоминающій человѣку о его смерти, и длина ея должна быть, по крайней мѣрѣ, въ шесть или семь разъ больше роста человѣка. Но особенно ревностные сыны Ислама доводятъ чалмы нерѣдко до размѣровъ, превосходящихъ даже въ тридцать разъ ростъ обыкновеннаго смертнаго, и тогда она, конечно, воздымается на бритой макушкѣ почтеннаго мослемина, какъ башня Ливанская.

Яркая пестрота этихъ красныхъ, желтыхъ, синихъ и бѣлыхъ тюрбановъ, этихъ полосатыхъ халатовъ изъ бумажной аладжи и шелковаго адряса, сіяющихъ всѣми цвѣтами радуги, обращаютъ бухарскую толпу, бухарскій базаръ въ какой-то веселый цвѣтникъ, въ сплошное поле макова цвѣта всевозможныхъ колеровъ. Ничего подобнаго не представляетъ никакой другой мусульманскій городъ.

Узбеки—хотя такіе же пестрые и такіе же яркіе, пожалуй, еще рѣзче яркіе, еще грубѣе пестрые, чѣмъ таджики—все-таки

замѣтно отличаются отъ нихъ даже и въ сутолкѣ базаровъ. Это ужъ несомнѣнные туранцы, собратья киргиза и калмыка, скуластые, широконосые, съ очень изрядною косинкой глазъ, съ характерною скудостью поросли на губахъ и бородѣ. Хотя многіе изъ нихъ ужъ утеряли первобытную чистоту монгольско-тюркскаго типа, постоянно мѣшаясь съ персидскою кровью черезъ персидскихъ плѣнницъ, которыхъ они берутъ въ жены и наложницы, но большинство ихъ настолько еще удержало прирожденную «калмыковатость» своего лица, что узбека можно легко выбрать изъ толпы таджиковъ, какъ козла изъ стада барановъ. Узбеки вообще гораздо некрасивѣе таджиковъ, неуклюжѣе ихъ, далеко не такъ общительны и мало склонны къ ремесламъ и торговлѣ, въ которыхъ таджикъ чувствуетъ себя совершенно дома; но зато узбекъ рослѣе, сильнѣе, храбрѣе и выносливѣе избалованнаго городскою жизнью трусливаго иранца. Это и немудрено, потому что узбекъ—завоеватель Бухары и ея законный хозяинъ. Несмотря на свою неотесанность, узбеки составляютъ привилегированное и господствующее сословіе края, военное рыцарство своего рода, на подобіе былого дворянства европейскихъ государствъ.

Узбеки до сихъ поръ еще держатся старыхъ кочевыхъ вкусовъ, войлочной кибитки, кумыса, верблюдовъ, и неохотно мѣняютъ родимыя степи на тѣсноту городовъ. Но, конечно, силой времени множество ихъ уже перетянуло по разнымъ обстоятельствамъ въ города, перемѣшалось съ таджиками, обратилось и въ ученыхъ муллъ, и въ ловкихъ торговцевъ, въ судей и правителей. Эмиръ и его первый министръ—Кушъ-беги—всегда узбеки.

Узбеки—одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и сильныхъ народовъ внутренней Азіи. Такъ называемые татары, покорившіе Россію въ XIII вѣкѣ, были никто иные, какъ тѣ же узбеки. Татары эти называли себя «ногай», а ногай это до сихъ поръ одинъ изъ 92 родовъ узбековъ.

Кипчаки, основавшіе Золотую Орду на низовьяхъ Волги,

также были только однимъ изъ многочисленныхъ узбекскихъ родовъ. До сихъ поръ этотъ родъ «кипчакъ» существуетъ въ Ферганской области и имѣетъ важное значеніе среди его населенія, а на правомъ берегу Аму-Дарьи, въ низовьи ея, стоитъ до сихъ поръ городъ Кипчакъ,—вѣроятно одно изъ древнихъ гнѣздъ этого рода, окруженный особеннымъ уваженіемъ хивинскихъ кочевниковъ. Въ числѣ главнѣйшихъ узбекскихъ родовъ есть и «татаръ», и «тюркъ», и «киргизъ» и «казакъ». Родъ «монголъ» сталъ пользоваться огромнымъ значеніемъ среди узбековъ, потому что къ нему принадлежалъ Чингисъ-ханъ и его первые сподвижники.

Родъ «монголъ» жилъ въ XIII вѣкѣ на рѣкѣОнонѣ, притокѣ Шилки, въ теперешней Китайской Татаріи, очень близко отъ южной границы Сибири. Оттого и европейскіе историки окрестили движеніе узбековъ на Россію и Европу нашествіемъ монголовъ. Но изъ туземцевъ Туркестана ни одинъ не скажетъ, что Чингисъ-ханъ былъ монголъ или татаринъ, а скажетъ непремѣнно, что онъ былъ узбекъ. Татарами же называли въ XIII столѣтіи тѣхъ же самыхъ монголовъ, потому что Чингисъ-ханъ покорилъ сосѣдній съ монголами родъ «татаръ», жившій немного восточнѣе по рѣкѣ Кэрулынь, впадающей въ озеро Хулу-норъ, и татары эти, по своей многочисленности и храбрости, составляли главную массу Чингисова войска.

Узбекскій родъ «монголъ»—одно, а монголы, какъ цѣлое желтокожее племя, къ которымъ принадлежатъ китайцы, калмыки и проч.,—совсѣмъ другое.

Узбеки считаются народомъ тюркскаго племени, хотя черты ихъ лица до того проникнуты характерными признаками монгольской расы, что гораздо вѣрнѣе считать ихъ смѣшанною монголо-тюркскою расой.

Турки-сельджуки, покорившіе Туранъ раньше Чингисъ-хана, были тоже узбеки. Узбеки — и теперешніе киргизы, которые, впрочемъ, никогда не называютъ себя этимъ именемъ, въ которое изстари окрестили ихъ мы, русскіе. Сами себя киргизы

называютъ «казакъ»; и весь Востокъ называетъ ихъ этимъ именемъ. У насъ это имя употребляется въ нѣсколько измѣненной формѣ «киргизъ-кайсаковъ». Мы, русскіе, разумѣемъ подъ словомъ киргизы не одинъ узбекскій родъ «Кыргысъ», но всѣ кочевые узбекскіе роды безразлично, какъ, напримѣръ, «Казакъ», «Багышъ», «Найманъ» и проч. Казакъ, собственно говоря. есть имя нарицательное, и на туземномъ языкѣ означаетъ вольнаго бродягу, разбойника. Въ этомъ смыслѣ и наша древнерусская бродячая вольница южныхъ и юго-восточныхъ порубежныхъ степей стала называться казаками. Большинство бухарскихъ узбековъ, конечно, потомки Чингисовыхъ полчищъ, покорившихъ въ XIII вѣкѣ, вслѣдъ за завоеваніемъ Китая, Ховарезмъ, Фергану, Маваренагаръ и прочія страны Турана. Но и послѣ Чингисъ-хана и послѣ Тимура не разъ надвигались на эти же земли новыя орды узбековъ. Великая Средне-Азіатская имперіи узбека Тимура была разрушена при его правнукѣ султанѣ Бабурѣ вновь нахлынувшими узбеками же, которые воцарили вмѣсто династіи Тимуридовъ новою династію Шейбаніэ-хана. Впослѣдствіи эта вторая волна узбековъ была задавлена новою волной того же племени, которая отлила отъ приволжскихъ равнинъ Россіи послѣ погрома тамъ татарскихъ ордъ и выдвинула третью династію бухарскихъ эмировъ,—Аштарханія, по имени города Астрахани, откуда она вышла. Такимъ образомъ современные намъ узбеки во всякомъ случаѣ представляютъ собою остатки завоевателей Туркестана разныхъ эпохъ.

Узбеки въ теченіе вѣковъ естественно сильно смѣшались съ таджиками, коренными жителями Трансоксаны, и кровью, и нравами, и обычаями. Они заимствовали у нихъ не только ихъ магометанскую религію, но и вкусы осѣдлости, разные промыслы и ремесла. Осѣдлый узбекъ-горожанинъ мало-по-малу совсѣмъ обособился отъ своего кочевого родича степей и горъ, потерялъ прежній духъ воинственности, а развилъ въ себѣ, напротивъ, мирный духъ торгашества; только по языку онъ оставался еще узбекомъ, а по образу жизни, отчасти и по самой внѣшности

дѣлался таджикомъ. Такихъ осѣвшихъ въ города, извѣстнымъ образомъ цивилизовавшихся узбековъ называютъ теперь *сартами*.

Сарта трудно отличить на видъ отъ таджика, потому что въ немъ кровь туранца уже значительно смѣшалась съ иранскою кровью, а общія привычки жизни, общая одежда и манеры еще болѣе сближаютъ его съ таджикомъ. Оттого русскіе и иностранцы, путешествующіе по Туркестану, безразлично называютъ и таджиковъ и узбековъ общимъ именемъ сартовъ. Это названіе распространяется съ каждымъ годомъ все больше и больше, такъ что люди, не вникающіе близко въ этотъ вопросъ, искренно считаютъ сартовъ за какой-то особый народъ, населяющій Туркестанъ, имѣющій даже свой особенный сартскій языкъ. Но сартъ въ настоящее время вовсе не есть названіе особаго племени, а, такъ сказать, бытовой собирательный типъ, обозначающій вообще горожанина и осѣдлаго жителя и вмѣщающій въ себѣ одинаково и узбека, и киргиза и таджика.

Таджиками, собственно, продолжаютъ называться теперь только тѣ изъ коренныхъ жителей иранскаго племени, которые еще говорятъ персидскимъ языкомъ и не смѣшались со своими побѣдителями тюрко-монгольской расы. Бухара и Самаркандъ, какъ мѣстности, ближайшія къ Ирану, и какъ былые центры древней Трансоксаны, населенной когда-то согдами и другими народами иранскаго корня, почти одни сохранили въ себѣ сколько-нибудь многочисленное населеніе таджиковъ, постоянно обновляющееся вольными и невольными выселенцами изъ сосѣдней Персіи; оттого-то на базарахъ Бухары еще нерѣдко господствуетъ персидскій языкъ. Уцѣлѣли также отдѣльныя колоніи таджиковъ, говорящихъ по-персидски, въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Ферганской области, не подвергшихся сильному давленію побѣдителей — узбековъ. Но въ Хивѣ, Ташкентѣ и огромномъ большинствѣ городовъ и селеній Туркестана, особенно же въ Сыръ-Дарьинской области таджиковъ осталось или очень мало, или вовсе не осталось.

Таджики же, потерявшіе свой языкъ и говорящіе языкомъ

узбековъ, такъ называемымъ татарскимъ языкомъ джагатайскаго нарѣчія, сдѣлались сартами наравнѣ съ осѣдлымъ узбекомъ и осѣдлымъ киргизомъ. Оттого-то среди сартовъ вы встрѣчаете самые разнообразные и даже противоположные типы, начиная отъ прекраснаго правильнаго лица со свѣтлою, почти европейскою кожей и роскошною растительностью усовъ и бородъ и кончая скуластою и широконосою мордой рѣдко-бородатаго и какъ сапогъ смуглаго монгола. Хотя все-таки иранскій типъ преобладаетъ гораздо чаще. Все зависитъ оттого, изъ какого племени вышелъ этотъ типъ и какая пропорція иранской благородной крови попала въ грубую породу туранца. Но этотъ грубый туранецъ совсѣмъ иного мнѣнія, чѣмъ мы и о себѣ и о сартѣ. На сарта-горожанина, на сарта труженика онъ смотритъ съ искреннимъ презрѣніемъ вольнаго сына степей, какъ на труса и раба.

«Мы называемъ таджика таджикомъ, когда ѣдимъ его хлѣбъ, говоритъ узбекъ, — или мы называемъ его сартомъ, когда бранимся съ нимъ».

А киргизская поговорка говоритъ: «плохой киргизъ дѣлается сартомъ, а плохой сартъ киргизомъ».

Когда въ былыя, хотя и недавнія времена кочевые узбеки осаждали города ташкентскаго или коканскаго ханства, то, подъѣзжая къ самымъ стѣнамъ крѣпости на своихъ лихихъ скакунахъ, они кричали обыкновенно, насмѣхаясь надъ трусостью запершихся въ стѣнахъ горожанъ:

«А-е-и, сартъ!»

Дикимъ воинамъ пустыни казалось, что для человѣка не можетъ быть ругательства позорнѣе этого названья *„сарта“* обитателя города...

Что такое собственно значитъ слова *„сартъ“*, и почему этимъ именемъ окрещены осѣдлые туземцы Туркестана, знатоки Востока не пришли до сихъ поръ къ положительному заключенію и предлагаютъ самыя разнообразныя объясненія. Но все заставляетъ думать, что это названіе очень древнее, и что въ Туркестанѣ жилъ когда-нибудь народъ сарты, съ именемъ котораго

кочевые разбойники степей привыкли соединять понятіе о всякомъ осѣдломъ и трудолюбивомъ жителѣ, утерявшемъ воинственные вкусы и воинскую доблесть.

На это указываетъ и имя рѣки *Сыръ-Дарьи*, города которой до сихъ поръ служатъ главными центрами сартовъ и которая, безъ сомнѣнія, есть позднѣйшее искаженіе имени *Сартъ-Дарья*, то-есть *рѣки Сартъ*, въ древности дѣйствительно называвшейся *Якъ-Сартъ* (Дарья—есть татарское названіе всякой рѣки вообще).

Древній александрійскій географъ Птоломей указываетъ даже на этой рѣкѣ обиталище особаго народа *як-сартовъ* (Jaxartes).

Въ старинной «исторіи монголовъ», написанной въ концѣ XIII вѣка персидскимъ историкомъ Рашидъ-Эддиномъ и переведенной на русскій языкъ нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ профессоромъ Березинымъ, разсказывается, что Чингисъ-ханъ, покоривъ Арсланъ-хана, вождя племени карлуковъ, приказалъ ему называться *Арсланомъ Сартскимъ;* а въ примѣчаніи своемъ къ разсказу Рашидъ-Эддина о войнѣ Чингисъ-хана съ Ванъ-ханомъ профессоръ Березинъ сообщаетъ, что, по словамъ монгольскаго историка, это событіе произошло уже послѣ похода на *сартовъ*.

Въ путешествіи Плано-Карпини мнѣ попалось одно извѣстіе, что въ числѣ земель, покоренныхъ Чингисъ-ханомъ, была какая-то *terra Saruiorum*, очень напоминающая «землю сартовъ».

Сарты упоминаются какъ жители Туркестана и восточными писателями XV, XVI и XVII столѣтій.

Амиръ Наваи, въ концѣ XV вѣка, называетъ *сартами* жителей Средней Азіи, не знающихъ тюркскаго языка.

Султанъ Бабуръ, правнукъ Тимура и славный основатель индійской монархіи Баберидовъ, въ запискахъ о своей жизни, составленныхъ въ началѣ XVI столѣтія, называетъ *сартами* жителей Маргелана и Асфары, а хивинскій ханъ Абдулъ-Гази-Багадуръ, въ началѣ XVII вѣка, тѣмъ же именемъ называетъ жителей Хивы, Ургенча, Хазараспа, которые уже были при немъ осѣдлыми хлѣбопашцами. Замѣчательно, что въ его время въ

Самаркандѣ не было ни одного человѣка, знающаго тюркскій языкъ, до того, значитъ, было еще тогда многочисленно старинное коренное населеніе иранскаго корня.

Это еще болѣе заставляетъ думать, что сарты были когда-нибудь особымъ народомъ со своимъ особымъ языкомъ, и что имя это обратилось изъ этнографическаго въ бытовой терминъ только въ послѣднее время, когда среди народовъ Туркестана утерялась живая память о прошлой исторіи его.

Среди сытыхъ, праздныхъ и самодовольныхъ халатниковъ Бухары, заливающихъ своею яркою разноцвѣтною волной базары и улицы, поражаютъ своимъ жалкимъ видомъ бѣдно одѣтые людишки въ черныхъ шапочкахъ, въ родѣ низенькихъ греческихъ камилавокъ, и въ кургузыхъ кафтанчикахъ, подпоясанныхъ простою веревкой.

— Это еще что за народъ?—спросили мы у своего возницы, хотя вопросъ былъ, собственно говоря, совсѣмъ лишній. Отвѣтъ самый ясный читался при первомъ взглядѣ на эти хищническіе глаза и характерные черные локоны.

Возница нашъ хитро улыбнулся и покачалъ головой.

— Народецъ тоже! не хуже какъ и унасъ. Такая же жидюга... произнесъ онъ.—Имъ тутъ запретъ на улицахъ по-бухарски одѣваться. Они у нихъ все равно какъ арестанты наши острожные, приказано имъ срамное обнарядье на народѣ носить, чтобъ отличка имъ отъ всякаго человѣка была, вотъ и носятъ!.. Другого не смѣютъ надѣть.

— Бѣднота вѣрно? ободранные какіе...—замѣтилъ я.

— Какая бѣднота! Самые богачи!—возразилъ извозчикъ.—Поглядите-ка какъ онъ дома у себя одѣвается... Шелки да бархаты! А чистота по дому какая! Всякое у него удовольствіе. Ну, а ужъ на улицу — шалишь! нацѣпляй свое арестанецкое, подвязывайся веревкой. Такой ужъ у нихъ законъ, у бухарцевъ у этихъ, строгость! На лошадь тоже садиться имъ не позволяютъ, Боже избави! И плата съ нихъ двойная противъ людей пола-

гается. Съ кого податей рубль сходитъ, а съ жида два. Да и такъ ихъ, окромя податей, всякій начальникъ тутъ обдираетъ: потому, какой съ него судъ? А вотъ однако-жъ богатѣютъ все, ничѣмъ ихъ не доймутъ!.. съ искреннимъ удивленіемъ заключилъ нашъ чичероне.

Русскій возница, толковавшій съ такимъ презрѣніемъ объ «арестанецкомъ обнарядьи» бухарскихъ евреевъ, конечно, не подозрѣвалъ, что на-дняхъ еще всякій иновѣрецъ, въ томъ числѣ и нашъ братъ христіанинъ, долженъ былъ надѣвать на себя тоже позорное платье, если хотѣлъ удостоиться чести посѣтить «Бухару-ель-Шерифъ». Недаромъ же, по выраженію туземныхъ богослововъ, «въ одной только Бухарѣ свѣтъ исходитъ на небо изъ этого священнаго града, между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ свѣтъ, какъ извѣстно, нисходитъ съ неба на землю. Это видѣлъ самъ пророкъ Магометъ, когда въ сопутствіи Архангела Гавріила совершалъ свое путешествіе на небо».

Вотъ, между прочимъ, что разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Бухарѣ оффиціальный агентъ Англіи Борнсъ, отправленный изъ Индіи въ Бухару въ 1831 году, то-есть еще на памяти нашего поколѣнія.

«Наши тюрбаны были замѣнены бѣдными шапками изъ овчины, вывернутой шерстью внутрь, и мы бросили наши пояса, чтобъ обвязаться обрывкомъ грубой пеньковой веревки. Мы скинули туземныя верхнія одежды, такъ же какъ чулки, потому что это признаки, отличающіе невѣрнаго отъ правовѣрнаго въ святомъ градѣ Бухарѣ. Мы знали также, что мусульмане одни могутъ ѣздить верхомъ въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ этого города, и внутреннее чувство намъ подсказало, что мы должны быть довольны, если цѣною этой легкой жертвы намъ будетъ позволено продолжать жить въ этой столицѣ». Но «легкія жертвы» не ограничились, впрочемъ, этимъ. Милостивый покровитель ихъ Кушъ-беги, благодаря которому путешественники сохранили свою жизнь, принималъ ихъ у себя въ домѣ какъ

нѣкую нечистую тварь, сажая ихъ прямо на мостовой въ открытомъ дворѣ, въ то время какъ самъ сидѣлъ въ комнатѣ на дорогихъ коврахъ и подушкахъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ этихъ невѣрныхъ собакъ.

Бѣднымъ англичанамъ было на-строго запрещено употребленіе пера и чернилъ. Днемъ имъ не позволяли выходить на улицу. «Подобно совамъ, мы не смѣли показываться иначе, какъ по вечерамъ», жалуется Борнсъ въ своей извѣстной книгѣ «Путешествіе въ Бухару». Въ бани ихъ тоже не пускали. По ученію бухарскихъ муллъ «вода обратится въ кровь, если она осквернится прикосновеніемъ женщины или невѣрнаго»; такъ что Борнсу съ трудомъ можно было пріискать какую-то жалкую баню, согласившуюся осквернить себя ради презрѣннаго злата.

Но такая терпимость къ иновѣрцу была все-таки рѣдкимъ исключеніемъ въ священной Бухарѣ, городѣ, основанномъ, по убѣжденію ея ученыхъ муллъ и имамовъ, самимъ Искандеромъ, т.-е. никѣмъ другимъ, разумѣется, какъ Александромъ Великимъ.

Обыкновенно же европейцу, попавшему въ Бухару, грозила прежде всего участь или быть зарѣзаннымъ, какъ барану, или протомиться десятки лѣтъ въ темницѣ и неволѣ.

Англійскій капитанъ Коноли въ концѣ тридцатыхъ годовъ нашего вѣка послѣ многихъ приключеній прошелъ насквозь туркменскія степи, дошелъ до Кокана, вытерпѣлъ тамъ неволю за то, что не хотѣлъ принять Ислама, попалъ потомъ въ Бухару, и въ этомъ «священномъ градѣ» былъ зарѣзанъ эмиромъ вмѣстѣ съ другимъ англичаниномъ, полковникомъ Стотгартомъ, состоявшимъ при англійской миссіи въ Персіи, несмотря даже на то, что Стотгартъ, страха ради Іудейска, принялъ магометанство. Венгерецъ Вамбери, посѣтившій Бухару гораздо позже, долженъ былъ разыгрывать роль турецкаго дервиша, чтобы проникнуть въ это гнѣздо мусульманскаго фанатизма, и каждый день могъ ожидать той участи, какой подверглись Конолли и Стотгартъ.

Красоту сартовскихъ, таджикскихъ и узбекскихъ дамъ Бухары оцѣнить рѣшительно невозможно. Здѣшній прекрасный полъ обращенъ въ какихъ-то неуклюжихъ чучелъ, завернутыхъ въ темно-зеленыя и темно-синія простыни съ головы до пятокъ; у каждой на лицѣ, даже у маленькихъ дѣвочекъ, густое черное покрывало. А между тѣмъ, судя по мужчинамъ, нужно предполагать, что таджички должны быть очень красивы. Недаромъ же въ древней Трансоксанѣ, именуемой теперь Бухарой, Александръ Македонскій нашелъ свою Роксану, знаменитую дочь Оксіярта (не *Ок-Сарта* ли еще?), про которую Арріанъ говоритъ, что послѣ жены Дарія, эта была самая красивая изъ всѣхъ женщинъ, видѣнныхъ греками въ Азіи...

Только однѣ прокаженныя имѣютъ въ Бухарѣ возмутительную привилегію показывать публикѣ свои ужасныя лица, изъѣденныя неописуемыми язвами. Бухара очень богата этимъ товаромъ. Прокаженныхъ безъ глазъ, безъ носовъ, безъ губъ, съ искривленными руками и ногами то и дѣло видишь у входовъ въ мечети и около общественныхъ прудковъ, гдѣ они сидятъ цѣлыми вереницами, вымаливая деньги у прохожихъ и протягивая къ нимъ деревянныя чашечки своими изуродованными пальцами.

Никакіе законы не предохраняютъ населеніе Бухары отъ общенія съ этими несчастными исчадіями человѣчества и отъ возможности заразы.

IV.

Нравы и обычаи священнаго города.

Объѣзжая безчисленные базары Бухары, мы любовались на здѣшнихъ сытыхъ, складныхъ и крѣпкихъ коней, которые на видъ гораздо красивѣе и даже, какъ-будто ретивѣе знаменитыхъ текинскихъ. Бухарцы, какъ и туркмены, большіе охотники усаживаться на коня по двое, не только въ степи, но и на улицахъ

города. А нѣкоторые ухитряются сидѣть на тюкахъ товаровъ, навьюченныхъ на лошадь, совсѣмъ какъ на диванахъ: свѣситъ себѣ преспокойно ноги и сидитъ, словно гвоздемъ прибитый, даже не помышляя о возможности полетѣть съ лошади головой внизъ.

Послѣ базаровъ мы проѣхали въ одинъ изъ самыхъ характерныхъ уголковъ Бухары,—къ прудку „*Леби-Гоузъ-Диванбеги*". Здѣсь любимое мѣсто народныхъ сборищъ. Прудъ этотъ съ своею стоячею водой, теплою, какъ парное молоко, осѣненный старыми вязами и шелковицами, лежитъ у подножія древней мечети «*Меджидіе-Диванбеги*». Это обширный кварталъ саженъ въ пятнадцать длины, саженъ въ двѣнадцать ширины; глубокіе берега его обложены огромными тесаными камнями, и къ нему спускаются со всѣхъ сторонъ по восьми широкимъ каменнымъ ступенямъ. Пестрыя группы богомольцевъ и всякаго праздничнаго народа живописно обложили и притворы мечети и берега пруда. Одни моютъ въ немъ, сидя на ступенькахъ, свои босыя запыленныя ноги, другіе забрались по горло въ воду; кто полоскаетъ въ немъ бѣлье, кто сливаетъ въ него разныя подозрительныя жидкости изъ большихъ глиняныхъ кувшиновъ. Цѣлый лабиринтъ мелкихъ лавочекъ и кухонокъ, цѣлый шумный «Обжорный рядъ» устроился надъ этимъ прудкомъ, который въ одно и то же время служитъ и очень удобною помойною ямой для всѣхъ этихъ безчисленныхъ уличныхъ харчевенъ и единственнымъ бассейномъ для питья всему этому толпящемуся здѣсь люду. Особенно оригинальны многочисленныя „*чай-хане*" съ громадными тульскими самоварами, ведеръ въ десять и пятнадцать каждый, скорѣе похожими на пузатые боченки, чѣмъ на самовары.

Поглядѣвъ разъ на Леби-Гоузъ и безцеремонные обычаи его посѣтителей, никто уже не удивится, что „*решта*", пендинская язва, сартстій прыщъ и всякія другія прелести составляютъ обычное украшеніе бухарской жизни.

Решту (filaria medinensis медиковъ) называютъ также гвиней-

скимъ червемъ, и туземцы увѣряютъ, что это тотъ самый червь что мучилъ на гноищѣ библейскаго Іова.

Я охотно вѣрю этому!..

Стоялая полугнилая вода бухарскихъ «Гоузовъ» кишитъ просто на глазахъ вашихъ всякими мелкими гадинами. А теперь еще весна, а не развалъ лѣта. Къ лѣту же эти прудки высохнутъ еще наполовину, такъ что вмѣсто воды останется одна вонючая грязь; и въ ней все-таки будутъ купаться, ее все-таки будутъ черпать, какъ будто и настоящую воду. Недостатокъ воды, это своего рода проклятіе, издревле лежащее на «священной Бухарѣ». Она питается водами Заравшана, — «разносителя золота», но находится отъ него верстахъ въ десяти или двѣнадцати. Каналъ Когикъ проводитъ въ городъ воду Заравшана. Заравшанъ, который у древнихъ писателей назывался Политиметусъ, по увѣренію Квинта Курція, не доходилъ въ его время до Оксуса, а пропадалъ въ подземной пещерѣ. Арріанъ объясняетъ еще точнѣе, что онъ терялся въ пескахъ. Дѣйствительно, и теперь Заравшанъ прекращаетъ свое теченіе въ озерѣ среди песковъ, которое Узбеки называютъ «денгизомъ«, то-есть моремъ. Въ лѣтнія жары вода въ Заравшанѣ убываетъ очень сильно, а кромѣ того ее разбираютъ во всѣ стороны безчисленные арыки знаменитой своимъ плодородіемъ Міанкальской долины. На долю Бухары уже остается слишкомъ мало, а иногда даже и совсѣмъ ничего. Каналъ Когикъ въ видахъ сбереженія воды открывается обыкновенно одинъ разъ въ двѣ недѣли. Жители Бухары иногда остаются безъ воды по цѣлымъ мѣсяцамъ и должны волей-неволей довольствоваться своими отвратительными и заразительными «гоузами». При посѣщеніи Бухары англичаниномъ Борнсомъ каналъ былъ сухъ, напримѣръ, ровно шестьдесятъ дней! Теперешніе бухарцы жаловались намъ, что ихъ обижаютъ русскіе, задерживая воду Заравшана въ Самаркандской области; но старые путешественники говорятъ единогласно, что задолго до русскаго владычества въ Самаркандѣ Бухара постоянно страдала отъ такого же безводія.

Мнѣ уже не въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: да почему же, наконецъ, всѣ большіе города Туркестана, какъ Бухара, Хива, Самаркандъ, Коканъ, Ташкентъ и другіе, не лежатъ на берегу сосѣднихъ къ нимъ многоводныхъ рѣкъ Аму-Дарьи, Заравшана, Сыръ-Дарьи? Только познакомившись съ опустошительными и неожиданными разливами этихъ рѣкъ, я понялъ, что многолюдныя поселенія человѣка должны были волей-неволей бѣжать подальше отъ этихъ коварныхъ, хотя и очень нужныхъ сосѣдей своихъ и получать ихъ драгоцѣнные дары не непосредственно изъ ихъ черезчуръ опаснаго ложа, а черезъ посредство цѣлой системы мирныхъ и безопасныхъ арыковъ.

Толпы, облегавшія старую мечеть Меджидіе-Диванбеги, ожидали часа молитвы; была Ураза,—магометанскій постъ, въ который ни одинъ правовѣрный не можетъ вкушать пищи до наступленія ночи; законъ этотъ соблюдается здѣсь всѣми съ непоколебимою строгостью, и правовѣрные мослемины, лишенные возможности толпиться за кухоньками своихъ дешевыхъ харчевенъ, забрались на плоскія крыши сосѣднихъ домиковъ, окружавшихъ мечеть, и придавались тамъ, въ ожиданіи «Азана», то-есть призыва муэдзина (по здѣшнему азанчи), душеспасительнымъ бесѣдамъ и размышленіямъ.

Характерныя, глубоко-восточныя и глубоко-азіатскія группы ихъ такъ и просились подъ кисть художника. Около старыхъ почитаемыхъ мечетей Бухары всегда есть какой-нибудь *калентеръ-ханъ*, то-есть постоялый дворъ для дервишей, какой-нибудь *текіе*, нѣчто въ родѣ монастыря, въ келіяхъ котораго находятъ себѣ пріютъ всякіе благочестивые странники. Оттого у мечети вы всегда можете встрѣтить собраніе ученыхъ знатоковъ Ислама, предлагающихъ другъ другу разныя богословскія задачи схоластической тонкости, горячо проповѣдывающаго дервиша или какого нибудь публичнаго чтеца, такъ называемаго здѣсь «медду», занимающаго публику поучительными легендами.

Вотъ и теперь цѣлый кружокъ, или по-бухарски «халька»,

изъ бѣловласыхъ старцевъ въ зеленыхъ и бѣлыхъ тюрбанахъ, въ широчайшихъ шелковыхъ халатахъ сидитъ безмолвно на террасѣ мечети, изукрашенной цвѣтными арабесками, словно привилегированные стражи ея входа; они. очевидно, считаютъ недостойными высокаго званія улема праздную болтовню съ сосѣдями и погружены въ *теваджъ,* то-есть въ безмолвное созерцаніе величія Божія и пророка Его Магомета; некоторые изъ нихъ до того глубоко ушли въ эти благочестивыя размышленія, что давно уже клюютъ носомъ, сладко подремывая въ духотѣ знойнаго лѣтняго дня. Но правовѣрные почитатели ученыхъ богослововъ нисколько не смущаются человѣческою слабостью своихъ духовныхъ наставниковъ. Они твердо знаютъ, что и въ дремотѣ, и въ глубокомъ снѣ святые мужи эти все равно не перестаютъ помышлять о непостижимыхъ свойствахъ Аллаха и о суетѣ земной жизни, а потому кто же посмѣетъ осуждать ихъ?

Здѣсь, невольно вспомнишь, что мы въ Бухарѣ,—этомъ «Римѣ Ислама», какъ называлъ ее Вамбери, считающій въ то же время Мекку «магометанскимъ Іерусалимомъ». Въ Бухарѣ насчитывалось недавно однихъ медрессе, то-есть высшихъ богословскихъ училищъ, своего рода духовныхъ академій Ислама — 366, — по одной на каждый день года. Изо всѣхъ магометанскихъ странъ Азіи и Европы, между прочимъ и изъ нашихъ русскихъ городовъ Казани, Оренбурга и т. п., молодые люди, желающіе основательно изучить ученье Ислама, стремятся въ прославленные медрессе Бухары, къ знаменитымъ здѣшнимъ учителямъ. Не только имамы и улемы Бухары — великіе знатоки мусульманскаго ученья, но и сами бухарскіе эмиры нерѣдко бываютъ завзятыми и хитроумными богословами. Религія Магомета—это своего рода общепризнанная спеціальная профессія священнаго города, которою онъ славится, которою онъ, такъ сказать, торгуетъ. Если Бухару вообще привыкли считать столицею Средней Азіи вслѣдствіе ея былого политическаго и экономическаго значенія, то еще съ большимъ правомъ она можетъ назваться духовною столицей всей мусульманской Азіи.

«Самаркандъ — рай вселенной, а Бухара — сила религіи и вѣры!» говоритъ одно бухарское двустишіе.

Видно, не случайно бухарскіе эмиры присвоили себѣ титулъ: *эмиръ-аль-муменинъ*, то-есть «вождь вѣрныхъ». Даже турки Стамбула, — этого высокочтимаго здѣсь «Рума» — въ глазахъ истинныхъ ревнителей благочестія въ Бухарѣ искренно представляются еретиками своего рода, развращенными черезъ свое беззаконное общеніе съ кэфирами и гяурами, и каждый бухарскій мулла не приминетъ укорить Османлиса за то, что тотъ не носитъ короткихъ усовъ и длинной бороды «на подобіе славы всѣхъ человѣческихъ существъ, то-есть пророка Магомета».

Бухарскіе улемы—самые компетентные судьи, разрѣшители и толкователи всякаго щекотливаго вопроса магометовой вѣры, всякаго недоразумѣнія, возникающаго въ примѣненіи къ жизни безчисленныхъ правилъ шаріата. Самое педантическое внѣшнее соблюденіе этихъ правилъ въ Бухарѣ требуется съ неумолимою строгостью, вѣрнѣе, требовалось еще очень недавно. Вмѣстѣ съ вторженіемъ въ жизнь Бухары русскаго вліянія старый религіозный педантизмъ магометанскаго Рима значительно ослабѣлъ. Особый блюститель религіозныхъ обрядовъ, такъ называемый «реисъ», съ кошачьимъ хвостомъ въ рукѣ, еще недавно рыскалъ, а можетъ быть и теперь еще рыскаетъ по улицамъ Бухары, силомъ гоняя правовѣрныхъ къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей на намазъ, на молитву въ мечеть; реисъ въ правѣ былъ проэкзаменовать всякаго прохожаго въ правилахъ вѣры, и если находилъ отвѣтъ неудовлетворительнымъ, посылалъ хотя бы сѣдовласаго старца доучиваться въ медрессе.

Борнсъ самъ видѣлъ, какъ курившихъ публично табакъ и тѣхъ, кто спалъ въ часы молитвы, реисы водили по улицамъ Бухары связанныхъ и сѣкли ихъ ремнями, громко выкрикивая: «послѣдователи Ислама! созерцайте наказаніе тѣхъ, кто нарушаетъ законъ!»

Эти насильственныя требованія внѣшней религіозности обращаютъ Бухару въ очагъ лицемѣрія и ханжества и сильно омра-

чаютъ жизнь въ ней даже для самихъ мусульманъ. Подъ прикрытіемъ мелочныхъ обрядовъ прячется глубокая внутренняя безнравственность, точно такъ же, какъ подъ величественно-пышными халатами изъ парчи и шелка, подъ торжественно воздымающимися на главѣ высочайшими тюрбанами бѣлоснѣжной чистоты—скрывается низкая рабская душа бухарца, полная трусливаго себялюбія и безчувственности къ ближнему... Здѣсь нѣтъ, правда, публичныхъ домовъ и отчаянныхъ кутежей въ трактирахъ, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается въ европейскихъ городахъ; но зато здѣсь даже дервиши до сумасшествія опиваются опіумомъ, и молодые люди лучшихъ фамилій не стыдятся публично говорить о своихъ Ганимедахъ и публично содержать ихъ; не говорю уже, что кровь ближняго, самая мучительная казнь человѣка не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на лицемѣрнаго бухарскаго богослова. Это царство халатниковъ-фарисеевъ въ сущности есть царство тупого невѣжества, непобѣдимой косности, животной чувственности и звѣрской жестокости. Нельзя поэтому скорбѣть, что оно понемногу, но основательно расшатывается черезъ свое невольное соприкосновеніе съ русскимъ духомъ, съ русскими учрежденіями. Русское владычество нужно благословлять уже за то одно, что съ наступленіемъ его закрылись позорившіе человѣчество невольничьи рынки Бухары, какъ закрылись они и въ сосѣдней Хивѣ, а позднѣе въ Мервѣ. Всего только 15 лѣтъ тому назадъ персы и русскіе съ цѣпями на шеѣ продавались на базарахъ священнаго города рядомъ съ лошадьми и верблюдами, и какой-нибудь особенно счастливый аламанъ текинцевъ разомъ сбивалъ цѣну на этотъ живой товаръ совершенно такъ, какъ обильный урожай дынь или арбузовъ сбиваетъ ихъ цѣну на рынкѣ.

Мы съ женой живо почувствовали ту органическую ненависть азіатца къ русскому и мусульманскаго фанатика къ христіанину, которою пропитаны всѣ эти бухарскіе богословы въ бѣлыхъ чалмахъ и желтыхъ халатахъ. Толпы, собравшіяся

вокругъ мечети, глядѣли на насъ съ нескрываемымъ выраженіемъ вражды. Особенно ихъ возбуждало ничѣмъ не покрытое лицо моей дамы. Нечистое пребываніе насъ, невѣрныхъ собакъ, въ такомъ священномъ мѣстѣ и вдобавокъ еще въ священные часы ихъ поста,—уразы,—очевидно возмущало всѣхъ до глубины души, и только присутствіе караулъ-беги въ его оффиціальной багряницѣ, съ внушительною плетью въ рукахъ, да, можетъ быть, еще воспоминаніе о бѣлыхъ русскихъ рубахахъ, гостящихъ по сосѣдству, сдерживало въ предѣлахъ благоразумія эту глухо рычавшую толпу, такъ недавно еще утѣшавшуюся казнями гяуровъ на площади ихъ Ригистана.

Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ этотъ затаенный фанатизмъ разразился противъ насъ уже совершенно явно. Я не помню теперь названія древней мечети, въ которую повелъ насъ караулъ-беги послѣ Леби-Гоуза. Не успѣли мы спокойно подняться на широкія ступени ея, собираясь уже повернуть налѣво въ темные сводистые проходы, какъ вдругъ откуда ни возьмись выскочилъ намъ навстрѣчу, будто кто выстрѣлилъ имъ въ насъ, высокій мулла въ громадномъ бѣломъ тюрбанѣ и распахнутомъ настежь полосатомъ халатѣ.

— Качъ! качъ! — отчаянно замахалъ онъ на насъ, словно крыльями вѣтряной мельницы, своими костлявыми и длинными какъ у мертвеца руками.

Пѣна брызгала изъ его разсвирѣпѣвшаго червиваго рта, въ которомъ совсѣмъ не было зубовъ, и его глубоко впавшіе старческіе глаза искрились злобой, какъ у взбѣшеннаго цѣпного пса.

— Качъ, качъ! — храбро повторялъ онъ, загораживая намъ грудью дорогу, готовый, кажется, сейчасъ вцѣпиться въ насъ своими размахавшимися костлявыми граблями.

Мы, разумѣется, отступили безъ малѣйшаго спора, нисколько не желая раздражать еще дальше мусульманскаго фанатизма; но караулъ-беги и нашъ консульскій провожатый схватились жестоко ругаться по-татарски съ бѣшенымъ муллой, какъ мы ни уговаривали ихъ мирно отрясти прахъ отъ ногъ нашихъ.

Однако фанатикъ-мулла все-таки побѣдилъ, потому что и караулъ-беги и нашъ казанскій татаринъ, украшенный медалями, мало-по-малу покидали поле битвы и незамѣтно спускались вслѣдъ за нами съ одной ступеньки на другую, хотя и продолжали отругиваться и грозить руками смѣло напиравшему на нихъ фанатику.

Толпа, собравшаяся у мечети на эти крики, ворчала и глядѣла на насъ слишкомъ недвусмысленно, чтобъ этого не могли сообразить наши не въ мѣру усердные провожатые. Мы ретировались къ своему фаэтону и спѣшили поскорѣе усѣсться въ него. Пурпуровый караулъ-беги былъ совсѣмъ переконфуженъ неожиданно встрѣченнымъ отпоромъ и бормоталъ намъ какія-то непонятныя для насъ оправданія.

— Нѣтъ, этого ему подарить нельзя, псу старому! горячился еще болѣе его нашъ русскій всадникъ.— Этакъ ихъ повадишь, такъ они и на улицу пускать насъ не станутъ. Безпремѣнно я агенту объ этомъ доложу. Вздуютъ его, голубчика, лучше не надо. Самъ эмиръ вездѣ русскимъ входъ свободный дозволяетъ, а эта собака брехать вздумала, законы свои заводить!.. Погоди-жъ ты, старый хрычъ!—заключилъ онъ, вскакивая опять на лошадь и выразительно грозя кулакомъ по адресу все еще ругавшагося на крыльцѣ муллы.

Караулъ-беги тоже привсталъ на стременахъ и съ новою бранью потрясъ въ воздухѣ свою тяжелую нагайку, обѣщая, повидимому, храброму улему что-то очень невкусное.

Фаэтонъ между тѣмъ повернулъ назадъ въ узкій переулокъ, и мы вздохнули съ облегченнымъ сердцемъ, ни малѣйшимъ образомъ не претендуя на рьянаго защитника мусульманской святыни.

Чтобы добраться до Ширбудуна, лѣтняго мѣстопребыванія эмиръ-эль-муменина, нужно проѣхать изъ конца въ конецъ всю необъятную Бухару. Ширбудунъ уже не въ городѣ, а въ трехъ верстахъ отъ него. Нужны были особыя сношенія нашего ди-

пломатическаго агента съ тѣми, кому это вѣдать надлежитъ, чтобы получить дозволеніе на осмотръ дворца. Опять тѣ же нескончаемыя улицы слѣпыхъ домовъ и глиняныхъ дуваловъ, похожихъ другъ на друга, какъ ржаныя копны на десятинѣ, опять тѣ же мечети съ глиняными фонариками и точеными колонками, тѣ же стоячіе прудки подъ тѣнью шелковицъ, тѣ же шумные и пестрые базары съ своими верблюдами, ослами, арбами, чалмами и халатами.

Проѣхали мы и нѣсколькими бухарскими кладбищами. Они помѣщаются и въ предмѣстіяхъ и въ серединѣ города, всегда около какой-нибудь мечети.

Бухарское кладбище то же, что̀ и туркменское; ничего похожаго на живописныя и поэтическія кладбища стамбульскихъ Турокъ, эти тѣнистыя прогулки въ чащахъ кипарисовъ, полныя благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойниковъ, населенныя будто мраморными статуями, стоячими камнями въ разноцвѣтныхъ чалмахъ и шапочкахъ.

Бухарское кладбище—непроходимый хаосъ давящихъ другъ друга, другъ на друга насѣвшихъ, горбатыхъ могильныхъ насыпей, обложенныхъ кирпичемъ и грубо смазанныхъ сѣрою глиной. Издали эти могилы кажутся частыми рядами круглыхъ грядокъ которыми глубоко вскопана глинистая почва. Могилы эти обыкновенно помѣщаются на большомъ четырехугольномъ холмѣ, очевидно насыпанномъ руками людей. Такіе холмы встрѣчались намъ и при въѣздѣ въ городъ, и внутри его. Такіе же холмы видѣли мы прежде въ Туркменіи почти около каждаго аула. Среди неказистыхъ горбатыхъ насыпей поднимаются однако изрѣдка маленькія часовенки характерной магометанской архитектуры, увѣнчанныя двумя-тремя шестами съ привѣшанными къ нимъ бѣлыми тряпками и конскимъ хвостомъ. Это—гробницы шейховъ, святыхъ мужей Ислама, такъ-называемыя здѣсь *„мазара“*.

Снаружи Ширбудунъ тоже немножко смотритъ укрѣпленнымъ зáмкомъ и тюремнымъ острогомъ. Сразу видно, что никакого наивнаго довѣрія между грознымъ владыкой и его вѣрноподданными тутъ не полагается, и что онъ чувствуетъ себя въ безопасности только за крѣпко-окованными воротами на замкѣ, охраняемыми хорошо вооруженною стражей. Но стóитъ только переступить за ворота дворца, какъ картина вдругъ разомъ перемѣняется. Веселая и яркая пестрота красокъ охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Дворики, окруженные зданіями дворцовъ и широкими крытыми галлереями ихъ, просто смѣются на солнышкѣ. Каждый фасадъ, каждый входъ внутрь дворца—затѣйливая плетеница самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ узоровъ; по ярко-зеленому, по ярко-голубому, по ярко-красному фону расписаны свѣтлыми красками хотя грубоватыя, но зато характерныя арабески; бѣлыя узорчатыя колонки изъ гипса эффектно вырѣзаются своими выпуклыми формами на этомъ разноцвѣтномъ полѣ. Тѣнистые сады дышутъ тихою прохладой и нѣжнымъ ароматомъ среди многочисленныхъ двориковъ Ширбудуна. Въ одномъ изъ дворовъ широкая рѣшетчатая галлерея, вся завѣшанная сверху тяжелыми гроздьями еще непоспѣвшаго винограда. Дворецъ вообще довольно простъ, и вся роскошь его сосредоточивается на отдѣлкѣ фасадовъ и входовъ. Внутри богато отдѣланы только нѣсколько комнатъ, такъ-сказать, оффиціальныхъ. Остальныя самыя обыкновенныя и нисколько не типичныя. Впрочемъ, когда эмиръ не живетъ здѣсь, мебель и вещи, украшающія комнаты, убираются въ кладовыя, такъ что мы видимъ теперь дворецъ въ его, такъ-сказать, ободранномъ видѣ. Даже ковры, и тѣ постланы далеко не вездѣ, а большею частью сложены другъ на другѣ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ. Но все-таки довольно ихъ еще и лежитъ на полу и виситъ на стѣнахъ. Ковры эти—верхъ красоты и баснословныхъ цѣнъ. Такого рѣдкаго собранія ковровъ не часто встрѣтишь даже и въ Азіи,—этой классической странѣ ковровъ. Одинаково измутительна и ихъ громадность, и тонкое изящество ихъ

восточнаго рисунка и чарующая гармонія ихъ тоновъ. Особенно хороши ковры, вытканные по бѣлому фону тончайшимъ узоромъ самыхъ нѣжныхъ красокъ.

Но ковры здѣсь не только на полу и диванахъ, не только тканыя изъ шерсти. Всѣ стѣны и потолки дворца, всѣ его фасады и входы,—въ сущности тѣ же персидскіе, бухарскіе, текинскіе и индѣйскіе ковры своего рода.

Тѣ же фантастическія арабески узоровъ, та же мягкая радующая глазъ пестрота колера. Только ковры эти—мастерская алебастровая штукатурка, дивно вылѣпленная, дивно раскрашенная. Потолки—это главная красота и главная роскошь восточныхъ дворцовъ и храмовъ. Ни одинъ потолокъ не похожъ здѣсь на другой. Каждый вылѣпленъ по своему, нигдѣ ровной поверхности, вездѣ какія-нибудь глазатыя круглыя ячейки, альковчики, ступеньчатые сводики, переплеты, рѣшеточки, и все это словно выстлано въ глубинѣ драгоцѣнною кашмировою шалью или сквозитъ зеркальными стеклами.

Въ стѣнахъ—ниши и шкапчики на каждомъ шагу и на всякой высотѣ. Это характерная особенность восточной комнаты, замѣняющая излишнюю меблировку. Иные шкапчики, гипсовые въ мелкихъ полочкахъ, раздѣлены на уютные ящички. Тамъ ставится разная посуда и дорогія бездѣлушки. А иногда и эти ниши, и шкапчики и сами стѣны изъ сверкающихъ изразцовъ расписанныхъ въ обычномъ пестромъ вкусѣ Востока.

Гипсовые переплеты оконъ тоже затѣйливаго узора. Даже зеркала, обильно украшающія стѣны и большею частью вставленныя въ зеркальныя же рамы, раздѣланы сверху стекла гипсовыми фигурами. Одна зала кругомъ зеркальная, и вы чувствуете себя, войдя въ нее, будто внутри какого-то огромнаго граненаго кристалла. Самая парадная и самая обширная комната дворца — это тронная зала, въ которой эмиръ принимаетъ посольства и собираетъ совѣтъ; она ярко расписана красками по стѣнамъ и потолку и украшена богатыми коврами. Тронъ эмира—тяжелое рѣзное кресло съ тончайшею мѣдною инкрустаціей. Есть во

дворцѣ и другія характерно разукрашенныя комнаты: столовая эмира, спальни, дѣтскія. Въ дѣтской цѣлый огромный столъ заваленъ кучами игрушекъ, очевидно, европейской фабрикаціи, и въ стѣнахъ подъ рядъ все крошечные шкапчики съ полками.

Но какъ ни оригинальна и ни миловидна внутренняя отдѣлка эмирова дворца, все-таки далеко ей до настоящей восточной роскоши и настоящаго восточнаго изящества каирскихъ и стамбульскихъ дворцовъ. Все-таки сейчасъ чувствуется, что это не обиталище какого-нибудь халифа или султана богатой и сильной страны, а жилище полукочевого хана, вождя грубыхъ халатниковъ и такого же халатника, какъ они, чуждаго утонченнымъ вкусамъ араба...

Мы добросовѣстно обѣгали всѣ амфилады пустыхъ комнатъ, облазали всѣ мезонины и чердачки, всѣ террасы и галлереи дворцовыхъ флигелей. Толпа праздныхъ слугъ всюду провожала насъ. Водившій насъ смотритель дворца, почтенный сѣдой бородачъ, то и дѣло кланялся намъ, прикладывая руку къ сердцу, и, разставаясь съ нами, извинялся въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, что перваначи-беги (нѣчто въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ), не предупрежденный заранѣе о нашемъ пріѣздѣ, не могъ распорядиться объ угощеніи насъ обычнымъ дастарханомъ. Пришлось одарить русскими рублями не только дворцовыхъ слугъ, но и дворцовое начальство, которое, несмотря на katosavитость...

На дворѣ мы увидѣли солдатъ эмира, одѣтыхъ въ русскую форму и продѣлывавшихъ по-русски свои военные пріемы. Мы не могли удержаться отъ смѣха, увидѣвъ среди площадки двора эти потѣшныя каррикатуры на русское войско. Ихъ обезьяньи рожи въ оборванныхъ курткахъ русскаго покроя, въ спадающихъ съ нихъ измазанныхъ грязью рейтузахъ, смотрѣли чѣмъ-то такимъ неопрятнымъ, жалкимъ и гадкимъ, что трудно было угадать въ нихъ тѣхъ самыхъ молодцовъ-бухарцевъ, какихъ мы

только-что видѣли на базарахъ и улицахъ ихъ родного города, въ родныхъ имъ яркихъ чалмахъ и пестрыхъ халатахъ.

Русское правительство находитъ болѣе удобнымъ для себя сохранять власть бухарскаго эмира надъ его старымъ ханствомъ. Это выходитъ дешевле и проще. Конечно, при этомъ порядкѣ не нужно много войска, не нужно огромныхъ расходовъ на судъ, полицію, тюрьмы, пути сообщенія... Здѣсь все ведется по-старому,—и правосудіе, и администрація. Ничего сложнаго, никакихъ дорогихъ окладовъ и бюджетовъ. Халатникамъ такой порядокъ, пожалуй, больше по плечу, чѣмъ стѣснительная для нихъ канцелярщина и невѣдомыя статьи чуждаго закона. Религіозно-житейскія предписанія шаріата для нихъ священны, понятны и привычны. Но одно въ ихъ жизни ужасно,—это рабская зависимость каждаго бухарца, простого поденщика такъ же точно, какъ перваго сановника, отъ произвола своего эмира. Онъ безусловно владыка надъ ихъ имуществомъ, ихъ дѣтьми, ихъ головой.

Улемы и имамы, толкующіе по Корану обязанности государя, разумѣется, имѣютъ большое вліяніе на своего эмира и въ сущности сильно ограничиваютъ его произволъ. Но эта гарантія правъ слишкомъ шаткая и далеко не всякому доступная. Во время пребыванія въ Бухарѣ нашего извѣстнаго путешественника Миддендорфа бухарскій эмиръ, напримѣръ, безъ всякой церемоніи отобралъ отъ всѣхъ своихъ высшихъ придворныхъ чиновъ подарки, которые имъ прислалъ русскій императоръ, а за нѣсколько времени предъ этимъ старшій сынъ эмира приказалъ ни за что, ни про что зарѣзать нѣсколькихъ богатыхъ мѣнялъ, иначе сказать, банкировъ Бухары, и ограбилъ ихъ лавки. Оттого богатые люди все-таки стараются здѣсь скрывать свое богатство, чтобы не возбудить жадности эмира, а это, конечно, невыгодно отражается на мѣстной торговлѣ и промышленности. Взяточничество здѣсь развито до невозможной степени, и самъ эмиръ раздаетъ своимъ любимцамъ въ кормленіе должности и провинціи. Деньги тутъ дѣлаютъ рѣшительно все. Но обирая безцеремонно свой народъ и собственными руками и руками

своихъ чиновниковъ и хладнокровно проливая безъ малѣйшей жалости кровь людей, владыки Бухары вынуждены постоянно жить въ какомъ-то осадномъ положеніи, въ вѣчномъ недовѣріи и страхѣ даже по отношенію къ ближнимъ имъ людямъ. Вѣроломство и жестокосердіе, исторически укоренившіяся въ обычаяхъ бухарцевъ, обращаютъ обыкновенно каждое новое царствованіе въ кровавую баню своего рода, гдѣ явно или тайно, желѣзомъ, ядомъ или веревкой новый повелитель старается прежде всего отдѣлаться навсегда отъ опасныхъ ему родственниковъ и друзей прежняго владыки, хотя бы они были ближайшіе родственники ему самому. Еще недавно доходило до того, что при выѣздѣ эмировъ изъ Бухары даже сыновья ихъ обязывались уѣзжать изъ города, въ предупрежденіе заговоровъ и возстаній. Въ своихъ расписныхъ дворцахъ эмиры обыкновенно живутъ какъ въ тюрьмѣ, не смѣя свободно съѣсть кусокъ хлѣба и выпить стаканъ воды. Кушъ-беги,—ихъ правая рука, ихъ великій визирь, единственное лицо, которому они волей-неволей должны довѣриться,—обязанъ прежде самъ испробовать всякое кушанье, которое готовится эмиру, закрыть его послѣ того крышкой, замкнуть крышку на ключъ и запечатать собственною печатью. Только съ такими предосторожностями кушанье можетъ быть подано эмиру. Исключительное довѣріе, которымъ пользуется у эмира кушъ-беги, дѣлаетъ его почти безконтрольнымъ правителемъ всей страны. Всѣ выгодныя и важныя должности обыкновенно раздаются его родственникамъ и друзьямъ; въ рукахъ кушъ-беги сосредоточивается главное распоряженіе пошлинами и сборами всякаго рода, обогащающее его и его близкихъ на глазахъ всѣхъ. Бѣднымъ же людямъ живется при этихъ порядкахъ не особенно удобно. Хотя бухарецъ и хвастается, что «будь ему долженъ самъ эмиръ,—казій присудитъ ему взыскать долгъ и съ самого эмира», однако эта прямота и правдивость судей больше остаются въ разсказахъ о золотомъ старомъ времени, чѣмъ въ живой дѣйствительности. На богатаго и знатнаго тутъ не найдешь суда. Въ то же время трудовой классъ обложенъ далеко

не пустыми поборами. Бо̀льшая часть земель принадлежитъ эмиру, и бадаулетъ взыскиваетъ обыкновенно съ своихъ фермеровъ около половины жатвы. Даже и собственники земли должны платить немало: десятую часть дохода въ видѣ десятины (зикатъ) и потомъ еще налогъ на бѣдныхъ (ухръ) и разные другіе.

Впрочемъ, я говорю все это о недавнемъ времени, пока Россія не стала вмѣшиваться во многіе внутренніе распорядки ханства и понемножку отучать бухарское правительство, по крайней мѣрѣ, отъ самыхъ возмутительныхъ его обычаевъ.

Бухарскій народъ не только находится въ рабской зависимости отъ своего хана, но и рабски выражаетъ ему свою почтительность. При появленіи эмира на улицѣ движеніе толпы разомъ прекрашается; всадники соскакиваютъ съ лошадей, арбакеши съ своихъ арбъ, прохожіе останавливаются какъ вкопанные на улицѣ и вытягиваются рядами; при приближеніи владыки всѣ эти ряды людей почтительно преклоняютъ предъ нимъ свои главы, иные даже падаютъ ницъ, сознавая свое недостоинство лицезрѣть нечестивыми очами свѣтлый образъ эмира-эль-муменина.

Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться, зная все это, добровольному ослѣпленію англичанъ, которые изъ закоренѣлой ненависти къ Россіи готовы видѣть даже въ грубомъ деспотизмѣ потомковъ Чингиса идеальное правительство своего рода. Борнсъ, въ своей извѣстной книгѣ, упомянутой мной раньше, высказываетъ, напримѣръ, о Бухарѣ такія наивныя сужденія: «во всей Азіи нѣтъ края, въ которомъ бы всѣ классы населенія были такъ покровительствуемы во всемъ. Не-мусульмане должны только соблюдать небольшое число предписанныхъ обычаевъ, чтобы быть во всемъ остальномъ на одномъ уровнѣ съ правовѣрными. Кодексъ законовъ кровожаденъ, но тѣмъ не менѣе справедливъ».

«Вообще, увѣряетъ Борнсъ, народъ здѣсь счастливъ, край цвѣтущъ, торговля процвѣтаетъ, собственность ограждена».

Сейчасъ видно, что это говоритъ наблюдатель, которому не

позволялось днемъ показываться на улицѣ, котораго не пускали въ двери магометанскихъ домовъ и отнимали чернила, чтобъ онъ не могъ записывать то, что̀ видѣлъ. Но какъ мало похожи эти легкомысленные выводы бѣглаго и пристрастнаго англійскаго туриста на все то, что̀ намъ разсказываютъ о Бухарѣ наши знатоки Востока, подолгу жившіе въ ней, въ корнѣ изучившіе ее, и даже—на то, что̀ успѣли видѣть въ «благородной Бухарѣ» сами мы.

V.

Голодная степь.

Поѣздъ остановился, а мы еще спимъ въ своемъ покойномъ вагонѣ. Путь его конченъ, дальше ничего, кромѣ грязи и пыли. Новая европейская цивилизація, вторгшаяся по желѣзнымъ рельсамъ въ старыя владѣнья «Желѣзнаго Хромца», замираетъ на порогѣ его столицы. Отсюда начинается еще ничѣмъ не растатанное царство верблюда и арбы.

Мы торопливо собираемъ свои пожитки и спускаемся въ вокзалъ. Прекрасные парные извозчики на бойкихъ лошадяхъ, въ помѣстительныхъ фаэтонахъ, на перебой другъ съ другомъ предлагаютъ свои услуги. Усаживаемся въ покойную колясочку и несемся словно съ кѣмъ-нибудь на перегонку по отлично мощенымъ улицамъ «Русскаго Самарканда». Тутъ въ каждомъ городѣ необходимая двойственность. Русская Бухара, русскій Самаркандъ, русскій Ташкентъ, русскій Коканъ, русскій Маргеланъ, рядомъ съ туземнымъ Самаркандомъ, туземною Бухарой, туземнымъ Маргеланомъ... Условія жизни Русскаго и Азіатца до того не похожи другъ на друга, до того трудно переносятся тѣми, кто не привыкъ къ нимъ, что нельзя было выдумать ничего лучше какъ этимъ звѣрямъ двухъ разныхъ породъ позволить жить, такъ сказать, въ разныхъ клѣткахъ, не мѣшая другъ другу. Къ тому же и въ видахъ безопасности немного-

численнаго русскаго населенія было вполнѣ благоразумно собрать ихъ въ отдѣльную дружную кучку, подальше отъ опасной тѣсноты туземныхъ улицъ и двориковъ. И почти вездѣ появленіе рядомъ со старыми азіатскими центрами торговли и власти новыхъ русскихъ поселковъ заставляетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе засыхать вѣтви и корни старыхъ азіатскихъ стволовъ, питательные соки которыхъ постепенно оттягиваются отъ нихъ молодою русскою порослью.

Русскій Самаркандъ — такая прелесть, которой никакъ не ожидаешь въ этой странѣ варварства. Широкія, отлично мощеныя улицы уходятъ длинными перспективами направо и налѣво, пересѣкая другъ друга съ геометрическою правильностью. Это даже не улицы, а тѣснистыя аллеи, дышащія прохладой, журчащія ручьями. Тополя-гиганты, какихъ мы не знаемъ въ Россіи, тѣсными зелеными полками провожаютъ въ нѣсколько рядовъ оба тротуара улицы, не пропуская внутрь ея боковыхъ лучей утренняго солнца; и у корней этихъ зеленыхъ колоссовъ съ веселымъ лепетомъ бѣгутъ неизбѣжные здѣсь арыки, безъ которыхъ въ Туркестанѣ невозможна никакая растительность, никакая жизнь.

Чистота и порядокъ вездѣ. Сейчасъ видно, что всѣмъ распоряжается здѣсь, все здѣсь создала и создаетъ — и этотъ порядокъ и эту чистоту—военная сила. Она тутъ и мостить, и строитъ, и насаждаетъ и обводняетъ.

Я давно пришелъ къ тому убѣжденію, что русскій человѣкъ удивительный человѣкъ, если его держать въ строгой дисциплинѣ. Англичанинъ, совершенно наоборотъ, удивителенъ вездѣ, гдѣ онъ можетъ проявить свою личность и свободу иниціативы. Наши русскіе монахи и солдаты—лучшій примѣръ этому. Неопрятное вольное русское хозяйство обращается въ чистоплотную голландскую ферму гдѣ-нибудь въ Соловецкомъ монастырѣ, подъ желѣзною ферулой иноческаго послушанья, а что̀ можетъ сдѣлать нашъ солдатикъ по приказу начальства—

хорошо знаютъ всѣ, кто посѣщалъ наши восточныя окраины, цивилизуемыя россійскимъ воинствомъ.

Домики небольшіе, низенькіе, всѣ въ одинъ этажъ, но всѣ зато каменные, всѣ чистенькіе и бѣленькіе; они такъ молодо и весело вырѣзаются на зеленомъ фонѣ садовъ и деревьевъ, заполонившихъ здѣсь все.

Послѣ зноя безлюдной пустыни въѣзжаешь какъ въ зеленый рай въ такой тѣнистый зеленый уголокъ.

Въ этомъ «губернскомъ городѣ» далекаго «забраннаго края» ничего подобнаго тѣмъ пыльнымъ, въ отчаянье приводящимъ улицамъ и тѣмъ безотраднымъ вереницамъ кирпичныхъ двухъэтажныхъ и трехъэтажныхъ сундуковъ, что́ беззащитно жарятся на солнцѣ въ заправскихъ губернскихъ городахъ старой Россіи, во всѣхъ этихъ Орлахъ, Курскахъ, Тулахъ, Калугахъ и Тамбовахъ...

Видно и мы, русскіе, научились чему-нибудь и что-нибудь забыли въ эти годы своего историческаго опыта.

Конечно, прежде всего научила насъ здѣсь новымъ строительнымъ и устроительнымъ пріемамъ здѣшняя же природа и здѣшняя же жизнь. Солнце Туркестана, бездождіе Туркестана волей-неволей заставятъ вспомнить о тѣни дерева, о водѣ арыка. Къ тому же, каждый туземный кишлакъ своими сплошными садами, густо облегающими дороги, своими вездѣ журчащими канавками далъ русскому цивилизатору готовый образчикъ для будущихъ поселеній его, и мы только развили этотъ прирожденный здѣсь типъ тѣнистаго кишлака въ несравненно болѣе грандіозный, несравненно болѣе удобный и опрятный типъ новаго русскаго города въ совершенную противоположность съ узенькими непроѣздными переулками, вьющимися среди глиняныхъ заборовъ, зноемъ, пылью и вонью старыхъ большихъ городовъ Туркестана, которые сохраняютъ тѣнистый характеръ кишлаковъ только на окраинахъ своихъ, но ужъ никакъ не въ серединѣ своей, переполненной людомъ и торговлею.

Настоящихъ гостинницъ въ Самаркандѣ нѣтъ, а есть такъ на-

зываемые *„нумера“*, болѣе или менѣе сносные. Намъ посовѣтовали остановиться въ Варшавскихъ нумерахъ. Въ небольшомъ домикѣ, на углу проѣзжей улицы, намъ отвели очень порядочную и, прежде всего, очень тѣнистую комнату, устланную войлоками, обвѣшанную по стѣнамъ коврами. Тутъ же по заказу вашему готовится не особенно хитрый, но вкусный столъ, вполнѣ домашняго хорактера. Цѣны божескія, хозяева услужливые. Мнѣ прежде всего нужно было нанять экипажъ для изрядно продолжительнаго путешествія въ Ташкентъ, Коканъ и далѣе, къ Ошу. Пришлось порядочно порыскать для этого по незнакомому городу, а все-таки я остановился въ концѣ концовъ на помѣстительномъ казанскомъ тарантасѣ нашего хозяина, несомнѣнно видавшемъ всякіе виды на своемъ вѣку. Дороги во многихъ мѣстахъ Туркестана, особенно гористой Ферганской области, такъ каменисты и неровны, а почтари-киргизы такая еще дичь, что тутъ нужно выбирать себѣ экипажъ, крѣпкій какъ наковальня. если приходится, какъ намъ, сдѣлать на немъ добрыхъ полторы тысячи верстъ взадъ и впередъ. Къ тому же намъ требовался цѣлый Ноевъ ковчегъ своего рода, чтобы помѣстить въ одно и то же время и нась обоихъ, и нашъ далеко не шуточный багажъ.

Пріятель нашъ американецъ Крэнъ отсталъ отъ насъ въ Бухарѣ, которая увлекла его своеобразностью своихъ типовъ и нравовъ. Мы хотѣли провести Святую недѣлю у своихъ въ Ташкентѣ, и онъ обѣщалъ нагнать насъ тамъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда вмѣстѣ съ нами отправиться въ Ферганскую область, изъ которой смѣлый Янки разсчитывалъ пробраться еще въ Кашгаръ и Яркендъ. Но почему-то ему не удалось исполнить своего намѣренія, и уже въ Ташкентѣ мы получили отъ него письмо, которымъ онъ увѣдомлялъ насъ, что дальше Самарканда поѣхать не могъ и возвращается черезъ Кавказъ въ Европу. Впослѣдствіи, когда мы уже были въ Россіи, этотъ милый спутникъ нашъ прислалъ намъ изъ Чикаго цѣлый транспортъ крайне для меня интересныхъ фотографическихъ снимковъ, которые онъ дѣ-

лалъ своимъ моментальнымъ аппаратомъ съ типовъ и мѣстностей Кавказа, Туркестана, Бухары и Самарканда.

Только разставшись съ нимъ, мы узнали, что этотъ въ высшей степени скромный и неприхотливый человѣкъ—одинъ изъ крупныхъ милліонеровъ въ Чикаго, владѣлецъ всякихъ пароходовъ, фабрикъ и акцій, и что его страсть — всесвѣтныя путешествія.

Россію онъ особенно любитъ и старается изучить, состоя даже членомъ нашего Императорскаго Географическаго Общества; онъ очень просилъ меня доставлять ему для перевода на англійскій языкъ, съ цѣлью ознакомить съ ними американскую публику, болѣе талантливыя произведенія новыхъ русскихъ беллетристовъ, если только можно имѣть ихъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, просилъ меня также прислать ему для той же цѣли мои книги о Кавказѣ и Крымѣ.

Мы рѣшились въ этотъ проѣздъ не осматривать Самарканда, а отложить это до обратнаго пути, такъ какъ иначе мы никакъ не могли поспѣть къ Свѣтлому празднику въ Ташкентъ, гдѣ насъ ждалъ къ этому дню сынъ со своею молодою женой.

Закупились всякою провизіей на дорогу, послали куда слѣдуетъ телеграммы, уложились въ своемъ старомодномъ тарантасѣ, какъ старосвѣтскіе помѣщики, отправлявшіеся, бывало, изъ деревни въ Москву на собственныхъ лошадкахъ и, благословясь, тронулись въ путь. Хотя намъ и пришлось проѣхать черезъ туземный Самаркандъ, хотя мы и любовались издали его изумительными древними мечетями, но я воздержусь здѣсь отъ всякаго описанія славной столицы Тимура, потому что будетъ гораздо удобнѣе сдѣлать это за одинъ разъ при подробномъ осмотрѣ нашемъ на возвратномъ пути всѣхъ достопримѣчательностей этого характернаго города.

Безъ конца долго тянется старый Самаркандъ своими пригородами и предмѣстіями, своими чудными тѣнистыми садами, безконечными рядами высокихъ пирамидальныхъ тополей и глубокими оврагами большихъ древнихъ арыковъ своихъ. Безъ

конца долго и за нимъ тянутся такіе же тѣнистые, такіе же очаровательно зеленые кишлаки. Глазъ радуется на все, на что̀ ни взглянетъ: на молодую ярко-сіяющую весну, на роскошно цвѣтущіе сады, на сытыя зеленыя поля, гдѣ трудолюбивый сартъ пашетъ на быкахъ своимъ первобытнымъ деревяннымъ раломъ, глубоко взрывая землю подъ рисъ и подъ дыни. Ярмо на его быкахъ такое же первобытное, какъ и его плугъ: тяжелое бревно безо всякаго выгиба и вырѣзки немилосердно третъ выносливыя шеи бѣдной скотины, покоя на себѣ привязанный сверху конецъ плужнаго дышла. Кажется, невозможно придумать запряжки глупѣе и неудобнѣе этой, а между тѣмъ вотъ какое уже столѣтіе такое простое и справедливое соображеніе не приходитъ въ голову наивному туземному землепашцу, и онъ, ничто же сумняся, изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжаетъ мучить этими бревнами свой злополучный рабочій скотъ.

Весело на землѣ, весело на небѣ, весело на душѣ! Всего 18 апрѣля, а тутъ уже ярко, жарко, зелено и пышно, какъ у насъ въ началѣ іюня. И зелень эта кажется еще зеленѣе отъ сіянія снѣговыхъ горъ, все время провожающихъ издали нашу дорогу непрерывающимся туманнымъ хребтомъ. Это отрогъ Алайской цѣпи горъ, хребетъ Чуйкаръ-тау, заслоняющій собою съ сѣвера верхнюю долину Заравшана — первая ступень далекаго гиганта Тянь-Шаня.

Жизнь, движеніе кругомъ; разноцвѣтныя птицы, удоды, сойки, сивоворонки унизываютъ какъ яркіе каменья безконечную проволоку телеграфа, стрекочутъ и перегоняются взапуски другъ съ другомъ. И нагоняешь, и встрѣчаешь вездѣ толпы народа, арбы цѣлыми обозами, нескончаемые караваны верблюдовъ; тутъ настоящее верблюжье царство, а на дорогахъ настоящій базаръ! Киргизы попадаются все чаще и чаще. Киргизы тутъ ямщики, киргизы тутъ и *лаучи*, то-есть верблюдовожатые. Теперь имъ воля, при русскомъ владычествѣ. Какой-нибудь одинъ мальчишка-киргизенокъ, чуть примѣтный между лохматыхъ горбовъ

передового верблюда, ведетъ себѣ днемъ и ночью изъ-за нѣсколькихъ сотенъ верстъ, черезъ всякіе уѣзды и области, города и деревни, десять, пятнадцать, двадцать верблюдовъ, обвѣшанныхъ тюками, беззаботно ночуетъ съ ними въ степи, беззаботно двигается съ ними по пустыннымъ дорогамъ, и горя ему мало. А давно ли приходилось туземцамъ охранять свои караваны цѣлыми вооруженными отрядами, стоять по недѣлямъ на границахъ ханствъ, ожидая охранныхъ грамотъ, платить произвольныя пошлины и поборы чуть не въ каждомъ попутномъ городѣ и, несмотря на все это, частенько терять свой товаръ и свой скотъ, подчасъ и свою голову.

Теперь степь держитъ себя тише воды, ниже травы. Нигдѣ ни разбоевъ, ни грабежа. Грозный призракъ русской военной силы стоитъ здѣсь надо всѣмъ и оберегаетъ здѣсь все.

Лицо киргиза уже совсѣмъ не то, что у узбека, у сарта; не то даже, что у туркмена: въ немъ гораздо больше монгольства, калмычины. И весь видъ киргиза какой-то дикій, полузвѣриный. Особенными дикарями смотрятъ желтые морщинистые киргизы, беззубые, безусые, съ рѣдкими клочками волосъ на подбородкѣ. Остроконечные колпаки, какъ сахарныя головы, изъ бѣлаго войлока съ широкими разрѣзными полями, подбитыми иногда краснымъ или синимъ, уцѣлѣвшіе, должно быть, еще отъ временъ Темучина, сообщаютъ еще болѣе монгольскій видъ этимъ характернымъ монгольскимъ физіономіямъ. На многихъ еще растрепанные зимніе малахаи на мѣху съ затыльниками и наушниками; звѣроподобныя рожи киргизовъ выглядываютъ особенно свирѣпо и звѣроподобно изъ рамокъ этихъ лохматыхъ мѣховыхъ опушекъ. Попадаются на киргизахъ и болѣе легкія шапочки, тоже изъ бѣлаго войлока, но не такія высокія и лопоухія, съ отвернутыми вверхъ красными полями безъ разрѣза; только спереди край шапки не отогнутъ, а заслоняетъ глаза отъ свѣта вмѣсто козыря.

Мальчишки-почтари всѣ въ такихъ шапкахъ да еще съ мѣдными казенными бляхами напереди, которыми они, повидимому, гордятся будто какимъ нибудь заслуженнымъ орденомъ. Все-

таки, молъ, казенная особа, на царской службѣ своего рода, а не простой вожакъ верблюдовъ.

За первою станціей послѣ Самарканда—Джамбулатомъ,—какъ только переѣдешь многочисленные разливы Заравшана, начинается очень порядочное шоссе; оно продолжается и всю слѣдующую станцію отъ Каменнаго моста до Сарайлыка узкою каменною плотиной, густо обсаженною деревьями; подъ тѣнью ихъ ѣдешь какъ по зеленому корридору; арыки журчатъ по обѣимъ сторонамъ, еще болѣе прохлаждая зной воздуха и утѣшая путника своимъ несмолкающимъ лепетомъ. Встрѣчи на каждомъ шагу, никакъ не минуешь этихъ безъ перерыва идущихъ карвановъ. А разъѣхаться съ громоздкими арбами, съ громоздкими верблюдами, обвѣшанными многопудовыми тюками хлопка, не особенно удобно на этой узкой насыпи. Верблюды, ослы, лошади съ испугомъ пятятся отъ звонковъ почтовой тройки, обрываясь въ канавы, цѣпляясь за деревья. Для этихъ азіатскихъ обозовъ нуженъ и просторъ азіатской степи, а не тѣсная рамка цивилизованной европейской дороги. Всадники тутъ большею частью все по два на одномъ конѣ, экономіи ради. Какой нибудь босоногій мальчуганъ обхватитъ своими смуглыми ручонками шею старика-отца и стоитъ себѣ за нимъ на сѣдлѣ цѣлые часы сряду, незамѣтно воспитываясь съ младенческихъ лѣтъ въ привычкахъ джигита. А вонъ одинъ усѣлся совсѣмъ на хвостъ верблюда, не считая двухъ другихъ, помѣстившихся среди горбовъ. Терпѣливый горбачъ все выноситъ, всѣхъ донесетъ.

Грунтовая дорога тоже обсаживается во многихъ мѣстахъ деревьями, и все почти новыхъ породъ, неизвѣстныхъ прежде Туркестану: айлантомъ, китайскимъ клёномъ, гледичіей, бѣлою акаціей, чуть ли не изъ обширныхъ питомниковъ Мервскаго Государева имѣнія въ Байрамъ-Али.

Обсадка дорогъ—уже русское нововведеніе, и я нахожу, что ничѣмъ нельзя лучше цивилизовать и оживить знойныя равнины

Туркестана, какъ деревомъ и водою; а здѣсь, гдѣ посажено дерево, туда, значитъ, проведена и вода.

На одной изъ станцій мы попали въ шумный и пестрый базаръ. Цѣлая туча сартовъ, узбековъ, киргизовъ, верхами по одному и по двое, на ослахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, въ ярчайшихъ полосатыхъ халатахъ, толкались среди тѣснаго деревенскаго рынка. Женщинъ тутъ было не меньше мужчинъ, и понять было трудно, за какимъ собственно дѣломъ сбилась сюда и праздношаталась здѣсь эта многолюдная толпа, окружавшая жалкія лавочки съ товаромъ на три гроша.

Мы стояли на крылечкѣ станціи, любуясь на эту живописную азіатскую толкотню, на характерные, еще мало знакомые намъ типы, и помаленьку перебрасывались словечкомъ съ хозяйкой станціи, домовитою и чистоплотною русскою бабой изъ пермской губерніи, только что угостившею насъ свѣжимъ молокомъ въ своей по-христіански убранной опрятной горницѣ.

— Насъ ни сарты, ни киргизы никогда не обижаютъ, ни Боже мой! разсказывала намъ умная старуха.—Боятся русскихъ! Бываетъ, съ деньгами не маленькими по базарамъ деревенскимъ ходишь, домой ночью ворочаешься, а не тронетъ ни одинъ. Мы съ мужемъ три года въ Мурза-Рабатѣ на станціи жили, совсѣмъ одни, ужь на что, кажется, степь глухая, на пятьдесятъ верстъ деревушки не найдешь, киргизы все кругомъ дикіе, кибитки, гдѣ его тамъ поймаешь, сегодня здѣсь, завтра слѣдъ простылъ... А никогда ничего не было, грѣхъ сказать. Потому что строгость отъ начальства. А еслибы-то не строго, и жить бы было совсѣмъ нельзя! Теперь если на киргиза или на сарта жалобу въ судъ или по начальству подашь, такъ онъ отъ страха не знаетъ, куда ему дѣться, въ ногахъ валяется, проситъ: не подавай на него жалобы... А промежь себя у нихъ за самую малость сейчасъ драка! рубашки поскидаютъ и уцѣпятся другъ за дружку, начнутъ тузить другъ друга по чемъ попало. Сарты — тѣ еще хуже на драку, чѣмъ киргизы; слово ему не такъ показалось, какъ порохъ вспыхнулъ, и въ потасовку сейчасъ. А живутъ

хорошо, одѣваться любятъ, въ гости другъ къ другу ходятъ, гостинцами угощаютъ, и народъ рабочій, ничего! Только вотъ хлѣбушка мало ѣдятъ, не то что нашъ братъ православный!..

Со вздохомъ соболѣзнованія закончила старуха.

Ночевать намъ пришлось на станціи Ямы-Курганъ, въ 72 верстахъ отъ Самарканда. Здѣшнія почтовыя станціи не балуютъ путешественника особеннымъ комфортомъ, да на него и смѣшно здѣсь разсчитывать. Провизію всякаго рода необходимо везти съ собою, хотя случайно можно раздобыться кувшиномъ молока или мискою горячей похлебки, если захватишь за обѣдомъ хозяевъ станцій. Спать приходится тоже по-спартански, на какихъ-нибудь узенькихъ жесткихъ диванахъ или на каменной лежанкѣ, если, конечно, они не захвачены раньше васъ другими проѣзжими. Съ нами не разъ случались потомъ и эти оказіи; тогда мы просто-напросто устраивались на ночь въ своемъ объемистомъ тарантасѣ, опуская пониже зонтикъ, застегивая повыше фартукъ и укутываясь потеплѣе въ пледы и бурки. Когда дѣйствительно хочется спать, то и на такой постели спишь сномъ праведнаго.

Рано утромъ лошади уже были готовы, и мы удальски покатили по каменистой доротѣ. Намъ совѣтовали проѣхать пораньше ущелья, пробитыя въ толщѣ горнаго хребта русломъ бурной рѣчки Елань-Уте. Длинныя цѣпи горъ, отдѣлившіяся отъ Алайскаго хребта, сначала подъ именемъ Мальгучаръ, потомъ подъ именемъ Кара-тау, тянутся на западъ въ песчанныя пустыни Бухары и отдѣляютъ какъ стѣной южную плодоносную область Заравшана,—«разносителя золота»,—отъ громадной безплодной равнины, что разстилается къ сѣверу отъ этихъ горъ до самаго русла Сыръ-Дарьи. Это-то и есть знаменитая «Голодная степь». Чтобы добраться до нея, нужно было прорѣзать насквозь горную цѣпь по ущельямъ Елань-Уте. Живописныя ущелья эти безконечною змѣей извиваются между скалистыхъ выступовъ и обрывовъ, провожая капризные повороты рѣки, и добрыхъ

20 верстъ приходится ѣхать ими, поминутно пробираясь черезъ многочисленныя колѣна рѣки. При малѣйшемъ дождѣ, при сильномъ таяньи снѣга въ горахъ, рѣка дѣлается не проѣздною, оттого-то самое безопасное — переѣзжать ее пораньше утромъ, пока солнце еще не нагнало съ горъ снѣговыхъ водъ. По щебню и камнямъ Елань-Уте мчаться совсѣмъ невозможно, а волей-не волей тащишься чуть не шагомъ, наслаждаясь зато разнообразными горными ландшафтами дикаго ущелья. Все это крайніе западные отроги горныхъ громадъ Тянь-Шаня, который входитъ въ наши среднеазіатскія владѣнія одною изъ крупныхъ вѣтвей своихъ—Алайскимъ хребтомъ.

На половинѣ дороги между Ямы-Курганомъ и Джизакомъ, верстъ за 12 отъ него, ущелье Елань-Уте принимаетъ грозный и эффектный видъ. Отвѣсныя скалы его разомъ выростаютъ и сдвигаются съ обѣихъ сторонъ, сдавливая своими каменными пятами бѣшенно-ревущій потокъ. Это «Тамерлановы ворота». На крайней лѣвой скалѣ ихъ, довольно близко надъ рѣкой, гладко стесано мѣсто, величиной около квадратной сажени, и на немъ начертана длинная арабская надпись. Преданіе говоритъ, что это собственноручная надпись Тамерлана, который будто бы раздвинулъ руками человѣческими эту скалистую тѣснину, гдѣ прежде съ трудомъ могъ проѣхать одинъ всадникъ. Поэтому-то она и носитъ до сихъ поръ имя «Тамерлановыхъ Воротъ».

Въ противоположной скалѣ, направо отъ дороги, чернѣетъ пещера, которую туземцы тоже связываютъ съ именемъ своего любимца,—великаго хана Тимура. Тутъ онъ будто бы жилъ въ тѣ дни, когда пріѣзжалъ смотрѣть, какъ пробивали его ворота.

Мы входили въ эту пещеру, очень неглубокую и небольшую; она не представляетъ никакого интереса, хотя мнѣ разсказывали, будто тамъ были сдѣланы когда-то какія-то находки.

За «Тамерлановыми воротами» горный пейзажъ принимаетъ уже совсѣмъ другой, менѣе живописный характеръ, зато мѣстность дѣлается населеннѣе и люднѣе. Кишлаки, сады, поля начинаютъ попадаться все чаще по мѣрѣ приближенія къ Джизаку.

Джизакъ — первый городъ послѣ Самарканда на пути къ Ташкенту. Отъ него около 100 верстъ до Самарканда и верстъ 185 до Ташкента. Теперь это уѣздный городъ со всѣми узаконенными уѣздными чинами и учрежденіями. Русскій городокъ маленькій, но хорошенькій, съ чистенькими бѣленькими домиками; онъ весь потонулъ въ садахъ, тополевыхъ аллеяхъ, молодыхъ посадкахъ и прячется въ тѣни близко надвинувшихся на него зеленыхъ горъ съ чудными ущельями и заманчивыми прогулками. На скамьяхъ городского садика посиживаютъ себѣ досужіе чиновники, русскія няньки съ дѣтьми, по улицамъ снуютъ наши молодцы-солдатики, кучера въ красныхъ рубахахъ, всюду развѣваются по случаю табельнаго дня русскіе флаги. Вонъ и магазинъ русскаго купца Филатова, кажется, пока единственный, но зато такой же, какъ въ любомъ Орлѣ или Воронежѣ; а вонъ и православная церковь, немножко смахивающая впрочемъ своимъ черезчуръ упрощеннымъ стилемъ на лютеранскую кирку. Дѣлается радостно на душѣ отъ этого съ дѣтства дорогого вида родной русской силы на такой далекой и чуждой сердцу окраинѣ.

За русскимъ городкомъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ него разбросался безконечнымъ кишлакомъ туземный Джизакъ съ своими густыми старыми садами, глубокими арыками, искусно-расписанными глиняными дувалами. Базары его были переполнены яркою разноцвѣтною толпой франтоватыхъ Сартовъ, съ красивыми, но сердитыми и непріязненными лицами.

Джизакъ славится своимъ гончарнымъ производствомъ, и потому всѣ лавченки его до верху набиты огромными кувшинами, горшками, мисками, кубышчатыми печами и всякимъ другимъ скудельнымъ товаромъ. Пьяный землякъ нашъ отчаянно дрался за что-то въ одиночку съ цѣлою кучкой ощетинившихся Азіатовъ при безмолвномъ, но очень неодобрительномъ созерцаніи собравшагося базара.

Въ концѣ туземнаго города—большая Бухарская кала̀ съ очень высокими стѣнами, башнями весьма внушительно смот-

ритъ изъ-за глубокихъ рвовъ, наполненныхъ водой. Эти рвы и стѣны стоили намъ не мало при взятіи Джизака.

Джизакъ изстари былъ защитнымъ укрѣпленіемъ Заравшанской долины съ сѣвера отъ степныхъ кочевниковъ. Онъ стоитъ своего рода сторожемъ «Тамерлановыхъ Воротъ» при единственномъ проходѣ черезъ горы и на распутьи важныхъ дорогъ. Прямая караванная дорога, обращенная теперь въ почтовую, ведетъ отъ него на сѣверо-востокъ къ Ташкенту; направо, на востокъ, другой такой-же старинный торговый путь, и тоже теперь почтовый, пробирается населенными предгоріями, черезъ значительный прежде городъ Ура-Тюбе, въ Ходжентъ и дальше въ Коканъ и другіе крупные промышленные центры Ферганской области, какъ Маргеланъ и Андижанъ. Третья дорога рѣзко поворачиваетъ изъ Джизака на сѣверо-западъ, въ сторону, противоположную Ходжентской дорогѣ. Она тянется безконечными пустынями и песками по кочевьямъ Киргизовъ и заворачиваетъ потомъ дугой къ юго-западу на Аму-Дарью и Хиву. Понятно поэтому, что обладаніе Джизакомъ всегда открывало ворота въ цѣлое Бухарское ханство.

«Голодная степь» начинается за Джизакомъ не сразу. Цѣлыя 16 верстъ до станціи Учь-Тюбе и еще версты двѣ за эту станцію—стелется, какъ подножіе зеленыхъ предгорій, ровный плодородный лугъ, изрѣзанный многочисленными арыками, распаханный подъ поля. Множество скота бродитъ по этимъ лугамъ, множество народа встрѣчается на каждомъ шагу, и вездѣ кругомъ виднѣются становища кибитокъ, кишлаки, потонувшіе въ садахъ, длинные ряды тополей. Горная цѣпь вырисовывается высоко, красиво и ясно, осѣненная сверху, будто безплотными призраками, далекими снѣговыми великанами.

Но уже за Учь-Тюбе мѣстность измѣняется рѣзко, какъ декорація театра. Села, сады, поля—все вдругъ исчезаетъ. Безбрежная равнина болѣе ста верстъ ширины и въ нѣсколько сотъ верстъ длины разстилается между Учь-Тюбе и берегами

Сыръ-Дарьи. Съ юго-востока она подходитъ къ Ура-Тюбе, съ сѣверо-запада теряется въ пескахъ Кызылъ-Кума.

Это знаменитая «Голодная степь». Голодная она не потому, чтобы ея почва не годилась подъ посѣвы; напротивъ, это въ сущности тучная почва, способная давать хорошіе урожаи, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, покрытыхъ солончаками. Голодная она потому, что въ ней совершенно нѣтъ воды. Великій князь Николай Константиновичъ, давно поселившійся въ Туркестанѣ, въ качествѣ частнаго лица, и имѣющій владѣніе по сосѣдству съ «Голодною степью», положилъ, говорятъ, не менѣе ста тысячъ рублей на то, чтобы напоить эту безводную равнину и обратить ее изъ мертвой страны въ живую и плодоносную. Онъ провелъ въ нее множество арыковъ съ юго-западной стороны и вызвалъ на орошенныя земли русскихъ колонистовъ. Но до сихъ поръ это полезное предпріятіе еще не установилось прочно, и о результатахъ его нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго.

Нашимъ глазамъ впрочемъ эта ужасная «Голодная степь» представилась, благодаря веснѣ, въ самомъ чарующемъ видѣ. Она казалась преисполненною обиліемъ всякаго рода. Яркая зеленая трава покрывала ея неоглядными коврами, и по этимъ привольнымъ пастбищамъ ея радостно бродили, отъѣдаясь досыта послѣ зимней голодовки, безчисленныя стада барановъ, безчисленные табуны лошадей и верблюдовъ... Муравьиныя кучи черныхъ киргизскихъ кибитокъ, прикочевавшихъ сюда ради обильныхъ кормовъ, то и дѣло темнѣютъ на пригоркахъ среди этого сплошного зеленаго бархата. Тутъ и помимо ихъ бродятъ разные туземные обитатели: большіе сѣрые журавли, красноносые аисты, орлы, сокола. Орлы тутъ огромны и смѣлы какъ звѣри. Даже приближеніе тройки съ колокольчиками не вспугиваетъ ихъ. Они едва только отпрыгиваютъ, гнѣвно шипя, шага на два отъ дороги и продолжаютъ съ вызывающимъ видомъ смотрѣть своими суровохищными глазами на дерзкихъ нарушителей ихъ царственныхъ правъ надъ пустыней...

Во всякомъ случаѣ престранная «Голодная степь» съ такими сытыми хозяевами!..

Нигдѣ я не видалъ такого изумительнаго обилія черепахъ, какъ въ «Голодной степи». Вѣроятно, теперь былъ сезонъ ихъ любви. Вся «Голодная степь», сколько мы ни ѣхали ею, была покрыта этими ползучими тварями. Бѣлесоватыя полушарія ихъ горбовъ свѣтятся издали среди зеленой травы; когда онѣ лежатъ неподвижно, грѣясь парочками на солнцѣ, кажется, будто вы ѣдете среди бакши недоспѣвшихъ кавуновъ, и что это ихъ бѣлесоватыя горбушки вырѣзаются, освѣщенные солнцемъ, на фонѣ зелени. Когда ѣдешь версту, десять верстъ, двадцать верстъ, пятьдесятъ верстъ, и вездѣ кругомъ себя, куда только хватаетъ глазъ, видишь миріады этихъ медленно ворочающихся гадинъ, отказываешься понять, откуда вдругъ появились онѣ въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, и гдѣ скрываетъ все это таинственное населеніе свое мать сыра-земля.

На дорогѣ постоянно попадаются раздавленныя черепахи, потому что и колеса, и подковы лошадей и тяжелыя копыта верблюда—все безцеремонно ступаетъ на нихъ, переѣзжаетъ черезъ нихъ когда онѣ своею неспорою развалистою походкой торопятся переправляться черезъ колевины дорогъ.

Наглядѣлся таки я до́сыта, до отвращенія, можно сказать, на этихъ черепахъ! Онѣ гораздо крупнѣе, свѣтлѣе и горбатѣе тѣхъ черныхъ черепахъ, что́ я, бывало, часто видывалъ въ болотахъ и ручьяхъ Крыма. Бѣлесоватый цвѣтъ ихъ, конечно, отъ бѣловатой глинистой почвы, среди которой онѣ родятся и живутъ, точно такъ же, какъ черный цвѣтъ крымской черепахи результатъ ея постояннаго пребыванія въ черной грязи болотъ. Странно во всякомъ случаѣ, какъ это до сихъ поръ человѣкъ не ухитрился обратить себѣ на пользу, да еще въ «Голодной степи», столько сытой и въ сущности вполнѣ чистой твари, которая сама отдается ему въ руки.

Но мнѣ пришло въ голову, что въ нѣкоторомъ смыслѣ черепаха, пожалуй, уже сослужила нѣкоторую службу туземцу-ко-

левнику. Она несетъ на своей спинѣ природный образецъ той самой кибитки,—переноснаго круглаго жилья, гдѣ можно въ каждую минуту спрятаться отъ дождя, зноя, вѣтра, которую дикарь степей, можетъ быть, перенялъ отъ нея, своего стараго сосѣда, какъ древній грекъ или финикіянинъ могъ заимствовать модель своего паруснаго корабля отъ раковины навтилуса.

Кибитка киргиза въ сущности очень недалеко ушла отъ костяного шарообразнаго горба черепахи. Вѣдь и въ нее только можно влѣзть въ минуту крайности, вѣдь и она точно такъ же вскидывается на горбъ верблюда и везется съ мѣста на мѣсто. Посмотрите на нее издали: такой же круглый шатеръ и даже такъ же точно расписанъ отдѣльными щитками, потому что сшитъ изъ разныхъ войлоковъ. А когда черепаха, медленно перекачиваясь, ползетъ по дорогѣ, то невольно вспоминается туземная арба съ ея круглымъ верхомъ, раскачивающаяся изъ стороны въ сторону и медленно переползывающая съ камня на камень.

Черепахи ползутъ другъ за другомъ и другъ къ другу, взадъ и впередъ. Къ вечеру онѣ расползались какъ-то особенно суетливо. Въ этой безмолвной, чуть не окаменѣвшей твари тоже волнуются страсти, кипятъ желанія. Весна своими жаркими лучами жизни прохватила насквозь даже ихъ костяные горбы.

Вонъ онѣ повысовывали, наконецъ, изъ непроницаемыхъ панцырей на свѣтъ Божій свои головки, и задравъ ихъ вверхъ, безшумно перебѣгаютъ, будто какія-то крупныя перепелки, на кончикахъ своихъ высоко приподнятыхъ жирныхъ лапъ.

Но не долго «Голодная степь» будетъ такою оживленною, населенною и сытою. Уже въ маѣ зелень исчезнетъ безслѣдно, и вся эта необъятная равнина обратится въ одинъ сплошной желтый войлокъ. Уйдутъ далеко отсюда стада овецъ и табуны верблюдовъ, отлетятъ журавли и даже попрячутся по своимъ глубокимъ норамъ каменныя кибитки черепахъ. Уже и теперь бѣлые обглоданные костяки лошадей и верблюдовъ, частенько-таки торчащіе изъ зеленой травы, говорятъ вамъ краснорѣчиво,

что «Голодная степь» дѣйствительно бываетъ голодною. А голые оазисы солончаковъ, постоянно попадающіеся среди тучной почвы, живо рисуютъ вамъ картину ея будущаго безплодія.

Лошади наши пугливо рвутся въ сторону и таращатъ свои навострившіяся уши, неожиданно наталкиваясь на побѣлѣвшіе костяки. У звѣря, видно, не меньше воображенія и нервности, чѣмъ у нашего брата. А ужъ особенно у дикаго звѣря, каковъ киргизскій конь, еще не впавшій въ апатическое состояніе нашего ко всему равнодушнаго домашняго скота. Мы съ женой отъ души смѣялись, глядя на обычную здѣсь запряжку киргизами-ямщиками «почтовыхъ» киргизскихъ коней. Рѣдкую лошадь можно ввести въ оглобли мирно и просто. Почти всякую нужно держать подъ уздцы человѣкамъ двумъ, пока не тронется экипажъ; а пристяжныхъ частенько даже и запрячь нельзя. Привяжутъ поводъ, завожжаютъ, а постромки надѣть не смѣютъ,—не то сейчасъ задомъ швырнетъ и подхватитъ. Постромку держитъ на отлетѣ какой-нибудь киргизъ-ямщиченокъ, а другой подъ уздцы пристяжную. Только ямщикъ сѣлъ на козлы, едва успѣлъ вожжи въ руки взять, какъ лошадей разомъ спускаютъ, и онѣ подхватываютъ съ мѣста въ карьеръ; хорошо если еще гладко да ровно, нѣтъ никакихъ воротъ, никакихъ мостиковъ и трудныхъ поворотовъ, а то пиши пропало. Киргизъ съ постромкой бѣжитъ нѣкоторое время рядомъ и старается на ходу накинуть петлю на головашку ваги. Иногда ему приходится для этого пробѣжать не малую толику, а кое-когда случается, что пристяжная еще и протащитъ его носомъ по землѣ саженъ пять, десять, пока онъ ухитрится прикрѣпить постромку.

За двѣ версты до станціи Акчеты (Агашты) ландшафтъ «Голодной степи» еще разъ рѣзко измѣняется. Нигдѣ кругомъ не видно больше ни зеленаго бархата травъ, ни верблюдовъ, ни лошадей, ни овецъ, ни киргизскихъ кибитокъ, ни даже черепахъ. А между тѣмъ мы въѣхали не въ какіе-нибудь безплодные пески или солончаки. Напротивъ того, мы опять среди тука и обилія.

Куда только ни посмотришь: впереди, назади, направо, налѣво— сплошные лѣса какого-то могучаго и своеобразнаго растенія. Хотя растеніе это не дерево, но издали оно кажется небольшимъ хорошенькимъ деревцомъ въ аршинъ и въ полтора высоты, съ искусно обстриженною кроной. Круглый какъ трубка стволъ его, толщиной въ порядочную руку, вѣнчается роскошнымъ и чрезвычайно правильнымъ зонтикомъ, въ видѣ цѣлаго шара вѣтокъ, листьевъ и зеленовато-желтыхъ цвѣтовъ. Сразу видишь, что это растеніе изъ семейства зонтичныхъ, въ родѣ нашей зо́ри садовой, архангелики и имъ подобныхъ, но только еще сочнѣе и еще сытѣе. Снизу вокругъ голаго ствола стелятся по землѣ сплошнымъ поддонникомъ жирные листья, въ родѣ листьевъ нашего арбуза. Когда глядишь на громадную равнину, вездѣ густо заросшую этимъ страннымъ растеніемъ, впадаешь въ иллюзію: все кажется, что предъ тобой лѣса какихъ-то карликовыхъ деревьевъ; круглыя кроны ихъ, опрятно подобранныя вверхъ, напоминаютъ наши ракиты большихъ дорогъ, какими онѣ видны издали.

Меня заинтересовало это могучее растеніе, заполонившее всю степь, и я не разъ порывался остановить тройку, чтобы сорвать на память какой-нибудь хорошенькій экземпляръ, но станція была близка, и не стоило терять времени на остановку, все равно около станціи можно было сколько угодно нарвать этихъ незнакомыхъ мнѣ цвѣтовъ.

Къ благополучію нашему, въ Акчетахъ мы нагнали какого-то полковника изъ мѣстнаго начальства, распивавшаго чай. Слово-за-слово, разговорились о томъ, о семъ, о «Голодной Степи», о черепахахъ.

— Нужно будетъ пойти нарвать этихъ цвѣтовъ; за станціей я видѣлъ ихъ много,—сказалъ я женѣ.—Удивительно странное растеніе, дерево не дерево, а силы сколько! Всю степь покрыло... Вы не знаете, что̀ это за растеніе?—обратился я къ полковнику.

— Боже мой! да это асса-фетида!—вскрикнулъ онъ.—Вы развѣ никогда не видали асса-фетиды? Избави васъ Богъ руками тронуть, цѣлую недѣлю не отмоете, и платье провоняетъ, и все.

Запахъ такой убійственный, что близко подойти нельзя... Оттого-то ни одно животное его не трогаетъ. Растутъ вонъ цѣлые лѣса громадные, какъ мы видѣли, а толку никому никакого.

— Такъ это асса-фетида?—удивился я.—Счастливъ же мой Богъ, что я не соскочилъ изъ тарантаса на дорогѣ, какъ хотѣлъ, и не нарвалъ этой гадости. Хороши бы мы теперь были.

— Въ ротъ бы не могли ничего взять,—подтвердилъ полковникъ; — всякая пища опротивѣла бы отъ этого невыносимаго и ужасно цѣпкаго запаха.

— Послушайте же, однако, полковникъ,—замѣтилъ я.—Если это асса-фетида, какъ вы говорите, то вѣдь, сколько я знаю, асса-фетида очень дорогое лѣкарственное средство; въ арабской Азіи имъ крупная торговля идетъ... Почему же у насъ не эксплоатируютъ такое даровое сокровище?

— Ну, ужъ этого не могу вамъ сказать; пробовалъ у насъ одинъ докторъ въ Ташкентѣ, собиралъ, сушилъ, продавать думалъ, да что-то у него не выгорѣло дѣло; навѣрное не знаю отчего. Должно быть, добра этого у насъ во всякомъ случаѣ немного требуется; ну а заводить дѣла съ заграницей — умѣнье особенное надо, капиталъ. А тутъ еще даль такая, что одна перевозка будетъ стоить?..

Асса-фетида идетъ сплошными непрерывающимися зарослями верстъ на 65 въ ширину. Она началась за нѣсколько верстъ до станціи Акчеты, тянется 31 версту до станціи Мурза-Рабата и за Мурза-Рабатомъ захватываетъ почти всю слѣдующую станцію до Малека. Немудрено, что эти необъятныя одуряющія заросли изгнали изъ себя всякую жизнь. Даже сидя въ тарантасѣ, высоко надъ этими шаровидными кронами желтыхъ цвѣтковъ и постоянно глотая чистый воздухъ, чувствуешь какую-то неясную тошноту отовсюду проникающаго поганаго духа этого растенія-отравителя.

— Слушай, ямщикъ, а сюда эта трава надалеко идетъ?—спросилъ я глупаго киргиза съ носомъ, вздернутымъ какъ у мопса,

сидѣвшаго на нашихъ козлахъ. Я показалъ при этомъ направо и налѣво.

Киргизъ дурацки ухмыльнулся и тряхнулъ своею бѣлою войлочною шапкой.

— Туда—конца нѣтути! Туда сто верстъ, двѣсти верстъ, больше двѣсти верстъ!—отвѣтилъ онъ, безнадежно махнувъ рукой.—Усе будетъ эта трава одинъ.

Только по близости къ окраинамъ начинаютъ попадаться между разсѣянными островками ассафетидовыхъ лѣсковъ довольно большія травянистыя поляны, съ пасущимися овцами и верблюдами. Отъ станціи Малекъ ассы-фетиды уже не видно, и степь получаетъ свой прежній оживленный и разнообразный видъ. Опять тысячи верблюдовъ пасутся и вблизи, и вдали, опять торчатъ, какъ гнѣзда грибовъ, на каждомъ пригоркѣ кибитки киргизовъ. Опять вся почва покрыта ползущими черепахами. Мы, поистинѣ, попали въ верблюжье царство. Верблюдовъ здѣсь видимо-невидимо. Сотнями они гуляютъ по степи, сотнями ихъ гонятъ назадъ съ базаровъ въ пустыхъ громоздкихъ сѣдлахъ, сотнями они везутъ на себѣ тюки товара. А товаръ здѣсь все одинъ—хлопокъ. Стало-быть, это не только верблюжье, но и еще хлопковое царство. Конца краю нѣтъ караванамъ верблюдовъ съ бѣлыми тюками, перекрещенными веревкой, кокандскимъ арбамъ, на высочайшихъ и тончайшихъ колесахъ, аршинъ по пяти въ поперечникѣ, тоже до верху набитымъ тѣми же бѣлыми тюками. Эти арбы очень напоминаютъ китайскія. Арбакеши ихъ тутъ сидятъ по туркменскому обычаю уже не на козлахъ, какъ кавказскіе татары, а верхомъ на запряженной лошади, спустивъ съ сѣдла на оглобли свои босыя ноги.

Безъ всякой статистики убѣждаешься и, такъ сказать, видишь своими очами, что Россія можетъ очень скоро обойтись безъ американскаго хлопка. Всѣ дороги Туркестана и Туркменіи день и ночь завалены этими бѣлыми тюками, давно уже намозолившими мнѣ глаза. То и дѣло и въ открытой степи, и на площадяхъ кишлаковъ видишь цѣлыя укрѣпленія, цѣлыя гро-

мадныя стѣны этихъ наваленныхъ другъ на друга бѣлыхъ тюковъ, которые съ непривычки долго принимаешь издали за какіе-нибудь огромные дома или грандіозныя развалины. А отвернешь взглядъ въ другую сторону—тамъ арміи отдыхающихъ въ степи верблюдовъ, цѣлый походный городокъ изъ сомкнутыхъ вмѣстѣ арбъ, оглоблями внизъ, будками вверхъ.

Верблюды тутъ крупной породы, не облѣзшіе до-гола, какъ въ туркменскихъ степяхъ, а всѣ обросли густою и длинною шерстью; бородатыя шеи, бородатые чубы, бородатыя гривы; штаны на ногахъ лохматые, горбы на спинѣ лохматые. Верблюдъ прегорделиво и пресамостоятельно задираетъ голову вверхъ и глубоко презрительнымъ взглядомъ окидываетъ человѣка и его тройку жалкихъ коньковъ. Но мальчишки-киргизы, повидимому, нисколько не проникаются уваженіемъ къ этимъ четвероногимъ философамъ-молчальникамъ, и забравшись, какъ чижикъ на заборъ, высоко на ихъ жирные горбы, отчаянною рысью, съ отчаянными криками, съ отчаяннымъ маханьемъ рукъ—палками сгоняютъ къ нагрузкѣ разбредшихся по всей степи верблюдовъ. Деревянныя сѣдла никогда ни снимаются съ потныхъ верблюдовъ; деревяшки эти обыкновенно укладываются на довольно толстыхъ матрацахъ, замѣняющихъ потники нашихъ верховыхъ коней. Подъ нижніе рожки сѣдла засовываются продольныя палки, и уже сверху нихъ навѣшиваются тюки. Необходимо распредѣлить очень равномѣрно тяжесть этихъ тюковъ на обѣ стороны сѣдла. Малѣйшій перевѣсъ на одну сторону уничтожаетъ силы верблюда и потираетъ ему бока. Во время долговременныхъ походовъ неумѣлая вьючка верблюдовъ губитъ ихъ гораздо болѣе, чѣмъ безкормица, кара или какія-нибудь другія постороннія причины. Умно навьюченный хорошій сытый верблюдъ можетъ поэтому поднимать на своемъ горбу до 24 пудовъ товара, то-есть обычный нашъ лошадиный возъ; между тѣмъ какъ заурядные верблюды, нагруженные безъ особаго вниманія, могутъ нести круглымъ счетомъ на своей спинѣ не болѣе десяти или двѣнадцати пудовъ.

VI.

Кудуки Тамерлана.

Еще далеко до станцiи Агашты (Акчеты) сталъ маячиться на горизонтѣ степи какой-то странный, круглый холмъ. Онъ былъ такъ правиленъ и высокъ, что невозможно было счесть его за простую опухоль земли, да и цвѣтъ его былъ не зеленый, а какой-то каменистый. Я давно уже вглядывался въ него съ напряженнымъ любопытствомъ. Ровная какъ ладонь и какъ бархатъ зеленая степная гладь особенно рѣзко выдѣляла и его темный цвѣтъ и его геометрически строгую форму. Сначала онъ былъ намъ противъ солнца и вырѣзался на его яркихъ лучахъ почти чернымъ силуэтомъ, но потомъ дорога повернула немного въ сторону, и предъ нами сразу обрисовался вдали облитый солнечнымъ свѣтомъ высокiй каменный куполъ. Чтó за диковинный куполъ! сколько ни ѣдемъ, какъ ни приближаемся къ нему, ничего не видно кромѣ этого огромнаго купола, словно онъ стоитъ прямо на землѣ, безъ стѣнъ безъ подпоръ. Да онъ и дѣйствительно выросъ прямо изъ земли, какъ колоссальный стогъ сѣна, теперь это уже несомнѣнно, потому что мы совсѣмъ подъѣзжаемъ къ станцiи Агашты и намъ теперь отлично видна глинистая площадка, на которой возвышается этотъ гигантскiй каменный шалашъ.

— Что это такое?—удивленно спрашиваю я ямщика, толкая его въ его корявую какъ у носорога спину и показывая рукою на загадочный куполъ, который мнѣ казался какой-то покинутою индусскою пагодой.

Киргизъ обернулся ко мнѣ своимъ обезьяньимъ лицомъ, широко осклабился и сверкая своими бѣлыми, какъ у волка, хищными зубами, самодовольно мотнулъ головой на степную диковину.

— Сардаба-кудукъ!.. Вода!.. Тимуръ-лэнгъ строилъ!.. Старый, давно... Верблюдъ поилъ, конь поилъ, человѣкъ поилъ... Увесь свѣтъ поилъ...—объяснилъ онъ.

Индусская пагода оказалась простымъ кудукомъ, бассейномъ воды. Въ степи, да еще «голодной»—это, конечно, гораздо полезнѣе и даже гораздо благочестивѣе всякой пагоды.

Пока перепрягали лошадей, мы съ женой отправились осматривать Тамерлановъ кудукъ. До него не больше пятидесяти саженей отъ почтовой станціи. Сооруженіе это римской грандіозности, вполнѣ царственное.

Широкій размахъ Тамерланова духа вполнѣ проникаетъ его. Гигантскій каменный шатеръ, не сложенный, а скорѣе искусно сотканный изъ мелкихъ плоскихъ кирпичиковъ несокрушимой крѣпости, поднимается вверхъ концентрическими ступенчатыми кольцами, кое-гдѣ уже живописно поросшими бурьянами, и какъ шапкой покрываетъ своимъ обширнымъ куполомъ глубокую цистерну, въ которой теперь устроенъ колодецъ. Входъ въ этотъ каменный шатеръ одинъ, съ той стороны, откуда рѣже всего бываетъ вѣтеръ; лощина, собирающая дождевыя воды изъ своихъ вѣтвистыхъ отвершковъ, впадаетъ какъ разъ въ этотъ открытый зѣвъ кудука и несетъ къ нему въ періоды дождей какъ по природному жолобу, степные потоки...

Повидимому, цистерна соединялась тутъ съ колодцемъ. Глухой каменный куполъ безъ отверстій, повернувшійся непроницаемою спиной ко всѣмъ господствующимъ вѣтрамъ, не давалъ испаряться водѣ, набиравшейся весной, зимой и осенью въ его глубокія хранилища, а подземныя струи колодца поддерживали и освѣжали наборную воду.

Мы вошли въ черную сырую утробу этого оригинальнаго шатра. Старую цистерну, должно быть, уже затянуло въ теченіе вѣковъ грязью и иломъ, и теперь приходится доставать воду изъ колодца. Слякоть тамъ ужасная. Верблюды, лошади, ослы, овцы, прямо вгоняются подъ темные своды кудука, гдѣ

могутъ помѣститься цѣлыя стада, и оставляютъ тамъ осязательные слѣды своего пребыванія.

И теперь вокругъ древняго Тимурова водохранилища, по старой привычкѣ, вкорененной вѣками, столпилось множество распряженныхъ арбъ, нагруженныхъ верблюдовъ, утомленныхъ всадниковъ. Живописныя группы этихъ туземныхъ торговцевъ и путниковъ сидятъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ тѣнью громаднаго купола, хлопоча надъ кувшинами и мѣшками съ провизіей.

Очевидно, это излюбленный и привычный перевалъ для странниковъ «Голодной степи».

На слѣдующей станціи Мурза-Рабатѣ мы увидѣли другой такой же кудукъ,—тотъ же величественный каменный куполъ несокрушимой прочности, пережившій пять столѣтій, почтенный какъ египетская пирамида. Но вода его уже пересохла, и рядомъ съ нимъ, за довольно высокими стѣнами станціоннаго двора, похожаго на маленькую крѣпостцу, устроенъ уже артезіанскій колодецъ,—цивилизованный наслѣдникъ первобытныхъ степныхъ водохранилищъ.

Какое-то огромное хитросплетенное колесо чернѣетъ на вершинѣ его вышки. Но мѣстные обитатели жалуются на крайнее неудобство пользоваться такимъ сложнымъ и труднымъ аппаратомъ, тѣмъ болѣе, что вода этого артезіанскаго колодца, къ несчастію, горькосоленая, годная только для овецъ, ословъ и верблюдовъ.

Третій кудукъ Тамерлановъ еще дальше, около станціи Малекъ. Онъ тоже заброшенъ; вода въ немъ хотя есть, но слишкомъ горькая. Крайне досадно, что такія колоссальныя и благодѣтельныя сооруженія древности не поддерживаются въ томъ видѣ, въ какомъ они когда-то были. Неужели было бы особенно трудно расчистить ихъ, обновить цистерны и обезпечить приливъ къ нимъ весеннихъ водъ. Навозъ и всякій соръ, затянувшіе ихъ, конечно, дѣлаютъ воду негодную для питья, но нельзя же серьезно думать, что въ этихъ грандіозныхъ водохра-

нилищахъ великаго владыки древней Азіи и прежде никогда не было воды, которую могъ бы съ удовольствіемъ пить страдающій отъ жажды путникъ...

Строго говоря, нѣтъ твердыхъ историческихъ данныхъ считать эти цистерны созданіемъ Тамерлана. Но туземцы привыкли приписывать этому славному правителю своему вообще все, что только уцѣлѣло отъ древности, и что носитъ на себѣ печать величія; а я лично съ особеннымъ довѣріемъ отношусь къ такимъ живымъ преданіямъ народа. Дѣйствительно, все заставляетъ думать, что эти колоссальныя общенародныя сооруженія, которыя должны были напоить страшную для всѣхъ «Голодную степь» и сдѣлать дорогу черезъ нее такою же удобною, какъ улицы Самарканда, могли быть замышлены и исполнены только смѣлымъ и широко парившимъ духомъ, какой проявляется во всѣхъ предпріятіяхъ Тамерлана.

Впрочемъ, въ путевыхъ запискахъ испанца Рюи-Гонзалеса Клавихо, ѣздившаго въ 1403 году къ Тамерлану посломъ отъ кастильскаго короля Генриха III, на которыя мы уже имѣли случай ссылаться, разсказывается очень положительно, какъ хлопоталъ Тамерланъ объ устройствѣ въ своей имперіи удобнаго проѣзда по безводнымъ степнымъ мѣстамъ. Клавихо именно говоритъ «о почтовыхъ станціяхъ на сто и двѣсти лошадей черезъ каждый день пути», «объ огромныхъ постоялыхъ дворахъ, выстроенныхъ въ степи», куда окрестные жители должны были доставлять припасы, и куда были проведены «водопроводы иногда за цѣлый день пути». Трудно сомнѣваться, чтобы испанскій путешественникъ говорилъ здѣсь о чемъ-нибудь другомъ, какъ не о «кудукахъ Тамерлана», уцѣлѣвшихъ до нашего времени и даже доселѣ сохранившихъ прежнюю свою роль — быть центрами почтовой гоньбы и мѣстомъ отдохновенія для путешественниковъ.

Почтовая гоньба черезъ неизмѣримыя равнины монгольской имперіи, простиравшіяся когда-то отъ Карпатъ до Китайскаго моря, существовала и гораздо раньше Тимура, какъ объ этомъ

свидѣтельствуютъ наши лѣтописи и европейскіе путешественники XIII вѣка. Въ этомъ отношеніи интересенъ разсказъ французскаго монаха Іоанна Плано Карпини, посланнаго въ 1246 году миссіонеромъ въ Азію папой Инокентіемъ IV, и оставившаго намъ свое извѣстное описаніе путешествія въ Монголію, подъ оригинальнымъ заглавіемъ: «Libellus historicus Ioannis de Plano Carpini».

«Получа повелѣніе отъ апостольскаго престола идти къ восточнымъ народамъ, — съ дѣтскою простотой и смиреніемъ повѣствуетъ о своемъ подвигѣ наивный инокъ,—разсудили мы отправиться прежде всего къ татарамъ, поелику боясь, чтобъ они вскорѣ не подвергли опасности церковь Божію».

Въ Монголіи тогда вступилъ на престолъ Чингиса ханъ Гаюкъ, или, какъ простодушно величаетъ его Плано Карпини, «Гогъ Хамъ».

Хана онъ знать не хочетъ, для него вездѣ *хамъ,* а не ханъ, и, повидимому, это имя искренно вяжется въ его представленіи съ Хамомъ Библіи, отверженнымъ сыномъ праведнаго Ноя. „*Хамскій* указъ“, въ „*Хамскомъ* шатрѣ“ (infra Tentorium Cham) „*Хамова* жена“—пишетъ онъ вездѣ. Впрочемъ, по его словамъ, Хамъ означаетъ у восточныхъ народовъ императора. «Бога татары зовутъ Итогою, а команы—*Хамомъ,* то-есть императоромъ (Sed Comani Cham, id est imperatorem ipsum appellant) говоритъ онъ.

Плано Карпини пришлось, конечно, проѣзжать сначала южнорусскими степями, то-есть равнинами Днѣпра, Дона, Волги, Урала, которыя онъ называетъ «Команскою землей». Подъ именемъ Команъ тогда, повидимому, были извѣстны не только половцы, но еще и многіе другіе степные народы Азіи, и скорѣе всего теперешніе киргизы.

„*Команы—по-татарски Кипчакъ*“, сообщаетъ Плано Карпини, а Кипчакъ до сихъ поръ одинъ изъ самыхъ главныхъ узбекскихъ родовъ среди теперешнихъ киргизовъ.

Русскій народъ, повидимому, и въ то далекое время уже

имѣлъ огромное значеніе на азіатскомъ востокѣ и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Плано Карпини, по крайней мѣрѣ, на каждомъ шагу поминаетъ русскихъ людей, русскій языкъ, даже и въ Монголіи; только съ помощію русскихъ онъ могъ и начать, и окончить сколько-нибудь благополучно свое многотрудное путешествіе, продолжавшееся годъ и четыре мѣсяца. Провелъ его къ татарамъ нашъ Василько, сынъ знаменитаго Романа Галицкаго; при дворѣ Гаюка ему опять помогалъ во всемъ русскій.

«Богъ послалъ намъ на помощь одного русскаго (quendam Ruthenam), по имени Козму, золотыхъ дѣлъ мастера, котораго императоръ очень любилъ, и который помогалъ намъ нѣсколько», разсказываетъ Плано Карпини. «Онъ показывалъ намъ сдѣланный имъ императорскій престолъ, прежде нежели поставили его на мѣсто, и императорскую печать, имъ же сдѣланную.

Русскіе, слѣдовательно, уже и тогда являлись относительно азіатскаго кочевника его естественными цивилизаторами и пользовались въ его глазахъ особеннымъ уваженіемъ.

Когда хану нужно было написать папѣ Инокентію отвѣтное посланіе, то онъ спросилъ Карпини: «Есть ли у папы люди которые бы разумѣли *русскую*, или сарацинскую, или татарскую грамоту?

Русскую грамоту онъ назвалъ первою, предполагая, значитъ, ее самою распространенною среди образованныхъ народовъ. Значитъ, при дворѣ хана было столько грамотныхъ Русскихъ, что письменныя сношенія на русскомъ языкѣ уже успѣли стать вещью обычною для Монголовъ, хотя со времени окончательнаго разгрома Россіи Батыемъ (1240 г.) прошло тогда всего только 6 лѣтъ. Въ такой короткій срокъ русскій языкъ, разумѣется, не могъ бы такъ укорениться среди Монголовъ, еслибы этому не предшествовали цѣлые вѣка тѣсныхъ сношеній русскаго народа съ кочевою Азіей, только намеками вошедшія въ ея офиціальную исторію.

Недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, Русь то и дѣло сталкивалась

со всякими степными варварами и ходила громить ихъ улусы; недаромъ русскіе удѣльные и великіе князья такъ часто роднились съ половецкими князьями и съ такою охотою брали отъ нихъ за себя дочерей разныхъ Кончаковъ, Боняковъ и Туггороканей, словно отъ своихъ единоплеменныхъ собратьевъ. Можно сильно подозрѣвать, что Половцы — было названіе, общее для многихъ народовъ, кочевавшихъ въ «полѣ», какъ называлась въ древности незаселенная степь; Половцы, то-есть жители «поля», степовики, кочевники.

Изъ нашихъ лѣтописей видно, что Половцы были разные: одинъ князь приводитъ переяславскихъ Половцевъ, а другой— другихъ Половцевъ «корсунскихъ»; одинъ—Половцевъ «Товсобичей», другой—«дикихъ Половцевъ».

Въ Хозарскомъ городѣ Саксинѣ, у рѣки Урала, на границѣ Болгарской земли, по сказанію арабскаго историка Ибнъ-Даста, жило *40 племенъ Гузовъ*, или Команъ, (то-есть Половцевъ).

Что Половцы были такіе же Узбеки, народъ Тюркскаго племени, какъ и теперешніе Туркмены, Киргизы и пр., несомнѣнно даже изъ нашихъ лѣтописей.

Эти «безбожніи сынови Измаилови», по словамъ Воскресенскаго лѣтописца, «изошли отъ пустыни Евѣтривскіи (какъ послѣ говорится и о Татарахъ, тоже узбекскаго племени), *изошли же суть ихъ колѣна четыре, Торкмени, Печенѣзи, Торци, Половци*".

Монгольскіе послы объявили Русскимъ князьямъ, что пришли не на нихъ, «а на своихъ конюховъ-Половцевъ»; слѣдовательно, Половцы стерегли ихъ табуны, то-есть жили около Монголовъ; а узбекскіе роды Монголовъ и Татаръ, давшіе главное ядро такъ называемымъ монгольскимъ или татарскимъ ордамъ Темучина, жили Богъ знаетъ какъ далеко отъ При-Днѣпровской и При-Донской Руси, на Ононѣ, притокѣ Шилки, и на Керулынѣ, притокѣ озера Хулу-Норъ. Нужно думать поэтому, что кочевья Половцевъ передвигались въ разное время не только по южно-русской, но и по всей среднеазіатской равнинѣ. Такъ, напримѣръ: Императоръ Константинъ Багрянородный, писатель

10 вѣка, свидѣтельствуетъ, что Печенѣги жили сначала между Волгой и Ураломъ, по сосѣдству съ Хозарами *и Узами (Половцами)*, которые ихъ потомъ вытѣснили къ западу; слѣдовательно, Половцы занимали тогда теперешнія киргизскія степи Азіи.

По словамъ арабскаго географа Эль-Балхи, *главный торговый пунктъ Гузовъ, то-есть Половцевъ, былъ городъ Джерефанъ на правомъ берегу Аму-Дарьи, при впаденіи ея въ Аральское море*, что̀ вполнѣ подтверждаетъ извѣстіе Константина Багрянороднаго о мѣстности, занимаемой Половцами до появленія ихъ въ половинѣ 11 столѣтія въ При-Донскихъ и При-Волжскихъ равнинахъ. Черезъ нихъ-то главнымъ образомъ изстари завязывались различныя отношенія—торговыя, политическія и всякія другія—между Русскими и кочевниками дальней Азіи.

Интересенъ былъ способъ путешествія черезъ азіатскія степи во времена Плано Карпини:

«Мы же въ день Пасхи, отслужа обѣдню и поѣвъ кое-какъ, отправились съ двумя Татарами, приставленными къ намъ у Корензы, обливаясь горькими слезами, ибо не знали, на смерть или на жизнь мы ѣдемъ. Къ тому же мы были такъ слабы, что едва могли держаться на лошадяхъ, потому что весь Великій постъ пища наша состояла только изъ пшена съ небольшимъ количествомъ воды и соли (то-есть, по-русски говоря, пшенная жидкая каша, малороссійскій кулешъ); для питья же употребляли только снѣгъ, разстаянный въ котлѣ».

„*Ѣхали мы черезъ Команію очень скоро, потому что мѣняли лошадей разъ по 5 и болѣе въ день*“. «Такимъ образомъ ѣхали мы отъ начала Великаго поста до 8 дня по Пасхѣ», повѣствуетъ Плано Карпини.

Изъ этого ясно, что у Монголовъ уже тогда существовала почтовая гоньба. Въ древней китайской *Исторіи первыхъ четырехъ хановъ Монгольскихъ*, переведенной съ китайскаго языка нашимъ извѣстнымъ синологомъ монахомъ Іакинѳомъ, разсказывается даже, что знаменитый мудрецъ Ѣли-Чуцай, главный совѣтникъ Чингисъ-Хана, а потомъ Угедея, убѣдилъ хана

Угедея ввести *подорожныя* для князей и родственниковъ хана и сдѣлать точное *расписаніе*, кому изъ нихъ сколько дозволяется брать лошадей для своего проѣзда, чтобы сдержать хотя въ какихъ-нибудь предѣлахъ непомѣрную гоньбу по степнымъ дорогамъ.

«Послѣ Команъ», продолжаетъ далѣе Плано Карпини, «въѣхали мы въ землю кангиттовъ (Terram Kangittarum), *которая во многихъ мѣстахъ совсѣмъ безводна*, отъ сего и жителей въ ней мало. По сей причинѣ многіе изъ людей Ерослава, герцога русскаго, проходившіе черезъ эту степь въ землю татарскую, *померли въ ней отъ жажды*. Въ этой землѣ, такъ же какъ и въ Команіи, *видѣли мы многіе черепа и кости мертвыхъ людей, лежащіе на землѣ подобно помету*. Ѣхали мы этою землей отъ 8-го дня по Пасхѣ почти до дня Вознесенія.

«Изъ земли конгиттовъ мы въѣхали въ землю бисерминовъ (Terram Biserminorum), которые *говорятъ языкомъ команскимъ, но законъ держатъ Сарраценскій. Въ этой землѣ нашли мы безчисленное множество разоренныхъ городовъ* съ зàмками и много *пустыхъ селеній*.

«Сею землей ѣхали мы отъ праздника Вознесенія Господня почти за 8 дней до праздника Св. Іоанна Крестителя, то-есть 24 іюня. Потомъ мы въѣхали въ землю Черныхъ Китаевъ.

«Отправясь наканунѣ Петрова дня, въѣхали мы въ землю наймановъ (Terram Naymanorum), кои суть язычники. Въ самый же Петровъ день выпалъ снѣгъ и сдѣлалась большая стужа. Земля эта чрезвычайно гориста и холодна, и ровныхъ мѣстъ встрѣчаешь мало.

«Этою землей ѣхали мы многіе дни.

«Послѣ этого въѣхали мы въ землю монголовъ (Terram Mongalorum), которыхъ называемъ Татарами. Сими землями ѣхали мы, кажется, *три недѣли скорою ѣздой*, и въ день Св. Маріи Магдалины (22 іюля) пріѣхали къ Куине, избранному императору. *Ѣхали же мы всею этою дорогой чрезвычайно скоро*

„*Вставая рано, ѣхали мы до ночи безъ пищи*, и часто пріѣз-

жали на ночлегъ такъ поздно, что оставались безъ ужина, а ужинъ давали намъ уже по-утру. *Перемѣняя часто лошадей, мы ихъ не жалѣли, но, не останавливаясь, скакали что есть мочи*".

Я нарочно привелъ эту длинную выписку изъ безхитростнаго разсказа наивнаго средневѣковаго монаха, чтобы нарисовать характерную картину былыхъ почтовыхъ сообщеній въ той самой странѣ, по которой мы теперь ѣдемъ съ такимъ сравнительнымъ удобствомъ, быстротою и безопасностью. Изъ краткихъ описаній Плано Карпини все-таки можно понять довольно ясно, по какимъ собственно мѣстностямъ проѣхалъ онъ. Въ его землѣ кангиттовъ не трудно угадать безводныя Киргизскія степи, которыхъ невозможно миновать, направляясь изъ-за Волги къ Хивѣ и Бухарѣ; большія караванныя дороги пробиты были еще съ глубокой древности изъ торговаго города Болгаръ и Хозарской столицы Итиля (Астрахани) черезъ песчаныя пустыни Азіи въ Хоразмъ (Хиву), Бухару, Шашъ (Ташкентъ) и дальше въ Балхъ и Индію. Ховарезмскіе турки, говорившіе еще тюрскимъ, то-есть джегатайскимъ языкомъ, и уже обращенные въ мусульманскую вѣру, въ вѣру сарацынъ, то-есть арабовъ, господствовали надъ Хивой и Бухарой во время нашествія Чингиса, и ихъ-то цвѣтущіе города, замки и селенія лежали въ развалинахъ среди земли Бесерменской при проѣздѣ Плано Карпини. Изъ Бухары Карпини ѣдетъ къ Чернымъ Китаямъ, а земля Черныхъ Китаевъ есть, какъ извѣстно, Малая Бухарія, то-есть Кашгаръ и Турфанъ. Оттуда онъ направляется уже къ южнымъ границамъ Сибири, къ тѣмъ высокимъ холоднымъ горамъ ея, откуда берутъ начало водные источники, постепенно образующіе собою верховья Селенги и потомъ Шилки. Узбекскій родъ Найманъ, до сихъ поръ входящій въ составъ киргизскихъ родовъ, обиталъ въ это время именно у истоковъ Селенги, рядомъ съ родомъ монголовъ, кочевавшимъ еще дальше къ востоку. Тамъ была и знаменитая монгольская столица Каракорумъ (у Плано Карпини Кракуримъ), отъ которой папскій посланецъ былъ всего за полдня пути, пребывая въ главномъ дворѣ хана Гаюка на Сыръ-Ордѣ.

«Голодная Степь» замираетъ у самыхъ береговъ Сыръ-Дарьи. Уже было почти темно, когда мы проѣхали развалины большой бухарской калы, охваченной песками, защищавшей прежде переправу черезъ одинъ изъ рукавовъ Сыра. Отъ нея еще оставалось версты двѣ до самой рѣки. Ночь надвигалась рано, потому что все небо заволокло густыми свинцовыми тучами. Уже по одному тяжкому знойному воздуху, которымъ дышать было нельзя, нужно было ждать съ минуты-на-минуту сильной грозы. Я то и дѣло торопилъ киргиза-ямщиченка, чтобъ онъ гналъ лошадей, пока еще что-нибудь видно, и пока дождь не испортилъ окончательно скверной глинистой дороги.

Вонъ, наконецъ, рѣка сверкнула, какъ широкая полоска стали, и радостныя очертанія садовъ и кишлаковъ длинною линіей вырѣзались на не совсѣмъ еще потемнѣвшемъ горизонтѣ.

Ямщиченокъ отчаянно гонитъ усталыхъ лошадей по невозможной дорогѣ, обрадованный близостію берега.

Вдругъ залпъ бури ураганомъ налетѣлъ на насъ. Намъ казалось, что нашъ жалкій тарантасишка сейчасъ подхватитъ и унесетъ въ бушующія волны Сыръ-Дарьи. Тучи желтой пыли винтомъ взвились по дорогѣ и завертѣлись кругомъ насъ; этотъ нагнавшій насъ сухой смерчъ едва не завертѣлъ въ свою неистово кружащуюся воронку нашихъ ошалѣвшихъ лошадей, которыхъ на каждомъ шагу сдувало и сбивало съ пути.

Ямщиченокъ въ ужасѣ съежился на козлахъ, не зная, держать ли ему вожжи, или самому схватиться обѣими руками за прутья козелъ. Я торопливо застегивалъ кожаный фартукъ, подтянувъ его выше нашего носа, и спускалъ зонтъ, такъ что у насъ въ тарантасѣ наступила глухая ночь. Также рѣзко и неистово вдругъ обрушился сверху долго сдерживаемый, поистинѣ тропическій, ливень. Буря немилосердно сѣкла имъ какъ розгами прямо въ лицо и ямщика и лошадей. Нельзя было понять какъ выдерживали они этотъ непрерывный градъ сыпавшихся на нихъ ударовъ. Въ одно мгновеніе бѣдняга Киргизенокъ обратился въ мокрый комочекъ грязныхъ тряпокъ. Но онъ не унывалъ,—

терпѣливый сынъ степей, и чувствуя, должно-быть, свою отвѣтственность предъ нами и за скверныхъ лошадей, и за скверную дорогу и за этотъ страшный шквалъ въ который мы такъ неожиданно попали, гналъ безъ пощады своихъ коней на встрѣчу ливню и бурѣ.

Стой! Вотъ мы у самой пристани, дальше уже некуда, развѣ прямо къ водяному дѣду на уху...

Пустынный песчаный берегъ, о который громко шлепаютъ и плескаютъ расходившіяся свинцовыя волны древняго Яксарта... Никого и ничего вблизи. Единственная киргизская кибитка, притулившаяся около безпріютнаго глинянаго дворика, завѣшена кругомъ войлоками и молчитъ какъ могила.

— Паромъ есть? Зови паромъ! — кричу я, высовывая носъ изъ-подъ приподнятаго угла тарантаснаго зонта. Длинныя спицы косого дождя больно и часто бьютъ меня по глазамъ, и я поневолѣ ныряю назадъ, закрываясь спасительною кожей.

Никакого парома однако нѣтъ. Я видѣлъ это ясно. Киргизенокъ уже соскочилъ съ козелъ и, прячась за тарантасъ отъ сѣкущаго его ливня, взвылъ что-то по-киргизски своимъ нелѣпымъ гортаннымъ крикомъ.

Никто не отвѣчалъ ему; только въ черныхъ тучахъ на всѣхъ парусахъ, проносившихся надъ нами, застучалъ, загрохоталъ сердитый громъ, отъ котораго еще жестче стали хлестать и лошадей и тарантасъ косыя жала дождя...

Раза три принимался отчаянно кричать нашъ злополучный, весь измокшій Киргизенокъ, и никакого признака голоса не слышалось ни откуда ему въ отвѣтъ, словно всѣ вымерли въ эту темную, бурную ночь на пустынныхъ берегахъ Яксарта.

Дѣло становилось серьезнымъ, и я начиналъ тревожиться за жену, нервы которой были и безъ того достаточно взволнованы мрачною и безпріютною обстановкой, въ которой мы очутились. Провести такъ цѣлую ночь на берегу рѣки въ мокромъ тарантасѣ, подъ несмолкаемыми залпами грозы, не представляло намъ ничего привлекательнаго.

Я высунулся самъ и тоже сталъ орать въ темноту, сколько было силъ, понадѣясь на то, что, можетъ-быть, православная русская рѣчь окажется убѣдительнѣе для паромщиковъ-киргизовъ, чѣмъ взыванія ихъ же брата-Азіата.

Но и мнѣ однако никто ниоткуда не подавалъ голоса.

Среди неяснаго мерцанья бурно катившихся волнъ вырѣзалась далеко у противоположнаго берега рѣки какая-то громоздкая черная масса, и въ самой черной густотѣ ея мигалъ, легонько шатаясь, красный огонекъ. Правѣе этой черной громады не столько видѣлся, сколько чуялся мнѣ длинный рядъ черныхъ лодокъ, качавшихся правильною цѣпью на такой же туманной свинцовой зыби.

— Паро-о-мъ! Давайте паро-о-мъ!—вопилъ я такъ, что меня по всѣмъ разсчетамъ должны были услышать не только на томъ берегу, но и на томъ свѣтѣ.

Войлочный пологъ кибитки наконецъ приподнялся, и изъ нея вышла высокая, молодая Киргизка въ мужскихъ шароварахъ и казакинѣ.

Она подошла къ ямщиченку, поболтала съ нимъ что-то посвоему и спокойно, будто дѣло сдѣлала, ушла назадъ въ свою кибитку.

— Что она тебѣ сказала? Есть здѣсь паромъ?—нетерпѣливо спрашивалъ я.

Но киргизенокъ мой и при полномъ умѣ и памяти двухъ словъ не могъ связать по-русски, а ужъ теперь совсѣмъ сталъ дуракъ дуракомъ. Онъ пялилъ на меня глаза, ничего не отвѣчая, и только отрицательно махалъ головой.

— Вотъ съ этимъ много узнаешь и все, что нужно, добудешь!—сказалъ я самъ себѣ съ внутреннимъ смѣхомъ.—Если придется заночевать здѣсь на берегу, по крайней мѣрѣ, весело съ нимъ будетъ...

И опять:

— Паро-о-омъ! Давайте паро-о-омъ! По казенной надобности ѣду!..

Всему бываетъ конецъ; пришелъ, наконецъ, конецъ и нашему испытанію, Дождь пересталъ, тучи и громы унеслись дальше, хотя небо еще не расчищалось. Чей-то слабый голосъ отозвался далеко на томъ берегу.

«Ну! значитъ, ѣдутъ...» подумалъ я.

Но гдѣ же они ѣдутъ однако? Ждемъ и смотримъ, а ничего не видимъ. Все кажется, что черная масса темнѣетъ на прежнемъ мѣстѣ, что свинцовыя волны катятся себѣ какъ катились, не нарушаемыя ничѣмъ и никѣмъ.

Но нѣтъ!.. Слава Богу... Красный огонекъ разгорается все ярче и шире какъ глазъ приближающагося циклопа; да и черная масса становится какъ будто яснѣе и больше осязательнѣе...

Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: что-то грузное и черное надвигается на насъ ровно и медленно, и мы уже слышимъ плескъ волнъ, разбивающихся о его бока... Вся линія лодокъ, виднѣвшаяся мнѣ, непонятнымъ образомъ тоже двигается вмѣстѣ съ этою черною махиной, не нарушая разстояній между собою.

Стой!.. Тяжелый паромъ легонько ударился о пристань, заскрипѣвъ во всѣхъ своихъ суставахъ, и тарантасъ нашъ уже съ громомъ въѣзжаетъ къ нему по деревянной настилкѣ пристани.

— По казенной, или по частной подорожной, ваше благородіе?—вдругъ раздается среди темноты знакомый россейскій голосъ.

— По частной! отвѣчаю я, умиленный духомъ, что услышалъ наконецъ среди этой нѣмой азіатчины родную рѣчь...

— Пожалуйте тридцать копѣечекъ... У насъ такція...

Я отдаю «такцію» и преисполняюсь сладкою вѣрою, что теперь мы навѣрное переправимся благополучно черезъ опасную рѣку,—разъ около насъ земляки, да еще солдатики...

— Хозяинъ на откупу паромъ держитъ, вотъ и собираетъ съ проѣзжихъ, какіе по своей надобности... А по казенной, того такъ перевозимъ... Кондракъ у насъ, — объяснилъ мнѣ между тѣмъ словоохотливый солдатикъ.

Меня, однако, гораздо болѣе заинтересовалъ не «кондракъ» его, а его оригинальный паромъ, который мнѣ приходилось встрѣтить въ первый разъ. Паромъ этотъ очень остроуменъ и простъ. Онъ переправляется самимъ теченіемъ рѣки безо всякихъ веревокъ и безъ всякихъ усилій человѣка, Одинъ конецъ длинной желѣзной цѣпи прикрѣпленъ къ якорю на противоположномъ берегу Сыръ-Дарьи, гораздо выше мѣста переправы; къ другому концу этой цѣпи привязанъ паромъ. Чтобы цѣпь не тонула и не обвисла, ее поддерживаетъ цѣлый рядъ лодокъ, разставленныхъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга, начиная отъ парома и до берега, гдѣ укрѣпленъ якорь. Стоитъ только держать на воду руль парома, — и его понесетъ черезъ рѣку въ ту или другую сторону само теченіе рѣки; цѣпь, къ которой онъ привязанъ, не даетъ ему возможности уйти внизъ по теченію, и онъ волей-неволей переплываетъ поперекъ рѣки. Несетъ такъ плавно и неслышно, что не замѣчаешь движенія; все кажется, что паромъ еще стоитъ на мѣстѣ, особенно ночью, когда не видно береговъ.

Одна только бѣда: въ очень бурную погоду при противномъ вѣтрѣ паромъ идти не можетъ; оттого-то его и не подавали намъ такъ долго, несмотря на наши отчаянныя воззванія.

— Да какъ же было подавать, ваше благородіе! — оправдывался передо мною солдатикъ-паромщикъ. — Раньше вашего мы только-что полковника казацкаго перевозили... Ну, тѣ, извѣстно, люди военные... тѣмъ ждать не полагается. Вези да вези!.. какъ ты его не послушаешься? Все жъ полковникъ, ни кто-нибудь... Поѣхать поѣхали, да на середкѣ рѣки и остановились, ни взадъ ни впередъ... Рѣка внизъ гонитъ, а вѣтеръ вверхъ... Вотъ ты и думай тутъ... стоимъ какъ ракъ на мели, да того и глядимъ, что вотъ-вотъ сорветъ насъ съ цѣпи... Полчаса битыхъ посередъ воды простояли... Ужъ не знаю, какъ и причалили...

— Ты что жъ, служба, изъ Чиназа? — спросилъ я. — Тутъ русскаго народа много?

— Есть-таки; да теперь мало. Прежде городъ былъ уѣздный, господа всякіе жили, начальники; а теперь его разжаловали... заштатный... Дома было ужъ кто построилъ, заведенія разныя... Теперь побросали...

— А простой же народъ живетъ?

— Живетъ и простой народъ, да малость. Дворовъ пятнадцать есть, да путныхъ мало. Мужики не мужики, мѣщане—не мѣщане, и не разберешь какіе! Усадьбы имъ въ городѣ дадены, а надѣлъ полевой на той сторонѣ, за рѣкой, верстахъ въ пятнадцати; да ужъ и поля! Солонецъ на солонцѣ. Съ чего имъ и жить справно, на чемъ хозяйничать? Сарты — тѣ куды-жъ богаче живутъ, у тѣхъ сады, удобье самое, все подъ рукой, около двора своего. А наши русскіе словно Бога прогнѣвали...

— Уральцы тутъ тоже есть?

— Да, человѣкъ семьдесятъ по берегу тутъ поприсосѣдились. Тѣ больше вѣдь самовольцы, никто ихъ тутъ не селилъ. Извѣстно, казакъ, народъ добычливый, нигдѣ не пропадетъ. Поставили себѣ хатенки вдоль по рѣчкѣ, кто гдѣ угнѣздился, рыбой занимаются. Рыба тутъ на что лучше, хоть бы на Волгѣ у насъ. А Уральцы—первые рыболовы. Супротивъ нихъ на эти дѣла другого не сыщется. И снасть у нихъ всякая прилажена какая слѣдоваетъ. Потому они къ этому дѣлу съ измальства привычны. А все-таки больше сарты да киргизы рыбой здѣсь торгуютъ, на откупъ ее берутъ. Вѣдь вотъ и въ Ташкентѣ вся рыба красная отсюда идетъ, осетръ и стерлядь. Только вотъ икры да балыка азіяты не умѣютъ готовить, не ухитрились. Вы вѣдь, небось, въ Ташкентъ ѣдете?

— Въ Ташкентъ...

— Ну такъ я и зналъ. И дичь всякую отсюда въ Ташкентъ везутъ, потому тутъ ея конца-краю нѣту!.. Плавни-жъ тутъ самые по рѣкѣ, гущары, всякому звѣрю и птицѣ самый водъ... что тутъ кабановъ, что фазановъ, въ десять лѣтъ не перебьешь... Даже и такъ сказать, что тигра дикая водится... Не изволили никогда видѣть? Ужъ и звѣрина!.. Годовалаго быка въ зубахъ

уноситъ... Господа наши полковые зачастую сюда на охоту ѣздятъ...

— Уральцы-то здѣсь откуда-жъ взялись?

— Уральцы? да съ Петро-Александровска—вотъ откуда. Ихъ за бунтъ въ Петро-Александровскъ было сослали, ну, а потомъ прощеніе вышло—кто похочетъ, возвращайся себѣ домой, вотъ они и расползлись какъ тараканы—какіе по Аму-Дарьѣ сѣли, какіе по Сыръ-Дарьѣ, потому имъ здѣсь слободно...

По Сыръ-Дарьѣ тоже, небось, пароходы ходятъ, какъ и на Аму-Дарьѣ?—спросилъ я.

— Ходили прежде, точно, пять пароходовъ казенныхъ ходило, военныхъ—пребольшущіе! флотилія называлась. А теперь—шабашъ! Больше не приказано. Такъ они теперь и лежатъ въ Казалинскѣ, пароходы эти, разобрали ихъ да и свалили въ кучу. И купеческіе тоже походили немножко; ну да тѣ маленькіе, не то, что военные. Одначе-жъ бросили скоро, не пришлось, видно, ихъ дѣло...

Пока мы бесѣдовали въ темнотѣ съ разговорчивымъ землякомъ, паромъ незамѣтно причалилъ къ правому берегу. Переѣздъ дѣлается не больше какъ въ десять минутъ и въ удивительномъ спокойствіи, безъ толчковъ, безъ криковъ, столь обычныхъ на нашихъ паромахъ...

На томъ берегу Сыръ-Дарьи очень скоро начинаются кишлаки окружающіе старинный бухарскій городъ Чиназъ. Мы ѣхали версты три среди дуваловъ и садовъ въ глубокой темнотѣ на совсѣмъ выбившихся изъ силъ лошадяхъ по лужамъ грязи. Нетерпѣливо хотѣлось добраться до ночлега послѣ утомительной непрерывной ѣзды съ ранняго утра по пескамъ, колевинамъ и липкой грязи. Но этимъ черным силуэтамъ тополей и плоскокрышихъ домовъ, казалось, конца никогда не будетъ, и никогда мы не выберемся изъ этого лабиринта черныхъ переулковъ. Огней уже не было нигдѣ видно, народа на улицѣ никого; только однѣ лягушки, обрадовавшись дождю, оглушительно квакали въ

пребрежныхъ заливахъ и плесахъ Сыръ-Дарьи, привѣтствуя наше прибытіе, да изъ какой-то одинокой кузницы, потонувшей въ черномъ хаосѣ ночи, раздавались мѣрные удары молота и сыпались въ ночную темноту огненными вѣниками раскаленныя искры...

VII.

Свѣтлая заутреня въ столицѣ Туркестана.

Ранымъ-ранехонько поднялись мы съ своего ночлега. На Чиназской станціи казацкій полковникъ со своимъ сынишкой захватили раньше насъ комнату съ двумя диванами, и мнѣ пришлось устраиваться на ночь въ тарантасѣ, уступивъ женѣ единственный диванчикъ свободной комнаты. Я нисколько не былъ на это въ обидѣ, потому что нѣтъ ничего пріятнѣе сна на свѣжемъ воздухѣ. Цѣлую ночь не прекращалось движеніе по большой Чиназской дорогѣ, она же и главная улица русскаго Чиназа. Всю ночь шли мимо караваны верблюдовъ и шумно топтались прогоняемыя отары овецъ. Всю ночь подъѣзжали и отъѣзжали отъ станціи, звеня своими колоколами, перекладныя и тарантасы проѣзжихъ. Грязь и темнота никого, повидимому, не запугивали.

Въ половинѣ пятаго мы уже двинулись въ путь. Маленькій поселокъ русскаго Чиназа, основанный всего лѣтъ шесть тому назадъ на мѣстѣ бывшаго русскаго укрѣпленія, теперь весь былъ намъ виденъ съ своими тополями, садиками, бѣлыми домиками и недостроеннымъ маленькимъ храмомъ. Прежде тутъ стояло много войска, и городокъ былъ гораздо оживленнѣе и многолюднѣе, но послѣ присоединенія Самарканда и Коканскаго ханства Чиназъ пересталъ быть пограничнымъ укрѣпленіемъ и потерялъ свое прежнее значеніе важнаго военнаго пункта. Зато туземный или «Старый Чиназъ» съ своими пригородными кишлаками растянулся на много верстъ. Онъ дѣйствительно, «старый»,

даже и не по сравненію съ русскимъ «новымъ» Чиназомъ. Еще Тимуръ, двигаясь изъ Самарканда къ Ташкенту, переправился черезъ «Ходжентскую рѣку» и разбилъ свой станъ „*между Чиназомъ* и Ташкентомъ на берегу рѣки“, какъ повѣствуетъ персидскій историкъ. Жители до сихъ поръ таскаютъ прекрасный жженый кирпичъ изъ развалинъ древняго города, который, пожалуй, видѣлъ въ своихъ стѣнахъ Александра Македонскаго.

Не выѣдешь изъ его сплошныхъ садовъ, изъ его безконечныхъ дуваловъ, изъ его безчисленныхъ арыковъ. Крытые базары на каждомъ шагу, и вездѣ у лавокъ, у воротъ домовъ спящій народъ на тюфякахъ и коврикахъ. Дома здѣсь больше и красивѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Самарканда и Бухары. Тутъ они нѣсколько напоминаютъ грузинскіе дома: въ два яруса, съ галлереями, съ широкими и высокими воротами подъ крышами, и дворы съ навѣсами кругомъ, какъ въ русскихъ постоялыхъ дворахъ. У выѣзда изъ города, на горкѣ, полуразрушенная бухарская кала съ характерной живописностью вырѣзается своими темными стѣнами на залитомъ лучами солнца утреннемъ небѣ...

Дорога отъ Чиназа до Ташкента на пространствѣ всѣхъ 62 верстъ — одинъ сплошной садъ, одна переполненная чаша. У Чиназа впадаютъ въ Сыръ-Дарью почти въ одномъ мѣстѣ и параллельно другъ-другу три рѣчки.

Ташкентская дорога проходитъ этою дельтою, своего рода, по узкой долинѣ, между Чирчикомъ справа и Саларомъ слѣва. Немудрено поэтому, что тутъ такая зелень и такое плодородіе. Кромѣ небольшого перерыва за станціею Старый Ташкентъ, вся дорога отлично шоссирована и обсажена деревьями.

Вправо, за Чирчикомъ, все время виднѣются горные отроги хребта Чакала, замыкающаго съ сѣверо-запада своею непроходимою стѣной Коканскую долину Сыръ-Дарьи. Къ Чирчику главнымъ образомъ тѣснятся кишлаки и сады этой маленькой Ташкентской Месопотаміи, а вокругъ шоссе: непрерывныя, превосходно воздѣланныя поля, которымъ позавидовалъ бы всякій

саксонецъ и бельгіецъ. Мягкая и глубокая лёссовая почва, этотъ нильскій илъ, своего рода, разрыхляется превосходно на значительную глубину, даже тѣми первобытными орудіями, которыми сартъ продолжаетъ пахать свою землю со временъ Александра Македонскаго. Деревянный плугъ-башмакъ, иногда только съ слегка окованнымъ носомъ, и тутъ царитъ, какъ вездѣ на востокѣ, начиная отъ нашего Закавказья. Но эти Церерины плуги идутъ зато въ бороздѣ аршинной глубины и выворачиваютъ наружу все нутро земное. Поля, строго говоря, тутъ нѣтъ; тутъ все скорѣе огороды, а не поле. Земля размельчена въ пухъ, какъ въ цвѣточномъ горшкѣ, и поливается, какъ цвѣточный горшокъ, потому что, помимо плуга, на каждомъ участкѣ усердно работаютъ съ зари до зари неутомимые сарты съ своими „*чекменями*“, — этими своеобразными круглыми лопатами, нѣсколько напоминающими желѣзныя ложки, которыхъ желѣзки прикрѣплены къ своимъ рукояткамъ подъ прямымъ угломъ, на подобіе мотыкъ. Каждая глыба земли тщательно разбивается рукой человѣка, и весь участочекъ обращается тою же рукой, тѣмъ же неизбѣжнымъ «чекменемъ», въ лабиринтъ вьющихся узенькихъ канавокъ, по которымъ пущенная въ свое время вода арыка доходитъ до каждаго вершка вспаханнаго поля. Эти поля-огороды большею частью уже засѣяны рисомъ, пшеницею и «бидою», какъ называютъ здѣсь люцерну. Рисовыя плантаціи пока дѣвственно черны и безъ малѣйшаго признака зелени; зато ничѣмъ незамѣнимая «бида» уже роскошно уклочилась и выросла почти на косу. Трава эта дѣйствительно незамѣнима для сарта: ее сѣютъ здѣсь одинъ разъ въ семь лѣтъ а косятъ по пяти разъ каждое лѣто. Подъ хлопокъ и подъ дыни землю только-что еще пашутъ. Хлопокъ и рисъ начинаютъ мало-помалу вытѣснять здѣсь всякія другія хозяйственныя растенія и особенно дыни, которыхъ прежде сѣялось очень много; туркестанскія дыни, особенно бухарскія и хивинскія, славятся далеко по всей Азіи необыкновеннымъ ароматомъ своимъ, сладостью, и нѣжнымъ вкусомъ, и совершенно не имѣютъ разсла-

блающихъ свойствъ нашей русской дыни. Для туземца-сарта съ его необыкновенно умѣренными привычками дыня служитъ даже и зимою, вплоть до новаго урожая, однимъ изъ главныхъ продовольственныхъ матеріаловъ доступныхъ по цѣнѣ каждому бѣдняку-байгушу.

Направо, отъ шоссе — горы, сады, деревни непрерывною чередой; налѣво, за узкою полосой огородовъ, примыкающею къ шоссе, нетронутая травяная степь, съ холмовъ которой вдоль по всему горизонту надвигаются на домовитыя сельбища сартовъ, какъ черныя муравьиныя кучи, многочисленныя кибитки киргизовъ,—аванпосты степныхъ кочевій, охватывающихъ чуть не со всѣхъ сторонъ маленькій оазисъ предгорій. Травяная степь эта — та же плодородная лёссовая глина, способная при орошеніи давать по пяти укосовъ биды и самъ тридцать пшеницы, — но она трудно доступна арыкамъ и потому до сихъ поръ остается нетронутою дичью, «адамскою землею», какъ называетъ ее нашъ русскій мужикъ.

Впрочемъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента и другихъ старыхъ городовъ киргизы уже наполовину стали осѣдлыми, строятъ себѣ цѣлые кишлаки съ домами и дворами и занимаются хлопкомъ, рисомъ и бидой съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и сарты. Въ хозяйствахъ у сартовъ обычными полевыми работниками почти всегда киргизы, сильные, неприхотливые, выносящіе всякую жару и всякую сырость. Изъ Ферганской области находитъ ихъ въ Ташкентъ и его окрестности ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ; ихъ привлекаетъ сюда порядочно высокая поденная плата (40 — 50 коп. на харчахъ хозяина). Много киргизовъ и теперь пашутъ неподалеку отъ насъ, всѣ красные съ головы до ногъ, въ красныхъ широчайшихъ рубахахъ, въ красныхъ широчайшихъ шароварахъ, засученныхъ выше колѣнъ, въ характерныхъ своихъ островерхихъ колпакахъ изъ бѣлаго войлока, съ разрѣзными полями, снизу подбитыми тоже краснымъ. Широкія, скуластыя морды ихъ, вспотѣвшія на солнцѣ, ихъ богатырскія голыя руки и муску-

листыя икры тоже кажутся вылитыми изъ какой-нибудь красной мѣди.

«Старый Ташкентъ», безъ сомнѣнья, и есть тотъ древній торговый городъ Шашъ, о которомъ разсказываютъ арабскіе историки и географы среднихъ вѣковъ. Остатки крѣпости его высятся очень внушительно на обрывистомъ берегу Салара. Тутъ же много насыпей, валовъ, каменныхъ грудъ, могильныхъ холмовъ.

Говорятъ, городъ былъ переведенъ отсюда на мѣсто теперешняго Ташкента потому, что рѣка постоянно подмывала его берега, и дома то и дѣло обрушивались въ воду.

Мѣсто это одно изъ очень живописныхъ и очень интересныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи. Несомнѣнно, что серьезныя раскопки и серьезныя историческія изысканія нашли бы здѣсь самую благодатную и почти еще непочатую почву. Впрочемъ, начиная отъ стараго Ташкента до новаго поля и степь сплошь покрыты многочисленными древними курганами. Иногда они тянутся цѣлою цѣпью, какъ у насъ въ южно-русскихъ равнинахъ. Въ теченіе долгихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій тутъ было мѣсто кровавыхъ столкновеній самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Сыръ-Дарья всегда служила рѣзкимъ пограничнымъ рубежемъ между странами и народами, и на этомъ рубежѣ, въ сосѣдствѣ съ удобною переправою черезъ Яксартъ, естественно происходили отчаянныя схватки враждующихъ. Оттого, конечно, и возникъ съ глубокой древности въ этомъ плодородномъ и богато орошенномъ оазисѣ, въ прохладной тѣни предгорій, на важномъ перепутьи торговыхъ и военныхъ дорогъ, такой большой торговый и промышленный центръ, какъ Ташкентъ. Но разобраться въ этихъ нѣмыхъ курганахъ, хоронившихъ подъ собою и скиѳовъ, и саковъ, и македонянъ, и согдіянъ, и арабовъ, и монголовъ и турокъ, конечно, не съумѣетъ никакая археологія...

Сарты и киргизы пользуются этими огромными курганами, чтобы хоронить на нихъ своихъ мертвыхъ. Должно быть, они

еще не перестали считаться кровнымъ родствомъ со старыми костями, хозяевами этихъ историческихъ могилъ. По крайней мѣрѣ, другихъ кладбищъ почти не видно въ сартскихъ деревняхъ.

Подъѣзжая къ станціи Кіазъ-Башъ—послѣдней передъ Ташкентомъ, — я то и дѣло нетерпѣливо выглядывалъ впередъ на дорогу. Мы еще изъ Джизака послали телеграмму сыну въ Ташкентъ о своемъ выѣздѣ изъ Самарканда, и можно было предполагать, что онъ встрѣтитъ насъ. Дѣйствительно, еще далеко издали я увидѣлъ около станціи знакомую высокую фигуру военнаго инженера, поджидавшаго нашъ экипажъ. Сыну пришлось переночевать на станціи, потому что онъ не зналъ навѣрное, когда мы успѣемъ пріѣхать, вчера вечеромъ или нынче утромъ. Мы нáскоро позавтракали вмѣстѣ и, пока перепрягали лошадей, отправились съ нимъ пѣшкомъ къ знакомому ему русскому поселенцу, въ саду у котораго инженерная ташкентская молодежь устраиваетъ иногда деревенскіе пикники. Добродушный старикъ, нашъ землякъ, живетъ себѣ припѣваючи уютнымъ хуторкомъ на берегу глубокаго, какъ рѣка, арыка, въ тѣнистомъ саду, съ холмовъ котораго открывается красивый видъ на Кіазъ-Башъ и его окрестности. Хозяйство его полная чаша, и въ этомъ отношеніи онъ не можетъ считаться типическимъ представителемъ нашихъ русскихъ поселенцевъ въ окрестностяхъ Ташкента.

Мы поболтали съ землякомъ, побродили по его саду, полюбовались на чарующую картину цвѣтущихъ садовъ и зеленыхъ полей, осѣненныхъ далекими хребтами снѣговыхъ горъ,—и уже не вдвоемъ, а втроемъ весело двинулись въ путь.

На цѣлыхъ пятнадцать верстъ, до самыхъ улицъ Ташкента тянется прекрасное шоссе, на которомъ нѣтъ ни одной выбоинки, хотя нѣтъ въ то же время и ни одной кучки щебня, что обыкновенно украшаютъ собою съ обѣихъ сторонъ наши русскія шоссейныя дороги, всегда изрытыя и выбитыя, плато-

нически угрожая починкою этихъ выбоинъ въ невѣдомомъ будущемъ.

Рослые красавцы-тополи, тѣсными рядами обступившіе дорогу, обращаютъ ее въ тѣнистую аллею сада. Все это уже наше русское насажденіе; изъ казенныхъ питомниковъ не только обсаживаются дороги, но и во множествѣ раздаются деревца сартамъ; сначала ихъ раздавали даромъ, чтобы пріучить населеніе къ новымъ растеніямъ, а теперь, когда жители вошли во вкусъ, саженцы продаются имъ по очень дешевой цѣнѣ. И вездѣ, гдѣ деревья, конечно, канавы съ водой. Это даетъ изрядный заработокъ окрестнымъ жителямъ.

За шеренгами зеленыхъ великановъ все сплошные сады, тоже на многія версты. Деревья тутъ того же характера, какъ въ Крыму: грецкій орѣхъ, винная ягода, черешни, гранатникъ, яблоки, виноградъ. Въ лѣсахъ Ферганы растенія эти попадаются даже дикими. Виноградъ сарты воспитываютъ по-своему: онъ вьется у нихъ по тычинкамъ, согнутымъ въ дугу и образующимъ сводистый проходъ, подъ которымъ можетъ свободно двигаться человѣкъ. Гроздья винограда свѣшиваются внутрь этого крытаго корридора и избѣгаютъ чрезъ это невыносимаго для нихъ припека туркестанскаго солнца, отъ котораго трескаются ягоды.

Все роскошнѣе дѣлаются сады, все и гуще и выше чудныя тополевыя аллеи, все люднѣе и оживленнѣе дорога, по мѣрѣ приближенія къ городу. Теперь уже мы въ области городскихъ дачъ, которыя незамѣтно сливаются съ такими же зелеными улицами, такими же цвѣтущими садами городскихъ кварталовъ и даютъ Ташкенту видъ громаднаго города.

Навстрѣчу намъ ѣхала коляска, запряженная русскою тройкой. Грузный артиллерійскій полковникъ въ бѣломъ кителѣ внимательно вглядывался въ нашъ казанскій ковчегъ, немилосердно гремѣвшій по камнямъ всѣми своими расшатанными желѣзными суставами. Вотъ коляска останавливается, и бѣлая военная фигура выскакиваетъ изъ него навстрѣчу намъ. Мы

тоже останавливаемся. Это выѣхалъ къ намъ навстрѣчу мой двоюродный братъ К., съ которымъ мы разстались еще десятилѣтними ребятами и который успѣлъ съ тѣхъ поръ прожить цѣлую жизнь на разныхъ окраинахъ, геройствуя то въ Болгаріи, то въ Средней Азіи. Дача, гдѣ жилъ мой сынъ, была недалеко, въ садахъ того же Самаркандскаго шоссе, по которому мы ѣхали. Тарантасъ завернулъ чрезъ широкія ворота въ яркую зелень лѣса, среди котораго привѣтливо бѣлѣла тѣнистая галлерея дачи и стояла, радостно улыбаясь, выбѣжавшая намъ навстрѣчу молодая хозяйка.

Все, чѣмъ поразилъ меня и чѣмъ очаровалъ русскій Самаркандъ,—эти аллеи-улицы, журчащія ручьями, эти зеленыя полчища гигантовъ-тополей, безконечными перспективами уходящія во всѣхъ направленіяхъ, эта широта, чистота, порядокъ, здоровое дыханіе,—все это въ еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ видите вы и въ Ташкентѣ. Ташкентъ, вѣроятно, и послужилъ прототипомъ для устройства всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ поселковъ: Самарканда, Маргелана, Асхабада и другихъ. Онъ первый сталъ городомъ-садомъ, такъ мало похожимъ на городъ-базаръ, излюбленный типъ губернскаго города въ старой Россіи. Въ то время, какъ наши коренные торговые города всласть глотаютъ въ свои легкія всяческую пыль и вонь и душатъ сами себя своими, тѣсно застроенными, узкими улицами, Ташкентъ и его послѣдующія поколѣнія—прежде всего устроили себѣ громадныя зеленыя легкія, постоянно освѣжающіяся текучею водой, и разлеглись своими одноэтажными, небольшими домиками на просторѣ свободно отмѣренныхъ усадьбъ, среди садовъ, дворовъ, проведя между собою улицы, широкія, какъ большая дорога, раздвинувъ площади и скверы, обширные, какъ поля.

Теперь нашимъ старымъ русскимъ городамъ—да не только нашимъ, а и европейскимъ, — приходится учиться здравымъ условіямъ городского устройства у нашихъ новорожденныхъ городовъ надняхъ еще варварскаго Туркестана.

Ташкентъ производитъ уже впечатлѣніе настоящей столицы края своими многочисленными улицами, охватывающими десятки квадратныхъ верстъ, своимъ многолюдствомъ, своей торговлей, красотой своихъ построекъ. Все это, за самыми ничтожными исключеніями, одноэтажные дома, незамысловатой архитектуры, но они имѣютъ своеобразное изящество простоты и деревенской уютности, и удивительно веселятъ глазъ, то ярко вырѣзаясь среди зелени садовъ, то просвѣчивая сквозь зеленые ряды загораживающихъ ихъ тополей...

Яркая бѣлизна бѣлыхъ рубашекъ на безпрерывно снующихъ по улицамъ солдатикахъ и ихъ яркіе, какъ кровь, шаровары изъ козьей замши, — своеобразная особенность туркестанскаго войска,—еще больше веселятъ и молодятъ этотъ молодой, веселый народъ.

Тутъ все военное, цѣлыя улицы полны солдатъ, казаковъ, джигитовъ, офицеровъ, генераловъ, идущихъ, ѣдущихъ, скачущихъ; вездѣ руки взмахиваютъ подъ козырекъ, вездѣ звенятъ шпоры, и быстро бѣгущій по тротуару рядовой то и дѣло молодецки дѣлаетъ фронтъ какому-нибудь проходящему начальству.

Рѣдко гдѣ я видѣлъ такой молодцоватый и ловкій народъ, какъ туркестанскіе солдаты. Тутъ они какъ-то гораздо развязнѣе, оживленнѣе и словно осмысленнѣе, чѣмъ внутри Россіи. Одѣваютъ тутъ ихъ отлично, кормятъ отлично, обращаются гораздо лучше. Это и понятно, потому что здѣсь, на далекой азіатской окраинѣ солдатъ — большая штука, солдатъ чуть не все. Онъ тутъ нуженъ всѣмъ и на каждомъ шагу. Онъ и защищаетъ, онъ и устраиваетъ, онъ и цивилизуетъ. Поневолѣ за нимъ нужно больше ухаживать. А что̀ такое солдатъ въ какомъ-нибудь Курскѣ или Щиграхъ? Кому и на что онъ нуженъ въ обычное, мирное время?..

Зато фигура статскаго положительно выдѣляется какимъ-то неуклюжимъ пятномъ, какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ среди сплошного моря военныхъ формъ; военныхъ учрежденій, военнаго люда, дающихъ городу его характерную физіономію.

Статскихъ называютъ здѣсь «вольными».

— Прошли сейчасъ полковникъ съ двумя господами офицерами, да съ ними *вольный* одинъ!—докладываетъ вамъ на вашъ вопросъ бравый сторожъ-солдатикъ.

Это странное прозвище, смѣшившее меня въ первое время, въ сущности довольно мѣтко, потому что весь остальной, военный народъ — находится здѣсь не по собственной волѣ, а по приказу начальства...

Въ Ташкентѣ не только крѣпость военная, не только многочисленныя военныя казармы, передъ которыми сверкаютъ штыки и пушки, но и большая часть чиновъ и учрежденій, собранья, клубы, библіотеки, школы. Даже церкви тутъ военныя.

Вонъ, напримѣръ, старый «Солдатскій соборъ» на площади, а вонъ рядомъ съ нимъ новый «Военный Спасо-Преображенскій» соборъ. Войдите въ него, и не увидите тамъ почти никого, кромѣ тѣхъ же солдатъ, офицеровъ, генераловъ, да солдатскихъ, офицерскихъ и генеральскихъ женъ и дочерей... «Вольные» и тутъ незамѣтно тонутъ среди господствующей массы военнаго люда.

Мы кстати посѣтили этотъ новый соборъ въ первый же день своего пріѣзда. Была Великая Суббота, и намъ съ женою столько же хотѣлось доѣхать скорѣе къ своимъ дѣтямъ, чтобы встрѣтить вмѣстѣ Праздникъ Праздниковъ, сколько и не упустить торжественной заутрени подъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Было бы слишкомъ обидно провести эту священную для христіанина ночь гдѣ-нибудь на почтовой станціи Голодной Степи, среди ямщиковъ-киргизовъ.

Новый соборъ строился очень долго, кажется, съ самыхъ первыхъ лѣтъ управленія Кауфмана, и испыталъ цѣлый рядъ невзгодъ, столь обычныхъ нашимъ казеннымъ постройкамъ, вызвавъ не одну трагическую исторію съ подрядчиками и техниками. Говорятъ, на него пошло гораздо больше денегъ, чѣмъ

онъ стоитъ; я не знаю, насколько правды въ этихъ разсказахъ, и могу только сказать, что Ташкентскій соборъ былъ бы украшеніемъ какой угодно столицы. Онъ не очень высокъ, и это очень благоразумно. Съ землетрясеніями здѣсь шутить нельзя, какъ хорошо испытали это недавно жители невѣрнаго города Вѣрнаго. Византійскій стиль выдержанъ строго, съ нѣкоторымъ вторженіемъ мавританскаго въ отдѣлку деталей: бѣло-сѣрый полосатый мраморъ стѣнъ и темно-коричневый колеръ орѣховаго съ золотомъ иконостаса, рѣшетокъ, кіотовъ, немного напоминаютъ арабскую мечеть какого-нибудь Каира; но въ столицѣ русской Азіи—этотъ азіатскій варіантъ византійства вполнѣ, по моему, умѣстенъ. Люстры, свѣщники, лампады,—все массивной позолоты, сверкаетъ новизной и богатствомъ, полно стиля и вкуса.

Крупныя золотыя строки евангельскихъ текстовъ, писанныхъ славянскими буквами, опоясываютъ очень эффектно и совершенно такъ же, какъ въ знаменитыхъ мусульманскихъ мечетяхъ куфическія надписи изъ Корана, и барабанъ главнаго купола, и алтарь, и отдѣльныя ниши.

Куполъ, арки, своды изукрашены прекрасною скульптурною работою. У правой стѣны собора стоитъ историческая реликвія своего рода,—гробница изъ чернаго мрамора генерала Кауфмана, главнаго создателя и Ташкента и ташкентскаго собора (хотя оконченъ соборъ собственно былъ уже при генералѣ Розенбахѣ). Надъ гробницею огромный орѣховый кіотъ въ русскомъ стилѣ большаго изящества, съ вѣчно горящею передъ нимъ лампадою, а на рѣшоткѣ гробницы траурные вѣнки съ роскошными лентами, расшитыми золотыми надписями.

Вообще этотъ соборъ—достойный представитель Православія въ странѣ славныхъ древнихъ мечетей Ислама. Строилъ его архитекторъ не русскаго имени, Генцельманъ, но по проектамъ глубоко русскаго художника Рязанова.

Когда мы подъѣхали къ соборной площади,—и солдатскій, и новый соборъ пылали миріадами своихъ огней, какъ два колос-

сальные свѣщника, поднятые къ небу. Оба они были уставлены горящими стаканчиками по всѣмъ поворотамъ своихъ архитектурныхъ линій, такъ что издали казалось, будто очертанія храмовъ были нарисованы огнемъ съ малѣйшими своими подробностями по черно-синему бархату глубокаго ночного неба. А у подножія этихъ громадныхъ огненныхъ видѣній родились и искрились среди тьмы, трепеща, какъ фосфорическія бабочки, тысячи мелкихъ огоньковъ, словно искры, обсыпавшіяся съ вышины фантастическихъ, изъ огня сотканныхъ, храмовъ. Это толпы народа, неумѣщавшіяся въ ихъ стѣнахъ, стояли съ зажженными свѣчами въ рукахъ, на террасахъ и ступеняхъ и заливали собою прилегавшую площадь.

Внутри тоже все пылало и сверкало огнями, цѣлый огненный поясъ охватывалъ высоко надъ головами народа основаніе купола, освѣщая въ высотѣ крупныя фигуры четырехъ евангелистовъ и рои ангеловъ.

Мнѣ говорили, что нѣкоторыя изъ этихъ ангельскихъ головокъ были написаны мѣстною любительницею живописи, женою бывшаго генералъ-губернатора Розенбаха. Онѣ и носятъ на себѣ слѣды нѣсколько свѣтской и ужъ ни въ какомъ случаѣ не византійской школы.

Генералъ-губернаторъ Вревскій съ мѣстнымъ генералитетомъ и штабными чинами присутствовалъ на службѣ. Пѣлъ солдатскій хоръ, однако въ обычныхъ парадныхъ одеждахъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Замѣчательно выразительные и отчетливые возгласы и чтеніе священника Покровскаго, дѣятельнаго миссіонера, обратившаго къ христіанству многихъ дунганъ, раздавались изъ алтаря, понятные и слышные въ самыхъ далекихъ углахъ храма, чтó, къ сожалѣнію, такъ рѣдко встрѣчается въ нашихъ большихъ церквахъ, гдѣ народъ большею частью бываетъ не въ силахъ разслышать словъ священника и дьякона. Но отецъ Покровскій былъ только однимъ изъ сослужащихъ. Скоро мы увидали вышедшую изъ алтаря фигуру старца, кото-

раго нельзя забыть, увидѣвши разъ. Ему на видъ казалось лѣтъ сто. Спина его уже согнулась, и ноги съ трудомъ двигались. Бѣлая, длинная борода и такіе же, какъ серебро, бѣлые волосы обрамляли сухощавое, суровое лицо, среди старческихъ морщинъ котораго горѣли смѣлымъ, вовсе не старческимъ огнемъ, энергическіе черные глаза. На старцѣ была митра, хотя остальныя одежды его были не архіерейскія, а священническія.

Твердымъ и мужественнымъ голосомъ проговорилъ онъ во время обѣдни эктенію, хотя державъ чашу съ Святыми Дарами порядочно дрожавшими руками; ему нужно было употребить нѣсколько минутъ, чтобы съ замѣтнымъ усиліемъ повернуться къ алтарю.

— Кто это такой?—спросилъ я, пораженный своеобразною фигурой старца, внушавшей невольное благоговѣніе.

— А это самая большая знаменитость Ташкента, священникъ Маловъ,—отвѣчали мнѣ.—Онъ у насъ называется покорителемъ Туркестана.

— Какъ это, покорителемъ Туркестана?

— Да такъ просто; онъ дѣйствительно былъ однимъ изъ главныхъ героевъ, завоевавшихъ намъ этотъ край. Онъ лично бралъ приступомъ и Ташкентъ, и Ходжентъ, и Хиву, и Коканъ, словомъ, почти всѣ здѣшнія крѣпости.

— Онъ былъ прежде военный?

— Нисколько; онъ всегда былъ священникомъ. Въ 1889 году мы праздновали пятидесятилѣтіе его священства. Онъ въ сущности не такъ старъ, какъ кажется, ему всего 76 лѣтъ, а это его походы да битвы уходили; отъ ревматизма ноги почти отнялись. А то бы онъ, пожалуй, и теперь на приступъ полѣзъ!—улыбнулся мой собесѣдникъ.

— Чего-жъ его архіереемъ не сдѣлаютъ? Вѣдь онъ вѣрно вдовецъ?

— Синодъ ему еще въ 1871 году предлагалъ сдѣлаться первымъ туркестанскимъ архіереемъ, когда епархія учреждалась, да о. Андрей не захотѣлъ; почести его не особенно соблазняютъ,

а съ семьей разстаться не хочетъ; у него тутъ дочь замужняя, внуки, правнуки... Онъ ихъ ужасно всѣхъ любитъ и живетъ всегда съ ними. Къ тому же, чѣмъ онъ здѣсь меньше архіерея. Почетъ и уваженіе къ нему во всемъ Туркестанѣ такіе, что никакому архіерею не оказываютъ: и генералъ-губернаторы, и начальники всѣ—все это его почитатели самые искренніе, большею частью даже соратники его по походамъ, офицерами молодыми при немъ были; звѣзды и кресты у него всякіе есть, народъ чуть не молится на него. Ни одинъ солдатикъ не уйдетъ отсюда на родину, не купивъ портретика «дѣдушки Малова», какъ величаютъ здѣсь его. Это, знаете, въ родѣ какой-то мѣстной святыни у насъ... Общій любимецъ и общая слава наша.

— Вотъ такъ попъ!—искренно удивился я.

— Да ужъ именно попъ, я вамъ скажу; такого другого нигдѣ не отыщете. И вѣдь что̀ замѣчательно: онъ въ походъ-то пошелъ въ первый разъ вовсе не полковымъ священникомъ; никакой его обязанности не было съ полкомъ ходить, потому что онъ просто городскимъ священникомъ служилъ въ Перовскѣ, ну, а вотъ явилось вдругъ желаніе непобѣдимое пороху понюхать, онъ и присталъ доброю волей къ четвертому Туркестанскому батальону, да и продѣлалъ съ нимъ всю кампанію... Мнѣ говорили, что онъ еще съ малолѣтства у отца въ военную службу просился,—отецъ его тоже священникомъ былъ гдѣ-то въ Самарѣ,—значитъ, всегда призваніе это чувствовалъ. И въ семинаріи, говорятъ, товарищи его иначе не звали, какъ «генералъ»... Стало-быть, онъ и тамъ о битвахъ все мечталъ. Вотъ и добился своего.

— И такъ-таки самъ въ битвахъ участвовалъ? Безъ всякаго преувеличенія?

— Помилуйте, какое преувеличеніе! Тутъ же всѣ его товарищи, у всѣхъ на глазахъ было. Всѣ эти его кресты, звѣзды, митры — все вѣдь это онъ за военныя заслуги получилъ, на полѣ брани, а не за что-нибудь. Крестъ въ руку — и лѣзетъ впередъ всѣхъ на валы, на стѣны; оружія у него никогда ни-

какого, а на груди дароносица виситъ. Солдаты за нимъ, какъ за какою-нибудь священною хоругвіею шли. Гдѣ батюшка, тамъ и они. Сколько разъ случалось, не выдержутъ огня непріятельскаго, смалодушествуютъ наши солдатики, назадъ удираютъ отъ крѣпости, — батюшка появится, крикнетъ имъ по-своему: Что-жъ вы, братцы, одного меня умирать оставляете, крестъ святой на поруганіе нехристямъ отдаете? Ну и сейчасъ, какъ переродятся всѣ, напрутъ опять молодецки,—смотришь, и взяли крѣпость...

— Чудеса да и только!—замѣтилъ я.

— Дѣйствительно, чудеса. Замѣтьте, что онъ ни разу раненъ не былъ, несмотря на то, что на всѣхъ приступахъ всегда былъ впереди. Да еще одѣвался такъ, что въ глаза всѣмъ кидался. Шляпа свѣтлая, подрясникъ свѣтлый, лошадь подъ нимъ бѣлая, крестъ высоко въ рукахъ поднятъ,—азіаты думали, что это-то и есть самый главный военачальникъ нашъ, потому что видятъ, все войско за нимъ идетъ; вотъ и сыпались въ него всѣ ихъ пули. Да Богъ миловалъ... Вы знаете, что подъ Ходжентомъ онъ даже надъ артиллеріей начальствовалъ.

— Какъ такъ?

— Да, побили тамъ и поранили чуть не всѣхъ артиллерійскихъ начальниковъ; онъ и возьмись командовать. Что-жъ вы думаете, вѣдь цитадель ихъ разбилъ и пушки свои туда перетащилъ. А то при Иръ-Джарѣ тоже было. Нашихъ всего пять тысячъ, а коканцевъ шестьдесятъ. Романовскій ужъ отбой было ударилъ, а куда тутъ отбой? Въ Сыръ-Дарьѣ всѣхъ бы нашихъ и потопили, потому что бухарцы съ трехъ сторонъ насъ охватили и къ рѣкѣ прижали. Батька-то и крикни солдатикамъ:

— Ошибка это, братцы! Барабанщикъ ошибся! Какой теперь отбой! На уру надо! Впередъ, ура!

Тутъ офицеры храбрые были, Абрамовъ покойный, что потомъ губернаторомъ былъ въ Ферганской области, Пистолькорсъ и другіе еще. Поддержали попа, тоже кричатъ: Впередъ! Ура! Солдатики бросились на уру и расколотили бухарцевъ такъ,

что пухъ отъ нихъ полетѣлъ... Вотъ онъ каковъ у насъ, старичокъ-то этотъ, Андрей Ефимовичъ...

— Ай-да Андрей Ефимычъ... Вѣдь это Іоанна д'Аркъ своего рода, — сказалъ я, искренно утѣшенный разсказами своего пріятеля.

— Оттого-то безъ него не обходилась у насъ ни одна кампанія. Къ Черняеву, положимъ, онъ самъ пріѣхалъ, когда тотъ Чимкентъ взялъ. Ну, Черняевъ ужъ слышалъ о немъ, какъ онъ въ 1862 году Динь-Курганъ бралъ да Туркестанъ, принялъ его, конечно, съ распростертыми объятіями. Съ той поры онъ и перешелъ въ батальонные священники, въ четвертый Туркестанскій батальонъ. Такъ знаете ли, что онъ сдѣлалъ тогда? Повѣрить трудно... Праздникъ Свѣтлый подходилъ, а въ походной церкви антиминса нѣтъ. Вотъ Андрей Ефимычъ и надумалъ думу: съ двумя казаками черезъ непокоренныя киргизскія степи за 700 верстъ въ городъ Вѣрный верхомъ слеталъ, въ Семирѣченскую область, къ владыкѣ, и привезъ къ Пасхѣ антиминсъ, да еще по дорогѣ у разбойника какого-то ночевалъ, кунакомъ съ нимъ сдѣлался. Кауфманъ тоже его съ собою пригласилъ въ хивинскую экспедицію, потому что при Андреѣ Ефимычѣ солдаты совсѣмъ другими людьми дѣлались.

— Да еще что сказалъ про него при всѣхъ начальникахъ, наглядѣвшись на его безстрашіе и находчивость: «Если бы, говоритъ, священникъ Маловъ былъ военный, я бы считалъ за величайшую честь служить подъ его командой!» Онъ ему и митру выхлопоталъ за хивинскій походъ. А Скобелевъ, когда завоевалъ Коканское ханство и на Алайскія горы ходилъ каракиргизовъ смирять, такъ безъ Малова не хотѣлъ въ походъ отправляться, упросилъ его непремѣнно съ собой ѣхать, тотъ тамъ и ноги на Алайскихъ ледникахъ потерялъ; хоть звѣзду потомъ за это Анненскую получилъ, а все безъ ногъ остался... Это ужъ его послѣдняя пѣсенка была.

— Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ вотъ недавно, какъ ужъ генералъ-губернаторомъ здѣсь былъ, шутилъ какъ-то съ

батюшкой, спрашиваетъ его: ну, а что, Андрей Ефимычъ, если бы теперь открылась опять война? Пошли бы вы съ нами?

— Такъ тотъ отказался: «Нѣтъ, говоритъ, духомъ-то бы я еще хоть куда, да плоть оплошала, силъ ужъ больше нѣтъ...

— Черняевъ ему и говоритъ: «Нѣтъ, ужъ какъ хотите, батюшка, а безъ васъ походъ не въ походъ; мы васъ въ арбу покойную посадимъ, а ужъ съ собой увеземъ!»

— Потомъ, когда завтракъ Черняеву давали въ Никольскомъ, на закладкѣ храма, такъ онъ при всемъ народѣ объявилъ:

«Не могу принять тоста за покорителя Ташкента. Безъ такихъ сподвижниковъ, какъ отецъ Маловъ, ничего бы я одинъ не могъ сдѣлать. Выпьемте-жъ прежде за его здоровье!»

Я съ особеннымъ сочувствіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ послѣ этихъ разсказовъ въ теченіе всей длинной Святонедѣльной службы на стараго, едва двигавшагося протоіерея въ митрѣ. Онъ теперь сталъ буквально историческимъ памятникомъ Ташкента. Соборъ, гдѣ онъ служитъ, по праву — его соборъ, точно такъ же какъ городъ, гдѣ онъ живетъ, по праву — его городъ. Первыя средства для постройки собора собралъ Андрей Ефимычъ; онъ ѣздилъ для этого въ Петербургъ, въ Москву, получилъ щедрыя жертвы отъ Государя Императора и Царской Семьи и возвратился домой съ капиталомъ въ 25.000 рублей. Онъ же былъ главнымъ дѣятелемъ по устройству въ Ташкентѣ памятника воинамъ, павшимъ при взятіи его.

Несмотря на слабость свою, «дѣдушка» Маловъ постоянно самъ исполняетъ всѣ обязанности старшаго протоіерея въ соборѣ, этомъ «дѣтищѣ» его, какъ называютъ соборъ мѣстные жители.

Теперь отецъ Маловъ мирно и тихо, какъ догорающій свѣтильникъ, доканчиваетъ свои почтенные дни, окруженный благоговѣйнымъ уваженіемъ всего населенія и заботами своей многочисленной семьи. Разсказываютъ, что воинственный духъ его до сихъ поръ еще витаетъ по старой привычкѣ на поляхъ

битвъ, среди грома выстрѣловъ. Домашніе его нерѣдко слышатъ, какъ сѣдовласый дѣдушка вскакиваетъ во снѣ съ постели, размахиваетъ руками и громко командуетъ воображаемой дружинѣ своей: „*ура*, впередъ, братцы!“ Оказывается потомъ, что ему пригрезилась какая-нибудь ночная атака непріятеля, и онъ звалъ на бой противъ нея оробѣвшихъ солдатиковъ...

«Сегодня нашъ дѣдушка опять воевалъ!» передаютъ на другое утро другъ другу родные Андрея Ефимыча.

VIII.

Сартская „Ураза“.

Ташкентская крѣпость — въ самомъ центрѣ его. Кажется, это совсѣмъ новое, уже русское сооруженіе. По крайней мѣрѣ, мнѣ передавали, что на мѣстѣ старой сартовской цитадели теперь разбитъ генералъ-губернаторскій садъ. Это какъ-разъ рядомъ съ нынѣшнею крѣпостью, у самыхъ ногъ ея. Крѣпость не шуточная для тѣхъ враговъ, съ которыми здѣсь привыкли имѣть дѣло. Валъ высокій, частью омывается глубокимъ арыкомъ, на углахъ банкеты для пушекъ съ пологими въѣздами; двѣ каменныя двухъярусныя казармы-редюиты фланкируютъ крѣпость съ противоположныхъ сторонъ. Внутри много другихъ казармъ. И банкеты, и валы, и площадки между казармами кишмя-кишатъ какъ муравейникъ муравьями, бѣлыми рубахами и малиновыми замшевыми штанами. Здѣшній солдатъ показался мнѣ особенно щеголеватымъ, красивымъ и бодрымъ. Съ углового банкета хорошо видна вся широкая картина города. Какъ разъ напротивъ банкета, за арыкомъ, живописныя чащи генералъ-губернаторскаго сада съ оранжереями, бесѣдками, цвѣтниками и мостиками. Въ садъ этотъ пускаютъ въ нѣкоторые дни и публику.

Съ другой стороны крѣпости «братская могила», въ которой погребены наши земляки-герои, павшіе на неудачномъ первомъ

приступѣ къ Ташкенту — коническая насыпь, осѣненная небольшимъ крестомъ и окруженная оградой. А дальше, кругомъ крѣпости, цѣлое море садовъ и домовъ, въ нихъ потонувшихъ. Пирамидальные тополи и длинными рядами, и разбросанными кучками поднимаются изъ этой массы садовъ, будто минареты среди плоскихъ кровлей магометанскаго города. Все это вырѣзается на туманной синевѣ горъ, обступающихъ издали Ташкентъ; снѣговыя вершины ихъ рѣзко сверкаютъ среди безпорочной лазури южнаго неба, а за этими довольно близкими къ намъ, еще не растаявшими снѣгами поднимаютъ свои далекія пирамиды колоссальные вѣчно-снѣжные хребты отроговъ Тянь-Шаня, раздѣляющихъ долину Чирчика отъ долины Ангрена.

Русская крѣпость, какъ и слѣдуетъ, окружена памятниками своей исторіи: горка съ спиральными дорожками въ саду генералъ-губернатора—остатокъ уничтоженной сартовской твердыни, въ «братской могилѣ» останки геройскихъ завоевателей, а прямо противъ воротъ — еще одинъ своеобразный памятникъ: крошечный домишко о двухъ конуркахъ, скорѣе напоминающій караулку, чѣмъ домъ начальника, носитъ на себѣ поучительную надпись: «первый домъ военнаго губернатора генералъ-майора Черняева». Онъ обносится оградой, какъ подобаетъ исторической достопримѣчательности, и большая улица, идущая мимо него, а потомъ мимо дома генералъ-губернатора, называется теперь «Черняевскою».

Это спартанское жилище очень характерно для всей дѣятельности генерала Черняева. Онъ всегда оставался солдатомъ даже тамъ, гдѣ другіе легко обращаются въ сатраповъ, и умѣлъ дѣлать большія дѣла съ самыми маленькими средствами, между тѣмъ какъ обыкновенно вездѣ у насъ видишь непомѣрныя требованія и громадныя затраты съ результатами довольно жалкими. Черняевъ завоевалъ цѣлую область съ какими-нибудь 3.000 человѣкъ, взялъ чуть не однимъ баталіономъ многолюднѣйшій городъ Средней Азіи, который защищался 15.000 гарнизономъ.

Оттого сарты смотрѣли на него, какъ на человѣка сверхъестественныхъ силъ, благоговѣли и трепетали передъ нимъ. Когда Черняевъ послѣ многихъ лѣтъ вернулся въ Среднюю Азію туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, радость мѣстныхъ жителей была самая искренняя. Сарты толпами встрѣтили его далеко за городомъ и попадали передъ нимъ ницъ, какъ нѣкогда падали передъ своими ханами, грозными властителями ихъ жизни и имущества.

Я былъ очень доволенъ, что мнѣ пришлось встрѣтиться и познакомиться въ Петербургѣ съ генераломъ Черняевымъ очень скоро по возвращеніи изъ моего туркестанскаго путешествія, когда во мнѣ еще были вполнѣ живы впечатлѣнія, вынесенныя изъ знакомства на мѣстѣ съ его геройскими подвигами въ Средней Азіи и его разумною устроительною дѣятельностью.

Между прочимъ всѣ здѣсь вспоминаютъ то достойное положеніе, въ которомъ Черняевъ и Кауфманъ держали себя относительно Бухарскаго эмира. Эмиръ, по обычаю восточныхъ владѣтельныхъ особъ, нѣсколько разъ въ годъ присылаетъ дорогіе подарки туркестанскимъ генералъ-губернаторамъ, и всѣ эти подарки, стоющіе сотни тысячъ рублей, и Кауфманъ, и Черняевъ съ щедростью, подобающею представителямъ Русскаго Царя, раздавали своей свитѣ и мѣстнымъ жителямъ, не придавая имъ, такъ-сказать, никакого унизительнаго для себя матеріальнаго значенія, а разсматривая ихъ только, какъ необходимую дань уваженія къ нимъ со стороны вассала Русскаго Царя. Къ сожалѣнію, одинъ изъ преемниковъ Черняева, теперь уже не находящійся у власти, не такъ понималъ смыслъ подарковъ эмира и обратилъ ихъ въ статью дохода своего рода, чего ему здѣшнее общественное мнѣніе до сихъ поръ не можетъ забыть, находя, что онъ ронялъ этимъ въ глазахъ восточнаго населенія, чрезвычайно щекотливаго въ подобныхъ вопросахъ, престижъ высшаго представителя русской власти. Меня увѣряли, что этотъ правитель Туркестана, покидая свою должность, вывезъ въ Россію такое множество ковровъ, матерій и разныхъ другихъ восточ-

ныхъ товаровъ, надаренныхъ ему эмиромъ, что въ Узунъ-Ада ему пришлось заплатить за нихъ одной таможенной пошлины нѣсколько тысячъ рублей. Впрочемъ, люди сочиняютъ такъ много небылицъ, а ужъ особенно на Востокѣ, и особенно про свое начальство, что я нисколько не ручаюсь за достовѣрность этого сказанія, а продаю за то, за чтó купилъ.

Не могу не привести здѣсь общаго глубокаго сочувственнаго отношенія и русскаго, и туземнаго населенія къ памяти генералъ-губернатора Кауфмана. Туркестанъ жилъ всегда такою обособленною отъ Россіи жизнью, что я, человѣкъ все-таки не мало читавшій, встрѣчавшій много людей всякаго рода, старавшійся постоянно слѣдить за интересными явленіями русской жизни,—я долженъ признаться, что совершенно былъ незнакомъ съ значеніемъ Кауфмана въ исторіи Туркестанскаго края. Здѣсь же я былъ изумленъ единодушнымъ отзывомъ о Кауфманѣ и поклонниковъ, и недруговъ его, какъ о человѣкѣ выходящихъ государственныхъ способностей, высокаго духа и большихъ заслугъ. Все теперешнее благоустройство Туркестана главнымъ образомъ приписывается ему. Ему обязаны своимъ началомъ почти все здѣшнія полезныя учрежденія, почти всѣ разумные порядки и начинанія. Имя его гремѣло на Востокѣ, и онъ высоко держалъ здѣсь знамя Бѣлаго Царя. Нѣкоторые здѣсь упрекаютъ его въ излишней довѣрчивости къ людямъ недостойнымъ довѣрія, въ неумѣніи окружить себя, въ слишкомъ большой широтѣ и смѣлости замысловъ, часто не соотвѣтствовавшихъ средствамъ, имѣвшимися въ рукахъ. Приводятъ въ примѣръ многія его неудавшіяся и дорого стоившія затѣи, напримѣръ, устройство въ Ташкентѣ центральной Средне-азіатской ярмарки, которая стоила будто бы до 1.800.000 рублей, а до сихъ поръ стоитъ пустая, или же такую неудачную попытку его основать казенный конный заводъ на всю область. Но если даже признать, что всѣ эти указанія на неудачи и промахи Кауфмана вполнѣ справедливы, все-таки они нисколько не умаляютъ исто-

рическаго значенія его дѣла цивилизованія варварской страны въ такой сравнительно короткій срокъ.

По Черняевской улицѣ легко проѣхать къ азіатскому Ташкенту. Онъ отдѣляется отъ русскаго города глубокимъ и широкимъ арыкомъ, который гораздо болѣе похожъ на рѣку и, какъ рѣка, густо обросъ деревьями. Русскій городъ лежитъ значительно выше азіатскаго по той простой причинѣ, что онъ разбитъ на мѣстѣ прежней сартской крѣпости, а для крѣпостей своихъ азіаты всегда выбирали возвышенныя мѣста. Оттого и воздухъ въ русскомъ Ташкентѣ значительно здоровѣе и чище, чѣмъ въ азіатскомъ, залившемъ своими безчисленными домишками, дворишками, садами и огородами громадную низменную равнину. Азіатскій Ташкентъ имѣетъ совершенно отдѣльное управленіе отъ русскаго, отдѣльную полицію, отдѣльнаго полиціймейстера; даже извозчики его, которыхъ тутъ очень много, совсѣмъ отдѣльные. Начальникъ русскій, и, конечно, военный,—все остальное сплошные сарты. Главная улица, къ удивленію моему, оказалась не только мощеною, но даже съ фонарями, хотя и не особенно частыми. Это не мѣшаетъ ей оставаться такою же узкою, вьющеюся, какъ змѣя, вонючею и слѣпою, какъ любая улица Бухары, Мерва и даже всякаго большого кишлака. Дувалы и дувалы безъ конца. Рѣдко какой домъ выходитъ на улицу однимъ, двумя окошечками своими. Большая же часть домовъ глядитъ во дворы и окружена, какъ крѣпость, высокими глиняными стѣнами, живо помня еще такъ недавно миновавшія сцены чуть не ежедневныхъ междоусобицъ.

Нашъ пріятель сартъ-Садыкъ, ловкій малый, бывавшій и въ Москвѣ, и въ Курскѣ, и въ Питерѣ, и потому научившійся говорить по-русски настолько, что изъ десяти его словъ все-таки можно было понять словъ пять,—служилъ на этотъ разъ нашимъ путеводителемъ.

Мы заѣзжаемъ прежде всего въ очень чистую мечеть *„Шах Антауръ“*.

Теперь у магометанъ постъ «Ураза», и всѣ сарты съ твердостью, достойною уваженія, строго выполняютъ предписаніе своей религіи—не ѣсть ничего до вечера. Зато уже съ наступленіемъ ночи начинаются у нихъ самыя веселыя розговины. Всѣ ихъ «ашъ-хане» (харчевни) и «чай-хане» (чайни), базары и садики наполняются толпами разодѣтыхъ мужчинъ и женщинъ и дѣтей, которые ужинаютъ, пьютъ чай и угощаются разными сластями прямо на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнью деревьевъ и навѣсовъ.

Мы отправились въ Шахъ-Антауръ нарочно вечеромъ, «послѣ звѣзды», когда уже сарты приступили къ ночному пированію своему. Мечеть Шахъ-Антауръ служитъ священнымъ центромъ цѣлаго квартала базарчиковъ. Большой садъ окружаетъ ее. Мы медленно двигались по длиннымъ аллеямъ его, въ тѣни очень высокихъ деревьевъ, у подножія которыхъ тянулись балаганчики со всевозможными яствами, сластями и напитками, и чуть не на каждомъ шагу виднѣлись ярко-осѣщенныя ашъ-хане и чай-хане, кишѣвшія сартовскими халатами, чалмами и тюбетейками. Сартовская *тамаша* (праздникъ) была въ полномъ разгарѣ. Въ разныхъ мѣстахъ раздавалась безхитростная азіатская музыка съ однообразнымъ бумъ-бумомъ турецкаго барабана и пронзительно-жалостными завываніями дудокъ. Желтопузые тульскіе самовары громадныхъ размѣровъ въ несчетномъ множествѣ сверкаютъ среди обсѣвшихъ ихъ полосатыхъ халатовъ, по 4, по 5 въ каждомъ чай-хане. Азіаты важно возсѣдаютъ, поджавъ ноги, на рундукахъ и низенькихъ деревянныхъ подмосткахъ, въ родѣ кроватей, и цѣлыми часами дуютъ свой дешевый «кокъ-чай» (зеленый чай) изъ огромныхъ глиняныхъ чашекъ безъ блюдцевъ, величиною въ наши полоскательныя чашки. А надъ этою пестрою, шумно веселившеюся толпою, надъ этими деревьями-великанами, высоко вверху мигало своими частыми звѣздами ясное и теплое небо, такое, какое бываетъ у насъ въ іюнѣ въ развалъ петровскихъ жаровъ.

Мы прошли сквозь освѣщенные многолюдные базарчики даль-

ше въ безмолвныя, темныя аллеи и свернули къ большому древнему кладбищу, сплошь усѣянному обычными могильными камнями сартовъ, въ формѣ округленной крыши; многіе изъ нихъ ушли уже глубоко въ землю, многія могилы даже совсѣмъ провалились, такъ что то и дѣло приходилось обходить ямы, предательски заросшія густымъ бурьяномъ. Въ серединѣ кладбища древняя мечеть-часовня, гдѣ похороненъ Шах-Антауръ, высокочтимый мусульманскій святой. Къ ней ведетъ очень своеобразная аллея: два ряда безобразно-изогнутыхъ, уродливо рогатыхъ деревьевъ, голыхъ, какъ скелеты, черныхъ, какъ гробы, будто молнія когда-нибудь обожгла ихъ, ободравъ съ нихъ кожу и листья; деревья эти нагнуты къ землѣ, словно сейчасъ собираются упасть, и все-таки, несмотря на свой падающій видъ, несмотря на свою очевидную омертвѣлость, эти деревья-трупы существуютъ въ такомъ состояніи вотъ уже какую сотню лѣтъ, какъ увѣряютъ сарты! Деревья эти священны, и Сартъ приближается къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Ни одна святотатственная рука не осмѣлится сломать съ нихъ хотя бы одну вѣтку. Я поднялъ глаза вверхъ и на одномъ изъ этихъ рогатыхъ скелетовъ увидѣлъ огромное гнѣздо аиста. Священная птица возсѣдала на верху своего жилья, и ея характерная древне-египетская фигура вырѣзывалась неподвижнымъ чернымъ изваяніемъ на темномъ фонѣ неба, такимъ точно, какъ она еще изображалась на барельефахъ языческихъ храмовъ какого-нибудь Мемфиса или Геліополиса. Другой аистъ безшумно опустился въ эту минуту изъ темной ночной синевы на сосѣднее, такое же голое дерево и сердито заклохталъ, будто забилъ въ трещотку, вѣроятно, выражая свое неудовольствіе на наше нечистое приближеніе къ охраняемой имъ святынѣ...

Двѣ темныя согбенныя фигуры въ чалмахъ и халатахъ въ благочестивомъ молчаніи проскользнули впереди насъ неслышною поступью и исчезли въ низенькой черной дверочкѣ гробницы...

Среди кладбища Шах-Антаура одиноко стоитъ чинаръ колоссальной толщины и высоты. Ему насчитываютъ болѣе ты-

сячи лѣтъ. Плоти его—это деревья громадной толщины, развѣтвляющіяся наверху цѣлымъ букетомъ другихъ деревьевъ. Обхвату въ этомъ чинарѣ не меньше 30, 35 аршинъ. Мусульмане ставятъ на него свѣчи и молятся ему. Я увѣренъ, что этотъ патріархъ лѣсовъ—остатокъ глубочайшей древности, непонятнымъ образомъ уцѣлѣвшее до нашихъ временъ какое-нибудь священное дерево язычества, въ родѣ додонскаго дуба или тысячелѣтнихъ липъ Мингреліи, которыя низвергалъ сѣкирою еще Андрей Первозванный. Этотъ культъ дубовъ былъ нѣкогда общимъ всей Азіи, всему древнему міру; съ нимъ боролись Давидъ и Соломонъ и Илья Пророкъ.

Медрессе Шахъ-Антаура считается однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Ташкентѣ. Мы вошли въ него черезъ темный пустой корридоръ, предшествуемые фонарями провожатыхъ. Четырехъугольный дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ галлереями на столбахъ, въ которомъ мы очутились, собственно и составляетъ мечеть этого медрессе. Въ восточной галлереѣ происходило въ эту минуту моленье. Безмолвно читалъ про себя молитву стоявшій впереди всѣхъ, передъ Мирабомъ, имамъ въ зеленой чалмѣ, потомъ вдругъ легко и проворно опускался на колѣна, припадая лицомъ къ землѣ, и такъ же быстро и легко поднимался на ноги.

Бородатые, уже не совсѣмъ молодые сарты, суроваго вида, въ бѣлыхъ чалмахъ и халатахъ, покорно, какъ автоматы, опускались, падали ницъ и вставали вслѣдъ за своимъ муллою, такъ же безшумно и легко, какъ онъ, такъ же не произнося ни слова. Длинныя тѣни падали отъ нихъ изъ глубины слабоосвѣщенной мечети и, при рѣзкихъ движеніяхъ ихъ вверхъ и внизъ, то разомъ укорачивались, то вдругъ выростали до чудовищныхъ размѣровъ, перепалзывая черезъ цѣлый дворъ даже на крышу противоположныхъ галлерей, словно полчища какихъ-то черныхъ привидѣній, пугливо метавшихся изъ стороны въ сторону.

Это строгое и благоговѣйное исполненіе мусульманами сво-

ихъ молитвенныхъ обрядовъ вездѣ поражало меня и внушало къ нимъ искреннее уваженіе.

Мы обошли и жилища софтъ, которыхъ дверочки и окна выходятъ на остальныя три галлереи. Въ каждой маленькой кельѣ помѣщается по два софта. Одинъ изъ нихъ попросилъ насъ зайти къ себѣ, что̀ мы, конечно, и исполнили. Чистота и порядокъ у нихъ въ комнатахъ образцовые. Вездѣ войлочки и коверчики, въ стѣнахъ полочки и шкафчики съ посудой и книгами, опрятно разложенными; открытый азіатскій каминъ, такъ-называемый бухара̀, служитъ каждому кухонькою; подъ потолкомъ родъ палатей, гдѣ ссыпанъ уголь и хранятся разные припасы... Сарты сами ведутъ свое хозяйство, получая отъ медрессе только помѣщеніе и нѣсколько денегъ на содержаніе свое, смотря по доходамъ мечети.

Было такъ странно, послѣ меланхолическихъ впечатлѣній кладбища и монастырской молитвы, очутиться опять въ шумѣ и гамѣ гуляющаго базара. Садыкъ посовѣтовалъ намъ зайти въ сартскій театръ.

Это, дѣйствительно, любопытный театръ, котораго не увидишь ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ. Надъ зрителями открытое небо, трепещущее миріадами звѣздъ, утлыя загородочки прилѣплены къ громаднымъ, въ небо уходящимъ стволамъ чинаръ и акацій; вмѣсто занавѣса и кругомъ зрителей натянуты не сшитые куски пестрыхъ туземныхъ ситцевъ очень затѣйливаго узора и очень яркаго колера. Двѣ сальныя свѣчки и одна изрядно тусклая керосиновая лампочка замѣняютъ собою электрическое освѣщеніе. Сами актеры,—два длинно-бородыхъ сарта довольно мрачнаго вида и глазастый мальчишка, похожій на цыганенка, мускулистый, съ лоснящеюся, какъ у негра, кожею, спокойно сидятъ себѣ тутъ же на полу и попиваютъ чаекъ въ ожиданіи посѣтителей. Увидя насъ, они живо вскочили на ноги, чтобы сейчасъ же приняться за представленіе; мы разсѣлись на узенькихъ лавочкахъ, обитыхъ краснымъ кумачемъ, рядомъ съ тремя или четырьмя сартами, вошедшими вслѣдъ за нами.

Два мрачныхъ бородача взяли въ руки бубны и затянули своими далеко немолодыми голосами какую-то очень наивную, но мало подходившую къ ихъ угрюмымъ старообразнымъ рожамъ, шутливую мелодію; она раздавалась сначала какъ-то глухо и принужденно, но потомъ стала оживляться все больше и больше и разрослась наконецъ во что-то такое неудержимо-веселое и отчаянно-хохочущее, что у слушателей заходили всѣ жилки. Музыканты все время словно впивались глазами другъ въ друга и постоянно подбадривали одинъ другого, подхватывая мотивъ, начатый однимъ, приподнимая каждый разъ еще нотою выше шутливый тонъ его, то и дѣло подстегивая и подзадоривая свое собственное веселіе лихими ударами бубенъ и неожиданными колѣнцами разудалой пѣсенки.

Мальчишка-цыганенокъ съ горящими, какъ уголь, черными глазами переодѣлся въ красную юбку и пеструю синюю рубаху и сталъ ловко крутиться, плясать и продѣлывать разныя гимнастическія штуки.

Сарты нѣсколько разъ заставляли его поднимать рѣсницами воткнутыя въ землю серебряныя монетки, самый, повидимому, эффектный tour de force его, въ глазахъ этихъ опытныхъ цѣнителей.

Послѣ пляски на низенькой сценѣ, приподнятой въ видѣ полки, началась кукольная комедія подъ аккомпаниментъ той же назойливо-хохочущей музыки. Сартянки въ комическихъ нарядахъ выскочили плясать, ругаться и спорить. Сарты-мужья вступились и принялись тузить другъ-дружку, при самомъ чистосердечномъ хохотѣ сидѣвшихъ рядомъ съ нами бородатыхъ дѣтей въ огромныхъ тюрбанахъ и величественныхъ полосатыхъ хламидахъ. Сцены домашней жизни туземца разыграны были дѣйствительно чрезвычайно естественно и забавно, съ большимъ одушевленіемъ и юморомъ. Онѣ пересыпались цѣлымъ градомъ ловкихъ прибаутокъ и остротъ, отъ которыхъ животики надрывали зрители-сарты, смаковавшіе всю ихъ соль, и отъ которыхъ невольно хохотали даже мы, не понимая ни одного слова, но

хорошо улавливая ихъ смыслъ по потѣшной мимикѣ и тѣлодвиженіямъ азіатскихъ лицедѣевъ.

Садыкъ не хотѣлъ и слышать, чтобы мы проѣхали мимо его дома, не отвѣдавъ его хлѣба-соли. У него въ комнатѣ для гостей, небольшой, но очень чистой, былъ заранѣе приготовленъ обычный «дастарханъ», но уже наполовину по-русски, на русскомъ столѣ, съ русскими стульями кругомъ. Огромный подносъ былъ уставленъ всякими лакомствами, начиная отъ меда въ чашкахъ до сартскихъ конфектъ, кишмиша и пр.—Чай былъ поданъ тоже по-русски, въ стаканахъ. Садыкъ, очевидно, хотѣлъ заявить себя передъ нами человѣкомъ цивилизаціи и передовыхъ идей. Среди бесѣды я спросилъ его между прочимъ какая по ихнему разница между таджиками, сартами и узбеками.

— «Таджикъ—это Бухара̀, Самаркандъ,—отвѣчалъ садыкъ,—а Сартъ—Ташкентъ. Сартъ и узбекъ все одно. Сартъ—узбекъ, киргизъ—узбекъ, курама̀—узбекъ, а таджикъ не узбекъ. Въ деревнѣ узбекъ настоящій, какъ старину былъ, а въ городѣ—узбекъ съ другимъ народомъ смѣшался, другой сталъ».

Изъ дома Садыка мы отправились вмѣстѣ съ нимъ на своей извозчичьей линейкѣ по улицамъ азіатскаго города. Сартъ-полицейскій съ фонаремъ въ рукахъ скакалъ передъ нами, расчищая путь нагайкой и отчаянными криками. Это обязанность ихъ при проѣздѣ русскихъ, владыкъ страны. И надобно сказать, что обязанность эта вызвана крайнею необходимостью. Нельзя представить себѣ ничего шумнѣе, тѣснѣе и безпорядочнѣе, какъ улицы сартскаго Ташкента въ ночи Уразы. Это какая-то базарная вакханалія, которая непривычному человѣку разомъ закружитъ голову. Тутъ шага невозможно сдѣлать безъ толчковъ, давки и крика. Сартскіе извощики продвигаются на своихъ линейкахъ сзади и спереди среди моря головъ, взмахивая кнутами, гремя своими разбитыми дрогами, шатаясь вправо и влѣво, какъ челнокъ по волнамъ, по выбитымъ камнямъ и колевинамъ узенькихъ темныхъ улицъ. Вся улица течетъ живымъ

народомъ, обратилась въ сплошной потокъ пестрыхъ тюрбановъ и тюбетеекъ... Кто несетъ фонарь, кто такъ ломится плечомъ впередъ черезъ нескончаемую толпу халатниковъ. Откуда только набрались они, изъ какихъ щелей повыползли эти неисчислимыя орды азіатовъ...

Но настоящая жизнь, настоящее движеніе и веселіе этой ночи—въ крытыхъ базарахъ. Хотя въ ночи Уразы туда запрещается въѣзжать на лошадяхъ, чтобы не давить и не стѣснять гуляющій народъ, но для побѣдителей — русскихъ законы не писаны, и имъ вездѣ дѣлается исключеніе. Возница нашъ смѣло въѣхалъ въ толпу подъ крытые навѣсы базара, и никто ни однимъ словомъ и ни однимъ взглядомъ не протестовалъ противъ дерзкаго нарушенія обычнаго правила.

Крытые базары Ташкента грандіозны по своимъ размѣрамъ, подобныхъ имъ не сыщешь пожалуй во всей Средней Азіи, не исключая Бухары. Ночью при огняхъ, при затопляющей ихъ пестрой и шумной толпѣ, они производятъ на человѣка съ воображеніемъ фантастическое впечатлѣніе. На цѣлую версту тянется въ длину и развѣтвляется множествомъ такихъ же длинныхъ поперечныхъ переулковъ вправо и влѣво эта громадная крытая галлерея. Для вентиляціи оставлены частые прорѣзы крыши. Тутъ цѣлая сѣть просторныхъ городскихъ улицъ, крытыхъ отъ дождя и солнца. Вся торговля стотысячнаго города ушла подъ прикрытіе этой безконечной крыши, въ эти тѣнистые проспекты, посреди которыхъ свободно двигаются караваны верблюдовъ и арбъ, а по бокамъ которыхъ ютятся несчетныя лавочки со всевозможными товарами.

Въ ночи Уразы лавки шелковыхъ и бумажныхъ матерій, серебряныхъ издѣлій и вообще всѣ лавки съ товарами несъѣстными заперты на замки. Зато сотни ашъ-хане и чай-хане, скупо освѣщенныхъ сальными свѣчками и дешевыми керосиновыми лампочками, полны пьющаго, ѣдящаго и кричащаго народа. Глиняныя открытыя печки жарко пылаютъ огнемъ, котлы дымятся, сковороды и желѣзные листы аппетитно шипятъ подъ

горячимъ масломъ, въ которомъ жарится кебабъ и пловъ. Пловъ навaленъ вездѣ цѣлыми грудами; въ большихъ кастрюляхъ плаваютъ соблазнительные для сарта „*манту*“, родъ нашихъ пильменей, изъ тѣста и рубленой баранины.

Душистый шашлыкъ осторожно жарится на особыхъ маленькихъ жаровняхъ. Рядомъ стоятъ огромные лотки съ туземными конфектами, розовыми, бѣлыми и пестрыми, въ видѣ длинныхъ полосъ, витыхъ палокъ, кружковъ, кристаллами сахара-леденца, фисташками, орѣхами, шепталою, изюмомъ, всѣмъ вообще, что требуется для настоящаго сартскаго дастархана. Въ цырюльняхъ стригутъ и брѣютъ на глазахъ всей публики, несмотря на поздній часъ ночи. О снѣ никто не думаетъ, день, строго говоря, только начинается теперь для сарта, который обращаетъ каждую ночь своего поста — Уразы — въ сплошную «томашу», въ безудержное празднество. Дервиши въ своихъ характерныхъ остроконечныхъ колпакахъ, опушенныхъ мѣхомъ, въ полосатыхъ красныхъ халатахъ, обвѣшанные амулетами и мѣшками, съ огромными тыквенными бутылками у пояса, ходятъ среди толпы, прося милостыню у правовѣрныхъ и громко стуча своими длинными посохами съ затѣйливо выточеннными мѣдными ручками.

Остановившись среди непрерывно двигавшейся толпы, я глядѣлъ, поднявшись въ экипажѣ своемъ, сквозь затуманенный свѣтъ висящихъ сверху фонарей, на эти бѣлыя, синія, желтыя и зеленыя головы, что широкою рѣкою проплывали мимо насъ и исчезали въ освѣщенной дали, растекаясь направо и налѣво въ перекрещивающіеся лабиринты такихъ же высокихъ и широкихъ галлерей, и подъ впечатлѣніемъ полуночнаго часа все это казалось мнѣ какою-то вполнѣ восточной феерiей.

Художественное впечатлѣніе отъ этой всенародной ночной томаши совсѣмъ было разрушено посѣщеніемъ балагана, гдѣ мы надѣялись увидѣть какую-нибудь своеобразную національную забаву сартовъ, и вмѣсто того наткнулись на самыхъ грубыхъ клоуновъ и акробатовъ изъ нашихъ же землячковъ и

даже, повидимому, не профессіональныхъ акробатовъ, а какихъ-нибудь отважныхъ русскихъ солдатиковъ, понаторѣвшихъ малую толику въ кувырканіяхъ и грошовыхъ фокусахъ. Смотрѣть можно было съ удовольствіемъ развѣ только на азіатскую публику, биткомъ набившуюся въ тѣсный балаганъ, и съ наивною дѣтскою радостью гоготавшею отъ наслажденія при каждомъ ловкомъ колѣнцѣ самозванныхъ волтижеровъ и пьеро̀. Полицейскій съ фонаремъ въ рукахъ такъ же безцеремонно какъ на улицѣ растолкалъ всю эту черномазую публику, скалившую свои бѣлые зубы, чтобы провести насъ въ передній рядъ на подобающія намъ мѣста. Впрочемъ, разутѣшенные зрѣлищемъ сарты отнеслись къ русскимъ господамъ вполнѣ мирно, несмотря на толчки и окрики нашего стража-хранителя.

На другой день утромъ мы видѣли эти крытые базары и узкія улицы сартскаго Ташкента уже совсѣмъ въ иномъ, прозаическомъ свѣтѣ. Намъ хотѣлось познакомиться съ торговлею Ташкента и сдѣлать нѣсколько покупокъ мѣстныхъ произведеній. Кто видѣлъ хотя одну улицу средне-азіатскаго города или даже большаго средне-азіятскаго кишлака, тотъ уже знаетъ и и всѣ города Туркестана. Тѣ же безконечныя глиняныя ограды въ узкихъ и глубокихъ улочкахъ, тѣ же прилѣпленныя къ глинянымъ домикамъ рѣзныя, подчасъ раскрашенныя, галлерейки, тѣ же рѣдкія рѣшотчатыя окошечки на разной высотѣ, массивныя ворота подъ широкими навѣсами, калиточки съ узенькими корридорчиками. Мечети на улицахъ Ташкента встрѣчаются на каждомъ шагу; Садыкъ увѣрялъ, будто ихъ цѣлыхъ триста, хотя, кажется, это такая же легендарная цифра, какъ и пресловутые сорокъ-сороковъ московскихъ церквей. Но здѣшнія мечети на видъ очень не важны: большею частью безъ куполовъ, безъ минаретовъ, просто четырехъ-угольные дома, нѣсколько больше другихъ, увѣнчанные чуть примѣтнымъ полумѣсяцемъ, съ широкою крытою террасою, въ глубинѣ которой входъ въ молельню. Широкополыя крыши этихъ террасъ обыкновенно опи-

раются на рядъ колонокъ арабскаго стиля и бываютъ расписаны съ исподу, такъ же, какъ сами колонки и передняя стѣна мечети, яркими красками характернаго восточнаго узора. Внутри мечетей поразительно пусто и непріятно. Ничего похожаго на роскошную обстановку каирскихъ или стамбульскихъ мечетей. Передъ мирабомъ нѣтъ ни обычныхъ громадныхъ подсвѣчниковъ, ни висящихъ страусовыхъ яицъ, нигдѣ не видно богато изукрашенныхъ столиковъ для Корана и высокихъ рѣзныхъ каѳедръ. Вмѣсто нихъ жалкое маленькое возвышеніе изъ кирпича, всего въ двѣ ступеньки; все просто и бѣдно до крайности.

Улицы азіатскаго Ташкента мощены далеко не всѣ, но мостовыя поливаются каждый день изъ арыковъ, протекающихъ по сторонамъ. Въ послѣднее время ихъ заставляютъ обсаживать деревьями, хотя и безъ деревьевъ негдѣ повернуться въ этихъ узкихъ душныхъ корридорахъ. Голые сарты дымчато-бронзоваго цвѣта, чуть только препоясанные платочкомъ по чресламъ своимъ, словно какіе-нибудь дикари Полинезіи, черпаютъ ведерками воду арыковъ и расплескиваютъ ее по камнямъ. Такимъ же откровеннымъ нагишомъ поливаютъ они и улицы русскаго Ташкента. Встрѣтиться, сидя на извозчикѣ, въ азіятской улицѣ съ арбою — исторія не особенно пріятная. Добрыхъ полчаса пройдетъ на крики, споры, ругательства, продвиганіе и отодвиганіе. Всякій прохожій охотно старается принять дѣятельное участіе въ растаскиваньи сцѣпившихся повозокъ. Арба влѣзаетъ своими громоздкими колесами чуть не въ окна сосѣднихъ домишекъ, прижатая вплотную къ стѣнамъ ихъ, и тогда только извозчикъ съ трудомъ можетъ протиснуться впередъ между нею и какимъ-нибудь глинянымъ дуваломъ, и то почти всегда зацѣпляясь за концы ея осей своими осями, коверкая и себя и ее, вынуждая еще разъ осаживать назадъ свою лошадь, и еще разъ пытаться благополучно проѣхать мимо, не зацѣпившись за широкій ходъ арбы.

Гостиный дворъ, или по здѣшнему — базаръ, потерялъ при

дневномъ свѣтѣ свой поэтическій колоритъ. Онъ весь деревянный и покрытъ *барданками*, — циновками, сплетенными изъ камыша. Подъ тѣнью его — отрадная прохлада среди знойнаго дня. Если вымѣрить всѣ продольные и поперечные проходы его, право, наберется верстъ десять. Лавченки все крошечныя, какъ водится на востокѣ, товаръ каждой изъ нихъ умѣстится въ хорошемъ нижегородскомъ сундукѣ. Но зато лавченкамъ — числа нѣтъ. Кажется, каждый изъ числа ста тысячъ туземныхъ жителей Ташкента — торговецъ чѣмъ-нибудь. Лавченки тянутся по сорту товаровъ, какъ и у насъ въ Гостиномъ ряду Москвы или Питера: рядъ сѣдельный, рядъ шелковыхъ, рядъ бумажныхъ товаровъ, рядъ обжорный, рядъ ковровый и проч. Раздѣляются также ряды и по національностямъ: персидскій, бухарскій рядъ и т. п.

Здѣшнія знаменитыя шелковыя матеріи никуда негодны, сравнительно съ нашими русскими: узенькія до невозможности, чаще всего шесть вершковъ, легкія, утлыя, мнутся и носятся очень быстро; смѣшнѣе всего, что эти шелки не мѣстныхъ узоровъ и красокъ, а исключительно скромныхъ русскихъ цвѣтовъ и обычнаго русскаго рисунка: полосатенькіе, клѣтчатые и пр. Они приготовляются исключительно для русскаго покупателя, потому что сартъ совсѣмъ ихъ не покупаетъ. Наоборотъ, московскіе ситцы, которые въ огромномъ множествѣ раскупаются здѣсь сартами и киргизами — всѣ почти яркихъ цвѣтовъ и затѣйливаго узора во вкусѣ азіатовъ. Такимъ образомъ, Москва и Азія обмѣнялись ролями. Серебряныя издѣлія, которыми славится Туркестанъ, хороши только издали. Рисунокъ ихъ дѣйствительно красивъ и своеобразенъ, особенно подвѣски, головные уборы, ожерелья и другія украшенія сартскихъ женщинъ, сложностью своею иногда напоминающія цѣлую конскую узду. Но возьмите въ руки эти затѣйливыя побрякушки, сверкающія мелкою бирюзою и рубинчиками, — и вы сразу увидите, что все это въ высшей степени легковѣсно и аляповато, сдѣлано на минуту, кое-какъ, ломается и сыплется при первомъ прикосно-

веній руки вашей. Вообще — Азія и азіятскій ручной трудъ до такой степени во всемъ отстали отъ Европы и ея могучей, съ каждымъ днемъ совершенствующейся фабрикаціи, — что только по старому суевѣрію можно еще дорожить, какъ дорожатъ обыкновенно всѣ путешественнники, первобытными товарами и первобытнымъ мастерствомъ азіатовъ.

IX.

Русскій Ташкентъ и его общественныя учрежденія.

Намъ хотѣлось познакомиться не только съ своеобразнымъ бытомъ и своеобразнымъ устройствомъ нашей средне-азіатской столицы, но и съ ея дѣятелями всякаго рода.

По счастью, намъ это въ значительной мѣрѣ и удалось, такъ какъ пришлось мало-по-малу столкнуться съ представителями самыхъ разнообразныхъ профессій: и съ крупными администраторами, и съ полицейскими чиновниками, и съ выдающимися дѣятелями по судебной части, и съ военно-ученымъ элементомъ, и просто съ военными, съ педагогами, техниками, торговымъ людомъ и даже съ нѣкоторыми изъ интересныхъ туземцевъ.

Признаюсь, здѣшняя интеллигенція поразила меня очень пріятно. Я не безъ удивленія и, конечно, съ большимъ удовольствіемъ убѣждался, какой счастливый подборъ людей выпалъ на долю этой далекой окраины. Мнѣ пришлось встрѣтить здѣсь столько знающихъ, развитыхъ, дѣятельныхъ и вполнѣ порядочныхъ людей, сколько дай Богъ встрѣтить въ любомъ крупномъ городѣ внутренней Россіи. Осмѣянный когда-то нашимъ талантливымъ сатирикомъ типъ разухабистыхъ «ташкентцевъ»—сталъ уже совсѣмъ неприложимъ къ теперешнимъ скромнымъ, добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые сдѣлали бы честь всякому краю.

Конечно, все это бо̀льшею частью продукты не мѣстной, а нашей же русской жизни, явившіеся сюда изъ той же Москвы,

Питера или Одессы, но все-таки многіе изъ нихъ работаютъ здѣсь уже довольно долго, и однако нельзя сказать, чтобы на нихъ легъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій какой-нибудь несимпатичный отпечатокъ. Напротивъ того, Туркестанъ невольно сообщаетъ русскому интеллигентному дѣятелю какъ будто больше простоты и близости къ жизненной правдѣ, отучаетъ его хоть немножко отъ въѣвшейся въ него канцелярщины, въ конецъ губящей насъ на нашей коренной родинѣ.

Мы изрядно-таки исколесили не только сартскій, но и русскій Ташкентъ, осматривая въ немъ все насъ интересовавшее. Извозчики тутъ въ прекрасныхъ парныхъ колясках на очень бойкихъ лошадяхъ и несутъ васъ съ быстротою, невѣдомою нашимъ россійскимъ губернскимъ городамъ. Мостовыя въ образцовомъ порядкѣ, — вездѣ почти шоссе, пыли никакой — все съ ранняго утра подметено и полито. Полицейскіе въ русскомъ городѣ большею частью сарты, одѣтые въ свои бѣлые кителя съ бляхами. Они преважно дѣлаютъ подъ козырекъ ежеминутно проѣзжающимъ военнымъ, воображая себя подлинными солдатами. Впрочемъ многіе, я видѣлъ, прилагаютъ взамѣнъ этого, по восточному обычаю, руку къ сердцу, прикрытому жестяной бляхой. Это, конечно, очень чувствительно, но съ непривычки какъ-то смѣшно со стороны бутыря, руки котораго самою природою устроены хватать людей за шиворотъ, а не выражать растроганность чувствъ.

Обхватъ русскаго Ташкента громадный. Не сочтешь его широкихъ прямыхъ, длинныхъ улицъ, обращенныхъ въ живописныя зеленыя аллеи, съ геометрическою правильностью перекрещивающихъ другъ друга. Нѣкоторые главные проспекты тянутся по нѣскольку верстъ. Ширина ихъ напоминаетъ уже не улицу, а наши старинныя большія дороги, въ которыхъ поперекъ была цѣлая десятина. Одни тротуары будутъ шириною съ иной московскій переулокъ какого-нибудь Сивцова Вражка или Вшивой Горки. Съ обѣихъ сторонъ они обсажены въ два, въ четыре,

даже въ три ряда тѣснымъ строемъ высокихъ деревьевъ. Эти безконечныя шеренги древнихъ великановъ идутъ во всѣ стороны, куда только глазъ хватаетъ, словно строющіеся полки на какихъ-нибудь грандіозныхъ военныхъ маневрахъ... Рѣдко что можетъ быть красивѣе этихъ теряющихся вдали перспективъ, всюду утѣшающихъ глазъ.

Улицы оживлены, несмотря на лѣтнюю жару, народа вездѣ пропасть, и на первомъ планѣ, конечно, взадъ и впередъ снующіе молодцоватые солдатики наши, въ своихъ щеголеватыхъ бѣлыхъ рубахахъ и малиновыхъ штанахъ. Народъ все рослый и здоровый, смотритъ весело; набираются они почти исключительно въ Заволжскихъ губерніяхъ, изъ Оренбуржцевъ, Пермяковъ и пр., гдѣ еще русское крестьянство сохранилось во всей неиспорченности.

Ярко-пестрые чалмы и халаты сартовъ и верблюды степныхъ киргизовъ еще больше разнообразятъ безъ того уже оживленный пейзажъ этихъ улицъ. Дома всѣ въ одинъ этажъ, въ два—это великая рѣдкость; зато каждый маленькій домикъ тонетъ въ большомъ саду. Оттого на улицу выходятъ больше ворота и ограды, чѣмъ дома. Главная улица Ташкента — Соборная; она идетъ отъ генералъ-губернаторскаго дома, мимо плаца обоихъ военныхъ соборовъ, стараго и новаго, и мимо хорошенькаго, небольшого дворца Великаго Князя Николая Константиновича, который ведетъ здѣсь жизнь совершенно частнаго человѣка, не имѣя никакихъ отношеній къ офиціальному міру. Дальше улица эта пересѣкаетъ на двое густой садъ Константиновской площади, названной такъ въ честь покойнаго Константина Петровича Кауфмана, главнаго создателя Ташкента. Въ серединѣ сада предположено поставить ему памятникъ. Константиновская площадь—одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ Ташкента и одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ его. Тутъ два большихъ каменныхъ корпуса мужской и женской гимназій, тутъ учительская семинарія, тутъ садъ Общества Садоводства, послужившій мѣстомъ замѣчательной Туркестанской выставки 1890 года, вмѣстѣ съ

бывшею площадью клевернаго базара, обращеннаго, трудами мѣстнаго любителя садоводства Касьянова въ тотъ самый тѣнистый Константиновскій скверъ, которымъ мы теперь любуемся. Это чудесное превращеніе въ теченіе какихъ-нибудь двухъ лѣтъ пыльной площади въ зеленый паркъ, эта смѣлая пересадка совершенно взрослыхъ деревьевъ—даетъ наглядное понятіе о могучей силѣ здѣшней растительности, если за нее берется рука опытнаго и энергическаго садовода.

Садъ выставки стóитъ смотрѣть. Очень затѣйливыя и красивыя ворота въ русскомъ стилѣ ведутъ въ него. За воротами прудокъ съ островомъ. Внутри садъ полонъ опустѣвшихъ павильоновъ, галлерей и всякихъ другихъ помѣщеній недавней выставки; многія изъ нихъ замѣчательнаго вкуса и изящества. Посрединѣ сада монументъ въ память покоренія Ташкента, отлитый безъ литейнаго завода, мѣстными артистами. Русскій солдатъ водружаетъ знамя на развалинахъ взятой съ боя крѣпости, вѣнчая своею типическою, молодецкою фигурой высокій пьедесталъ, на каждой сторонѣ котораго на четырехъ бронзовыхъ доскахъ написаны названія забранныхъ нами городовъ Туркестана и Закаспійскаго края и годы покоренія ихъ. У ногъ памятника пирамида хивинскихъ, бухарскихъ и коканскихъ пушекъ, какъ подобаетъ боевому монументу. Въ этомъ же саду помѣщается солнечно-огневая плодосушильня, интересное изобрѣтеніе Введенскаго, которую мы подробно осмотрѣли.

Въ ясный, солнечный день печь эта нагрѣвается одними лучами солнца до 50 и 53 градусовъ; въ туманные же дни и ночами печь топится, какъ и всякая другая. Машина эта выставлена на дворѣ огневой плодосушильни здѣшняго Общества садоводства, которая послужила очень полезнымъ толчкомъ для мѣстныхъ садовладѣльцевъ, привыкающихъ мало-по-малу къ правильной сушкѣ плодовъ. Нѣкоторые уже завели по примѣру Общества свои собственныя плодосушильни; другіе отдаютъ свои плоды на сушку Общества.

Хороши также безконечныя аллеи Саларскаго и Московскаго

проспектовъ. Они глядятъ такъ весело своими молодыми деревьями и своими красивыми домами.

На Московскомъ сосредоточено много казенныхъ учрежденій, военныхъ и гражданскихъ. Тутъ, между прочимъ, и прекрасный домъ военнаго собранія съ его залою въ два свѣта, единственною въ Ташкентѣ. Уже вездѣ здѣсь мѣста стали недоступно дороги вслѣдствіе постоянно усиливающагося наплыва жителей. Даже въ сартскомъ городѣ земля продается по нѣскольку рублей за сажень, а недавно еще можно было пріобрѣсти здѣсь усадьбы чуть не даромъ.

Первые счастливые пріобрѣтатели городскихъ мѣстъ, захватившіе по нѣскольку десятинъ, богатѣютъ теперь не на шутку. Хозяинъ дачи, гдѣ мы живемъ, купилъ ее немного лѣтъ тому назадъ за 200 рублей, а теперь ему предлагаютъ за нее 12.000 рублей, и онъ не думаетъ продавать, находя эту цѣну низкою. А это уже загородныя мѣста, гораздо болѣе дешевыя. Все предсказываетъ, что Ташкентъ въ самое короткое время обратится въ громаднѣйшій и богатѣйшій торговый центръ. Онъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и если осуществится предположенная желѣзная дорога отъ него до Самарканда — онъ двинется въ ростъ еще быстрѣе. Здѣсь еще можно пока съ великою выгодою, хотя, конечно, и не безъ великаго риска во многихъ случаяхъ, прилагать свою предпріимчивость, знаніе, энергію; здѣсь затраченный капиталъ можетъ еще приносить баснословные барыши. Первые предпріимчивые люди, рѣшившіеся завести здѣсь разныя отрасли промышленности, дотолѣ невѣдомыя Туркестану, какъ Ивановъ, Филатовъ, Первушинъ и др., сильно обогатились и стали вліятельными мѣстными воротилами.

Разнообразіе и смѣлость предпріятій Иванова возбуждаютъ искреннее удивленіе. Это какъ разъ тотъ человѣкъ, которые такъ нужны и такъ неоцѣненны въ новыхъ непочатыхъ краяхъ. Мѣткій глазъ на потребности населенія и на разнообразныя средства страны соединяются въ такихъ людяхъ съ удивительною

созидательною способностью и съ умѣньемъ поставить на практическую почву каждое задуманное дѣло.

Чего, чего не завелъ въ свое время Ивановъ въ полудикихъ равнинахъ Туркестана! Онъ чуть ли не первый развелъ здѣсь виноградники крупныхъ размѣровъ, пересадилъ сюда лучшія лозы Крыма, Кавказа и Европы и положилъ основу мѣстному винодѣлію; у него же обширныя хмелевыя плантаціи, винокуренный и пивоваренный заводы; въ гор. Чимкентъ работаетъ его химическій заводъ, кажется, пока единственный въ Средней Азіи, а въ гор. Ходжентѣ такой же единственный стеклянный заводъ. Въ Ауліэ-Ата онъ воспитываетъ прекрасныхъ заводскихъ лошадей, улучшая туземныя породы выписными жеребцами. У него и копи каменнаго угля, только-что начинающія разрабатываться, но обѣщающія впереди серьезную будущность, онъ однвъ изъ главныхъ учредителей Среднеазіатскаго Коммерческаго Банка, онъ и содержатель почтоваго тракта изъ Ташкента въ Оренбургъ, больше чѣмъ на тысячу верстъ. Торговыя и промышленныя предпріятія Иванова охватываютъ собою не только Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области, но еще и Семирѣченскую. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ивановъ выстроилъ въ гор. Чимкентѣ заводъ для приготовленія изъ цытварнаго сѣмени дорогого химическаго продукта сантонина, вывозившагося въ Европу.

Заводъ этотъ, единственный въ Россіи, сулилъ своему основателю громадные барыши, а между тѣмъ неожиданно подорвалъ его. На него было затрачено болѣе 300.000 р. выстроенъ былъ цѣлый дворецъ, въ предвкушеніи будущихъ доходовъ; и вдругъ Гамбургъ надулъ и пересталъ покупать сантонинъ. Какъ нарочно, сейчасъ же послѣ устройства завода, нѣмцы изобрѣли способъ приготовлять сантонинъ не изъ рѣдко растущаго цытварнаго сѣмени, на которое былъ разсчитанъ заводъ, а изъ какихъ-то дешевыхъ минеральныхъ солей, которыя можно достать въ любомъ мѣстѣ. Теперь нѣсколько тысячъ пудовъ этого до-

рогого товара, стоившаго по 50 р. за пудъ, лежать безъ движенія на коммиссіи въ Гамбургѣ.

За винодѣліе Ивановъ получаетъ до сихъ поръ субсидію отъ правительства, которое вообще было всегда внимательно къ его несомнѣннымъ заслугамъ въ развитіи мѣстныхъ промысловъ и поддержало его въ критическія для него минуты.

Такихъ людей необходимо поддерживать, не только ради нихъ самихъ, но и ради благоденствія края. Кажется, нѣтъ ни одного дома въ Ташкентѣ, и даже Самаркандѣ, русскаго или сартскаго, который бы не служилъ въ рукахъ Иванова, конечно, за достаточно крупные проценты, залогомъ по какому-нибудь предпріятію его... Поэтому съ паденіемъ его рухнуло бы разомъ множество другихъ людей, тѣсно связавшихъ съ его интересами свои собственные.

Банкротство Иванова, можно сказать, сдѣлалось бы банкротствомъ цѣлаго края, стало быть, своего рода общественнымъ бѣдствіемъ. Но Ивановъ, конечно, не одинъ: маленькій канцелярскій чиновникъ Петровъ, начавъ съ пустяковъ, разрабатываетъ теперь нефтяныя, каменноугольныя и сѣрныя копи въ горахъ Наманганскаго уѣзда и сдѣлался теперь владѣтелемъ весьма доходной спичечной фабрики въ гор. Ташкентѣ. Купецъ Филатовъ, кромѣ огромнаго образцоваго винодѣлія, сосредоточеннаго главнымъ образомъ въ Самаркандѣ, разводитъ множество табаку, куритъ спиртъ, наполняетъ своими разнородными магазинами почти всѣ города и городки Сыръ-Дарьинской и Ферганской областей.

Первушинъ явился въ Ташкентъ ранѣе другихъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Хлудовымъ, сейчасъ послѣ покоренія Ташкента, и одинъ изъ первыхъ сталъ серьезно заниматься шелководствомъ, виноградомъ и табакомъ. Его Ташкентскія табачныя плантаціи на Саларѣ считаются образцовыми.

И что утѣшительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько удивительно, иностранцевъ здѣсь почти вовсе нѣтъ, цивилизаторами края являются пока одни кровные русскіе. Сарты хотя тоже

торгуютъ сильно, заводятъ фабрики и заводы, наживаютъ даже милліоны, но все это продѣлываютъ по слѣдамъ русскихъ, какъ ихъ рабскіе подражатели, очень удобно избавляя себя отъ риска и неудачныхъ опытовъ, неизбѣжно сопряженныхъ съ первымъ привитіемъ новыхъ отраслей промышленности, и очень ловко собирая вѣрные барыши съ надежно обезпеченныхъ предпріятій путемъ оплаченнаго другими опыта.

Въ Ташкентѣ строится замѣчательно роскошное образцовое заведеніе для психическихъ больныхъ, подобныхъ которому мало найдется у насъ въ Россіи; въ Ташкентѣ отличная публичная библіотека, обладающая ни съ чѣмъ несравнимымъ систематическимъ собраніемъ мѣстныхъ изслѣдованій и всякаго рода статей о Туркестанѣ, въ баснословномъ количествѣ томовъ (цѣлыхъ 410!), составленныхъ извѣстнымъ библіографомъ Межевымъ, послѣ усидчиваго десятилѣтняго труда, съ такою полнотой, что ни одинъ газетный фельетонъ, чѣмъ-нибудь касающійся Туркестана, не пропущенъ въ немъ. Въ Ташкентѣ есть и музей мѣстныхъ произведеній и достопримѣчательностей хотя только еще зарождающійся.

Одно непостижимо, — въ Ташкентѣ нѣтъ *ни одной книжной лавки*, и къ стыду его, можно признаться, что немногія книжки, которыя можно здѣсь достать, приходится покупать въ разныхъ галантерейныхъ, табачныхъ и бакалейныхъ магазинахъ, какъ какой-то третьестепенный мимоходный товаръ, не стоющій серьезной торговли.

Насъ интересовало ближе познакомиться съ положеніемъ народнаго образованія въ Ташкентѣ, и мы посѣтили для этого нѣсколько учебныхъ заведеній русскихъ и туземныхъ.

Въ гимназіи, впрочемъ, уроки уже были окончены и шли экзамены. Директоръ гимназіи г. Остроумовъ, человѣкъ практически подготовившій себя къ просвѣтительной дѣятельности въ этомъ инородческомъ краѣ, познакомилъ меня въ общихъ чер-

тахъ съ весьма недлинною исторіей здѣшняго просвѣщенія. Онъ былъ посланъ сначала инспекторомъ школъ Сыръ-Дарьинской области, къ которой въ учебномъ отношеніи принадлежала тогда и вся Семирѣчинская область съ г. Вѣрнымъ. Но школы, однако, онъ не нашелъ ни одной. То, что̀ называлось громкимъ именемъ школы въ Казалинскѣ, въ Перовскѣ,—было Богъ знаетъ что. Классъ помѣщался, напримѣръ, въ цейхгаузѣ, а унтеръ-офицеръ, смотритель цейхгауза, считался учителемъ. Только въ одномъ Чимкентѣ онъ нашелъ что-нибудь хотя немного похожее на школу. Пришлось все начинать вновь, заводить то, чего не было. «И вдругъ—неожиданный приказъ—ѣхать въ Ташкентъ и непремѣнно открыть къ 30 августу учительскую семинарію!» разсказывалъ мнѣ свои былыя треволненія г. Остроумовъ.

«Гдѣ взять учениковъ, учителей? Бросился я въ Вѣрный къ генералу Колпаковскому; тотъ далъ приказъ станичнымъ атаманамъ набрать сколько можно было грамотныхъ казачатъ, и вотъ я, нагрузивъ ими почтовыя тройки, явился со своею добычей въ Ташкентъ и открылъ семинарію къ 30 августа, какъ было приказано. Не успѣлъ я еще втянуться въ учительскую семинарію, какъ опять новое назначенье: переводятъ меня директоромъ въ гимназію; вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я здѣсь директорствую. Въ свободное время занимаюсь учеными трудами, газету кромѣ того издаю, на сартскомъ и русскомъ языкѣ вмѣстѣ, но сарты мало интересуются ею, какъ и вообще всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ просвѣщенью, хотя газетка стоитъ въ годъ всего 3 рубля».

Я еще раньше познакомился съ интереснымъ трудомъ г. Остроумова, его книгою *Сарты* и нѣкоторыми его другими работами, помѣщенными въ мѣстныхъ изданіяхъ. Г. Остроумовъ занимался отчасти и археологіею Туркестана. Около Ташкента онъ раскопалъ до тридцати очень древнихъ могилъ еще до-магометанской эпохи, такъ какъ въ нихъ, между прочимъ, были отысканы кабаньи головы [1]). Изъ числа скелетовъ, кувшиновъ, горшковъ,

[1]) Теперь раскопкою туркестанскихъ кургановъ занимается спеціально г. Эварницкій.

откопанныхъ г. Остроумовымъ, мѣстный музей, по его словамъ, взялъ очень немного, считая эти находки мало интереснымъ хламомъ, а между тѣмъ, знаменитый европейскій ученый этнологъ Бастіанъ, недавно пріѣзжавшій въ Туркестанъ черезъ Сибирь, съ большою благодарностью повезъ въ Берлинъ многія изъ этихъ древнихъ находокъ.

Мы подробно осмотрѣли съ почтеннымъ директоромъ помѣщеніе гимназіи, просторное, свѣтлое, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ педагогики, съ роскошною актовою залой, съ изящною домовою церковью. Гимнастика введена уже довольно широко, музыка тоже вводится помаленьку. Огромный садъ съ арыками, съ русскими дубками, посаженными еще недавно, и уже порядочно большими, съ неизбѣжною киргизскою кибиткой вмѣсто бесѣдки,—охватываетъ гимназію сзади, между тѣмъ какъ предъ фасадомъ ея стелется густой Константиновскій паркъ, такъ что со всѣхъ сторонъ гимназія, такъ сказать, купается въ зелени и волнахъ чистаго воздуха, что нужно особенно цѣнить въ такомъ южномъ городѣ, какъ Ташкентъ.

Въ Ташкентской гимназіи уже 250 учениковъ, изъ которыхъ 35 живутъ пансіонерами. Я ихъ засталъ во время обѣда и особенное вниманіе обратилъ на туземцевъ. И сартовъ, и киргизовъ, къ сожалѣнію, всего только шесть человѣкъ.

Киргизы охотнѣе поступаютъ въ русскія учебныя заведенія, потому что болѣе довѣрчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Богъ знаетъ какіе строгіе. Но сартское духовенство ожесточенно, хотя и втихомолку отъ насъ, воюетъ съ тѣми изъ своихъ, кто рѣшается отдавать дѣтей въ русскія школы. Фанатики-муллы увѣрены, что этимъ путемъ мы мало-по-малу переманимъ всѣхъ сартовъ въ христіанство.

Двухъ киргизятъ я видѣлъ въ гимназическомъ пансіонѣ и бесѣдовалъ съ ними. Это здоровенные ребята, совсѣмъ, повидимому, не созданные для школьныхъ партъ и греческихъ спряженій. И, однако, одинъ въ шестомъ, а другой уже въ восьмомъ классѣ, и оба учатся отлично. Поступили они въ гимназію изъ

мѣстныхъ училищъ Казалинскаго и Перовскаго; говорятъ по-русски совсѣмъ хорошо. Еслибы серьезно приняться въ этомъ направленіи за всѣхъ вообще туземцевъ нашихъ, не долго бы они оставались намъ чужими по вкусамъ и взглядамъ. Школа—изумительный реформаторъ и способна быстро переродить какой угодно народъ, если только начнетъ вліять на него съ самаго дѣтства.

Въ этомъ отношеніи городскія трехклассныя школы уѣздныхъ городовъ Туркестана устроены довольно практично и отчасти достигаютъ цѣли, о которой я говорю. Въ нихъ дѣти пробываютъ не менѣе шести лѣтъ (въ каждомъ классѣ по два года), а такъ какъ при каждой школѣ устроенъ пансіонъ, то туземецъ бываетъ невольно поглощенъ русскимъ элементомъ и незамѣтно всасываетъ въ себя все русское Въ каждой такой школѣ учатся человѣкъ по пяти, по шести киргизовъ, преимущественно изъ «бѣлой кости», то-есть родовой киргизской аристократіи; надзиратели и руководители школою большею частью назначаются изъ знающихъ киргизскій языкъ, что также усиливаетъ вліяніе школьной жизни на туземцевъ. Всѣхъ русско-туземныхъ школъ считается теперь около тридцати. Кромѣ того и въ киргизскихъ селеніяхъ есть уже не мало школъ съ русскимъ языкомъ, подготовляющихъ киргиза къ дальнѣйшимъ ступенямъ обрусѣнья и цивилизаціи.

Дѣло это вообще пошло гораздо успѣшнее съ тѣхъ поръ, какъ въ Туркестанѣ учрежденъ особый главный инспекторъ по учебной части, а генералъ-губернатору присвоены права попечителя учебнаго округа. Прежде же Туркестанъ зависѣлъ и въ учебномъ отношеніи отъ оренбургскаго генералъ-губернатора, который, разумѣется, былъ безсиленъ успѣшно дѣйствовать изъ такой дали.

Женская гимназія—по внѣшности сколокъ съ мужской. Совершенно такой же домъ чрезъ улицу отъ нея, на такой же площади, окруженный такимъ же садомъ сзади и тѣмъ же паркомъ спереди.

Учительская семинарія тоже въ нѣсколькихъ шагахъ, съ другого фасу площади. Директоръ ея г. Миропіевъ сотрудничаетъ въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, между прочимъ помѣстилъ нѣсколько статей въ Запискахъ Географическаго Общества, а нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ интересную статью о «русской колонизаціи» въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Изъ другихъ дѣятелей семинаріи тоже есть люди съ почтенными именами, какъ, напримѣръ, г. Ашанинъ, ученый зоологъ, авторъ монографіи о «полужесткокрылыхъ насѣкомыхъ», дѣятельно помогавшій покойному Сѣверцову въ его изысканіяхъ по фаунѣ Туркестана.

Недавно покинулъ семинарію другой почтенный изслѣдователь края г. Наливкинъ, авторъ историческихъ книгъ о Туркестанѣ и знатокъ его языковъ. Онъ теперь получилъ назначеніе, болѣе подходящее къ его спеціальной подготовкѣ,—инспектора туземныхъ школъ.

Все это показываетъ, какими серьезными образовательными силами снабжена Ташкентская Учительская Семинарія, значеніе которой невозможно приравнивать къ учительскимъ семинаріямъ нашихъ внутреннихъ губерній.

Здѣсь ея призванье не только педагогическое, но и отчасти политическое, такъ какъ она подготовляетъ въ своихъ классахъ будущія духовныя связи мѣстнаго мусульманства съ Россіею. Каждый воспитанникъ семинаріи есть будущій учитель сельской школы, стало быть главный дѣятель по привитію туземцамъ русскаго образованія, русской гражданственности. Удачно подготовленный учитель—это своего рода маленькая духовно-завоеванная область въ обширныхъ предѣлахъ нашихъ внѣшнихъ завоеваній, еще совершенно чуждыхъ намъ по духу.

Среди 58 воспитанниковъ семинаріи—сартовъ только одинъ, киргизовъ девять. Это и немудрено, потому что въ семинарію поступаютъ только воспитанники городскихъ училищъ, а въ Ташкентскомъ городскомъ училищѣ *нѣтъ ни одного сарта!*

Это окончательно должно убѣждать насъ, что сарты принципіально и упорно уклоняются отъ русскаго образованія. Какъ

люди, гораздо болѣе развитые, чѣмъ киргизы, уже привыкшіе уважать образованіе въ формахъ, имъ привычныхъ, — они, конечно, могли бы гораздо вѣрнѣе киргиза оцѣнить несомнѣнныя практическія преимущества многосторонняго русскаго образованія надъ исключительно религіознымъ обученіемъ магометанской школы. Тѣмъ болѣе, что въ Ташкентской Учительской Семинаріи сверхъ всего другого обязательно изучаются языки сартовъ (то-есть татарскій) и таджиковъ (то есть персидскій).

И если тѣмъ не меньше, вопреки корыстнымъ инстинктамъ своей натуры, они все-таки не стремятся овладѣть этимъ важнымъ практическимъ орудіемъ, которое необыкновенно облегчило бы имъ конкурренцію съ людьми русскаго племени во всѣхъ отрасляхъ торговой, промышленной и даже служебной дѣятельности, то, конечно, причину этого надо видѣть исключительно въ ихъ религіозной нетерпимости, въ строгомъ запрещеніи мусульманскимъ духовенствомъ опаснаго для него смѣшенья въ одной и той же воспитательной средѣ мусульманина съ христіаниномъ.

Сартъ, къ несчастью, изстари имѣетъ свое собственное, хотя и жалкое, образованіе, свою собственную, хотя и скудную литературу, свою собственную систему, хотя и никуда негодныхъ, школъ. Онъ и держится за нихъ, какъ за знамя своей народности, своей религіи, своей исторіи,—и думаетъ, что отступить отъ нихъ, пройти чрезъ русскую школу, значитъ, ни больше, ни меньше, какъ измѣнить всему прошлому своему, всѣмъ завѣтамъ своихъ отцовъ.

Киргизъ же, дитя степей, дитя природы, почти не имѣетъ ни настоящей религіи, ни государственной исторіи, а тѣмъ менѣе какой-нибудь системы образованія. Поэтому онъ не чувствуетъ на своей душѣ тѣхъ нравственныхъ тормазовъ, которые крѣпко держатъ сарта въ привычкахъ его историческаго прошлаго, и легче поддается разсчетамъ настоящей минуты.

Ташкентская семинарія помѣщена очень удобно и съ простотою, необходимою для будущихъ народныхъ учителей, соединяетъ столь же необходимый просторъ и чистоту. Столовая и

спальни ея расположены въ отдѣльномъ зданіи, не заражая воздуха классовъ запахомъ кухни. Мастерскія для ремеслъ столярнаго съ токарнымъ, и переплетнаго — тоже отдѣльныя. Вся мебель для заведенія дѣлается и чинится воспитанниками. Кромѣ того, они исполняютъ городскіе заказы, и за свои издѣлія даже получили медаль на мѣстной выставкѣ. За чертою города у нихъ есть ферма съ фруктовымъ садомъ, гдѣ они работаютъ съ кетменемъ въ рукахъ, практически изучая основанія правильнаго садоводства, подъ руководствомъ опытнаго садовника. Вообще они постоянно въ какихъ-нибудь работахъ, рубятъ дрова, метутъ дворъ, очищаютъ арыки и т. п., пріучаясь находить отдыхъ въ смѣнѣ умственнаго труда трудомъ мускуловъ.

Воспитанники—все народъ рослый и ловкій, смотрятъ молодцевато, по-военному. Музыка и хоръ у нихъ свои, и мы съ удовольствіемъ прослушали маленькую музыкально-вокальную репетицію, которая была исполнена ради насъ. Киргизы и сарты музыканты далеко не важные и не могутъ похвастаться тонкостью слуха, но славянская талантливая раса съ удивительною быстротой овладѣваетъ и пѣніемъ, и музыкой, какъ бы, повидимому, поздно ни приходилось приниматься за нихъ. Успѣхомъ этимъ ташкентскіе семинаристы обязаны и своему отличному дирижеру чеху, г. Лейсеку, который управляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и окружнымъ военнымъ хоромъ. Г. Лейсеку пришла счастливая мысль положить на ноты любимые мотивы сартскихъ, татарскихъ и киргизскихъ пѣсенъ. Когда на прошлой выставкѣ хоръ его заигралъ въ публичномъ саду попурри изъ этихъ мѣстныхъ мелодій, восторгу туземцевъ не было предѣла. Татары сдѣлали автору чувствительную овацію и на обѣдѣ, устроенномъ въ его честь, поднесли ему совсѣмъ ужъ не по-татарски благодарственный адресъ.

Г. Лейсекъ подарилъ и мнѣ экземпляръ этихъ оригинальныхъ туркменскихъ мелодій, какъ Andenken о Ташкентѣ. Для практическихъ упражненій воспитанниковъ въ педагогикѣ при учительской семинаріи открыты два образцовыхъ начальныхъ учи-

лища, въ которыхъ старшіе воспитанники даютъ пробные уроки, подъ руководствомъ своихъ учителей.

Мнѣ хотѣлось познакомиться съ генераломъ Гродековымъ, военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области; еще передъ путешествіемъ своимъ я прочелъ его прекрасныя капитальныя сочиненія о завоеваніи Туркменіи и о Хивинскомъ походѣ, которыя много помогли мнѣ при знакомствѣ съ Закаспійскимъ краемъ. Кромѣ того, генералъ Гродековъ извѣстенъ своими интересными изслѣдованіями киргизскаго быта и близкимъ знакомствомъ съ вопросами экономическаго и юридическаго быта туземцевъ. Это администраторъ вполнѣ подготовленный къ многосложнымъ задачамъ мѣстнаго управленія, искренно заинтересованный ими и потому не перестающій изучать ихъ. Онъ старый туркестанецъ и соратникъ Скобелева по Ахалъ-Текинскому походу. Тѣмъ любопытнѣе мнѣ было познакомиться съ нимъ. Въ Тифлисѣ у брата своего я познакомился съ роднымъ братомъ Н. И. Гродекова — предсѣдателемъ тамошняго военно-окружного суда. Отъ него я имѣлъ письмо къ Н. И. Гродекову, но, къ сожалѣнію, въ первые дни моего пребыванія въ Ташкентѣ Н. И. объѣзжалъ отдаленныя степныя мѣстности Сыръ-Дарьинской области, и я могъ побывать у него только въ концѣ своего пребыванія здѣсь.

Дача военнаго губернатора помѣщается въ концѣ Садоваго проспекта, почти зá городомъ, въ прекрасномъ тѣнистомъ паркѣ. Съ обширной террасы ея открывается роскошный видъ на окрестности. Терраса эта, устланная восточными коврами и уставленная восточными диванами, украшена и неизбѣжнымъ туркестанскимъ украшеньемъ—чучелами огромныхъ тигровъ. Но это не какіе-нибудь отвлеченные тигры, купленные для эффектной обстановки въ мѣховомъ магазинѣ. Нѣтъ, это тоже своего рода представители мѣстнаго населенія, туземцы и близкіе сосѣди Ташкента. Одного изъ нихъ русскія мужички-переселенцы убили въ селеньи Троицкомъ, верстахъ въ тридцати отъ Ташкента.

Недавно еще тигры водились около самаго Ташкента, такъ что жители боялись выходить по ночамъ изъ города. И теперь ихъ еще много въ плавняхъ Сыръ-Дарьи. Сарты называютъ ихъ *джулбарсъ* въ отличіе отъ другого, не менѣе страшнаго хищника, барса, который зовется у нихъ *капланъ*.

Мнѣ разсказывали, что недавно въ Чиназѣ была цѣлая битва съ тигромъ, который забрался въ домъ сарта, проломавъ его глиняную крышу. Рота солдатъ окружила домъ, но прежде чѣмъ успѣли убить безстрашнаго звѣря, онъ изломалъ какъ проволоку четыре ружья со штыками.

Въ дельтѣ Аму-Дарьи тигровъ еще больше, чѣмъ въ Сырѣ. Есть изъ нихъ огромные, до четырехъ аршинъ длины, такъ что онъ безъ труда уноситъ въ зубахъ молодую корову.

Среди нашего офицерства много храбрецовъ, которые охотятся на тигровъ. Правительство иногда само устраиваетъ эти охоты, чтобы избавить населеніе отъ опаснаго разбойника, гнѣздящагося гдѣ-нибудь по сосѣдству съ сартскимъ кишлакомъ или русскимъ поселкомъ и безжалостно истребляющаго ихъ скотину.

Н. И. Гродековъ особенно озабоченъ устройствомъ въ Сыръ-Дарьинской области русскихъ поселеній и привлеченьемъ сюда новыхъ переселенцевъ.

Въ этомъ дѣйствительно основной вопросъ нашей будущности въ Туркестанѣ. Только прочнымъ насажденіемъ здѣсь русской силы мы можемъ надѣяться прочно держать въ рукахъ своихъ этотъ мусульманскій край, населенный изстари враждебными намъ народами. Но задача эта очень трудна и запутана. По всегдашнему русскому великодушію, а отчасти и по всегдашней русской распущенности, мы не захотѣли воспользоваться правомъ завоевателя, чтобы на первыхъ же порахъ, подъ громъ оружія, забрать въ казну хорошую долю земель для будущаго устройства русскихъ поселенцевъ. Напротивъ того, мы предоставили кочевникамъ киргизамъ, — не говорю уже объ осѣдлыхъ сартахъ, — самый широкій просторъ предъявлять весьма сомнительныя права

свои на владѣніе громадными пространствами земли, которыя, за отсутствіемъ большею частью всякихъ письменныхъ документовъ, они могли доказывать только своими же собственными свидѣтельскими показаніями, много-много безграмотными «васихами», которыя обыкновенно фабриковались за нѣсколько грошей на базарахъ стараго Ташкента.

Такимъ образомъ очень скоро оказалось, что для русскаго народа въ безпредѣльныхъ пространствахъ края, завоеваннаго кровью его,—мѣста не находилось, а если находились кое-какіе клочки, то весьма мало соблазнительные и для поселеній мало удобные. Да и изъ-за нихъ приходилось вести безконечные судебные споры съ «историческими правами» туземцевъ. Поэтому нечего удивляться, что лѣтопись нашихъ первыхъ русскихъ поселеній въ Сыръ-Дарьинской области можно назвать лѣтописью безконечныхъ неудачъ, и ружно радоваться, что, благодаря разумнымъ взглядамъ и энергической настойчивости нѣкоторыхъ мѣстныхъ администраторовъ, въ числѣ которыхъ необходимо упомянуть и Н. И. Гродекова, — русскія поселенія въ этомъ краѣ успѣли дорости хотя до того состоянія, въ которомъ они теперь находятся. Главнымъ гнѣздомъ приливающей сюда русской народности служитъ Ауліэтинскій уѣздъ, смежный съ Семирѣченскою областью, которая обратилась теперь совсѣмъ въ русскую губернію, несмотря на сотни тысячъ своихъ Киргизовъ, и потому сильно облегчаетъ укорененіе русскаго переселенца въ сосѣднихъ съ нею мѣстностяхъ, служа ему какъ бы стратегическимъ базисомъ для экономической борьбы съ окружающимъ отовсюду мусульманствомъ.

Генералъ Колпаковскій, степной генералъ-губернаторъ, проявилъ удивительный талантъ колонизаціи и рядомъ здравыхъ практическихъ мѣръ, которыя больше придумывались имъ самимъ, чѣмъ диктовались далекою петербургскою канцеляріею, въ короткое время пересоздалъ киргизскую пустыню въ богатую и достаточно заселенную земледѣльческую страну. Туркестанъ смотритъ теперь на Семирѣчье почти какъ на коренную Россію,

получая изъ него въ обиліи всегда, когда нужно, русскій хлѣбъ, русскія издѣлія, русскаго рабочаго. Нужно прибавить въ объясненіе необыкновенно удачнаго устройства русскихъ поселеній въ Семирѣчьи, что генералъ Колпаковскій началъ дѣйствовать въ этомъ краѣ съ самыхъ ничтожныхъ должностей и постепенно прошелъ ихъ рѣшительно всѣ, отъ пристава и уѣзднаго начальника до губернатора и генералъ-губернатора, такъ что имѣлъ полную возможность, какъ говорится, по золотникамъ изучить свое дѣло, и уже не былъ вынужденъ дѣйствовать наобумъ, по внушеніямъ своей фантазіи, какъ это, къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ у насъ съ иными присылаемыми изъ Петербурга администраторами.

Семирѣченская область и городъ Вѣрный, теперь резиденція Туркестанской епископіи,—это безъ преувеличенія созданіе Колпаковскаго. А вѣдь они были завоеваны настоящимъ образомъ у коканцевъ всего въ 1860 году, послѣ пораженія на голову подполковникомъ Колпаковскимъ коканской арміи при Узунъ-Агачѣ.

Колпаковскій же главнымъ образомъ завладѣлъ и китайскою Кульджею, самою богатою изо всѣхъ окрестныхъ странъ, которая тоже очень охотно и быстро заселялась русскими поселенцами. Мѣстные жители считаютъ большою ошибкою возращеніе Кульджи Китаю и увѣрены, что въ этомъ не представлялось никакой настоятельной надобности, такъ какъ жители Кульджи искренно предпочитали русскую власть китайской. Сравнительно съ цвѣтущею Кульджею какая-нибудь Семипалатинская область наша, почти сплошь заселеная киргизскими кочевниками, чистая пустыня, не имѣющая будущаго.

Мы осмотрѣли для образца ближайшій русскій поселокъ — село Никольское, въ семи верстахъ отъ Ташкента. Туда ведетъ покойное шоссе, обсаженное деревьями, замѣняющее улицу поселка. Вездѣ порядокъ, чистота, вездѣ журчатъ арыки, зеленѣютъ посадки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все смотритъ какъ-то по казенному. Заботы администраціи чувствуются на каждомъ шагу. Дома,

въ родѣ городскихъ, всѣ каменные, съ большими свѣтлыми окнами, съ двумя трубами, подъ соломенно-глиняными крышами. Около маленькіе садики, дворы обнесены высокими глиняными оградами, но на дворахъ этихъ не видно того домовитаго хозяйства, которымъ обыкновенно бываетъ переполненъ настоящій мужицкій дворъ на Руси. Въ поселкѣ до 300 дворовъ, но хозяева ихъ большею частью отставные солдаты и мѣщане, а подлинныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ мало. Оттого-то Николаевскіе поселенцы безъ особой охоты занимаются землею; большинство ихъ зарабатываютъ деньги разными мастерствами да подгородными промыслами, сдавая свои земельные надѣлы внаймы сартамъ и киргизамъ. Все почти молоко и масло ташкентскихъ базаровъ доставляется Николаевскимъ поселкомъ. Впрочемъ, здѣшніе русскіе поселенцы уже хорошо освоились и съ полевыми работами, перенявъ у сартовъ и киргизъ необходимые пріемы орошенія и разработки земли, и сѣютъ не только обычные русскіе хлѣба, но и хлопчатникъ, и табакъ, и всякія мѣстныя растенія. Имъ запрещаются только посѣвы риса изъ опасенія заразить воздухъ болотными міазмами, хотя сосѣди Никольцевъ сарты кишлака Дюрменя постоянно заливаютъ Никольскія поля водами своихъ рисовыхъ плантацій.

Поселенцы получили на душу по $4^1/_2$ десятины земли, что очень достаточно при здѣшней многопольной системѣ хозяйства и огромныхъ урожаяхъ, обезпеченныхъ искусственною поливкою. А отставные солдаты получили на свои души даже по десяти десятинъ и могутъ жить припѣваючи. Они дѣйствительно и живутъ если не богато, то таровато; къ сожалѣнію, даже слишкомъ таровато; женщины, какъ и вездѣ, больше чѣмъ мужчины увлекаются подражаніемъ, ходятъ и живутъ совсѣмъ по-городски и не славятся особенною нравственностью. Въ праздники и здѣсь, какъ на святой Руси, можно видѣть почтеннаго домохозяина пьянымъ, какъ водка, валяющагося среди улицы въ какой-нибудь грязной лужѣ. Всегда трезвые сарты и киргизы, ѣдущіе на Ташкентскій базаръ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ

объѣзжаютъ эти живые трупы своихъ просвѣтителей и побѣдителей.

Иныя семьи даже постоянно живутъ въ Ташкентѣ, воспитывая своихъ дѣтей, подобно горожанамъ, или въ учительской семинаріи, или въ какомъ-нибудь городскомъ училищѣ, дающемъ больше правъ, чѣмъ сельская школа.

Въ Николаевскомъ поселкѣ устроена на земскія суммы прекрасная школа съ усовершенствованною классною мебелью, правильною вентиляціею, правильнымъ и обильнымъ освѣщеніемъ, щедро снабженная учебными пособіями всякаго рода. 35 учениковъ школы—всѣ русскіе, и подъ руководствомъ своего учителя составляютъ отличный церковный хоръ. Храмъ здѣсь совсѣмъ еще новенькій, хорошенькій и веселый, какъ игрушечка. Его построилъ на свои средства купецъ Ивановъ, обычный щедрый благотворитель всѣхъ общеполезныхъ учрежденій Ташкента. Не только въ деревнѣ, въ самой Москвѣ всѣ любовались бы на этотъ изящный храмъ, выстроенный въ чисто-русскомъ стилѣ, съ множествомъ главокъ, шатровъ, кокошничковъ, точеныхъ кубышчатыхъ столбовъ съ пестрою росписью стѣнъ снаружи и внутри, съ богатою утварью, сверкающею новизною. Мы доставили себѣ удовольствіе влѣзть па колокольню и полюбоваться оттуда рѣдкимъ видомъ на окрестную мѣстность. Трудно найти что-нибудь подобное этому райскому уголку, утопающему въ сплошныхъ садахъ. Азіатскій Ташкентъ весь потонулъ въ нихъ. Это живая картина плодородія и обилія. Этому роскошному зеленому оазису, кишащему могучею растительностью, орошенному повсюду журчащими водами, — предстоитъ блестящая будущность, особенно когда исполнится затѣянное теперь грандіозное предпріятіе, и желѣзные рельсы соединятъ его съ одной стороны съ Самаркандомъ, Бухарою, Персіею, а съ другой—съ великимъ Сибирскимъ путемъ.

Было бы очень хорошо, еслибы хотя къ тому времени дѣло заселенія края русскимъ племенемъ подвинулось настолько, чтобы будущая желѣзная дорога и предстоящая жертва сотенъ рус-

скихъ милліоновъ не обратилась бы на исключительную пользу ловкаго сарта, для котораго, кажется, и теперь главнымъ образомъ служатъ всѣ наши здѣшнія усилія и траты. А чтобы подвинуть русское переселеніе—необходимо прежде всего покончить съ безконечно-тянущейся канцелярскою разработкою мѣстнаго земельнаго права,—и выработать наконецъ какія-нибудь ясныя и простыя основанія для русскаго поселенія, не особенно тревожа себя смутными «историческими правами» туземцевъ, очень часто прикрывающими самыя неосновательныя и вредныя для государства притязанія. Семирѣченская область можетъ служить въ этомъ случаѣ ободряющимъ примѣромъ: въ ней считалось въ 1890 г. русскихъ людей всякаго званія и пола 65.640 человѣкъ на 600.000 душъ туземцевъ, то-есть уже болѣе девяти процентовъ. А въ трехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области (Ташкентскомъ, Чимкентскомъ и Ауліэ-Атинскомъ) въ то же время считалось людей русскаго племени всего только 6.000 человѣкъ, кромѣ города Ташкента, на туземное населеніе въ 612.000.

Мѣстные знающіе люди разсчитали, что при ежегодномъ переселеніи въ Сыръ-Дарьинскую область изъ Европейской Россіи только 600 семействъ,—что было бы вовсе незатруднительно ни въ какомъ отношеніи,—для переселенцевъ этихъ возможно было бы оросить средствами казны потребное количество необитаемыхъ нынѣ земель, полагая по 20 десятинъ на семейство, и дать имъ необходимое пособіе на первоначальное устройство ихъ хозяйствъ,—не выходя изъ предѣловъ 100.000 рублей въ годъ; тогда бы черезъ двадцать лѣтъ русскій элементъ въ Сыръ-Дарьинской области достигъ бы той же густоты, какую онъ имѣетъ теперь въ Семирѣченской, и русское дѣло въ Средней Азіи можно бы было считать вполнѣ обезпеченнымъ.

Благодаря любезности генерала Гродекова, его чиновникъ особыхъ порученій капитанъ К. и помощникъ начальника города г. Л. познакомили насъ въ подробности со всѣмъ, что было

для насъ интереснаго какъ въ русскомъ, такъ и въ азіатскомъ Ташкентѣ.

Между прочимъ, мы посѣтили отлично-устроенную Ташкентскую тюрьму, которая могла бы устыдить господъ, подобныхъ мистеру Кэнану, такъ развязно сочиняющихъ оскорбительныя небылицы о русскомъ варварствѣ. Тюрьма помѣщается въ своего рода крѣпостной оградѣ. Внутри обширный зеленый дворъ, перерѣзанный аллеями тополей, съ большимъ яркимъ цвѣтникомъ посрединѣ; ничего, напоминающаго мѣсто заточенія и скорби. Мрачнаго тюремнаго зàмка съ нѣсколькими ярусами желѣзныхъ рѣшетокъ тоже нѣтъ. Одноярусные флигеля самаго мирнаго вида разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, похожіе больше на какое-нибудь воспитательное заведеніе, чѣмъ на темницу.

Здѣсь принята система размѣщенія арестантовъ не въ огромныхъ общихъ залахъ, а по небольшимъ группамъ въ 4 и 5 человѣкъ, рѣдко въ 10 или 12. Жизнь въ такихъ отдѣльныхъ комнатахъ пріобрѣтаетъ болѣе мирный и даже нѣсколько семейный характеръ. Соединяются вмѣстѣ обыкновенно люди одной національности и, по возможности, одной и той же профессіи, чтобы они могли успѣшнѣе заниматься своимъ ремесломъ.

Вездѣ строгая чистота, каменные полы, постоянно омываемые водою. Койки поднимаются на день, такъ что на нихъ не сидятъ; у каждаго арестанта тюфякъ и подушки. Всякій занятъ цѣлый день: кто шьетъ башмàки или тюбетейки, кто столярничаетъ, кто ткетъ полотно, вяжетъ скатерти, мотаетъ нитки; часть арестантовъ постоянно занята въ саду и огородѣ, равняютъ дворъ, мостятъ улицы. Женщинъ въ тюрьмѣ очень мало. Племена тутъ всякія: и русскіе, и персы, и сарты, и киргизы. Русскихъ 42 человѣка изъ 240, процентъ довольно крупный, если принять во вниманіе сравнительную ничтожность русскаго населенія. Баня у арестантовъ очень просторная и въ большомъ порядкѣ: полъ асфальтовый, балки изъ негніющаго тутоваго дерева, а доски потолка изъ арчи, тоже трудно гніющей. Поэтому

не слышно обычнаго во всѣхъ баняхъ запаха прѣлаго дерева и сырыхъ половъ.

Въ цейхгаузѣ заготовлено въ изобиліи всякое бѣлье и необходимыя одежды. Насъ особенно заинтересовали туземные шаровары изъ козьей замши, расшитые очень красиво разноцвѣтными нитками и стоющіе совсѣмъ съ работою баснословно дешево: 1 р. 40 к. за пару. Подробный обзоръ тюрьмы вообще произвелъ на насъ съ женою самое отрадное впечатлѣніе. Мы ходили по ней, совсѣмъ забывъ, что ходимъ по тюрьмѣ среди преступниковъ. Это скорѣе рабочій домъ, устроенный для ихъ исправленія. Не мудрено, что при такомъ человѣчномъ отношеніи къ арестанту, при такомъ обращеніи тюрьмы въ школу мирнаго и полезнаго труда, нравы Ташкентскаго острога, несмотря на азіатскихъ варваровъ, его населяющихъ, мало походятъ на обычные нравы нашихъ русскихъ острожниковъ, и въ немъ почти не случается ни убійствъ, ни бунтовъ, ни кровавыхъ побоищъ. Этимъ утѣшительнымъ характеромъ своимъ Ташкентская тюрьма обязана больше всего своему главному руководителю—генералу Гродекову, который не перестаетъ дѣятельно заботиться объ ея дальнѣйшемъ развитіи по избранному имъ разумному пути...

X.

У Сартовъ.

Мы въѣхали въ Сартскій Ташкентъ съ трескомъ и громомъ. Недаромъ насъ провожало мѣстное начальство. Гремятъ немилосердно колеса нашихъ экипажей, стучатъ и звенятъ впереди и позади этихъ экипажей подковы скачущихъ кругомъ всадниковъ. По азіатскому обычаю,—въ которомъ, впрочемъ, гораздо больше смысла, чѣмъ это кажется издали, — начальство не можетъ появляться среди народа иначе, какъ провожаемое толпою вооруженныхъ всадниковъ. Такъ дѣлается на Кавказѣ, въ Егип-

тѣ, въ Палестинѣ, въ Туркменіи, въ Бухарѣ, вездѣ на Востокѣ, гдѣ мнѣ пришлось побывать. И тутъ точно такъ же провожаютъ насъ,—или, вѣрнѣе, своихъ начальниковъ, намъ сопутствующихъ,—два молодца юсъ-баши въ ярко-красныхъ турецкихъ поясахъ, изукрашенныхъ серебромъ, и съ ними нѣсколько простыхъ джигитовъ. Признаюсь, я всегда съ благодарностью поминаю этотъ умный восточный обычай, безъ котораго нашему брату, скромному европейскому туристу, далеко не одинъ разъ пришлось бы плохо среди этой галдящей и толкающейся азіатчины. Юсъ-баши — это своего рода полицейскіе квартальные. Сартскій городъ раздѣляется на четыре квартала, и каждымъ изъ нихъ завѣдуетъ юсъ-баши. У каждаго юсъ-баши въ распоряженіи двадцать джигитовъ. Вотъ и вся сила, обязанная возстановлять порядокъ и охранять законъ среди стотысячнаго полуварварскаго населенія. Немного, — если сравнить съ милліонными смѣтами и многотысячнымъ персоналомъ какой-нибудь петербургской или парижской полиціи, имѣющей къ тому же дѣло съ цивилизованнымъ населеніемъ.

Въ страхѣ и тревогѣ бросались, при видѣ скачущихъ джигитовъ,—кто назадъ, кто въ сторону, въ открытыя ворота дворовъ, въ узкіе проулочки, — ѣхавшіе намъ навстрѣчу туземцы, колотя палками неповоротливыхъ верблюдовъ, заворачивая за рога непослушныхъ быковъ.

Мы въѣзжали въ самое жерло ташкентской торговли и ташкентскаго многолюдства.

— Скажите, пожалуйста, развѣ тутъ пьютъ воду изъ арыковъ? Вѣдь это нажить вѣрную болѣзнь?—спросилъ я одного изъ своихъ спутниковъ, съ удивленіемъ глядя, какъ разгоряченные работою полуголые сарты припадали прямо губами къ грязнымъ уличнымъ канавкамъ.

— Да, вотъ, что вы подѣлаете съ ними? Дума колодцы имъ вырыла въ разныхъ мѣстахъ, по всему азіатскому городу, а они не пьютъ изъ колодцевъ, только развѣ зимою. Увѣряютъ, что въ арыкахъ вода здоровѣе,—отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ.—

И вѣдь странное дѣло, химикъ тутъ одинъ, Тейхъ, разлагалъ арычную воду, такъ нашелъ будто бы, что въ ней гораздо менѣе вредныхъ примѣсей, чѣмъ въ водѣ петербургскаго водопровода... Стало-быть, ужъ не такъ она вредна, вода эта. Вотъ въ «хаузахъ»,—то-есть въ прудкахъ ихнихъ, что около мечети мы сейчасъ видѣли,—другое дѣло: тамъ вода стоячая и кишмя кишитъ всякою нечистью... Отъ той сейчасъ «решта» заведется или лихорадка нападетъ...

— Вы упомянули думу; неужели-жъ и у сартовъ уже заведены русскіе порядки?

— Видите ли, дума собственно въ русскомъ Ташкентѣ, но она завѣдуетъ всѣмъ городомъ вообще, и азіатскимъ, и нашимъ; 48 гласныхъ русскихъ выбирается, а 24 сартовъ.

— Азіатамъ, стало быть, накладно выходитъ?

— Какъ вамъ сказать? Дѣйствительно, всѣ расходы благоустройства въ русскомъ городѣ падаютъ и на сартовъ; они пока молчатъ, терпятъ, но со временемъ все могутъ иначе повернуть. Въ сущности, они въ думѣ сильнѣе русскихъ, потому что каждый разъ всѣ ихъ 24 гласныхъ на лицо, а русскихъ изъ полсотни, обыкновенно 12, 15 человѣкъ собираются. Вотъ азіаты и поворачиваютъ всѣ дѣла по своему.

— Значитъ, имъ выборное начало больше пришлось по вкусу, чѣмъ намъ, русскимъ?

— Ну нѣтъ, не скажу. По моему это одинъ вредъ для нихъ. Они никогда никакихъ выборовъ не знали и совсѣмъ къ этому не привыкли. У нихъ всѣхъ начальниковъ бекъ назначалъ. Его и боялись всѣ, и народъ, и судьи. Каждый могъ жаловаться беку и даже эмиру самому. Тѣ шутить не любили,—того и гляди голову долой! За воровство простое, если въ третій разъ укралъ, и то смертью казнили. А теперь, разумѣется, всѣ распустились, страха никакого нѣтъ. Отдали ихъ на произволъ казіямъ. Казій судитъ, а жалуются на него въ съѣздъ опять тѣхъ же казіевъ. Ихъ тутъ четыре въ Ташкентѣ, въ каждомъ кварталѣ по одному. Разумѣется, рука руку моетъ, поддерживаютъ другъ друга. И

потомъ никакихъ законовъ нѣтъ, такъ себѣ выдумываетъ каждый судья, что хочетъ. Сарты судятся по шаріату, киргизы по адатамъ своимъ, а какіе такіе у нихъ адаты, — никто этого не знаетъ, и справиться негдѣ.

Мы посѣтили прежде всего большую мечеть, построенную на счетъ покойнаго Императора Александра II. Онъ далъ на нее 20.000 тиллъ изъ числа денегъ, поднесенныхъ ему бухарскимъ эмиромъ. Остальныя деньги также были розданы бухарцамъ всѣ до послѣдней копѣйки. Русскій царь показалъ царьку-халатнику, что у него достаточно на все своихъ русскихъ денегъ и безъ его бухарской дани. Мечеть обширная, минареты высокіе, но все въ ней казенно, холодно, безвкусно. Она выстроена на мѣстѣ развалившейся старой мечети, но, повидимому, не привлекаетъ къ себѣ особой ревности мусульманскихъ поклонниковъ, можетъ-быть, потому, что все-таки она даръ «гяуровъ» и «кефировъ»... Мы забрались какъ разъ на тотъ балкончикъ, откуда азанчи кричитъ на всѣ четыре стороны свѣта свой заунывный азанъ.

Видъ съ этой высоты единственный въ своемъ родѣ; ни откуда нельзя лучше познакомиться съ общею панорамою сартскаго Ташкента и изучить его планъ, такъ сказать, съ птичьяго полета.

Городъ съ своими предмѣстьями занимаетъ громадную площадь въ 176 квадратныхъ верстъ. Глиняная стѣна, еще окружающая его, а недавно даже его защищавшая,—тянется на цѣлыхъ одиннадцать верстъ. По краямъ города сплошные сады, но это все еще жилища его, его улицы. Крытые базары перерѣзаютъ городъ нѣсколькими параллельными и пересѣкающимися руслами чуть не изъ конца въ конецъ. Сверху эти безконечные прямые корридоры кажутся особенно оригинальными. Мечети торчатъ на каждомъ шагу. По словамъ нашихъ спутниковъ, ихъ насчитывается тутъ до 200, не считая 21 медрессе. Всякихъ медрессе (или мадраса, какъ здѣсь говорятъ) мы ужъ

насмотрѣлись достаточно, а потому предпочли посѣтить чуть зарождающуюся русско-туземную школу. Захватили мы, однако, урокъ мусульманскій, а не русскій: лобатые и глазатые мальчишки въ тюбетейкахъ сидѣли на колѣнахъ на полу комнаты и отчаянно орали, раскачиваясь взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ; кто держалъ деревянную дощечку, или, *„ляхвъ“*, съ написанными на ней арабскими буквами, кто замасляннную книжку. Мулла-учитель спокойно глядѣлъ на нихъ, сидя противъ нихъ на полу, зажавъ въ здоровенномъ кулакѣ маленькую палочку, которою онъ поддерживалъ прилежанье своихъ учениковъ,—и ровно ничѣмъ не вмѣшивался въ ихъ ожесточенную и, очевидно, безсмысленную зубрежку.

Мусульманскіе школяры читаютъ коранъ на непонятномъ имъ арабскомъ языкѣ, который далеко не всегда доступенъ и самому многоученому мудерису ихъ; но древній обычай почитаетъ неприличнымъ говорить о предметахъ вѣры на какомъ-нибудь иномъ языкѣ, кромѣ того, «на которомъ говорятъ въ раю», по глубокому убѣжденію правовѣрныхъ. Одинъ языкъ,—одна и книга. Шаріятъ, по мнѣнію мусульманскихъ ученыхъ, наука всѣхъ наукъ и отвѣтъ на всѣ возможные вопросы человѣческой пытливости; поэтому безполезно терять время за другими книгами кромѣ «книги книгъ».

Сначала ученику дается въ руки такъ-называемый *хафтіякъ*, излагающій по-арабски часть корана, потомъ онъ переходитъ къ *чаръ-китабу*—рукописной тетради, вмѣщающей въ себѣ на персидскомъ языкѣ, также непонятномъ тюрку, главныя положенія шаріата, то-есть религіозныхъ законовъ Ислама. Затѣмъ слѣдуетъ такое же механическое чтеніе стиховъ разныхъ восточныхъ поэтовъ, персидскихъ и тюркскихъ, ни малѣйшимъ образомъ не приспособленное къ возрасту дѣтей, и наконецъ уже,—какъ вѣнецъ знанія,—письмо. Никакихъ правилъ персидской или тюркской грамматики не изучается даже въ мадраса,—духовныхъ академіяхъ своего рода. Туземная поговорка говоритъ:

«арабскій языкъ—святыня, персидскій гадость, тюркскій—нечисть».

Стоитъ же послѣ того изучать ихъ! Оттого-то несмотря на множество махтабовъ и мадраса въ городахъ Средней Азіи, несмотря на то, что мусульманскія дѣти всѣ безъ исключенія посѣщаютъ эти махтабы, безграмотность здѣшняго населенія повальная.

Трудно очень съ такими твердо установившимися мусульманскими взглядами примирить требованія европейской педагогики.

Мы попробовали сдѣлать этимъ будущимъ гражданамъ россійскаго царства маленькій экзаменъ изъ русскаго чтенія и письма. Пишутъ они довольно порядочно и красиво, но читаютъ съ большими ошибками въ произношеніи, а объяснить по-русски смыслъ прочитаннаго совершенно не могутъ, хотя старшіе изъ нихъ калякаютъ немного по-русски. Спутники наши увѣряли насъ, что только послѣ шести лѣтъ ученія молодые сартята овладѣваютъ вполнѣ русскою грамотностью и русскою рѣчью; мы же спрашивали теперь только такихъ, которые пробыли въ школѣ не болѣе трехъ лѣтъ. Но вообще, кажется, дѣло это двигается крайне туго, при безмолвномъ, но упорномъ сопротивленіи всего сартскаго населенія. Чтобы набрать какихъ-нибудь 36 мальчиковъ, составляющихъ школу, въ которой мы теперь находимся,—нужно было употреблять чуть не насиліе. Мусульманство какъ-то такъ радикально противоположно христіанству въ своихъ внутреннихъ стремленіяхъ, что соединить въ одной школѣ муллу и русскаго учителя — задача едва ли не безнадежная. Мулла и его священныя книги во всякомъ случаѣ одолѣютъ учителя и его азбуку. Мулла въ глазахъ учениковъ-сартовъ всегда будетъ главнымъ и настоящимъ учителемъ ихъ и единственнымъ хозяиномъ школы. Муллу поддерживаетъ и почитаетъ весь окружащій ихъ міръ, отцы и братья ихъ, а русскій учитель является жалкимъ, отъ всѣхъ отверженнымъ пришлецомъ, котораго терпятъ только изъ горькой необходимости,

подъ страхомъ строгой кары. Борьба при такихъ условіяхъ слишкомъ не равна.

— По моему сартовъ можно пріучить къ русской школѣ только однимъ способомъ, рѣшительно заявилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ спутниковъ. Это — закрыть ихъ мусульманскія школы. Вѣдь они только и держатся вакуфами. Мы теперь хлопочемъ всячески объ этихъ вакуфахъ, приводимъ ихъ въ извѣстность, охраняемъ отъ расхищенія. А къ чему? Пускай бы себѣ расхищали какъ хотятъ, мало-по-малу всѣ бы эти медрессе ихъ сами собою зачахли и закрылись... И только польза одна была бъ изъ этого. Фанатизму меньше бы стало. Тогда сарты сами попросились бы въ русскія школы...

Почетнымъ блюстителемъ посѣщенной нами русско-мусульманской школы — служитъ человѣкъ очень извѣстный и очень уважаемый въ Ташкентѣ, — Мухитдинъ-Ходжа-Ишанъ, онъ же главный казій Ташкента. Нужно было изъ приличія сдѣлать ему визитъ. Домъ его одинъ изъ самыхъ обширныхъ и красивыхъ въ старомъ городѣ. Оба двора его обстроены кругомъ зданіями. На первомъ дворѣ ожидаютъ цѣлыя толпы терпѣливыхъ просителей. Второй—обнесенъ внутри характерными восточными галлереями, глубокими и тѣнистыми, раскрашенными съ обычною яркою пестротою, голубымъ, краснымъ, зеленымъ.

Мухитдинъ-Ходжа, должно-быть, предупрежденный джигитомъ, встрѣтилъ насъ въ первомъ дворѣ, почтительно прикладывая руки къ сердцу и хватаясь за бороду по строгому этикету, подобающему ходжѣ. Посѣщеніе начальника города онъ, очевидно, считалъ большою честью, хотя уже давно привыкъ къ чиновнымъ посѣтителямъ.

Мы прошли вслѣдъ за нимъ во второй дворъ и черезъ раскрашенные балкончики поднялись въ жилище ходжи. Въ тѣни этихъ балкончиковъ сидѣли, поджавъ ноги, на коврикахъ два старика въ чалмахъ. Одинъ, совсѣмъ сѣдой, былъ погруженъ въ чтеніе корана и не удостоилъ поднять на насъ даже взора

своего, другой въ философскомъ молчаніи курилъ кальянъ, тоже не обращая никакого вниманія на входившихъ и проходившихъ мимо него.

Расположеніе строеній вокругъ двора, устройство лѣстницъ и галлерей, самое убранство дома ходжи, — все напоминало въ меньшемъ и болѣе скудномъ видѣ—уже знакомый типъ богатыхъ бухарскихъ домовъ, недостижимымъ идеаломъ которыхъ служитъ «урда» эмира.

Въ большой проходной комнатѣ, съ ярко-расписаннымъ потолкомъ и оригинальными бухарскими шкапчиками въ стѣнахъ, лежали на полу мѣха и подушки для отдыха. Слѣдующая комната служила чѣмъ-то въ родѣ кабинета для ходжи. Тутъ всѣ стѣны были заняты большими и маленькими нишами, замѣняющими сарту шкапы и комоды. Множество книгъ, крѣпко и красиво переплетенныхъ, частью печатныхъ, а частью еще рукописныхъ, наполняли шкапы передней стѣны. Въ шкапчикахъ первой комнаты тоже виднѣлись книги. Ходжа считается среди своихъ извѣстнымъ ученымъ и богословомъ, что еще больше усиливаетъ его вліяніе на народъ. Отецъ его былъ первымъ духовнымъ лицомъ въ Ташкентѣ при покореніи его, своего рода мусульманскимъ архіереемъ, учился въ знаменитыхъ богословскихъ школахъ Самарканда и Бухары и тоже считался въ свое время большимъ знатокомъ всѣхъ тонкостей корана и шаріата. Мухитдинъ уже ученикъ его и унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ состояніемъ отца его богословскую славу и его вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Оба они «ишаны», — высшіе наставники людей въ благочестивой жизни и правилахъ вѣры. Лицо Мухитдина-ходжи типично и выразительно. Сквозь крупныя, довольно еще красивыя черты его глядитъ на васъ человѣкъ еще далеко не старый, несомнѣнно способный и умный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, себѣ на умѣ, себялюбивый и изрядно чувственный. Я уже знакомъ былъ съ этимъ лицомъ ученаго сартскаго главаря по довольно удачному портрету его, помѣщенному въ книгѣ г. Остроумова: «Сарты». Мухитдинъ-ходжа до сихъ поръ играетъ

большую роль въ жизни ташкентскихъ сартовъ и считается нѣкотораго рода оффиціальнымъ представителемъ ихъ. Какъ человѣкъ самый изъ нихъ ученый, ловкій и краснорѣчивый, онъ обыкновенно является отъ имени азіатскаго населенія Ташкента съ разнаго рода привѣтствіями и ходатайствами къ генералъ-губернаторамъ и другимъ высокопоставленнымъ особамъ. Онъ постоянно ведетъ хлѣбъ-соль съ русскимъ начальствомъ, устраиваетъ у себя томаши то для представителей суда, то для какихъ-нибудь крупныхъ администраторовъ, и пользуется всеобщею ихъ дружбой.

На коронаціи государя онъ присутствовалъ въ качествѣ депутата отъ сартовъ, а на груди своей носитъ вмѣстѣ съ орденомъ св. Станислава 3-й степени цѣлую кучу всякихъ почетныхъ медалей.

Меня заинтересовало узнать, какого рода книги наполняютъ библіотеку ходжи. Спутникъ нашъ Л., помощникъ ташкентскаго градоначальника, оказалось, отлично говорилъ по-сартски. Это вполнѣ образованный офицеръ, бывшій артиллеристъ и бригадный адъютантъ, внимательно наблюдающій бытъ туземцевъ, о которомъ онъ пишетъ иногда въ мѣстныхъ газетахъ, въ *Окраинѣ* и другихъ. Черезъ него я разговорился съ ученымъ муллой.

Мухитдинъ-ходжа кромѣ своего джагатайскаго или, какъ онъ говорилъ, тюркскаго языка, знаетъ прекрасно по-персидски и по-арабски. Всѣ извѣстныя богословскія, историческія и даже географическія сочиненія на этихъ языкахъ стоятъ на его полкахъ. Доставать ихъ нелегко, потому что на Востокѣ нѣтъ спеціальныхъ книжныхъ магазиновъ и издателей, а нужно знать уголки, гдѣ и у кого можно найти ту или другую желанную книгу. О нѣкоторыхъ историческихъ трудахъ средневѣковыхъ арабовъ и бухарцевъ, которые были извѣстны мнѣ по переводамъ, Мухитдинъ-ходжа бесѣдовалъ, какъ человѣкъ, основательно ихъ знающій. Мусульманскій богословъ и юристъ, творящій судъ надъ своими ташкентскими собратьями и поучающій ихъ духовной мудрости, не забываетъ въ то же время самого себя;

онъ имѣетъ большія земли около Ташкента и старается прикупать новыя на свои далеко не маленькіе доходы. Его вообще считаютъ здѣсь за одного изъ очень богатыхъ людей.

Ходжа не ограничился одними душеспасительными разговорами о султанѣ Бабурѣ, Массуди и Абульфеда, а угостилъ насъ по неизмѣнному восточному обычаю чаемъ и «дастарханомъ», въ которомъ,—какъ грустный признакъ растлѣнной современности,—фигурировали уже далеко не однѣ домашнія восточныя сласти вродѣ шепталы, изюма и прочаго, а и купленныя въ лавкѣ русскіе конфекты Эйнема, англійскіе прессованные бисквиты и т. п. издѣлія московской торговли.

Вообще цивилизація гяуровъ уже вторгается понемножку различными путями въ правовѣрный домъ ученаго мусульманскаго ишана.

Шкафы его кабинета, кромѣ книгъ, наполнены еще всякими принадлежностями домашняго быта, предназначенными впрочемъ, по всей видимости, не столько для употребленія въ дѣло, сколько для показа публикѣ. Тамъ на первомъ мѣстѣ сверкаетъ и никелированный тульскій самоваръ, и серебряный подстаканникъ, и круглый столикъ на одной ножкѣ, и разная русская посуда, въ перемежку съ туземною. Сидимъ мы у него въ кабинетѣ на плетеныхъ вѣнскихъ стульяхъ; маленькій сынишка ишана учится въ русско-мусульманской школѣ и уже бойко пересказываетъ исковерканныя русскія названія обыкновенныхъ предметовъ. На груди самого ишана, блюстителя законовъ Пророка, виситъ крестъ христіанскаго святого...

И все-таки, мнѣ кажется, не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ истинныхъ отношеній этого ученаго ходжи и всѣхъ ему подобныхъ къ водворенію среди сартовъ русскихъ началъ.

Ходжа и ему подобные—слишкомъ умны, чтобы не понять великой практической пользы для себя отъ знакомства съ русскимъ языкомъ и русскими обычаями, отъ дружелюбнаго расположенія къ нимъ представителей русской власти. Въ извѣстной степени это даже роковая необходимость для нихъ. Чтобы имѣть

значеніе и вѣсъ у своихъ, прежде всего имъ нужно пріобрѣсти значеніе въ глазахъ русскаго начальства. Безъ нѣкоторыхъ кажущихся уступокъ, безъ нѣкотораго наружнаго приспособленія къ русской средѣ, достигнуть этого нельзя, и вотъ — они продѣлываютъ, скрѣпя сердце, все то, что продѣлалъ Мухитдинъ-ходжа-ишанъ: носятъ русскіе кресты, служатъ блюстителями русско-мусульманскихъ школъ, угощаютъ русскихъ въ русской посудѣ и на русскихъ стульяхъ, — но дальше этого ихъ сочувствіе къ русскому не идетъ и въ глубинѣ души они, — я увѣренъ, — остаются самыми искренними ненавистниками всего русскаго, всѣхъ новыхъ, счужи навязанныхъ имъ порядковъ, переносимыхъ ими только по неволѣ, такъ-сказать, страха ради іудейска. Несомнѣнно, что темная туземная масса такъ именно и понимаетъ дешевое руссофильство своихъ духовныхъ вожаковъ, оттого-то вожаки эти ничего не теряютъ ни въ глазахъ мусульманской черни, ни даже въ глазахъ фанатическихъ муллъ. Тѣ внѣшнія уступки, на которыя они идутъ, считаются туземцами неизбѣжною платой за охраненіе ими же гораздо болѣе существенныхъ туземныхъ порядковъ и правъ.

Случись же въ Россіи какое-нибудь крупное политическое или военное замѣшательство, зародись среди туземнаго населенія хотя сколько-нибудь основательная надежда на возстановленіе старыхъ ханствъ, — я не сомнѣваюсь, что во главѣ народнаго движенія противъ русскихъ станутъ прежде всего эти самые кажущіеся русскіе друзья, обвѣшанные русскими крестами и медалями и говорящіе привѣтственныя рѣчи русскимъ начальникамъ. Горькій опытъ доказалъ это намъ слишкомъ убѣдительно въ послѣднюю турецкую войну, когда въ числѣ вождей возставшаго Дагестана явились офицеры, полковники и даже генералы русской службы изъ лезгинъ и татаръ. А восточные люди, восточные взгляды и обычаи такъ похожи другъ на друга!

Въ сартскомъ городѣ мы осмотрѣли кромѣ школъ и мусульманскія лѣчебницы, устроенныя тоже распоряженіемъ русской

власти. Онѣ, кажется, пользуются бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ русскія школы. Чтобы не нарушить мусульманскій обычай затворничества женщинъ, для послѣднихъ благоразумно устроена отдѣльная отъ мужчинъ лѣчебница совсѣмъ въ другой сторонѣ. По случаю лѣта сами лѣчебницы были пусты, а пріемъ больныхъ производился въ баракахъ, расположенныхъ среди сада, что́ особенно важно именно здѣсь, въ странѣ зноя, въ тѣснотѣ и духотѣ азіатскаго города. Лѣкарства всѣмъ даются даромъ, и этимъ, вѣроятно, можно объяснить себѣ, что каждый пріемный покой посѣщается въ день не меньше, какъ сорока, пятидесятью мусульманами. Для первыхъ попытокъ русской медицины проникнуть въ мусульманское варварство—эти цифры еще довольно утѣшительны.

Изъ русскаго начальства, даже и второстепеннаго, никто не живетъ въ сартскомъ городѣ. Условія азіатской жизни дѣлаютъ это совершенно невозможнымъ. Нѣтъ квартиръ, нѣтъ проѣзда, нѣтъ здороваго воздуха. Кромѣ главной улицы и немногихъ, къ ней примыкающихъ, всѣ остальные безчисленные переулки азіатскаго Ташкента не мощены и въ дождливое время не просыхаютъ цѣлыми мѣсяцами отъ вязкой глинистой грязи. Туземецъ безвредно переноситъ привычную ему вонь и отсутствіе свободнаго теченія воздуха среди глубокихъ и узкихъ рвовъ между глиняными дувалами, которые онъ называетъ улицами.

Но для Русскаго постоянное пребываніе въ этой азіатской атмосферѣ было бы убійственно. Туземцы вообще поразительно выносливы и крѣпки здоровьемъ. Можетъ быть, этимъ они обязаны умѣренности своей жизни и неутомимой подвижности. Въ этомъ отношеніи они далеко не оправдываютъ обычнаго представленія европейцевъ объ азіатской лѣни. Насколько лѣнивъ Турокъ и Арабъ, съ которыми ближе всего знакомы европейцы, настолько малоизвѣстный Европѣ сартъ дѣятеленъ и предпріимчивъ. Состязаться съ нимъ чрезвычайно трудно. Онъ встаетъ рано, ѣстъ очень мало, воздерженъ во всемъ, всегда бодръ, сухъ,

легокъ, всегда на ногахъ, всегда притомъ трезвъ, и въ хорошемъ расположенiи духа; всюду бѣгаетъ самъ, всюду все разнюхиваетъ и знаетъ. Гдѣ дѣло касается его корысти, онъ не упуститъ ничего и не пренебрежетъ ни одною копеечкой. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ живетъ чрезвычайно просто, одѣвается дешево, никого большею частью не нанимаетъ, а все дѣлаетъ самъ своими домашними. Оттого у него нѣтъ большихъ магазиновъ, съ множествомъ обкрадывающихъ его приказчиковъ, а вся лавка его умѣщается въ трехъ, четырехъ коробахъ; сартъ не любитъ кредита, а старается все покупать на наличныя, по мѣрѣ своихъ силъ; оттого рѣдко кто изъ нихъ разоряется и разоряетъ другихъ. Сартъ не гонится и за особенно высокимъ процентомъ, а доволенъ тѣмъ, чтò можетъ выручить; онъ отлично знаетъ всѣ торговые ходы, гдѣ что выгодно купить, гдѣ что удобно продать, и безъ шума и лишнихъ тратъ самъ отправляется туда. куда нужно, смѣло проникая въ самые глухiе углы внутренней Азiи, въ Тибетъ, въ Китай, въ Индiю, а въ послѣднее время и въ Петербургъ, и въ Вѣну, и въ Парижъ. Сартъ вездѣ находитъ своихъ и свое.

Съ его терпѣнiемъ, скромностью и настойчивостью онъ вездѣ и всегда добьется того, чтò ему нужно, Чтò мудренаго послѣ этого, что онъ вездѣ начинаетъ побивать русскую торговлю, русскiе промыслы.

Я какъ-то бесѣдовалъ здѣсь о сартахъ съ однимъ бывалымъ евреемъ, содержателемъ русской бани.

— Русскимъ тутъ теперь дѣлать нечего и евреямъ дѣлать нечего!—съ нѣкоторою горечью развивалъ мнѣ свои мысли умный старикъ.—Тутъ теперь все сартъ захватилъ. Половина домовъ въ русскомъ городѣ уже ихъ. И строили ихъ тоже они. Подряды опять-таки всѣ у нихъ, мастеровые, торговцы—все-жъ они. Куда ни кинься, все сартъ да сартъ. А какъ съ нимъ тягаться? Что Русскому или еврею рубль стрòитъ, то онъ у своего брата за полтину покупаетъ. У него все свои кругомъ. Одинъ другого тащитъ, другъ дружкѣ помогаютъ. А безъ нихъ тутъ шага сту-

пить нельзя, — все изъ ихъ рукъ добывать приходится. Гдѣ-жъ тутъ съ ними равняться!

Вопросъ этотъ дѣйствительно крайне серьезенъ и можетъ разыграться очень невыгодно для Русскихъ. Всѣ наши крупныя затраты на области, завоеванныя кровью русскаго воинства, грозятъ въ концѣ концовъ послужить единственно къ сильнѣйшему развитію благосостоянія сартовъ, которые при прежнихъ варварскихъ властителяхъ Туркестана, при постоянныхъ усобицахъ и притѣсненіяхъ, разумѣется, не могли проявить всей своей торговой и промышленной энергіи, но тѣмъ не менѣе успѣли сдѣлаться, даже и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, основною экономическою силой всѣхъ этихъ полуразбойническихъ средне-азіатскихъ ханствъ.

Замѣчательно, что то же самое явленіе начинаетъ въ послѣднее время замѣчаться и въ Англійской Индіи. Какъ ни могуча торговля и промышленность Великобританца, Индусъ-Туземецъ мало-по-малу все болѣе и болѣе вытѣсняетъ его съ своихъ мѣстныхъ рынковъ и отбиваетъ отъ него всѣ профессіи, кромѣ пока инженерной.

Путешественники, хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ, объясняютъ это явленіе тѣми же чертами національнаго характера Индуса, на которыя я только-что указалъ выше, говоря о сартахъ,—именно его необыкновенною воздержанностью, выносливостью, трудолюбіемъ, къ которымъ еще прибавляется серьезное образованіе, получаемое Индусомъ въ англійскихъ школахъ Индіи.

Одновременно съ экономическою силой сартовъ разрастается съ каждымъ днемъ, по увѣренію мѣстныхъ русскихъ жителей, и распущенность ихъ нравовъ. Уже появляются и среди нихъ хорошо намъ знакомые типы ловкихъ банкротовъ, во́-время умѣющихъ припрятать чужія денежки; появляются кутилы и пьяницы, такъ рѣдко прежде встрѣчавшіеся среди мусульманъ; строгость исполненія религіозныхъ обрядовъ сильно ослабѣла,

честное слово, когда-то ненарушимое, какъ каменная скала, уже начинаетъ терять всякое довѣріе, страсть къ тяжбамъ и жалобамъ дѣлается повальною, словомъ, происходятъ явленія, которыя обыкновенно сопутствуютъ первымъ попыткамъ привить внѣшнія формы цивилизаціи полупатріархальному обществу.

Мнѣ случалось говорить объ этихъ досадныхъ явленіяхъ съ людьми самыхъ противоположныхъ взглядовъ и самыхъ разнообразныхъ профессій, поэтому неудивительно, что я слышалъ и самыя противоположныя объясненія этихъ явленій. Молодые горячіе юристы, перенесшіе сюда въ азіатскія страны къ разбойничьимъ народамъ всю теоретическую вѣру свою въ побѣдоносную силу европейскаго права и европейскихъ гражданскихъ порядковъ, искренно убѣждены, что расшатанность нравовъ, дикость поступковъ туземнаго населенія—подерживается господствомъ военнаго режима и вызванною имъ неправильностью судебныхъ и административныхъ отправленій; они ждутъ всякихъ благъ отъ упраздненія исключительныхъ порядковъ управленія этою далекою окрайной и отъ приравненія ея къ нормальнымъ общерусскимъ порядкамъ.

Военные же люди и почти все безъ исключенія здѣшнее русское населеніе, живущее въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ туземцами, также искренно убѣждены, что вся бѣда въ преждевременномъ введеніи русскихъ судебныхъ уставовъ, разсчитанныхъ на болѣе или менѣе образованную среду, въ этотъ совсѣмъ еще дикій край, гдѣ до сихъ поръ царилъ безпощадный произволъ хановъ и бековъ, гдѣ не существовало никакого понятія о законности, а всѣ привыкли повиноваться только страху и силѣ.

— Помилуйте, говорилъ мнѣ съ негодованіемъ одинъ очень авторитетный русскій житель Ташкента, имѣвшій возможность со всѣхъ сторонъ изучить бытъ туземцевъ.—Вѣдь мы нашли тутъ, въ Туркестанѣ, такую строгость нравовъ, о которой у насъ и понятія не имѣютъ. Слово самаго маленькаго начальника для нихъ было закономъ. Послушаніе изумительное. Честность такая

вездѣ была, что ни одинъ домъ на ночь не запирался; въ Ташкентѣ, впрочемъ, и до сихъ поръ они не запираются по старой памяти, хотя уже воровство удесятерилось противъ прежняго. А отчего? Страхъ былъ. У киргизовъ бекъ смертью могъ казнить всякаго. За первое воровство—руку рубилъ, за второе—голову долой. А теперь ввели эти наши нелѣпые новые суды. «Признаете ли вы себя виновнымъ?» и подобныя глупости. Розенбахъ все это натворилъ, Европу хотѣлъ сразу насадить въ нашей Киргизіи. Сажаютъ въ тюрьму на мѣсяцъ, на два за то самое, за что̀ вчера еще смертью наказывали, да еще и содержатъ тамъ, какъ какихъ-нибудь воспитанницъ Института для благородныхъ дѣвицъ, говядиной кормятъ, чаемъ поятъ. Того не сообразятъ, что это разбойники по всѣмъ своимъ вкусамъ и инстинктамъ, тѣ же звѣри степные, только на двухъ ногахъ. Они чуть не ежедневно привыкли головы рѣзать своему же брату киргизу или сарту. Давно ли отрѣзанныя головы, какъ арбузы, валялись по дорогѣ въ Самаркандъ. Ну, какъ же такого хищника кровожаднаго пустыми школьными мѣрами пробрать? И потомъ, кто у насъ судитъ? Пріѣзжаютъ молодые люди съ Невскаго проспекта, неопытные, знающіе только свои книжки, привыкшіе только къ гостинымъ, ни по-сартски, ни по-киргизски—ни слова, никогда въ глаза азіата не видали, ну, что они поймутъ въ его дѣлахъ, въ его ссорахъ и обидахъ? Зато ужъ и путаницу натворили. Примѣняютъ русскій сводъ законовъ къ земельнымъ дѣламъ какого-нибудь киргиза или сарта. Киргизы владѣютъ и судятся по адатамъ своимъ, а сарты по Магометову закону, по шаріату, а какіе-такіе адаты и что такое за шаріатъ — наши судьи, разумѣется, и во снѣ не видали. А судить надо, коли сартъ съ киргизомъ споритъ, потому что ихніе туземные суды только для киргиза съ киргизомъ или для сарта съ сартомъ, а коли изъ разныхъ племенъ—то должны въ русскій судъ.

«Ну и приходится отъ киргизскаго кочевника купчихъ требовать, утвержденныхъ старшимъ нотаріусомъ или вводныхъ листовъ, какъ по русскому закону надлежитъ... Прежде, до этихъ

судовъ, начальники наши военные гораздо короче и проще все это разбирали. Жалобъ было гораздо меньше. А теперь то и дѣло на самихъ уѣздныхъ начальниковъ съ жалобами лѣзутъ. То, бывало. уѣздный начальникъ на семь дней могъ подъ арестъ всякаго туземца посадить, не давая никому отчета, или пятнадцатью рублями оштрафовать,—такъ народъ чувствовалъ, что онъ дѣйствительно начальникъ, слушался, боялся. А теперь, видите ли, такое опредѣленіе уѣздаго начальника подлежитъ еще обжалованію въ теченіе семи дней, стало-быть, приводить въ исполненіе нельзя, нужно ждать, пока вся эта кляуза будетъ тянуться. Ну, какое же это наказаніе, какой это начальникъ? Понятно, что всякій авторитетъ подорвали!»

Сторонники этого взгляда увѣряютъ, что только благодаря старымъ военнымъ порядкамъ и нагнанному прежде страху въ Туркестанѣ сохраняется пока порядокъ и спокойствіе; преступленій противъ русскихъ почти не бываетъ, русскій человѣкъ можетъ безопасно проходить и проѣзжать гдѣ угодно, никто и не подумаетъ тронуть его. Но этотъ трепетъ азіатовъ передъ русскимъ именемъ былъ достигнутъ не легко и стоилъ не дешево. Необходимы были безпощадныя кровавыя расправы съ туземцами за малѣйшую ихъ попытку напасть на русскаго,—прежде чѣмъ могло установиться въ странѣ теперешнее вполнѣ безопасное положеніе. Цѣлые кишлаки выжигались до тла за какое-нибудь одно тѣло убитаго русскаго, найденное по сосѣдству. И иначе поступать было невозможно съ народомъ, для котораго грабежъ и убійство были обычною стихіей.

Что касается до меня лично, то, вслушиваясь въ рѣчи спорящихъ и всматриваясь въ окружавшую меня жизнь, я, при всемъ сочувствіи къ благороднымъ и просвѣщеннымъ упованіямъ нашихъ мѣстныхъ юристовъ,—не могъ не сознавать, что, къ сожалѣнію, суровая практика здѣшней жизни требуетъ, кажется, именно тѣхъ суровыхъ практическихъ мѣръ, за которыя съ такимъ единодушіемъ стоятъ не только военные, но и всѣ вообще долго пожившіе здѣсь опытные люди.

XI.

Камеланскія ворота.

Мнѣ не хотѣлось уѣхать изъ Ташкента, не поклонившись праху геройскихъ покорителей его.

Верхами выѣхали мы съ сыномъ раннимъ, но уже жаркимъ утромъ изъ своей тѣнистой дачи. Намъ нужно было посѣтить знаменитыя Камеланскія ворота, у которыхъ рѣшилась участь Ташкента и гдѣ были похоронены наши павшіе воины.

Сначала мы долго ѣхали роскошною тополевою аллеею, которою заканчивается, вступая въ Ташкентъ, большая Самаркандская дорога. Тѣни деревьевъ-гигантовъ были такъ густы, что бодрящая сырость ночи лежала еще нетронутая дневнымъ лучемъ на бѣлыхъ камняхъ дороги, съ обѣихъ сторонъ освѣжаемой гулко бѣжавшими арыками.

Застоявшіяся сытыя лошади радостно фыркали и нетерпѣливо грызли удила, порываясь пуститься вскачь по гладкоубитому шоссе, но мы сдерживали ихъ и ѣхали ровною рысцой, впивая всѣми порами своими тихую красоту утра. Свернули потомъ влѣво, въ узкіе, вьющіеся змѣею, переулки сартскаго города, который мы должны были перерѣзать теперь въ самыхъ его далекихъ окраинахъ, мимо крошечныхъ лавченокъ и домишекъ, навстрѣчу цѣлымъ караванамъ верблюдовъ и арбъ, тянувшимся къ центральнымъ базарамъ Ташкента. Тутъ уже настоящій азіатскій кишлакъ, нисколько не напоминающій столицу Туркестана. Все время ѣдешь подъ тѣнью вѣтвистыхъ густолиственныхъ карагачей и орѣховъ, которые, можетъ быть, помнятъ еще Тамерлана, а старая глиняная стѣна, невѣроятной толщины и изрядно еще высокая, почти всюду провожаетъ насъ слѣва. Это былая крѣпостная ограда нѣкогда воинственнаго и могучаго Ташкента, кое-гдѣ уже разрушенная и лежащая во прахѣ; теперь она безполезно отнимаетъ мѣсто у сосѣднихъ съ нею мир-

ныхъ обиталищъ, угрожая имъ неожиданнымъ паденіемъ въ какой-нибудь одинъ прекрасный день.

Камеланскія ворота были однимъ изъ главныхъ входовъ въ этой громадной стѣнѣ, охватывавшей городъ на пространствѣ 24 верстъ. Чтобы добраться къ нимъ мы забираемъ все лѣвѣе и лѣвѣе, черезъ лабиринты садовъ, которые своими неохватными зелеными кущами окружаютъ старый Ташкентъ.

Собственно говоря, настоящія Камеланскія ворота, которыя такъ отчаянно защищались сартами въ достопамятный день 15 іюня 1865 года, уже не существуютъ. Осталось только широкое отверстіе между стѣнами, по которому проходитъ дорога изъ степи въ городъ. Но тутъ уже, сбоку улицы, построены новыя ворота, не сартскія, а русскія, которыя ведутъ не въ городъ, а на русское солдатское кладбище. Они унаслѣдовали имя Камеланскихъ воротъ, на развалинахъ которыхъ ихъ воздвигнули.

Ворота эти очень живописны и характерны съ своими массивными каменными столбами, съ чугунными сартовскими пушками, которыми они украшены. Сурово воинственный входъ, вполнѣ подходящій къ суровому некрополису воиновъ, павшихъ въ кровавомъ бою. Тѣнистый садъ осѣнилъ теперь своими безмолвными зелеными шатрами и душистыми букетами своихъ весеннихъ цвѣтовъ это мѣсто недавней борьбы и крови. Лиловые ирисы на высокихъ стебляхъ мирно качаются среди бархатистыхъ газоновъ, устилающихъ этотъ бранный прахъ, будто толпы невинныхъ дѣтей, беззаботно играющія на могилахъ своихъ отцовъ...

Среди сада стоитъ увѣнчанная крестомъ изящная мраморная часовня строгаго русскаго стиля, — памятникъ главнымъ героямъ, сложившимъ здѣсь свои головы.

«Нѣтъ больше любви, какъ положить душу свою за други свои» — вѣщаетъ чудныя слова Спасителя золотая надпись на одной сторонѣ часовни.

«Господи! упокой души рабовъ твоихъ и сотвори имъ вѣчную память!» начертано на другой сторонѣ трогательная въ

своей простотѣ и краткости христіанская молитва. На бѣлой мраморной доскѣ внутри часовни перечислены 64 имени офицеровъ и солдатъ, подъ ней похороненныхъ.

Другая мраморная гробница сейчасъ же сзади часовни. По четыремъ угламъ ея четыре кучки ядеръ, самая выразительная могильная надпись. Сторожъ показалъ намъ еще обширное мѣсто въ глубинѣ сада, налѣво, ничѣмъ не обнесенное и не отмѣченное никакимъ памятникомъ, подъ которымъ, по словамъ его, тоже похоронено много солдатъ, убитыхъ на приступѣ.

Каждый годъ 15 іюня въ день этого славнаго приступа сюда направляется крестный ходъ изъ Ташкентскаго военнаго собора и служится торжественная панихида на могилахъ павшихъ героевъ. Но и въ другіе дни нѣкоторые русскіе жители Ташкента любятъ пріѣзжать на Камеланское кладбище — посидѣть и помечтать въ тѣни его тихаго сада и напиться чайку въ совершенно деревенской обстановкѣ. Столики и скамеечки устроены для этого въ уютныхъ уголкахъ сада, а у сторожа достаютъ самовары и все нужное для чая...

Мы тоже посидѣли на родныхъ могилкахъ, подъ тѣнью цвѣтущихъ деревьевъ, вспоминая былое. Русскій человѣкъ—скромный человѣкъ. Поэтъ съ особенно чуткою русскою душой сказалъ о немъ удивительно хорошо:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Чтó сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной...

Русскій герой менѣе всего считаетъ себя героемъ, не хвастаетъ и не позируетъ. Графъ Левъ Толстой чутьемъ своего художественнаго генія постигъ эту глубокую черту родного народа и нарисовалъ намъ въ «Войнѣ и Мирѣ» безсмертные типы смиренныхъ русскихъ героевъ въ лицѣ прапорщика Тушина и солдата Каратаева. Герои Франціи или Германіи, герои римскіе

и греческіе были совсѣмъ другіе. Герои есть у всѣхъ народовъ, но смиренный герой—это наше собственное русское дѣтище.

Что страннѣе всего, — это невнимательность къ своимъ героямъ, къ подвигамъ доблестныхъ сыновъ своихъ самого русскаго общества.

Мы наполняемъ свои дѣтскіе учебники, свои руководства исторіи и нравоучительныя книги—образцами мужества какихъ угодно народовъ и какихъ угодно вѣковъ, только не своего родного, не того, чтó происходитъ, можно сказать, на нашихъ собственныхъ глазахъ.

Вѣроятно, это тоже отъ смиренія, отъ отсутствія хвастливости и самомнѣнія. А между тѣмъ у насъ самихъ, на страницахъ нашей собственной, и даже недавней исторіи — можно бы было поучиться, пожалуй, чему-нибудь еще болѣе удивительному. Хороши разсказы о Спартанцахъ-Леонидахъ и Испанцахъ-Кортецахъ, но не ближе ли было бы намъ ознакомить дѣтей своихъ съ нашими русскими Кортецами и современными намъ Леонидами, съ защитниками какого-нибудь Баязета, съ завоевателями какого-нибудь Ташкента.

Въ отрядѣ Черняева было всего 2.000 солдатъ, когда онъ двинулся брать Ташкентъ. Взять его было необходимо, потому что разбойничьи азіатскія ханства видѣли въ немъ свой несокрушимый военный и торговый оплотъ. Бухарскій эмиръ, всегдашній врагъ Кокана, чуя грозу, надвигавшуюся съ сѣвера на средне-азіатское мусульманство, соединился на этотъ случай съ Коканскимъ ханомъ и поспѣшно собиралъ большое войско, чтобы занять Ташкентъ. А наша защитная линія, только-что успѣвшая охватить въ 1864 году земли всѣхъ киргизскихъ ордъ, признававшихъ власть Россіи, и замкнувшаяся взятіемъ Чимкента, отстояла такъ близко отъ Ташкента, что имѣть подъ рукой такой опасный и могучій очагъ враждебныхъ вліяній и враждебныхъ дѣйствій,—было въ высшей степени неблагоразумно. Черняеву необходимо было нанести такой рѣшительный ударъ, который

бы надолго оглушилъ вѣроломныхъ и дерзкихъ азіатовъ и пронесся бы раскатами грома по всей Азіи.

Это было тѣмъ необходимѣе, что его неудавшійся первый приступъ къ Ташкенту 2 октября 1864 г., взволновалъ воинственными надеждами и Бухару, и Коканъ, и Хиву; Коканъ, въ союзѣ съ могущественною Бухарой, собирался разомъ вернуть всѣ потерянныя имъ за послѣдніе годы крѣпости: Чимкентъ, Туркестанъ. Ауліе-Ата, Пишпекъ и др., а потому напрягъ всѣ свои силы на отчаянную борьбу. Въ мечетяхъ Самарканда, Бухары, Кокана и Маргелана — имамы объявляли «газаватъ», — войну противъ невѣрныхъ,—и сулили Магометовъ рай счастливцамъ, которые падутъ на полѣ брани во имя Аллаха и пророка его.

Ташкентъ, обнесенный высокими стѣнами, съ стотысячнымъ вооруженнымъ населеніемъ, еще не вполнѣ отвыкшимъ отъ наѣздничества и грабежей, защищался сверхъ того гарнизономъ регулярныхъ войскъ въ 15.000 и 63-мя пушками. 60.000 армія Бухарскаго эмира выступила къ нему на помощь съ юга. При такихъ обстоятельствахъ идти на приступъ Ташкента горсти русскихъ войскъ было положительнымъ безумствомъ съ точки зрѣнія обычнаго человѣческаго благоразумія.

Но Черняевъ зналъ себя, зналъ своего солдата—и смѣло двинулся впередъ. Сначала онъ взялъ кровавымъ приступомъ сосѣднюю съ Ташкентомъ крѣпость Ніазъ-Бекъ; она владѣла головищами всѣхъ большихъ ташкентскихъ арыковъ и господствовала надъ цѣлою долиной рѣки Чирчика, а черезъ $1^1/_2$ мѣсяца пришла очередь и самаго Ташкента.

Главную защиту Ташкента Худояръ-ханъ поручилъ знаменитому кокансному воителю и муллѣ кипчаку Алимкулу. Это былъ вполнѣ достойный соперникъ отважнаго русскаго полководца. Алимкулъ съ 6.000 отборнаго войска и 40 пушками встрѣтилъ маленькій отрядъ Черняева, не допустивъ его верстъ за семь до Ташкента, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ посѣщенный нами Никольскій поселокъ. Русскіе ветераны вполнѣ заслуженно овладѣли впослѣдствіи почвой, удобренною ихъ

кровью. Коканцы бились отчаянно. Алимкулъ всячески пытался воспользоваться многолюдствомъ своего отряда, чтобъ обойти наше войско съ тылу. Но стойкость закаленнаго въ бояхъ русскаго солдата одолѣла все. Коканцы были разбиты на-голову, и храбрецъ Алимкулъ палъ въ числѣ первыхъ. Глубокою ночью подъ 15 іюня 1865 года повелъ Черняевъ свой отрядикъ черезъ окрестные сады къ Камеланскимъ воротамъ. Колеса пушекъ были обвязаны войлокомъ, люди говорили шепотомъ, никто не курилъ, никакой шумъ не выдавалъ приближенія войска. Его было теперь всего 1.300 человѣкъ. Коканцы отрѣзали имъ тылъ, бухарцы надвигались спереди. Но русскіе храбрецы рѣшились твердо или взять Ташкентъ, или всѣмъ пасть подъ его стѣнами. Да и выбора другого имъ не было.

У сартовъ была ураза, и они, пропраздновавъ долго ночью, спали крѣпкимъ сномъ. Русскіе удальцы очутились на стѣнахъ и за воротами раньше, чѣмъ раздался первый выстрѣлъ. Это было въ $2^1/_2$ часа утра. Священникъ Маловъ одинъ изъ первыхъ полѣзъ на стѣну, съ крестомъ въ рукахъ. Тутъ закипѣлъ страшный бой. Самъ Черняевъ остался защищать ворота, ставшія теперь опорнымъ пунктомъ всего отряда, мужественно отбиваясь съ горстью храбрецовъ отъ отчаянно насѣдавшихъ на него безчисленныхъ скопищъ. Абрамовъ съ своею колонной двинулся вдоль стѣнъ къ Кашгарскимъ воротамъ, гдѣ его дожидалась другая маленькая колонна Краевскаго; въ то же время колонна Жемчужникова пошла прямо на цитадель, въ середину города. Каждый шагъ приходилось покупать кровью. Коканцы рѣзались въ переулкахъ, въ садахъ, на завалахъ, по вершкамъ уступали стѣну, перерѣзанную глиняными траверсами, обращали въ бойницу каждую саклю, стрѣляя безъ перерыва изъ оконъ, изъ подваловъ, изъ-за глиняныхъ заборовъ, окружавшихъ улицы. Всякій домъ нужно было брать приступомъ. Священникъ Маловъ ѣхалъ все время впереди солдатъ, высоко поднявъ въ рукѣ крестъ, ободряя робѣвшихъ и утомленныхъ, мужественно напутствуя умирающихъ.

— Батюшка! отпусти душеньку. Прими послѣдній вздохъ!— то и дѣло взывали къ нему умиравшіе на улицахъ солдатики.

Отецъ Маловъ останавливался, спрыгивалъ съ коня, выслушивалъ среди свиста пуль и стука оружія предсмертную исповѣдь, читалъ отпускную и смѣло ѣхалъ опять дальше впередъ, въ развалъ кипѣвшей всюду сѣчи. На груди у него висѣла дароносица на золотой цѣпи, въ рукѣ сверкалъ крестъ, свѣтлая священническая одежда обращала на него всеобщее вниманіе. Ташкентцы считали его главнымъ предводителемъ русскихъ, и пули сыпались въ него изъ-за каждаго увала, изъ каждаго окна, мимо котораго онъ проѣзжалъ. Но Богъ сохранилъ его невредимо; одинъ сарбазъ выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ, всего въ двухъ саженяхъ, и осѣкся; тогда онъ со всей силы ударилъ отца Малова прикладомъ ружья и разбилъ ему плечо. Солдатики, однако не дали въ обиду своего любимца-батюшку и живо подхватили на штыки разъяреннаго азіата.

Въ восьмомъ часу утра цитадель была занята, и разсѣянныя колонны соединились, наконецъ, вмѣстѣ. Среди стотысячнаго города, съ обхатомъ въ 25 верстъ, собралось всего 900 человѣкъ геройскихъ побѣдителей. Но городъ еще не думалъ сдаваться. Цѣлый день до глубокой ночи продолжалась кровавая рѣзня; даже ночью азіаты не давали покоя нашимъ утомленнымъ войскамъ, то и дѣло налетая на наши караулы и осыпая ихъ выстрѣлами.

Ночевали наши войска у Камеланскихъ воротъ, куда ихъ потребовалъ Черняевъ, совсѣмъ задавленный массами сартовъ. Съ ранняго утра 16 іюня возобновилась рѣзня и стрѣльба и шла опять до глубокой ночи. Городъ пылалъ въ разныхъ концахъ, зажженный нашими. Только на 3-й день, 17 іюня, когда всѣ надежды отбить у насъ городъ были потеряны, миролюбивая партія горожанъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ торговцевъ и промышленниковъ, одержала наконецъ верхъ надъ фанатиками-муллами и вліятельными аксакалами, хотѣвшими биться до послѣдней капли крови. Ташкентъ сдался на волю побѣди-

теля. Коканское войско ушло, но 63 пушки, 16 знаменъ, огромные военные и съѣстные запасы достались намъ въ добычу.

Бухарскій эмиръ былъ глубоко потрясенъ вѣстью о паденіи величайшаго и богатѣйшаго изъ туркестанскихъ городовъ. Имя Черняева стало славно въ самыхъ далекихъ углахъ Азіи, и ужасъ передъ непобѣдимымъ русскимъ оружіемъ овладѣлъ всѣми враждебными намъ ханствами.

Но даже этотъ сказочно-геройскій разгромъ Ташкента не такъ поразилъ воображеніе азіатовъ, какъ поразило ихъ спокойное мужество Черняева, который на другой же день послѣ кровопролитнаго боя отправился, будто ни въ чемъ не бывало, въ сопровожденіи только двухъ казаковъ, въ самый очагъ многолюдныхъ сартскихъ базаровъ вымыться, по русскому обычаю, въ банѣ послѣ понесенныхъ имъ боевыхъ трудовъ...

— Это не человѣкъ, а чародѣй!—говорили про него озадаченные сарты.—Его не беретъ ни пуля, ни желѣзо... И онъ не боится ничего!..

Другой, еще болѣе тѣнистый садъ развѣсилъ свои зеленые шатры какъ разъ противъ Камеланскаго кладбища, черезъ узкую улочку, сдавленную уцѣлѣвшими обрывками высокой крѣпостной стѣны.

Мусульманская «мазара», увѣнчанная полумѣсяцемъ, живописно выглядываетъ сквозь просвѣты деревьевъ. Тутъ тоже кладбище и тоже по всѣмъ правамъ Камеланское, потому что здѣсь покоятся защитники Камеланскихъ воротъ, убитые во время приступа.

Есть своего рода глубокій трагизмъ въ этомъ братскомъ сосѣдствѣ вражескихъ могилъ. Былые соперники словно остались на своихъ мѣстахъ, гдѣ они упорно бились другъ противъ друга, если не на землѣ, то хотя въ нѣдрахъ ея, не уступивъ ни вершка ни тѣ, ни другіе. Но мать-природа,—всеблагая какъ Создатель ея,—покрыла однимъ и тѣмъ же своимъ покровомъ любви прахъ всѣхъ своихъ мятежныхъ сыновъ, не различая ихъ

одеждъ и языка, и на своемъ миротворномъ лонѣ опять содѣлала ихъ братьями, созданными изъ одного праха и возвращенными въ тотъ же прахъ...

И надъ убитыми мусульманами, какъ надъ нашими православными солдатиками, также волнуется молодая зеленая трава, и глядятъ изъ нея своими веселыми разноцвѣтными глазками весенніе цвѣты, и сіяетъ въ царственномъ величіи, заливая своими огненными потоками синія бездны неба,—плодотворящее солнце...

Тутъ тоже погребены честныя сердца и геройскія души; и къ нимъ точно такъ же, какъ и къ побѣдителямъ ихъ, обращено бодрящее слово того Учителя истины, въ глазахъ Котораго не было эллиновъ и іудеевъ:

«Нѣсть больше любви, аще кто душу свою положитъ за други своя».

Въ серединѣ сада, похожаго на лѣсъ и усѣяннаго безпорядочно разбросанными глиняными кучками могилъ, стоитъ мирнымъ пастыремъ среди овецъ бѣлая мечеть съ характернымъ магометанскимъ куполомъ, увѣнчаннымъ обычною эмблемою всѣхъ средне-азіатскихъ мечетей,—гнѣздомъ аиста.

Два высокихъ шеста съ развѣвающимися конскими хвостами на мѣдныхъ шарахъ и съ бѣлою тряпкой вмѣсто знамени торчатъ, будто вооруженныя боевыя копья, у входа въ мечеть, обозначая собою могилы глубокочтимыхъ шейховъ, положившихъ здѣсь головы свои рядомъ съ простыми смертными.

Длинные горбы, сложенные изъ кирпича и смазанные сверху известью, покрываютъ ихъ священный для мусульманина прахъ. На одной могилѣ мраморная плита съ арабскою надписью и бараньи рога, принесенные въ жертву какимъ-либо благочестивымъ почитателемъ покойнаго шейха. Такіе рога я видѣлъ иногда во множествѣ въ мазарахъ Средней Азіи. Конечно, это наивные остатки древняго языческаго культа, укоренившагося здѣсь, можетъ быть, за многіе вѣка до магометанства.

Недалеко отъ мечети—старая часовенька, тоже подъ куполомъ, съ башенькой-отдушиной наверху. Это цистерна для намаза. Мы сошли въ глубину ея по каменнымъ ступенямъ. Вода, повидимому, давно высохла въ ней, и затхлая сырость проникаетъ ея глухіе своды.

Нѣсколько крытыхъ сквозныхъ галлереекъ устроены въ разныхъ мѣстахъ, среди могилъ, для молитвы. Вѣроятно, родные убитыхъ приходятъ сюда въ извѣстные дни и молятся въ этихъ семейныхъ притворахъ, за тѣснотою крошечной мечети...

Въ другихъ мѣстахъ сдѣланы съ тою же цѣлью простыя глиняныя насыпи, выровненныя сверху. На одной такой насыпи, какъ разъ противъ входныхъ дверей мечети, шагахъ въ пятидесяти отъ нея, молился, стоя подъ тѣнью дуба, нищенствующій дервишъ, въ своемъ типическомъ остромъ колпакѣ, опушенномъ мѣхомъ, и въ одеждѣ изъ пестрыхъ лоскутковъ...

Онъ повѣсилъ на вѣтви дуба дорожныя сумки свои и тыквенную баклагу для воды, а самъ стоялъ на разостланномъ молитвенномъ коврикѣ, поднявъ передъ собою, будто раскрытую книгу, обѣ ладони рукъ и вперивъ глаза въ мечеть, по направленію священной каабы. Справа отъ него былъ воткнутъ въ землю желѣзный прутъ съ рогулькой, на которой висѣли четки и большой, узорно выточенный посохъ, съ повѣшеннымъ на немъ кожанымъ футляромъ для корана.

Должно быть онъ предавался во время своей молитвы за дорогихъ ему покойниковъ не особенно дружелюбнымъ воспоминаніямъ о собакахъ-урусахъ, потому что, проходя въ другой разъ мимо его, мы уже увидѣли его до̀-гола бритый синій затылокъ. Чтобы не осквернять своихъ правовѣрныхъ очей нашими нечестивыми ликами, благочестивый ходжа повернулся къ намъ спиною и молился теперь уже не на мечеть, а на свои четки...

Мы долго еще бродили по этому пустынному лѣсу-кладбищу въ трогательной тишинѣ жаркаго лѣтняго утра. Пчелы назой-

ливо жужжали въ цвѣтахъ, пахнувшихъ медомъ, желто-золотыя и голубыя бабочки трепетали въ голубомъ и золотомъ воздухѣ, муравьи съ какою-то ожесточенною торопливостью работали надъ своими кучами, перетаскивая въ нихъ своими безконечными вереницами опавшія летучки вяза... Тучныя, красныя коровы, забравшись по-пузо въ сочную траву лощинъ, жевали ее въ безмолвномъ наслажденіи, не тревожимыя никѣмъ. А тамъ вверху, высоко надъ головами нашими, въ густой листвѣ деревьевъ скакало и прыгало, пищало, свистѣло, пѣло и щебетало разноперое и разноголосое птичье населеніе, что вило тамъ свои гнѣзда, любило и плодилось, и кормило своихъ птенчиковъ...

Всякая тварь дѣятельно хлопотала о себѣ, спѣшила жить каждая своими радостями; вѣчно неистощимая и вѣчно творящая природа вызвала эту новую кипучую жизнь, эти новые безчисленные организмы изъ праха, гніющаго въ темныхъ нѣдрахъ земли, и покрыла ихъ радостно сверкающими красками ея траурный ликъ...

Нельзя не вспомнить съ благоговѣніемъ мудрецовъ далекой древности, которые своимъ чуткимъ сердцемъ, можетъ быть, больше, чѣмъ своимъ умомъ, первые постигли тайны этого чудеснаго безостановочнаго круговорота міровой жизни, и выразили это въ великихъ идеяхъ метампсихозиса, заключающихъ въ себѣ гораздо болѣе глубокаго смысла, чѣмъ это обыкновенно думаютъ люди, не имѣющіе привычки вдумываться въ подобные вопросы...